

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ
И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ РФ
Федеральное государственное
бюджетное образовательное
учреждение высшего
профессионального образования
«Московский государственный
юридический университет
имени О.Е. Кутафина (МГЮА)»

VIII МОСКОВСКИЙ ЮРИДИЧЕСКИЙ ФОРУМ

XIX Международная
научно-практическая конференция
(Кутафинские чтения)

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ И КАЧЕСТВО ПРАВОВОЙ СРЕДЫ

ЧАСТЬ 4

Новое экономическое уголовное право

Качество правоприменения в уголовном
судопроизводстве и его влияние
на социально-экономическое развитие

Криминалистическое обеспечение
социально-экономического развития общества

Правовое и судебно-экспертное обеспечение собирания
и исследования цифровых следов в судопроизводстве

Адвокатура как индикатор состояния гражданского
общества, права и экономики:
традиционные и цифровые подходы

Новые задачи юридической науки о нотариате
в свете реформы российского права

Москва
2021

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ
И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ РФ
Федеральное государственное бюджетное образовательное
учреждение высшего профессионального образования
«Московский государственный юридический университет
имени О.Е. Кутафина (МГЮА)»

VIII МОСКОВСКИЙ ЮРИДИЧЕСКИЙ ФОРУМ

XIX Международная
научно-практическая конференция
(Кутафинские чтения)

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ И КАЧЕСТВО ПРАВОВОЙ СРЕДЫ

ЧАСТЬ 4

Новое экономическое уголовное право

Качество правоприменения в уголовном
судопроизводстве и его влияние
на социально-экономическое развитие

Криминалистическое обеспечение
социально-экономического развития общества

Правовое и судебно-экспертное обеспечение собирания
и исследования цифровых следов в судопроизводстве

Адвокатура как индикатор состояния гражданского
общества, права и экономики:
традиционные и цифровые подходы

Новые задачи юридической науки о нотариате
в свете реформы российского права

Москва
Издательский центр
Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
2021

Председатель редакционного совета сборника:

Синюков В. Н., проректор по научной работе Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации

Редакционная коллегия:

Звечаровский И. Э., доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой уголовного права, *Воскобитова Л. А.*, доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой уголовно-процессуального права, *Ищенко Е. П.*, доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой криминалистики, *Антонян Е. А.*, доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой криминологии и уголовно-исполнительного права, *Россинская Е. Р.*, доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой судебных экспертиз, *Корсик К. А.*, доктор юридических наук, доцент, заведующий кафедрой нотариата, *Володина С. И.*, кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой адвокатуры, *Кочои С. М.*, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного права, *Бимбинов А. А.*, кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного права, *Воронин В. Н.*, кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного права, *Мальшева О. А.*, доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры уголовно-процессуального права, *Вилкова Т. Ю.*, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовно-процессуального права, *Мацкевич И. М.*, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры криминологии и уголовно-исполнительного права, *Комиссарова Я. В.*, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры криминалистики, *Постелов О. В.*, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры адвокатуры, *Лебедева А. К.*, кандидат юридических наук, доцент кафедры судебных экспертиз.

С 692 Социально-экономическое развитие и качество правовой среды : сборник докладов VIII Московского юридического форума : в 5 ч. Ч. 4. — Москва : Издательский центр Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), 2021. — 388 с.

ISBN 978-5-906685-80-3

8–10 апреля 2021 года в Московском государственном юридическом университете имени О.Е. Кутафина (МГЮА) состоялась серия научных мероприятий, объединенных идеей VIII Московского юридического форума «Социально-экономическое развитие и качество правовой среды», который прошел в гибридном формате.

В сборник включены материалы конференций, круглых столов, дискуссионных площадок, в том числе с международным участием, проводившихся в рамках Форума. Доклады представлены учеными, преподавателями и практиками из разных городов России, а также из других стран.

Сборник рекомендуется для научных работников, преподавателей, аспирантов, обучающихся юридических вузов и факультетов. Представляет интерес для руководителей органов государственной власти и местного самоуправления, сотрудников правоохранительных органов, бизнес-сообщества.

УДК 34(470 + 571)
ББК 67.4(2)

Научное издание
Социально-экономическое развитие и качество правовой среды
Часть 4
Сборник докладов

Подписано в печать 17.11.2021. Формат 60×90/16.

ISBN 978-5-906685-80-3

© Московский государственный
юридический университет
имени О.Е. Кутафина (МГЮА), 2021

СОДЕРЖАНИЕ

III БИЗНЕС-КОНФЕРЕНЦИЯ «НОВОЕ ЭКОНОМИЧЕСКОЕ УГОЛОВНОЕ ПРАВО»

Бимбинов А. А. Охрана имущественных прав нормами Уголовного уложения Германии об ответственности за преступления против сексуального самоопределения	9
Васильева Е. Г. Цифровой рубль как предмет хищения: проблемы квалификации	11
Воронин В. Н. Ретрибутивизм, справедливость наказания и учет общественного мнения в современном уголовном праве	16
Гладких В. И. Почему не работает статья 172.2 УК РФ об ответственности за создание «финансовых пирамид»?	19
Голикова А. В. О невозможности сохранения категории «хищение» в Уголовном кодексе Российской Федерации	24
Дашков Г. В. Предупреждение преступлений в сфере экономики посредством совершенствования миграционных правоотношений	28
Жирнова В. Л. О необходимости совершенствования механизмов привлечения к ответственности за причинение ущерба централизованным системам водоснабжения и водоотведения, а также их элементам и оборудованию	32
Зацепин М. Н., Зацепин А. М. Преступность уходит в теневую экономику (криминологическая характеристика)	36
Кириллова Я. М. Экономические преступления, совершаемые участниками корпоративных конфликтов	40
Кунев Д. А. О некоторых аспектах криминального оборота криптовалют	44
Лавринов В. В. Некоторые вопросы формулирования уголовно-правовых норм о таможенных преступлениях	47
Мурадян С. В. К вопросу об использовании векселей в схемах легализации (отмывания) денежных средств	50
Осипов И. В., Курилов С. И. Квалификация преступлений в сфере обращения ценных бумаг по размерным признакам	54
Подройкина И. А. Современное состояние законодательства в области противодействия экономической преступности	58
Рябова А. Ю. «Дробление» бизнеса как налоговая оптимизация: уголовный закон и практика	62
Трапаидзе К. З. Освобождение несовершеннолетнего от наказания (ч. 1 ст. 92 УК РФ): вопросы практики и теории	67
Устинова Т. Д. О некоторых проблемах применения ст. 200.4 УК РФ	71
Яковлева Л. В. Правовая регламентация ответственности за фальшивомонетничество: современное состояние и перспективы совершенствования	74

МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ «КАЧЕСТВО ПРАВООПРЕДЕЛЕНИЯ В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ И ЕГО ВЛИЯНИЕ НА СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ»

Богатырев Д. В. Отграничение злоупотребления правом в уголовном судопроизводстве от смежных правовых явлений	79
Лазарева Л. В. Обеспечение права на производство следственных действий в сокращенном дознании (на примере судебной экспертизы)	81
Мурылева-Казак В. В. Проблемы разграничения уголовно-процессуальных и гражданско-процессуальных средств защиты прав при снятии ареста, наложенного на имущество иных лиц в рамках производства по уголовному делу	85
Осипов А. Л. Качество правоприменения при избрании меры пресечения в виде заключения под стражу по делам о преступлениях экономической направленности	88
Османова Н. В. Концепция осуществления уголовного преследования требует пересмотра	92
Чеботарева И. Н., Пашутина О. С., Ревина И. В. Отграничение отказа от субъективного права в уголовном процессе от смежного правового явления — лишение возможности использования права	96

НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ «КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ ОБЩЕСТВА»

Александрова Е. Г. Особенности работы со следами на беспилотном летательном аппарате	101
Антилевская Ю. А. Экспертные ошибки в судебно-экспертной деятельности: современные подходы и тенденции	103
Баринов Е. Х., Джувалыков С. Л., Земерова Е. Е. Проблема инвалидизации женщин вследствие оказания акушерско-гинекологической помощи	109
Бессонов А. А. Искусственный интеллект как инструмент решения задач современной криминалистики	112
Васильева О. А. Криминалистические свойства проверки и оценки криминалистически значимой информации, полученной при производстве следственных действий	116
Волохова О. В. Алгоритм следственного действия — путь к его оптимальному проведению	121
Горбунова Е. Ю. Электронный документооборот компаний как источник криминалистически значимой информации при раскрытии и расследовании преступлений экономической направленности	124
Давыдов В. О. К вопросу о трансформации криминальных угроз в условиях пандемии COVID-19: криминалистически значимые аспекты	127
Дёмин К. Е. О понятии «противодействие расследованию» как криминалистической категории	132

Джувальяков С. Л., Баринов Е. Х., Калинин Р. Э. Профилактика материнской смертности при оказании акушерской помощи	136
Егоров Н. Н. Технично-криминалистическое обеспечение поиска и обнаружения доказательств	139
Жаворонков В. А. О роли цифровых технологий для получения дополнительной информации при производстве судебных экспертиз маркировочных обозначений транспортных средств	146
Жариков Е. В. Проблемные вопросы возмещения вреда в сфере уголовного процесса	150
Жижина М. В. Информационные технологии в судебно-почерковедческой экспертизе: как метод и как объект исследования	152
Задорожный А. А., Махтаев М. Ш. К вопросу о технико-криминалистическом обеспечении раскрытия и предупреждения террористических актов, совершаемых с использованием радиоуправляемых взрывных устройств	156
Игнатьев Л. М. Противодействие расследованию мошенничества в сфере страхования и способы его преодоления	160
Комаров И. М. Криминалистически значимые сведения о технологии «блокчейн» и криптовалют	165
Комиссарова Я. В. Диагностика информационного состояния субъекта в системе криминалистического распознавания	170
Корма В. Д. Виды моделей технологии криминалистического распознавания	175
Костюченко О. Г. Понятие осмотра места происшествия	178
Кручинина Н. В. Криминалистическое обеспечение конкурентоспособности России в области генетических технологий	182
Куркова Н. А., Макарова О. А. Криминалистическое обеспечение использования специальных знаний в гражданском судопроизводстве	185
Махтаев М. Ш. Экспертная инициатива в сфере уголовного судопроизводства	189
Милованова М. М. Проблемные вопросы участия педагога и психолога при допросе несовершеннолетних и особенности подготовки к нему	194
Опальский А. П., Выборный А. А. К вопросу о криминалистическом распознавании признаков манипулирования рынком	198
Першин А. Н., Новиньков А. Ю. Криптовалюта как предмет криминалистического познания	201
Полстовалов О. В. Криминалистическая профилактика на уровне установления противоправных намерений: научная рефлексия трагедии в Казани	205
Попов В. П. Криминалистические средства защиты вспомогательных репродуктивных технологий	209
Посельская Л. Н. Тактика использования специальных знаний при осмотре и выемке документов, сформированных на электронных носителях	212

Харина Э. Н., Сабитова С. Э. Преступное нарушение санитарно-эпидемиологических норм и распространение заведомо ложных сведений в условиях пандемии: уголовно-правовой и криминалистический аспекты	216
Холопова Е. Н. Противодействие преступлениям, связанным с применением биологического оружия	221

КРУГЛЫЙ СТОЛ С МЕЖДУНАРОДНЫМ УЧАСТИЕМ «ПРАВОВОЕ И СУДЕБНО-ЭКСПЕРТНОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ МЕДИАБЕЗОПАСНОСТИ В ЦИФРОВОЙ СРЕДЕ»

Аминев Ф. Г. О некоторых проблемах медиабезопасности в судебно-экспертной деятельности	226
Бордюгов Л. Г., Ревяков И. С. Признаки информации экстремистского характера в современном медиапространстве	229
Богатырев К. М. Формы использования специальных речеведческих знаний для обеспечения медиабезопасности в цифровой среде	233
Галяшина Е. И. Аудиофейки как угроза медиабезопасности: проблемы выявления и противодействия	237
Дорошенко Е. И. Особенности рельефа современного медийного пространства: угрозы и вызовы	243
Мыскина К. М. К вопросу о принципе соблюдения конфиденциальности информации при производстве судебных экспертиз	246
Никишин В. Д. Медиабезопасность в цифровой среде как составная часть личной безопасности	249
Троицкая Т. А. Неочевидные опасности публичных цифровых ресурсов и возможности экспертной профилактики	252

КРУГЛЫЙ СТОЛ С МЕЖДУНАРОДНЫМ УЧАСТИЕМ «ПРАВОВОЕ И СУДЕБНО-ЭКСПЕРТНОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ СОБИРАНИЯ И ИССЛЕДОВАНИЯ ЦИФРОВЫХ СЛЕДОВ В СУДОПРОИЗВОДСТВЕ»

Белякова Е. Г. О классификации объектов судебной финансово-экономической экспертизы по делам о преднамеренном банкротстве юридических лиц	256
Богатырев К. М. Проблема автоматизации мониторинга цифровой среды на предмет выявления информации, представляющей угрозу медиабезопасности (сбор, документирование и оценка)	258
Бодров Н. Ф., Лебедева А. К. Судебно-экспертное исследование синтезированной звучащей речи	263
Галяшина Е. И. Цифровые фонограммы как доказательства и экспертиза их аутентичности	267
Горбунова Е. Ю. Судебно-экспертное обеспечение собирания и исследования цифровых следов по преступлениям экономической направленности	272
Дьяконова О. Г. Учение о сведущих лицах в структуре судебной экспертологии	276
Зинин А. М. Цифровые изображения как объекты судебной портретной экспертизы	281

Карепанов Н. В. Современные парадигмы выявления цифровых следов при расследовании преступлений	282
Кирков А. Н. Проблемы с изъятием, хранением и управлением цифровыми электронными доказательствами	286
Ковтун И. В. Проблема экспертной оценки при формировании выводов	289
Коринь А. В. Назначение комплексных судебных экспертиз в условиях цифровизации	292
Лапина И. А., Тагунова К. Д. О проблемных аспектах в сфере судебно-экспертной деятельности в Республике Беларусь и Российской Федерации в условиях современного цифрового общества	295
Лапина И. А., Омелянюк Г. Г., Усов А. И. О совершенствовании судебно-экспертной деятельности в условиях цифровых трансформаций	297
Мыскина К. М. Генезис судебно-экспертной этики в эпоху цифровизации	300
Неретина Н. С. Профессиональный стандарт судебного эксперта в аспекте экспертной дидактики	303
Нестеров А. В. Особенности следов-данных в цифровых системах	307
Пивоваров Ф. Ю. Особенности подготовки объектов — цифровых следов на судебно-бухгалтерскую экспертизу по делам о защите прав спортсменов	311
Посельская Л. Н. Прикладное значение криминалистического обеспечения расследования преступлений при переходе к цифровой экономике	315
Проткин А. А., Бондаренко Р. В., Гулина Е. Г. Факторы, влияющие на изменения подписи во времени	320
Россинская Е. Р. Особенности следственных ситуаций с цифровыми следами при расследовании компьютерных преступлений	326
Рядовский И. А. Технология и тактика следственного осмотра по делам о компьютерных преступлениях	331
Саркисян А. А. Протокол работы с цифровыми следами	336
Семикаленова А. И. Тактические особенности сбора доказательственного материала по гражданским и арбитражным делам, связанным с цифровыми технологиями	338
Чернянская М. С. Участие негосударственных судебно-экспертных организаций в исследовании цифровых следов	341
Черняев С. В., Черняев В. С. Исследование радиоэлектронных устройств в компьютерно-технической экспертизе	345

КОНФЕРЕНЦИЯ «АДВОКАТУРА КАК ИНДИКАТОР СОСТОЯНИЯ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА, ПРАВА И ЭКОНОМИКИ: ТРАДИЦИОННЫЕ И ЦИФРОВЫЕ ПОДХОДЫ»

Багрян А. А. Действия защитника по выявлению и исключению неотнормированной информации на предварительном следствии	350
Баренбойм П. Д. Престиж профессии и престиж отдельного адвоката неразрывны	352

Васяев А. А. Международный адвокатский запрос	354
Казакевич К. М. Усиленная квалифицированная электронная подпись для адвоката как основной инструмент обеспечения доступа к правосудию в условиях пандемии	361
Макаров С. Ю. Преодоление проблем электронизации адвокатского запроса в контексте адвокатуры как части гражданского общества	364
Романова В. Е. Представление интересов иностранных инвесторов в арбитражных судах в текущей экономической ситуации и в период пандемии	366
Скабелина Л. А. Гибридные формы электронного обучения в системе повышения квалификации адвокатов	370
Темир-Булатова А. А. Формирование адвокатом правовой позиции по делам в сфере оборота гражданского оружия	373
Филипп Л. В. Механизмы обеспечения защиты прав и свобод граждан со стороны адвоката и омбудсмена	378
Шаповал А. Б. Этические пределы комментариев адвоката для СМИ	381

**НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ
«НОВЫЕ ЗАДАЧИ ЮРИДИЧЕСКОЙ НАУКИ
О НОТАРИАТЕ В СВЕТЕ РЕФОРМЫ РОССИЙСКОГО ПРАВА»**

Арзумян Д. А. Взаимодействие адвоката и нотариуса в рамках правозащитной деятельности: организационные и правовые аспекты	386
--	-----

Бимбинов А. А.,
кандидат юридических наук, доцент
кафедры уголовного права Московского
государственного юридического
университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

ОХРАНА ИМУЩЕСТВЕННЫХ ПРАВ НОРМАМИ УГОЛОВНОГО УЛОЖЕНИЯ ГЕРМАНИИ ОБ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА ПРЕСТУПЛЕНИЯ ПРОТИВ СЕКСУАЛЬНОГО САМООПРЕДЕЛЕНИЯ¹

Как известно, проституция — «древнейшая профессия»². В Германии отношение к этой деятельности изменялось неоднократно. В XIV–XV веках почти во всех крупных городах были бордели, отчислявшие налоги в соответствующие городские бюджеты. Общества, оказывающие сексуальные услуги, существовали и при религиозных объектах. Историкам удалось зафиксировать случай бунта бывших проституток, который произошел в 1492 году в монастыре Святой Марии Магдалены из-за принудительного труда³.

В 1794 году Общий прусский закон постановил, что «распутные женщины» должны посещать публичные дома только под надзором государства. А в 1871 году уголовным законом публичные дома и «коммерческий блуд» объявлялись запрещенными. Однако редакция закона 1876 года устанавливала наказание только в том случае, если женщина занималась проституцией вне надзора полиции.

XX век характеризуется разнонаправленными тенденциями: в начале века проституция объявляется «вредной для общества»; в 30-е годы интенсификация борьбы с ней происходит параллельно с деятельностью по борьбе с распространением венерических заболеваний; во время войны публичные дома организуются Вермахтом на оккупированных территориях; в Западной Германии послевоенного периода проституция — явление законное, но аморальное.

Окончательное определение проституции как вредной для общества установлено решением Федерального административного суда ФРГ от 1965 года, в котором проституция приравнена к профессиональной преступной деятельности (BVerwGE 22, pp. 286, 289).

Однако все меняется на рубеже веков. 1 декабря 2000 года Берлинский административный суд, рассматривая иски, поданные активистами проституции, постановил, что, несмотря на моральное осуждение, добровольная проституция соответствует современным ценностям, а сексуальные услуги — это социальная реальность.

¹ Работа выполнена в рамках гранта Президента Российской Федерации для государственной поддержки молодых российских ученых № МК-4898.2021.2.

² Многие исследователи полагают, что обозначение проституции в качестве древнейшей профессии не имеет под собой реальных научных оснований. Оборот «древнейшая профессия» является лишь растиражированным эвфемизмом. См. об этом, например: Keegan A. World's oldest profession has the night off // Chicago Tribune. 1974. July 10.

³ Hausen und Hegen // Der Spiegel. № 15. 1965. URL: <https://www.spiegel.de/politik/hausen-und-hegen-a-6ab0bbd5-0002-0001-0000-000046272150?context=issue>.

В сентябре 2001 года Федеральный административный суд ФРГ подал апелляцию в Европейский Суд по делу о выдворении проституирующего лица из Нидерландов. В своем решении от 20 ноября 2001 года Европейский Суд признал, что проституция является индивидуальной деятельностью человека как часть общей экономической жизни в соответствии со статьей 2 Договора об учреждении Европейского экономического сообщества (EuGH v. 20. November 2001 — Rs. C-268/99). Данное решение послужило толчком к принятию в Германии федерального закона о регулировании правовых отношений проституирующих лиц (Prostitutionsgesetz — ProstG) от 20 декабря 2001 года (BGBl. 2001 I S. 3983).

До вступления в силу этого закона договоры о сексуальных услугах обычно считались аморальными по смыслу статьи 138 Гражданского кодекса Германии (BGB). Юридическим последствием аморальности является недействительность договора. Таким образом, ни клиент, ни проституирующее лицо не имели никаких прав при оказании сексуальных услуг, в том числе права на вознаграждение.

Новый закон изменил эту ситуацию. Согласно § 1 ProstG если действия сексуального характера были совершены за заранее оговоренную плату, то такое соглашение является юридически действительным договором, в том числе в контексте трудовых отношений.

§ 2 закона гарантирует, что возражения против безнравственности в связи с типом предоставленных услуг в такой же степени исключены, как и возражения по поводу плохой работы: доказательства качества предоставленных услуг не должны приниматься и рассматриваться судом. Тем не менее возможны иные возражения, например такие, как недееспособность клиента и тому подобное.

Важным положением закона является также то, что требование в рамках договора об оказании сексуальных услуг не может быть переуступлено и может быть заявлено только от имени сторон этого договора. Таким образом переуступка платящего требования признается невозможной. Претензии не могут быть заявлены никакими другими лицами (например, посредниками, сутенерами и т.п.), кроме самого проституирующего лица.

Новое регулирование проституции потребовало изменений уголовного законодательства. Так, § 180а в действующей редакции установлена ответственность за эксплуатацию лиц, занимающихся проституцией.

Абзац 1 указанного параграфа предусматривает наказание в виде лишения свободы на срок до трех лет или штрафа за деятельность (промысел), состоящую в содержании или руководстве заведением, в котором занимаются проституцией лица, находящиеся в личной или экономической зависимости от виновного.

Абзац 2 устанавливает такое же наказание за предоставление несовершеннолетнему для занятия проституцией помещения либо за склонение к проституции другое лицо, которому было ранее предоставлено помещение, или эксплуатацию лица в этой связи.

Кроме того, § 181а Уголовного уложения ФРГ устанавливает ответственность за сутенерство, под которым понимается: эксплуатация другого лица, занимающегося проституцией, или из корыстных побуждений осуществление контроля за проституирующим лицом в части определения места, времени, продолжительности и других обстоятельств занятия проституцией либо принуждение к продолжению занятия проституцией.

Абзац 2 § 181а предусматривает наказание в виде лишения свободы на срок до трех лет или штрафа за ограничивающую личную или экономическую неза-

висимость проституирующего лица деятельность, состоящую в посредничестве при установлении сексуальных контактов. Согласно абзацу 3 преступлением признается такая же деятельность в отношении своего супруга или лица, состоящего с виновным в однополем браке.

Деятельность, образующая сутенерство, должна подавлять экономическую и личную независимость проституирующего лица.

В своем решении Федеральный Верховный суд ФРГ (BGH, решение от 9 июня 2015 г. — 2 StR 75/15) отмечает, что во всех случаях применения § 181a виновный должен оказывать решающее влияние на жертву: недостаточно просто поддерживать практику проституции — со стороны правонарушителя требуется такое поведение, которое позволяет держать проституирующее лицо в зависимости, нарушать сексуальное самоопределение, побуждать заниматься проституцией в долгосрочной перспективе или влиять на свободу выбора любым другим способом (BGHSt 48, 314, 317). Меры контроля при сутенерстве должны отличаться от полномочий работодателя (BGH NStZ 2010, 274).

По смыслу абзаца 1 § 181a эксплуатация охватывает действия, состоящие в постоянном контроле денежных потоков (доходов и расходов), бухгалтерском учете и в установлении стоимости сексуальных услуг потерпевшего.

Кроме того, Федеральный Верховный суд отмечает, что виновным в сутенерстве признается также тот, кто из корыстных побуждений не позволяет проституирующему лицу прекратить указанную деятельность.

Таким образом, действующая редакция Уголовного уложения Германии обеспечивает в том числе уголовно-правовую охрану экономических интересов посредством норм об ответственности за преступления против сексуального самоопределения.

Васильева Е. Г.,

*доцент кафедры уголовного права и криминологии
Адыгейского государственного университета,
кандидат юридических наук, доцент*

ЦИФРОВОЙ РУБЛЬ КАК ПРЕДМЕТ ХИЩЕНИЯ: ПРОБЛЕМЫ КВАЛИФИКАЦИИ

Широкое применение цифровых технологий в современном мире способствует активному и поступательному развитию виртуальных, цифровых экономических отношений. Виртуальные валюты, электронные деньги, электронные средства платежа в настоящее время стали неотъемлемой и весьма значительной частью российской экономики. Вместе с тем с развитием электронных платежных сервисов и цифровых технологий, а также с использованием электронных и виртуальных валют, не только увеличилось количество преступных проявлений, но произошло и изменение преступности в целом, появились новые ее виды, а также новые предметы, способы и средства совершения преступлений с помощью цифровых технологий и цифровых прав. В настоящее время усматривается высокое влияние цифровых валют на преступность. Стремительное развитие инновационных и цифровых технологий, безусловно, может быть использовано

для совершения преступлений. Криптовалюта существенно облегчит совершение таких преступлений, как вымогательство и мошенничество¹.

В настоящее время существуют определённые проблемы понятийного аппарата цифровой валюты, обусловленные сложным и неоднозначным правовым регулированием цифровых технологий. В научной литературе при характеристике цифровых валют (криптовалюта, цифровой рубль) используется разнообразный понятийный аппарат: «виртуальная валюта», «виртуальные активы», «криптовалюта», «электронная валюта», «имущество», «виртуальные деньги», «цифровой актив», «цифровой финансовый актив» и т. д. Такой разброс понятий свидетельствует о том, что до настоящего времени на доктринальном уровне понятие цифровой валюты, вопросы ее правового регулирования не определены должным образом. Все это обуславливает накопление определенных правовых проблем в отношении криптовалюты как нерегулируемых цифровых денег и цифровых финансовых активов.

Национальное законодательство в части цифровых валют формируется, работа в данном направлении началась, о чем свидетельствует Законопроект № 1065710-7 «О внесении изменений в части первую и вторую Налогового кодекса Российской Федерации» (в части налогообложения цифровой валюты)² и принятый Федеральный закон «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» от 31.07.2020 № 259-ФЗ³. Указанным законом введены новые правовые институты — цифровые финансовые активы, создавшие неопределенность в правоприменении. К сожалению, законом не разработан и не введен единый правовой аппарат для всех криптовалют в целом. Тем не менее Закон стал основой исключительно для цифровизации российских финансовых активов. Несмотря на определенные недостатки убеждены, что принятие Федерального закона «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» от 31.07.2020 № 259-ФЗ это продуманный и необходимый шаг в легализации данной области экономики России. Законопроектом № 1065710-7 «О внесении изменений в части первую и вторую Налогового кодекса Российской Федерации» (в части налогообложения цифровой валюты) предлагается признать цифровую валюту имуществом. Представляется приравнять налогообложение цифровой валюты к налогообложению имущества, что, безусловно, изменит место цифровой валюты в денежной системе РФ и платежном обороте страны в целом и, безусловно, отразится на формировании уголовно-правовых запретов.

На основании действующего законодательства платежи и расчеты осуществляются посредством использования платежных средств, установленных законодательством. В отношении определенного платежного средства, используемого

¹ Четырнадцатый Конгресс Организации Объединенных Наций по предупреждению преступности и уголовному правосудию. Киото, Япония, 20–27 апреля 2020 г. (Проект). URL: <https://undocs.org/ru/A/RES/69/313> (дата обращения: 28.04.2021).

² Система обеспечения законодательной деятельности Государственной автоматизированной системы «Законотворчество» (СОЗД ГАС «Законотворчество»). URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/1065710-7> (дата обращения: 28.04.2021).

³ Федеральный закон «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» от 31.07.2020 № 259-ФЗ // СЗ РФ. 2020. № 31 (ч. I). Ст. 5018.

при осуществлении платежа, применяется термин — средство платежа. В данной работе рассмотрим, что представляет собой цифровая валюта, цифровой рубль и криптовалюта как объекты уголовно-правовой охраны, входящие в цифровую часть денежного оборота в результате применения Федерального закона «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» от 31.07.2020 № 259-ФЗ и с позиции Законопроекта № 1065710-7 «О внесении изменений в части первую и вторую Налогового кодекса Российской Федерации» (в части налогообложения цифровой валюты). Современный мир стремительно меняется и законодательство должно поспевать за данными изменениями. Одним из актуальнейших, на настоящий момент, является вопрос правового регулирования цифровой валюты. Изучение международного, зарубежного и отечественного законодательства в сфере оборота цифровой валюты, а также анализ практики применения уголовного законодательства в данной сфере позволяют сделать вывод о необходимости повышения качества уголовно-правового противодействия общественно опасным деяниям с использованием цифровой валюты¹. Следует отметить, что Гражданский кодекс РФ на данный момент не содержит понятия цифровой валюты, а цифровые права определяются как «обязательственные и иные права, содержание и условия, осуществления которых определяются в соответствии с правилами информационной системы, отвечающей установленным законом признакам»².

Таким образом, цифровая валюта прямо цифровым правом не названа в ГК РФ, такого объекта, как цифровая валюта в настоящее время гражданское законодательство отдельно не выделяет. В то же время Федеральный закон от 31.07.2020 № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» рассматривает цифровую валюту как «совокупность электронных данных (цифрового кода или обозначения), содержащихся в информационной системе, которые предлагаются и (или) могут быть приняты в качестве средства платежа, не являющегося денежной единицей Российской Федерации, денежной единицей иностранного государства и (или) международной денежной или расчетной единицей, и (или) в качестве инвестиций и в отношении которых отсутствует лицо, обязанное перед каждым обладателем таких электронных данных, за исключением оператора и (или) узлов информационной системы, обязанных только обеспечивать соответствие порядка выпуска этих электронных данных и осуществления в их отношении действий по внесению (изменению) записей в такую информационную систему ее правилам»³. Еще раз напомним, что в настоящее время ГД ФС РФ в I чтении принял проект федерального закона № 1065710-7 «О внесении изменений в части первую и вторую Налогового кодек-

¹ Петрянин А. В., Степанов М. В., Летелкин Н. В. Совершенствование уголовного законодательства в сфере противодействия преступлениям, совершаемым с использованием «виртуальной валюты» (криптовалюты) // Вестник Воронежского института МВД России. 2020. № 2. С. 237–242.

² Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 08.12.2020) // СЗ РФ. 1994. № 32. Ст. 3301.

³ Федеральный закон от 31.07.2020 № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // СЗ РФ. 2020. № 31 (ч. I). Ст. 5018.

са Российской Федерации»¹, в соответствии с которым цифровая валюта, в случае дальнейшего приятия данного закона, будет признана «иным имуществом». Следует согласиться с мнением ученых, что в отсутствие четкого законодательного определения правового статуса цифровой валюты на территории РФ нельзя сказать, что она оборотоспособна. Реальность такова, что цифровая валюта может свободно отчуждаться, переходить от одного лица к другому². По мнению ряда исследователей, в настоящий момент наиболее дальновидно рассматривать цифровую валюту (в частности, криптовалюту) как иное имущество³. В судебной практике также наметилась данная тенденция. В частности, постановлением Девятого арбитражного апелляционного суда от 04.02.2020 № 09АП-76537/2019 криптовалюта была определена как «иное имущество»⁴. Полагаем, что вопрос о правовом регулировании гражданско-правового оборота криптовалют и вопрос о них как о предмете или средстве совершения преступлений должны решаться автономно, не подменяя друг друга и не ставя во взаимную зависимость, учитывая комплексность данного правового института. Для целей уголовного права следует адаптировать действующий инструментарий для оперативного реагирования на совершенные преступления, привлечения виновных лиц к уголовной ответственности. Помимо этого, сложно не согласиться с мнением В. В. Хилюта о том, что уголовное право охраняет фактически сложившиеся общественные отношения независимо от того, успели ли цивилисты придумать для них соответствующие конструкции⁵.

Анализ данного вопроса позволяет заключить, что цифровая валюта может рассматриваться как средство или предмет совершения преступлений. Проанализируем, в каких случаях цифровая валюта может выступать предметом преступлений. Ее следует признать предметом таких преступлений, как дача и получение взятки, коммерческий подкуп, посредничество во взяточничестве и коммерческом подкупе. В литературе отмечается значительный в последние годы рост числа преступлений, связанных с хищением криптовалют⁶. Думается, что криптовалюта может выступать предметом в принципе любого хищения. Предметом хищения является имущество. Исходя из положений ст. 128 ГК РФ, содержащей открытый перечень объектов гражданских прав, криптовалюта может быть отнесена к

¹ Проект федерального закона № 1065710-7 «О внесении изменений в часть первую и вторую Налогового кодекса Российской Федерации» (ред., принятая ГД ФС РФ в I чтении 17.02.2021) // Текст документа приведен в соответствии с публикацией на сайте <https://sozd.duma.gov.ru/> по состоянию на 28.04.2021.

² Перов В. А. Криптовалюта как объект гражданского права / В. А. Перов // Гражданское право. 2017. № 5. С. 7–9.

³ Коренная А. А. Криптовалюта как предмет и средство совершения преступлений // Всероссийский криминологический журнал. 2019. № 3. С. 408–412.

⁴ Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 04.02.2020 № 09АП-76537/2019 по делу № А40-164942/2019 // Архив Девятого арбитражного апелляционного суда.

⁵ Хилюта В. В. Криптовалюта как предмет хищения (или к вопросу о реформатировании предмета преступлений против собственности) / В. В. Хилюта // Библиотека уголовного права и криминологии. 2018. № 2 (26). С. 58–68.

⁶ Сидоренко Э. Л. Криминальное использование криптовалюты: международные оценки // Международное уголовное право и международная юстиция. 2016. № 6. С. 8–10.

категории «иное имущество», так как она обладает определенной экономической ценностью в силу возможности ее конвертации в деньги, использования как средства платежа за товары и услуги. Кроме того, как уже было отмечено, в проекте федерального закона № 1065710-7, который в настоящее время принят в первом чтении, криптовалюта рассматривается в качестве «иного имущества». Собственно, предмет хищения имеет ряд признаков, среди которых экономический (стоимость), физический (материальность), юридический (принадлежность другому лицу). Что касается экономического признака, представляется, что он свойствен криптовалюте, поскольку имеется определенный курс биткоина к официальным валютам, сегодня криптовалюты могут являться и средством платежа за обычные услуги или товары. Юридический признак также присущ криптовалюте, поскольку несмотря на обезличенность кошелеков, они кому-то принадлежат, и если конкретный кошелек не принадлежит определенному лицу, то для него он чужой. С наличными рублями то же самое — по их внешнему виду невозможно определить собственника, кроме того, отсутствуют документы, по которым он может быть установлен. Более сложным является вопрос с физическим признаком. Убеждены, что предмет хищения материально должен быть очерчен в пространстве. Вместе с тем в современной уголовно-правовой литературе обсуждается вопрос о том, что объекты права собственности в условиях современного информационного общества не обязательно должны иметь материальную природу. Кроме того, криптовалюта все-таки имеет свою специфическую форму — цифровой код. Полагаем, что в настоящее время хищение чужой криптовалюты или приобретение прав на владение криптовалютой путем обмана или злоупотребления доверием, необходимо квалифицировать по ст. 159 УК РФ. Квалификация по ст. 159.3 УК РФ представляется необоснованной, неправомерной, поскольку при осуществлении расчетов через платежную систему в рамках действующего Федерального закона от 27 июня 2011 г. № 161-ФЗ «О национальной платежной системе» надо помнить, что существуют расчетные процессы в рамках следующих способов: путем наличных расчетов, безналичных расчетов, зачета встречных требований и с помощью нового института — электронного средства платежа. Цифровая валюта РФ не относится к данным способам, расчетным процессам. Она выступает законным средством платежа. С учетом изложенного представляется обоснованным и целесообразным, в дальнейшем, дополнить УК РФ ст. 159.7 «Мошенничество с использованием цифровых валют», по причине невозможности расширительной квалификации в рамках действующих составов, ст. 159–159.6 УК РФ, невозможностью охвата данных видов преступлений.

Важно отметить то обстоятельство, что в скором времени ЦБ РФ запустит цифровой рубль, который, по своей сути будет приравнен к деньгам. Следует отметить, что, поскольку в настоящее время эмиссия денежных суррогатов запрещена¹, то цифровые деньги будут имитированы только ЦБ РФ. В связи с этим в дальнейшем потребуются разъяснения Пленума Верховного Суда РФ по вопросам применения законодательства Российской Федерации в данной сфере. В самом упрощенном варианте цифровой рубль является цифровым аналогом наличных денег. Учитывая тот факт, что цифровой рубль будет выполнять все функции денег, являясь средством обращения (платежа), мерой стоимости и средством сбережения, то

¹ Федеральный закон от 10.07.2002 № 86-ФЗ «О Центральном банке Российской Федерации (Банке России)» (ред. от 24.02.2021) // СЗ РФ. 2002. № 28. Ст. 2790.

это открывает широкий спектр новых возможностей «заработка» для злоумышленников. Исходя из этого, цифровой рубль может выступать в качестве предмета совершения преступления. В связи с этим возникает вопрос об ответственности за совершение данного вида преступлений. Полагаем, что в практике большинство преступлений с цифровым рублем будет связано непосредственно с мошенническими действиями. Таким образом, мошенничество, то есть хищение цифрового рубля или приобретение прав на владение цифровым рублем путем обмана или злоупотребления доверием, необходимо квалифицировать по ст. 159 УК РФ, до внесения соответствующих изменений в УК РФ. В связи с указанным убеждены, что в ближайшее время потребует существенная реконструкция уголовного законодательства, практики правоприменения в результате введения цифрового рубля РФ в гражданско-правовой оборот.

Воронин В. Н.,

*доцент кафедры уголовного права
Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА),
кандидат юридических наук*

РЕТРИБУТИВИЗМ, СПРАВЕДЛИВОСТЬ НАКАЗАНИЯ И УЧЕТ ОБЩЕСТВЕННОГО МНЕНИЯ В СОВРЕМЕННОМ УГОЛОВНОМ ПРАВЕ¹

Рассматривая базовые подходы к справедливости, мы постарались отойти от сложившейся в системе российских наук социального цикла формации и большее внимание уделили существующим подходам к справедливости наказания, господствующим в западной социально-правовой мысли. Характерным является не просто осмысление этого явления в рамках одной, например, правовой, науки, а используется комплексный подход.

В качестве оригинальных теорий справедливости наказания были рассмотрены: политико-правовая теория наказания и его справедливость на основе принципов fair play (честной игры) со стороны государства (политолог Ричард Даггер, Университет Аризоны, США), теории консеквенциализма в наказании: Джон Лесли Мэки, Австралия²; Теория пропорционального возмездия А. фон Хирш, Великобритания, Кембридж³; Теория ретрибутивизма например, Майкл Дэвис, США, Иллинойский технологический институт⁴; Теория порицания в наказании — Джозел Файнберг, США⁵. Приведенные выше концепции можно считать основными и довольно классическими в западной философской и политико-правовой мысли, помимо них мы коснулись некоторых более совре-

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 20-78-00128).

² J. L. Mackie. Persons and Values. Oxford: Clarendon Press 1985.

³ Andrew Von Hirsch, Past or future crimes: Deservedness and dangerousness in the sentencing of criminals, New Brunswick: Rutgers University Press, 1985. 220 pages.

⁴ Michael Davis Criminal desert and unfair advantage: What's the connection? Law and Philosophy 12 (2):133–156 (1993).

⁵ Joel Feinberg, Doing & Deserving: Essays in the Theory of Responsibility. Princeton: Princeton University Press (1970).

менных подходов или их интерпретаций: так Адар Данциг-Розенберг и Нетанел Даган разрабатывают концепцию «Ретрибутарианство: новая индивидуализация наказания»¹. также интересен современный ретрибутивизм ярким представителем которого является Йоран Дуус-Оттерстрём, Швеция².

Если отталкиваться от распространенных на западе теорий уголовного наказания, то одной из самых значительных и убедительных будет ретрибутивизм как теория карательного воздействия в отношении преступника. Ретрибутивизм сегодня получает современные интерпретации и аргументы, благодаря, в частности трудам шведского политолога Йорана Дуус-Оттерстрёма, который утверждает, что даже традиционная теория карательного возмездия в современной интерпретации предполагает, что назначение справедливого наказания не остается изолированным от общественного мнения³. Если классический ретрибутивизм не признавал в качестве критерия справедливости характеристики личности виновного, которые напрямую не связаны с содеянным, например его позитивное постпреступное поведение⁴, то стали появляться новые течения, такие как «ретрибутарианство» в рамках которого описывается тенденция к расширению индивидуализации карательного воздействия за счет учета ряда различных факторов с целью повышения уровня соразмерности содеянного и наказания⁵.

Возвращаясь к отражению справедливости наказания в общественном восприятии отметим, что в настоящее время назрел критический вопрос о том, какую роль общественное мнение (если таковое имеется) должно играть, при назначении наказания. Должно ли общественное мнение и порицание быть руководящей силой в том, как складывается карательная политика и практика избрания наказания? Вероятно, сегодня ответить на эти вопросы «да» или «нет» намного сложнее. За последние два десятилетия судьи и политики могли основывать свои решения по вопросам уголовного наказания на их восприятии того, что общественность хочет, хотя ученые обычно считают такой подход проблемой, поскольку общественность в основном плохо осведомленно в этих вопросах. Например, общественное мнение может служить катализатором для беспринципных или чрезмерно карательных решений в сфере уголовной политики, таких как новая криминализация или усиление строгости наказания, к примеру, за сексуальные преступления или преступления в сфере незаконного сбыта наркотиков. Однако есть ли влияние общественного мнения на сферу правосудия и деятельность суда по назначению справедливого наказания? Несмотря на названные опасения, некоторые ученые-юристы согласны с тем, что общественное мнение должен иметь некоторый вес, но со значительными оговорками и ограничениями. На сегодняшний день много неопределенности относительно поставленных вопросов. Например, следует судьям и политикам учитывать данные опроса общественного мнения об отношении к возможному наказанию конкретному лицу, чтобы быть

¹ Dancig-Rosenberg, Hadar & Dagan, Netanel. (2019). Retributarianism: A New Individualization of Punishment. *Criminal Law and Philosophy*. 13. 10.1007/s11572-018-9460-2.

² Duus-Otterström, Göran. Retributivism and Public Opinion: On the Context Sensitivity of Desert / In: *Criminal Law and Philosophy*, Vol. 12, No 1, 2018. P. 125–142.

³ Там же.

⁴ Hannah Maslen (2015) *Remorse, Penal Theory and Sentencing* (Hart Publishing).

⁵ Dancig-Rosenberg, Hadar & Dagan, Netanel. (2019). Retributarianism: A New Individualization of Punishment. *Criminal Law and Philosophy*. 13. 10.1007/s11572-018-9460-2.

избрать справедливую меру наказания. Как мы решаем, какое наказание соразмерно преступлению? Как наиболее объективно определить соразмерность? На каком этапе следует ли учитывать общественное мнение в уголовном судопроизводстве? В частности, Йеспер Рибберг, считает, что доминирующий подход в уголовно-правовой мысли рассматривает общественное мнение только в связи с уже сформированной теорией уголовного наказания. Автор утверждает, что вне зависимости от существующих теоретических подходов к наказанию нам ничего не мешает разработать принципиально новую концепцию, над которой могут совместно работать как теоретики уголовного права, так социологи — исследователи общественного мнения¹. В рамках существующих мировых тенденций по актуализации уголовно-правового воздействия и его социальной обусловленности мы провели несколько социологических опросов: профессиональный — судей, как лиц, непосредственно задействованных в назначении наказания в соответствии с принципом справедливости, а также опрос населения о том, чем, по их мнению, должен руководствоваться суд чтобы наказание было справедливым.

Для начала приведем некоторые выводы, следующие из опроса судей. Им был задан вопрос № 3 с множественным выбором и возможностью вписать свой ответ «В части 1 ст. 60 УК говорится, что назначенное судом наказание должно быть справедливым. От каких факторов и обстоятельств зависит то, что назначенное наказание можно будет считать справедливым?». Данный вопрос является основополагающим в методологии нашего исследования, поскольку на его основе можно будет выстраивать шкалу факторов, при помощи которых суд обосновывает справедливости наказания. Прогнозируемым стало, что подавляющее число респондентов выбрали в качестве вариантов те формулировки, которые сам уголовный закон так или иначе связывает с назначением справедливого наказания, это: характер и степень общественной опасности деяния — 91,3 %; личность виновного — 84,3 %; смягчающие и отягчающие обстоятельства — 75,2 %. Многие выбрали и иные обстоятельства, предусмотренные в УК: влияние наказания на исправление осужденного — 71,9 %, а также влияние наказания на условия жизни семьи осужденного — 62,4 %, характер и степень фактического участия лица совершении преступления при соучастии — 58,7 % и чуть меньшее количество отметило обстоятельства, в силу которых преступление не было доведено до конца — 34,1 %.

Интересно как судьи отреагировали на факторы, которые прямо в законе не требуется учитывать, среди такого наиболее популярного ответа стало постпреступное поведение лица — 43,2 %, которое отдельно указано в качестве смягчающего обстоятельства (пп. «и», «к» ч. 1 ст. 61 УК), однако самостоятельно оно может выступать и как отрицательная характеристика личности виновного и влиять на наказание в сторону отягчения. Следующим фактором, который избрали 36,1 % опрошенных стало признание вины — этот фактор можно отнести к разновидности постпреступного поведения, а также суды часто учитывают его в приговорах как обстоятельство характеризующее личность или как смягчающее обстоятельство на основании ч. 2 ст. 61 УК. Роль в совершении преступления выбрали 41 % опрошенных. Мнение потерпевшего — 19,8 %, а мнение осужденного всего — 6,3 %. Учет мнения потерпевшего — неоднозначно воспринимается как в науке, так и трактуется в практике.

¹ Jesper Ryberg *Penal Theory, Moral Intuitions, and Public Opinion* // Jesper Ryberg and Julian Roberts (ed): *Popular punishment: on the normative significance of public opinion*. New York: Oxford University Press, 2014.

Если потерпевший просит не наказывать виновного строго суд может учесть это даже как смягчающее обстоятельство, но исходя из требований закона на усиление наказания мнение потерпевшего влиять не может. Вариант позиция сторон защиты и обвинения набрал — 5,9, а общественная реакция на назначенное наказание — 5 %; Другие факторы указали 4,8 % опрошенных, среди них большинство отмечало, что следует учесть все указанное в перечне вариантов ответов.

Аналогичный вопрос содержался в анкете для населения. Для ответа на вопрос о факторах и обстоятельствах, которые должен учитывать суд, чтобы назначенное лицу наказание можно было считать справедливым, респондентам из представленного списка предлагалось выбрать все, которые, по их мнению, нужно в данном вопросе рассматривать. Большинство выбрали респондентов указали на следующие факторы: две третьих (74 %) в качестве основного фактора указывают на общественную опасность содеянного; половина респондентов указывают на явку с повинной (53 %); смягчающие и отягчающие обстоятельства (50,7 %); характеристику личности виновного (49 %). Остальные факторы были выбраны в следующей последовательности: роль в совершении преступления — 42,7 %; признание вины — 39,3 %; заглаживание вреда — 33 %; позиция сторон защиты и обвинения о наказании — 27,3 %; мнение потерпевшего о наказании — 27 %; влияние наказания на исправление осужденного — 24,3 %; обстоятельства, в силу которых преступление не было доведено до конца — 20 %; влияние наказания на условия жизни семьи осужденного — 18,7 %; реакция общества на назначенное наказание — 16,3 %; мнение осужденного о наказании — 14 %.

Сопоставив ответы на этот вопрос сделаны основные выводы: самый популярный ответ, что следует учитывать общественную опасность содеянного совпал и при опросе населения и судей. Также и при опросе судей и населения в верхней части шкалы находятся следующие факторы: личность виновного, смягчающие и отягчающие обстоятельства. Важно отметить, что здесь прослеживается не только совпадение мнений двух различных категорий респондентов: профессиональной и общей группы, но еще они выбрали именно те факторы, с которыми уголовный закон связывает назначение справедливого наказания: ч. 3 ст. 60 УК как раз их перечисляет. И если при опросе судей этот результат был ожидаем, то при опросе населения мы не думали, что респонденты разберутся в специальной юридической терминологии.

*Гладких В. И.,
главный научный сотрудник
ВНИИ МВД России,
доктор юридических наук, профессор*

ПОЧЕМУ НЕ РАБОТАЕТ СТАТЬЯ 172.2 УК РФ ОБ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА СОЗДАНИЕ «ФИНАНСОВЫХ ПИРАМИД»?

Прошло уже пять лет с момента принятия Федерального закона от 30.03.2016 № 78-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и статью 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации»¹, которым в уголовный закон была включена статья 172.2 — Организация деятельно-

¹ URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_195928/ (дата обращения: 07.02.2021).

сти по привлечению денежных средств и (или) иного имущества, — фактически устанавливающая уголовную ответственность за организацию так называемых «финансовых пирамид».

Практически сразу же на эту новеллу откликнулся ряд исследователей.

Так, И. Соловьев полагал воспринимать ст. 172.2 УК РФ как специальную норму по отношению к ст. 159 УК, хотя предлагал применять ее в совокупности этих двух составов¹, что противоречит принципу запрета двойного вменения.

Другие авторы сосредоточили свое внимание на понятии «организации» как одного из элементов объективной стороны ст. 172.2 УК РФ, не учитывая того, что конечной целью этой организации, как правило, в подавляющем большинстве случаев являлось хищение привлеченных денежных средств².

Для повышения работоспособности данной нормы предлагались ее новые редакции, на наш взгляд, не очень удачные³.

Большинство из отмеченных авторов полагали, что введение ст. 172.2 УК РФ было своеобразной альтернативой декриминализованной ст. 159.4 УК РФ и даже лжепредпринимательства — ст. 173 УК РФ.

Нами по этому поводу в 2016 году была подготовлена статья, в которой, помимо детального анализа нового состава, ставился вопрос о целесообразности криминализации рассматриваемого деяния⁴, поскольку до появления в уголовном законе данной нормы создание финансовых пирамид, как правило, квалифицировалось по статье 159 УК РФ — мошенничество.

Поставив себя на позицию законодателя, можно было предположить, что основной целью вводимой нормы явилось пресечение подобной лжефинансовой деятельности на более ранних стадиях, — с точки зрения взгляда на мошенничество — на стадиях к нему приготовления или покушения, и в конечном счете предотвращения многомиллионных хищений привлекаемых, якобы, для инвестиций денежных средств граждан, поверивших в благие намерения лжепредпринимателей.

¹ Соловьев И. Уголовная ответственность за привлечение средств граждан в финансовые пирамиды // Налоговый вестник. Консультации. Разъяснения. Мнения. 2016. № 9. С. 69.

² Аснис А. Я. Некоторые проблемы уголовной ответственности за организацию финансовых пирамид // Адвокат. 2016. № 11. С. 21 ; Белицкий В. Ю. Уголовная ответственность за организацию деятельности по привлечению денежных средств и (или) иного имущества (ст. 172.2 УК РФ) // Алтайский юридический вестник. 2017. № 1 (17). С. 32 ; Коновалова А. Б., Мосечкин И. Н. О некоторых проблемах установления уголовной ответственности за организацию деятельности денежных средств и (или) иного имущества (ст. 172.2 УК РФ) // Безопасность бизнеса. 2016. № 4. С. 35 ; Назарова Н. Л., Семенченко О. Д. Уголовно-правовая квалификация деятельности финансовых пирамид // Вестник КГУ имени А. Н. Некрасова. 2016. № 3. С. 232 ; Сафаров И. Г. Организация деятельности по привлечению денежных средств и (или) иного имущества: юридико-технический анализ // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2016. № 4 (26).

³ Расторопов С. В., Харьков А. В. К вопросу определения объективной стороны преступления в деятельности по организации «финансовых пирамид» // Пробелы в российском законодательстве. 2017. № 4. С. 138–142.

⁴ Гладких В. И., Сухаренко А. Н., Шевцов А. Н. Пирамиды под запретом // Безопасность бизнеса. 2016. № 3. С. 36–39.

По прошествии пяти лет нами была проанализирована судебно-следственная практика по делам, квалифицируемым по ст. 172.2 УК РФ.

Сразу же отметим, что таких дел в истекшем периоде нами практически не было обнаружено, за исключением двух случаев.

Одно из них было рассмотрено 4 декабря 2019 г. Автозаводским районным судом г. Тольятти Самарской области в отношении Д. В. Торопова, ранее осужденного этим же судом по ч. 3 ст. 159 УК РФ к 2 годам 6 месяцам лишения свободы.

К сожалению, деталей данного дела в приговоре не содержится, за исключением того, что Д. В. Торопов собрал с пяти потерпевших деньги в виде паевых взносов, оформленных в виде договоров займа с ПО «Возрождение 63» в ОАО «НТБ» и ОАО КБ «Солидарность»¹.

Второе дело было рассмотрено 30 сентября 2016 года Советским районным судом г. Самары в отношении Н., который в 2014 году зарегистрировал ООО «Кредитно-потребительская компания Центр сбережений», целью которого, согласно Уставу, являлось извлечение прибыли.

После регистрации организации Н. получил в Центральном банке Российской Федерации свидетельство о внесении ООО «КПК Центр сбережений» в государственный реестр микрофинансовых организаций, заранее не имея намерений осуществлять микрофинансовую деятельность, то есть фактически организовал деятельность указанного Общества по принципу «финансовой пирамиды».

Вкладчикам обещались ежемесячные выплаты в виде вознаграждений от 60 до 144 % годовых, которые являлись более высокими, чем в иных кредитных учреждениях. Эти выплаты предполагалось производить из тех денежных средств, которые граждане передавали ранее по договорам займов.

Создавая видимость добросовестного исполнения взятых на себя обязательств, сотрудниками Общества, не осведомленными о преступных намерениях Н., составлялись типовые договора займов, на срочной, платной, возвратной основе с составлением графика платежей, идентичного по форме с графиком платежей, используемым при банковском кредитовании, с указанием сроков погашения основного долга и процентных платежей, после чего гражданам выдавались квитанции к приходным и расходным кассовым ордерам.

В целях извлечения наибольшей материальной выгоды и вовлечения большого количества граждан, с целью извлечения прибыли в особо крупном размере, Н. организовал обособленные подразделения (филиалы) ООО «КПК Центр сбережений» на территории Самарской области.

Таким образом Н. привлек денежные средства жителей Нижегородской и Самарской областей в сумме почти 25 млн руб., то есть в особо крупном размере.

В судебном заседании государственный обвинитель переqualificировал действия Н. с предъявленного ему на следствии обвинения по ч. 4 ст. 159 УК РФ на ч. 2 ст. 172.2 УК РФ².

¹ URL: https://sudact.ru/regular/doc/DCTVTRLovumQ/?page=5®ular-court=®ular-date_from=01.03.2016®ular-date_to=15.02.2021®ular-workflow_stage=10®ular-area=®ular-court=®ular-judge=&_1613385614078&snippet_pos=9696#snippet.

² Приговор № 1-202/2016 от 30 сентября 2016 г. по делу № 1-202/2016 // URL: https://sudact.ru/regular/doc/DCTVTRLovumQ/?page=5®ular-court=®ular-date_from=01.03.2016®ular-case_doc=®ular-lawchunkinf.

Основаниями такой переквалификации, как видно из материалов уголовного дела, явилось отсутствие доказательств о хищении привлеченных денежных средств.

Все другие изученные нами дела, подпадающие под признаки типичных «финансовых пирамид», были квалифицированы как мошенничества, совершенные в особо крупных размерах (ч. 4 ст. 159 УК РФ).

В большинство из изученных дел схема отъема денежных средств у доверчивых граждан не отличалась особой изобретательностью.

14 августа 2017 года Октябрьский районный суд города Новороссийска Краснодарского края осудил по ч. 4 ст. 159 УК РФ к пяти годам лишения свободы Сюсюру и Янову, которые создали ООО «Хорс» с целью привлечения денежных средств граждан для якобы инвестирования их в высокодоходные сферы фондовых и финансовых рынков, в том числе «FOREX», а также в строительство и иную деятельность.

С клиентами заключались договоры займа по ставке от 30 % до 60 % в рублях Российской Федерации, а также дополнительные соглашения к ним.

Фактически никакой финансовой либо коммерческой деятельностью ООО «Хорс» не занималось, никакие строительные или иные бизнес — проекты не поддерживало и в таковые денежные средства не вкладывало. Денежные средства, которые были получены от вкладчиков Сосурой и Яновой присваивались¹.

По такой же схеме действовал гр-н Сидоров, создавший для привлечения средств населения инвестиционную компанию «Союз — Инвест», с помощью которой было собрано и присвоено более 9 млн руб., за что 22 мая 2017 г. Был осужден Красновишерским районным судом Пермского края по ч. 4 ст. 159 УК РФ на пять лет лишения свободы.

Следует отметить, что в ходе следствия и судебного разбирательства стороной защиты ставился вопрос о переквалификации дела со ст. 159 УК на ч. 2 ст. 172.2 УК РФ, однако суд не согласился с доводами защиты, мотивируя свое решение тем, что последняя норма может быть применена только при отсутствии в содеянном признаков хищения².

Надо сказать, что некоторые организаторы финансовых пирамид проявляли в своей преступной деятельности большую изобретательность.

Так, гр-н Сираизов создал несколько кредитных кооперативов: «Партнер-Кредит», «Союз-Пенсионеров», «Казаночка», «Бай» в целях якобы удовлетворения потребностей членов кооператива в сбережении своих денежных средств и оказания финансовой взаимопомощи.

Всего Сираизовым было присвоено около 85 млн руб. членов указанных кооперативов, за что 12 октября 2016 г. Советский районный суд г. Казани Республики Татарстан осудил его по ч. 4 ст. 159 УК РФ на семь лет лишения свободы³.

Деятельность другой финансовой пирамиды, созданной гр-ном С. в форме ООО «КПК Центр сбережений», согласно Уставу, заключалась в осуществлении микрофинансовой деятельности по предоставлению микрозаймов (микрофинансированию), потребительских кредитов; осуществлении финансового

¹ Приговор № 1-192/2017 от 14 августа 2017 г. по делу № 1-192/2017.

² Приговор № 1-9/2017 от 22 мая 2017 г. по делу № 1-9/2017.

³ Приговор № 1-284/2016 от 12 октября 2016 г. по делу № 1-284/2016.

посредничества, инвестиционной деятельности; покупке и продаже земельных участков и других видов деятельности.

В результате жители Нижегородской и Самарской областей, доверившись аферистам, лишились денежных средств в сумме около 25 млн руб., за что 30 сентября 2016 года Советским районным судом г. Самары С. был приговорен по ч. 4 ст. 159 УК РФ к трем годам лишения свободы¹.

В ходе исследования выяснилось, что преступные схемы, по которым создавались финансовые пирамиды, принципиально не отличались друг от друга: всех их объединяло создание некой коммерческой структуры под видом инвестирования привлеченных денежных средств потерпевших в доходные виды предпринимательской деятельности под высокие проценты прибыли, существенно отличающиеся от среднерыночных, выплата первым «инвесторам» дивидендов за счет средств других вкладчиков и в итоге — хищение крупных сумм денежных средств потерпевших, прельстившихся на легкие и быстрые доходы от своих вложений.

Возникает вопрос: почему же оказалась невостребованной ст. 172.2 УК РФ при достаточно широкой распространенности такого криминального феномена, как финансовые пирамиды? Дело в том, статья 172.2 УК РФ сконструирована по типу формального состава: это означает, что преступление признается оконченным в момент привлечения денежных средств и (или) имущества физических и (или) юридических лиц в крупном размере и уже началась выплата дохода тем лицам, чьи средства были привлечены ранее, за счет тех, кто внес эти средства в заранее созданные для этих целей структуры (финансовые пирамиды) позже, при условии, что организаторы данных структур заведомо не ставили своей целью занятие инвестиционной или иной законной предпринимательской деятельностью.

Как уже отмечалось, объективная сторона ч. 1 ст. 172.2 УК РФ не содержит указания на цель хищения привлекаемых средств. Тут же возникает вопрос: а для какой иной цели, кроме хищения, создаются пресловутые финансовые пирамиды? Если не вкладывать средства вкладчиков в реальный бизнес, то откуда организаторы пирамид будут брать средства на выплаты вкладчикам завышенных дивидендов? Ответ однозначный — только за счет последующих вкладчиков. Но такая деятельность не может продолжаться бесконечно. Совершенно очевидно, что организаторы пирамид никакой другой цели, кроме хищения аккумулированных на счетах денег, не преследовали.

Возвращаясь к вопросу конструкции рассматриваемой статьи, следует признать, что привлечь фигурантов подобных дел к ответственности на стадии организации подобных структур и начала выплаты доходов первым вкладчикам практически невозможно в связи с тем, что их организаторы всегда могут заявить, что они привлекают денежные средства для последующего вложения их в предпринимательскую или инвестиционную деятельность. Предъявить им обвинение можно лишь тогда, когда станет очевидным, что привлекаемые средства присваиваются, однако в таком случае содеянное вполне укладывается в состав мошенничества.

Возникает закономерный вопрос о целесообразности состава преступления, предусмотренного ст. 172.2 УК РФ. Именно об этом же говорится в пункте 12

¹ Приговор № 1-202/2016 от 30 сентября 2016 г. по делу № 1-202/2016.

Постановлення Пленума Верховнага Суда Російскай Федэрацыі ад 30 лістапада 2017 г. № 48 «А судоўнай практыцы па справах аб мадэльніцтве, прысваенні і растратах»¹. Суть раз'яснення пленума заключаецца ў тым, што калі ў умысел асобы ўваходзіла хищение чужога імунства праз абман ці злупотреблення доверіем, завуаліраванае пад прывлеченне дзенных срдств ці інаго імунства граждана ці юрыдычэскіх ліц для цэляў інвэстыцыйнай, прадпрыематэльской ці інаго законнай дэятэльнасці, котрая фактычэска не асуджэнялася, то судэянная ў завасымасці ад абстатэляў дэла абразуе састав разлічнх вадов мадэльніцтва, прадусмотрэнных частямі 1–7 ст. 159 УК РФ. Пры гэтым дапоўнітэльной кваліфікацыі па статэе 172.2 лібо 200.3 УК РФ не тэбуецца.

Із вусго сказанаго напрашываецца вполне законотерный вывод о том, что нікакой надобнасці ў крміналізацыі дэяння, прадусмотрэннаго ст. 172.2 УК РФ, не імелось і было бы цэлесобразным данную норму дэкрміналізаваць.

*Голюкова А. В.,
доцент кафедры уголовного
и уголовно-исполнительного права
ФГБОУ ВО «Саратовская государственная
юрыдычэская акадэмія»,
кандідат юрыдычэскіх наук*

О НЕВОЗМОЖНОСТИ СОХРАНЕНИЯ КАТЕГОРИИ «ХИЩЕНИЕ» В УГОЛОВНОМ КОДЕКСЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Современный этап развития социума, обусловленный діджیتالізацыяй, так же тэбуе вносення коррэктывокі ў прадставленіе юрыдычэскай абшчэсвеннасці о способах і пріемах крмінального нарушэння законных інтэресов собствэнніков і владэльцэв іных аб'ектов гражданацкх прав. Классические термины и категории, іспользуемые законодателем при описании інстутов російскаго гражданацкого і уголоваго права, ізмэняють свое содэржаніе і претерпевают необходімые трансформации. Внимательный и системный подход к оцэнке перспектывнасці указанных преобразований призван обеспечіть іх эффектывность для правопріденітэля. В области охраны імунствэнных отнотеній полагаем выделіть несколько направлений для анализа і последующего ізмэненія тэкта УК РФ.

В связи с ізмэненіем пріемов оборота ценностей (под ценностями понимаем здесь любые вещные и виртуальные объекты інтэресов лудей, за обладаніе которыми они готовы платіть и вступать в эконотмічэские отнотенія), счптаем необходімым прізнаті наличие 2 типов пространства (матеріального и виртуального), где пріосходіт товарообмен и определіться с іх правотыми статусамі. Тенденція отечественного законодатэля по усілєнію уголоваго отнотенія за совершєніе (пока только вербальных) прступленій протсрэдством інформатіонно-коммунікаціонных сетей в ст. 110.2, 128.1, 242.1 УК РФ и др., протворечіт обшчм направлєніям развотенія человетства. Сущєствотаніе цифрового пространства дэлает возмозжным и совершєніе прступленія в нем. Злоумышлєнник сам рэшает, где совершіть, допустім, мадэльніцтво — в

¹ URL: <https://ukrfkod.ru/pract/postanovlenie-plenuma-verkhovnogo-suda-rf-ot-30112017-n-48/>.

реальном мире или в виртуальном. С учетом того, что даже в цифровой среде сущность посягательств сохраняется прежней: объект уголовно-правовой охраны (общественная безопасность, права личности, имущественные интересы) претерпевает ущерб или ставится под угрозу его появления, то говорить о повышенной опасности не приходится. Считаем необходимым, в частности, отказаться от использования в УК РФ такого обстоятельства для дифференциации уголовной ответственности, как «с использованием информационно-телекоммуникационных сетей, включая сеть «Интернет». Указания при создании квалифицированных составов некоторых преступлений на признак «публичности» (которая может быть, как реальной, так и виртуальной) вполне достаточно. В выделении аналогичного криминообразующего признака для посягательства на имущественные отношения нет потребности, если системно проработать главу 21 УК РФ.

Возможность успешного пересмотра базовых положений 21 главы УК РФ опосредована важной концепцией, согласно которой уголовное право является вторичным регулятором социума, помогающим иным отраслям¹. Причина заключается в первичности (как хронологической, так социально-обусловленной) формирования управомочивающих правил поведения, чье соблюдение в последствие лишь подкрепляется появлением запрета. В частности, дополнение ст. 128 Гражданского кодекса РФ относительно имущественных прав (включая безналичные денежные средства, бездокументарные ценные бумаги, цифровые права), расширило уголовно-правовое представление о «хищении чужого имущества» путем включения в его логический объем цифровых, электронных имущественных злоупотреблений и криминальных приобретений имущественных прав (в том числе безналичных денежных средств, бездокументарных ценных бумаг, цифровых прав). Пришла очередь уголовного закона для проведения адаптационных мероприятий, потому что базовые установки и термины УК РФ не допускают сочетания «хищение имущественных прав» и уж тем более «хищение цифровых прав». Ограниченность хищения посягательством только на вещные права при наличии 6 вариантов (форм) такого общественно опасного поведения создает явный дисбаланс между уголовно-правовой защитой интересов собственников материального имущества и обладателей иных имущественных прав (например, цифровых активов), играющих в современной экономике не меньшую роль.

К слову, привычная для юридического оборота категория «хищение» давно переживает не лучшие времена. Наука отечественного уголовного права достаточно давно подчеркивает несоответствие между юридическим смыслом хищения и реальными противоправными способами посягательства на чужое имущество². Например, нет четкого уголовно-правового решения для тайного или насильственного захвата чужой

¹ См.: Голикова А. В. Роль уголовного права в регулировании экономических процессов // Организованная преступность и коррупция: результаты криминологико-социологических исследований. Саратов : Сателлит, 2010. Вып. 5. С. 90–95.

² См.: Борзенков Г. Н. Особенности квалификации хищения при трансформации способа и степени нескольких способов в одном преступлении // Уголовное право: стратегия развития в XXI веке : материалы международной научно-практической конференции 29–30 января 2004 года. МГУ. 2004. С. 313 ; Плохова В. И. Криминологическая и правовая обоснованность составов ненасильственных преступлений против собственности : автореф. д-ра юрид. наук. Екатеринбург, 2003. С. 29.

жилой недвижимости¹. Отсутствует однозначная трактовка корыстной цели², которая не должна приравниваться к корыстному мотиву, как это иногда происходит в учебной литературе³. Неоднородность интерпретации признака «обращение в пользу»⁴ и его избыточности при наличии корыстной цели, так же отмечено в исследованиях. Некоторые авторы отрицают значение признака безвозмездности как необходимого в составе хищения⁵, дублирующего важный атрибут данного вида преступления «причинение ущерба законному собственнику или владельцу», отражающий экономическое содержание общественной опасности. В совокупности с проблемами понимания предмета хищения (обращение в пользу возможно и в отношении недвижимости) и предметов смежных с ним преступлений «права на имущество» (ст. 159 УК РФ) или «действий имущественного характера» (ст. 163 УК РФ), перечисленные недостатки общего понятия хищения делают его бесперспективным.

На данный момент в отечественной науке можно выделить три подхода к решению обозначенных выше сложностей: сохранение хищения в классическом виде⁶ и точечная корректировка положений главы 21 УК РФ; расширение или трансформация категории хищения⁷; отказ от хищения как вида преступлений⁸.

Неконкретное содержание имущества при стандартной трансюридизации⁹, а равно следование традиции в собственном, уголовно-правовом, подходе к

¹ См.: Романцов В. А. Уголовная ответственность за причинение имущественного ущерба путем обмана или злоупотребления доверием (уголовно-правовые вопросы) : дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 1997. С. 175 ; Складов С. Понятие хищения в уголовном законодательстве России: теоретический анализ // Государство и право. 1997. № 9. С. 68.

² См.: Миненок М. Г., Миненок Д. М. Корысть. Криминологические и уголовно-правовые проблемы. СПб., 2001. С. 112.

³ См.: Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / Ахметшин Х. М., Беляев А. Е., Борзенков Г. Н., Волженкин Б. В., [и др.] ; отв. ред.: Радченко В. И.; Науч. ред.: Михлин А. С. М. : Спарк, 2001. 862 с. ; Российское уголовное право. Особенная часть : учебник под ред. М. П. Журавлева, С. И. Никулина. М., 1998. С. 142.

⁴ См.: Уголовное право. Особенная часть : учебник для вузов / отв. ред. И. Я. Козаченко, З. А. Незнамова, Г. П. Новоселов, М., 2001. С. 200, Завидов Б. Д. Кража. Уголовно-правовой анализ диспозиции состава преступления, предусмотренного ст. 158 УК РФ. Практическое пособие. М., 2002. С. 10, Кочои С. Ответственность за корыстные преступления против собственности по УК РФ. М., 1998. С. 77.

⁵ См.: Складов С. В. Понятие хищения в уголовном законодательстве России: теоретический анализ // Государство и право. 1997. № 9. С. 67.

⁶ См.: Иванова О. М. Хищение чужого имущества как уголовно-правовая категория : автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08. Самара, 2020. 23 с.

⁷ См.: Хилюта В. В. Формы хищения в доктрине уголовного права. М. : Юрлитинформ, 2014. 527 с; Шульга А. В. Объект и предмет преступлений, посягающих на собственность, в условиях рыночных отношений и информационного общества : автореф. дис. ... д-ра Юрид. наук. Краснодар, 2009. 63 с.

⁸ См.: Пикуров Н. И. Теоретические проблемы межотраслевых связей уголовного права : дис. ... д-ра юрид. наук. Волгоград, 1998. С. 188 ; Елисеев С. А. Преступления против собственности по уголовному законодательству России : дис. ... д-ра юрид. наук. Томск, 1999. С. 104.

⁹ См.: Фролов М. В. Имущество как предмет хищения: единство и дифференциация гражданско-правового и уголовно-правового моментов понятия : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2002. С. 25.

«узкому» пониманию имущества в хищении как движимой материальной вещи уже сегодня приводит к созданию противоречивых конструкций (начиная от 6 составов мошенничества, заканчивая большим числом примечаний к статьям Особенной части, поясняющим содержание широко используемого термина «доход» применительно к одной статье УК РФ). Подобное «точечное» изменение предписаний закона превращается в средство, разрушающее системообразующие основы построения составов преступлений, а также группировки их по главам и разделам УК РФ. Кроме того, указанные тенденции свидетельствуют о сдерживающей развитие уголовного права функции категории «хищения».

Предложение по трансформации общего понятия хищения, в частности, за счет расширения предмета преступления, повлечет за собой увеличение числа способов посягательства на эти (новые для состава) виды предметов. Конструкция, сочетающая в себе как архаичные подходы к пониманию посягательств на отношения собственности, так и инновации в области оборота экономически значимых объектов гражданских прав, которая обречена на последующее дробление.

Полагаем, пришло время попрощаться с хищением в уголовном законе, как когда-то с «татьбой» или «воровством». Дальнейшее развитие уголовно-правовой охраны имущественных отношений мы видим в создании юридических конструкций, основанных на первостепенном значении юридических свойств объектов гражданских прав и правил их гражданского оборота. Выделение нескольких способов социально-критичного вмешательства в правомерный оборот предметов разного вида позволит несколько унифицировать приемы конструирования составов¹.

Так, если посягательство осуществляется на движимые или недвижимые вещи путем установления фактического контроля над ними (захват, удержание, перемещение или издержание без волеизъявления собственника) то удачно использовать термин «*противоправное завладение*», как наиболее полно отражающий сущность проведенной манипуляции с предметом, так и его юридическую составляющую (установление контроля без перехода реальных правомочий даже иллюзорно). Ущерб от таких действий всегда равен стоимости предмета, а момент окончания преступления совпадает с моментом установления контроля и возможностью распорядиться по своему усмотрению. В отношении угона (ст. 166 УК РФ) можно сделать оговорку о временном характере такого завладения.

В случаях, когда виновный технически не обособляет имущество от доступа собственника, но получает фиктивное право на его использование и распоряжение путем совершения сделки (обманом или насильственно принуждает потерпевшего «расстаться» со своими правами по владению, пользованию и распоряжению, как всеми вместе, так и по отдельности), то следует использовать оборот «*неправомерное получение права на имущество или на имущественные права*». При этом термин «имущественные права» уместно наделить максимально широким содержанием, с учетом изменяющихся положений ГК РФ, включая и объекты интеллектуальной собственности, на правах их участия в экономическом обороте. В отличие от предыдущего способа «завладения» общественная опасность для экономической сферы здесь не очевидна до наступления ущерба на стороне законного правообладателя, что следует подчеркнуть при создании

¹ См.: Голикова А. В. Возможности усиления уголовно-правовой охраны собственности // Противодействие современной преступности: оценки эффективности уголовной политики и качества уголовного закона : сборник научных трудов. Саратов : Сателлит, 2010. С. 247–252.

соотвѣтствующей дефиниции. Вопрос о моменте окончания такого рода посягательства также будет зависеть не от возможности использовать полученные правомочия, а от времени наступления общественно опасного последствия.

Таким образом, предлагаем следующие конструкции диспозиций статей Особенной части в главе 21 УК РФ в отсутствие категории «хищение»:

Статья 158 «Кража» — тайные, противоправные завладение чужим имуществом либо получение права на имущественные права, причинившие ущерб законному правообладателю.

Статья 159 «Мошенничество» — противоправные завладение чужим имуществом либо неправомерное получение права на имущество, а равно неправомерное получение права на имущественные права, совершенные посредством обмана или злоупотребления доверием, причинившие ущерб законному правообладателю.

Статья 160 «Присвоение и растрата» — противоправные распоряжение чужим имуществом либо правом на имущественные права, совершенные лицом, которому указанные объекты были вверены, причинившие ущерб законному правообладателю.

Статья 161 «Грабеж» — открытые, противоправные завладение чужим имуществом либо получение права на имущественные права, причинившие ущерб законному правообладателю.

Статья 162 «Разбой» — противоправные завладение чужим имуществом либо получение права на имущественные права, совершенные посредством применения насилия к потерпевшему, причинившие ущерб законному правообладателю.

Статья 163 «Вымогательство» — требование безвозмездной, неправомерной передачи чужого имущества либо права на имущественные права, совершенные под угрозой применения насилия либо шантажа¹.

Статья 166 «Угон» — временное неправомерное завладение автомобилем или иным транспортным средством.

Смещение привычной точки зрения при характеристике преступлений, предусмотренных ст. 158–162 УК РФ, с формы хищений на самостоятельные виды посягательств, делает прием экономии средств законодательной техники при описании механизма совершения преступлений, используемый законодателем в примечании 1 к ст. 158 УК РФ, не единственно удачным.

Дашков Г. В.,
заслуженный деятель науки РФ,
доктор юридических наук, профессор,
профессор кафедры криминологии
и уголовно-исполнительного права
Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ ПРЕСТУПЛЕНИЙ В СФЕРЕ ЭКОНОМИКИ ПОСРЕДСТВОМ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ МИГРАЦИОННЫХ ПРАВООТНОШЕНИЙ

В последнее время, на фоне далеко не идеальной криминогенной ситуации и в ряде западноевропейских государств и других стран мирового сообщества,

¹ Термин «шантаж» вполне можно унифицировать и использовать в разных статьях УК РФ.

в связи с обострением там миграционных процессов, в Российской Федерации устойчиво фиксируется нетипичный по общим понятиям, относительно низкий уровень экономической преступности, связанной с миграционными процессами. Причем такая благоприятная по своей социальной сути тенденция имеет место не только в целом по стране, но даже в таких мегаполисах, как Москва, Санкт-Петербург, Нижний Новгород, Екатеринбург, Краснодар, Ростов на Дону. Именно здесь есть деньги и, соответственно, присутствуют и различные, далеко не всегда законные средства к их доступу. И тем не менее значительный криминологический успех тут достигнут. За счет чего это произошло? Прежде всего, в этой связи представляется важным выделить для криминологической оценки обстоятельства, связанные с обеспечением надлежащего правового регулирования миграции. Характерно, что большая часть правовых норм подобной направленности в той или иной степени ориентирована на решение стратегических вопросов выявления и раннего предупреждения всякого рода правонарушений, касающихся мигрантов, хотя в названиях и содержании этих правовых документов специальная криминологическая терминология, не так уж часто присутствует, но всегда четко просматривается. Иными словами имеет место то, что в криминологии принято называть общими мерами предупреждения преступности.

Наиболее ярко и криминологически значимым этот концептуальный тезис проявляется в Указе Президента Российской Федерации от 19.12.2012 № 1666 «О стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года». (См. также этот Указ в редакции от 06.12.2018 № 703. Целью этого основополагающего документа, рассчитанного на довольно длительный период, является обеспечение интересов государства, общества человека и гражданина, укрепление государственного единства и целостности Российской Федерации, сохранение этнокультурной самобытности ее народов, обеспечение конституционных прав и свобод граждан, организаций, общественных и государственных интересов (п. 1 Общих положений), укрепление межнационального согласия, гражданского единства, обеспечение поддержки этнокультурного и языкового многообразия Российской Федерации, недопущение дискриминации по признаку социальной, расовой, национальной, языковой или религиозной принадлежности, а также профилактики экстремизма и предупреждение конфликтов на национальной и религиозной почве. Все это составляет основное содержание стратегии.

В упомянутой редакции Указа Президента Российской Федерации от 06.12.2018 № 703 отмечается, что за период реализации настоящей Стратегии с 2012 по 2018 год достигнуты существенные результаты в обеспечении межнационального мира и согласия в Российской Федерации. 7842 опрошенных в России граждан утверждают, что проводимые в этом направлении мероприятия весьма положительно сказываются на межнациональных отношениях в стране 935 опрошенных отметили при опросах отсутствие в отношении себя дискриминации по признаку национальной, языковой или религиозной принадлежности. В последующие годы отмеченные положительные тенденции продолжают. При этом, правда, нередко возникает вопрос о причинах имеющихся в последнее время (осень 2020 года) на территории Российской Федерации межэтнических конфликтов с участием мигрантов из Армении, Азербайджана, Киргизии, Таджикистана и других государств постсоветского пространства.

Представляется важным в этой связи отметить, что причины этих эпизодических, кратковременных столкновений на межнациональной почве, как правило, лежат за пределами Российской Федерации, которую конфликтующие стороны забрали как наиболее удобную площадку для выражения своих протестов и обоюдных недовольств, рассчитывая при этом на помощь со стороны России в урегулировании своих разногласий, что в действительности подтверждается реальной практикой, основанной на цитируемой нами Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации. Убедительная, на наш взгляд, иллюстрация международной значимости этого российского правового акта.

Отмеченные с точки зрения криминологии плюсы Стратегии не исключают наличия тут и определенных трудностей, нерешенных проблем. Именно поэтому по ходу реализации Стратегии было принято решение в целях совершенствования государственной национальной политики Российской Федерации создать Совет при Президенте Российской Федерации по межнациональным отношениям. Этот Совет осуществляет контроль за соблюдением определенных в Стратегии принципов, концептуальных основ, целей и задач государственной национальной политики, периодически анализирует на своих заседаниях практику противодействия негативным явлениям в процессе межнациональных, особенно, миграционных отношений, формулирует конкретные проявления этих негативных явлений и предлагает меры по их предупреждению. Как правило, это направление деятельности Совета при Президенте Российской Федерации по межнациональным отношениям находит отражение в соответствующих правовых документах, что гарантирует высокий уровень их практической реализации. Например, п. 18 Стратегии в 2018 году, где рассмотрены имеющиеся в межнациональных отношениях, был существенно расширен и дополнен рядом положений. Их сейчас выделено восемь. Среди них, особый криминологический интерес представляют следующие:

- распространение международного терроризма и экстремизма, радикальных идей, основанных на национальной и религиозной исключительности;
- возникновение очагов межнациональной и религиозной розни в результате попыток пропаганды в стране экстремистской идеологии, являющейся в том числе причиной зарубежных региональных конфликтов;
- гиперболизация региональных интересов и конфликтов;
- незаконная миграция, не совершенство действующей системы социальной и культурной адаптации иностранных граждан в Российской Федерации и их интеграции в российское общество, формирование замкнутых этнических анклавов;
- непреодоленные последствия межэтнических или этнотерриториальных конфликтов в отдельных субъектах Российской Федерации.

Устранение отмеченных недостатков предполагает реализацию ряда общесоциальных, управленческих и экономических мер:

- совершенствование образовательных программ и систем обучения всех уровней, включая и детские сады и школы и колледжи и вузы;
- устранение неоправданных правовых ограничений и, особенно, незаконных проявлений нарушения конституционных положений о правах и свободах человека и гражданина;
- пресечение любых попыток дискриминации по признаку национальной и религиозной принадлежности, поддержание этнокультурного многообразия

постоянно или временно проживающих на территории Российской Федерации граждан;

— усиление ответственности за экономическую дискриминацию граждан, приезжающих на заработки из бывших республик Советского Союза;

— разработка моральных и материальных дополнительных, в сравнении с мигрантами из других регионов РФ средств стимулирования для мигрантов, прибывающих в Россию для выполнения общественно значимых, но не престижных работ;

— совершенствование системы профессиональной подготовки мигрантов за счет принимающей стороны для обеспечения строительства, жилищно-коммунального хозяйства, иных сфер жизнедеятельности, испытывающих кадровый дефицит;

— устранение социально и экономически неоправданных факторов территориальной и иной изоляции мигрантов, прибывающих из государств, ранее бывших республиками СССР;

— включение в структуры разного рода институтов гражданского общества миграционной составляющей;

— считать в качестве отягчающего вину обстоятельства тот или иной вид нарушения п. 1 ст. 19 Конституции Российской Федерации, в случаях если эти нарушения касаются мигрантов, а особенно, их несовершеннолетних членов семьи, имеющих минимальные возможности самостоятельно защитить себя от посягательств извне.

Значительная часть мер по совершенствованию миграционных процессов, определенных Стратегией, имеет своей целью ассимиляцию мигрантов, Сверхсложная задача и успехи в этой части до сей поры выглядят довольно скромно хотя бы по той причине, что ассимиляция здесь обоюдно по многим причинам рассматривается неоднозначно, а необходимость и польза ее достижения вызывает по меньшей мере споры и бурные дискуссии.. Подобная ситуация с ассимиляцией мигрантов особо характерна, когда речь идет об ассимиляции в сфере экономических правоотношений, которые в Российской Федерации пока еще далеки от идеальных. К примеру, нельзя игнорировать и такой фактор. В нашей стране подавляющая часть мигрантов сформировала свои взгляды и убеждения ни в США, ни в Германии, ни в Великобритании, тем более ни в Швеции и Финляндии с их низким, близким к нулю, уровнем терпимости к коррупции и другим преступлениям экономического характера. Так что особого труда ассимилироваться к формально новым, по внешним и внутренним признакам российским условиям, для них трудности не представляет. Кроме того, криминологической пользы от ассимиляции в нашей ситуации трудно ожидать. Отрасли хозяйственной деятельности, куда пребывает большая часть мигрантов (строительство, жилищно-коммунальное хозяйство, торговля) отличаются повышенной криминогенностью и восприятия мигрантами сложившихся тут неписанных правил и обычаев не будет способствовать росту их правосознания в желаемом нами направлении. Конечно, подобного рода противоречия можно и нужно устранять посредством декриминализации указанных производственных сфер, но тогда потребуется масса времени, денег и иных затрат. Поэтому тут нередко используется мало-затратный прошлый опыт разрыва между словом и делом. Здесь уместно, на наш взгляд, сослаться на великого философа очень далекого прошлого, который на упреки в свой адрес о несоответствии

его благопристойного учения личному, очевидному для всех, небыстречному поведению автора, отвечал критикам, что он учит людей тому, как надо себя вести, а не своему образу жизни и манерам поведения. Такая постановка вопроса возможно и условно, с оговорками и приемлема для индивида, как его личная позиция, замыкающаяся только на нем, но совершенно недопустима в отношении физических и юридических лиц, решающих судьбы других людей.

Жирнова В. Л.,
главный специалист
по нормативно-аналитической работе
ГУП «Водоканал Санкт-Петербурга»

О НЕОБХОДИМОСТИ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ МЕХАНИЗМОВ ПРИВЛЕЧЕНИЯ К ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА ПРИЧИНЕНИЕ УЩЕРБА ЦЕНТРАЛИЗОВАННЫМ СИСТЕМАМ ВОДОСНАБЖЕНИЯ И ВОДООТВЕДЕНИЯ, А ТАКЖЕ ИХ ЭЛЕМЕНТАМ И ОБОРУДОВАНИЮ

Сфера функционирования централизованных систем водоснабжения и водоотведения не признана в качестве источника формирования самостоятельных составов правонарушений. В настоящее время вопросы хищения оборудования и элементов централизованных систем водоснабжения и водоотведения составляют объект преступления, квалифицируемого статьями о хищении имущества (158 УК РФ (Кража) без дополнительной квалификации либо 7.27 КоАП РФ (Мелкое хищение)).

Подобная ситуация влечет за собой частое прекращение соответствующих разбирательств по общим основаниям, в то время как значение повреждаемого и расхищаемого оборудования влечет гораздо более существенные и опасные последствия, нежели чем аналогичные действия в отношении менее значимого имущества.

К примеру, за период 2018–2020 годы в результате хищения люкового оборудования ГУП «Водоканал Санкт-Петербурга» получил убыток в общем размере более 4 000 000 рублей. Это совокупные потери притом что каждый единичный случай по своим масштабам может и не квалифицироваться в качестве, например, уголовно наказуемого деяния. Это связано, в частности, с применением института «малозначительности» деяния, когда противоправные действия лица, формально содержащие состав правонарушения, не квалифицируются в качестве такового из-за незначительности ущерба, нанесенного в результате их совершения. В отношении люкового оборудования это и не удивительно, поскольку стоимость комплекта соответствующего имущества составляет сумму около 4000 рублей, а крышки люка — 2000 рублей. С учетом амортизации эти цифры могут оказаться еще меньше. Плюс к этому формально невозможно включить в состав ущерба, необходимого для квалификации названного деяния в качестве преступления, косвенные расходы, связанные с организацией закупок и монтажа оборудования взамен похищенного.

По информации из открытых источников (СМИ, Интернет) в Москве, Омске, Перми, Краснодаре похищают около 50–100 крышек люков ежемесячно.

При этом рассматриваемое противоправное деяние содержит скорее признаки преступления, нежели правонарушения.

Оставшиеся открытыми без крышек канализационные люки становятся причиной серьезных повреждений и даже гибели людей в результате падения в колодезь. За вред, причиненный жизни и здоровью отвечает организация, эксплуатирующая централизованные систем водоснабжения и водоотведения, а не лицо, чьи действия повлекли за собой трагедию. Расходы, понесенные организацией водопроводно-канализационного хозяйства на возмещение вреда пострадавшим, так же не могут быть учтены в качестве убытков в результате хищения крышек.

Таким образом, планируя совершить кражу, осуществляя подготовку, правонарушитель имеет прямой умысел на совершение хищения и косвенный умысел на причинение вреда, как централизованным системам, так и неопределенному кругу лиц.

Отдельного внимания заслуживает личность субъекта. Лицом, совершающим противоправное деяние, как правило, является крепкий мужчина, избравший для себя вместо честного заработка, более легкий способ получения дохода — совершение кражи и сбыт похищенного. Частота совершаемых краж свидетельствует о том, что для указанных лиц это повторяющиеся деяния, направленные на систематическое получение наживы. Применение к нарушителям административного наказания не является эффективным, не предупреждает совершения новых правонарушений, как самими правонарушителями, так и другими лицами, поскольку установленная административная ответственность не является серьезным наказанием для таких социально опасных элементов, и, соответственно, не выступает как превентивная мера.

В связи с тем что похищенные крышки канализационных люков правонарушители не обращают в свою собственность, а сбывают в пункте приема металла, можно говорить о деятельности преступной группы, действующей по предварительному сговору в соответствии с известным законом рынка спроса и предложения. Чаше всего похищение крышек также осуществляется не одним лицом. Канализационный люк имеет чугунную крышку, которая выдерживает нагрузку до 90 т и весит приблизительно от 55 кг до 90 кг. Такой тяжелой крышку делают для того, чтобы ее было сложно сдвинуть при прохождении по ней, проезде на велосипеде, автомобиле, а также в целях предотвращения хищений. Чтобы ее снять с люка требуется специальный инструмент. Для транспортировки крышки так же требуется специальное средство. Некоторые кражи были зафиксированы уличными камерами видеонаблюдения: на дороге возле колодца останавливается машина, из нее выходит человек, с помощью специального инструмента снимает крышку, загружает ее в багажник автомобиля, за рулем которого находится водитель, снова садится в машину, скрываясь на ней с места совершения противоправного деяния.

Однако установление описанных выше обстоятельств чаще всего игнорируется при рассмотрении дел об административных правонарушениях, в то время как общественная опасность совершенного деяния намного выше негативных последствий в виде имущественного ущерба, измеряемого стоимостью похищенной крышки.

Методология проведения расследования в административном и уголовном процессе различная. Так, нормами статьи 28.7 КоАП РФ вообще не предусмотрено проведение административного расследования при привлечении к ответственности по статье 7.27 КоАП РФ (Мелкое хищение). Согласно подпункту 3 части 2 статьи 151 УПК РФ по уголовным делам по части 3 статьи 158 УК РФ (Кража) проводится предварительное следствие. По завершении предварительного следствия по уголовному делу обвинительное заключение направляется на утверждение прокурору, который, в свою очередь, может

вернуть уголовное дело следователю для производства дополнительного следствия либо устранения выявленных недостатков со своими письменными указаниями. Иными словами, именно тактика проведения следственных действий в рамках уголовного дела позволит установить всех виновных лиц, привлечь их к ответственности и назначить соответствующее наказание, в том числе реальное с отбыванием в местах лишения свободы.

Довольно часто дела об административных правонарушениях прекращаются в связи с истечением срока давности привлечения лица, совершившего мелкое хищение, к административной ответственности. Срок давности привлечения к административной ответственности за указанное деяние составляет три месяца, в то время как, срок давности привлечения к уголовной ответственности за совершение квалифицированной кражи составляет десять лет.

Изложенное выше подтверждает, что совершенствование механизмов привлечения к ответственности за хищение элементов оборудования централизованных систем водоснабжения и водоотведения является актуальным.

Решение обозначенной проблематики видится в дополнении части 3 статьи 158 УК РФ таким квалифицирующим признаком, как совершение кражи в отношении элементов оборудования централизованных систем водоснабжения и водоотведения.

Кроме того, для более эффективной мерой борьбы с указанными деяниями помимо дополнения 158 статьи УК РФ предлагается изменение статьи 175 УК РФ (Приобретение или сбыт имущества, заведомо добытого преступным путем) в части дополнения квалифицирующим признаком — совершение указанного преступления в отношении элементов оборудования централизованных систем водоснабжения и водоотведения.

Полагаем, что предлагаемые изменения позволят более эффективно бороться с кражами и сбытом элементов оборудования централизованных систем водоснабжения и водоотведения и будут способствовать предупреждению указанных противоправных деяний.

Иная проблема, с которой сталкиваются организации водопроводно-канализационного хозяйства — это повреждение либо угроза повреждения и/или неполноценного функционирования централизованных систем водоснабжения и водоотведения. В данном случае объектом преступного посягательства выступают общественные отношения по поводу обеспечения безопасности и надлежащего качества функционирования централизованных систем водоснабжения и водоотведения. Противоправные деяния, влекущие за собой повреждение либо угрозу повреждения и/или неполноценного функционирования указанных централизованных систем, являются самостоятельными преступлениями, объектом которых выступают общественные отношения по поводу обеспечения безопасности и надлежащего качества функционирования централизованных систем водоснабжения и водоотведения.

Повышенную общественную опасность представляет указанное деяние ввиду того, что элементами указанных систем являются объекты повышенной опасности, их повреждение может спровоцировать масштабные аварии, нанести ущерб окружающей среде, санитарно-эпидемиологическому благополучию, жизни и здоровью людей. Повреждение объектов водоотведения, утечка из канализационных сетей неочищенных сточных вод либо провокация выбросов в атмосферный воздух, содержащих в своем составе повышенную концентрацию загрязняющих веществ, могут повлечь причинение серьезного экологического вреда. Повреждение объектов водоснабжения, водопроводных сетей может лишить население

жизненно важного ресурса. Иными словами, ответственность лиц, совершивших противоправные деяния должна соответствовать характеру последствий, которые наступили или могли наступить в результате их совершения.

В качестве совершенствования правового регулирования предлагается дополнить часть 3 статьи 215.3 УК РФ, предусматривающей уголовную ответственность за разрушение, повреждение или приведение иным способом в негодное для эксплуатации состояние нефтепроводов, нефтепродуктопроводов, газопроводов, а также технологически связанных с ними объектов, сооружений, средств связи, автоматики, сигнализации, которые повлекли или могли повлечь нарушение их нормальной работы и были совершены из корыстных или хулиганских побуждений, положениями о совершении тех же преступных действий в отношении централизованных систем водоснабжения и водоотведения и их объектов.

Актуальность указанного изменения также можно проиллюстрировать одним из практических примеров. В 2019 году в Санкт-Петербурге в результате несанкционированного строительства объекта недвижимого имущества непосредственно над сетями водоотведения, произошло разрушение соответствующих систем, что привело к перебоям в снабжении услугами абонентов организации водопроводно-канализационного хозяйства. Данный случай не остался без квалификации в качестве основания для взыскания имущественного ущерба в судебном порядке, однако наше гражданское законодательство, в отличие от римской традиции — уже не содержит такого понятия, как «квазиделикт», и не может предупредить совершение противоправного деяния.

Не менее актуальной проблемой, решение которой видится в рамках уголовного законодательства, является невозможность пресечения многократного самовольного подключения к централизованным системам водоснабжения и водоотведения.

Самовольное подключение к системам водоснабжения или канализации означает присоединение, произведенное без разрешительной документации либо с нарушением технических условий.

За период 2018–2020 гг. в результате проведения проверок самовольного подключения к сетям ГУП «Водоканал Санкт-Петербурга» было выявлено 114 случаев, из них 5 случаев повторных подключений на одном и тоже же участке сети одними и теми же лицами. .

Повторное (многократное) совершение лицом аналогичных административных правонарушений объективно свидетельствует о недостаточности имеющих административно-правовых средств для результативного противодействия таким деяниям.

Ответственность правонарушителей за совершенное деяние наступает в виде штрафных санкций, предусмотренной статьей 7.20 КоАП РФ (для граждан от 1 до 1,5 тыс. руб.; для должностных лиц от 2 до 3 тыс. руб.; для юридических лиц от 20 до 30 тыс. руб.), что, к примеру, для хозяйствующих субъектов является незначительным наказанием на фоне осуществления ими своей предпринимательской деятельности. Помимо экономического аспекта самовольное подключение влечет за собой и не соответствующее требованиям безопасности вмешательство в работу централизованных систем водоснабжения и водоотведения, что может повлечь за собой такие же негативные последствия, как и при их повреждении.

Следовательно, самовольное подключение также посягает на такую самостоятельную ценность, как безопасность и надлежащее качество функционирования централизованных систем водоснабжения и водоотведения.

Дзействующей редакцией части 1 статьи 215.3 УК РФ предусмотрена уголовная ответственность за самовольное подключение к нефтепроводам, нефтепродуктопроводам и газопроводам, совершенное лицом, подвергнутым административному наказанию за аналогичное деяние. Предлагается дополнить указанный состав преступления соответствующими положениями о наказании за то же деяние, совершенное в отношении централизованных систем водоснабжения и водоотведения. При этом предлагаемые изменения не подменяют административную ответственность за самовольное подключение уголовной. Сама диспозиция части 1 статьи 215.3 УК РФ указывает на рецидив, квалифицирующий деяние как уголовно наказуемое. Иными словами, субъект правонарушения может быть привлечен к уголовной ответственности за указанное деяние только в случае, когда применение института административной ответственности не возымело надлежащего эффекта, не послужило превентивной мерой для совершения им такого же противоправного деяния. Неоднократность совершения одного и того же правонарушения служит подтверждением преступного умысла, пренебрежительного отношения субъекта к охраняемым законом ценностям.

Лицо, привлеченное к административной ответственности, достоверно знает о наличии у него статуса административно наказанного лица и может прогнозировать юридические последствия совершения повторного аналогичного правонарушения, осознает возможность применения к нему уголовной репрессии. Поэтому адекватными мерами реагирования на неоднократно совершаемое самовольное подключение к централизованным системам водоснабжения и водоотведения является применение более жестких мер, а именно привлечение лица, его совершившего, к уголовной ответственности.

Предлагаемой редакцией части 1 статьи 215.3 УК РФ криминализации подвергаются не все самовольные подключения (они остаются административными проступками), а только те, которые совершены лицом, не желающим реагировать на примененное в отношении него административное наказание.

Таким образом, совершенствование действующего уголовного законодательства в части, обозначенной проблематикой, обеспечит стабильное и безопасное функционирование централизованных систем водоснабжения и водоотведения, а также их элементов и оборудования.

Зацепин М. Н.,

доктор юридических наук, профессор

Зацепин А. М.,

вице-президент Российской

криминологической ассоциации,

кандидат юридических наук, доцент

ПРЕСТУПНОСТЬ УХОДИТ В ТЕНЕВУЮ ЭКОНОМИКУ (КРИМИНОЛОГИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА)

Криминогенные факторы в значительной мере определяют не только сегодняшнее состояние экономики, но и перспективы дальнейшего развития. Отражением неблагоприятных процессов в экономике являются серьезные

изменения в последние годы в структуре и динамике экономической преступности. Она организована, профессиональна, высок уровень интеллектуальной противоправной деятельности, интересы криминальной среды целенаправленно устремляются в сферу экономики¹.

Советская власть, равно как и экономическая наука того периода, сам факт наличия в стране такого явления не признавала, искать в изданиях, энциклопедических словарях и справочниках того времени напрасное занятие. К теневой экономике тогда относили любую предпринимательскую деятельность, приносящую доход осуществляющим ее лицам, но не разрешенную государством. Теневая экономика же имела свое, хотя и небольшое место под социалистическим солнцем. Кардинальные перемены в эту сферу принес принятый в конце восьмидесятых годов закон «О кооперации»: государство предоставило теневым предпринимателям возможность узаконить свой бизнес и выйти из тени. И многие сделали это, хотя их бизнес не исчез — он просто поменял свою направленность. На первое место в нем стали выходить экспортно-импортные и финансовые операции с бюджетными деньгами. Либерализация экономики в условиях размытого, несовершенного законодательства послужила развитием теневого бизнеса в совершенно новых, неизвестных ранее формах. Дефекты или пробелы в законодательстве стали той причиной, когда невозможно правоохранительным органам было отличить теневой бизнес от «разрешенного», а значит, привлечь к ответственности теневых предпринимателей, наносящих своей экономической деятельностью ущерб государству².

В современной России создалась уникальная ситуация, когда в сферу теневой экономики оказалось практически вовлечено большинство взрослого населения страны. Социально-экономические последствия этого носят негативный политический и социальный характер. Практически стало невоз-

¹ Нет такой промышленно развитой страны, где с большей или меньшей степенью остроты не стоял бы вопрос борьбы с преступлениями в сфере экономики. И нет такого государства, где удалось бы — раз и навсегда решить эту проблему. Преступления в экономической сфере существовали и даже развивались, несмотря на жесткий государственный контроль, в течение десятилетий советской власти, а сейчас в условиях смены общественно-экономической формации приняли немалые масштабы. Политики, законодатели, экономисты, социологи и криминологи пришли к определенным выводам: победить ее, увы, нельзя, но ввести в более или менее «цивилизованные» правовые рамки возможно. Упорядочение и ограничение преступности в экономической сфере весьма полезно для общества, поскольку увеличивает налоговые поступления, повышает уровень организованности всего хозяйственного механизма. Так, в 2020 году по налоговому преступлению было возмещено 58 млрд рублей ущерба, подробнее об этом см.: Право.ру: законодательство, судебная система, новости и аналитика. Все о юридическом рынке: информационный портал. URL: https://pravo.ru/news/230357/?desc_search= (дата обращения: 24.03.2021).

² Такое положение было характерно для девяностых годов, однако и сейчас ситуация в очередной раз изменилась и усугубилась. Падение уровня жизни в последнее время усилилось, многие не могут существовать без дополнительных приработков, большинство из которых носит, мягко говоря, нелегальный характер. Немалое число граждан занимается предпринимательской деятельностью без какой-либо регистрации и уплаты налогов, предпочитая платить дань местным чиновникам и работникам правоохранительных органов, чтобы те закрывали глаза на такую деятельность. См., например: В погонах и в мантиях: коррупция глазами кубанских адвокатов // PAsMI.RU: сайт. URL: <https://pasmir.ru/archive/306793/> (дата обращения: 07.04.2021).

можно оценить ситуацию в сфере занятости, многие получают пособия как безработные, хотя фактически не являются таковыми. Работники работающих предприятий практически ничего там не получают (а в ряде случаев даже и зарплату не получают, то есть являются де-факто безработными), но живут безбедно, потому как занимаются одной из многих сотен форм и разновидностей теневого бизнеса. Каковы масштабы теневого бизнеса, и они не поддаются прямому статистическому учету. Такой учет производят опосредованно, опираясь на экспертные оценки и косвенные статистические данные. А налоговое законодательство воспринимается большинством населения страны как несправедливое, и потому бегство от налогов имеет исторически «массовый» характер¹.

Теневой бизнес растет и культивируется не только на уровне физических лиц. Применительно к хозяйствующим субъектам и организациям он выражается в сокрытии ими значительной части доходов. Для крупных предприятий уход в теневую экономику означает размещение капиталов за рубежом из-за более лояльного налогообложения и более высокой надежности хранения средств. Широкое распространение имеют контрабанда и уход от акцизов, которые легко узаконивают организации и отдельные чиновники, стоящие близко к власти имущим. Полагаем, что приведение цифр и фактов, которых достаточно в юридической литературе, для вывода — теневая экономика зло государственного масштаба, а ущерб, наносимый ею, носит немалый объем и характер².

Путь к решению этой проблемы, наши исследования показывают, лежит сегодня не столько через конкретные рекомендации: сделать то-то и это, изменить, усовершенствовать такие-то законы и акты, сколько через изменение государственного алгоритма «законопорядка». Иначе говоря,

¹ Анализируя юридическую природу указанных явлений, нетрудно найти их общие признаки. Уклонение от уплаты налогов, как и налоговая оптимизация, осуществляется осознанно и целенаправленно. Понятие необоснованной налоговой выгоды не получило легального закрепления в налоговом законодательстве. Несмотря на это, оно широко применяется в судебной практике. Основанием для использования категории необоснованной налоговой выгоды для целей правового применения в российском праве является судебная доктрина, состоящая из руководящих разъяснений высших судов по вопросам налогового права. Соответствующие акты судебного толкования указывают на целый ряд признаков необоснованной выгоды. См., например: Как определить пределы налоговой оптимизации // PRAVO.RU: информационный портал. URL: <https://pravo.ru/opinion/229360/> (дата обращения: 19.02.2021).

² Не секрет, что наши шаги в направлении формирования рыночной экономики во многом скалькированы с опыта развитых экономических стран. Однако наши последовательные сторонники рынка стараются представлять дело таким образом, что степень государственно-правового регулирования в этой области там близка к нулю. А об использовании социального управления, как метод уголовно-правового принуждения, вообще ничего не говорится. И как показывает практика, оперативно-следственные службы слабо представляют, какие фактические данные могут быть выдвинуты в качестве доказательств наличия прямого умысла в действиях налогоплательщика. См., например: Ошибки следователя: когда прекратят дело о неуплате налогов // PRAVO.RU: информационный портал. URL: <https://pravo.ru/story/221058/> (дата обращения: 11.06.2020).

необходимо признать ряд основополагающих фактов, на которые сегодня исполнительная и законодательная власть предпочитает не обращать должного внимания¹.

Надеяться на то, что тотальный контроль населения со стороны налоговых органов и со стороны силовых ведомств, решит проблемы сокращения масштабов теневой экономики не стоит. Потому как в этой экономике участвует практически все население страны, сопротивление предстоящему налоговому нажиму будет и далее очень жестким и иметь, скорее всего, тяжкие и экономические, и социально-политические последствия. Стремление к безусловному и всеобщему соблюдению законов, которые так часто провозглашаются в последнее время, и выливаются во всеобщую апатию, а также свертывание вместе с теневым бизнесом и обычной деловой активности, в систему беззакония как показывает исторический опыт².

Сегодня продолжает отсутствовать координация в законопроектной деятельности. Действующее законодательство и правоприменительная практика не способ-

¹ Нынешние доходы населения слишком малы, чтобы физические лица и малый бизнес смог и далее нести налоговое бремя, не уходя в сторону теневой экономики. Налоги автоматически загоняют большинство населения в теневую экономику. Экономисты подсчитали и сравнили, сколько теряет государство от ухода от налогов многих россиян, физически неспособных нести непомерно тяжелое налоговое бремя, с одной стороны, и сколько мы приобрели бы, если бы, снизив налоги, сделали их доступными для населения с другой. Налоговая политика, как явствует из многочисленных высказываний руководителей исполнительной и законодательной власти в средствах массовой информации ориентирована на надежды, что смогут взять под контроль все доходы населения. См., например: В России может появиться «цифровой омбудсмен» // PRAVO.RU: информационный портал. URL: https://pravo.ru/news/230354/?desc_search= (дата обращения: 24.03.2021).

² Законодательный принтер, порожденный слишком быстрым переходом от одной экономической системы к другой, породил множество свободных от законов зон экономики. Оперативно это вакуум заполняется указами президента и многочисленными подзаконными актами, но их так много, что в них путаются даже чиновники. Первоначальный лозунг — «Разрешено все, что не запрещено» — создал идеальные условия для развития теневой экономики. На основе несовершенной, противоречивой и запутанной законодательной базы, что все-таки у нас запрещено, а что разрешено, — просто невозможно. Крайне трудно прийти к объективным выводам, насколько законны те или иные налоговые льготы для отдельных ведомств, и часто высказываемые предложения о ликвидации таких льгот более чем справедливо. Введенный 1 января 1997 года новый УК РФ не считал факт неуплаты налогов составом преступления. Основной состав преступления, предусматривал представление в налоговые органы ложных сведений. Было упущено, что в условиях рыночной экономики налоговые нарушения становятся главным звеном всей экономической преступности. При этом необходимо представлять, что реализация высказанных идей и предложений, направленных на оптимизацию налогового бремени, указывающих на недопустимость жесткого правоохранительного и налогового контроля, упорядочение законодательной базы, не позволит покончить с теневой экономикой. Общество состоит из людей, а не из ангелов, и в нем всегда будут более честные и менее честные бизнесмены. Но разумные налоги, разумная жесткость при их взимании, разумные и систематизированные налоговые рамки, безусловно, сделают более или менее разумными и приемлемыми и сами масштабы теневой экономики в современной России. См., например: Титов просит о разграничении в УК понятий «уклонение от налогов» и «неуплата налогов» // PASMI.RU: сайт. URL: <https://pasmir.ru/archive/270331/> (дата обращения: 31.05.2020).

ствуюць утвэржэнню норм ісправнага заканапаласнага налагавага паводзення і ўспешнаму прэсечэнню парушэнняў. Із-за несавершенства заканадаўства, напрыклад, граніца між оптымізацыяй і ўкланеннем ад налагаў чацце ўсёга для праваахоўных органаў незаметна. Во многіх случаях налог не ўплачваецца не ўследствіе злонамеренага абмана, а ўследствіе заблуждзення (ошыбкі) налагаплательшчыка па віне брака ў рабоце заканадаўца, т.к. большасць налагавых спораў — споры о том, как следует понимать закон. Праваахоўныя органы часта не бачаць разніцы між заблуждзеннем, неосторожнасцю і ўмыслам, пазтому і чэсны для праваахоўных органаў налагаплательшчык рыскуе быць обвиненным ў укланенні ад уплаты налагаў с вытекаючымі адсюда наступствамі¹. Сознательное участие или заблуждение налагаплательшчыка в налагавай схеме формальна змяшчае ўсе прызнакі састава прэстульня прэдусмотрэннага ст. 198 ілі 199 УК РФ. Для прымянення ўгалавнага закана ў даным случае не імае значэння, якія дзействія ілі бэздзействіе прывелі к неуплаце налагаў — грубое парушэнне налагавага заканадаўства лібо злоупатрэбленне правам в налагавай сфэре².

*Кириллова Я. М.,
ассистент кафедры уголовного права
Санкт-Петербургского
государственного университета,
кандидат юридических наук*

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯ, СОВЕРШАЕМЫЕ УЧАСТНИКАМИ КОРПОРАТИВНЫХ КОНФЛИКТОВ

В научной литературе существуют разные точки зрения относительно определения корпоративного конфликта. Например, А. А. Данельян в своем диссертационном исследовании предлагает определить корпоративный конфликт как

¹ Традиция переводить в законы любые «благопожелания» насчитывает у нас многие десятилетия. Известно, что закон может далеко не все и не имеет смысла плодить акты, которые останутся только на бумаге. Функция законодателя не в вале законов, которые нижняя палата принимает, и их не бесспорное качество. Поправки часто принимаются всего через год-два после вступления в силу нового закона. В целях повышения качества законодательной работы уже пора ввести мораторий на прохождение через Думу законопроектов. Существующая организация законодательной деятельности приводит к тому, что законодательство нередко отличается неполнотой и в то же время избыточностью, нестабильностью, многочисленными противоречиями и несогласованностями, дублированием нормативного материала. Большинство законов о внесении изменений и дополнений в налоговое законодательство не содержит редакции норм и правил. См., например: Иски об убытках, налоги и корпоративные конфликты // PRAVO.RU: информационный портал. URL: <https://pravo.ru/story/214836/> (дата обращения: 29.09.2019).

² См., например: «...бизнес-омбудсмен Борис Титов, Торгово-промышленная палата (ТПП), Ассоциация европейского бизнеса (АЕБ), Российский союз промышленников и предпринимателей (РСПП), «Опора России» и «Деловая Россия» обратились в Верховный Суд РФ из-за постановления о налоговых преступлениях,... чтобы расценивать уклонение от уплаты налогов как длящееся преступление...». Бизнес попросил ВС уточнить срок давности налоговых преступлений // PRAVO.RU: информационный портал. URL: <https://pravo.ru/news/214461/> (дата обращения: 11.09.2019).

спор между участниками корпорации, либо между участником (ми) корпорации и корпорацией, объектом которого являются корпоративные правоотношения, а также иные правоотношения, связанные с деятельностью корпорации, либо с требованиями, предъявляемыми в интересах корпорации, а также спор между участником (ми) корпорации или корпорацией, с одной стороны, и иными лицами (исполнительные органы корпорации, держатель реестра владельцев ценных бумаг, депозитарий, внешний инвестор), с другой стороны, если он затрагивает или может затронуть отношения внутри корпорации, обусловленный противоположными целями и интересами сторон конфликта в связи с желанием контролировать и направлять поведение другой стороны, либо изменить свой статус и юридическое состояние¹. Похожей точки зрения придерживается А. Р. Андреева, указывая, что корпоративный конфликт представляет собой разногласие (спор) между различными участниками корпоративных правоотношений в акционерном обществе, преследующими разнонаправленные или противоположные интересы, которое может повлечь неблагоприятные последствия, как для самого акционерного общества, органов его корпоративного управления, так и для конкретных субъектов корпоративного конфликта².

В своей статье, посвященной соотношению понятий «корпоративный спор», «корпоративный конфликт», «корпоративное правоотношение», К. В. Нефедова отмечает, что легальное определение дается только понятию корпоративный спор, в статье 225.1. АПК РФ таковым признается спор, связанный с созданием юридического лица, управлением им или участием в юридическом лице, являющемся коммерческой организацией, а также некоммерческой организацией, объединяющей коммерческие организации и (или) индивидуальных предпринимателей. При этом автор дает свое понятие корпоративного конфликта, признавая таковым любое противоречие субъектов корпоративных правоотношений, в том числе между акционерами и участниками общества, между хозяйствующими субъектами или внутри хозяйствующего субъекта³.

Анализ судебной практики и научной литературы позволяет сделать вывод о том, что экономические преступления, совершаемые участниками корпоративных конфликтов, можно разделить на две группы: преступления против собственности, в основном мошенничество (ст. 159 УК РФ) и присвоение и растрата (ст. 160 УК РФ); и преступления в сфере экономической деятельности (ч. 1 ст. 170.1 и ст. 185.5 УК РФ).

Статистику преступлений против собственности, совершаемых в условиях корпоративного конфликта, достаточно сложно выделить, в том время как судебная статистика по преступлениям в сфере экономической деятельности доступна к анализу. Согласно данным судебной статистики, за совершение

¹ Цит.по: Дanelьян А. А. Корпорация и корпоративные конфликты : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М. 2006. С. 9.

² Андреева А. Р. Правовое регулирование корпоративных конфликтов по законодательству Российской Федерации : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2011. С. 10.

³ Нефедова К. В. О соотношении понятий «Корпоративный спор», «Корпоративный конфликт», «Корпоративное правоотношение» // Вестник Челябинского государственного университета. 2015. № 17 (372) URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/o-sootnoshenii-ponyatiy-korporativnyy-spor-korporativnyy-konflikt-korporativnoe-pravootnoshenie/viewer> (дата обращения: 27.04.2021).

преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 170.1 УК РФ в 2017 году осуждено 78 человек, уголовное преследование прекращено в отношении 68 человек; за 2018 год число осужденных составляет 51 человек, уголовное преследование прекращено в отношении 44 подсудимых; за 2019 года число осужденных составляет 32 человека, уголовное дело прекращено в отношении 65 подсудимых; за 2020 год число осужденных составляет 40 человек, уголовное дело прекращено в отношении 94 подсудимых¹. За совершение преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 185.5 УК РФ за 2017 год осуждено — 3 человека, уголовное преследование прекращено в отношении 3 подсудимых; за 2018 год осуждено 5 человек, уголовное преследование прекращено в отношении 6 подсудимых; за 2019 год осуждено 2 человека, уголовное преследование прекращено в отношении 4 подсудимых; за 2020 год осуждено 0, уголовное преследование прекращено в отношении 2 подсудимых².

Преступления, предусмотренные ч. 1 ст. 170.1 УК РФ и ч. 1 ст. 185.5 УК РФ, относятся к категории преступлений небольшой тяжести. При условии совершения впервые данных преступлений и позитивном постпреступном поведении, велика вероятность, что подсудимый может быть освобожден от уголовной ответственности. Количество преступлений, совершенных по составу, предусмотренному ч. 1 ст. 170.1 УК РФ, действительно возросло, как показывает судебная статистика. Вместе с тем возросло и количество лиц, в отношении которых уголовное преследование по данному составу преступления прекращено.

В отдельных приговорах судов общей юрисдикции есть упоминание о корпоративном конфликте при рассмотрении уголовного дела по данному составу. Например, в апелляционном постановлении Верховного Суда Республики Крым по делу № 22-2200/2020 отражено, что обвиняемая в совершении преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 170.1 УК РФ, обжалуя постановление о возбуждении уголовного дела, в обоснование своих действий, которые она полагает законными, указала на наличие корпоративного конфликта. В частности, «подача заявления о внесении изменений в сведения о юридическом лице была связана только с необходимостью подачи Обществом отчетности в надзорные и контролирующие органы по причине смерти генерального директора ФИО5, а ФИО6, владеющий 50 % доли в уставном капитале, выразил недоверие доверительному управляющему и отказался созывать Общее собрание участников для избрания нового генерального директора»³. ВС Республики Крым, в свою очередь, оставил в силе постановление нижестоящего суда об отказе в удовлетворении жалобы обвиняемой.

Приведенный пример — не единственный случай в судебной практике, когда участники корпоративного конфликта совершают преступление, предусмотренное ч. 1 ст. 170.1 УК РФ, считая при этом, что действуют с целью защиты своих корпоративных прав и права на управление хозяйственным обществом⁴.

¹ URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79> (дата обращения: 27.04.2021).

² URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79> (дата обращения: 27.04.2021).

³ Апелляционное постановление Верховного Суда Республики Крым по делу № 22-2200/2020. Здесь и далее источником судебной практики является интернет-ресурс: URL: <https://sudact.ru> (дата обращения: 28.04.2021).

⁴ Апелляционное постановление Магаданского областного суда по делу № 22К-104/2020 от 28 февраля 2020 г.

В научной литературе высказано мнение, что совершение преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 170.1 УК РФ — это приготовление к совершению хищения в форме мошенничества¹. С такой точкой зрения отчасти можно согласиться. Судебная практика демонстрирует нам две распространенные ситуации, когда совершается данное преступление: 1) в случае наличия корпоративного конфликта и желанием восстановить (защитить) свои права или «захватить» управление в хозяйственном обществе; 2) в случае наличия прямого умысла на последующее хищение имущества. Очевидно, что состав преступления, предусмотренный ч. 1 ст. 170.1 УК РФ не охватывает составы совершаемых впоследствии хищений, требуется квалификация по совокупности, что является распространенной ситуацией на практике².

Анализ судебной практики рассмотрения уголовных дел о совершении преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 185.5 УК РФ, позволяет сделать вывод, что данное преступление практически всегда связано с желанием «захватить управление» в хозяйственном обществе³. Данное преступление зачастую совершается путем внесения в протокол общего собрания заведомо недостоверных сведений о количестве голосовавших, кворуме и результатах голосования, совершенном в целях незаконного захвата управления в юридическом лице посредством принятия незаконного решения о внесении изменений в устав хозяйственного общества.

Наиболее распространенные преступления против собственности, совершаемые участниками корпоративных конфликтов — это мошенничество и присвоение или растрата. Подобные преступления могут быть совершены при условии возможности распоряжения имуществом. Например, когда директор хозяйственного общества и единственный учредитель не совпадают в лице, директор является нанятым работником, а также в случаях, когда в хозяйственном обществе есть несколько учредителей, один из которых является директором такого общества или вступает в сговор с таковым. В случае совершения хищений директором хозяйственного общества, суды обоснованно квалифицируют такое хищение как совершенное с использованием служебного положения⁴.

Обычно предметом хищения является имущество, принадлежащее обществу, а способом совершения преступления выступают фиктивные сделки или иные денежно-распорядительные операции, связанные с отчуждением или иным способом выбытия имущества из собственности общества (например, амортизация, утилизация, инсценированная кражи или поджога имущества).

¹ Крылова Н. Е., Леонтьев Б. М. Некоторые вопросы уголовной ответственности за фальсификацию единого государственного реестра юридических лиц, реестра владельцев ценных бумаг и системы депозитарного учета (ст. 170¹ УК РФ) // Вестник Московского университета. Серия 11, Право. 2013. № 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/nekotorye-voprosy-ugolovnoy-otvetstvennosti-za-falsifikatsiyu-edinogo-gosudarstvennogo-reestra-yuridicheskikh-lits-reestra-vladeltsev/viewer> (дата обращения: 29.04.2021).

² См.: апелляционное постановление Судебной коллегии по уголовным делам суда Ханты-Мансийского автономного округа — Югры по делу № 3/14-18/2019; апелляционное постановление Магаданского областного суда по делу № 3/1-21/2020.

³ Постановление Северодвинского городского суда по делу № 1-124/2019; апелляционное постановление Верховного Суда Республики Дагестан по делу № 22К-187/2019.

⁴ Приговор Привокзального районного суда г. Тулы по делу № 1-125/2019.

В то же время следует отличать от преступлений против собственности общества совершение экстраординарных или текущих хозяйственных сделок вопреки желанию учредителей, но в интересах общества. В этом случае подлежат выяснению обстоятельства сделки, а также, кто является конечным выгодоприобретателем по ней, и в чьей собственности будет находиться имущество, полученное в результате сделки. Так, например, Судебная коллегия по уголовным делам Свердловского областного суда, рассматривая дело № 22-986/2020, оправдала директора общества, который совершил сделки по заказу выполнения работ по установлению систем вентиляции и кондиционирования не на объекте общества, а на другом объекте. Суд особо обратил внимание на тот факт, что система вентиляции и кондиционирования была поставлена на баланс общества и включена в состав основных средств, а значит, являлась собственностью общества¹.

В результате исследования следует сделать вывод о том, что корпоративные конфликты стали чаще переходить в сферу уголовного права. Злоупотребления со стороны учредителей и директоров совершаются в основном с корыстной целью, и реже — с целью восстановить свои права или вернуть возможность управления обществом. Судебная практика идет по единому пути — наличие корпоративного конфликта не оправдывает совершение преступлений, не смягчает наказание за его совершение.

Кунев Д. А.,
заместитель начальника
информационно-аналитического управления —
начальник отдела аналитического обеспечения
Генеральной прокуратуры Российской Федерации,
старший советник юстиции,
кандидат юридических наук

О НЕКОТОРЫХ АСПЕКТАХ КРИМИНАЛЬНОГО ОБОРОТА КРИПТОВАЛЮТ²

По экспертным оценкам по состоянию на 2021 год в мире насчитывается более 5,5 тыс. криптовалют, а их капитализация достигла почти 300 млрд долл. США³. Рост инвестиций в эту сферу закономерно вызвал стремительное распространение новых схем по отмыванию денег, которые интенсивно перемещаются из кредитно-банковского сектора во внебанковскую сферу, в том числе на площадки по конверсии криптовалют. Дополнительным триггером роста названной категории преступлений выступила пандемия COVID-19 и вызванные ею последствия. В частности, по итогам 2020 года количество общественно опасных деяний, совер-

¹ Приговор Судебной коллегии по уголовным делам Свердловского областного суда по делу № 22-986/2020.

² Изложенную в статье информацию следует рассматривать как экспертное мнение, которое не является официальной позицией Генеральной прокуратуры Российской Федерации.

³ Раздел «Киберпреступность» официального сайта Совета Европы // URL: <http://www.coe.int/en/web/cybercrime/> (дата обращения: 29.04.2021).

шенных в России с использованием информационно-телекоммуникационных технологий, превысило 510 тыс., а их рост в сравнении с 2019 годом составил 73 %¹.

В связи с этим, а также вследствие трансграничного характера соответствующих преступлений вопросы противодействия криминальному обороту криптовалют находятся в постоянной повестке дня практически всех международных организаций правоохранительной направленности. Например, в рамках совместного проекта ЕС и Совета Европы организованы тренинги по расследованию преступлений, связанных с использованием криптовалют и даркнета². Сходные проекты реализуются в ООН, ФАТФ, АТЭС и других объединениях. Учитывая сложности в выстраивании эффективного международного сотрудничества в сфере рассматриваемых правоотношений, в ФАТФ и Совете Европы начаты исследования соответствующей проблематики.

На современном этапе во многих государствах регламентирующие названную сферу законы уже приняты. Однако по своему содержанию они существенно отличаются друг от друга. Проблема также заключается в отсутствии единого подхода к правовому регулированию рассматриваемой области правоотношений, что нередко ведет к принятию не вполне проработанных юридических норм, в том числе в силу новизны самих отношений, которые они призваны регулировать.

В России соответствующий закон вступил в силу с 1 января 2021 года³. Его положениями криптовалюта признана имуществом для целей федеральных законов «О противодействии коррупции»⁴, «О противодействии легализации (отмыванию) преступных доходов и финансированию терроризма»⁵, а также некоторых других. Несмотря на то что Банком России принят ряд разъясняющих и уточняющих данный нормативный акт указаний⁶, в процессе правоприменения обнажилось несколько требующих решения проблем. В частности, в законе детально не урегулирована деятельность площадок по обмену цифровой валюты на валюту Российской Федерации. В настоящее время обладатели криптовалют используют любые доступные криптобиржи, находящиеся под юрисдикцией других стран, на основе принципов экстерриториальности и свободы обмена цифровой валюты. Для государства это фактически затрудняет проведение мероприятий в целях противодействия отмыванию преступных доходов и финансированию терроризма. В связи с этим приобрел актуальность вопрос о введении конкретных мер контроля за этой сферой, что должно способствовать не только минимизации рисков использования криптовалют в коррупционных и иных противоправных целях, но и обеспечению решения задач по возмещению причиненного преступлением ущерба.

¹ Портал правовой статистики Генеральной прокуратуры РФ // URL: <http://www.crimestat.ru/> (дата обращения: 29.04.2021).

² Раздел «Киберпреступность» официального сайта Совета Европы // URL: <http://www.coe.int/en/web/cybercrime/> (дата обращения: 29.04.2021).

³ Федеральный закон от 31.07.2020 № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // СЗ РФ. 2020. № 31 (ч. I). Ст. 5018.

⁴ СЗ РФ. 2008. № 52 (ч. I). Ст. 6228.

⁵ СЗ РФ. 2001. № 33 (ч. I). Ст. 3418.

⁶ См., например: указания Банка России от 19.11.2020 № 5625-У, от 16.12.2020 № 5665-У, от 25.11.2020 № 5635-У [и др.].

В свою очередь, правоохранительные органы продолжают сталкиваться с процессуальными сложностями изъятия и конфискации виртуальных активов в рамках расследования уголовных дел, в том числе по запросам компетентных органов иностранных государств. Несмотря на то что существует позиция об охвате положениями Федерального закона № 259-ФЗ правоотношений, возникающих при привлечении лиц к уголовной ответственности, например за хищения криптовалют или получение/дачу ими взяток, единообразной судебной-следственной практики по этому вопросу пока не сложилось.

Большинство правоохранителей придерживается позиции, что механизмы выскания «цифровых прав», «цифровых финансовых активов» и «цифровой валюты» в результате принятия обозначенного закона остались неурегулированными, т.к. его нормы не распространяются на процедуры ареста такого «имущества» или его конфискации в соответствии со статьями 115, 230 УПК РФ и главой 15¹ УК РФ. Отсутствует возможность оперативного истребования данных о виртуальных активах из органов, которые могут обладать о них сведениями. Сохраняется правовая неопределенность и в вопросах обеспечения возмещения ущерба по уголовным делам, касающимся виртуальных активов.

Например, по расследуемому МВД России по Республике Чувашия уголовному делу установлен занимавшийся незаконным оборотом наркотических средств член преступной группы, на криптовалютном счету которого обнаружена используемая для осуществления наркоторговли цифровая валюта общей стоимостью около 8 млн руб. Ограничительные меры, следуя обозначенной выше правовой позиции, на нее наложены не были.

В то же время в Центральном административном округе г. Москвы расследуется уголовное дело в связи с хищением биткойнов, которые признаны следователем предметом преступления, предусмотренного ст. 159 УК РФ. По другому делу Западным окружным военным судом г. Москвы уже принято решение о конфискации полученных в качестве взятки биткойнов, хранившихся на внешнем флеш-накопителе при уголовном деле. Вместе с тем техническая реализация этого процесса до настоящего времени остается под вопросом¹.

Также нет единого понимания, каким образом следует устанавливать стоимость криптовалют, использованных в криминальном обороте. Существуют несколько точек зрения, например, об использовании в подобных случаях информации криптовалютных бирж либо стороннего экспертного заключения.

Следует отметить, что в некоторых государствах ЕС соответствующие процедуры уже нашли свою правовую регламентацию и апробированы на практике. Например, в Литовской Республике изъятая криптовалюта должна реализовываться путем обмена на фиатные деньги, прежде всего в целях избежать негативного влияния скачков ее стоимости на результаты расследования.

Несмотря на существующие мнения, что проблема различного правового регулирования оборота криптовалют в странах мира выступает препятствием для введения их в уголовный процесс в качестве предмета, подлежащего аресту²,

¹ URL: <http://www.lenta.ru/news/2021/02/26/bitt/> (дата обращения: 29.04.2021).

² В. П. Зайцев, В. В. Мелешко Наложение ареста на криптовалюты в уголовном процессе Республики Беларусь: кратко о главном // Вестник Академии МВД Республики Беларусь. 2020. № 1 (39). С. 86.

представляется, что ее решением станет внесение соответствующих поправок в уголовный и уголовно-процессуальный законы. Вместе с тем не следует пренебрегать и детальной проработкой вопроса о трансформации базового гражданского законодательства об имуществе и его видах.

Резюмируя, следует отметить, что справиться со многими из перечисленных проблем возможно с помощью единого международного документа универсального характера, например, специализированной Конвенции Организации Объединенных Наций, которая позволит создать унифицированные международно-правовые стандарты и скоординировать правовые подходы в различных странах мира. В то же время очевидно, что такие стандарты, как правило, возникают из вычленения лучших национальных практик, которые, как правило, формируются путем проб и ошибок. Этот этап применительно к противодействию криминальному обороту виртуальных активов в настоящее время проходят многие государства, включая Россию.

Лавринов В. В.,

*доцент кафедры уголовного права
и криминологии*

Ростовского филиала ФГКОУ ВО

«Санкт-Петербургская академия

Следственного комитета

Российской Федерации»,

доцент кафедры уголовно-правовых дисциплин

Ростовского филиала ГКОУ ВО

«Российская таможенная академия»,

кандидат юридических наук, доцент

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ФОРМУЛИРОВАНИЯ УГОЛОВНО-ПРАВОВЫХ НОРМ О ТАМОЖЕННЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЯХ

Рассматривая вопросы, связанные с формулированием норм, предусматривающих уголовную ответственность за совершение тех или иных деликтов, законодатель должен соблюдать ряд требований, которые лежат в основе законодательной деятельности. Прежде всего, как новые, так и редактируемые нормы должны соответствовать принципу системности. То есть эти нормы должны как коррелироваться между собой — как сходными, имеющими, как правило, общий родовой или видовой объект, так и иными уголовно-правовыми нормами, а также соответствовать положениям других отраслей права и реалиям социально-экономической, политической обстановки.

Кроме того, формулирование уголовно-правовых норм следует осуществлять таким образом, чтобы их содержание, суть были ясны и понятны как при правоприменении (прежде всего участникам уголовного процесса, в том числе суду, стороне обвинения и защиты), так и еще до начала появления уголовно-процессуальных отношений, когда-то или иное лицо только рассматривает возможность совершения общественно опасного деяния, рассчитывая, стóит ли его совершать или следует отказать от подобного намерения. Строгая формулировка уголовно-правовой нормы, не позволяющая возможности двойного толкования,

содержащая конкретный запрет, является достаточно мощным сдерживающим фактором, играя роль в предупреждении совершения преступления.

Безусловно, все эти требования относятся и к преступлениям экономического характера, а также смежным с ними деликтам, для которых характерна бланкетность, в связи с чем при формулировании соответствующих диспозиций необходимо учитывать положения иных отраслей права, нарушения которых, обладающие повышенной степенью общественной опасности, законодатель признает преступлениями, фиксируя это в Уголовном кодексе.

Однако, к сожалению, упомянутые требования законодателем соблюдаются не во всех случаях и не в полном объеме. Наглядно это видно при изучении норм, предусматривающих уголовную ответственность за нарушения таможенных правил. Такие нарушения именуются таможенными преступлениями. Для рассматриваемых норм характерна одна особенность, не часто встречающаяся в большинстве статей, расположенных в Особой части УК РФ — эти нормы не просто бланкетные, а требуют обращения не только и не столько к отечественным нормам права, но и к нормам, установленных международными и наднациональными правовыми актами, в первую очередь — Таможенным кодексом Евразийского экономического союза¹. Соответственно, при конструировании и дальнейшем редактировании норм, устанавливающих ответственность за таможенные преступления, необходимо учитывать требования таможенного законодательства, а также государственные и межгосударственные институты, существующие и действующие в таможенной сфере.

К сожалению, сравнительный анализ уголовно-правовых норм, предусматривающих уголовную ответственность за совершение таможенных преступлений, позволяет сделать вывод, что законодателем в настоящее время не учитываются ни требования системности, ни существующие в таможенной области институты.

Так, например, в настоящее время уголовная ответственность за совершение контрабанды предусмотрена в четырех статьях УК РФ — 200.1, 200.2, 226.1 и 229.1, которые отличаются в первую очередь по указанным в диспозициях предметам, незаконно перемещаемых через границу. Было бы логично предположить, что в остальной части данные нормы должны быть аналогичны, с учетом необходимости соблюдения требования системности. Однако, внимательно изучив диспозиции упомянутых норм, мы видим, что это не так.

Один из важнейших признаков объективной стороны контрабанды — незаконность перемещения через определенный участок территории — таможенной границы. В настоящее время, в соответствии с требованиями таможенного законодательства и существования Евразийского экономического союза (ЕАЭС) мы можем говорить только о таможенной границе Евразийского экономического союза. Иных положений действующее таможенное законодательство ЕАЭС не содержит. Однако это положение в данный момент законодатель не учитывает.

Каждая из уголовно-правовых норм, предусматривающих ответственность за контрабанду, указывает на незаконность перемещения товара через таможенную границу, но при этом описание таможенной границы в данных нормах не соответствует друг другу. Так, в ст. 200.2 УК РФ, при описании объективной

¹ Таможенный кодекс Евразийского экономического союза (приложение № 1 к Договору о Таможенном кодексе Евразийского экономического союза) // Справочно-правовая система «КонсультантПлюс»: / Компания «КонсультантПлюс». Посл. обновление 08.02.2021.

стороны, законодатель указал на перемещение через таможенную границу Таможенного союза» (без идентификации такового), несмотря на существование в мире нескольких таможенных союзов, тем самым допуская неопределенность в формировании уголовно-правового запрета, что, с точки зрения положений уголовного законодательства, запрещающих применение уголовного закона по аналогии, препятствует квалификации действий лиц, совершивших контрабанду алкогольной продукции и табачных изделий, по данной норме.

Другие статьи контрабандного характера, а именно 200.1, 226.1 и 229.1 УК РФ, содержат иное описание таможенной границы, а именно «таможенная граница Таможенного союза в рамках ЕврАзЭС». Таким образом, законодатель бесосновательно допускает различное описание в диспозиции указанных статей такого важного признака, как таможенная границы, нарушая принцип системности норм.

Однако этим вопросы, связанные с формулированием уголовно-правовых норм о таможенных преступлениях, не ограничиваются.

Формулировка «таможенная граница Таможенного союза в рамках ЕврАзЭС», содержащаяся в действующих нормах, предусматривающих уголовную ответственность за контрабанду, не может быть признана допустимой.

Таможенная граница в рамках ЕврАзЭС означает таможенную границу в рамках Евразийского экономического сообщества. Данный межгосударственный институт как форма таможенного союза существовал на момент включения в УК РФ рассматриваемых уголовно-правовых норм, предусматривающих уголовную ответственность за контрабанду, и упоминание о нем в данных нормах ранее было оправдано. Однако на текущий момент ЕврАзЭС прекратил свое существование в связи с тем, что ему на смену пришло новое межгосударственное образование, а именно Евразийский экономический союз (ЕАЭС)¹.

Таким образом, мы можем сделать обоснованный вывод, что законодатель допускает возможность формулирования уголовно-правовых норм, признаки которых, несмотря на их бланкетность, противоречат установкам отрасли права, к которым делается отсылка. Подобное положение не может быть признано допустимым, так как не содержит определенности и конкретики, допускает расширительное толкование, препятствуя привлечению к уголовной ответственности лиц, совершающих незаконное перемещение товаров и предметов различных видов через таможенную границу.

В связи с изложенным, по нашему мнению, законодателю следует принять меры, направленные как на приведение уголовно-правовых норм, предусматривающих уголовную ответственность за совершение контрабанды, к единому знаменателю, так и на приведение их в соответствие с действующим таможенным законодательством, а именно исключение ссылок на такой несуществующий институт, как «таможенная граница в рамках ЕврАзЭС».

Данные предложения позволят достичь соблюдения принципа системности, что будет способствовать надлежащему правоприменению в дальнейшем, а также не позволят избежать уголовной ответственности лицам, допускающим рассмотренные нарушения таможенного законодательства.

¹ Договор о Таможенном кодексе Евразийского экономического союза (подписан в г. Москве 11.04.2017) // СПС «КонсультантПлюс» // Справочно-правовая система «КонсультантПлюс»: / Компания «КонсультантПлюс». Посл. обновление 23.04.2021 (дата обращения: 27.04.2021).

Мурадян С. В.,
старший преподаватель кафедры
уголового права
Московского университета МВД России
имени В.Я. Кикотя,
кандидат юридических наук

К ВОПРОСУ ОБ ИСПОЛЬЗОВАНИИ ВЕКСЕЛЕЙ В СХЕМАХ ЛЕГАЛИЗАЦИИ (ОТМЫВАНИЯ) ДЕНЕЖНЫХ СРЕДСТВ

Легализация (отмывание) денежных средств — это совершение действий, направленных на сокрытие незаконного происхождения денежных средств и придание правомерности источникам их получения. Исходя из этого, первоначальный способ получения таких средств имеет значение для доказывания неправомочности их получения и для пресечения возможных путей отмывания средств из таких источников. Без установления факта преступного происхождения доходов невозможно доказать и их последующую легализацию. Это подтверждает необходимость установления предикатного преступления (на сегодняшний день, к таковым относятся преступления против собственности, уклонение от уплаты налогов, инсайдерская торговля, незаконные операции на рынке ценных бумаг и т.д.). Непрерывный рост числа случаев незаконного предпринимательства на внутреннем финансовом и потребительском рынках России является одним из факторов, вызывающих, в том числе и постоянное увеличение объемов легализуемых денежных средств.

Вместе с тем развитие процессов глобализации, увеличение количества трансграничных транзакций, совершенствование имеющихся и появление новых финансовых инструментов, развитие высоких технологий, с одной стороны, наличие слабых мест в системе контроля со стороны государства, сопряженное с рядом несовершенств законодательства во внешнеэкономической деятельности, с другой, — служат предпосылками совершенствования схем отмывания преступных доходов. Это приводит к снижению возможностей контролирующих и правоохранительных органов по их своевременному выявлению и выработке эффективных мер по их предупреждению, а значит, и повышению уровня латентности подобных преступлений. Безусловно, благодаря слаженной и продуктивной работе правоохранительных и налоговых органов, а также финансовых институтов и органов судебной системы, большинство «классических» схем легализации денежных средств на сегодняшний день уже раскрыты. Подобные риски для «легализаторов» выставляют на первый план сделки по купле-продаже наличности. Однако, в целях получения большей экономической выгоды, предприниматели не перестают стремиться к поиску более совершенных моделей своей преступной деятельности.

Среди наиболее популярных и трудно отслеживаемых в настоящее время можно выделить следующие схемы отмывания денежных средств:

— **Нейминг** (от англ. «naming») — это наименование деятельности, связанной с процессом разработки названия бренда для компании, товара или услуги, одна из первоочередных задач маркетинговой стратегии любой компании. В интересующем нас аспекте, проявляется в регистрации компаний, созвучных по названию и со сходным написанием с наименованиями известных брендов и крупных компаний, с похожими, часто зеркальными, сайтами, но отличными банковскими реквизитами.

— Договора с аутсорсинговыми компаниями по оказанию услуг юридической помощи. У таких услуг крайне сложно определить рыночную стоимость, а следовательно, это предоставляет заинтересованным лицам возможности прописывать необходимые суммы в договоре. Кроме того, формы оказания таких услуг могут быть самыми разными, например, часто используемые консультационные услуги, возможность отследить факты осуществления, которых, количество часов и стоимость весьма сомнительна.

— Создание интеллектуальной собственности, определить стоимость, которой экспертам невозможно, и, например, продажа ее зарубежным партнерам.

— Манипуляции в процессе азартных игр путем искажения результатов, когда крупный выигрыш попадает к подставному лицу и им официально демонстрируется в игорном заведении.

— Схемы по обналичиванию с использованием судов, когда кредитор обращается в суд с целью взыскания с должника просрочки по договору фиктивного займа. И деньги со специально созданных фирм-однодневок могут переводиться на счета кредитора, в том числе и за рубежом по решению суда. Аналогичные схемы работают и с использованием полномочий судебных приставов. Когда ФССП начинает исполнительное производство по списанию денежных средств по предварительно принятому решению суда, когда два юридических лица по взаимному согласию договариваются о списании долга путем заключения мировых соглашений. Такая схема достаточна легальна, поскольку у судов отсутствуют полномочия по проведению проверки подлинности сделки, выступающей причиной указанного исполнительного производства. Подобные схемы действуют и при использовании полномочий нотариусов по постановке исполнительных надписей.

— Схемы по обналичиванию денежных средств с использованием криптовалют, когда в большинстве случаев идентификация пользователей практически невозможна.

Вместе с тем Центральный банк Российской Федерации продолжает относить вексель к высокорисковым ценным бумагам, используемым в целях ОД/ФТ¹.

Впервые «вексельные аферы» в данной сфере проявили себя еще 2008 году. Их высокая популярность и быстрое распространение были обусловлены неурегулированностью и криминализацией рынка ценных бумаг в России. В качестве примеров можно привести действия субъектов, которые, в целях сокрытия факта присвоения денежных средств и придания им законности составляют фиктивные договора займа или, например, кредитные договора, договора на осуществление ложной закупки оборудования или мены векселей через «легализацию» в бухгалтерии.

Так, С. являлся учредителем ООО «<...>», с 2008 г. директором которого стал Р., а участником Г. (его гражданская жена). ООО «<...>» руководила М. В первой половине 2008 г. Медведева передала ему несколько векселей ОАО «<...>» на общую сумму <...> руб. в качестве предоплаты за поставку строительных материалов по договору с «<...>». Он в этот же день предъявил векселя в банк и банк перечислил по безналичному расчету на расчетный счет ООО «<...>» стоимость

¹ Методические рекомендации Центрального банка Российской Федерации от 16.09.2019 № 26-МР «О повышении внимания кредитных организаций к операциям с векселями» // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 15.04.2021).

предъявленных векселей. Позднее договор поставки стройматериалов был расторгнут по обоюдному решению М. и Г. а в 2009 г. ООО «<...>» было продано¹.

В информационном письме Банка России от 14.08.2018 № ИН-014-12/54 «О национальной оценке рисков ОД/ФТ»² (вместе с «Публичным отчетом. Национальная оценка рисков легализации (отмывания) преступных доходов. Основные выводы 2017–2018») отмечено, что в качестве фактора уязвимости использования рынка ценных бумаг для совершения операций в целях отмывания доходов выступает возможность проведения расчетов с использованием векселей на предъявителя, что затрудняет установление связей между покупателями и продавцами векселей. Данное письмо носит рекомендательный характер для банков в процессе оценки, управления и снижения ими собственных рисков в сфере ОД/ФТ.

В целях установления противозаконного характера сделок с использованием векселей на предъявителя необходимо оценивать экономическую целесообразность проведения подобных сделок. Так, сотрудникам правоохранительных органов удалось установить в действиях гражданки Гайнетдиновой признаки преступления, предусмотренного п. «а» и п. «б» ч. 4 ст. 174.1 УК РФ. Указанная гражданка, используя преступно полученные в результате совершения преступления, предусмотренного ч. 4 ст. 160 УК РФ, денежные средства, в целях придания правомерного вида владению, пользованию и распоряжению ими в короткие сроки участвовала в проведении не имеющих экономической целесообразности сделок с имуществом по приобретению векселей в рублях на сумму 12 605 001³.

Кроме того, по мнению Банка России, под видом сделок с ценными бумагами денежные средства, имеющие сомнительное происхождение продолжают активно выводиться за рубеж. Например, существует схема, когда за якобы поставленный за границу товар вместо денег в расчетные операции банка вводится вексель, предоставляемый иностранной компанией одной из фиктивных компаний-поставщиков. То есть банк покупает вексель у иностранной компании — покупателя товара, а стоимость векселя переводит на счет экспортера. Вексель же в тот же банковский день выкупает последнее юридическое лицо, присутствующее в цепочке фиктивных поставщиков товара. Подобные схемы позволяют скрыть непоступление денежных средств на счета экспортера и при реальном отсутствии осуществить их движение по внутрибанковским проводкам⁴.

С помощью векселей активно реализуются схемы уклонения от уплаты налогов, когда организация выпускает собственный «вексель» и меняет его на вексель неплатежеспособного банка, а затем предъявляет этот же вексель банку

¹ Апелляционное определение Верховного Суда РФ от 14.09.2015 № 67-АПУ15-30 // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 20.04.2021).

² Информационное письмо Банка России от 14.08.2018 № ИН-014-12/54 «О национальной оценке рисков ОД/ФТ» // Официальный сайт Банка России. URL: https://old.cbr.ru/Content/Document/File/47288/20180816_in-014-12_54.pdf (дата обращения: 20.04.2021).

³ Приговор Верх-Исетского районного суда г. Екатеринбурга от 12.12.2018. по делу № 1-205/2018 // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 20.04.2021).

⁴ Зимин О. В. Современные способы, экономические схемы и классификация моделей легализации (отмывания) преступных доходов // Законодательство и экономика. 2007. № 8. СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 15.04.2021).

к оплате. Поскольку банк реально не может погасить такой вексель, в банке открывается расчетный счет на организацию, предъявившую вексель к оплате, и на этот счет зачисляет сумму «долга» по векселю. А организация, в свою очередь, выписывает платежное поручение на оплату налогов с указанного расчетного счета, на которой банк ставит отметку об исполнении.

Органы экономической безопасности и противодействия коррупции МВД России акцентируют особое внимание на возможности установления прецедентов, когда удастся выявить и доказать факт совершения легализации денежных средств, предикатными преступлениями к которым явились налоговые правонарушения. В 2018 году ряд таких прецедентов удалось реализовать, и действии лиц, которые вывели денежные средства, подлежащие налогообложению, со счетов своей организации на счета третьих лиц по мнимым гражданско-правовым договорам, были квалифицированы по ст. 174.1 УК РФ. Однако Верховный Суд Российской Федерации, в попытке избежать излишней квалификации подобных действий, пришел к выводу, что само по себе совершение финансовых операций по таким счетам нельзя квалифицировать, как преступление, предусмотренное ст. 174.1 УК РФ и необходимо подтвердить факт совершения указанных сделок не только с целью уклонения от уплаты налогов, но и с целью придания правомерности владению, пользованию и распоряжению указанными средствами¹.

Применяется и такая схема, когда «сэкономленные» благодаря схемам и операциям с аффилированными лицами средства легализуются посредством проведения вексельных операций. Например, организация эмитирует выпуск векселя «по предъявлению» и передает его субъекту малого предпринимательства. В счет оплаты за вексель организация получает на расчетный счет денежные средства, которые не включаются в налогооблагаемый оборот, поскольку приравниваются к заемным средствам. А у получателя векселя сохраняется право не предъявлять такой вексель к оплате в течение года с момента выпуска².

В свете последних событий в мире, модель использования ценных бумаг в схемах отмывания преступных доходов постепенно меняется, смещая вектор с цели вывода средств за рубеж, на получение наличных в России. На сегодняшний день, чаще всего сомнительные операции используются компаниями в сфере строительства (38), услуг (25), торговли (21) и производства (15)³. Таким компаниям чаще всего нужна наличность.

Современные «вексельные схемы» представляют собой приобретение действующим хозяйствующим субъектом, иногда, подставной фирмой, простого векселя у одного из банков, зарегистрированных на территории Российской Федерации. Затем по фиктивным договорам указанные векселя передаются

¹ П. 10 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 07.07.2015 № 32 «О судебной практике по делам о легализации (отмывании) денежных средств или иного имущества, приобретенных преступным путем, и о приобретении или сбыте имущества, заведомо добытого преступным путем» // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 18.04.2021).

² Парасоцкая Н. Н., Попова Е. Ф. Учет и налогообложение аффилированных лиц // Финансовый вестник: финансы, налоги, страхование, бухгалтерский учет. 2013. № 1. СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 18.04.2021).

³ Секторы экономики, формировавшие спрос на теневые финансовые услуги в первом полугодии 2020 г. // Официальный сайт Банка России. URL: http://www.cbr.ru/Content/Document/File/112787/sectors_2020_1.pdf (дата обращения: 06.03.2021).

данной организацией другой организации (реже физическому лицу) по акту приема-передачи, а новый владелец уже предъявляет его к оплате. Денежные средства за погашенный вексель перечисляются векселедателем на счет юридического или физического лица, откуда снимаются.

Нивелировать использование векселей — невозможная и невыгодная мера, как для банковского сектора, так и для предпринимателей. Следовательно, банкам совместно с правоохранительными и контрольно-надзорными органами сто́ит продолжать работу по минимизации рисков использования векселей в сомнительных схемах ОД/ФТ. Детальное раскрытие все большего числа схем легализации денежных средств с использованием векселей позволит упрочить позиции данного финансового инструмента и сохранить требуемую динамику продаж вексельных продуктов банками и их использования субъектами экономической деятельности.

Осипов И. В.,
*старший преподаватель кафедры ОО и ФП,
кандидат юридических наук*

Курилов С. И.,
*доцент кафедры управления органами
расследования преступлений Академии
управления МВД России,
кандидат юридических наук*

КВАЛИФИКАЦИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ В СФЕРЕ ОБРАЩЕНИЯ ЦЕННЫХ БУМАГ ПО РАЗМЕРНЫМ ПРИЗНАКАМ

Наличие в конструкции составов преступлений в сфере обращения ценных бумаг (ст. 185, 185.1, 185.2, 185.3, 185.4, 185.6 УК РФ) размерных признаков — ущерба, дохода и размера преступной деятельности, в совокупности с деянием продуцирующих общественную опасность преступления, свидетельствует о правовых основаниях квалификации указанных преступлений по названным признакам.

В силу имеющихся правовых оснований при установлении в процессе квалификации тождества между конкретным оцениваемым общественно опасным деянием и тем или иным составом преступления в сфере обращения ценных бумаг возникает необходимость определения и оценки данных размерных признаков, а именно количественно-качественных характеристик ущерба, дохода и размера преступной деятельности.

Однако при проведении подобной уголовно-правовой оценки признаков ущерба, дохода и размера преступной деятельности в конкретном финансовом правонарушении у субъектов квалификации возникают ряд сложностей, которые обусловлены, во-первых, недостаточной законодательной регламентацией указанных размерных признаков, во-вторых, незначительной правоприменительной практикой и теоретической разработанностью указанного вопроса. Подавляющая часть исследователей оставляет данный вопрос за пределами своего внимания, а оставшаяся часть ограничивается только упоминанием рассматриваемых раз-

мерных признаков. К примеру, ряд представителей уголовно-правовой науки применительно к ущербу в составах преступлений, предусмотренных ст. 185, 185.1, 185.2, 185.3, 185.4, 185.6 УК РФ, прибегает лишь к ограничительному его толкованию как утрата ценных бумаг и денежных средств, убытки, незаконно полученные доходы¹, что не привносит ясности субъектами квалификации в процессе реализации указанной группы уголовно-правовых норм.

Квалификация преступлений в сфере обращения ценных бумаг по размерным признакам имеет ряд особенностей. Они выражаются в зависимости от применяемой уголовно-правовой нормы и устанавливаемого размерного признака — ущерба, дохода и размера преступной деятельности.

Применительно к ущербу анализ конструкций составов преступлений в сфере обращения ценных бумаг и незначительный по ним опыт правоприменительной практики позволяет презюмировать, что указанный признак в них характеризуется всевозможными вариациями форм выражения реального ущерба, а именно: излишними выплатами, произведенными при покупке финансовых инструментов, иностранной валюты и товаров по цене, отклонившейся в сторону ее повышения вследствие совершения действий, изложенных в диспозициях норм, предусмотренных ст. 185, 185.1, 185.3 УК РФ, либо снижения после раскрытия инсайдерской информации в случаях, предусмотренных ст. 185.6 УК РФ; снижением цены (стоимости) финансовых инструментов, иностранной валюты и товаров вследствие совершения действий, изложенных в диспозициях уголовно-правовых норм, предусмотренных ст. 185.3, 185.4 УК РФ; утратой ценных бумаг и прав на них в результате совершения действий, указанных в диспозициях уголовно-правовых норм, предусмотренных ст. 185.2 УК РФ.

Для каждой из форм проявления реального ущерба в рассматриваемых составах преступлений предлагаются свои методики определения ущерба, в незначительной части корреспондирующие с положениями Методических рекомендаций по расчету размера дохода и суммы убытков, которых лицо избежало в результате неправомерного использования инсайдерской информации, утвержденных приказом ФСФР России².

Так, для первой формы под размером ущерба подразумевается разница договорной (продажной) цены финансовых инструментов, иностранной валюты и товаров от справедливой цены, которая фактически должна была образоваться в их отношении из сложившейся финансово-экономической ситуации на рынке ценных бумаг, организованных торгах либо образовалась после раскрытия инсайдерской информации на конец закрытия торговой сессии торгового дня совершения сделки, либо обнаружения инсайдерской информации. С учетом этого сумма ущерба подсчитывается посредством проведения элементарного арифметического действия — разности первой величины на последнюю величину.

¹ Тюнин В. И. Преступления в сфере экономической деятельности : учеб.-практ. пособие. М., 2012. С. 237, 246 ; Хабаров А. В. Преступления в сфере экономической деятельности : учеб. пособие. Тюмень, 2003. С. 149, 154.

² Об утверждении Методических рекомендаций по расчету размера дохода или суммы убытков, которых лицо избежало в результате неправомерного использования инсайдерской информации, а также размера возмещения убытков, причиненных в результате неправомерного использования инсайдерской информации : приказ ФСФР Рос. Федерации от 28 июня 2012 г. № 12-49/пз-н. Доступ из справ.-правовой системы «Гарант» (дата обращения: 04.04.2021).

По второй форме проявления реального ущерба его размер исчисляется исходя из разницы в стоимости финансовых инструментов (ст. 185.3, 185.4), активов организации (ст. 185.4), иностранной валюты, товаров (ст. 185.3) до совершения действий, изложенных в диспозициях указанных уголовно-правовых норм, и после их совершения, то есть из разности изменившихся стоимостных выражений указанных предметов до и после совершения исследуемой группы преступлений.

Еще более очевидным представляется подсчет суммы реального ущерба по третьей форме его проявления. Ее исчисление каких-либо затруднений не вызывает, поскольку подразумевается из сущности данной формы и производится исходя из стоимости утраченных ценных бумаг на дату отчуждения либо обнаружения этого факта (ст. 185.2).

Кроме того, в отдельных случаях при выполнении действий, предусмотренных диспозициями ст. 185, 185.1, 185.2, 185.3, 185.4 УК РФ, ущерб также может быть выражен в виде упущенной выгоды в форме неполучения должных доходов.

Так, для деяний, предусмотренных ст. 185 УК РФ, он может иметь место при размещении эмиссионных ценных бумаг без государственной регистрации и проявляет себя в виде не полученных в силу признания их выпуска недействительным должных доходов, поступление которых предусматривалось от вложения в данные эмиссионные ценные бумаги. При исчислении ущерба от таких действий необходимо исходить из размера доходности приобретенных эмиссионных ценных бумаг, выпуск которых признан недействительным (незаконным). Общая сумма предусмотренных по ним доходов составляет размер ущерба от них.

Незначительно по механизму и характеру причинения ущерба отличаются преступления, предусмотренные ст. 185.4 УК РФ, для которых последний выражается в виде неполучения или недополучения причитающихся дивидендов либо выплата при погашении инвестиционного пая. При определении ущерба от таких деяний необходимо исходить из суммы неполученных дивидендов либо расчетной стоимости инвестиционного пая, составляющих стоимостное выражение устанавливаемого признака.

Для деяний, предусмотренных ст. 185.3 УК РФ, упущенная выгода может иметь место при отклонении объема торгов финансовыми инструментами, иностранной валютой и товарами от рыночно сформированного уровня вследствие манипулирования рынком и проявляет себя в виде не полученных в силу отклонения объема торгов профессиональными участниками рынка и представляемыми ими лицами должных доходов, поступление которых предусматривалось из рыночно формируемого уровня торгов. При исчислении ущерба от таких действий необходимо исходить из разницы между суммами доходов, поступление которых предусматривалось из рыночно формируемого уровня торгов за период отклонения его объемов, и фактически полученных доходов. Разность указанных величин составляет размер ущерба от исследуемых преступлений.

По-иному проявляет себя упущенная выгода в составах преступлений, предусмотренных ст. 185.1, 185.2 УК РФ, где она может выражаться в виде неполучения владельцем ценных бумаг должных доходов как следствие совершения действий, предусмотренных диспозициями указанных уголовно-правовых норм, исключивших возможность своевременной реализации им своих прав по продаже ценных бумаг. При таком содержании ущерба его сумма определяется как разница между стоимостью ценных бумаг на момент, когда с учетом нерас-

крытых данных финансовой отчетности организации и существенных фактов, которые могут оказать влияние на рыночную стоимость и котировки ценных бумаг, со всей очевидностью со стороны их держателей предусматривалось продажа последних (ст. 185.1)¹, либо вследствие нарушения учета прав владельцев ценных бумаг возникли обстоятельства, воспрепятствовавшие реализации последними своих прав на их продажу (ст. 185.2), и текущей стоимостью данных ценных бумаг.

Толкование дохода как признака составов преступлений в сфере обращения ценными бумагами, в частности предусмотренных ст. 185.4 УК РФ, позволяет определить его содержание как вся выручка, извлекаемая в процессе ведения противоправной экономической деятельности в денежной или натуральной формах, без вычета издержек на осуществление как ее таковой. С учетом презюмируемого содержания подсчет дохода особых затруднений не вызывает, поскольку всего лишь предполагает определение сумм всех поступлений от противоправной экономической деятельности. В состав доходов должны включаться исключительно только те поступления, которые получены непосредственно от осуществления указанных в диспозициях исследуемой статьи противоправных экономических действий. Доходы, полученные на законных основаниях, подлежат отграничению от них. В связи с тривиальностью методики подсчета дохода в правоприменительной деятельности по указанным составам преступлений выработалась устойчивая практика единообразной оценки указанного признака как реализационные поступления (выручка).

Тем не менее для преступлений, предусмотренных ст. 185.3 и 185.6 УК РФ, доход характеризуется своими особенностями. Во-первых, он в силу специфики охраняемых указанными нормами отношений должен быть только излишним, то есть излишней реализационной выручкой, определяемой за вычетом выручки, которая могла бы быть получена правомерно без совершения указанных преступлений (при рыночном формировании цены без ее отклонения вследствие манипулирования рынком либо без утаивания инсайдерской информации). Во-вторых, доход в указанных составах преступлений с учетом описания их диспозиций подлежит расширительному толкованию. В связи с этим он представляет собой не только излишне полученную реализационную выручку, но и экономическую выгоду в виде приращения оборотных активов от создающей прибавочную стоимость финансовых инструментов, иностранной валюты и товаров цены в связи с ее формированием на рынке и отклонением от рыночно установленным вследствие совершения запрещенных регулятивным законодательством в сфере экономической деятельности действий — манипулирования рынком, незаконного использования инсайдерской информации. При определении размера приращения оборотных активов необходимо исходить из суммы прибавочной стоимости, представляющей собой разницу между справедливой ценой / ценой по инсайдерской сделке и ценой, которая фактически установилась на рынке вследствие манипулирования им либо после раскрытия инсайдерской информации. За последнюю цену принимается цена закрытия по

¹ Кондрат Е. Н. применительно к ст. 185.1 УК РФ в содержании ущерба подразумевает неполучение предполагаемых доходов потенциальными инвесторами (Кондрат Е. Н. Правонарушения в финансовой сфере России. Угрозы финансовой безопасности и пути противодействия : монография. М., 2014. С. 610).

фінансавому інструменту, іностранный валюты і тавару на канец торгавой сесіі торгавога дня, в тэчэнне якога мелі месца маніпуляцыі рынком або распаўсюдэнне інсайдерскай інфармацыі.

Прызнак памера праступнай дзейнасці ў складзе праступленняў ў сферы абарачэння цэнных бумагаў (ст. 185.3 і 185.6 УК РФ) характэрызуе маштаб яе распаўсюдэння і выражаецца ў паняціі «ізабеганне ўбыткаў». Методыка расчэту (устаановленія) указанага прызнака апрадэляецца на аргументацыі аб неабходнасці паніманія пад указаным тэрмінам ізабеганія матэрыяльных патарь (ушырба). В сувязі з гэтым пры ацэнке такога памера праступнай дзейнасці прадалагася ісходзіць з метадік расчэту ушырба, прыведзенных вышэ прыменітэльно к указаным складам праступленняў.

Такім абразам, праведзенная фармалізацыя садыржанія размырных прызнакаў в тыпізаваныя абощэнныя фармы выражэнія пазваліла вырабаааь навучна абоснаваныя правіла (методыкі) апрадэляенія стоымаснага выражэнія іссыдуемых прызнакаў в складах праступленняў в сферы абарачэння цэнных бумагаў. Гэты методыкі как «аотовый рецетп» их устаановленія по своей суці являюаь резульааом соавершенствования ненормативных правоприменительных правил кваліфікацыі іссыдуемых праступленняў по даанным прызнакам.

Подройкина И. А.,

Ростовский филиал

Российской таможенной академии,

доктор юридических наук, доцент

СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА В ОБЛАСТИ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ПРЕСТУПНОСТИ

Так как отношения в сфере экономики являются важным аспектом государственного регулирования, то и их защита уголовно-правовыми средствами входит в число приоритетных направлений государственной деятельности. Нестабильное законодательство, отсутствие чётко выверенной политики противодействия преступлениям в сфере экономической деятельности, на что неоднократно обращали внимание в своих работах специалисты в области уголовного права¹, снижает эффективность борьбы с экономической преступностью, что требует серьёзного анализа и переоценки используемых законодателем подходов, в том числе и в части так называемого «совершенствования» главы 22 УК РФ.

По состоянию на 12 марта 2021 года было принято 263 изменяющих Уголовный кодекс закона, из них 60 (22,8 %) вносили определённые корректировки в статьи главы 22. То есть из 19 глав Особенной части УК почти четверть изменений пришлось на преступления в сфере экономической деятельности. На момент принятия глава 22 УК насчитывала 32 статьи, однако составов преступлений в ней содержалось больше, так как в некоторых из них описывалось несколько

¹ Коробеев А. И. Уголовно-правовая политика России: от генезиса до кризиса : монография. М. : Юрлитинформ, 2019. 352 с. ; Иванов Н. Г. Этюды о российской уголовной политике и её конкретных воплощениях. М. : Юрлитинформ, 2019. 176 с.

самостоятельных деяний (например, ст. 183, 184 УК). Сейчас количество статей главы 22 увеличилось до 58, на 81 %, т.е. практически вдвое. Со времени введения в действие уголовного закона лишь единичные составы экономических преступлений сохранили свой первоначальный набор признаков (например, ст. 175, 176, 177, 179 УК). Причем и вновь введенные статьи также подвергались корректировке, что косвенно свидетельствует о качестве норм, которыми был дополнен УК. Исключение составили только те статьи, которые были включены в УК относительно недавно, например, ст. 172.2 и ст. 172.3, а также ст. 200.1–200.6.

Изучив деятельность законодателя в части реформирования главы 22 УК РФ, можно отметить, что изменения касались разных аспектов. Многие составы были дополнены новыми признаками (например, ст. 189 УК, где изменился субъект преступления — вместо специального стал общий), ряд статей был изложен в новой редакции полностью (например, ст. 178, ст. 195, ст. 196 УК), некоторые скорректированы только в части основных составов (например, ст. 173.1 УК), другие — только в части квалифицированных видов (например, ст. 175 УК). Отдельные статьи излагались в новой редакции неоднократно. Так, в качестве примера можно привести ст. 174 УК, которая впервые была полностью реформирована в 2001 году, а затем в 2003 и в 2013. При этом законодатель, не приводя никаких убедительных аргументов, то расширял, то сужал сферу ее применения за счет включения (исключения) в основной состав такого криминообразующего признака, как крупный размер легализуемых денежных средств или иного имущества. Н. А. Лопашенко, оценивая данные процессы, весьма метко определила их как «игры с границами криминализации»¹. Не менее ярким примером является преступление, предусмотренное ст. 193 УК. В первоначальной редакции в ней устанавливалась ответственность за невозвращение из-за границы средств в иностранной валюте, а в современной — за уклонение от исполнения обязанностей по репатриации денежных средств в иностранной валюте или валюте Российской Федерации. Конструктивным признаком анализируемого состава является крупный размер предмета преступления. В отличие от вышеприведенного примера, в данном случае законодатель менял границы наказуемости посредством внесения изменений в примечание к ст. 193 УК, то увеличивая, то уменьшая сумму крупного размера. Так, в редакции УК 1996 года она признавалась таковой, если превышала 10 тыс. минимальных размеров оплаты труда, в редакции 2003 года — если превышала 5 млн руб., в 2010 году этот порог был повышен до 30 млн, в 2013 — снижен до 6 млн, в 2016 — вновь повышен, но до 9 млн. Апофеозом же стало признание данного состава в 2020 году составом с административной преюдицией. Теперь для привлечения к уголовной ответственности необходимы два условия: 1) совершение деяния в крупном размере; 2) совершение его лицом, подвергнутым административному наказанию за деяния, предусмотренные частью 5.2 ст. 15.25 КоАП. При этом, в соответствии с примечанием к ст. 193 УК крупный размер будет признаваться таковым, если сумма незачисленных или невозвращенных денежных средств в иностранной валюте или валюте Российской Федерации по однократно либо по неоднократно в течение одного года проведенным валютным операциям превысит 100 млн руб. Подобные изменения вызвали недоумение не только в научной общественности,

¹ Лопашенко Н. А. Размышления об уголовном праве. Уголовное право. Уголовная ответственность. Уголовная политика. Авторский курс : монография. М. : Юрлитинформ, 2019. 400 с.

но и у сотрудников таможенных органов, по мнению которых, тем самым открывается возможность безнаказанного вывоза значительного объема денежных средств за границу, что, в свою очередь, предоставляет широкие возможности для финансирования различных видов преступной деятельности, в том числе направленной на подрыв основ российской государственности.

Оценивая в целом то, что происходит с законодательством в области противодействия экономической преступности, с первого взгляда может показаться, что сфера экономики всё больше и больше криминализируется, так как количество составов экономических преступлений, как было сказано выше, увеличилось почти вдвое, на фоне того, что реальной декриминализации были подвергнуты только два состава преступления — обман потребителей (ст. 200 УК) и заведомо ложная реклама (ст. 182 УК). Некоторые могут возразить, указав еще на ст. 188 УК и ст. 173 УК. Однако здесь уместно напомнить, что вместо одной статьи 188, устанавливающей ответственность за контрабанду, теперь в уголовном законе содержится 4 статьи о различных видах контрабанды, расположенных в разных главах УК (более подробно мы писали об этом в ряде своих работ¹), в том числе 2 из них являются разновидностями товарной контрабанды, которую, по замыслу законодателя, и планировалось декриминализировать. Что же касается ст. 173, то мы видим, что уголовный закон после апреля 2010 года, когда была исключена ответственность за лжепредпринимательство, планомерно наполнялся составами, которые так или иначе направлены на противодействие созданию фиктивных организаций. Так, первые нормы появились уже в декабре 2011 года, т.е. спустя 1,5 года после исключения ст. 173 УК, и закрепили ответственность за незаконное образование (создание, реорганизацию) юридического лица (ст. 173.1) и незаконное использование документов для образования (создания, реорганизации) юридического лица (ст. 173.2).

Но сделать однозначный вывод о том, что в части преступлений в анализируемой сфере доминируют процессы криминализации, мы не можем. Это связано с тем, что декриминализация возможна не только посредством исключения из УК РФ соответствующих составов преступлений, но и путем увеличения порога, при достижении которого деяние переходит в разряд преступных. Применительно к преступлениям в сфере экономической деятельности речь идет о сумме крупного размера, ущерба, дохода, которая выступает в качестве криминообразующего признака большинства составов главы 22 УК РФ. Если в первоначальной редакции это понятие отдавалось на усмотрение суда, то в 2003 году этот размер был определен как сумма, превышающая 250 тыс. руб. и закреплена в примечании к ст. 169 УК. Оно распространяло своё действие на все статьи главы, за исключением тех, которые имели собственные примечания. С 2003 года названный порог постепенно увеличивался и в настоящее время достиг 2 млн 250 тыс. руб., о чем сказано в примечании к ст. 170.2 УК РФ. Более подробный анализ норм главы 22 УК

¹ См., например: Подройкина И. А., Кругликова Д. А. Вопросы целесообразности введения новых составов в российское уголовное законодательство // Бизнес. Образование. Право. 2019. № 1 (46). С. 358–362; Подройкина И. А., Кругликова Д. А. Проблемы регламентации уголовной ответственности за контрабанду в современном законодательстве // Современное право. 2018. № 9. С. 100–105.

РФ показал, что и ряд тех примечаний, которые определяют крупный (особо крупный) размер применительно к конкретной статье исследуемой главы также подвергались изменениям в части увеличения порога криминализации. Так, например, в примечаниях 1 и 2 к ст. 178 УК суммы крупного и особо крупного размера ущерба и дохода были увеличены в 10 раз в 2015 году, в примечании к ст. 194 УК размеры неуплаченных таможенных платежей — в 2 раза в 2016 году, в примечаниях к ст. 198, 199 УК размеры неуплаченных налогов — в 3 раза в 2017 году и т.д.

Обращает на себя внимание и попытка законодателя защитить бизнес от «уголовно-правового прессы» посредством дополнения закона статьёй 76.1, которая в ч. 2 в первоначальной редакции описывала возможность освобождения от уголовной ответственности по делам о преступлениях в сфере экономической деятельности при соблюдении таких условий, как: 1) возмещение причиненного ущерба либо перечисление в федеральный бюджет дохода, полученного в результате совершенного преступления; 2) перечисление в федеральный бюджет денежного возмещения в размере пятикратной суммы причиненного ущерба либо пятикратной суммы дохода, полученного в результате совершения преступления (о ч. 1 ст. 76.1 не считаем необходимым писать, так как в ней в качестве условий освобождения от уголовной ответственности по налоговым преступлениям по сути предполагались те же условия, что и в примечаниях к данным статьям). Но, несмотря на попытки законодателя таким образом нивелировать объём уголовно-правовой реакции на экономические преступления, исследуемая статья практически не применялась на практике в связи с завышенными требованиями по суммам, подлежащим уплате. Речь шла о фактически 6 кратном возмещении, что даже при минимально причиненном ущербе (извлеченном доходе) составляло 13,5 млн руб., в то время, как, например, минимальное наказание по ч. 1 ст. 171 УК определялось в виде штрафа до 300 тыс. руб., а максимальное — в виде обязательных работ на срок до 480 часов. В последующем перечень статей, по которым возможно освобождение на основании ст. 76.1, был расширен за счет включения и иных, не относящихся к главе 22, а размер возмещения был снижен до двукратного. Но это не привело к тому, что данная статья заработала. Так, например, статистические данные за первое полугодие 2020 года показывают, что ст. 76.1 по экономическим преступлениям была применена только 4 раза (причем её первая часть), в то время, как на основании ст. 76.2 в связи с назначением судебного штрафа было прекращено 1082 дела¹.

В заключение подчеркнем, что изменения, вносимые в уголовный закон в части регламентации ответственности за преступления в сфере экономической деятельности, характеризуются бессистемностью. С одной стороны, законодатель с каждым годом всё больше и больше насыщает кодекс новыми составами экономических преступлений. А с другой — вносит в него такие изменения, которые: во-первых, выводят из числа преступных целый пласт деяний, за счёт изменения границ криминализации (например, как указывалось выше, путём повышения суммы крупного размера, ущерба, дохода

¹ Отчет об особенностях рассмотрения уголовных дел, применения реальных видов наказания и оснований прекращения уголовных дел // URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=5460> (дата обращения: 18.03.2021).

для главы 22 УК в целом, и для отдельных статей данной главы, имеющих собственные примечания); а во-вторых, дополняя общую часть кодекса новыми видами освобождения от уголовной ответственности (например, ст. 76.2), которые позволяют относительно безболезненно, совершенно легально уйти от уголовной ответственности за ряд экономических преступлений, так как большинство из них отнесено к категории небольшой или средней тяжести, а именно категория преступления выступает одним из условий освобождения от уголовной ответственности по большинству норм главы 11 УК РФ.

Полагаем, что для построения законодательства, способного эффективно противодействовать экономической преступности, необходима в первую очередь чётко выверенная государственная политика в области криминализации экономических преступлений, должны быть определены обозримые ориентиры, на которые бы опирался законодатель при разработке того или иного изменяющего документа. С учетом принятой доктрины, должна быть проведена ревизия существующих норм главы 22 УК РФ, ведь не секрет, что большинство из них либо не применяется вовсе, либо применяются крайне редко. В дальнейшем же, при обсуждении и принятии любых новелл, необходимо строгое следование разработанным в теории уголовного права критериям криминализации, не допуская чрезмерного расширения сферы уголовно-правового регулирования.

*Рябова А. Ю.,
ЦСН БДД МВД России,
кандидат юридических наук*

«ДРОБЛЕНИЕ» БИЗНЕСА КАК НАЛОГОВАЯ ОПТИМИЗАЦИЯ: УГОЛОВНЫЙ ЗАКОН И ПРАКТИКА

В одном из своих последних Посланий Федеральному Собранию Президент Российской Федерации обращает внимание на «необходимость наращивания экономического потенциала страны, каждого региона путем таких фискальных решений, которые обеспечат пополнение бюджетов, причем всех уровней, а также исполнение всех социальных обязательств и при этом будут не сдерживать, а стимулировать экономический рост»¹.

Реализация пожелания находит отражение в принимаемых нормативных правовых актах и складывающейся практики, основанной не всегда на этих законодательных актах. И в данном направлении (практика) возникает ряд сложностей, двусмысленных пониманий, влекущих вместо положительного отрицательный результат.

Одной из таких областей, в которых наблюдается отрицательный результат, есть реализация гражданами предоставленного им права на осуществление предпринимательской деятельности. Существуют разные варианты реализации предоставленного такого права и эти варианты реализации могут как выходить

¹ Послание Президента РФ Федеральному Собранию от 01.03.2018 «Послание Президента Федеральному Собранию» // Парламентская газета. № 8 С. 02.03.2018.

за пределы дозволенного и быть сопряжены со злоупотреблением, так и реализовываться в рамках действующего законодательства, регламентирующего предпринимательскую деятельность.

В данной работе рассматривается реализации права на осуществление предпринимательской деятельности, связанная с налоговой оптимизацией. Наглядно это можно представить следующим примером.

Лицо прямо или косвенно (через знакомых, родственников и др.) участвует в создании и (или) руководстве нескольких хозяйствующих субъектов. Допустим, это ООО «Ромашка», ООО «Роза», ООО «Цветок». Одна из организаций является производителем товара (ООО «Цветок»), две других — реализуют товар (ООО «Ромашка», ООО «Роза»). Предпринимательскую деятельность можно осуществлять в рамках одного ООО. Однако, понимая налоговое бремя, лицо разделяет на несколько организаций свой единый бизнес с применением упрощенной системы налогообложения в каждой. Гражданское законодательство не содержит каких-либо запретов. Заключаемые договоры не фиктивные, налоги и иные взносы уплачиваются в соответствии с законом. В чем состоит нарушение? Федеральная налоговая служба России (далее — ФНС России) пишет по данному факту, что за такого рода деяния, называемые «дроблением» бизнеса, предусмотрена уголовная ответственность, наступление которой связывают с тем, что государство недополучает доход от налогов¹.

Действительно, размер уплачиваемых налогов, которые должна платить одна крупная организация отличается от тех, которые приходятся на каждое созданное юридическое лицо. Так, подсчитано, что со средней выручкой 800 млн руб. в год при рентабельности 20 % следует перечислять налогов на сумму более 70 млн руб., на упрощенной системе налогообложения при разделении бизнеса налог не превысит 25 млн руб.²

Можно говорить об уголовной ответственности, когда лицо в этих маленьких организациях пытается придумать схемы, позволяющие не уплачивать от финансово-хозяйственной деятельности налоги. Но в чем состоит нарушение,

¹ За «дробление» бизнеса предусмотрена уголовная ответственность. URL: https://www.nalog.ru/rn33/news/activities_fts/6413249/ (дата обращения: 10.04.2021) ; письмо ФНС России от 13.07.2017 № ЕД-4-2/13650@ «О направлении методических рекомендаций по установлению в ходе налоговых и процессуальных проверок обстоятельств, свидетельствующих об умысле в действиях должностных лиц налогоплательщика, направленном на неуплату налогов (сборов)» (вместе с «Методическими рекомендациями «Об исследовании и доказывании фактов умышленной неуплаты или неполной уплаты сумм налога (сбора)», утв. СК России, ФНС России) // Спс КонсультантПлюс; письмо ФНС России от 11.08.2017 № СА-4-7/15895@ «О направлении обзора судебной практики, связанной с обжалованием налогоплательщиками ненормативных актов налоговых органов, вынесенных по результатам мероприятий налогового контроля, в ходе которых установлены факты получения необоснованной налоговой выгоды путем формального разделения (дробления) бизнеса и искусственного распределения выручки от осуществляемой деятельности на подконтрольных взаимозависимых лиц» // СПС «КонсультантПлюс».

² Дружинин М. Где грань между незаконным дроблением бизнеса и законным разделением для оптимизации в 2019 году. URL: <https://vc.ru/finance/71297-gde-gran-mezhdu-nezakonny-m-drobleniem-biznesa-i-zakonny-m-razdeleniem-dlya-optimizacii-v-2019-godu> (дата обращения: 11.04.2021).

если каждая из организаций заключает договоры и платит все необходимые платежи и сборы?

В рамках работы рассмотрим два основных положения, возникающих в этой связи.

Первый — что такое «дробление» бизнеса?

Действующее законодательство не содержит дефиниции «дробления» бизнеса. Кроме того, российское законодательство не знает, что такое бизнес¹. Поэтому как можно говорить о «дроблении», если нет определения тому, что «дробится». Каждый вкладывает свой смысл и перечень признаков в содержание термина «бизнес». В данной работе бизнес рассматривается как синоним предпринимательской деятельности.

Каких-либо разъяснений Верховным Судом РФ по рассмотрению вопроса о наличии или отсутствии в деяниях лица уголовно наказуемого «дробления» бизнеса в целом и как налоговой оптимизации в частности нет.

Имеются письма ФНС России², которыми предпринята попытка выделить обстоятельства, которые лишь могут указывать на применение схемы «дробления» бизнеса, с содержательной стороны в них отчетливо прослеживается обвинительный уклон.

Будет правильным если не на законодательном уровне, то в постановлении Пленума ВС РФ или обзоре судебной практики ВС РФ разработать определение и признаки «дробления» бизнеса в целях единообразия практики, в том числе уголовной судебной, исключающей злоупотребления налоговых органов, представленные в примерах далее.

Второй вопрос, как соотносится налоговая оптимизация при «дроблении» бизнеса со ст. 198 и 199 УК РФ.

Начать уместно со следующего случая.

Так, один из предпринимателей создал организации, в которые вошел в качестве соучредителя либо руководителя. Эти организации, как указывает Следственный комитет РФ на своем официальном сайте, «работали как единое лицо, имели единые товарный знак и марку, управлялись предпринимателем, но по налоговому учету позиционировались как независимые предприятия с льготным режимом налогообложения»³. Такие деяния осуществлялись «в целях сокрытия доходов» и «в период с 1 января 2012 по 31 декабря 2014 года предприниматель не исчислил с полученных доходов налоги на общую сумму в размере свыше 226 миллионов 567 тысяч рублей, чем причинил ущерб государственной казне в особо крупном размере»⁴.

Получается следующее: предприниматель не скрывает, что создал в установленном законом порядке организации, занимается предпринимательской деятельностью, платит налоги, однако в его законных действиях находят признаки незаконности и вменяют уголовную ответственность.

¹ Гражданское законодательство оперирует термином «предпринимательская деятельность».

² Упомянутые выше: письмо ФНС России от 13.07.2017 № ЕД-4-2/13650@ // СПС «Консультант-Плюс»; письмо ФНС России от 11.08.2017 № СА-4-7/15895@ // СПС «КонсультантПлюс».

³ Во Владимирской области индивидуальный предприниматель подозревается в уклонении от уплаты налогов на сумму свыше 226 миллионов рублей. URL: <https://sledcom.ru/news/item/1096963/> (дата обращения: 04.04.2021).

⁴ Там же.

Приведенный случай не единственный в своем роде. В судебной практике достаточно дел, когда лицо привлекают к ответственности по ст. 199 УК РФ за уклонение от уплаты налогов, подлежащих уплате организацией¹, или по ст. 198 УК РФ за уклонение физического лица от уплаты налогов².

Почему оптимизация налоговых платежей квалифицируется преступной? Ни гражданское законодательство, ни налоговое не ограничивают граждан в количестве созданных ими хозяйствующих субъектов. Смоделируем другую ситуацию, когда предприниматель «дробит» бизнес, при этом каждая из созданных организаций не применяет специальные налоговые режимы. Здесь у налоговых органов вопросов нет. Почему возникают претензии к тем, кто применяет специальные налоговые режимы? Очевидно предвзятое отношение к последней категории лиц.

Выше указывалось, что ФНС России наступление уголовной ответственности связывает с тем, что государство недополучает доход от налогов.

О каком недополученном доходе государства от налогов идет речь, если согласно диспозиции, ч. 1 ст. 199 УК РФ, равно как и ч. 1 ст. 198 УК РФ должны быть, во-первых, непредставление налоговой декларации (расчета) или иных документов или включения в налоговую декларацию (расчет) или такие документы сведений, во-вторых, такие сведения должны быть ложными, в-третьих, сумма неуплаченных налогов должна быть в размере, не менее установленного примечанием 1 к данным статьям.

Зачастую налоговые органы видят «дробление» бизнеса в деяниях, явно неохватывающиеся по смыслу оперируемым в научной литературе и конкретных судебных примерах понятием «дробление» бизнеса.

Фабула дела: ОАО «Луч», генеральным директором которого является ФИО, «в период с ДД.ММ.ГТТГ по ДД.ММ.ГТТГ не начислен и не уплачен налог путем применения схемы минимизации налогооблагаемой базы, а именно схемы дробления бизнеса как способа уклонения от уплаты налогов»³. Следовательно

¹ Гражданина А. привлекли к ответственности по ч. 1 ст. 199 УК РФ за то, что он, являясь директором и учредителем пяти организаций, «умышленно создал схему «дробления бизнеса» с вовлечением в нее указанных организаций, единственной целью которой являлась оптимизация налоговых платежей». Апелляционное определение Ростовского областного суда от 02.07.2019 по делу № 22-3705/2019 // СПС «КонсультантПлюс».

² Гражданин, будучи индивидуальным предпринимателем (далее — ИП), владея определенным количеством автобусов, привлечен к ответственности по ч. 1 ст. 198 УК РФ за создание в 4 квартале 2011 ООО и заключение договоров аренды транспорта на ту часть, которая мешала использовать ИП упрощенную систему налогообложения, поэтому «налоговая инспекция в октябре — декабре 2011 года объединила деятельность ИП и ООО <...> и исчислила налог в связи с применением УСНО, налог в сумме <...> рубля был доначислен». Апелляционное постановление Свердловского областного суда от 10.12.2015 по делу № 22-10257/2015 // СПС «КонсультантПлюс».

³ Апелляционное постановление Курского областного суда № 22К-753/2020 от 13.07.2020 по делу № 3/12-9/2020. URL: https://sudact.ru/regular/doc/1x9q25pXGVYa/?regular-txt=%D0%B4%D1%80%D0%BE%D0%B1%D0%BB%D0%B5%D0%BD%D0%B8%D0%B5+%D0%B1%D0%B8%D0%B7%D0%BD%D0%B5%D1%81%D0%B0®ular-case_doc=®ular-lawchunkinfo=®ular-date_from=®ular-date_to=®ular-workflow_stage=®ular-area=®ular-court=®ular-judge=&_=1618904304859&snippet_pos=722#snippet (дата обращения: 04.04.2021).

не увидел в действиях предпринимателя состава преступления, две судебные инстанции приняли также сторону предпринимателя, а не налоговых органов, оспаривавших решение следователя.

Помимо попытки привлечь предпринимателя к ответственности (налоговыми органами не указано, какие организации входили в схему «дробления» бизнеса), очевидно злоупотребление налоговых органов в попытке воспользоваться не принадлежащим им правом обжалования.

Вполне справедливо пишет КС РФ, что отсутствие в статье 199 УК РФ перечня конкретных способов уклонения от уплаты законно установленных налогов не дает правоприменителю оснований для произвольного привлечения к уголовной ответственности за неуплату налога, в том числе в случаях, когда налогоплательщик использует не противоречащие закону механизмы уменьшения налоговых платежей¹.

Приведенные примеры и обвинительный уклон писем ФНС России показывают, что налоговые органы «дробление» бизнеса рассматривают в отрыве от гражданского законодательства и исключительно как незаконный, в том числе преступный, инструмент для минимизации налогообложения. Действующее гражданское законодательство в основу предпринимательской деятельности положило цель получения прибыли. Поэтому цель минимизации налоговых платежей вытекает из содержания гражданского и налогового законодательства. Предприниматели осуществляют все законно, как от законных действий может следовать незаконный результат?

В Постановлении АС Западно-Сибирского округа от 19.07.2017 по делу № А03-16177/2015, например, указано, что гражданское законодательство не ограничивает учредителей в количестве созданных ими обществ и не обязывает созданные такими учредителями общества осуществлять разные виды деятельности².

Случаев, когда правоохранительные и судебные органы принимают сторону предпринимателя, не так много. Если судебная практика будет перенимать идею налоговых органов, то в таком контексте и цель уголовной ответственности, как справедливо пишут в научной литературе, будет только стимулирование к исполнению обязанности уплачивать налоги³.

Таким образом, «дробление» бизнеса сложное явление, содержание которого понимается налоговыми органами в негативном свете. Это ведет к тому, что в законной предпринимательской деятельности лица находят признаки незаконности. По результатам данной работы следует констатировать о необходимости принятия определенных действий со стороны законодателя или высших

¹ Постановление Конституционного Суда РФ от 27.05.2003 № 9-П «По делу о проверке конституционности положения статьи 199 Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан П. Н. Белецкого, Г. А. Никовой, Р. В. Рукавишников, В. Л. Соколовского и Н. И. Таланова» // Российская газета. № 105. 03.06.2003.

² Постановление АС Западно-Сибирского округа от 19.07.2017 по делу № А03-16177/2015 // СПС «КонсультантПлюс».

³ Кудрявцев А. Г. Цели уголовно-правовой политики в сфере ответственности за налоговые преступления // Уголовное право: стратегия развития в XXI веке : материалы XVII Международной научно-практической конференции. М. : РГ-Пресс, 2020. С. 272 ; Жигачев А. В. Когда искусственное «дробление» бизнеса становится налоговым преступлением? // СПС «КонсультантПлюс».

судебных органов для формирования единообразной практики и исключения злоупотребления со стороны налоговых органов. Стартовые минимальные решения: дать дефиницию «дробления» бизнеса, провести значительный объем работы по аналитике практических дел и научных разработок, направленной на выявление минимальных исчерпывающих признаков, присущих каждому случаю «дробления» бизнеса, которые бы исключали недобросовестные действия со стороны налоговых органов.

*Трапаудзе К. З.,
МГИМО МИД РФ,
кандидат юридических наук, доцент*

ОСВОБОЖДЕНИЕ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНЕГО ОТ НАКАЗАНИЯ (Ч. 1 СТ. 92 УК РФ): ВОПРОСЫ ПРАКТИКИ И ТЕОРИИ

Вопросам освобождения несовершеннолетнего от наказания посвящена статья 92 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее — УК, УК РФ). Согласно части 1 названной статьи, несовершеннолетний, осужденный за совершение преступления небольшой или средней тяжести, может быть освобожден судом от наказания с применением принудительных мер воспитательного воздействия, предусмотренных частью 2 статьи 90 УК. Вывод, который следует из приведенного текста уголовного закона, заключается в том, что освобождение от наказания, предусмотренное анализируемой нормой УК, является правом суда¹. Данный вывод подтверждает также анализ корреспондирующих ей норм Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее — УК, УПК РФ). Так, согласно ч. 1 ст. 427 УПК, если в ходе предварительного расследования уголовного дела о преступлении небольшой или средней тяжести будет установлено, что исправление несовершеннолетнего обвиняемого может быть достигнуто без применения наказания, то следователь с согласия руководителя следственного органа, а также дознаватель с согласия прокурора вправе вынести постановление о прекращении уголовного преследования и возбуждении перед судом ходатайства о применении к несовершеннолетнему обвиняемому принудительной меры воспитательного воздействия, предусмотренной частью 2 статьи 90 УК, которое вместе с уголовным делом направляется руководителем следственного органа или прокурором в суд. Последний, согласно ч. 3 ст. 427 УПК, получив уголовное дело с обвинительным заключением или обвинительным актом, вправе прекратить его по основаниям, указанным в части 1 статьи 427 УПК, и применить к несовершеннолетнему обвиняемому принудительную меру воспитательного воздействия. О праве суда освободить несовершеннолетнего от наказания в соответствии с частью 1 ст. 92 УК говорит также часть 1 ст. 432 УПК РФ.

Однако вывод о том, что рассматриваемый вид освобождения несовершеннолетнего от наказания является правом суда, ставит под сомнение другая норма

¹ См. об этом, например: Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации (постатейный) / Ю. В. Грачева, Л. Д. Ермакова, Г. А. Есаков [и др.] ; отв. ред. А. И. Рарог. 7-е изд., перераб. и доп. М. : Проспект, 2011. 824 с.

УПК — статья 431, в соответствии с которой, если при рассмотрении уголовного дела о преступлении небольшой или средней тяжести будет установлено, что несовершеннолетний, совершивший это преступление, может быть исправлен без применения уголовного наказания, то суд *прекращает* уголовное дело в отношении такого несовершеннолетнего и применяет к нему принудительную меру воспитательного воздействия, предусмотренную частью 2 статьи 90 УК.

Таким образом, если освобождение несовершеннолетнего от наказания за преступление небольшой или средней тяжести УК (ч. 1 ст. 92) и УПК (части 1 и 3 ст. 427, часть 1 ст. 432) считают правом суда, то ч. 1 ст. 431 УПК считает это обязанностью суда. Обращение, для решения данной правовой коллизии, к постановлению Пленума Верховного Суда РФ от 01.02.2011 № 1 (в ред. от 29.11.2016) «О судебной практике применения законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних» (п. 31), показывает, что высшая судебная инстанция страны запрещает назначение наказания несовершеннолетним, совершившим преступления небольшой или средней тяжести, если их исправление может быть достигнуто путем применения принудительных мер воспитательного воздействия, предусмотренных статьей 90 УК РФ. Пленум Верховного Суда РФ считает, что при наличии вывода о возможности исправления несовершеннолетнего путем применения мер воспитательного воздействия, уголовное дело по указанному основанию подлежит прекращению как на стадии подготовки к судебному заседанию по результатам предварительного слушания, так и по итогам судебного разбирательства с вынесением решения о применении к несовершеннолетним таким мерам. Таким образом, с точки зрения Пленума Верховного Суда РФ, освобождение от наказания несовершеннолетнего, совершившего преступление небольшой или средней тяжести, является не правом, а обязанностью суда.

Однако, как известно, Пленум Верховного Суда РФ, не является законодательным органом, и только законодательный орган может и должен разрешить рассматриваемую правовую коллизию. В литературе (И. В. Овсянниковым) высказано мнение, что «нормы, содержащиеся в ч. 1 ст. 90 УК РФ и ч. 3 ст. 427 УПК РФ, должны иметь не разрешительный, а предписывающий характер, в них должно быть установлено не право, а обязанность суда»¹. О том, что освобождение несовершеннолетних от уголовной ответственности по правилам ст. 90 УК РФ должно быть обязанностью правоприменителя, а не правом, пишут также З. Р. Джейранова, К. А. Таболина, которые в этой связи предлагают ч. 1 ст. 90 УК РФ изложить в следующей редакции: «Несовершеннолетний, совершивший преступление небольшой или средней тяжести, освобождается от уголовной ответственности, если будет признано, что его исправление может быть достигнуто путем применения принудительных мер воспитательного воздействия». При этом они считают, что «применение принудительных мер воспитательного воздействия должно быть основанием именно освобождения от уголовной ответственности, а не от наказания»².

¹ Овсянников И. В. Установление возможности исправления несовершеннолетнего без применения уголовного наказания: право или обязанность? // Уголовное право. 2015. № 1. С. 135–138.

² Джейранова З. Р. Таболина К. А. Совершенствование процедуры применения принудительных мер воспитательного воздействия // Актуальные проблемы российского права. 2019. № 9. С. 106–114.

В литературе, однако, высказаны и более радикальные идеи. Например, А. А. Горшенин предлагает исключить норму, предусмотренную частью 1 ст. 92 УК РФ¹. «Сомнение в необходимости ч. 1 ст. 92 УК РФ» высказывает также И. Э. Звечаровский, и приходит к выводу об исключении «из уголовного законодательства понятия освобождения от наказания»².

На наш взгляд, применение принудительных мер воспитательного воздействия должно иметь место только при освобождении несовершеннолетнего от уголовной ответственности (так, как это предусмотрено сейчас частью 1 ст. 90 УК РФ). Наряду с этим, как мы полагаем, нет никаких оснований, чтобы отказаться от предусмотренного частью 1 ст. 92 УК РФ вида освобождения от наказания. Представляется, что данный вид освобождения от наказания мог бы быть преобразован в такой же вид наказания, каким в настоящее время является, например, освобождение в связи с изменением обстановки, предусмотренное ст. 80.1 УК РФ. Причем следует отказаться от действующего ныне положения, когда освобождение от наказания в порядке, предусмотренном частью 1 ст. 92 УК РФ, применяется безотносительно к тому, сколько раз несовершеннолетний совершил преступление небольшой или средней тяжести — одни или, например, сто раз. На наш взгляд, такое положение обесценивает не только принцип справедливости, но и задачу предупреждения преступления³.

Основаниями освобождения несовершеннолетнего от наказания на основании части 1 ст. 92 УК, являются:

- совершение преступления небольшой или средней тяжести;
- осуждение за преступление небольшой или средней тяжести;

лицо на момент совершения любого преступления из указанных категорий не достигло 18 лет⁴, то есть должно быть несовершеннолетним.

Поскольку суд вправе с учетом фактических обстоятельств преступления и степени его общественной опасности, при наличии смягчающих наказание обстоятельств и отсутствии отягчающих наказание обстоятельств, изменить категорию преступления на менее тяжкую, но не более чем на одну категорию, основанием применения части 1 ст. 92 УК РФ может быть совершение преступления не только небольшой или средней тяжести, но и тяжкого преступления. Такую возможность допускает, например, пункт 10 постановления Пленума

¹ Горшенин А. А. Освобождение от наказания несовершеннолетних (ст. 92 УК РФ) // Уголовно-исполнительная система: право, экономика, управление. 2012. № 1. С. 13–15.

² Звечаровский И. Э. Постановление обвинительного приговора без назначения наказания (ст. 92 УК РФ) // Уголовное право. 2016. № 2. С. 35–39.

³ Как не без оснований отмечают в литературе, применение ч. 1 ст. 90 УК РФ или ч. 1 ст. 92 УК РФ «играет скорее не воспитательную и профилактическую роль, а стимулирует малолетнего на повторение преступлений, формируя чувство безнаказанности за преступные деяния» / Бельский А. И., Лыков Э. Н. О преступности несовершеннолетних и молодежи // Российский следователь. 2019. № 8. С. 55–59.

⁴ В литературе высказано мнение о том, что «исходя из положений ч. 1 ст. 90 и ч. 1 ст. 92 УК РФ, никаких ограничений для применения» предусмотренных ими мер к лицам, «которые совершили преступление в несовершеннолетнем возрасте, однако ко времени рассмотрения материалов уголовного дела в суде им исполнилось 18 лет». См. об этом: Иванов П. В. Принудительные меры воспитательного воздействия в судебной практике // Безопасность бизнеса. 2006. № 4. С. 20–23.

Верховного Суда РФ от 15.05.2018 № 10 «О практике применения судами положений части 6 статьи 15 Уголовного кодекса Российской Федерации». Правда, в этом случае осужденному за тяжкое преступление должно быть назначено наказание, не превышающее пяти лет лишения свободы, или другое более мягкое наказание (ч. 6 ст. 15 УК РФ).

Несмотря на то что среди оснований освобождения от наказания анализируемая норма УК РФ не упоминает вывод суда о возможности исправления виновного без применения наказания¹, о его установлении говорит соответствующая норма УПК РФ — статья 431 (часть 1)². В изученной нами практике некоторые суды, действительно, ссылаются на такой вывод³, однако, поскольку основания освобождения от наказания предусматриваются именно уголовным, а не уголовно-процессуальным законом, то желательно, чтобы данное обстоятельство было непосредственно указано именно в части 1 ст. 92 УК РФ⁴.

В литературе рассматриваемый вид освобождения несовершеннолетнего от наказания читают безусловным⁵, полагая, что его применение исключает отмену в последующем. На наш взгляд, это не совсем так. Дело в том, что освобождение от наказания, согласно части 1 ст. 92 УК РФ, происходит одновременно с применением к несовершеннолетним принудительным мерам воспитательного воздействия, которые, однако, согласно части 4 ст. 90 УК РФ, могут быть отменены. Для такой отмены достаточно, чтобы несовершеннолетний систематически не исполнял принудительную меру воспитательного воздействия⁶. В таком случае, согласно части 4 ст. 90 УК РФ, эта мера по представлению специализированного государственного органа отменяется, и материалы направляются для привлечения несовершеннолетнего к уголовной ответственности (в случае с освобождением от наказания, очевидно, — для отбывания наказания).

По мнению одних исследователей, норма, предусмотренная частью 1 ст. 92 УК, конкурирует с условным осуждением, в связи с чем предлагают в такой ситуации применять освобождение от наказания, поскольку в конкуренции норм «об условных и безусловных видах освобождения от наказания приоритетной, как правило, является норма о безусловном освобождении, в соответствии с общими коллизионными конституционным (всякое сомнение толкуется в пользу обвиня-

¹ Правда, в литературе отдельные исследователи утверждают, что возможность исправления несовершеннолетнего без применения к нему уголовного наказания следует «из смысла части 1 ст. 92 УК РФ». См. об этом: Завидов Б. Д., Борбат А. В. Общие проблемы и отдельные особенности некоторых положений уголовного права России // Подготовлен для системы «КонсультантПлюс», 2005.

² К такому выводу могут приходиться также следователь или дознаватель (часть 1 ст. 427 УПК РФ).

³ См., например: постановление Спасского районного суда Республики Татарстан // URL: <https://sudact.ru/regular/doc/0dAya7jNpaQd/>.

⁴ См. об этом также: Гареев М. Освобождение от наказания // ЭЖ-Юрист. 2013. № 10. С. 6.

⁵ См., например: Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации (постатейный) / Ю. В. Грачева, Л. Д. Ермакова, Г. А. Есаков [и др.]; отв. ред. А. И. Рарог. 7-е изд., перераб. и доп. Там же.

⁶ См. об этом пункт 31 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 01.02.2011 № 1 (ред. от 29.11.2016) «О судебной практике применения законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних» // СПС «КонсультантПлюс».

емого, ст. 49 Конституции РФ) и уголовно-правовым (более мягкая норма имеет приоритет над менее мягкой) принципами»¹. Не возражая против вывода о том, что норма, предусмотренная частью 1 ст. 92 УК РФ, является более «мягкой», чем норма об условно осуждении, по нашему мнению, нельзя согласиться с тем, что в приведенном случае речь идет именно о конкуренции норм. Причина — разная правовая природа условного осуждения и освобождения от наказания. Данные различия учитываются и в судебной практике, в которой применению подлежат как условное осуждение, так и освобождение от наказания. Так, один из районных судов Краснодарского края осудил Ш. и двух несовершеннолетних лиц П. и К. за кражу, совершенную группой лиц по предварительному сговору, с незаконным проникновением в помещение. Обоим несовершеннолетним было назначено наказание в виде 1 года лишения свободы условно с испытательным сроком на 6 месяцев, после чего на основании ч. 1 ст. 92 УК РФ суд освободил их как совершивших преступление средней тяжести от наказания, применив принудительную меру воспитательного воздействия (в виде передачи под надзор родителей)².

Обобщая изложенное, полагаем, что часть 1 ст. 92 УК РФ могла бы иметь следующую редакцию: «Несовершеннолетний, впервые совершивший преступление небольшой или средней тяжести, освобождается судом от наказания, если будет установлено, что для своего исправления оно не нуждается в применении наказания».

Устинова Т. Д.,

*профессор кафедры уголовного права
Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА),
доктор юридических наук, профессор*

О НЕКОТОРЫХ ПРОБЛЕМАХ ПРИМЕНЕНИЯ СТ. 200.4 УК РФ

В целях противодействия нарушениям в сфере закупок для государственных или муниципальных нужд Федеральным законом от 29.04.2018 № 99-ФЗ в Уголовный кодекс РФ была введена ст. 200.4, предусматривающая ответственность за злоупотребления, совершаемые лицами, вовлеченными в данную деятельность. Предметом закупки являются товары, работы или услуги, которые необходимы для обеспечения государственных или муниципальных нужд, и определяемые государственным или муниципальными заказчиками. Закупки реализуются в рамках специально созданной Контрактной системы.

Отличительная особенность содержащейся в законе уголовно-правовой нормы, — достаточно подробный перечень субъектов общественно опасного деяния, что, казалось бы, должно способствовать ее эффективному применению. Однако углублённый анализ диспозиции ст. 200.4 УК в контексте положений Федерального закона от 5 апреля 2013 г. № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд»

¹ Иногамова-Хегай Л. В. Концептуальные основы конкуренции уголовно-правовых норм : монография. М. : Норма, Инфра-М, 2015. 288 с.

² Приговор от 27.06.2012 по делу № 1-179/2012/URL: <https://rospravosudie.com/court-gulkevichskij-rajonnyj-sud-krasnodarskij-kraj-s/act-105986107/>.

(далее ФЗ № 44-ФЗ) выявляет ряд противоречий, что приводит к трудностям при квалификации содеянного. В первую очередь сказанное относится к установлению субъекта преступления, который, по определению законодателя, не должен быть должностным лицом или лицом, осуществляющим управленческие функции в коммерческой или иной организации.

На первом месте среди возможных субъектов в ст. 200.4 УК стоит работник контрактной службы. Как представляется, это — лицо, которое не обладает организационно-распорядительными или административно-хозяйственными полномочиями, но в силу своих служебных функций, может оказывать влияние на проведение закупочной компании, злоупотребляя своими возможностями. Например, лицо не включает определённые организации в реестр недобросовестных поставщиков (подрядчиков, исполнителей); не регистрирует участников закупок, предложивших более выгодные условия исполнения контракта; не учитывает наличие у участника закупки решения арбитражного суда о признании его банкротом или недоимки по налогам, сборам; непогашенную или неснятую судимость у участника закупки — физического лица и игнорирует иные требования, которые заложены в ФЗ № 44-ФЗ (к примеру, ст. 4, 31 и др.).

Для проведения закупки заказчик может привлекать специализированную организацию (ст. 40), которая является юридическим лицом. В деятельности такой организации могут иметь место злоупотребления, но если они совершаются должностным лицом или лицом, осуществляющим управленческие функции, то привлечение к уголовной ответственности по ст. 200.4 УК исключается, и применению подлежит ст. 201 УК или ст. 285 УК. Примерно такая же ситуация может быть и в том случае, когда злоупотребления происходят при использовании электронной площадки, на которой размещается вся необходимая информация и происходит определение поставщика. Оператор электронной площадки — непубличное хозяйственное общество, юридическое лицо.

В качестве субъекта преступления в ст. 200.4 УК указан и член комиссии по осуществлению закупок, но поскольку работа комиссии осуществляется в коллегиальной форме, то вряд ли он может единолично повлиять на ее решение. В таком случае, члены комиссии, скорее всего, будут действовать сообща, и тогда привлекать их к уголовной ответственности надо будет по п. «а» ч. 2 ст. 200.4 УК. Поэтому применение ч. 1 ст. 200.4 УК при таком варианте событий маловероятно, если только члену комиссии не поручили единолично, например, обеспечить регистрацию участников закупок, и он без достаточных оснований не допустил к конкурсу участника, предложившего более выгодные условия исполнения контракта. Важно отметить, что комиссия принимает решение, если на ее заседании присутствует не менее 50 % от общего числа членов, при этом заочное голосование не допускается (п. 8 ст. 39 ФЗ № 44-ФЗ). Возглавляет комиссию председатель, но почему-то законодатель забыл упомянуть его, видимо, посчитав, что он, безусловно, является либо должностным лицом, либо лицом, осуществляющим управленческие функции. Но вспомнил о контрактном управляющем, специально выделив его в диспозиции уголовно-правовой нормы.

Заказчик в зависимости от годового объема закупок создает для их проведения либо контрактную службу, либо назначает контрактного управляющего, который в конечном итоге обладает полномочиями по заключению контракта. Но контрактный управляющий определяется в законе как должностное лицо

(п. 2 ст. 38 ФЗ № 44-ФЗ). Следовательно, законодатель необоснованно включил в число возможных субъектов ст. 200.4 УК такое лицо.

Все перечисленные выше лица участвуют в подготовке торгов, определении их участников, и в конечном итоге представляют заказчику исполнителя конкретного контракта — поставщика товара, работ или услуг. После выполненной работы производится ее приемка. На этой стадии в ст. 200.4 УК в качестве возможного субъекта тех или иных злоупотреблений прежде всего называется лицо, осуществляющее приемку поставленных товаров, выполненных работ или оказанных услуг. Поскольку речь идет о закупках для государственных или муниципальных нужд, то заказчиком может быть государственный заказчик — государственный орган (в том числе орган государственной власти), Государственная корпорация по атомной энергии «Росатом», Государственная корпорация по космической деятельности «Роскосмос», орган управления государственным внебюджетным фондом либо государственное казенное учреждение, действующие от имени Российской Федерации или субъекта Российской Федерации, уполномоченные принимать бюджетные обязательства в соответствии с бюджетным законодательством Российской Федерации от имени Российской Федерации или субъекта Российской Федерации и осуществляющие закупки, или муниципальный заказчик — муниципальный орган или муниципальное казенное учреждение, действующие от имени муниципального образования, уполномоченные принимать бюджетные обязательства в соответствии с бюджетным законодательством Российской Федерации от имени муниципального образования и осуществляющие закупки. В число указанных заказчиков входят бюджетные учреждения, государственные, муниципальные унитарные предприятия (соответственно п. 5 и 6 ст. 3 ФЗ № 43-ФЗ). Лицом, осуществляющим приемку, как правило, является руководитель организации заказчика, т.е. должностное лицо, поэтому даже в случае злоупотребления с его стороны он не будет подлежать уголовной ответственности по ст. 200.4 УК, руководствуясь оговорками в этой же статье. Далее выделяется «иное уполномоченное лицо, представляющее интересы заказчика в сфере закупок товаров, работ, услуг». Но таким лицом опять-таки будет выступать должностное лицо, на которое нормативным правовым актом возложены полномочия действовать от имени организации и в ее интересах. Вспомним текст Примечания 1 к ст. 285 УК, в котором подчеркивается, что должностное лицо может осуществлять свои полномочия временно. Таким образом, практически невозможно определить «нарушителей», действующих от имени заказчика, но вопреки ее интересам, т.к. они в случае совершения противоправных действий будут привлекаться либо по ст. 285, либо 290 УК, в зависимости от того, как они реализовали свои корыстные интересы.

Подводя итог обсуждению в этой части, необходимо прийти к выводу, что диспозиция ст. 200.4 УК была сформулирована без учета тех особенностей, изложенных в ФЗ № 44-ФЗ, которые присущи деятельности контрактной системы.

Нельзя отрицать наличие злоупотреблений, которые могут происходить в этой сфере, и обусловлены теми полномочиями, которыми обладают участники контрактной службы при подготовке, проведении торгов и определении поставщика. Именно для этих субъектов следовало бы предусмотреть ответственность в самостоятельной статье уголовного кодекса: это и рядовые работники, и контрактные управляющие, и лица, ответственные за функционирование электронных площадок, члены контрактных комиссий, и их председатели и т.п.

Возможно было бы выделить в квалифицированном составе лиц, обладающих особыми полномочиями, правом окончательного решения того или иного вопроса. Для злоупотреблений, взяток и подкупов со стороны заказчика или поставщика есть специальные нормы, неоднократно упоминавшиеся по тексту (ст. 285 или 290 УК).

Спорным видится использование в качестве криминообразующего признака термина «крупный ущерб». Как представляется, его очень трудно установить, поскольку не совсем понятно, что следует признавать в качестве такового. Допустим, один из работников контрактной службы не допустил к торгам по тем или иным причинам поставщика, предложившего наиболее выгодные условия, и в результате заказчик заплатил за товар более высокую цену. Логично предложить, что разница между возможной ценой и реально уплаченной должна учитываться в качестве крупного ущерба, но где вероятность того, что заказчик избрал бы именно этого поставщика? Он мог не подойти ему по иным параметрам. Особо следует остановиться на проведении конкурса для заключения контракта на проведение научных исследований, экспериментов, изысканий, на создание произведений литературы или искусства (ст. 57 ФЗ 44-ФЗ). Как определить, что сумма контракта с избранным автором была завышена, и с кем, и с чем сравнивать подготовленное им произведение?

Но что действительно имеет место в такой ситуации, так это — ущемление права недопущенного поставщика участвовать в свободных торгах на прозрачной конкурентной основе, которое он не смог реализовать в ходе готовящихся торгов, либо нарушение интересов заказчика. Поэтому в качестве обязательного признака объективной стороны состава анализируемого преступления целесообразно было бы предусмотреть существенное нарушение прав и интересов как заказчика, так и поставщика.

Более серьезно к описанию аналогичного деяния законодатель подошел при установлении уголовной ответственности за злоупотребление должностными полномочиями при выполнении государственного оборонного заказа (ст. 285.1 УК), определив в качестве последствия этого преступления именно существенное нарушение охраняемых законом интересов общества или государства.

Полагаем, что попытка создания специальной нормы в действующей на сегодняшний момент редакции, привела к значительным трудностям при ее толковании, разбалансированности уголовного закона и ненужной конкуренции, что, безусловно, скажется негативным образом на эффективности ее применения.

*Яковлева Л. В.,
ВНИИ МВД России,
доктор юридических наук, доцент*

ПРАВОВАЯ РЕГЛАМЕНТАЦИЯ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА ФАЛЬШИВОМОНЕТНИЧЕСТВО: СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ

История фальшивомонетничества исчисляется веками, ввиду чего данное преступление обоснованно считается одним из наиболее известных уголовному

праву¹. Соответственно, и научных исследований, затрагивающих проблемы закрепления ответственности за его совершение, было проведено достаточно много. Тем не менее новая реальность заставляет переосмысливать некоторые устоявшиеся представления о фальшивомонетничестве и вносить коррективы в его правовую регламентацию.

В современном уголовном законодательстве данное деяние определяется как изготовление, хранение, перевозка или сбыт поддельных денег или ценных бумаг (ст. 186 Уголовного кодекса Российской Федерации — далее УК РФ) и размещается в главе 22 УК РФ, в которой сосредоточены преступления, посягающие на сферу экономической деятельности. Не оспаривая суждение о том, что объектом рассматриваемого преступления является кредитно-денежная система как нашей, так и иных стран, следует все же признать, что посягает фальшивомонетничество не только на экономику, но в значительной степени и на государственные устои Российской Федерации, поскольку только государство имеет право на эмиссию наличных денег. Не случайно в УК РСФСР 1960 г. статья, предусматривавшая ответственность за фальшивомонетничество (ст. 87), относилась к государственным преступлениям. Предметом этого преступления являлись деньги, государственные ценные бумаги и иностранная валюта.

Изменение политического строя и развитие рыночной экономики изменили кредитно-денежную систему. Выпуск денег остался прерогативой государства, но ценные бумаги могут выпускать также и частные лица. Однако представляется, что подделка государственных денежных знаков является более тяжким преступлением, чем подделка ценных бумаг, выпущенных компанией, частным лицом или государством. Возможно, следует разделить эти деяния, включив в главу 29 УК РФ, регламентирующую ответственность за посягательства на основы конституционного строя и безопасность государства, статью, устанавливающую ответственность за изготовление в целях сбыта, а также хранение, перевозку в целях сбыта и сбыт заведомо поддельных банковских билетов Центрального банка Российской Федерации и металлической монеты. В статье 186 УК РФ оставить только ответственность за аналогичные деяния с отечественными и иностранными ценными бумагами, а также иностранной валютой. Криминализация в различных статьях УК РФ сходных по способу совершения деяний, но отличающихся предметом преступления, уже применялась законодателем при закреплении уголовной ответственности, за контрабанду, когда ст. 188 УК РФ была исключена, а вместо нее постепенно появилось несколько новых статей (ст. 200.1, 200.2, 226.1, 229.1 УК РФ).

Изучение судебной практики показывает, что изготавливают в целях сбыта главным образом деньги как наиболее ликвидный товар, а не ценные бумаги. И все чаще встречаются случаи сбыта поддельных денег через сеть Интернет. Для этих целей используют несколько интернет-площадок, таких как HYDRA закрытой сети Dark Web, попадая на нее с помощью, например, программного обеспечения TorBrowser. Квалифицируются такие деяния по ч. 1 ст. 186 УК РФ

¹ Заварюхин В. Ю., Заварюхин Ф. В., Абдульмянова Т. В. Некоторые пробелы объективной стороны преступления, предусмотренного статьей 186 УК РФ «изготовление, хранение, перевозка или сбыт поддельных денег или ценных бумаг» // Пробелы в российском законодательства. 2016. № 3. С. 195.

(в отсутствие признаков, закрепленных в ч. 2, 3 данной статьи)¹. Между тем с использованием информационно-телекоммуникационных технологий совершается сбыт не только поддельных денег, но и иных изъятых или ограниченных в гражданском обороте предметов. Данное обстоятельство учтено, в частности, при регламентации ответственности за незаконный сбыт наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов (п. «б» ч. 2 ст. 228.1 УК РФ) (далее — наркотических средств).

Повышенная общественная опасность преступлений, совершаемых с использованием достижений современных цифровых технологий, находит отражение в санкциях. За незаконный оборот наркотических средств в ч. 1 ст. 228.1 УК РФ установлено максимальное наказание от 4 до 8 лет лишения свободы. Незаконный сбыт наркотических средств, совершенный с использованием информационно-телекоммуникационных сетей, включая сеть Интернет, влечет наказание от 5 до 12 лет лишения свободы.

В санкции основного состава фальшивомонетничества предусмотрено в качестве максимального размера наказания лишение свободы на срок до 8 лет, квалифицированного — до 12 лет, особо квалифицированного — до 15 лет. Не нарушая установленную систему санкций, за сбыт заведомо поддельных денег, совершенный с использованием информационно-телекоммуникационных сетей, включая сеть Интернет, можно было бы предусмотреть максимальное наказание в размере до 10 лет лишения свободы и скорректировать при необходимости также размер дополнительного вида наказания (в частности, ограничения свободы). Закрепить ответственность за данное деяние можно было бы в ч. 1.1 ст. 186 УК РФ. При концептуально новой редакции статьи допускается ее изложение полностью в новой редакции. При внесении изменений нумерация частей статьи сохраняется, поскольку ее изменение приведет к неоправданным финансовым затратам ввиду необходимости пересмотра всех уже вынесенных приговоров. В этих случаях используют двойную нумерацию новой части статьи. Такой юридический прием неоднократно применялся законодателем в УК РФ (например, в ст. 205.1, 210 и др.).

Установить ответственность за сбыт поддельных денег с использованием информационно-телекоммуникационных технологий необходимо еще и потому, что такой способ совершения преступления позволяет оставаться безнаказанными лицам, участвующим в «первичном» сбыте поддельных денег, то есть когда они переходят от изготовителя к покупателю. Такое преступление раскрывается только при совершении либо последующего сбыта поддельных денег, когда они выступают средством платежа при приобретении товаров, либо при выявлении хранения или перевозки в целях сбыта предметов фальшивомонетничества. Однако во всех этих случаях изготовителя установить бывает практически невозможно из-за его анонимности, которую обеспечивает использование информационно-телекоммуникационных технологий, в том числе неконтролируемой части Интернета.

Принятие высказанного предложения повлияло бы на статистику осуждения за фальшивомонетничество. В последние 5 лет более 90 % лиц (от 92 % в 2016 г.

¹ Приговор Правобережного районного суда г. Липецка № 1-235/2020 от 30 июля 2020 г. по делу № 1-235/2020 // Судебные и нормативные акты РФ. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/Ui57udeOwmYg/> (дата обращения: 22 марта 2021).

до 95 % в 2020 г.) осуждаются по ч. 1 ст. 186 УК РФ. В это число попадают и те, кто совершает сбыт поддельных денег с использованием информационно-телекоммуникационных технологий. По ч. 2 ст. 186 УК РФ осуждается около 1 % лиц (только в 2018 г. этот показатель составил 2, 1 %), остальные — по ч. 3 ст. 186 УК РФ¹. Дополнение ст. 186 УК РФ новой частью 1.1 перераспределило бы показатели между действующей ч. 1 ст. 186 УК РФ и вновь введенной частью 1.1, что позволило бы правильнее понимать, как именно чаще всего в настоящее время совершается сбыт поддельных денег.

Представляется перспективным дополнение ст. 186 УК РФ положением, предусматривающим совершение деяния в особо крупном размере². Особо крупный размер для фальшивомонетничества составлял бы свыше 9 млн руб. В действующей редакции ст. 186 УК РФ предусмотрен только крупный размер (свыше 2 млн 250 тыс. руб.), и все случаи фальшивомонетничества, даже если они совершены в размере, существенно превышающем крупный, должны квалифицироваться по ч. 2 ст. 186 УК РФ при отсутствии признака организованной группы.

Обоснованно предположить, что фальшивомонетничество в размере, превышающем 9 млн руб. может совершить только организованная группа. Вместе с тем вполне допустимо совершение его и группой лиц по предварительномуговору, если она действует в течение длительного времени. С учетом возможностей и степени развития современной множительной техники фальшивомонетничество может быть совершено и в особо крупном размере, в связи с чем было бы логично установить за него повышенную уголовную ответственность.

Вместе с тем нельзя не отметить, что фальшивомонетничество отличается от всех других преступлений, в которых в качествеотягчающего обстоятельства предусмотрено совершение деяния в крупном размере. Во всех деяниях крупный размер выражается в стоимостном эквиваленте, который определяется либо экспертным путем, либо исходя из существующих расценок на товары или услуги, поскольку предметы соответствующих преступлений имеют легальную стоимость. Предмет фальшивомонетничества стоимости в данном понимании не имеет. Несомненно, на изготовление поддельных денег затрачиваются определенные расходные материалы, но не их стоимость кладется в основу исчисления крупного размера (а при хранении, перевозке или сбыте поддельных денег лицо вообще может не нести затрат на их изготовление, если они не им изготовлены).

Подход к исчислению крупного размера исходя из стоимости товаров, приобретенных за поддельные деньги, не универсален, поскольку его можно применять при сбыте, а для случаев хранения или перевозки поддельных денег он не подходит.

Не применим и вариант расчета крупного размера, основанный на размере суммы настоящих денег, полученных при «первичном» сбыте поддельных, поскольку, как правило, поддельные деньги сбываются по стоимости, мно-

¹ Сводные статистические сведения о состоянии судимости в России за 2016, 2017, 2018, 2019, 2020 гг. // Судебный департамент при Верховном Суде Российской Федерации. Ф. 10-а. URL: <http://www.cdep.ru/> (дата обращения: 25 апреля 2021).

² Петрянин А. В. Ответственность за изготовление или сбыт поддельных денег или ценных бумаг : автореф. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2003. С. 9.

го меншэ номінала, указанага на супрацьпастаўленай купюры¹. Нягледзячы на тое, што нарматыўна замацаванага адказа на гэты пытання няма да сённяшняга дня, практыка ідзе па шляху разліку велічыні ў адпаведнасці з номіналам паддэльных грошай².

Вядома, што гэта не зусім зручна замацаваць спосаб вызначэння велічыні ўзрэдзі ў якасці прымянення да ст. 186 УК РФ, як гэта часта прапанаваў у навуковых публікацыях³. Логічна было б выказаць гэта правіла ў адпаведным пастаўленні Пленума Вярхоўнага Суда РФ.

Прыступленне, прадугледжанае ч. 1 ст. 186 УК РФ, адносіцца да катэгорыі цяжкіх прыступленняў, яго кваліфіцыраваны і асабліва кваліфіцыраваны склад — асабліва цяжкіх. Адпаведна, пад дзеянне нормы аб дзейным раскаянні яны не падпадаюць. У сувязі з гэтым трэба падтрымаць некаторых аўтараў, прапанаваўшых прадугледзіць спецыяльны від вызвалення ад уласнага адказнасці за данае дзеянне, замацаваўшы яго ў прымяненні⁴.

У заключэнне хацела б адзначыць, што ст. 186 УК РФ прымяняецца досыць часта. Прапанаваўшы змяненні, якія ўлічваюць сучасныя дасягненні навучна-тэхнічнага прагрэсу сістэмнасць будавання ўласна-прававых нормаў, спрыялі б павышэнню эфектыўнасці супрацьдзеяння фальшывоманетніцтву і дазволілі б зменшыць колькасць прыступленняў, звязаных з незаконным вытворчасцю, захоўваннем, перавозкай ці збыткам паддэльных грошай ці каштоўных папераў.

¹ Изосимов В. С., Богомолов С. Ю. Уголовно-правовое противодействие изготовлению, хранению, перевозке или сбыту поддельных денег или ценных бумаг: особенности законодательной и правоприменительной реализации // Вестник Нижегородской академии МВД России. 2019. № 3 (47). С. 126–127.

² Приговор суда Коптевского районного суда г. Москвы № 815025 от 2 апреля 2016 г. по делу № 1-10/2015 (1-338/2014) // Судебная практика. URL: <https://sud-praktika.ru/precedent/78838.html> (дата обращения: 30 марта 2021).

³ Карягина А. В., Авакова Н. И. Уголовно-правовой анализ современного фальшивоманетничества: проблемы теории и практики // Вестник Таганрогского института управления и экономики. 2017. № 2. С. 64–65.

⁴ Черкашин Е. Ф. Проблемы квалификации изготовления или сбыта поддельных денег или ценных бумаг : автореф. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2008. С. 15.

КАЧЕСТВО ПРАВОПРИМЕНЕНИЯ В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ И ЕГО ВЛИЯНИЕ НА СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ

Богатырев Д. В.,

*адъюнкт факультета подготовки
научно-педагогических и научных кадров
Московского университета МВД России
имени В.Я. Кикотя*

ОТГРАНИЧЕНИЕ ЗЛОУПОТРЕБЛЕНИЯ ПРАВОМ В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ ОТ СМЕЖНЫХ ПРАВОВЫХ ЯВЛЕНИЙ

Неопределенность такого явления, как злоупотребление правом в ходе уголовного судопроизводства вызывает трудности при его оценке в практической деятельности. Рассматриваемое правовое явление является оценочным, а потому решение о его наличии или отсутствии принимается должностным лицом органа предварительного расследования исключительно на основе личного мнения. Следует учитывать, что данный участник может допустить злоупотребление правом. Это обусловлено тем, что в уголовно-процессуальном законодательстве отсутствуют понятие и признаки злоупотребления правом. При этом сам факт злоупотребления важно отграничивать от смежных правовых случаев, например совершение правонарушений. Следует отметить, что для правонарушения и преступления присущ состав, благодаря которому то или иное деяние можно идентифицировать. В теории уголовно-процессуального права отсутствует единый подход к пониманию состава злоупотребления правом, его признакам.

Важно отметить, что признаки рассматриваемого явления, согласно которым деяние можно квалифицировать как злоупотребление правом, в законодательстве также не определены. При этом следует обратить внимание на разъяснения Верховного Суда РФ, которые способствуют установлению анализируемого явления: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 30.06.2015 № 29 «О практике применения судами законодательства, обеспечивающего право на защиту в уголовном судопроизводстве». Согласно п. 18 Постановления если отказ в удовлетворении ходатайства был вызван недобросовестным использованием своих прав обвиняемым или его защитником, то суд может не признавать такой отказ нарушением права на защиту. Однако имеющиеся разъяснения Верховного Суда РФ не представляют собой основы, позволяющей определить такое деяние, как злоупотребление правом. Отмеченное дополнительно подчеркивает, что злоупотребление правом является оценочным понятием.

Обязательным признаком злоупотребления правом является наличие у участника уголовного процесса субъективного права. Этот признак позволяет отграничить злоупотребление правом от иных противоправных деяний, на совершение которых у лица право вовсе отсутствует, что в ряде случаев будет свидетельствовать о совершении правонарушения (например, разглашение информации с ограниченным доступом (ст. 13.14 КоАП РФ)) или преступления (например, превышение должностных полномочий (ст. 286 УК РФ)).

При реализации своего права в случае злоупотребления им лицом, последнее также может совершить преступление или правонарушение. В качестве примера можно указать ст. 285 УК РФ (Злоупотребление должностными полномочиями), когда должностное лицо, используя свои служебные полномочия вопреки интересам службы из корыстной или иной личной заинтересованности, существенно нарушает права и законные интересы граждан или организаций либо охраняемых законом интересов общества или государства, либо ст. 19.1 КоАП РФ (Самоуправство).

Отмечая различия между злоупотреблением должностными полномочиями и злоупотреблением правом, допускаемым должностными лицами уголовного судопроизводства, необходимо подчеркнуть, что самостоятельным признаком их разграничения выступает злоупотребление должностными полномочиями, которое совершается вопреки интересам государственной службы, в то время как злоупотребление правом не выходит за рамки ее интересов, однако совершается вопреки фактическому назначению права.

В связи с этим следует говорить о пределах злоупотребления правом, под которыми можно понимать границы, в рамках которых лицо действует в соответствии со своим субъективным правом, не причиняя вреда другим лицам, организациям, не нарушая интересов общества или государства, и в таком случае его деяние является правомерным. Но, если лицо умышленно выходит за пределы своих субъективных прав, превышая свои полномочия, или реализует свое право вопреки его назначению, причиняя вред охраняемым законом объектам, его можно считать противоправным в рамках состава конкретного преступления или правонарушения.

Важно отметить, что ряд авторов определяет противоправность злоупотребления правом в том случае, если в результате его совершения был причинен серьезный вред¹, другие же указывают на то, что злоупотребление правом хотя и является отдельной правовой категорией, тем не менее не представляет из себя неправомерного деяния².

Важной составляющей злоупотребления правом является наличие вины при совершении такого деяния. В том случае, если лицо совершает действия, которые могут расцениваться как злоупотребление правом, однако не имеет умысла на причинение вреда другим участникам правоотношений, то такое деяние вполне можно считать добросовестным заблуждением (например, чрезмерная активность в достижении своих законных интересов).

Переноса указанный признак в плоскость преступления и правонарушения, следует отметить, что в зависимости от волевого момента отношения правонарушителя к деянию, они могут быть совершены как умышленно, так и по неосторожности. В случае умышленного совершения преступления либо правонарушения лицо осознает, что оно действует вопреки закону и желает наступления последствий, к которым оно стремится либо относится к их наступлению безразлично. В рамках злоупотребления правом лицо осознает, что действует вопреки фактическому назначению принадлежащего ему права, и то, что его

¹ Малиновский А. А. Злоупотребление субъективным правом (теоретико-правовое исследование). М., 2007. С. 338–351.

² Наумов А. А. Злоупотребление правом: теоретико-правовой аспект : дис. . . канд. юрид. наук. М., 2010. С. 15.

личные интересы противоречат интересам других лиц, а также интересам общества и государства.

Таким образом, участник уголовного процесса, имея цель на обеспечение собственных интересов, стремится, в частности, к затягиванию процесса или попытке вызвать затруднение у других участников в использовании ими своих прав или обязанностей. Однако формально лицо действует вполне законно, поскольку его деятельность направлена на реализацию предоставленных ему прав. А умысел лица, злоупотребляющего своим правом, и негативные последствия такого деяния потребуются установить. Это нужно для того, чтобы предпринять меры, направленные на пресечение такого недобросовестного поведения. При совершении преступления или правонарушения действия лица в любом случае не могут являться формально законными.

Следовательно, в рамках злоупотребления правом как умышленного деяния можно говорить о том, что лицо действует недобросовестно, осознавая при этом формальную законность своих действий, в то время как при совершении преступления или правонарушения лицо осознает, что действует противоправно. При этом следует отметить, что признак противоправности и наказуемости применительно к злоупотреблению правом отсутствует вовсе, поскольку запрет или наказание относительно рассматриваемого явления законом не регламентируются. Злоупотребление правом в отдельных случаях может быть пресечено, но наказание за такое деяние отсутствует. И связано это с отсутствием в УПК РФ регламентации понятия, признаков анализируемого деяния.

В заключение отметим, что главной особенностью злоупотребления правом является наличие у лица субъективного права, которое оно умышленно реализует вопреки его фактическому назначению, но при этом его недобросовестное поведение не образует ни состава правонарушения, ни состава преступления.

*Лазарева Л. В.,
профессор кафедры уголовно-
процессуального права и криминалистики
Владимирского юридического института
ФСИН России,
доктор юридических наук, профессор*

ОБЕСПЕЧЕНИЕ ПРАВА НА ПРОИЗВОДСТВО СЛЕДСТВЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ В СОКРАЩЕННОМ ДОЗНАНИИ (НА ПРИМЕРЕ СУДЕБНОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ)

Проблемы доказывания и доказательств всегда воспринимались как наиболее актуальные в уголовном процессе. Результаты правоприменительной практики убедительно свидетельствуют, что особую остроту данные проблемы приобретают при производстве сокращенного дознания.

Законодатель, разрабатывая главу 32.1 УПК РФ «Дознание в сокращенной форме», установил упрощенный характер процесса доказывания, обусловленный предоставленным дознавателю правом использовать в качестве доказательств материалы доследственной проверки. Однако множество вопросов остались не до конца урегулированными. В первую очередь это относится к использованию

специальных знаний в различных формах. Попытаемся рассмотреть эту ситуацию на примере судебной экспертизы.

Особенности доказывания в том виде, как они сконструированы законодателем в ст. 226.5 УПК РФ, вызывают многочисленные споры ученых по многим аспектам. Так, исходя из существующих предписаний закона (ч. 3 ст. 226.5 УПК РФ), при производстве дознания в сокращенной форме дознаватель вправе не назначать судебную экспертизу по вопросам, ответы на которые содержатся в заключении специалиста по результатам исследования, проведенного в ходе проверки сообщения о преступлении.

По мнению законодателя, при производстве дознания в сокращенной форме судебные экспертизы должны проводиться при необходимости установления дополнительных, имеющих значение для уголовного дела, фактических обстоятельств или проверки выводов специалиста, достоверность которых поставлена под сомнение подозреваемым, его защитником, потерпевшим или его представителем, а также при наличии оснований для обязательного назначения судебной экспертизы. Как правило, сторона защиты ходатайствует о производстве судебной экспертизы с целью опровержения доводов стороны обвинения. Это, в свою очередь, ставит под сомнение соблюдение условия, закрепленного в п. 2 ч. 2 ст. 226.1 УПК РФ.

Одновременно следует признать, что сторона защиты нередко ограничивается в правах при рассмотрении вопросов, связанных с использованием специальных знаний. Поэтому нельзя исключать ситуацию, когда сторона защиты, сомневаясь в выводах специалиста, ходатайствует о назначении судебной экспертизы, при этом подозреваемый не отрицает своей вины, характер и размер причиненного преступлением вреда и не оспаривает правовую оценку деяния. В случае удовлетворения дознавателем заявленного ходатайства, на наш взгляд, должно последовать прекращение дознания в сокращенной форме и продолжение производства по уголовному делу в общем порядке. Например, в Магаданской области по уголовному делу в отношении Н. Б. Ревота возникла необходимость назначения амбулаторной судебно-психиатрической экспертизы, сроки производства которой не позволили окончить дознание в упрощенной форме, что повлекло переход на обычный порядок¹.

Одна из проблем доказывания при производстве дознания в сокращенной форме связана с возможностью использования в доказывании результатов предварительных исследований. Научная доктрина не позволяет рассматривать предварительные исследования как полноценные доказательства. И хотя ученые в целом признают значимость предварительных исследований, допуская, что деятельность специалиста можно назвать исследованием «в том смысле, что специалист активно выявляет искомую информацию», все же считают, что «такое исследование ни в коем случае нельзя отождествлять с экспертным. Последнее производится вне рамок следственного действия и состоит в применении специальных, не обладающих наглядностью приемов и средств и обязательно включает элемент объяснения и истолкования обнаруженных фактов... Характерная особенность познавательной деятельности специалиста — наглядность применяемых им методов»².

¹ Постановление № 5-385/2018 от 26 мая 2018 г. по делу № 5-385/2018 / URL: <https://sudact.ru> (дата обращения: 15.03.2021).

² См., например: Шейфер С. А. Следственные действия. Система и процессуальная форма. М., 2001. С. 136.

Представляется, что авторы законодательной новеллы не видят больших различий между судебной экспертизой как процессуальным действием и предварительными исследованиями как проверочным мероприятием. Если судебная экспертиза носит познавательный характер, может проводиться только при наличии оснований, предусмотренных в ст. 195 УПК РФ, и в строгом процессуальном порядке, то предварительные исследования проводятся, как правило, в целях поиска источников информации — для обнаружения следов преступления. Однако оба эти действия фактически дублируют друг друга, на что неоднократно указывалось в литературе¹.

Несмотря на установленные УПК РФ ограничения, практика использования в доказывании сведений, полученных в результате предварительных исследований, широко распространена. На сегодняшний день основанием для проведения предварительных исследований является поручение органа дознания, а применяемые методики аналогичны методикам экспертного исследования. Результаты исследования оформляются справкой, которая подписывается специалистом, и опечатывается его личной печатью или печатью судебно-экспертного учреждения. Ответы специалиста на поставленные вопросы, содержащие в себе важные сведения об установленных фактах, полученные до возбуждения уголовного дела, имеют значение для принятия процессуального решения.

В связи со сказанным возникает вопрос: можно ли оформлять результаты предварительных исследований заключением специалиста?

В юридической литературе неоднократно предлагались решения данного вопроса. Так, Ю. К. Орлов предлагал использовать простой, но действенный критерий разграничения актов эксперта и специалиста — эксперт дает заключение по вопросам, которые требуют проведения исследования, тогда как специалист высказывает свое письменное суждение по вопросам, которые не требуют для ответа производства исследований².

Аналогичное решение этого вопроса было предложено Т. В. Аверьяновой: «к компетенции специалиста отнести решение диагностических задач в тех случаях, когда эти исследования не требуют сложных лабораторных исследований. Тогда на долю судебной экспертизы придется решение всех идентификационных и сложных диагностических задач»³.

На наш взгляд, такое решение является вполне приемлемым. Вместе с тем, как уже неоднократно отмечалось в публикациях автора, правоприменитель, не обладающий специальными знаниями, будет испытывать затруднения в оценке степени сложности лабораторных исследований⁴. Следователи, которые

¹ Снетков В. А. Основы деятельности специалиста экспертно-криминалистических подразделений органов внутренних дел. М., 2001. С. 52 ; Зинин А. М. Криминалист в следственных действиях. М., 2004. С. 53.

² Орлов Ю. К. Судебная экспертиза как средство доказывания в уголовном судопроизводстве. Науч.изд. М., 2005. С. 50.

³ Аверьянова Т. В. Судебная экспертиза. Курс общей теории. М., 2006. С. 451.

⁴ Лазарева Л. В. К вопросу о доказывании по уголовным делам с использованием специальных знаний в условиях состязательности // Природа российского уголовного процесса и принцип состязательности: к 125-летию со дня рождения М. С. Строговича : материалы конф. МГУ имени М. В. Ломоносова. М., 2020. С. 209–210.

и без того испытывают трудности при выборе специалиста, определении вида исследования и пр., получают дополнительные сложности.

Всегда считалось, что главным отличием, разграничивающим компетенцию двух сходных участников — специалиста и эксперта, является то, что специалист оформляет свое мнение каким-то другим документом, но не заключением. Сейчас же и эксперт, и специалист оба представляют заключения, причем с использованием соответствующих специальных знаний. Уместно напомнить позицию Пленума Верховного Суда Российской Федерации, изложенную в постановлении от 21.12.2010 № 28 «О судебной экспертизе по уголовным делам»¹, в котором указывается на различие процессуальных полномочий эксперта и специалиста. В частности, специалисты не вправе проводить исследования в уголовном судопроизводстве, при необходимости их производства должна назначаться судебная экспертиза.

Особо значимо выполнение этих рекомендаций для дознания в сокращенной форме. Такой вывод обусловлен тем, что в настоящее время на законодательном уровне результаты предварительных исследований приравниваются к доказательствам с той лишь оговоркой, что содержатся они в заключении специалиста.

По нашему убеждению, позиция законодателя не соответствует фундаментальным положениям теории доказательств. Действительно, подобные исследования проводятся в другом правовом режиме, поэтому не могут обуславливать появление доказательств, аналогичных результатам следственных действий, в частности судебной экспертизы. Однако экспертно-криминалистические подразделения правоохранительных органов руководствуются «Наставлением по организации экспертно-криминалистической деятельности в системе МВД России»², согласно которому результаты исследований при проверке сообщений о преступлениях оформляются заключением специалиста (пункт 4.1). Подобная практика приводит к стиранию границ между различными видами доказательств, способствует подмене одних доказательств другими или появлению новых доказательств³.

Очевидно, что правоприменитель оказывается в ситуации, которая может быть разрешена только законодателем. А пока дознаватель при производстве сокращенного дознания может использовать результаты предварительных исследований только в совокупности с другими доказательствами, полученными из предусмотренных законом источников.

Подводя итог, можно сделать вывод, что отвергать возможность прямого использования в процессе доказывания результатов предварительных исследований не следует. Обратим внимание на то, что использование в доказывании результатов предварительных исследований возможно только при следующих условиях: во-первых, соответствия требованиям, содержащихся в ч. 1 ст. 88 УПК РФ, во-вторых, только в совокупности с другими доказательствами по уголовному делу.

¹ Российская газета. 2010. 30 декабря.

² Приказ МВД России от 11 января 2009 г. № 7 «Об утверждении Наставления по организации экспертно-криминалистической деятельности в системе МВД России» / URL: <https://base.garant.ru/72341002/> (дата обращения: 07.01.2021).

³ Россинский Б. В., Россинский С. Б. Результаты административной деятельности как доказательства по уголовному делу // Вестник СПб.ГУ. Право. 2018. Т. 9. Вып. 3. С. 322.

Мурылева-Казак В. В.,

аспирант кафедры

уголовно-процессуального права

Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

ПРОБЛЕМЫ РАЗГРАНИЧЕНИЯ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНЫХ И ГРАЖДАНСКО-ПРОЦЕССУАЛЬНЫХ СРЕДСТВ ЗАЩИТЫ ПРАВ ПРИ СНЯТИИ АРЕСТА, НАЛОЖЕННОГО НА ИМУЩЕСТВО ИНЫХ ЛИЦ В РАМКАХ ПРОИЗВОДСТВА ПО УГОЛОВНОМУ ДЕЛУ

Уголовно-процессуальный кодекс РФ закрепляет две группы субъектов, на чье имущество может быть наложен арест при производстве по уголовному делу: к первой группе относятся подозреваемый, обвиняемый, лицо, несущее по закону материальную ответственность за их действия (ч. 1 ст. 115 УПК РФ); ко второй — иные лица, если есть основания полагать, что их имущество добыто преступными действиями подозреваемого, обвиняемого либо должно было быть использовано для осуществления преступной деятельности или ее финансирования (ч. 3 ст. 115 УПК РФ, далее — иные лица). При этом во вторую группу могут входить как лица, имеющие урегулированный законом процессуальный статус (обычно — свидетели), так и лица, указанным статусом не обладающие, что, однако, исходя из действующего уголовно-процессуального законодательства, не создает различия в возможности их защиты своих имущественных прав.

В литературе отмечается, что отсутствие закрепленного в законе перечня прав и обязанностей иных лиц ограничивает возможность защиты ими своих интересов, поскольку такая защита «во многом зависит от усмотрения соответствующих должностных лиц»¹, что «оказало определенное негативное влияние на порядок рассмотрения вопроса об освобождении имущества от ареста в рамках уголовно-процессуальных отношений»². Указанный вывод представляется обоснованным, поскольку подтверждается неоднократными обращениями иных лиц в Конституционный Суд РФ по вопросам снятия ареста с их имущества³.

Следует отметить, что в УПК РФ не разграничиваются процессуальные средства защиты имущественных прав при наложении ареста на имущество применительно к иным лицам (ч. 3 ст. 115 УПК РФ) и подозреваемым, обвиняемым и лицам, несущим по закону материальную ответственность за их действия (ч. 1 ст. 115 УПК РФ). Что касается средств снятия ареста, то к ним согласно ч. 8 ст. 115 УПК РФ относятся ходатайство об отмене ареста, наложенного на имущество, а также жалоба на решение о наложении ареста на имущество. Однако неэффективность применения указанных уголовно-процессуальных средств на практике служит причиной обращения иных лиц к гражданско-процессуальным средствам защиты, к которым, например, относятся иск об освобождении имущества от ареста, заявле-

¹ Булатов Б. Б., Борбат А. В., Дежнев А. С. Наложение ареста на имущество других лиц в целях обеспечения исполнения приговора в части гражданского иска // Российский следователь. 2019. № 8. С. 24–28.

² Там же.

³ Постановления Конституционного Суда РФ от 17.04.2019 № 18-П, от 21.10.2014 № 25-П, от 31.01.2011 № 1-П, определения Конституционного Суда РФ от 20.12.2018 № 3352-О, от 25.10.2016 № 2356-О, от 15.05.2012 № 813-О [и др.] // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 25.02.2021).

ние (ходатайство) арбитражного управляющего в рамках процедуры банкротства о снятии ареста с имущества, заявлении в территориальный орган Федеральной службы государственной регистрации, кадастра и картографии (далее — Росреестр) о регистрации прекращения ареста, наложенного на недвижимое имущество, в Едином государственном реестре прав на недвижимое имущество и сделок с ним и последующее оспаривание отказа территориального органа Росреестра в суде. При этом позиции судов относительно возможности снятия ареста, наложенного в рамках уголовного дела, в гражданском и арбитражном судопроизводстве расходятся. Так, в Московском городском суде применительно к иску об освобождении имущества из-под ареста сложился следующий подход: «в порядке искового производства не может быть рассмотрен спор, связанный с защитой права собственности на имущество, если соответствующие ограничения этого права явились следствием принятия мер процессуального принуждения в рамках уголовного дела»¹. Нижестоящие суды в этой связи отказывают в принятии исковых заявлений. Сходной позиции придерживается Самарский областной суд², а также арбитражные суды³. Противоположный подход к решению вопроса о снятии обременения с имущества применяется Нижегородским областным судом, который в апелляционном определении от 25.07.2017 по делу № 33-8493/2017 указал, что «сохранение ареста, наложенного на имущество лиц, которые не привлекались к уголовной ответственности в качестве подозреваемого или обвиняемого по рассмотренному уголовному делу, влечет подмену частноправовых механизмов разрешения споров о собственности уголовно-процессуальными средствами, направленными на достижение публично-правовых целей уголовного судопроизводства, и представляет собой чрезмерное ограничение права собственности лиц, на имущество которых наложен арест». Аналогичная практика отмечается и в Санкт-Петербургском городском суде⁴. Волгоградский областной суд и Саратовский областной суд также считают возможным рассмотрение по существу требований, заявленных в рамках гражданского судопроизводства⁵.

В рамках процедуры банкротства арбитражные суды отказывают в удовлетворении ходатайств арбитражных управляющих о снятии ареста с имущества должников, указывая, что это не относится к их компетенции⁶, несмотря на то, что

¹ Апелляционные определения Московского городского суда от 20.06.2018 по делу № 33-20232/2018, от 20.06.2018 по делу № 33-20185/2018 // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 25.02.2021).

² Апелляционное определение Самарского областного суда от 27.06.2019 по делу № 33-7604/2019 // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 25.02.2021).

³ Постановление Президиума Высшего Арбитражного Суда РФ от 24.01.2012 № 11479/11 // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 25.02.2021).

⁴ Апелляционное определение Санкт-Петербургского городского суда от 02.02.2018 по делу № 33-181/2018 // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 25.02.2021).

⁵ Апелляционные определения Волгоградского областного суда от 05.12.2018 по делу № 33-16248/2018, Саратовского областного суда от 29.10.2019 по делу № 33-8250 // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 25.02.2021).

⁶ Постановления Арбитражного суда Московского округа от 08.08.2019 по делу № А40-78316/2017, Арбитражного суда Восточно-Сибирского округа от 30.10.2020 по делу № А33-17085/2017, Арбитражного суда Северо-Кавказского округа от 06.03.2020 по делу № А53-6047/2017 // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 25.02.2021).

введение указанной процедуры согласно правовой позиции Конституционного Суда РФ является самостоятельным основанием для снятия уголовно-процессуального ареста, наложенного в целях обеспечения гражданского иска¹. Росреестр также отказывает в регистрации снятия ареста с недвижимого имущества, если отсутствует вынесенное в соответствии с ч. 9 ст. 115 УПК РФ постановление или определение лица, органа, в производстве которого находится уголовное дело. Такие отказы поддерживаются судами².

Не вдаваясь в дискуссию о правильности применения гражданского и арбитражного процессуального законодательства³, попробуем ответить на вопрос: является ли процедура снятия уголовно-процессуального ареста с имущества исключительной прерогативной уголовно-процессуального права или допустимо использование средств защиты иных отраслей права?

В соответствии с ч. 1 ст. 1, ч. 1 ст. 2 УПК РФ порядок производства по уголовным делам на территории РФ определяется УПК РФ. Применение мер процессуального принуждения, одной из которых является наложение ареста на имущество, допускается при производстве по уголовному делу. В этой связи такие вопросы, как наложение ареста на имущество, обжалование решений о применении данной меры процессуального принуждения, ее отмена входят в предмет правового регулирования уголовно-процессуального права. Кроме того, ч. 9 ст. 115 УПК РФ прямо закрепляет, что арест на имущество отменяется на основании постановления, определения лица или органа, в производстве которого находится уголовное дело, т.е. действующее уголовно-процессуальное законодательство не предполагает применение иных средств для снятия ареста, кроме перечисленных в ч. 8 ст. 115 УПК РФ.

Представляется, что указанный подход должен применяться до вступления приговора по уголовному делу в законную силу без каких-либо исключений. Однако после вступления приговора в законную силу ответ на поставленный вопрос не так очевиден.

Конституционный Суд РФ выработал правовую позицию, согласно которой арест на имущество иных лиц, наложенный в целях обеспечения гражданского иска, может сохраняться «лишь на период предварительного расследования и судебного разбирательства по уголовному делу, но не после окончания судебного разбирательства и вступления приговора в законную силу»⁴. Кроме того, исходя из буквального толкования актов Конституционного Суда РФ, временные рамки уголовно-процессуальных отношений применительно к аресту имущества иных лиц ограничены вступлением приговора в законную силу. Таким образом, согласно логике Конституционного Суда РФ арест, наложенный на имущество

¹ П. 2 резолютивной части постановления Конституционного Суда РФ от 31.01.2011 № 1-П // Вестник Конституционного Суда РФ. 2011. № 2.

² Определения Конституционного Суда РФ от 28.05.2020 № 1176-О, от 27.02.2020 № 328-О, определения Верховного Суда РФ от 21.07.2020 по делу № А41-88222/2019, от 18.05.2020 по делу № А57-9937/2019 // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 29.07.2020).

³ Об этом см., например, Синицын С. А. Правовая природа иска об освобождении имущества от ареста // Адвокат. 2014. № 10. С. 31–38.

⁴ Определение Конституционного Суда РФ от 29.11.2012 № 2227-О, постановление Конституционного Суда РФ от 17.04.2019 № 18-П // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 29.09.2020).

іных ліц у цэлях забеспячэння грамадзянскага іска, пасле вступлення прыговора ў законную сілу страціць ўдольна-працэсуальную прыроду і носіць ісклучыцельна грамадзянска-працэсуальны характар. Адметым такжэ, што ўсе прааналізаваныя намі рашэння судов агульнай юрысдыкцыі, якімі ўдольназваныя трыбавання іных ліц о снятці арэста ў грамадзянскім судопроізвадстве, прыняты пасле вступлення прыговораў ў законную сілу.

Вместе с тем окончание какой-либо стадии уголовного судопроізвадства і вступление прыговора ў законную сілу не ізмєняють удольна-працэсуальнай прыроды арэста как меры працэсуальнага прынуждєния. Очевідно, из такой логікі ісходіл законодатєль, закрєпів в ч. 9 ст. 115 УПК РФ описанный ранєє круг субьєктов, надєленных полномочієм по снятію арэста, і прєдусмотрєв в ч. 1 ст. 401.2 УПК РФ право іных ліц на кассационное обжалование судебных рєшєний, в той часті, в которой ими затрагиваются их права і законные інтєресы. Более того, Пленум Верховного Суда РФ разъясніл, что к іным ліца, указанным в ч. 1 ст. 401.2 УПК РФ, относятся ліца, на імущество которых наложен арэст¹. В этой связи с точки зрения действующего правового регулірования і отраслевого делєния российской правовой системы снімать удольна-працэсуальный арэст независимо от целєй его наложения пасле вступлення прыговора ў законную сілу с іспользоваіем средств, не прєдусмотрєнных УПК РФ, такжє незаконно. Конечно, такой подход не является бесспорным, что следует из позиций Конституционного Суда РФ і протіворєчивой судебной пратікты. Однако возможность снятія удольна-працэсуального арэста при помощи средств іных отраслей права должна быть прєдусмотрєна в законе, что в настоящій момент отсутствует.

*Осіпов А. Л.,
доцент кафедры
удольна-працэсуального права
Універсітєта імени О.Е. Кутафіна (МГЮА),
кандидат юридєческих наук*

КАЧЕСТВО ПРАВОПРИМЕНЕНИЯ ПРИ ИЗБРАНИИ МЕРЫ ПРЕСЄЧЕНИЯ В ВИДЕ ЗАКЛЮЧЕНИЯ ПОД СТРАЖУ ПО ДЕЛАМ О ПРЕСТУПЛЕНИЯХ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ

Одним из условий устойчивого эконоіического развітия любого государства с рыночной эконоіикой является эффєктивная система удольна-працэсуальных гарантій зашиты законной прєдпріимательской деятєльности от произвольного (в том числе непропорционального легитимным целєям) применения мер працэсуальнаго прынуждєния в связи с производством по удольным делам. Эффєктивность указанных гарантій может проявляться на нескольких уровнях: законотворческого целєполагания, эконоіической целєсообразности, юридєческой техники и, наконец, на правоприменительном уровне. Працэсуальный

¹ П. 1 постановлєния Пленума Верховного Суда РФ от 25.06.2019 № 19 «О применении норм главы 47.1 Удольна-працэсуального кодекса Российской Федерации, регулірующих производство в суде кассационной инстанции» // Российская газета. 2019. 3 іюля.

институт избрания меры пресечения в виде заключения под стражу продемонстрировал все особенности указанных процессов в наиболее заметной форме.

История реформирования статьи 108 УПК РФ в обозначенном аспекте начинается в 2009 году, когда Федеральным законом от 29.12.2009 № 383-ФЗ в данную статью была включена часть 1.1, которая по общему правилу исключала избрание меры пресечения в виде заключения под стражу в отношении подозреваемого, обвиняемого в совершении налоговых преступлений (ст. 198–199.2 УК РФ). На этом этапе субъекты предпринимательской деятельности не выделялись законодателем в качестве специфической профессиональной группы, для которой предоставлялись бы дополнительные правовые гарантии защиты от произвольного ограничения их личной свободы.

Последующее законодательное реформирование редакции ч. 1.1 ст. 108 УПК РФ осуществлялось по нескольким направлениям: 1) расширение перечня составов преступлений, на которые распространялся безусловный и дополнительно введенный условный запрет на избрание данной меры пресечения; 2) включение в текст закона уточняющих формулировок, которые позволили отграничить так называемые «общеуголовные» преступления против собственности, совершаемые субъектами предпринимательства, от тех преступлений, которые по своей сути связаны с предпринимательской деятельностью. В 2010 году для уточнения сферы действия данного условного запрета в гипотезу анализируемой правовой нормы было введено такое словосочетание, как «сфера предпринимательской деятельности», а также существенно расширился перечень составов преступлений в сфере экономической деятельности, применительно к которым был установлен более строгий запрет избрания меры пресечения в виде заключение под стражу (статьями 171–174, 174.1, 176–178, 180–183, 185–185.4, 190–199.2 УК РФ)¹.

Анализируя поиски законодателя адекватной материально-правовой основы предоставления соответствующих гарантий (расширение перечня составов преступлений), следует подчеркнуть, что наиболее существенное реформирование положений ч. 1.1 ст. 108 УПК РФ связывается с принятием Федерального закона от 02.08.2019 № 315-ФЗ, который уточнил персональный и содержательный критерии определения сферы действия соответствующих гарантий. В частности, появилось указание на «индивидуальных предпринимателей» и «членов органов управления коммерческих организаций». Претерпели некоторые изменения и прежние формулировки закона относительно сфер деятельности указанных выше субъектов. Так, широкая концепция «сфера предпринимательской деятельности» применительно к индивидуальным предпринимателям была заменена более точными формулировками: «предпринимательская деятельность» и «управление принадлежащим такому лицу имуществом, используемым в целях предпринимательской деятельности». Применительно к членам органов управления коммерческих организаций появился уточняющий критерий: «в связи с осуществлением ими полномочий по управлению организацией» либо «в связи с осуществлением коммерческой организацией предпринимательской или иной экономической деятельности».

Отмеченные изменения в ст. 108 УПК РФ вносились в системном единстве с иными законодательными новеллами, направленными на совершенствование

¹ Федеральный закон от 07.04.2010 № 60-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Российская газета. 2010. 9 апр.

уголовно-процессуальных гарантий защиты законных интересов бизнеса (специальные требования к процедуре изъятия электронных носителей информации, срокам хранения и возврата вещественных доказательств и т.п.).

Краткий обзор развития уголовно-процессуального законодательства в данной сфере приводит к выводу о том, что законодатель на протяжении последних 10 лет не прекращал поиска оптимального баланса между защитой публичных и частных интересов в сфере процессуально-правовой охраны законной предпринимательской деятельности¹. Причем содержание публичного интереса в рассматриваемой сфере правового регулирования представляет собой достаточно сложную, многокомпонентную категорию. В ней согласуются перманентный запрос на достижение социальной справедливости, обеспечение юридического равенства перед законом и судом для каждого субъекта уголовно-процессуальных правоотношений с необходимостью дополнительной защиты экономических интересов государства. Реализация баланса между этими запросами и ценностями, с одной стороны, и частными интересами фигурантов дел об экономических преступлениях — с другой стороны, приобрела особую актуальность в период пандемии новой коронавирусной инфекции и вызванным ею падением темпов экономического роста².

Верховный Суд РФ еще в 2017 в Обзоре судебной практики применения меры пресечения в виде заключения под стражу указал на то, что в некоторых случаях суды не учитывают, а следственные органы не обосновывают вывод о том, что преступления, предусмотренные ч. 1–4 ст. 159, 159.1–159.3, 159.5, 159.6, 160 и 165 УК РФ, не относятся к сфере предпринимательской деятельности³. Знаковым решением ЕСПЧ по данной проблеме является постановление по делу «Рубцов и Балаян против России» от 10.04.2018. Суть этого дела состояла именно в том, что российские судебные инстанции при избрании в отношении заявителей меры пресечения в виде заключения под стражу не обеспечили детальной проверки и мотивированной оценки доводов стороны защиты о связи инкриминируемых преступлений с предпринимательской деятельностью обвиняемых⁴.

Проблема низкого качества мотивировочной части судебных решений о невозможности применения условного запрета на избрание меры пресечения, вытекающего из ч. 1.1 ст. 108 УПК РФ, обусловила дальнейшие разъяснения со стороны Верховного Суда РФ. В Постановлении Пленума от 03.10.2017 № 33 Верховный

¹ Экспертные дискуссии на страницах профильных СМИ неоднократно разворачивались по поводу конституционности введения в УПК РФ дополнительных гарантий защиты предпринимателей как обособленной группы субъектов права. См., например: материалы дискуссии на портале Новой адвокатской газеты: URL: https://www.advgazeta.ru/novosti/prodleniestrazhi-biznesmenam-svyazhut-s-effektivnostyu-rassledovaniya-po-ugolovnomu-delu/?sphrase_id=146718 (дата обращения: 19.04.2020).

² Согласно данным Федеральной службы государственной статистики РФ падение ВВП в России по итогам 2020 года составило 3,1 %. URL: <https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/3fc2f0Jo/oper-11-2020.pdf> (дата обращения: 08.04.21 г.).

³ Пункт 1.5 Обзора практики рассмотрения судами ходатайств об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу и о продлении срока содержания под стражей. Утвержден Президиумом Верховного Суда РФ от 18.01.2017 URL: <http://вс.пф/documents/thematics/15185/> (дата обращения: 08.04.21 г.).

⁴ Постановление ЕСПЧ по делу «Рубцов и Балаян против России» от 10.04.2018 URL: <http://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-182211> (дата обращения: 09.04.21 г.).

Суд РФ отметил недопустимость формального подхода судов к разрешению ходатайств об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу в контексте запрета, установленного ч. 1.1 ст. 108 УПК РФ¹, указал дополнительные критерии, подлежащие учету при разрешении рассматриваемых ходатайств (соответственно, и для проверки законности судебных решений, принятых по вопросу об избрании заключения под стражу по делам об экономических преступлениях):

- правовая и фактическая сложность уголовного дела о преступлениях в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности;
- общая продолжительность досудебного производства по уголовному делу;
- эффективность действий должностных лиц органов предварительного расследования и своевременность проведения следственных и иных процессуальных действий.

О том, что указанная проблема правоприменения (качество мотивирования судебных решений) носит устойчивый характер, свидетельствуют более поздние разъяснения Верховного Суда РФ, данные им в Постановлении Пленума от 11.06.2020 № 7 — судам рекомендовано проверять: «приведены ли в постановлении о возбуждении ходатайства и содержатся ли в приложенных к постановлению материалах *конкретные сведения*, подтверждающие вывод о том, что инкриминируемое лицу преступление совершено не в связи с осуществлением им предпринимательской деятельности и (или) управлением принадлежащим ему имуществом, используемым в целях предпринимательской деятельности, либо не в связи с осуществлением им полномочий по управлению этой организацией или не в связи с осуществлением коммерческой организацией предпринимательской или иной экономической деятельности. При отсутствии указанных сведений такое ходатайство удовлетворению не подлежит»².

Для оценки качества правоприменения положений ч. 1.1 ст. 108 УПК РФ следует обратиться к судебной практике кассационных судов общей юрисдикции. Наиболее распространенной причиной отмены судебных решений об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу в отношении субъектов экономической деятельности является недостаточно полная оценка судом фактических обстоятельств предъявленного им обвинения как на предмет определения самого характера профессиональной деятельности обвиняемых, так и на предмет определения наличия или отсутствия связи между этой деятельностью и инкриминируемыми им деяниями³.

¹ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 03.10.2017 № 33 «О ходе выполнения судами Российской Федерации постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 15 ноября 2016 года № 48 «О практике применения судами законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности за преступления в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности»» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2018. № 1.

² Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 11.06.2020 № 7 «О внесении изменений в отдельные постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации по уголовным делам» // Российская газета. 2020. 26 июня.

³ См., например: Кассационное определение Второго кассационного суда общей юрисдикции от 11.11.2019 № 77-4/2019 ; Кассационное определение Третьего кассационного суда общей юрисдикции от 11.06.2020 № 77-387/2020 ; Кассационное определение Четвертого кассационного суда общей юрисдикции от 02.11.2020 № 77-2024/020/2020 ; Кассационное определение Четвертого кассационного суда общей юрисдикции от 02.11.2020 № 77-2024/020/2020 // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 05.04.21 г.).

Суды кассачаснай інстанцыі доўга чётка следуюць стандарту, у сапраўднасці з якім брэмя даказвання адсутнасці сувязі паміж інкрімінаруемым дзеяннем і прадпрымальскай дзейнасцю абвінавачанага ляжыць на староне абвінавачвання¹.

Па сэнсу ч. 1.1 ст. 108 УПК РФ абранне даннай меры прасячэння ў адносінах да асоб, абвінавачаных па ряду ўказаных у ёй складаў праступленняў, магчыма толькі пры наяўнасці абставяўстваў, прадугаваных п. 1–4 ч. 1 ст. 108 УПК РФ. У данным выпадку паказателем аднаго прыкладу. Суд без дастаточных асноваў сагласіўся са следавателем у тым, што парушэнне абвінавачаным заочно абранай ў адносінах да яго меры прасячэння ў выглядзе подпіска аб невыезде, даказвае факт яго сакрывання ад органа прадварыцельнага следства. Як справядліва ўказаў суд кассачаснай інстанцыі, мера прасячэння ў выглядзе подпіска аб невыезде не можа быць абрана заочно (без отабражэння ад асобы сапраўднага пісьменнага абавязальства). У гэтай сувязі адсутнасць даных аб месце знаходжання такога асобы не можа падтвэрдыць тое, што ён сакрыўся ад следства².

Указаныя прыклады з практыкі падтвэрдываюць наяўнасць праблем, звязаных з прымяненнем палажэнняў ч. 1.1 ст. 108 УПК РФ. На наш выгляд, яны абумоўлены складнасцю нарматываў і граматычнай канструкцыі даннай прававой нармы, імаючай спіралевідную структуру — гэта адначасова адсылочная і бланкетная прававая норма, якая злучае два ўмоўных забаронаў у адным прадлаганні.

Мы палагаем, што ўлучэнне якасця правапрымянення ў разглядаемай сферы можа быць дасягнута за ліч далейшых раз'ясненняў сваіх прававых пазіцый Вярхоўным Судам РФ. Трэба ўточніць хоць бы прыкладны пералік сродкаў даказвання, якія могуць існаваць правапрымяніцелем для вызначэння характара ажыццяўляемай абвінавачаным хазяйскай дзейнасці і прызнакаў яе сувязі з інкрімінаруемымі ёму дзеяннямі.

*Османо́ва Н. В.,
доцент кафедры уголовного процесса
Московской академии
Следственного комитета Российской Федерации,
кандидат юридических наук*

КОНЦЕПЦИЯ ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ УГОЛОВНОГО ПРЕСЛЕДОВАНИЯ ТРЕБУЕТ ПЕРЕСМОТРА

Уголовное преследование является центральным элементом уголовного судопроизводства, определяет функции властных субъектов, осуществляющих предварительное расследование, затрагивает интересы граждан, вовлеченных в уголовно-процессуальные правоотношения, отражает основные направления уголовной политики.

¹ См., например: Кассационное определение Второго кассационного суда общей юрисдикции от 13.01.2020 № 77-12/2020 ; Кассационное определение Третьего кассационного суда общей юрисдикции от 11.02.2021 № 77-273/2021 // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 05.04.21 г.).

² Кассационное определение Третьего кассационного суда общей юрисдикции от 28.05.2020 № 77-397/2020 // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 05.04.21 г.).

Следует признать, что в настоящее время в российском уголовно-процессуальном законе отсутствует единая концепция осуществления уголовного преследования: не определены момент начала уголовного преследования, содержание деятельности, направленной на изобличение лица, подозреваемого, обвиняемого в совершении преступления, виды, формы и сроки осуществления уголовного преследования, не уточнены условия разграничения различных видов уголовного судопроизводства, порядок уведомления лиц о начале подозрения, обвинения при расследовании уголовных дел. Указанное негативно проявляется в правоприменительной практике и побуждает к обсуждению следующих тезисов, сформулированных по результатам анализа уголовно-процессуальных норм, правоприменительной деятельности и интервьюирования следователей Следственного комитета Российской Федерации:

— уголовное преследование обусловлено возникновением уголовно-процессуальных отношений и начинается с момента регистрации сообщения о преступлении;

— деятельность по изобличению подозреваемого, обвиняемого может осуществляться как в отношении конкретного лица, так и в отношении неустановленного лица.

Согласно уголовно-процессуального закона в момент регистрации сообщения о преступлении сотрудником, принимающим заявление от пострадавшего, делается предварительный вывод о факте совершения преступления, поскольку иная информация, не указывающая на преступное уголовно наказуемое деяние не будет вноситься в Книгу регистрации сообщений о преступлении¹. Принятие сообщения о преступлении позволяет приступить не просто к его проверке, а к собиранию доказательств посредством производства следственных и процессуальных действий, указанных в ч. 1 ст. 144 УПК РФ.

Не противоречит представленной позиции указание в п. 55 ст. 5 УПК РФ на процессуальную деятельность, осуществляемую в целях изобличения подозреваемого, обвиняемого в совершении преступления, поскольку с момента принятия сообщения о преступлении начинается установление события преступления, совершение которого в последствии вменяется в вину обвиняемому, а значит, и изобличение лица. На стадии возбуждения уголовного дела не только устанавливаются признаки состава преступления, но и собираются доказательства, дающие основания для предъявления обвинения в совершении преступления, исследуемые в последующем в суде.

Подобного мнения в одном из последних исследований, посвященных уголовному преследованию, придерживается и К. С. Агабеков, определяя возможность начала уголовного преследования независимо от наличия у лица статуса подозреваемого или обвиняемого, в том числе на этапе проверки сообщения

¹ Согласно п 20. Инструкции об организации приема, регистрации и проверки сообщений о преступлении в следственных органах (следственных подразделениях) системы Следственного комитета Российской Федерации, утвержденной приказом Следственного комитета России от 11 октября 2012 г. № 72 «Об организации приема, регистрации и проверки сообщений о преступлении в следственных органах (следственных подразделениях) системы Следственного комитета Российской Федерации» заявления и обращения, которые не содержат сведений об обстоятельствах, указывающих на признаки преступления, не подлежат регистрации в Книге и не требуют процессуальной проверки в порядке, предусмотренном статьями 144, 145 УПК РФ.

о преступления, при этом содержание процессуальной деятельности стороны обвинения должно давать «лицу основание полагать, что в отношении него осуществляется проверка на его причастность к совершению преступления»¹.

Положения ч. 1 ст. 21 УПК РФ ориентируют на то, что уголовное преследование осуществляется только по уголовным делам. При этом по уголовным делам публичного и частно-публичного обвинения обязанность реализации функции уголовного преследования возложена на прокурора, следователя и дознавателя. По таким уголовным делам в уголовном преследовании обвиняемого вправе участвовать потерпевший². Буквальное толкование указанной нормы не позволяет отнести деятельность прокурора, следователя, дознавателя, органа дознания на этапе проверки сообщения о преступлении к уголовному преследованию. Одновременно следует констатировать противоречие уголовно-процессуальных норм, выражающееся в отсутствии правовой определенности в вопросах регламентации начала уголовного преследования, что обуславливает возникновение закономерных вопросов относительно исчисления сроков уголовного преследования³.

Федеральным законом от 04.03.2013 № 23-ФЗ был расширен перечень процессуальных средств установления на этапе проверки сообщения о преступлении данных, указывающих на признаки преступления, собирания доказательств (ст. 144 УПК РФ). Вследствие указанного деятельность следователя, дознавателя, органа дознания по изобличению лица в совершении противоправного деяния стала еще более очевидной, а границы стадий досудебного производства — четко не очерченными, что в очередной раз позволяет усомниться в целесообразности сохранения стадии возбуждения уголовного дела⁴.

Полагаем, что изобличение предусматривает осуществление деятельности по установлению лица, совершившего преступление, как до придания лицу статуса подозреваемого, обвиняемого, так и после. При этом в момент вынесения органом предварительного расследования постановления о возбужде-

¹ Агабеков К. С. Уголовное преследование органами дознания: теория и практика : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2020. С. 10.

² Согласно ст. 22 УПК РФ и прямому ее толкованию потерпевший не осуществляет уголовного преследования, а лишь вправе принять в нем участие. Не понятно, каким образом должна осуществляться реализация такого права и почему уголовное преследование в отношении обвиняемого, а не обвиняемого и подозреваемого.

³ На необходимость исчисления сроков уголовного судопроизводства с момента подачи заявления о преступлении при определении их разумности обратил внимание и Конституционный Суд РФ. См. подробн.: Постановление Конституционного Суда РФ от 30 января 2020 г. № 6-П «По делу о проверке конституционности части третьей статьи 6.1 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданки Э. Р. Юровских» // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 30.03.2021).

⁴ О необходимости пересмотра начала уголовного судопроизводства см. подробн.: Гаврилов Б. Я. Производство следственных действий в стадии возбуждения уголовного дела: проблемы законодательной регламентации // Современное уголовно-процессуальное право — уроки истории и проблемы дальнейшего реформирования. 2020. № 1 (2). С. 96–104 ; Гаврилов Б. Я. Концепция начала производства по уголовному делу: законодательные мифы и реалии правоприменения // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2017. № 2 (81). С. 35–50 и др.

нии уголовного дела в отношении конкретного лица либо принятия решения, предусмотренного п. 2–4 ч. 1 ст. 46, ч. 1 ст. 47 УПК РФ, делается предварительный вывод о причастности лица к совершению преступления: при наличии достаточных данных лицо подозревается в совершении преступления (ч. 1 ст. 223.1 УПК), а в случае получения достаточных доказательств — обвиняется (ч. 1 ст. 171 УПК).

Исследование правовой природы и сущности уголовного преследования, а также правоприменительной практики реализации норм, образующих институт подозрения и обвинения, позволяет утверждать, что уголовное преследование не ограничивается только принятием процессуального решения. Так, после задержания лица в порядке ст. 91, 92 УПК РФ деятельность по избличению подозреваемого продолжается как до принятия решения о предъявлении обвинения¹, так и после принятия указанного решения.

При определении начала уголовного преследования следует учитывать правовую природу «изобличения» и его содержания. К какой деятельности, если ни к уголовному преследованию, следует отнести проверку сообщения о преступлении, равно как и само предварительное расследование, если осуществляющему его лицу данные о «заподозренном» неизвестны? Например, направление запроса в порядке ч. 4 ст. 21 УПК РФ о предоставлении документов, подтверждающей положение лица и круг его полномочий, либо их изъятие в ходе осмотра места происшествия является процессуальным действием, направленным на избличение лица в совершении преступления, и может осуществляться по сообщениям, например, о должностных преступлениях (ст. 285 (Злоупотребление должностными полномочиями), ст. 286 (Превышение должностных полномочий) УК РФ и др.).

Исследуя вопросы, связанные с возможным началом уголовного преследования на стадии возбуждения уголовного дела, следует отметить, что аналогичные вопросы возникают и на этапе предварительного расследования. Так, например, допрос свидетеля — в последующем подозреваемого, обвиняемого — осуществляется в целях установления обстоятельств преступного уголовно-наказуемого деяния, в том числе причастности лица к его совершению, то есть избличения в совершении преступления.

Связывая стадию возбуждения уголовного дела с избличением лица, причастного к совершению преступления, следует отличать уголовное преследование от функции обвинения, начало реализации которой обуславливает необходимость обеспечения права на защиту. Согласно ч. 3 ст. 49 УПК РФ защитник может участвовать в уголовном деле не только при появлении процессуальной фигуры подозреваемого или обвиняемого, но и с момента начала осуществления процессуальных действий, затрагивающих права и свободы лица, в отношении которого проводится проверка сообщения о преступлении. При этом законодатель, по сути, не закрепляет статус такого лица на стадии возбуждения уголовного дела и не раскрывает, какие именно действия следует считать затрагивающими права и свободы.

На основании изложенного следует констатировать, что в уголовно-процессуальном законе содержатся положения, противоречащие друг другу в части определения начала уголовного преследования, порядка и сроков его

¹ В таком случае уголовное преследование продолжается в отношении обвиняемого.

осуществления. Уголовное преследование присуще всем стадиям уголовного судопроизводства и может осуществляться в отношении неустановленного лица или круга лиц.

Чеботарева И. Н.,

*доцент кафедры уголовного процесса
и криминалистики*

*Юго-Западного государственного университета,
кандидат юридических наук, доцент*

Пашутина О. С.,

*доцент кафедры уголовного процесса
и криминалистики*

*Юго-Западного государственного университета,
кандидат юридических наук*

Ревина И. В.,

*доцент кафедры уголовного процесса
и криминалистики*

*Юго-Западного государственного университета,
кандидат юридических наук, доцент*

ОТГРАНИЧЕНИЕ ОТКАЗА ОТ СУБЪЕКТИВНОГО ПРАВА В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ ОТ СМЕЖНОГО ПРАВОВОГО ЯВЛЕНИЯ — ЛИШЕНИЕ ВОЗМОЖНОСТИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ПРАВА¹

Субъективное право обеспечивает лицу возможность действовать в соответствии с содержанием данного права. Но, как весьма точно отметил Д. И. Мейер, возможность действия не составляет необходимости его совершения. Именно поэтому право и представляется правом, что лицо может отказаться от совершения действия, составляющего содержание права; если бы осуществление возможности составляло для лица необходимость, то право превратилось бы в обязательство². Данная точка зрения разделяется и представителями науки уголовного процесса. В частности, А. М. Ларин и А. А. Мельников отмечали: «Либо субъективное право есть и, соответственно, имеется возможность его реализации, либо права нет и ни о какой возможности его воплощения в жизнь говорить не приходится. Там, где нет свободы выбора, там нет субъективного права, а его место занимает обязанность»³.

Возможности, которые чаще всего характеризуют права, включают возможность вообще их не использовать. Субъективные права основаны на дозволениях, исключительной чертой которых является добровольность

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-011-00858.

² Мейер Д. И. Русское гражданское право : в 2 ч. Ч. 1 (по исправл. и доп. 8 изд-ю 1902 г.). М., 1997. С. 224.

³ Конституционные основы правосудия в СССР / под ред. В. М. Савицкого. М., 1981. С. 310.

использования¹. В общей теории права констатируется, что субъект в любое время может отказаться от реализации предоставленной ему юридической возможности, реализовывать ее в полном или частичном объеме, наиболее удобным для него способом². Сама природа субъективного права обуславливает возможность участника уголовного процесса по своей воле, исходя из собственных интересов и желаний, отказаться от принадлежащего ему права, например отказаться от своего права на профессиональную юридическую помощь при производстве по уголовному делу и защищать себя самостоятельно или отказаться от своего права на полное судебное разбирательство, воспользоваться своим правом на особый порядок, предусмотренный главой 40 УПК РФ. В отличие от обязанностей использование субъективных прав всегда зависит от усмотрения их обладателей.

С другой стороны, очевиден тот факт, что право может быть не реализовано участником уголовного процесса по какой-либо внешней причине или обстоятельству, которые не зависят от воли и желания обладателя права, препятствуют ему в его использовании (незнанием, отсутствием возможности, принуждением и пр.). Несмотря на то что современные преобразования в российском уголовном судопроизводстве, которые имели своей целью создание состязательной модели отправления правосудия, во многом были продиктованы необходимостью формирования судопроизводства, максимально ориентированного на обеспечение прав личности, попавшей в орбиту уголовно-процессуальной деятельности, анализ нормативно-правовых предписаний свидетельствует о наличии весьма серьезных недостатков как в реализации идей демократического правосудия по уголовным делам, так и в логике законодательного регулирования уголовного судопроизводства. Следствием этого являются имеющиеся в уголовном процессе нарушения прав личности, связанные в том числе с невозможностью полноценного использования принадлежащих ей прав.

Обеспечение прав и законных интересов участников уголовного процесса — обязанность должностных лиц и органов, которые осуществляют уголовное судопроизводство. Как писал А. А. Пионтковский, сведение права лишь к нормам права противоречит реальной действительности; объективное право существует всегда в единстве с субъективными юридическими правами и корреспондирующими им юридическими обязанностями, одного без другого не бывает³.

Уполномоченный по правам человека в РФ констатирует, что проблема соблюдения прав участников уголовного процесса сохраняет свою актуальность на протяжении многих лет. Данная закономерность, по его мнению, связана не только с объективной причиной — наличием неизбежного конфликта интересов участников уголовного судопроизводства, — но и с нерешенностью на протяжении ряда лет проблем системного характера, связанных с несовершенством уголовно-процессуального законодательства и правоприменительной

¹ Липинский Д. А., Шишкин А. Г. Субъективное право и юридическая обязанность как меры позитивной юридической ответственности // Государство и право. 2014. № 10. С. 10.

² Солодовниченко Т. А. Субъективные юридические права и обязанности в частном публичном праве : дис. ... канд. юрид. наук. Омск, 2016. С. 37.

³ Пионтковский А. А. К вопросу о взаимоотношении объективного и субъективного права // Советское государство и право. 1958. № 5. С. 28.

практики¹. Таким образом, нарушения прав человека в российском уголовном процессе обусловлены двумя причинами: во-первых, неудовлетворительным законодательным регулированием уголовного судопроизводства, а во-вторых, ненадлежащим правоприменением.

Действительно, УПК РФ подвергается справедливой критике за наличие структурных и системных недочетов, обусловивших внесение в него с 2001 года колоссального количества изменений и дополнений. Безусловно, несовершенство законодательной техники не способствует полноценной реализации субъектами своих прав, но, очевидно, важное значение в использовании участниками уголовного процесса своих прав имеет надлежащее правоприменение.

Как следует из доклада Уполномоченного по правам человека в РФ, количество обращений в защиту прав людей, которые оказались вовлечены в сферу уголовного судопроизводства, поступивших в адрес Уполномоченного в 2019 году, внушительно — 12 168, что на 9 % больше по сравнению с 2018 годом (уголовный процесс занимает на протяжении последних лет первое место в общей шкале количества обращений по отдельным отраслям права). Самая большая группа обращений касалась стадии предварительного расследования — 41 %. По сравнению с 2018 годом их количество увеличилось на 27 %. В своих обращениях заявители жаловались на необоснованность возбуждения уголовных дел, длительность сроков уголовного судопроизводства, незаконность следственных действий, несправедливость оценки доказательств. При этом количество обращений, связанных с необоснованностью уголовного преследования, увеличилось на 34 % (2114). Возросло также число жалоб на длительные сроки предварительного расследования².

Сходные результаты были получены в ходе опроса Фондом общественного мнения. В 2018 году 52 % опрошенных считали, что права граждан в современной России соблюдаются плохо³. При этом, по мнению 37 % респондентов, право на равенство перед законом, право на справедливый суд соблюдаются и реализуются в России неудовлетворительно; «удовлетворительно» — отметили 33 % опрошенных; «хорошо» — 17 % респондентов. Остальные затруднились ответить на этот вопрос. Нет и доверия к суду в российском обществе. На вопрос: «Как вы в целом оцениваете деятельность российских судов и судей?» «Отрицательно», — ответили 40 % респондентов и только 24 % ответили: «Положительно»⁴.

¹ О соблюдении прав граждан в уголовном судопроизводстве (тезисы к выступлению Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации Т. Н. Москальковой на Всероссийской конференции «Уголовный процесс: законность, объективность, справедливость»). URL: https://ombudsmanrf.org/news/novosti_upolnomochennogo/view/o_sobljudenii_prav_grazhan_v_ugolovnom_sudoproizvodstve (дата обращения: 27.03.2021 г.).

² Доклад Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации за 2019 год. С. 185–186. URL: https://ombudsmanrf.org/upload/files/docs/lib/doc2019_fin_compressed.pdf (дата обращения: 27.03.2021).

³ Гражданские права и свободы. Ситуация с соблюдением прав человека, самые важные права и свободы. URL: <https://fom.ru/TSennosti/14053> (дата обращения: 27.03.2021).

⁴ Суды: предоставления об их справедливости, независимости, личный опыт. Чем руководствуются российские суды при принятии решений? И можно ли доверять судам присяжных? URL: <https://fom.ru/Bezopasnost-i-pravo/14080> (дата обращения: 27.03.2021).

В 2019 году оценка обществом соблюдения прав человека в России ухудшилась: на проблемы с соблюдением прав человека в России указали 54 % опрошенных, только 33 % выразили позитивное мнение¹. По данным ВЦИОМ, на сентябрь 2020 года 44,7 % населения Российской Федерации высказывают неодобрение деятельности судебной системы, а 33,2 % — неодобрение деятельности правоохранительным органов².

Неудовлетворительное состояние соблюдения прав человека в уголовно-процессуальной сфере, отсутствие и/или лишение лиц возможности реализовать предоставленные им законом правовые возможности рождают правовой нигилизм, правовую инфантильность общества, проявляющиеся в неверии в эффективность отстаивания собственных интересов правовыми средствами и безразличии к имеющимся правам. Эти явления крайне негативны для государства, считающего себя правовым.

Следует заметить, что отказ от права как акт волеизъявления и не реализация права, не обусловленная волей его обладателя, имеют идентичные правовые последствия в виде неиспользования субъективного права. Зачастую причина, по которой управомоченное лицо отказалось от принадлежащего ему права, не ясна. Представляется, неиспользование права участниками уголовного процесса не по собственной воле — явление латентное, поскольку очевиден тот факт, что далеко не всегда пассивное поведение участников уголовного процесса свидетельствует об их нежелании реализовывать принадлежащие им права, так же, как и активный отказ от права. Как отмечается в юридической литературе, нужно отдавать отчет в том, что юридический отказ может использоваться как в правомерных, так и в антисоциальных целях, разновидностью которого выступает принуждение к отказу, в результате которого достигаются частные, зачастую корыстные цели³.

Случаи неиспользования субъектом права, обусловленные ненадлежащим правоприменением, в российском уголовном судопроизводстве нередки. О широком распространении нарушений прав человека в российском уголовном процессе при якобы имевшем место отказе от права в рамках производства по уголовному делу свидетельствует практика Европейского Суда по правам человека (далее — Суд). Анализ решений в отношении России, в которых Суд рассматривал вопрос законности отказа от права в конкретных уголовных делах, когда российские власти утверждали, что заявитель сам отказался от принадлежащего ему права, позволил сделать вывод о недопонимании российским правоприменителем этого правового явления. Как следствие, в российском уголовном процессе отказом субъекта от права маскируются пороки правоприменения, когда действительной причиной не реализации права является не волеизъяв-

¹ Доклад о деятельности Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации за 2019 год // Российская газета. 2020. № 80 (8134). URL: <https://rg.ru/2020/04/14/rg-publikuet-doklad-o-deyatelnosti-upolnomochennogo-po-pravam-cheloveka-za-2019-god.html> (дата обращения: 27.03.2021).

² Деятельность общественных институтов : опрос «ВЦИОМ-Спутник». URL: https://wciom.ru/news/ratings/odobrenie_deyatelnosti_obshhestvennykh_institutov/ (дата обращения: 27.03.2021).

³ Гладышева И. П. Юридический отказ: теория, практика, техника : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2010. С. 22.

ление его обладателя, а внешние обстоятельства. Другой крайностью является необоснованное принуждение лица к реализации права против его воли¹.

Имеющаяся ситуация, как видится, отчасти обусловлена отсутствием в российской теории уголовного процесса самостоятельного понятия «отказ от субъективного права» (притом что отказ от субъективного уголовно-процессуального права объективно существует как правовое явление и включает в себя определенные процессы и отношения, возникающие в ходе производства по уголовному делу) и подчеркивает важность и насущность его исследования.

Следует согласиться с мыслью, что считать отказ от права очевидным явлением, природа которого «лежит на поверхности мировоззренческого осмысления»², опрощенно. Отказ от субъективного права имеет определенные сущностные признаки, формы и способы осуществления, субъектный состав, меры обеспечения и ответственности, нуждающиеся в основательном научно-методологическом осмыслении и законодательном регулировании. Без этого он превращается в эффективное средство многообразных злоупотреблений должностными полномочиями, деформирует правосознание и правовую культуру населения, способствует росту неудовлетворенности общества деятельностью правоохранительной системы.

Таким образом, можно сделать вывод, что с одной стороны, природа субъективного права предполагает возможность выбора его обладателя — реализовать право или нет. С другой стороны, зачастую неиспользование участниками уголовного судопроизводства своих прав обусловлено не их волеизъявлением, а обстоятельствами, от них не зависящими. Проблема соблюдения прав человека в уголовном судопроизводстве, в том числе наличия возможностей у субъектов реализовать предоставленные им законом права, является достаточно острой для российского уголовного процесса. О неудовлетворенности общества уровнем соблюдения прав свидетельствуют и социологические опросы. В таких условиях разработка концепции отказа от субъективного права в уголовном процессе будет способствовать не только решению фундаментальных задач современной уголовно-процессуальной доктрины, но и практических задач полноценной и свободной реализации участниками уголовного процесса своих субъективных прав, противодействию ненадлежащему правоприменению.

¹ Самым наглядным примером является принуждение обвиняемого к реализации права на защиту, которое возникает в случае отклонения дознавателем, следователем отказа обвиняемого от назначенного ему защитника. См. Чеботарева И. Н. Принуждение подозреваемого, обвиняемого к реализации права на защиту // Адвокатская практика. 2016. № 5. С. 17–23.

² Гладышева И. П. Указ. соч. С. 4.

КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ ОБЩЕСТВА

*Александрова Е. Г.,
аспирант кафедры судебных экспертиз
и криминалистики
Российского государственного
университета правосудия*

ОСОБЕННОСТИ РАБОТЫ СО СЛЕДАМИ НА БЕСПИЛОТНОМ ЛЕТАТЕЛЬНОМ АППАРАТЕ

Развитие компьютерных технологий набирает обороты с каждым годом. Глобальные изменения происходят в самых различных областях. Одним из наиболее ярких примеров, безусловно, является разработка беспилотных летательных аппаратов (далее — БПЛА). Результаты научно-технического прогресса нередко используют в противоправных целях, и БПЛА не стали исключением.

На территории Российской Федерации беспилотные летательные устройства используются для незаконной доставки запрещенных предметов осужденным на территории уголовно-исполнительной системы. В связи с этим правоохранительными органами предпринимаются меры, направленные на пресечение, раскрытие и расследование совершаемых преступлений: устанавливаются системы противодействия БПЛА, проводится патрулирование и т.д. Важное значение при этом занимает расследование совершаемых преступлений. В рамках данной статьи будет рассмотрена работа со следами при расследовании преступления, совершенного на территориях уголовно-исполнительной системы с использованием БПЛА, с учетом обнаружения либо беспилотного летательного устройства, либо устройства, к которому был присоединен пульт дистанционного управления беспилотным летательным аппаратом.

БПЛА и устройство, к которому подключен пульт дистанционного управления, могут быть обнаружены при совершении таких следственных действий, как осмотр места происшествия, обыск и выемка. В качестве устройства, к которому присоединяется пульт дистанционного управления БПЛА, чаще всего выступают мобильные телефоны, планшеты или ноутбуки. При обнаружении БПЛА, телефона, планшета или ноутбука в первую очередь необходимо изолировать участок местности. Далее производится фотосъемка четырех видов: ориентирующая, обзорная, узловая и детальная. До упаковывания объектов их необходимо осмотреть с целью получения оперативной информации и планирования дальнейшего расследования. На БПЛА и телефоне (планшете, ноутбуке) могут быть сохранены фото-, видеозаписи и иная цифровая информация, на которых могла быть зафиксирована информация о преступном событии, в том числе лицо, совершившее преступление.

Важным этапом при проведении следственных действий, таких как осмотр места происшествия, обыск и выемка, является упаковывание обнаруженных объектов, качество проведения которого непосредственно влияет на

возможность проведения судебных экспертиз и решения интересующих следствие вопросов. При упаковке БПЛА можно использовать простынь, желательно стерильную одноразовую операционную. В отношении остальных объектов необходимо произвести упаковывание таким образом, чтобы минимизировать контракт объекта со стенками упаковки. Важно заметить, что специалист, производящий упаковывание, должен находиться в перчатках и соприкасаться с объектами за участки, на которых скорее всего не могли быть сохранены дактилоскопические следы — углы, выступающие элементы и места удара предмета при падении.

На БПЛА и устройстве, к которому присоединяется пульт дистанционного управления, могут быть сохранены запаховые следы человека. Для того чтобы передать объекты для поведения экспертизы запаховых следов, необходимо соответствующе их упаковать. При малейшей вероятности того, что объект находится во влажном состоянии, необходимо упаковывать объект в «дышащую» упаковку, например в картонную коробку или бумажный конверт. При остальных случаях объекты следует упаковать герметично.

При обнаружении БПЛА и устройства, к которому присоединен пульт дистанционного управления, могут быть сохранены различные виды следов:

- цифровые следы;
- трасологические (дактилоскопические) следы;
- запаховые следы человека;
- биологические следы.

С учетом указанных следов в отношении БПЛА и устройства, к которому присоединен пульт дистанционного управления, можно назначить компьютерно-техническую, видеотехническую, портретную трасологическую, биологическую экспертизы и экспертизу запаховых следов. В случае, если следователь планирует назначить экспертизу запаховых следов, она должна быть назначена в первую очередь. Запаховые следы человека вероятнее всего могут быть сохранены на флеш-карте и аккумуляторе БПЛА, а также корпусе телефона, планшета или ноутбука. Далее назначается трасологическая экспертиза. Вероятнее всего на корпусах объектов могли быть оставлены потожировые следы ладоней и пальцев рук человека, которые необходимо выявить и сохранить для дальнейшего проведения идентификационного исследования. При обнаружении следов крови необходимо назначить биологическую экспертизу.

После назначения планируемых вышеуказанных видов экспертиз назначаются экспертизы, объектами которых будут являться цифровые следы. Желательно первоначально назначить компьютерно-техническую экспертизу, чтобы исключить возможность уничтожения имеющихся на объектах цифровых следов, а также восстановить ранее удаленную информацию. Мобильные телефоны, планшеты и ноутбуки сами по себе являются кладезю различной цифровой информации. На БПЛА могут быть сохранены фото-, видео- и лог-файлы. Указанные файлы также могут быть сохранены и на устройстве, к которому присоединен пульт дистанционного управления, при наличии соответствующего программного обеспечения на БПЛА. Лог-файлы, как правило, содержат информацию о дате, времени и дальности полета, его высоте, скорости, а также координатах нахождения БПЛА в определенное время. У некоторых производителей БПЛА, например фирме DJI, лог-файлы

сохраняются на сервере или в облаке. Указанную информацию можно истребовать у соответствующего производителя.

На основе полученных фото- и видеофайлов следует назначить видеотехническую и портретную экспертизы. На видеозаписях могут быть записаны внешний облик и речь человека или людей, их действия, окружающая обстановка и т.д. При выявлении на фото- и видеозаписях конкретных лиц назначают портретную экспертизу. Отдельного внимания заслуживает АДИС Папилон, который обеспечивает возможность регистрации и хранения различных биометрических идентификаторов личности. В электронную дактилоскопическую карту помимо отпечатков рук включают:

- образец графической подписи;
- двухмерное фронтальное изображение лица, соответствующее требованиям ISO/МЭК 19794-5-2013¹;
- изображения радужных оболочек глаз (РОГ);
- и иные биометрические характеристики.

Указанная информация может быть использована для проведения идентификационного исследования дактилоскопической и портретной экспертиз.

Таким образом, на БПЛА и устройстве, к которому был подключен пульт дистанционного управления беспилотным летательным устройством, могут быть сохранены различные виды следов, которые необходимо правильно и своевременно изъять, а также назначить по ним судебные экспертизы. Последовательность назначения экспертиз должна выглядеть следующим образом: экспертиза запаховых следов, трасологическая экспертиза, биологическая экспертиза, компьютерно-техническая экспертиза, видеотехническая экспертиза и портретная экспертиза.

*Антилевская Ю. А.,
аспирант кафедры криминалистики
Юридического факультета МГУ
имени М.В.Ломоносова*

ЭКСПЕРТНЫЕ ОШИБКИ В СУДЕБНО-ЭКСПЕРТНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ: СОВРЕМЕННЫЕ ПОДХОДЫ И ТЕНДЕНЦИИ

Возрастающие потребности судопроизводства обуславливают необходимость перехода судебно-экспертного обеспечения правоприменительной деятельности на современный уровень.

На протяжении всего развития теории судебной экспертизы и судебно-экспертной деятельности (СЭД) уделяется большое внимание качеству процесса получения экспертных доказательств, подготовки экспертного персонала, разработки методического обеспечения, заключения эксперта, контролю над

¹ Национальный стандарт РФ ГОСТ Р ИСО/МЭК 19794-5-2013 «Информационные технологии. Биометрия. Форматы обмена биометрическими данными. Часть 5. Данные изображения лица» (утв. приказом Федерального агентства по техническому регулированию и метрологии от 6 сентября 2013 г. № 987-ст) URL: <https://base.garant.ru/71606576/> (дата обращения: 26.03.2021).

качеством проведенных экспертиз. На современном этапе развития судебной экспертизы актуальным становится поиск новых путей совершенствования СЭД и современных механизмов решения практических вопросов, связанных с качеством.

В законодательстве можно встретить формулировки, включающие использование термина «качество» в различных интерпретациях. В соответствии со ст. 14 Федерального закона от 31 мая 2001 г. № 73-ФЗ «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации» руководитель судебно-экспертного учреждения обязан обеспечить контроль за качеством проведенных исследований.

С конца 70-х — середины 80-х гг. прошлого века начался и, согласно специально принятому в целях обеспечения качества СЭД национальному стандарту ГОСТ Р 52960-2008¹, продолжается этап развития СЭД, характеризующийся стандартизацией всех видов судебных экспертиз и внедрением системы менеджмента качества в деятельность судебно-экспертных учреждений (СЭУ).

Вместе с тем справедливое замечание было высказано Г. А. Грановским еще в конце 70-х гг. о том, что стандартизация не изменит творческий, эвристический характер экспертной деятельности и не отменит «человеческий фактор»².

В изучении проблем качества в судебной экспертизе важное место занимает соотнесение качества с экспертной ошибкой. Необходимо указать на наличие определенной связи между этими двумя категориями. С. А. Кузьминым высказано мнение, что они находятся «в отношении антагонизма: наличие экспертной ошибки исключает оценку заключения как качественного, а качественное заключение не может содержать ошибок»³.

Любая сфера человеческой деятельности не может быть полностью застрахована от ошибок, СЭД не является исключением. Задачей СЭД является оказание содействия судам, следователям, органам дознания в установлении обстоятельств, подлежащих доказыванию по делу, посредством разрешения вопросов, требующих специальных знаний. Обеспечение достоверности выводов эксперта и предупреждение экспертных ошибок — важнейшая составляющая данного процесса.

В толковом словаре русского языка в самом общем виде ошибка определяется как «неправильность в действиях, мыслях, в вычислении»⁴.

В теории судебной экспертизы первые научные публикации на тему экспертных ошибок относятся к началу 80-х гг. прошлого века. К числу авторов,

¹ ГОСТ Р 52960-2008. Национальный стандарт Российской Федерации. Аккредитация судебно-экспертных лабораторий. Руководство по применению ГОСТ Р ИСО/МЭК 17025. М. : Стандартинформ, 2020.

² Цит. по: Дергай Г. Б. Причины и профилактика экспертных ошибок в условиях информатизации судебно-экспертной деятельности // Традиции и перспективы развития криминалистической тактики : материалы круглого стола с международным участием. Минск, 2017. С. 17–19.

³ Кузьмин С. А. Организационно-правовое обеспечение менеджмента качества судебно-экспертной деятельности : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2016. С. 132.

⁴ Ожегов С. И. Словарь русского языка: ок. 57 000 слов / под ред. д-ра филол. наук, проф. Н. Ю. Шведовой. 16-е изд., испр. М. : Рус. яз., 1984.

которые занимались исследованием данной тематики и заложили фундамент теории (представили определение понятия, классификацию, анализ типовых ошибок и др.) относятся: Р. С. Белкин, Г. Л. Грановский, И. М. Каплунов, Н. И. Клименко, А. Ю. Краснобаева и др. Одним из сравнительно недавних крупных фундаментальных трудов является монография, изданная под редакцией Е. Р. Россинской, «Судебная экспертиза: типичные ошибки», в которой коллективом авторов были изложены современная разработка проблемы, анализ накопленного опыта, пути совершенствования, представлены экспертные ошибки в рамках назначения и производства различных видов судебных экспертиз (дактилоскопической, баллистической, трасологической, судебно-психологической, лингвистической, судебно-генетической, судебно-медицинской и др.), отмечены вопросы профилактики экспертных ошибок и др.¹

Классическое определение экспертной ошибки представлено Р. С. Белкиным, признается экспертным сообществом и определяется как «являющееся результатом добросовестного заблуждения суждение, умозаключение судебного эксперта, не соответствующее объективной действительности, а равно и неправильное действие эксперта, отклоняющее (уводящее) познание от достоверного результата»².

Справедливо отметить, что в теории судебной экспертизы были предложены и иные понятия экспертной ошибки, содержащие определенную детализацию и конкретизацию. А. Ю. Краснобаевой экспертная ошибка была определена как «неправильное суждение или действие эксперта, объективно выразившееся в нарушении законов логики, ... последовательности рекомендованных процедур при исследовании объектов, их неправильном применении, не приводящие к достижению поставленной цели (в виде истинного вывода), или бездействие, если они допущены непреднамеренно. Заблуждение при этом является добросовестным: эксперт искренне полагает, что мыслит и действует правильно, его совесть чиста»³. А. А. Аубакировой предложено следующее определение: «под экспертной ошибкой следует понимать непреднамеренное неверное суждение (умозаключение) или действие эксперта при установлении фактических данных в процессе экспертного исследования и оценки результатов, а также нарушение уголовно-процессуального закона, способные привести к неверному решению, не обеспечивающему полноту, объективность и всесторонность проведенного исследования»⁴.

Наличие в практической деятельности экспертных ошибок негативно воздействует на работу правоохранительной системы, подрывает престиж СЭД. Каждая экспертная ошибка связана с недостатками в работе судебного эксперта (учреждения, подразделения) либо в действиях инициатора судебной экспертизы.

¹ Судебная экспертиза: типичные ошибки / под ред. Е. Р. Россинской. М.: Проспект, 2012.

² Белкин Р. С. Криминалистика: проблемы, тенденции, перспективы. От теории к практике. М., 1988. С. 119.

³ Краснобаева А. Ю. Экспертные ошибки: причины, последствия, профилактика: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Волгоград, 1997. С. 11–12.

⁴ Аубакирова А. А. Следственные и экспертные ошибки при формировании внутреннего убеждения: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Челябинск, 2010.

В заключениях экспертов повторяются типовые ошибки. Ошибки объясняются несовершенством следственной практики (в части предоставления доказательств и образцов для сравнительного исследования), недостатками профессиональной подготовки кадров, недостаточным техническим и методическим обеспечением, а также нежеланием участников СЭД принять, адаптироваться и соответствовать современным моделям развития СЭД — международному опыту по обеспечению и контролю качества.

Множественность и различная сущность экспертных ошибок обусловили их классификацию для выработки мер по их устранению, а также предупреждению повторных ошибок. В «Курсе криминалистики» Р. С. Белкиным была предложена классификация, согласно которой ошибки подразделяются на процессуальные; гносеологические (познавательные); деятельностные (операционные)¹.

Существенное значение для судопроизводства, по мнению В. А. Клевно, имеет обнаружение лишь тех ошибок, которые повлекли неправильный вывод эксперта и остались незамеченными при оценке заключения следователем и судом². Однако иногда сам факт выявления экспертной ошибки становится настолько существенным, что суд перестает доверять эксперту, и существует риск неприятия заключения эксперта в качестве доказательства по делу.

Обнаружение экспертных ошибок имеет место при проверке экспертом хода и результатов исследования на любой его стадии; при анализе и обсуждении результатов исследования, осуществляемых комиссией экспертов; при анализе заключений предшествующих экспертиз; при проверке хода и результатов исследования руководителем; при оценке заключения следователем или судом, при обобщении экспертной практики.

Причины допущения экспертных ошибок могут быть субъективными и объективными. В литературе также встречаются иные классификации причин экспертных ошибок³. Деление причин на две категории является условным, поскольку объективные факторы должны своевременно определяться экспертом, его руководителем (руководителем СЭУ).

К объективным причинам экспертных ошибок относятся: отсутствие научно разработанной и апробированной методики (3 %), несовершенство экспертной методики и ненадежность методов исследования (6 %); применение экспертом неисправного оборудования (67,2 %), неверных средств измерений; применение нелегальных компьютерных программ, отсутствие полных данных, характеризующих идентификационную и диагностическую значимость признаков, устойчивость их отображений в следах и др. (12 %) ⁴.

Типичными субъективными причинами экспертных ошибок являются: профессиональная некомпетентность эксперта (20 %); профессиональные упущения

¹ Белкин Р. С. Курс криминалистики. М., 2001. С. 471.

² Клевно В. А. Понятие и классификация экспертных ошибок // Судебно-медицинская экспертиза. 2012. № 2. С. 36–38.

³ Клименко Н. И. Экспертные ошибки и их причины // Криминалистика и судебная экспертиза. Вып. 37. Киев, 1989.

⁴ Россинская Е. Р. Гносеологические и деятельностные экспертные ошибки при использовании в производстве судебных экспертиз современных технологий // Вестник Московского университета МВД России. 2015. № 3. С. 18–22.

эксперта (21,7 %); неординарные психологические состояния эксперта (6,8 %); логические дефекты умозаключений эксперта (4,6 %); дефекты органов зрения (3 %); характерологические черты личности эксперта (2 %); ошибки планирования конкретного экспертного исследования (1,9 %)¹.

Правильно оценить и проследить развитие экспертной ошибки можно в процессе последующих процессуальных действий, где и происходит ее идентификация, либо развитие и переход в смежные процессуальные действия, а также на стадии контроля. Если судебный эксперт (руководитель) своевременно выявит экспертную ошибку, правильно ее идентифицирует, проанализирует, оценит и примет действия по ее устранению, в том числе выявит причины, то негативные последствия не наступят в будущем.

Причины экспертных ошибок иногда кроются в недостатках работы органа (лица), назначившего экспертизу, и предоставившего недостоверные исходные данные, некачественные образцы для сравнения исследования и др.

Продолжает сохранять свою актуальность профилактика экспертных ошибок. Проблема профилактики экспертных ошибок относится к разряду комплексных, поскольку затрагивает различные аспекты деятельности СЭУ, сферу взаимодействия их с правоохранительными органами, назначающими судебные экспертизы, а также систему профессионального образования экспертов. Совершенствование всех сторон деятельности указанных систем есть первое и обязательное условие сокращения числа ошибок, как экспертных, так и судебно-следственных.

Как было отмечено, в настоящий момент назрела необходимость проведения кардинальных изменений в направлении совершенствования научно-методического, экспертно-технологического и кадрового обеспечения судебно-экспертных лабораторий СЭД.

Сегодня необходимо составлять объективную картину несоответствий в СЭД, связанных с технической оснащенностью экспертных подразделений, соблюдением принципов независимости эксперта, объективности, всесторонности и полноты исследований, проводимых с использованием современных достижений науки и техники.

Ведущая роль в данном направлении должна отводиться «топ-менеджерам» (высшему руководству), что сегодня уже отчасти закреплено на федеральном уровне, правда, пока только для государственных СЭУ: а) «руководитель обязан обеспечить условия, необходимые для проведения исследований: наличие оборудования, приборов, материалов и средств информационного обеспечения» (ст. 14); б) «руководитель вправе возратить без исполнения постановления или определение о назначении судебной экспертизы, представленные объекты исследования и материалы дела, если в учреждении нет эксперта конкретной специальности, необходимой материально-технической базы либо специальных условий для проведения исследований» (ст. 15)².

Предотвращение экспертных ошибок напрямую зависит и от рядового персонала СЭУ, который может усовершенствовать действующие и разработать новые методики, повысить их надежность.

¹ Краснобаева А. Ю. Указ. соч. С. 14–15.

² См.: Федеральный закон от 31 мая 2001 г. № 73-ФЗ «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации» // Парламентская газета. № 100. 02.06.2001.

Применение подходов, используемых в международных стандартах качества в СЭД, в том числе в рамках работы с экспертными ошибками, представляется одним из современных механизмов решения практических вопросов, связанных с качеством в СЭД.

Предлагается создать в сфере СЭД организационную систему по идентификации (обнаружению) несоответствий, анализу, оценке несоответствий и их причин, проведению корректирующих действий (далее — КД) и работы по предупреждению повторного возникновения экспертных ошибок (профилактике).

Разработанные в теории аспекты, относящиеся к экспертным ошибкам в судебной экспертизе (понятие, классификация, сущность экспертных ошибок, обнаружение, анализ причин, устранение, недопущение в будущем), указывают на отсутствие существенных отличий в аналогичных рассуждениях над несоответствиями и КД в системе менеджмента по международным стандартам качества серии ISO 9000 и 17000. Сложившаяся во всем мире система работы органов по оценке соответствия дала положительные результаты «борьбы» с несоответствиями, а внедряемый в указанную практику риск-ориентированный подход к разрешению проблематики позволил перестроить работу организаций на новое риск-ориентированное мышление.

«Несоответствие» (nonconformity) — это термин ISO 9000, который определяется как «невыполнение требования»¹. Несоответствия в теории менеджмента также имеют свою классификацию, однако их анализ не является целью настоящего исследования.

Согласно п. 8.7 ГОСТ ISO/IEC 17025-2019² при выявлении несоответствия испытательная (калибровочная) лаборатория должна: 1) реагировать на несоответствие, предпринять действия для его управления и устранения; 2) оценить необходимость действия для устранения причин несоответствия, для предупреждения его повторного или нового проявления, посредством рассмотрения и анализа, выявления причин несоответствия, потенциальной возможности возникновения подобных несоответствий; 3) предпринять необходимые действия; 4) оценить результативность предпринятых КД; 5) повторно оценить риски и возможности, выявленные по итогам планирования. КД должны соответствовать масштабам и последствиям обнаруженного несоответствия, должны быть сохранены записи по несоответствиям, предпринятым КД и результатам.

Таким образом, ввиду наличия тесной взаимосвязи между качеством и экспертной ошибкой, предлагается рассматривать проблемы качества в СЭД в сопоставлении с экспертными ошибками. Перспективным для практической экспертной деятельности видится создание уникальной в сфере СЭД системы идентификации несоответствий, проведения КД, управления рисками и возможностями, взяв за основу международный подход к управлению несоответствиями в испытательных и калибровочных лабораториях (центрах) ввиду проявленной его результативности и эффективности в указанных сферах деятельности.

¹ ГОСТ Р ИСО 9000-2015. Системы менеджмента качества. Основные положения и словарь. М. : Стандартинформ, 2015.

² ГОСТ ISO/IEC 17025-2019. Общие требования к компетентности испытательных и калибровочных лабораторий. М. : Стандартинформ, 2019.

Баринов Е. Х.,
профессор кафедры судебной медицины
и медицинского права
Московского государственного
медико-стоматологического
университета имени А. И. Евдокимова
Минздрава России,
доктор медицинских наук, профессор

Джувалыков С. Л.,
ассистент кафедры судебной медицины
Астраханского государственного медицинского
университета Минздрава России,
кандидат медицинских наук

Земерова Е. Е.,
старший лаборант кафедры судебной
медицины и медицинского права
Московского государственного
медико-стоматологического
университета имени А. И. Евдокимова
Минздрава России

ПРОБЛЕМА ИНВАЛИДИЗАЦИИ ЖЕНЩИН ВСЛЕДСТВИЕ ОКАЗАНИЯ АКУШЕРСКО-ГИНЕКОЛОГИЧЕСКОЙ ПОМОЩИ

Введение. Проблема профессиональных ошибок и дефектов оказания медицинской помощи остается весьма актуальной до настоящего времени. В последнее время отмечается значительный рост судебных исков граждан к медицинским работникам. Под инвалидизацией женщины в данной работе мы понимаем такие виды неблагоприятного исхода как, например, экстирпация матки с придатками, позднее послеродовое кровотечение с последующим послеродовым эндометритом, эпизиотомия с образованием ректо-вагинального свища, плацентарный полип после родов (и т.д.), то есть те причины, которые побудили женщин обратиться в суд с жалобами на ненадлежащее оказание акушерской и гинекологической помощи¹.

Цель исследования. Провести исследование случаев развития неблагоприятного исхода в акушерско-гинекологической практике, закончившихся инвалидизацией женщин, с целью выработки профилактических мер для предотвращения подобных случаев в медицинской практике.

Материалы и методы. Проанализированы 47 случаев неблагоприятных исходов в акушерской практике. Из 47 случаев с неблагоприятным исходом в 20 случаях (51 %) произошла инвалидизация женщины. группу составили 20 женщин различных социальных слоев (2 рабочих — 10 %, 9 служащих — 45 %, 3 учащихся — 15 % и 6 домохозяйек — 30 %), 12 из которых (60 %) были замужем.

¹ См., например: Баринов Е. Х., Ромодановский П. О., Терентьева Л. В., Черкалина Е. Н. Экспертная оценка профессиональных ошибок и дефектов оказания медицинской помощи в акушерстве-гинекологии и неонатологии. М. : ЮрИнфоЗдрав, 2012.

Средний возраст составил 26,5 лет, средний вес 59,8 кг, рост 165,5 см. В 55 % женщины обратились в экстренном порядке специализированное учреждение (в 25 %), являющееся клинической базой (в 50 %).

Наиболее часто с неблагоприятным исходом роды заканчивались в пятницу — 8 случаев (40 %), а также в выходные и праздничные дни — 6 случаев (30 %). Время принятия решения о необходимости активного вмешательства или изменения тактики ведения пациентки на основной рабочий день (с 10 до 16 часов) приходилось лишь в 35 % случаев, в остальных 65 % решение принималось в основном в ночные часы (55 %), что достоверно чаще ($p < 0,05$), чем в группе с благоприятным исходом для матери.

У 10 женщин (50 %) беременность сопровождалась гестозом, в 15 % (3 случая) осложнилась клинически узким тазом, у 14 пациенток (70 %) кровотечением (что достоверно чаще ($p < 0,001$), чем в группе с благоприятным исходом для матери), у 9 (45 %) возникли аномалии родовой деятельности, в 13 (65 %) случаях имела место плацентарная недостаточность.

Результаты исследования. При анализе полученных результатов в данной группе выявилось следующее:

Такие факторы, как социальное положение, профессия не являются значимыми в разбираемой патологии. Достаточно невелик (45 % случаев) женщин, обратившихся в плановом порядке за акушерской помощью, что свидетельствует о недоработке на догоспитальном этапе родовспоможения.

Специализация учреждения (25 % случаев), клиническая база (50 % случаев), квалификация, стаж работы и наличие ученой степени врача не всегда влияют на успешный исход родов. Безусловно часто осложнения и неблагоприятные исходы родов происходят в пятницу (40 % случаев), праздничные и выходные дни (30 % случаев), в ночные часы суток (55 % случаев), что однозначно следует расценивать как дефекты работы стационара.

Основными причинами, ведущими к инвалидизации женщины, являются гестоз и акушерские кровотечения (50 % и 70 % случаев соответственно), что идет в унисон с причинами материнской смертности.

Высокий процент плацентарной недостаточности (65 %) в этой группе женщин является следствием длительно текущих акушерских и экстрагенитальных заболеваний.

Зафиксированы высокие проценты различных соматических заболеваний (болезни органов дыхания (55 % случаев), отягощенный аллергический анамнез (55 % случаев), болезни сердечно-сосудистой системы (40 % случаев), заболевания органов мочевого выделения (30 % случаев), прочие болезни (53 % случаев), которые сами по себе не являются ключевым разрешающим фактором, но суммируясь, обуславливают неблагоприятный исход родов, особенно при присоединении акушерской патологии.

При анализе гинекологического анамнеза появляется возможность выделить группу риска (позднее начало менструаций (35 % случаев), иные отклонения менструального цикла (40 % случаев), дисфункция яичников (30 % случаев), наличие в анамнезе аборт и самопроизвольных выкидышей (даже одного) часто является фоном для развития неблагоприятных исходов родов и свидетельствует об отягощенном акушерско-гинекологическом анамнезе (ОАГА).

Часто встречающиеся у женщин в анамнезе заболевания женской половой сферы (аднексит — 70 % случаев, кольпит — 50 % случаев, эрозии

шейки матки — 45 % случаев, эндометрит — 15 % случаев), являются фоном для развития гнойно-септических осложнений в родах как у матери, так и у плода.

Высок процент сердечно-сосудистых заболеваний у пациенток (55 % случаев), которые чреватые как общим болезненным ответом организма (нарушение микроциркуляции на разных уровнях), так и частным болезненным ответом (ХФПН, патология пуповины, развитие гипотрофии и гипоксии плода, формирование врожденных пороков развития).

В данной изучаемой группе более чем в половине случаев (75 % случаев) была угроза выкидыша, что косвенно может свидетельствовать об аномальной закладке плодного яйца, гормональной неполноценности у данных женщин.

Высок процент ранних и поздних токсикозов, что может наводить на мысль как о нарушении системы организма женщины в целом, так и о нарушении отдельных систем гомеостаза.

Отказ от госпитализации (в I триместре 20 % случаев, во II триместре 20 % случаев, в III триместре 25 % случаев) говорит о значительной доле не пролеченных, но уже диагностированных заболеваний у беременных женщин.

Родостимуляция и родовозбуждение окситоцином не следует рассматривать как действие выбора, т.е. данный метод далеко не всегда приносит ожидаемый эффект, и следует уменьшать количество данного пособия, отдавая приоритет плановому кесареву сечению.

Высокий процент внутриутробной гипоксии плода в родах, зафиксированной по КТГ (63 % случаев), свидетельствует о уже имевшейся гипоксии плода во время беременности, и обусловлен акушерской и экстрагенитальной патологией, а также развитием, в ряде случаев, острой гипоксии на фоне хронической, что усугубляет декомпенсацию со стороны плода.

Высок процент экстренных операций, что косвенно свидетельствует о недодиагностике и недоработке как на догоспитальном, так и на госпитальном этапе ведения беременных женщин.

Процент операций наложения акушерских щипцов (22 % случаев) необходимо снижать до минимума, а сочетание операций наложения акушерских щипцов и кесарева сечения (5 % случаев), следует расценивать как упущение в ведении родов.

Основными причинами, побудивших женщин обратиться в судебные инстанции, явились такие состояния, как послеродовые инфекционные заболевания (послеродовый эндометрит, метроэндометрит, перитонит, сепсис, послеродовый мастит), экстирпация матки, родовой травматизм (разрывы промежности, вульвы, влагалища, матки, шейки, послеродовые свищи).

Патологические состояния плода являются следствием аномальных состояний беременности и ранних этапов родов.

Гипертензионные состояния (43 % случаев) достоверно часто влияют на неблагоприятный исход родов, так как на их фоне происходит развитие гестозов у матери, гипоксии и гипотрофии у плода.

Очевидное влияние на состояние плода оказывает злоупотребление курением (30 % случаев) и алкоголем (17 % случаев) матерью во время беременности. Такие вредные привычки приводят к повреждению сосудов фетоплацентарной площадки, хронической гипоксии плода, формированию врожденных пороков развития, асфиксии в родах.

Установлено, что ранние и поздние токсикозы являются существенным фактором для развития неблагоприятного исхода родов. У 48 % беременных женщин в данной группе была угроза выкидыша в I триместре беременности и у 26 % женщин была угроза прерывания во II триместре беременности, что может свидетельствовать о длительном приеме токолитиков, которые снижают тонус миометрия, что в дальнейшем приводит к развитию слабости родовой деятельности и дальнейшим осложнениям со стороны матери и плода¹.

Выводы. Важное значение имеет состояние здоровья беременных женщин. Высок процент соматических заболеваний, которые необходимо санировать до и во время беременности, подбирать таким пациенткам индивидуальный план лечения и ведения родов в плановом порядке в специализированных домах.

Бессонов А. А.,
руководитель управления
научно-исследовательской деятельности
(НИИ криминалистики) Главного управления
криминалистики (Криминалистического
центра) Следственного комитета
Российской Федерации, профессор кафедры
криминалистики Московской академии
Следственного комитета
Российской Федерации,
доктор юридических наук, доцент,
полковник юстиции

ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ КАК ИНСТРУМЕНТ РЕШЕНИЯ ЗАДАЧ СОВРЕМЕННОЙ КРИМИНАЛИСТИКИ

Согласно результатам проведенного компанией «Ростелеком» мониторинга по итогам 2020 года среди глобальных трендов цифровизации первое место занимают технологии искусственного интеллекта². Подтверждением актуальности научных исследований в сфере искусственного интеллекта с целью внедрения в различные сферы государственной и общественной жизни нашего государства основанных на нем технологий является также Национальная стратегия развития искусственного интеллекта на период до 2030 года, утвержденная Указом Президента Российской Федерации от 10.10.2019 № 490. Нельзя не сказать и о Федеральном законе «О проведении эксперимента по

¹ О проблеме неблагоприятных исходов в акушерско-гинекологической практике см. также: Баринов Е. Х. Профилактика неблагоприятных исходов в акушерстве-гинекологии и неонатологии — важная задача практического здравоохранения // Медицинская экспертиза и право. 2011. № 5. С. 49–50 ; Баринов Е. Х., Ромодановский П. О., Черкалина Е. Н., Михеева Н. А., Татаринцев А. В. Медико-правовая осведомленность медицинских работников. М. : ЮрИнфоЗдрав, 2011.

² URL: https://www.company.rt.ru/upload/iblock/6e0/ROSTELECOM_TRENDS2020_INTERACTIVE_FINAL.pdf (дата обращения: 02.04.2021).

установлению специального регулирования в целях создания необходимых условий для разработки и внедрения технологий искусственного интеллекта в субъекте Российской Федерации — городе федерального значения Москве и внесении изменений в статьи 6 и 10 Федерального закона от 24.04.2020 № 123-ФЗ «О персональных данных»».

В этой связи в последнее время стали активно обсуждаться вопросы перспектив использования технологий искусственного интеллекта в уголовном судопроизводстве и в первую очередь в его досудебной стадии. Знаковой в этом плане является Европейская этическая хартия об использовании искусственного интеллекта в судебных системах и окружающих их реалиях (далее — Хартия), принятая на 31-м пленарном заседании Европейской комиссии по эффективности правосудия, состоявшемся 3–4 декабря 2018 года в Страсбурге¹. Примечательно, что в Хартии определены не только принципы использования искусственного интеллекта в судопроизводстве, но и описаны результаты научных исследований, обозначающие его преимущества и ограничения применительно к этой сфере.

Тем не менее представляется, что научно-исследовательская деятельность, касающаяся возможностей и перспектив использования искусственного интеллекта в деятельности по расследованию преступлений и криминалистической науке, находится еще в самом начале своего долгого и крайне перспективного пути. Между тем важно именно сейчас определить ключевые отправные точки и стратегические направления дальнейшего движения научных изысканий в этой части.

Прежде всего важно понимать, что суть искусственного интеллекта составляют математические алгоритмы, объединенные в открытые системы и позволяющие на основе уже имеющегося практического опыта и научных знаний решать различные интеллектуальные задачи, в том числе носящие неочевидный характер, для которых как имеется, так и отсутствует заранее заданный алгоритм достижения поставленной цели.

Нельзя упускать из виду и участие человека в формировании таких систем, что неизбежно вносит в их работу определенный элемент субъективизма, обусловленный особенностями сбора эмпирического материала, спецификой его трансформации в математические модели, постановкой достигаемых в качестве конечной цели задач, выбором тех или иных алгоритмов, составляющих собственно искусственный интеллект. Работа таких систем, по нашему мнению, требует постоянного мониторинга качества работы, соответствия требованиям сферы уголовного судопроизводства и постоянно изменяющимся реалиям, при необходимости — корректировки.

Рассматривая алгоритмы искусственного интеллекта сквозь призму их применимости в криминалистике, речь вести о них следует со следующих ракурсов:

- во-первых, в качестве самостоятельного объекта изучения с точки зрения применимости в криминалистике;
- во-вторых, как инструментария получения новых знаний об объектах и предмете этой науки;
- в-третьих, с позиции основы систем поддержки принятия решений в деятельности по расследованию преступных деяний;

¹ URL: <https://rm.coe.int/ru-ethical-charter-en-version-17-12-2018-mdl-06092019-2-/16809860f4> (дата обращения: 02.04.2021).

— наконец, в-четвертых, в качестве инструмента организации и производства отдельных следственных, процессуальных и исследовательских действий в следственной и судебно-экспертной работе.

На наш взгляд, правильному использованию в криминалистике алгоритмов, составляющих суть искусственного интеллекта, будет способствовать соблюдение ряда следующих условий:

— понимание основ математического моделирования и способов реализации данной технологии¹;

— в приложении его потенциала к определенной области этой науки исключительно на основе оценки его возможностей и ограничений в решении имеющих значение задач;

— его практическому применению должна предшествовать научно-исследовательская работа, как правило, проведенная коллективом ученых, являющихся специалистами в сфере расследования преступлений, судебной экспертизы, науки о данных, информатики и систем управления.

В качестве одного из ключевых направлений использования технологий искусственного интеллекта в криминалистике обозначим системы поддержки принятия решений, предназначенные для организации расследования преступлений (выдвижения версий, планирования и т.п.) и имеющие в своей основе цифровые криминалистические модели преступлений. Под последними мы понимаем криминалистические характеристики преступлений различных видов в машиночитаемой форме, в которых сведения о криминалистически значимых признаках и их закономерных связях между собой выражены в виде математических категорий, уравнений и/или неравенств².

Приведем как пример результаты исследовательских работ, проведенных нами по итогам изученных в управлении научно-исследовательской деятельности (научно-исследовательском институте криминалистики) Главного управления криминалистики (Криминалистического центра) Следственного комитета Российской Федерации материалов уголовных дел о серийных преступлениях, в том числе убийств по сексуальному мотиву.

Так, на основе более чем 1000 преступных эпизодов разработана экспериментальная система построения поискового портрета серийного преступника, имеющая в своей основе алгоритмы искусственного интеллекта и позволяющая прогнозировать расстояние от места преступления до места жительства такого преступника с точностью 88,3–93,5 %, его возраст (точность 80,3 %, доверительный интервал ± 6 лет), наличие у него психического заболевания (точность 81,5 %) и судимости (точность 82 %), а также некоторые другие его признаки по неочевидным преступлениям.

Помимо этого, завершена работа над алгоритмами статистического анализа связей нераскрытых преступных деяний в рамках конкретного вида (группы) между собой, позволяющие устанавливать совершенные одним и тем же лицом (группой лиц) серийные преступления (точность 92,5–94,6 %, зависит от вида применяемого алгоритма), а также выявлять наиболее вероятного подозрева-

¹ Бахтеев Д. В. Искусственный интеллект: этико-правовые основы : монография. М. : Проспект, 2021. С. 38.

² Бессонов А. А. Цифровая криминалистическая модель преступления как основа противодействия киберпреступности // Академическая мысль. 2020. № 4 (13). С. 60.

емого из числа тех, сведения о которых уже имеются в базе данных серийных и иных преступников.

Другим не менее важным направлением комплексного применения технологий искусственного интеллекта нужно рассматривать судебную экспертизу. Например, уже имеется ряд конкретных реализованных алгоритмов в судебной автотехнической экспертизе для бесконтактной автоматизированной экспресс-оценки повреждений кузова автомобиля по визуальным параметрам¹ и экспертная система «Анализ ДТП»². Проводятся исследования, направленные на внедрение искусственного интеллекта в почерковедческую экспертизу³. Технологии искусственного интеллекта рассматриваются на предмет применимости в судебной автороведческой экспертизе⁴ и в судебной портретной экспертизе⁵. В зарубежной практике эти технологий активно внедряются в компьютерно-техническую экспертизу⁶.

Одновременно отметим, что ряд технологий, составляющих искусственный интеллект, уже прочно вошел в повседневную работу по криминалистическому и судебно-экспертному сопровождению расследования преступлений при обнаружении доказательственной и ориентирующей информации. Речь идет о поиске в сети Интернет фотографий интересующего следствие лица, анализе информации социальных сетей, изучении данных о телефонных соединениях и систем фото- и видеорегистрации, ДНК-анализе.

Мы обозначили лишь некоторые направления применимости искусственного интеллекта в криминалистике и судебной экспертизе с целью подтверждения того, что процесс его внедрения в них неизбежен. Вопрос заключается лишь в том, чтобы сделать это научно обоснованно и с ориентиром на потребности практики во избежание последующих разочарований в его возможностях.

¹ Тарасова М., Филькин Н., Юртиков Р. Бесконтактная автоматизированная экспресс-оценка повреждений кузова автомобиля по визуальным параметрам // Наука и техника. 2019. № 18 (6). С. 471–475.

² Чувилов Д. А. Универсальные алгоритмы взаимодействия экспертной системы и системы имитационного моделирования // Т-Сотт: Телекоммуникации и транспорт. 2017. Т. 11. № 4. С. 34–40.

³ Гусакова С. М., Комаров А. С. Интеллектуальная система для решения идентификационной задачи в почерковедении // Искусственный интеллект и принятие решений. 2010. № 4. С. 49–54 ; Иванов А. И., Газин А. И., Качайкин Е. И., Андреев Д. Ю. Автоматизация почерковедческой экспертизы, построенная на обучении больших искусственных нейронных сетей // Модели, системы, сети в экономике, технике, природе и обществе. 2016. № 1 (17). С. 249–257.

⁴ Соколова Т. П. Судебное автороведение как междисциплинарная область знания // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2019. № 5. С. 138–139.

⁵ Газизов В. А. Электронная идентификация и портретная экспертиза в условиях развития интеллектуальных технологий // Энциклопедия судебной экспертизы. 2018. № 4 (19). С. 57–62 ; Подволоцкий И. Н. Организация портретной экспертизы в цифровой сфере // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2020. № 6. С. 98–99.

⁶ Hoelz, Bruno & Ralha, Célia & Geeverghese, Rajiv. (2009). Artificial intelligence applied to computer forensics, Proceedings of the ACM Symposium on Applied Computing, 883–888 ; Mitchell, Faye (2014). The use of Artificial Intelligence in digital forensics: An introduction, Digital Evidence and Electronic Signature Law Review, 7:35.

Васільева О. А.,
преподаватель кафедры
уголовного процесса
Калининградского филиала
Санкт-Петербургского
университета МВД России

КРИМИНАЛИСТИЧЕСКИЕ СВОЙСТВА ПРОВЕРКИ И ОЦЕНКИ КРИМИНАЛИСТИЧЕСКИ ЗНАЧИМОЙ ИНФОРМАЦИИ, ПОЛУЧЕННОЙ ПРИ ПРОИЗВОДСТВЕ СЛЕДСТВЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ

Вся информация о преступлении, как результат изменения среды, имеет криминалистическое значение. В поисково-познавательной деятельности, осуществляемой в ходе уголовного судопроизводства, указанные изменения служат средством познания события преступления, так как содержат в себе характеризующие его данные. Выявление такого рода данных — это процесс обнаружения криминалистически значимой информации, а выявление объектов, ее содержащих, есть выявление потенциальных ее носителей и источников.

Изучая полученный объем информации, необходимо обратиться к понятию «криминалистические свойства» для разграничения потоков информации. Оно используется в криминалистике с советского периода¹. Выделение «криминалистических свойств» позволяет исследователю самостоятельно и вариативно определять тот набор свойств, который важен для рассмотрения применительно к конкретному объекту и обусловлен предметом исследования, что обеспечивает исследованиям полноту, всесторонность, высокий уровень репрезентативности и обоснованность выводов (в отличие от тех криминалистических категорий, структура которых заранее определена, а перечень элементов является исчерпывающим — например, криминалистической характеристики)².

Расследование уголовного дела носит информационный характер и исследование объекта, полученного в ходе расследования по уголовному делу, производится путем проверки и оценки криминалистически значимой информации об этом объекте.

Данное обстоятельство указывает на тесную взаимосвязь проверки и оценки с диагностикой (распознаванием свойств) криминалистически значимой информации. Диагностика информации представляет собой технологию анализа информации об определенном объекте, реализуемая с помощью специальных процедур и методов в фиксированном предметном поле по избранным индикаторам для оценки состояния, тенденций и перспектив развития объекта³.

Таким образом, проверка криминалистически значимой информации, полученной при производстве следственных действий — это деятельность со-

¹ См., например: Колесниченко А. Н. Научные и правовые основы расследования отдельных видов преступлений : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Харьков, 1967 ; Селиванов Н. А. Советская криминалистика. Система понятий. М., 1982 ; и др.

² Ищенко П. П. Нужна ли криминалистическая характеристика преступления в криминалистической методике? // Lex russica. Т. 73. 2020. № 3 (160). С. 55–69.

³ Органова О. А., Кирсанова А. И. Методы исследования информационных потребностей ученых УРО РАН // Вестник Челябинской государственной академии культуры и искусств. 2015. № 4 (44). С. 9.

трудников органов предварительного следствия и дознания, направленная на диагностику имеющейся информации по делу, которая содержится в следовой картине преступления, документах, показаниях участников и очевидцев указанных событий, а также на получение и использование новой криминалистически значимой информации¹.

Результаты исследования различных подходов, обобщение и систематизации правоприменительной практики доказывают, что проверка криминалистически значимой информации находится в неразрывной диалектической связи с ее оценкой. Согласно результатам обобщения имеющихся литературных источников, общетеоретическое определение оценки информации указывает на то, что это процесс определения наличия либо отсутствия в имеющейся информации тех свойств, которые заявлены применительно к исследуемой информации в качестве обязательных. С позиций криминалистики, оценка информации — процесс субъективный, в отличие от проверки информации, и основан на внутреннем убеждении субъекта, производящего оценку, а также зависит от многих других субъективных показателей: умственных способностей оценивающего, его мировоззрения, наличия у него желания установить фактическую истину и пр. При этом, как справедливо отмечает Г. А. Зорин, при раскрытии преступления процесс оценки информации является более значимым, чем процесс её обнаружения. Субъективность этого процесса определяется: способностью конкретного субъекта трансформировать в знания информацию из внешнего мира; способностью конкретного субъекта проанализировать полученные знания для принятия решения об их использовании или не использовании для достижения целей доказывания; способностью конкретного субъекта использовать в процессе доказывания знания, полученного из поступившей информации².

Из изложенного достоверно усматривается принципиально значимое различие между проверкой и оценкой криминалистически значимой информации, полученной при производстве следственных действий: проверка является процессом объективным, в то время как оценка основана на субъективном восприятии субъектом окружающей действительности и его личностных интеллектуальных характеристик и морально-нравственных установок. Данное отличительное обстоятельство составляет основу криминалистических свойств проверки и оценки криминалистически значимой информации, полученной при производстве следственных действий. Но также в целях максимальной формализации процесса оценки информации с позиций криминалистики важно указать и иную целевую направленность оценки — выявление тех свойств информации, которые заявлены в качестве принципиально значимых для конкретного вида информации. Иными словами, для криминалистически значимой информации, полученной при производстве следственных действий, в процессе ее оценки важно установить наличие в ней совокупности общих и уникальных свойств, обоснованных в предыдущем разделе диссертационного исследования.

Таким образом, на основании вышеизложенного можно сделать обоснованный вывод о том, что оценка криминалистически значимой информации,

¹ Васильева О. А. Содержание проверки и оценки криминалистически значимой информации при производстве следственных действий // Евразийский юридический журнал. 2019. № 2 (129). С. 334–338.

² Зорин Г. А. Криминалистическая методология : монография. Минск, 2000. С. 203.

полученной при производстве следственных действий — это мыслительная деятельность следователя, заключающаяся в решении диагностических задач, связанных с распознаванием и выявлением совокупности общих и уникальных свойств данной информации и принятия решения о возможности ее дальнейшего использования в процессе доказывания по уголовному делу¹.

Результаты проведенного исследования свидетельствуют о том, что проверка и оценка полученной криминалистически значимой информации необходима при проведении: вербальных следственных действий (допроса — по мнению 84 % опрошенных сотрудников органов предварительного следствия и дознания); невербальных следственных действий (осмотра места происшествия — 66 %; обыска — 36 %; выемки — 23 %; следственного эксперимента — 21 %; судебной экспертизы — 27 %); смешанных следственных действий (проверки показаний на месте — 45 %). Также как отмечают сотрудники органов предварительного следствия и дознания именно на этапе проверки и оценки полученной при производстве следственных действий криминалистически значимой информации, возникают проблемы, связанные с противодействием расследованию (23 %), недостатком специальных знаний (53 %), недостатком времени (71 %), изменением показаний и иными (4 %) ². Таким образом, результаты проведенного исследования свидетельствуют о необходимости и актуальности разработки новых подходов к проверке и оценке криминалистически значимой информации, полученной при производстве следственных действий.

При проверке криминалистической значимой информации, как свидетельствуют результаты изучения уголовных дел, важна классификация следственных действий в зависимости от взаимодействия человека с окружающим миром: вербальные (допрос и очная ставка), невербальные (следственный осмотр, обыск, выемка, освидетельствование, следственный эксперимент) и смешанные (предъявление для опознания и проверка показаний на месте). Результаты проведенного исследования позволили выделить следующие следственные действия, необходимые для проверки криминалистической значимой информации: вербальные — допрос свидетеля, потерпевшего, подозреваемого, обвиняемого (отмечают — 57 % опрошенных) и очная ставка (54,2 %); невербальные — осмотр места происшествия (66 %); обыск (32 %); выемка (26 %); назначение судебных экспертиз (65 %), след-

¹ Васильева О. А. Указ. соч.

² Опрос проводился по специально разработанной анкете. Были опрошены 231 сотрудник органов предварительного следствия и дознания: следственного управления Управления Министерства внутренних дел России по г. Калининграду Калининградской области; отдела дознания Управления Министерства внутренних дел России по г. Калининграду Калининградской области; Межмуниципального отдела Министерства внутренних дел России «Гурьевский» Калининградской области; Следственного управления следственного комитета России по Калининградской области; Следственного управления Западного Управления внутренних дел на транспорте России по Калининградской области; Следственного управления Управления Министерства внутренних дел России по Мурманской области; отдела дознания Управления Министерства внутренних дел России по Мурманской области; Следственного управления Управления Министерства внутренних дел России по Республике Крым и городу Севастополю; Следственного управления следственного комитета России по Республике Крым и городу Севастополю; Управления Федеральной службы безопасности России по Республике Крым и городу Севастополю.

ственный эксперимент (49 %); смешанные — проверка показаний на месте (74 %). Необходимость представленной классификации обусловлена необходимостью выбора соответствующих тактических приемов в целях получения максимально полезного и эффективного результата, что, в свою очередь, требует рассмотрения и изучения содержания обозначенных видов следственных действий.

При этом специфика криминалистических свойств проверки криминалистически значимой информации при производстве вербальных следственных действий обусловлена проверкой содержания показаний участников уголовного процесса, полученных в процессе производства вербальных следственных действий, которые являются субъективным отражением объективной действительности, зависят от индивидуальных особенностей восприятия, памяти, внушаемости, заинтересованности допрашиваемого. Свойства проверки криминалистически значимой информации при производстве вербальных следственных действий заключаются в: диагностике ложных показаний на основе их детализации (для выявления противоречий в сообщаемой по делу информации); фиксации показаний, в том числе путем проведения видеосъемки с целью возможного последующего назначения экспертизы психологической достоверности показаний по видеоматериалам; сопоставлении полученных в ходе производства вербальных следственных действий сведений с другой имеющейся по делу информацией; сборании дополнительной криминалистически значимой информации по окончании производства следственного действия; производстве повторного допроса; проведении психофизиологической экспертизы с использованием полиграфа (при согласии допрашиваемого).

Криминалистические свойства проверки криминалистически значимой информации при производстве невербальных следственных действий определяются: объективным характером получения информации; отсутствием контакта с иными участниками уголовного судопроизводства; целевой направленностью на установление природы и состояния объектов, имеющих отношение к совершенному преступлению; возможностью получения информации в ситуациях отсутствия свидетелей и очевидцев; непосредственным выявлением особых признаков, характеризующих исследуемые объекты; установлением объективных причин и поводов совершения преступления.

В свою очередь, криминалистические свойства проверки криминалистически значимой информации при производстве смешанных следственных действий заключаются в: целевой направленности на сопоставление информации, полученной ранее из различных источников (в вербальной и невербальной формах); необходимости одновременного (параллельного) осуществления проверки и оценки получаемой информации; наиболее полной реконструкции события преступления; выявлении причин несоответствия ранее полученной информации по уголовному делу.

На основании вышеизложенного, руководствуясь результатами проведенного исследования, анализа практических и теоретических источников, обобщая сформулированные промежуточные выводы, полученные в рамках решения задачи данного раздела работы, можно сформулировать обоснованный вывод о том, что в зависимости от складывающейся следственной ситуации и обстоятельств расследования конкретного преступления проверка и оценка могут осуществляться в неразрывной взаимосвязи, либо существовать опосредованно в качестве двух самостоятельных не связанных между собой процессов. Принципиально важным обстоятельством

при этом является наличие либо отсутствие у следователя (дознателя) сомнений в достоверности имеющейся криминалистически значимой информации. При наличии таких сомнений, формирующихся в процессе оценки, информация подлежит проверке, а после проверки — повторной оценке путем сопоставления с исходной информацией и с иными доказательствами, имеющимися по делу. В этом случае проверка и оценка криминалистически значимой информации, полученной при производстве следственных действий, существуют в строгой взаимозависимости и не могут осуществляться отдельно друг от друга. В случае отсутствия сомнений в достоверности, объективности и полноте, имеющейся криминалистически значимой информации, а также отсутствия противоречий доказательств по делу между собой ее проверка может не требоваться. Таким образом, в данном случае оценка криминалистически значимой информации осуществляется согласно внутреннему убеждению следователя как самостоятельный мыслительный процесс.

В процессе исследования выявлены криминалистические свойства проверки криминалистически значимой информации, полученной при производстве следственных действий:

- предопределенность ее специфики в зависимости от форм ее реализации (процессуальной и непроцессуальной) и конкретных способов (производство следственных действий, истребование предметов и документов, принятие доказательств от участников уголовного судопроизводства — в рамках процессуальной формы; инструментальные и идеальные способы — в рамках непроцессуальной формы оценки);
- объективный характер (не зависящий от внутренних мыслительных и аналитических процессов в структуре личности субъекта, осуществляющего проверку информации);
- целевая направленность на реализацию диагностической функции;
- осуществление исключительно в инициативном порядке при наличии у следователя (дознателя) сомнений в ее достоверности, объективности и полноте;
- реализация в зависимости от складывающейся в процессе расследования следственной ситуации в процессуальной и непроцессуальной формах (каждая из которых с учетом специфики и конкретного способа реализации обладает индивидуальным набором криминалистических свойств).
- Криминалистические свойства оценки криминалистически значимой информации, полученной при производстве следственных действий:
- субъективный характер, основанный на внутреннем убеждении, мировоззрении, интеллектуальном уровне и особенностях мышления субъекта, производящего оценку информации;
- целевая направленность на определение качества информации (установление наличия совокупности общих и уникальных свойств в оцениваемой криминалистически значимой информации);
- осуществление без фактической инициативы в качестве непрерывного мыслительного процесса;
- невозможность осуществления в отрыве от проверки в случае наличия сомнений в ее достоверности.

Выявленные криминалистические свойства проверки и оценки криминалистически значимой информации, полученной при производстве следственных действий, имеют важное научное и прикладное значение ввиду тесной

взаимосвязи обоснованных свойств с криминалистическим обеспечением проверки и оценки данного вида информации и с последующим выбором тактики их осуществления.

Волохова О. В.,

*доцент кафедры криминалистики
Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА),
кандидат юридических наук, доцент*

АЛГОРИТМ СЛЕДСТВЕННОГО ДЕЙСТВИЯ — ПУТЬ К ЕГО ОПТИМАЛЬНОМУ ПРОВЕДЕНИЮ

Проблемы, возникающие при раскрытии и расследовании преступлений, нередко возникают от неумения следователя четко организовать работу, быстро и безошибочно выбрать оптимальные пути решения встающих задач. Минимизации этих проблем, конечно, могут способствовать длительное профессиональное образование, стажировки в институтах, продолжительный стаж в профессиональной деятельности. В существующих же условиях оптимальным, экономичным и весьма перспективным путем решения проблемы повышения эффективности следственной деятельности видятся разработка и внедрение криминалистических алгоритмов и программ.

Вопросами алгоритмизации предварительного следствия занимались и занимаются ученые-криминалисты, среди которых наибольший интерес вызывают труды Е. П. Ищенко, который посвятил изучению данной проблемы некоторые свои работы¹. Однако в них в основном решается вопрос об алгоритмизации расследования в целом или одного из его этапов, в частности первоначального этапа расследования. Это, несомненно, правильно. Но хотелось бы ввести в практику и алгоритмы проведения отдельных следственных действий, что, несомненно, поможет следователю в их производстве и будет способствовать ликвидации ошибок и недопущению признания доказательств, полученных при производстве следственных действий, недопустимыми.

Термин «алгоритм» обычно означает совокупность действий, правил решения задачи. Общенаучное понятие этого термина: способ решения вычислительных и других задач, точно предписывающий, как и в какой последовательности получить однозначный результат, определяемый исходными данными. В криминалистике алгоритм предлагается понимать как зависимую совокупность взаимосвязанных следственных и иных действий, а также их комплексов, выстроенных в оптимальной последовательности и направленных на получение predetermined результата. И если уточнять данное понятие применительно к конкретному следственному действию, то можно сформулировать следующее понятие алгоритма следственного действия.

Алгоритм следственного действия — это совокупность взаимосвязанных и обязательных действий следователя, выстроенных в определенной последовательности и направленных на достижение оптимального результата проведения

¹ См., например: Ищенко Е. П., Водянова Н. Б. Алгоритмизация следственной деятельности : монография. М. : Юрлитинформ, 2010 ; Степаненко Д. А. Алгоритмизация поисково-познавательной деятельности лица, ведущего расследование: основания, возможности, проблемы // Российский следователь. 2016. № 10. С. 3–7.

следственного действия. Причем к данным действиям можно отнести и обязательные стадии следственного действия, и обязательные вопросы, выясняемые следователем в рамках его проведения.

С криминалистической точки зрения, каждое следственное действие представляет собой специфический вид деятельности, состоящий из подготовки, непосредственного производства и окончания данного действия.

Подготовка включает в себя создание надлежащих условий, необходимых предпосылок, призванных обеспечить достижение намеченных следователем целей. Она начинается после построения, анализа, оценки мысленной модели ситуации, сложившейся по уголовному делу, и заканчивается принятием субъектом доказывания решения о производстве соответствующего следственного действия.

Модель сложившейся ситуации строится после изучения имеющихся в данный момент в уголовном деле фактических данных, а ее анализ позволяет определить наличие поисково-познавательной проблемы, для разрешения которой требуется проведение данного следственного действия.

После проведения подготовки к следственному действию, субъект доказывания (следователь) переходит к непосредственному производству данного действия.

После непосредственного проведения следственного действия следует стадия его окончания. Здесь осуществляется фиксация полученной информации, ознакомление участников с содержанием процессуального акта, внесение (или невнесение) дополнений, поступивших после ознакомления, удостоверение протокола подписями участвовавших лиц и следователя, проводившего следственное действие и составившего протокол.

Этапность или стадийность любого следственного действия, помимо того, что является общим положением тактики его проведения, можно рассматривать как алгоритм его производства. Так, осмотр места происшествия в криминалистике принято делить на этапы, а их, в свою очередь, на стадии. Различаются и четыре взаимосвязанные стадии обыска — предварительная, обзорная, детальная и заключительная.

Наиболее важным в ведении данного понятия в практику следственной деятельности представляется на первоначальном этапе расследования, поскольку от него в целом зависит весь дальнейший ход расследования и именно в его границах получают первоначальные доказательства, способствующие признанию человека подозреваемым, а впоследствии и обвиняемым.

Первоначальный этап расследования преступлений имеет свои особенности, в частности, он характеризуется: максимальной оперативностью, неотложностью, временным фактором, значительным объемом работы в ограниченные сроки, отсутствием криминалистически значимой информации. Также определенная часть работы проводится работниками органов дознания, что влечет за собой последующую ее процессуальную оценку следователем.

Наиболее яркими примерами следственных действий, осуществляемых на первоначальном этапе расследования, при производстве которых алгоритм действий следователя имеет значение, являются очная ставка и предъявление для опознания.

Очная ставка является сложным следственным действием и требует тщательной подготовки, выраженной в изучении показаний лиц, между которыми предполагается ее провести; в выявлении сущности имеющихся в них противоречий и причин их происхождения; в определении последовательности проведения очной ставки.

Решая провести очную ставку, следователь должен предусмотреть, что заинтересованные лица могут попытаться склонить добросовестных участников к

даче выгодных для себя показаний. Поэтому проводить очную ставку целесообразно лишь тогда, когда в этом возникает действительная необходимость и когда существенные для дела противоречия нельзя устранить иным способом.

Необходимо выбрать момент проведения очной ставки с тем, чтобы она не была преждевременной или запоздалой. Преждевременная очная ставка может вообще не дать положительного результата и даже оказаться в какой-то степени вредной.

Запоздалая очная ставка также не приведет к желаемым результатам, так как следователь упустил наиболее удачное для ее проведения время: подозреваемому, например, уже стали известны показания свидетелей, и он из этого уже сделал соответствующие выводы, внес корректировки в свои показания. В таком случае могут появиться новые трудности, которых можно было избежать своевременным проведением очной ставки, или же очная ставка полностью утратила свой смысл и стала бесполезной.

Следователю необходимо также определить время производства очной ставки в течение суток; ее продолжительность и место, где она будет проводиться. Непосредственно время проведения очной ставки в каждом конкретном случае назначает следователь, исходя из материалов дела, складывающейся следственной ситуации, своей загруженности.

Прибегая к очной ставке, следователь должен исходить из характера показаний, подлежащих проверке, из сущности противоречий, имеющих в них, и видеть возможные пути их преодоления.

Очная ставка чаще всего представляет собой конфликтную ситуацию, при которой интересы и цели каждого из трех участников обычно не совпадают. На очной ставке сходятся обычно лица, в показаниях которых имеются существенные противоречия, и каждый из них пытается отстаивать свои показания. При подготовке к проведению очной ставки следователю весьма важно уяснить причины расхождений в показаниях допрашиваемых лиц. Естественно, что не всегда удается сразу обнаружить причину таких расхождений. Однако версии, предположения должны разрабатываться сразу, так как в зависимости от них будет намечаться и тактика проведения очной ставки.

Наравне с указанными тактическими особенностями очной ставки нельзя забывать и об обязательных вопросах, которые всегда присутствуют при проведении любой очной ставки и которые могут представлять собой алгоритм на стадии ее непосредственного производства. Речь идет о следующих вопросах: знакомы ли вы друг с другом; в каких отношениях находитесь, есть ли между вами неприязнь; что вы можете показать по существу дела; вы подтверждаете показания; вы настаиваете на своих показаниях; имеются ли вопросы друг к другу. И только после ответов на все данные вопросы очную ставку можно признать полностью состоявшейся, независимо от полученных результатов.

Похожая ситуация складывается и с предъявлением для опознания. Здесь интересно то, что часть алгоритма этого следственного действия предусмотрена в уголовно-процессуальном законодательстве (п. 2 ст. 193 УПК РФ): «Опознающие предварительно допрашиваются об обстоятельствах, при которых они видели предъявленные для опознания лицо или предмет, а также о приметах и особенностях, по которым они могут его опознать».

В рамках первоначального этапа расследования и, соответственно, проведения неотложных следственных действий опознание можно назвать незаменимым следственным действием и одним из немногих, дающим прямое доказа-

тельство причастности лица к совершению преступления. Поэтому организация его проведения играет значительную роль как для оценки результатов, так и для признания данного следственного действия в качестве доказательства.

Подготовка к опознанию, независимо от его вида, начинается с предварительного допроса опознающего. Это делается не только для оживления в памяти опознающего признаков объекта опознания, но и для уверенности следователя в том, что опознание состоится на должном уровне. В ходе данного допроса следователь выясняет следующие общие и частные вопросы: а) не имеет ли допрашиваемый дефектов органов чувств и психики, которые могут негативно отразиться не только на характере восприятия опознаваемого объекта, но и на объективности, достоверности опознания; б) при каких обстоятельствах, при каких условиях опознающий видел, слышал будущего опознаваемого или предмет, на каком расстоянии, при каком освещении, в какой обстановке, в течение, какого времени и т.п.; в) какие признаки внешности, устной речи, походки опознаваемого запомнил; г) может ли он опознать лицо, объект и по каким признакам; ж) уточнить круг лиц, которые могут подтвердить показания опознающего.

При выяснении признаков опознаваемого лица или предметов целесообразно не ограничиваться их общим описанием (размер, рост, цвет волос и т.д.), а конкретизировать индивидуальные особенности (царапины, шрамы, родинки), т.е. те признаки, которые способствуют выделению объекта из группы однородных.

После проведения предварительного допроса следователь приступает к непосредственной организации опознания. Данная деятельность включает в себя: подбор аналогичных предметов или похожих лиц, вызов необходимых участников опознания, определение времени и места проведения данного следственного действия, выбор способа устранения возможности предварительного контакта, опознающего с опознаваемым (более ранний вызов опознающего и помещение его в отдельное помещение, хранение предмета в недоступном для опознающего месте и т.д.).

И только после проведения всех действий организационного характера следователь может приступить к непосредственному производству опознания, которое достаточно подробно рассмотрено в юридической литературе.

Производство следственных действий — основной способ собирания доказательств по уголовному делу. От законности и обоснованности проведенных следственных действий зависит, будут ли собранные доказательства признаны допустимыми и использованы в доказывании.

Горбунова Е. Ю.,

*эксперт отдела компьютерных экспертиз
ЭКЦ УМВД России по Мурманской области*

ЭЛЕКТРОННЫЙ ДОКУМЕНТООБОРОТ КОМПАНИЙ КАК ИСТОЧНИК КРИМИНАЛИСТИЧЕСКИ ЗНАЧИМОЙ ИНФОРМАЦИИ ПРИ РАСКРЫТИИ И РАССЛЕДОВАНИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ

Одна из тенденций современного общества — информатизация всех сфер деятельности. Средства вычислительной техники совершенствуются, появля-

ются новые программы для обработки информации, происходит расширение функциональных возможностей уже существующих, также в постоянном развитии находятся способы хранения и обработки компьютерной информации.

В последнее десятилетие цифровые технологии быстро охватывают в Российской Федерации все области, исключением не стала и сфера экономической деятельности. Активно внедряется автоматизированная обработка бухгалтерской и иной производственной документации, т.е. бухгалтерский учет и документооборот переходят в цифровой формат.

В результате всемирной пандемии COVID-19 резко возросло количество документов, которые были переведены в цифровую форму, при этом информация становится одним из важнейших ресурсов. Электронные документы (далее — ЭД), электронный документооборот (далее — ЭДО) стремительно вытесняют документы на бумажных носителях из общественных отношений.

Электронный документооборот — система процессов по обработке различных документов (кадровых, бухгалтерских и иных) в электронном виде, которая позволяет экономить время, а также увеличивает скорость принятия решений.

Хозяйствующие субъекты, осуществляющие свою деятельность с использованием автоматизированных информационных систем, уделяют огромное значение электронному документообороту через локальные и информационно-телекоммуникационные сети, а также совместной работе пользователей с электронными документами в облачных сервисах. Программы, предназначенные для ЭДО, наделены инструментами: создания, обработки, передачи, управления, учета, хранения электронных документов, электронных архивов.

Электронный документооборот можно условно разделить на два вида: а) обмен документами внутри компании; б) передача документов между разными компаниями — контрагентами, так и в отношении госорганов через Интернет.

Сегодня действующее законодательство допускает электронное исполнение договоров, ведение бухгалтерского, кадрового учета, формирование счетов-фактур и других электронных первичных документов.

Формирование электронных документов и электронный документооборот осуществляется с использованием специализированного программного обеспечения. Большинство программ, представленных в Российской Федерации, функционально способны формировать, обрабатывать, передавать, хранить электронные документы в соответствии с установленными требованиями. Разработчики указанного программного обеспечения не только предоставляют техническую возможность для формирования и обмена электронными документами, но и обеспечивают соблюдение действующего законодательства в рассматриваемой сфере¹.

Электронным документом является «документированная информация, представленная в электронной форме, то есть в виде, пригодном для восприятия человеком с использованием электронных вычислительных машин, а также для передачи по информационно-телекоммуникационным сетям или обработки в информационных системах»². При этом должны быть соблюдены требования и

¹ Можно привести пример стремительно развивающейся компании «1С», являющейся разработчиком программного обеспечения, использующегося в различных сферах экономической деятельности, в том числе для электронного документооборота.

² См.: пункт 11.1 ст. 2 Федерального закона от 27.07.2006 № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» // СПС «КонсультантПлюс».

к обязательным реквизитам электронных документов, также они должны быть правильно оформлены и учтены.

Вместе с тем, чтобы электронный документ приобрел юридическую силу и был признан равнозначным документу на бумажном носителе, подписанному собственноручной подписью, его необходимо заверить электронной цифровой подписью (далее — ЭЦП).

Электронная цифровая подпись — «информация в электронной форме, которая присоединена к другой информации в электронной форме (подписываемой информации) или иным образом связана с такой информацией и которая используется для определения лица, подписывающего информацию»¹. Электронная цифровая подпись персонализирована, может быть получена в сертификационном центре, используется прежде всего как средство идентификации, установления личности в электронном бизнесе.

Внедрение современных информационных технологий в сферу экономической деятельности обратило внимание исследователей на новую проблему, требующую научной разработки — электронные документы в уголовном судопроизводстве и криминалистике. В частности, проблемы использования электронных документов в качестве доказательств.

Так, на протяжении длительного времени не сформировано однозначного толкования, как электронного документа, так и электронного доказательства, в связи с чем не разработано и научно-методическое обоснование по их использованию в уголовном судопроизводстве. В частности, электронные документы как носители информации, не указаны в ст. 81 и 84 УПК РФ в перечне вещественных доказательств.

Современный процесс раскрытия и расследования преступлений экономической направленности неразрывно связан с необходимостью сбора доказательственной информации о расследуемом событии, в том числе отраженной в документах, сформированных в цифровой форме.

Цифровая криминалистика уже сегодня позволяет осуществлять, например, поиск информации о сохраненных на НЖМД² персонального компьютера сертификатах электронных ключей³, а также производить исследование usb-флеш накопителей (электронных ключей), с целью получения информации, находящейся на них. Рассматриваемая информация извлекается и исследуется с целью индивидуализации, персонализации пользователей.

¹ См.: часть 1 ст. 2 Федерального закона от 06.04.2011 № 63-ФЗ «Об электронной подписи» // СПС «КонсультантПлюс».

² Здесь и далее — накопитель на жестких магнитных дисках.

³ Сертификат открытого ключа — это документ с цифровой подписью, связывающий значение открытого ключа с удостоверением пользователя, устройства или службы, которым принадлежит соответствующий закрытый ключ. Одно из основных преимуществ использования сертификатов состоит в устранении необходимости использования на узлах паролей для отдельных субъектов, для предоставления доступа которым необходимо выполнять проверку их подлинности. Вместо этого узел просто устанавливает доверительные отношения с поставщиком сертификата. Сертификат действителен только в течение указанного в нем периода; каждый сертификат содержит даты «Действителен с» и «Действителен по», которые задают границы срока действия. По окончании срока действия сертификата субъект устаревающего сертификата запрашивает новый сертификат.

Между тем с точки зрения сбора криминалистически значимой информации, можно обозначить ряд проблемных вопросов, требующих скорейшего законодательного регулирования:

- можно ли считать оригиналом электронный документ, первоначально созданный в электронном виде и подписанный ЭЦП;
- является ли также оригиналом копия электронного документа, подписанная такой же ЭЦП;
- считается ли копией исходного документа электронный документ, который создан путем оцифровки исходного (бумажного) документа, форма которого не является электронной;
- электронный документ, созданный путем оцифровки бумажного документа, подписанный ЭЦП, имеет такой же статус, что и первоначальный документ, представленный на бумажном носителе.

В заключение необходимо отметить, что интерес законодателя и исследователей к проблеме использования электронных доказательств в уголовном судопроизводстве будет увеличиваться. Поэтому в целях повышения эффективности деятельности правоохранительных органов требуется разработка криминалистических технологий обнаружения, фиксации, изъятия и исследования, как электронных (цифровых) документов, так и ЭЦП. Также представляется актуальным дальнейшее развитие частной теории информационно-компьютерного обеспечения криминалистической деятельности, предложенной Е. Р. Россинской¹.

*Давыдов В. О.,
профессор кафедры правосудия
и правоохранительной деятельности
Тульского государственного университета,
доктор юридических наук, доцент*

К ВОПРОСУ О ТРАНСФОРМАЦИИ КРИМИНАЛЬНЫХ УГРОЗ В УСЛОВИЯХ ПАНДЕМИИ COVID-19: КРИМИНАЛИСТИЧЕСКИ ЗНАЧИМЫЕ АСПЕКТЫ

Кризис, вызванный пандемией COVID-19, является беспрецедентным в истории мирового сообщества. Буквально в течение нескольких месяцев вирус кардинально изменил жизнь социума, заставив людей приспосабливаться к ограничениям повседневных свобод, вынудив национальные правительства вырабатывать меры по борьбе с распространением новой коронавирусной инфекции, поддержанию на должном уровне систем общественного здравоохранения, защите национальных экономик, обеспечению общественного порядка и безопасности граждан.

Реализация данных мероприятий не могла не сказаться на криминогенной ситуации, в том числе сферах традиционного интереса международного кри-

¹ Россинская Е. Р. Теория информационно-компьютерного обеспечения криминалистической деятельности: концепция, система, основные закономерности // Вестник Восточно-сибирского института МВД России. 2019. № 2 (89). С. 193–202.

миналитета. Преступность явилась серьезным фактором, оказывающим деструктивное влияние на эффективность национальных усилий по обеспечению здоровья и безопасности граждан.

Думается, что в числе тенденций, вызванных распространением COVID-19 и значимых в аспекте трансформации криминальных целей и способов совершения преступных деяний, следует выделить:

— значительный спрос на фармацевтическую продукцию и средства индивидуальной защиты;

— снижение мобильности населения в части передвижения по территориям государств, а также между ними;

— вынужденный выбор частью трудоспособного населения дистанционного режима профессиональной деятельности, основанного на решениях цифровой коммуникации;

— уязвимость части граждан для криминальной агрессии в связи с нахождением в психологическом состоянии повышенной тревоги и страха из-за распространения инфекции;

— введенные ограничения в общественной жизни сделали отдельные виды преступлений менее «заметными» для широких слоев социума, перенеся их в сферу информационно-телекоммуникационного и «домашнего» пространства;

— отвлечение значительной части сил и средств правоохранительных органов на решение задач обеспечения карантинных мероприятий.

В сложившейся обстановке криминалитет не только смог адаптировать «традиционные» способы совершения преступлений к вновь возникшим тенденциям в общественной жизни, но и достаточно успешно апробировать на практике новые механизмы преступной деятельности. Так, в условиях введенного режима самоизоляции преступные формирования достаточно быстро воспользовались резко возросшим спросом социума на информацию для проведения кибератак посредством технологий социальной инженерии. В числе наиболее распространенных способов их совершения — фишинг и ВЕС (Business Email Compromise) — мошенничество.

По оценкам экспертов полицейской службы Европейского Союза¹, при совершении фишинг-атак киберпреступники в большинстве официально зарегистрированных криминальных инцидентов выдавали себя за источники информации, вызывающие доверие (например, представителей Всемирной организации здравоохранения), распространяли от имени последних вредоносное программное обеспечение (web-ссылки, web-вложения, программы-вымогатели и т.п.), вынуждая граждан производить покупки несуществующих медицинских товаров, осуществлять перечисление денежных средств в целях оказания медицинской помощи на счета, контролируемые криминалом.

К ВЕС-мошенничествам Интерпол традиционно относит преступные деяния, в ходе которых злоумышленники обманом заставляют сотрудников совершать переводы на банковские счета преступников, «делиться» корпоративными данными, оплачивать фальшивые счета, а также «угоняют»

¹ Pandemic profiteering: how criminals exploit the COVID-19 crisis URL: <https://www.europol.europa.eu/pandemic-profiteering-how-criminals-exploit-COVID-19-crisis> (дата обращения: 15.03.2021).

легитимные email-адреса, позволяющие выдать мошеннические действия за реальные.

Преступники, стремясь получить значительные суммы денег за короткий временной период, ориентируются в первую очередь на функциональные роли административного персонала компаний из сферы малого и среднего бизнеса (как наименее защищенные в сфере кибербезопасности). Достаточно широкие возможности для мошеннических действий рассматриваемого вида представляет удаленный режим исполнения профессиональных обязанностей: при сокращении непосредственных физических контактов сотрудники, как правило, менее склонны к выяснению у руководства подлинности поступающих для исполнения распорядительных документов о перечислении финансовых средств поставщику или, например, дочерней компании.

В ситуации пандемии преступники адаптировали и уже ставшие «традиционными» способы мошенничества в отношении физических лиц, предприятий, общественных организаций. В их числе следует выделить инвестиционные мошенничества в сфере оказания медицинских услуг; различные виды мошенничества с использованием средств дистанционной коммуникации; мошенничества с деактивацией объектов и поставками социально востребованных товаров — средств индивидуальной защиты и медицинских препаратов¹.

Трансформацию прегерпели и способы совершения хищений с использованием технологий социальной инженерии, объектами посягательств которых является собственность физических лиц. Криминальные схемы обмана, как «племянник» («внук», «представитель социальных органов» и т.п.) → объект преступления, видоизменились в схемы «работник здравоохранения» («специалист службы дезинфекции» и т.п.) → объект преступления. Как правило, преступники получают доступ к частным домовладениям наиболее уязвимых членов общества (в большинстве случаев — это пожилые люди в возрасте старше 65 лет), выдавая себя за медицинский персонал, распространяющий информационные материалы, предоставляющий средства личной гигиены либо проводящий тестирование на наличие коронавирусной инфекции. Например, одно из государств — членов Европола сообщило о следующем криминальном инциденте². Преступники по телефону сообщили гражданке «К» информацию о том, что ее родственник инфицирован и находится в лечебном учреждении. При этом, воспользовавшись растерянностью «К», они уведомили последнюю о том, что к ней также в течение получаса придут врачи для тестирования на предмет наличия инфекции COVID-19 и решения вопроса о возможной госпитализации. Спустя некоторое время «врачи», одетые в защитную одежду, маски и очки, пришли к дому жертвы. Войдя в него, взяли образец мазка изо рта «К» и вытерли ее предплечья полосками бумаги,

¹ См., например: Гуираку А. Как киберпреступники используют COVID-19: Обман, мошенничество и дезинформация. URL: <https://www.digitalshadows.com/taking-dvantage-of-covid-19> (дата обращения: 06.03.2021) ; Город Цюрих. Профилактическое предупреждение о мошеннических вспомогательных службах. URL: <https://www.stadt-zuerich.ch/content/pd/de/indexi=2020-03> (дата обращения: 06.03.2021).

² Pandemic profiteering: how criminals exploit the COVID-19 crisis // URL: <https://www.europol.europa.eu/pandemic-profiteering-how-criminals-exploit-covid-19-crisis> (дата обращения: 10.03.2021).

чтобы «проверить» мазок. При этом один из «врачей» во время проведения «теста» совершил хищение денежных средств и имущества, принадлежащего «К». Затем преступники покинули домовладение, пояснив «К», что оценка результатов тестирования займет несколько часов.

Значительно ослабляют эффективность противовирусных мероприятий организованные преступные группы, интегрированные в сектора снабжения здравоохранения фармацевтическими препаратами. В течение 2020 года экспертами Европола неоднократно фиксировались факты, когда предприятия, желающие приобрести средства индивидуальной защиты для подведомственного персонала, становились объектом мошеннических действий. Так, например, одна из компаний перечислила 6,6 млн евро поставителю фирмы-поставщика в Сингапуре для приобретения спиртосодержащих гелей и масок типов «FFP2» и «FFP3.» Однако товар так и не был получен. В другом случае предприятие попыталось приобрести 3,85 млн защитных масок и в результате мошеннических действий понесло убытки в размере 300 тыс. евро¹.

В область криминальных интересов, детерминированных проблемой дефицита, вошел и незаконный оборот контрафактных товаров медицинского и фармацевтического предназначения. Только в результате проведения в период с 3 по 10 марта 2020 года глобальной операции «Пангея» (90 стран-участниц), координируемой Интерполом, из незаконного оборота было изъято 13 млн евро, предназначенных для осуществления закупок потенциально опасных лекарственных средств; 4,4 млн единиц контрафактных препаратов; 37 тыс. контрафактных медицинских изделий (хирургические маски, противовирусные препараты, противомаларийное средство хлорохин, обезболивающие, антибиотики, наборы для самоконтроля при мониторинге ВИЧ-инфекции и глюкозы, а также витамин «С», известный своими иммуностимулирующими свойствами)².

Реальную угрозу в период пандемии COVID-19 представляют кибератаки на критически важные инфраструктуры объектов здравоохранения. Например, подобные преступные действия были совершены в отношении Университетской клиники г. Брно (Чешская Республика) и двух ее структурных подразделений — детской больницы и родильного дома. Произошедший инцидент вынудил медицинский персонал закрыть доступ к ведомственной IT-сети, отложить срочные и ранее запланированные операции, а вновь поступающих пациентов с острыми заболеваниями перенаправить в ближайшие альтернативные учреждения здравоохранения.

Информация правоохранительных органов стран — партнеров по ЕС свидетельствует и об увеличении активности пользователей сети «Интернет», связанной с поиском материалов о насилии над несовершеннолетними. Полученные данные согласуются с результатами целевого мониторинга публикаций,

¹ Pandemic profiteering: how criminals exploit the COVID-19 crisis // URL: <https://www.europol.europa.eu/pandemic-profiteering-how-criminals-exploit-covid-19-crisis> (дата обращения: 12.03.2021).

² Интерпол. Во всем мире наблюдается рост производства фальшивых медицинских изделий, связанных с COVID-19. URL: <https://www.interpol.int/en/News-and-Events/News/2020/Global-operation-sees-and-rise-in-fake-medical-products-related-to-covid-19> (дата обращения: 12.03.2021).

размещенных на специализированных web-сайтах, выявленных Европоллом. Злоумышленники все чаще используют «предоставленную» пандемией COVID-19 возможность для осуществления психологических атак на детей, находящихся в более уязвимом психоэмоциональном состоянии, ввиду социальной изоляции, меньшей степени надзора со стороны взрослых и, как следствие, возросшей временной длительности пользования ресурсами сети «Интернет». Долгосрочный риск при этом заключается в том, что лица, проявившие во время самоизоляции однократный интерес к CSE-контенту, после ее окончания потенциально могут оставаться в онлайн контакте с подобными интернет-сообществами и в конечном итоге войти в число активных участников.

Пандемия оказывает существенное влияние на преступную деятельность, осуществляемую в зашифрованном сетевом пространстве «Darkweb». По оценкам Интерпола в 2020 году ряд товаров незаконного оборота (в их числе, запрещенные вещества, оружие, фальшивые деньги, клонированные дебетовые карты, поддельные паспорта и др.) на фоне распространения коронавирусной инфекции значительно вырос в цене, ввиду образовавшегося дефицита, а в ряде случаев недоступности исходных материалов.

Длительная самоизоляция оказалась «благом» для онлайн-индустрии секса. На сайте «PornHub», предлагающем во время пандемии бесплатное членство премиум-класса, наблюдается значительный рост спроса нового контента. Возникшие обстоятельства побуждают криминальные группы принуждать секс-работников, потребителей наркотических и других уязвимых лиц из категории «риска» к реальной и записанной на видео сексуальной эксплуатации. Этому способствует и закрытие на территории ряда стран ЕС учреждений, предлагающих легальную секс-работу.

В числе ключевых проблем безопасности, связанных с кризисом COVID-19, и нелегальная миграция ввиду повышения спроса на «услуги» сетей незаконного ввоза мигрантов, осуществление их вторичных перемещений в обход закрытых границ и карантинных ограничений.

Несколько слов в заключение. Мир пока движется в неопределенное будущее. Риски, которые обсуждены в данной статье — вынужденные авторитарные меры государств; уязвимые сообщества, оставленные вне структур государственной поддержки; криминальный оппортунизм, проникающий в системы здравоохранения — ни в коем случае не являются академическими и отдаленными, преступные формирования попытаются использовать возникшую ситуацию нестабильности в собственных интересах.

Вместе с тем детерминированная пандемией COVID-19 эволюция криминала, безусловно, настоятельно требует новых подходов к разработке методов раскрытия и расследования преступных деяний, особенно совершаемых в сфере цифровых и информационно-телекоммуникационных технологий. Очевидно и то, что каждая из таких методик станет по настоящему рабочей только в том случае, если она будет разрабатываться коллективом ученых соответствующей научной направленности и профессиональных практиков расследования. Процесс указанной разработки должен происходить на такой административно-организационной базе, обладающей необходимым административно-финансовым ресурсом, которая может объединить ученых криминалистов из разных научных подразделений и практиков, обеспечив их необходимым массивом уголовных дел соответствующего вида, подлежащего изучению.

*Дёмин К. Е.,
доцент кафедры уголовного права,
уголовного процесса и криминалистики
Российского университета транспорта,
доцент кафедры
оружиеведения и трасологии
учебно-научного комплекса
судебной экспертизы
Московского университета МВД России
имени В.Я. Кикотя,
кандидат юридических наук, доцент*

О ПОНЯТИИ «ПРОТИВОДЕЙСТВИЕ РАССЛЕДОВАНИЮ» КАК КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЙ КАТЕГОРИИ

Понятие и содержание противодействия криминальной среде мерам государства по ее нейтрализации длительное время находились в эмбриональном состоянии, это объясняется с влиянием идеологического фактора, в 80-х годах прошлого века, отрицающего наличие организованной преступности в условиях развитого социализма. Позднее на фоне перехода экономики на рыночные отношения произошла так называемая «криминальная революция», прежде всего проявившаяся в виде появления организованной преступности, осложнении криминогенной ситуации в начале 90-х и последующих годах, а также процесса генезиса традиционных форм преступности в принципиально новые виды криминальной деятельности.

В криминалистической литературе в те годы данный феномен рассматривался преимущественно в аспекте различных форм и способов сокрытия преступлений. При этом под противодействием профессор Р. С. Белкин понимал «деятельность (элемент преступной деятельности), направленную на воспрепятствование расследованию путем утаивания, уничтожения, маскировки или фальсификации следов преступления и преступника, и их носителей»¹.

Данное определение во многом стало отправной точкой развития данной научной дефиниции. Именно с таких позиций определялась природа противодействия расследованию. Так, С. Ю. Журавлев и А. Ф. Лубин предлагают рассматривать ее как «систему действий (или бездействия), преследующих цель воспрепятствовать вовлечению следов преступления в сферу уголовного судопроизводства и последующего их использования в качестве судебных доказательств»².

Приведенное определение позволяет рассматривать противодействие как сокрытие преступления и ограничивается воздействием на следовую картину места происшествия. В связи с этим отметим, что основным объектом противодействия являются, как правило, организационно-правовые отношения, складывающиеся в процессе расследования, в которых непосредственными объектами этого воздействия являются участники уголовного процесса, начиная со следователя и судьи и кончая потерпевшими и свидетелями.

¹ Белкин Р. С. Курс советской криминалистики. М., 1979. Т. 3. С. 234.

² Криминалистика: расследование преступлений в сфере экономики. Н. Новгород : Нижегородская ВШ МВД России. 1995. С. 345.

В. М. Антонов, Ю. С. Астаханов, В. П. Кувалдин в своей лекции рассматривали противодействие как «сложный комплекс разнообразных приемов, уловок, и хитростей преступников, препятствующих эффективному предупреждению, выявлению, раскрытию, расследованию и судебному рассмотрению совершенных ими преступлений и способствующих максимальному смягчению заслуженного наказания»¹.

На наш взгляд приведенное определение более точно отражает содержание основных признаков противодействия, хотя не лишено некоторых недостатков. В определении искусственно ограничивался круг субъектов противодействия, также нельзя признать удачной попытку дать исчерпывающий перечень применяемых криминальной средой приемов противодействия, а также ограничить их конечной целью смягчение наказания.

Наиболее удачное на тот период определение данного социального явления с позиции предметного подхода дал В. Н. Карагодин, предложивший рассматривать его как «умышленное действие (систему действий), направленное на воспрепятствование выполнению задач предварительного расследования и установлению объективной истины по уголовному делу»². Однако, ограничивая противодействие только предварительным следствием, автор, по существу, сужал его понятие, поскольку сфера воздействия данного негативного явления распространяется как на предварительное следствие, так и на судебное разбирательство и доследственную проверку.

В своих последних работах профессор Р. С. Белкин, развивая свою идею о природе противодействия, предложил понимать ее как «умышленную деятельность с целью воспрепятствования решению задач расследования и в конечном счете установлению истины по уголовному делу»³. По отношению к процессу расследования конкретного преступления он предложил различать «внутреннее» и «внешнее» противодействие. Под «внутренним» противодействием им понималось противодействие, оказываемое лицами, причастными в какой-либо форме к расследованию и обладающими какой-то информацией о событии и стремление скрыть, изменить или уничтожить эту информацию и (или) ее носителей. К этой группе он относил приемы сокрытия преступления такие, как утаивание, маскировка, фальсификация информации и (или) ее носителей, а также смешанные способы, под которыми понимаются различные формы инсценировок обстоятельств преступления. «Внешнее» противодействие — это деятельность должностных лиц предприятий, учреждений и организаций, где было совершено преступление, сотрудники органов исполнительной власти и представительных органов, контрольных, ревизионных органов и правоохранительных органов. Реализацию своих замыслов субъекты «внутреннего» противодействия реализуют преимущественно путем сокрытий преступлений, субъекты «внешнего»

¹ Антонов В. М., Астахов Ю. С., Кувалдин В. П. Противодействие преступных структур органам внутренних дел и меры по их нейтрализации. Лекция. М. : Московский юридический институт МВД России, 1994. С. 12.

² Карагодин В. Н. Преодоление противодействия предварительному расследованию. Свердловск, 1992. С. 18.

³ Белкин Р. С. Противодействие расследованию и пути его преодоления. Криминалистика : учебник для вузов / под ред. проф. А. Ф. Волынского. М., 1999. С. 237.

взаимодействия — влиянием, давлением на следователя, созданием условий для совершения им незаконных действий и т.п.¹

Указанная точка зрения, на наш взгляд, целесообразна для систематизации форм противодействия раскрытию и расследованию преступлений. Вместе с тем «внешнее» противодействие следует дополнить таким явлением, как привлечение средств массовой информации в целях дискредитации органов следствия, дознания и суда. Нередко нечистоплотные журналисты напрямую связаны с организованными преступными группировками, находятся на постоянном материальном их содержании. Не вполне оправдано и жесткое разделение форм противодействия на «внешнее» и «внутреннее», так как приемы, используемые преступными организациями в ходе расследования конкретного преступления, могут иметь смешанные формы, включающие в себя приемы собственно сокрытия преступления и приемы, характерные для организованных преступных группировок.

С позиции системно-структурного подхода противодействие расследованию преступлений А. Ф. Волынский и В. П. Лавров определяют, как «систему умышленных, противоправных действий (бездействия) лиц, направленных на воспрепятствование деятельности правоохранительных органов по собиранию, исследованию и использованию розыскной и доказательственной информации в процессе возбуждения и расследования уголовного дела, а в итоге — на воспрепятствование правосудию»². При этом ими предлагается классифицировать виды противодействия установления истины на общие, встречающиеся в ходе проведения расследования отдельно взятого преступления, и специфические, типичные для деятельности организованных преступных формирований. К первым, по их мнению, необходимо относить дачу ложных показаний, сокрытие похищенного имущества, инсценировки, сокрытие в тайниках орудий совершения преступления, выдвижение ложного алиби, изменение преступником внешности перед совершением или после совершения преступления, уклонение от следствия, отказ от дачи показаний, обезображивание или расчленение трупа убитого и т.д. К специфическим приемам противодействия расследованию авторы относят жестокое психологическое, физическое воздействие на потерпевших и свидетелей в целях принуждения их к даче необходимых преступникам показаний, воздействие на сотрудников правоохранительных органов и судей (подкуп, шантаж, угрозы и другие действия, вплоть до убийства); похищения потерпевших, свидетелей или членов их семей, избивание, пытки захваченных; прикрытие нелегальной части организованной преступной деятельности легальными формами деятельности; приемы конспирации руководителей преступных формирований, неучастие их непосредственно в совершении преступлений; обеспечение перехода на нелегальное положение или убийство членов формирований, против которых в правоохранительных органах появились серьезные улики; выделение денег из «общей кассы» на подкуп работников правоохрани-

¹ Белкин Р. С. Противодействие расследованию и пути его преодоления криминалистическими и оперативно-розыскными средствами и методами. Криминалистическое обеспечение деятельности криминальной милиции и органов предварительного расследования / под ред. проф. Т. В. Аверьяновой и проф. Р. С. Белкина. М., 1997. С. 129–143.

² Криминалистика : учебник для студентов вузов / под ред. А. Ф. Волынского и В. П. Лаврова. 2-е изд., перераб. и доп. М. : Юнити-Дана: Закон и право, 2009. С. 54.

нительных или контролирующих органов; оказание помощи членов группы, отбывающих наказание; использование недобросовестных адвокатов и т.д.¹

Данная точка зрения достаточно полно отражает современное состояние борьбы с преступностью. Однако, на наш взгляд, она нуждается в некотором дополнении. Так, анализ современного состояния преступности выявляет такой способ противодействия, как проведение разведывательных операций со стороны преступных формирований в отношении, как потерпевших, так и сотрудников правоохранительных органов. Помимо этого, в современных условиях для организованной преступности присуще проникновение в правоохранительные органы своих членов в качестве различного рода информаторов, причем в ряде случаев, осуществляется внедрение в кадровый состав правоохранительных органов, в том числе и в их руководящие структуры². Кроме этого, противодействие, возникающее при расследовании конкретного преступления, как правило, является типичным элементом деятельности, характеризующим именно организованные преступные формирования.

Таким образом, противодействие можно характеризовать, как систему взаимосвязанных и обуславливающих друг друга приемов, способов, имеющих своей целью воспрепятствовать установлению объективной истины по уголовному делу, а также направленных на нейтрализацию деятельности правоохранительных органов по выявлению, раскрытию и расследованию преступлений. Под способом противодействия расследованию следует понимать систему действий, детерминированной условиями внешней среды и психофизиологическими свойствами личности действия преступника, объединенной единой целью на стадиях подготовки, совершения и сокрытия преступления. Под приемом противодействия — достаточно эффективный способ действия, а также жесткую линию поведения по отношению к расследуемому криминальному событию со стороны подозреваемых (обвиняемых, подсудимых)³.

В заключение хотелось бы отметить необходимость дальнейшего развития рассмотренной нами дефиниции в целях повышения эффективности практики раскрытия и расследования преступлений, совершенных организованными преступными группами. Так, решение рассмотренных в статье вопросов нейтрализации противоправного воспрепятствования расследованию позволит следователям, оперативным работникам адекватно оценить создавшуюся следственную ситуацию, обозначить круг используемых противоправных приемов воздействия на следствие, их последовательность, определить негативный результат осуществляемого противодействия в целом и поставить цели и задачи по их преодолению.

¹ Вольнский А. Ф., Лавров В. П. Организованное противодействие раскрытию и расследованию преступлений (проблемы теории и практики) // Организованное противодействие раскрытию и расследованию преступлений и меры по его нейтрализации; Материалы научно-практической конференции (29–30 октября 1996 года, г. Руза). М. : ЮИ МВД России, 1997. С. 94–95.

² Корж В. П. Формы и методы противодействия раскрытию и расследованию организованной преступной деятельности в сфере экономики // Проблемы преодоления противодействия расследованию преступлений. М. : Академия управления МВД России, 2007. С. 95–98.

³ Дёмин К. Е. Нейтрализация противодействия расследованию преступления как частная криминалистическая теория // Современное развитие криминалистики и судебной экспертизы как реализация идей Р. С. Белкина. К 95-летию со дня рождения ученого, педагога, публициста Мат. междунар. науч.-практ. конф. «К 95-летию со дня рождения ученого, педагога, публициста» (г. Москва, 22–23 ноября 2017 г.). М. : РГ-Прспект, 2018. С. 253.

Джуваляков С. Л.,
ассистент кафедры судебной медицины
Астраханского государственного медицинского
университета Минздрава России,
кандидат медицинских наук

Баринев Е. Х.,
профессор кафедры судебной медицины
и медицинского права
Московского государственного
медико-стоматологического
университета имени А. И. Евдокимова
Минздрава России,
доктор медицинских наук, профессор

Калинин Р. Э.,
аспирант кафедры судебной медицины
и медицинского права
Московского государственного
медико-стоматологического
университета имени А. И. Евдокимова
Минздрава России

ПРОФИЛАКТИКА МАТЕРИНСКОЙ СМЕРТНОСТИ ПРИ ОКАЗАНИИ АКУШЕРСКОЙ ПОМОЩИ

Введение. В последние годы отмечается неуклонный рост судебных исков граждан к медицинским работникам. Доля претензий к специалистам акушерско-гинекологического профиля в России довольно высока. Вопросы оказания экстренной медицинской помощи в акушерско-гинекологической практике имеют большое значение для современной медицины.

Термин «Материнская смертность» принят в большинстве стран мира. В соответствии с рекомендациями ВОЗ и МКБ X пересмотра под этим термином регистрируются все случаи смерти женщин, обусловленной беременностью, независимо от ее продолжительности и локализации, наступившей во время беременности или в течение 42 дней после ее завершения от состояния, связанного с беременностью, отягощенного ею или ее ведением, кроме несчастных случаев или случайно возникших обстоятельств¹.

Цель исследования. Провести исследование материнской смертности с целью выработки профилактических мер для предотвращения смерти женщин в акушерской практике.

Материалы и методы. Проанализированы 47 случаев неблагоприятных исходов в акушерской практике

¹ О проблеме неблагоприятных исходов в акушерско-гинекологической практике см. также: Баринев Е. Х. Профилактика неблагоприятных исходов в акушерстве-гинекологии и неонатологии — важная задача практического здравоохранения // Медицинская экспертиза и право. 2011. № 5. С. 49–50 ; Баринев Е. Х., Ромодановский П. О., Черкалина Е. Н., Михеева Н. А., Татаринцев А. В. Медико-правовая осведомленность медицинских работников. М. : ЮрИнфоЗдрав, 2011.

Среди всех умерших 50 % женщин были старше 30 лет, 62 % являлись служащими, а 38 % учащимися, 75 % были замужем; средний вес составлял 63 кг, рост 165 см. В 50 % случаев женщины обратились в плановом порядке в специализированное учреждение (в 25 %), являющееся клинической базой (в 75 %). В 50 % случаев их обслуживал врач с I квалификационной категорией, в 38 % — с высшей, в 13 % врач без категории; в 75 % врач являлся кандидатом медицинских наук. Возраст врача в 88 % случаев был в пределах от 30 до 55 лет, стаж работы врача в 88 % случаев был в пределах от 10 до 20 лет (3).

Результаты исследования. При анализе полученных результатов выявились следующие тенденции:

1. Явное влияние возраста женщины на исход родов. По литературным данным, женщины старше 30–40 лет умирают в 7 раз чаще женщин 20–30 лет.

2. Такие факторы, как социальное положение и профессия, не являются значимыми в разбираемой патологии.

3. Невелик процент (50 % случаев) женщин, обратившихся в плановом порядке для стационарного лечения во время беременности. Следовательно, необходимо, невзирая на технические трудности, перепрофилировать коечный фонд родильных домов в сторону увеличения койко-мест в отделениях патологии беременных.

4. Специализация учреждения (25 % случаев), клиническая база (75 % случаев) и квалификация врача не всегда влияют на успешный исход родов.

5. Безусловно, часто осложнения и неблагоприятные исходы родов происходят в праздничные и выходные дни, в ночные часы суток, что косвенно может указывать на ослабление бдительности внимания персонала, отсутствие квалифицированных специалистов и необходимых диагностических процедур в это время.

Анализируя собственные и литературные данные, мы пришли к выводам, что основными причинами смерти женщин являются гестоз и акушерские кровотечения, как первичные, так и в результате исходного заболевания, в том числе гестоза. В структуре причин материнской смертности в России кровотечения во время беременности и родов составляют 14,1 %, гестозы 11,4 %. По данным Госкомстата РФ с 1995 по 2000 г. в России от кровотечений при беременности и родах погибли 504 женщины на 100 000 родившихся живыми, от гестозов во время беременности 416 женщин на 100 000 родившихся живыми. В развивающихся странах в структуре причин материнской смертности доминирует сепсис, акушерские кровотечения, послеабортные осложнения и гестозы. В большинстве экономически развитых стран, где высокий уровень экономики сочетается с решением социальных проблем, хорошо налаженной системой защиты окружающей среды, качеством оказания медицинской помощи, высокой санитарной культурой населения (Канада, Швеция, Бельгия, Люксембург, Швейцария, Дания, Исландия, Израиль) на долю кровотечений и сепсиса, в отличие от развивающихся стран, приходится только 5–10 % в общей структуре причин материнской смертности. В богатых странах Персидского залива, где наряду с развитой экономикой имеется мощная социальная поддержка населения (Объединенные Арабские Эмираты, Катар, Йемен, Оман) структура причин материнской смертности идентична главным ее причинам: это легочные эмболии, гипертензивные состояния у беременных, внематочная беременность. В последние несколько лет не зарегистрировано случаев материнской смертности в таких странах, как Словения, Люксембург, Ирландия, Исландия; показатель материнской смертности до 5 на 100 000 родившихся

живыми зарегистрирован в Испании, Франции, Македонии, Швейцарии, Италии; до 10 — в Польше, Австрии, Португалии, Германии, Израиле, Нидерландах, Бельгии, Чехии, Англии; от 11 до 20 — в Болгарии, Литве, Эстонии, от 21 до 30 — в Армении, Беларуси, Украине, Мальте, Албании, от 31 до 40 — в Киргизии, Молдове; от 41 до 50 — в Румынии, Азербайджане, Туркменистане, России, Латвии; выше 50 — в Казахстане, Таджикистане.

По данным Минздрава России, за последние 10 лет в России абсолютное число умерших женщин уменьшилось в 2 раза. В 2001 году показатель материнской смертности составил 36,52, что ниже показателя 1997 года на 27,3 % (50,24). Материнские потери за последние 5 лет сократились на 154 случая (снижение на 30,6 %) и в 2001 году составили 479 случаев.

При анализе данной группы, у 88 % женщин выявлены аномалии родовой деятельности, которые достоверно влияют на развитие слабости родовой деятельности, которая усугубляет гипоксию плода, повышает готовность матки к кровотечению, которое, в свою очередь, способствует развитию геморрагического шока, острого ДВС-синдрома, следовательно, к расширению оперативных вмешательств, калечащих женщину, и фатальному исходу.

Высокий процент плацентарной недостаточности (63 %) в этой группе женщин является следствием длительно текущих акушерских и экстрагенитальных заболеваний.

Часто встречающиеся заболевания органов мочевого выделения (50 % случаев), эндокринные заболевания (50 % случаев), нарушения жирового обмена (38 % случаев), а также статистически достоверное выявление у 100 % женщин наличия каких-либо заболеваний, свидетельствуют о том, что значительная часть беременных в разбираемой группе длительно больны

Наличие в анамнезе аборт (даже одного) часто является фоном для развития неблагоприятных исходов родов (хронический базальный эндометрит → эндометрит → эндометрит в родах → инфицирование плода и новорожденного → инфицирование родовых путей → восходящая гнойная инфекция). Таким образом, наличие абортов в анамнезе свидетельствует об отягощенном акушерско-гинекологическом анамнезе (ОАГА) и необходимости выделения групп риска.

Наличие у большого процента женщин в анамнезе аднексита, кольпита, эрозий шейки матки, эндометрита, может указывать на то, что у большинства женщин был длительный фоновый воспалительный процесс. В 50 % случаев имелось указание в анамнезе на бесплодие, в 38 % случаев диагностирована миома матки, что статистически достоверно влияет на неблагоприятный исход беременности и родов у матери. Следовательно, эти состояния необходимо выделять в группы ОАГА и, т. о., выделять группы риска.

У 63 % беременных женщин в данной группе была угроза выкидыша, что может свидетельствовать о длительном приеме токолитиков, которые снижают тонус миометрия, что в дальнейшем приводит к развитию слабости родовой деятельности и гипотоническим кровотечениям.

Установлено высокое влияние как ранних, так и поздних токсикозов на неблагоприятный исход беременности и родов у матери. По данным литературы и клиническим данным, можно утверждать, что более раннее развитие гестоза имеет выраженный неблагоприятный прогноз по сравнению с поздним развитием.

Слишком высок процент отказа от госпитализаций (в I триместре 38 % случаев, во II триместре 63 % случаев, в III триместре 29 % случаев). Таким образом,

эти женщины получили неполную терапию своего заболевания или вообще не получили ее¹.

Выводы. Несомненно, необходимо учитывать влияние многих факторов на уровень материнской смертности. Как известно, по экспертным оценкам, лишь треть случаев материнской смертности являются непредотвратимыми, а остальные — управляемыми, предотвратимыми либо условно предотвратимыми.

*Егоров Н. Н.,
профессор кафедры
криминалистики юридического
факультета МГУ имени М.В.Ломоносова,
доктор юридических наук, профессор*

ТЕХНИКО-КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ ПОИСКА И ОБНАРУЖЕНИЯ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ

Технико-криминалистическое обеспечение поиска и обнаружения доказательств включает в себя в первую очередь технико-криминалистические методы, приемы и средства, направленные на решение задач выявления доказательственной информации, имеющей значение для разрешения расследуемого события.

Технико-криминалистические методы и приемы обычно рассматривают как определенным образом упорядоченную операционную деятельность, направленную на сбор и исследование криминалистически значимой информации, включая применение технико-криминалистических средств в целях обнаружения, фиксации, изъятия, сохранения и исследования доказательственной информации, имеющей значение для расследуемого дела.

Деление на методы и приемы достаточно условно и зависит от традиций, сложившихся в отдельных отраслях криминалистической техники. Обычно методы и приемы рассматривают как общее и частное, например физические методы обнаружения следов рук реализуются через приемы обнаружения их с помощью дактилоскопических порошков, окачиванием и др. В некоторых случаях, методами и приемами обозначают различающуюся операционную деятельность. Например, в криминалистической фотографии методы делят на запечатлевающие и исследовательские. А под фотографическими приемами понимают последовательность осуществления фотосъемки при производстве следственных действий. Более того, иногда приемы реализуются через использование методов. Например, такой фотографический прием как ориентирующая фотосъемка реализуется с использованием метода панорамирования.

Технико-криминалистические средства — это орудия труда (приборы, устройства, приспособления и др.), используемые для сбора и исследования доказательств и ориентирующей информации в целях раскрытия, расследования и предупреждения преступлений.

¹ См., например: Баринов Е. Х., Ромодановский П. О., Терентьева Л. В., Черкалина Е. Н. Экспертная оценка профессиональных ошибок и дефектов оказания медицинской помощи в акушерстве-гинекологии и неонатологии. М. : ЮрИнфоЗдрав, 2012.

Поиску и обнаружению доказательств, как правило, предшествует моделирование события преступления с целью выделения мест вероятного нахождения доказательств как достаточно сложная мыслительная деятельность. При моделировании механизма преступления, во внимание принимается «крест» образования следов, включающий как минимум четыре элемента: преступника, потерпевшего (труп), орудие преступления и место преступления (место происшествия). Для последующего поиска выделяются все места вероятного контакта между вышеупомянутыми объектами. Таким образом, повышается вероятность изъятия следов, имеющих отношение к событию преступления.

Затем для выявления доказательств, применяются технико-криминалистические и другие методы и средства. Они достаточно многообразны, но их условно можно свести к трем основным группам: органолептическим, физическим и химическим. Следует также учитывать, что применение указанных методов имеет комплексный характер, поскольку одни и те же методы могут быть направлены на выявление разнообразных следов преступления. Учитывая комплексный характер, применение методов осуществляется от простого — к сложному, от незагрязняющего — к загрязняющему.

Органолептические методы предполагают обнаружение доказательств с помощью органов чувств человека. Они подразделяются на визуальный, осязательный, обонятельный, вкусовой методы и аудиометод. Основным из органолептических методов является визуальный, который не создает угрозу для жизни и здоровья лиц его применяющих. Множество следов преступления, относящихся к категории макроследов, обнаруживается именно этим методом. К ним относятся следы орудий взлома, транспортных средств, оружие и видимые следы его применения, документы и др.

Для обнаружения маловидимых следов, осмотра прозрачных (глянцевых и полированных) предметов и документов рекомендуется использовать визуальный метод в сочетании с особыми условиями освещения: при боковом (коспадающем) свете с расположением осветителя под различными углами, выбираемыми опытным путем; в проходящем свете (на просвет); с использованием вертикального (лобового) освещения; бестеневого освещения, при котором осветительные приборы располагаются вокруг объекта осмотра и закрываются матовым стеклом или белой бумагой, т. п.

Как средства освещения предлагают использовать источники общего света, например световую башню «Свеба» с радиусом освещения до 20 м, либо источник направленного освещения, например электрические фонари, имеющиеся в следственных комплектах, налобные фонари¹.

Для обнаружения латентных следов преступления, которые не видны в силу своих размерных характеристик или иных свойств, применяются физические и химические методы.

Физические методы основаны на использовании процессов, когда органы чувств человека усиливаются с помощью приборов, например зрение с помощью лупы или микроскопа, или на использовании иных физических явлений, например электромагнитной индукции при поиске металлических предметов с помощью металлоискателя.

¹ Криминалистическая техника. Техника для ОМП» Осветительное оборудование URL: <http://krimtex.ru> (дата обращения: 26.04.2021).

Для обнаружения микроскопических объектов или изучения свойств и признаков обнаруженных объектов рекомендуется использовать лупы и микроскопы. Обычно применяются лупы 2-, 4- и 10-кратного увеличения, измерительные лупы, лупы с подсветкой и др. Для получения больших увеличений рекомендуется применять портативные микроскопы, которые позволяют через USB-кабель отправлять данные на компьютер, проводить измерения исследуемых объектов и сохранять их изображения.

Кроме источников общего и направленного освещения, для обнаружения некоторых объектов могут применяться специальные источники света.

Источники УФ-лучей применяются для обнаружения объектов, которые под их воздействием начинают люминесцировать, либо, наоборот происходит люминесценция фона, на котором выделяется не люминесцирующий объект. Обнаружение доказательств с использованием источников ИК-излучения основано на том, что коэффициенты пропускания, отражения и поглощения многих веществ в ИК-области несколько другие, чем в видимой части спектра. Это свойство позволяет выявлять объекты и их особенности, неразличимые в видимом свете.

В качестве таких средств обнаружения могут использоваться не только ультрафиолетовые осветители, например ультрафиолетовый детектор Корунд-УФ, но и источники экспертного света с более широким спектром действия, например источники экспертного света Crime-lite. Они в различных комплектациях включают как источники широкополосного белого света, так и источники в ультрафиолетовом, фиолетовом, синем, сине-зеленом, зеленом, оранжевом, красном и инфракрасном диапазонах излучения¹.

Некоторые комплексы экспертного света являются достаточно универсальными. Они могут выявлять в ультрафиолетовом и инфракрасном диапазонах следы биологического и иного происхождения (кровь, семенная жидкость, потожировые следы и т.п.), а также производить их фото- и видеофиксацию, например комплекс экспертного света DNA Crime-Lite 42S УФ/ИК².

В качестве специальных источников света для обнаружения следов крови, спермы, слюны, иных следы биологического происхождения, следов выстрела и других следов на местах происшествий начинают применяться переносные криминалистические лазерные системы. Например, переносной криминалистический лазер производства компании NOAH SYSTEMS³.

При производстве осмотров, выемок и обысков для обнаружения скрываемых и иных объектов, имеющих значение для уголовного дела, могут использоваться различные поисковые приборы, устройства и приспособления разного назначения, принципа действия и конструкции.

Среди самых простых поисковых средств можно выделить щупы, в том числе и досмотровые, применяемые в таможенном деле. Они используются при обследовании мягкой мебели, участков земли и снежного покрова, по-

¹ Источники экспертного света Crime-lite 82S // URL: <http://aimtech.ru> (дата обращения: 26.04.2021).

² Комплекс экспертного света DNA Crime-Lite 42S УФ/ИК + Crime-Lite 82S Синий для выявления и видео-фотофиксации следов биологического происхождения с защищенной управляющей станцией // URL: <http://aimtech.ru> (дата обращения: 26.04.2021).

³ Синий криминалистический лазер NOAH Systems // URL: <http://kriminalisty.ru> (дата обращения: 26.04.2021).

иска скрытых вложений в «мягких» упаковках (в мешках, тюках, картонных коробках и т.п.)¹. К таким же простейшим поисковым средствам относится портативный складной трал, предназначенный для отыскания трупов, одежды и иных предметов в небольших водоёмах².

Для поиска незначительных по размеру объектов (пули, гильзы, части взрывных устройств и т.п.) в сыпучих средах, на местах пожаров и взрывов за счет просеивания могут применяться сита. Например, комплект трех сит с размерами ячеек 5x5, 10x10 и 15x15 мм, выпускающийся Подольским заводом криминалистической техники³.

Для обследования различных конструкций и механизмов при производстве следственных действий созданы криминалистические комплекты инструментов (ключи, отвертки, молотки, гвоздодеры и т.п.). Для этих же целей могут использоваться и комплекты досмотровых инструментов, например набор досмотровых инструментов «Палитра»⁴ или «Опер-кейс»⁵, предназначенные для вскрытия транспортных средств, багажа или тары, подозрительных на содержание незаконных вложений.

Для визуального контроля труднодоступных мест, скрытых полостей и предметов, непосредственный осмотр которых затруднен или не возможен в силу их расположения, например днищ транспортных средств и других подобных труднодоступных мест, незаменимы досмотровые зеркала. Например, комплекты досмотровых зеркал ДУ-101 (ДУ-104)⁶ или «Шмель-3Н»⁷.

С этой же целью, вместо зеркал, возможно применение досмотровых видеокомплексов, которые конструктивно включают вместо зеркала видеокамеру с аккумуляторным блоком, с подсветкой и устройством отображения и видеозаписи. Например, досмотровый видеокомплекс «Шмель-ВМ». В процессе досмотра видеокомплекс осуществляет видеозапись исследуемых поверхностей и полостей, и отображает записываемую информацию на дисплее⁸.

При обследовании труднодоступных мест малых размеров и скрытых полостей, осмотре помещений или изучения замкнутых объемов без физического в них проникновения незаменимы технические эндоскопы. Например, беспроводной эндоскоп «Детект-Эндо» с монитором и функцией записи на карту

¹ Технические средства обследования труднодоступных мест объектов таможенного контроля // URL: <http://tstk.narod.ru> (дата обращения: 26.04.2021).

² См.: § 5. Применение поисковых и аналитических приборов и приспособлений // URL: <http://scicenter.online> (дата обращения: 26.04.2021).

³ Криминалистическая техника. Техника для ОМП» Комплект сит // URL: <http://krimtex.ru> (дата обращения: 26.04.2021).

⁴ Палитра. Досмотровый набор инструментов // URL: <http://taskt.ru/catalog/dosmotrovye-oborudovanie/komplekt/palitra-dosmotrovyy-nabor-instrumentov/> (дата обращения: 26.04.2021).

⁵ Комплект досмотровых инструментов «Опер-кейс» // URL: <http://bnti.ru//des.asp?itm=6018> (дата обращения: 26.04.2021).

⁶ Досмотровое зеркало — устройство ДУ-101 (ДУ-104) // URL: <https://www.sphinx-md.ru/catalog/Зеркало.html?yclid=6713496597695859818> (дата обращения: 26.04.2021).

⁷ Комплект досмотровых зеркал «Шмель-3Н» // URL: <https://videoglaz.ru/dosmotrovye-zerkala/bronegilet/shmel-3n> (дата обращения: 26.04.2021).

⁸ Досмотровый видеокомплекс Шмель-ВМ // URL: <https://pro-spec.ru/catalog/dosmotrovie-zerkala/dosmotrovij-videokompleks-shmel-vm> (дата обращения: 26.04.2021).

памяти, с водонепроницаемым объективом с подсветкой и гибким кабелем длиной 1 или 5 м¹.

Для поиска металлических осколков взрывных устройств, отыскания и извлечения ферромагнитных предметов (например, оружия, гильз и т.п.) из водоемов, колодцев, выгребных ям и других подобных мест возможно применение магнитных подъемников, работа которых основана на притяжении металлов к постоянному магниту или электромагниту. Подольский завод «Криминалистическая техника» для этих целей производит: магнит на тросе; магнитный маятниковый плуг «СКАТ»; магнитные грабли «Ёж»; поисковый магнит «Титан-1» с грузоподъемностью до 100 кг².

При розыске металлических предметов широко применяются миноискатели и металлоискатели, как общего назначения, так и специально сконструированные для криминалистических целей, для поиска изделий из цветных и чёрных металлов в земле, снегу, воде, в тайниках строений и мебели, в иных средах, скрывающих предметы (пластмасса, керамика и т.д.). Например, металлодетектор «Garrett GTI-2500» позволяет определить род металла (серебро, золото, железо), глубину их залегания и размеры³. Металлодетектор «УНИСКАН 7215» выявляет холодное и огнестрельное оружие, взрывные устройства на человеке, в багаже, в стенах помещений и мебели⁴.

Магнитометры предназначены для обнаружения ферромагнитных металлов (железо, сталь или никель) на более значительном расстоянии, чем металлоискатели. Например, магнитометр «Ebinger Magnex 120» позволяет вести поиск различных ферромагнетиков на глубине до 6 м. Съёмный зонд при использовании удлинительного кабеля дает возможность поиска под водой, в шахтах, колодцах и т.д. на глубине до 25 м⁵.

Для поиска и обнаружения электронных устройств и их компонентов (радиомикрофоны, микрофонные усилители, проводные микрофоны, сим-карты, электронные платы и т.п.), независимо от того включены они или выключены, применяются нелинейные локаторы, например нелинейный локатор «STT NR-900V Vektor»⁶.

В целях обеспечения безопасности многие субъекты устанавливают видеокамеры, зачастую визуально плохо видимые или скрытые. Для их обнаружения на местности может использоваться тактический прибор наблюдения и обнаружения оптических систем «Самурай». Встроенный оптический визир с системой индикации позволяет проводить функциональный осмотр местности. На него выводится информация о факте обнаружения оптических систем (световая ин-

¹ Беспроводной эндоскоп «Детект-Эндо» с монитором и функцией записи на карту памяти // URL: <http://www.krimtex.ru/produkcija/node-besprovodnoy-endoskop-detekt-endo-s-monitorom-i-funkciey-zapisi-na-kartu-pamyati> (дата обращения: 26.04.2021).

² Поисковый магнит № 1 «Титан-1» // URL: <http://krimtex.ru> (дата обращения: 26.04.2021).

³ Металлоискатель Garret GTI 2500 // URL: <https://nyusha83.ru> (дата обращения: 26.10.2020).

⁴ Ручной металлодетектор АКА Унискан 7215М // URL: <https://arms-expo.ru/armament/samples/855/79095/> (дата обращения: 25.04.2021).

⁵ Ebinger MAGNEX 120 L-2 Bedienungsanleitung // URL: <https://manualslib.de> (дата обращения: 26.04.2021).

⁶ Нелинейный локатор STT NR-900V Vektor // URL: <https://detektor.ru/files/Opisanie/nr-v.pdf> (дата обращения: 26.04.2021).

дикация) и дальность до них (цифровая индикация). Максимальная дальность обнаружения объектов до 1400 м¹.

Для осмотра больших по площади мест происшествия, например при авиакатастрофах, поиска людей, для обзора больших домовладений перед выемкой или обыском или наблюдения за определенными объектами все чаще применяются дроны (коптеры)². Для криминалистических целей наиболее подходят коптеры, оснащенные не только системой видеонаблюдения и фотосъемки, но и тепловизионной камерой³.

Для поиска потерявшихся людей, тел под завалами, тайников, скрытых кладок, сейфов в стенах могут применяться тепловизоры. Принцип действия тепловизоров основан на преобразовании инфракрасного (теплого) излучения в электрический сигнал, который усиливается и отображается на экране прибора за счет разности температур объектов. Обязательным условием выявления объектов с их использованием является наличие температурного контраста между объектами. Современные тепловизоры способны воспринимать температурные контрасты до 0,05 градуса Цельсия⁴.

При поиске скрытых объектов могут использоваться приборы подповерхностного зондирования (георадары), работающие на принципе радиолокации среды с расположенным в ней разыскиваемым объектом. Например, георадар «ОКО-2» может использоваться для: обнаружения живых людей, оказавшихся под завалами, снежными лавинами с определением числа людей и расстояния до них (не менее 12 м); обнаружения подкопов, подземных ходов и коммуникаций; обнаружения криминальных захоронений и останков; обнаружения кладок взрывчатых веществ и снарядов в строительных конструкциях, под автомобильными и железными дорогами; поиска тайников с оружием на глубине до 5 м⁵.

Для изучения внутреннего строения объектов на месте их обнаружения, поиска тайников в стенах, транспортных средствах и тому подобных местах могут применяться портативные рентгеновские установки (например, портативная рентгеновская установка X-RAY⁶) или досмотровые таможенные комплексы⁷.

При контроле массовых скоплениях людей, для обнаружения взрывчатых веществ при осуществлении поисковых мероприятиях могут применяться пор-

¹ Тактический прибор наблюдения и обнаружения оптических систем «Самурай» // URL: <https://technoplus.ru> (дата обращения: 26.04.2021).

² Топ-10 лучших квадрокоптеров // URL: <https://zen.yandex.ru/media/krrot/top10-luchshih-kvadrokopteroov--reiting-2020-otzyvyv-5f5a50413b4a013bf88854f71> (дата обращения: 26.04.2021).

³ Наша служба и опасна, и трудна. Дроны на службе правоохранительных органов // URL: <https://iot.ru/gadzhet/y/nasha-sluzhba-i-opasna-i-trudna-drony-na-sluzhbe-pravookhranitelnykh-organov> (дата обращения: 26.04.2021).

⁴ Тепловизоры и их применение // URL: <https://analyzers.ru/teplovizori/> (дата обращения: 26.04.2021).

⁵ См.: Радиотехнический прибор подповерхностного зондирования (георадар) «ОКО-2» // URL: <https://geotech.ru/files/Око20130718to.pdf> (дата обращения: 26.04.2021).

⁶ Рентгеновская установка «X-RAY» // URL: <https://bnti.ru/des.asp?itm=3372&tbl=03.01.02> (дата обращения: 26.04.2021).

⁷ Инспекционно-досмотровые комплексы: описание, функции, применение, фото // URL: <https://zakon.temaretik.com> (дата обращения: 24.05.2020) ; Системы по обнаружению взрывчатых веществ «Заслон» // URL: <https://escs-zaslon.ru> (дата обращения: 24.05.2020).

тативные анализаторы паров взрывчатых веществ, например «Заслон-М» или «МО-2М»¹.

Электронные системы извлечения информации (например, Cellebrite UFED), позволяют правоохранительным органам на местах происшествий извлекать важнейшие криминалистические данные из мобильных телефонов, смартфонов и других электронных устройств из разделов телефонная книга, текстовые сообщения, фотографии, видеоизображения, журналы звонков (исходящих, входящих, пропущенных) и др.²

В основе химических методов обнаружения доказательств лежит цветная окрашивающая реакция между выявляющими реагентами и выявляемым веществом следа.

Подольским заводом криминалистической техники разработаны специальные экспресс-тесты для обнаружения и анализа некоторых биологических следов человека:

— для быстрого обнаружения следов крови человека, например, применяется экспресс-тест «Seratec HemDirect»;

— следов спермы человека — экспресс-тест «Seratec PSA Semiquant»;

— диагностические тест-полоски для полуколичественного анализа мочи «НемоPhan»³.

Для обнаружения алкоголя, наркотических и сильнодействующих веществ в слюне и на других объектах также могут применяться экспресс-тесты. Например, комплект экспресс-тестов «ЛАКМУС-3» предназначен для экспресс-определения наркотических и сильнодействующих веществ во внелaborаторных условиях на основе осуществления цветных химических реакций для отнесения выбранных объектов к той или иной группе наркотических или сильнодействующих веществ⁴.

Для обнаружения следов некоторых наиболее распространенных взрывчатых веществ, в настоящее время, также разработаны и применяются экспресс-тесты. Например, комплект для экспресс-анализа взрывчатых веществ «ВИРАЖ-ВВ» предназначен для обнаружения тротил а, динит-ротолуола, тетрила, гексогена, октогена, ТЭНа, нитроглицерина или смесей и составов на их основе по их следовым количествам на поверхностях упаковок, на одежде и руках человека, а также на других подозрительных объектах⁵.

Рассмотренный нами перечень методов и средств поиска и обнаружения доказательств и иной криминалистически значимой информации явно не является исчерпывающим. Он будет постоянно расширяться и пополняться за счет средств, заимствованных из других отраслей науки и техники, без переделки либо приспособленных для криминалистических целей, или специально созданных для решения криминалистических задач.

¹ Системы по обнаружению взрывчатых веществ «Заслон» // URL: <https://escs-zaslon.ru> (дата обращения: 26.04.2021).

² Устройство криминалистического исследования сотовых телефонов «UFED» // URL: <https://sis-tss.ru> (дата обращения: 26.04.2021).

³ См.: Расходные материалы // URL: <http://www.krimtex.ru> (дата обращения: 26.05.2020).

⁴ Комплект экспресс-тестов (наркотики) «Лакмус 3» // URL: <http://www.divecon.net/> (дата обращения: 26.04.2021).

⁵ Комплект для экспресс-анализа проб на наличие взрывчатых веществ «ВИРАЖ-ВВ» // URL: <http://kriminalist.ru> (дата обращения: 26.04.2021).

Жаворонков В. А.,
доцент кафедры уголовного права,
уголовного процесса и криминалистики
Российского университета транспорта
(РУТ (МИИТ), кандидат юридических наук

О РОЛИ ЦИФРОВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ ДЛЯ ПОЛУЧЕНИЯ ДОПОЛНИТЕЛЬНОЙ ИНФОРМАЦИИ ПРИ ПРОИЗВОДСТВЕ СУДЕБНЫХ ЭКСПЕРТИЗ МАРКИРОВОЧНЫХ ОБОЗНАЧЕНИЙ ТРАНСПОРТНЫХ СРЕДСТВ

Одной из основных задач информационного обеспечения судебно-экспертной деятельности, несомненно, является удовлетворение потребностей эксперта в ДИ, отсутствие которой во многих случаях затрудняет решение поставленных перед ним вопросов, а в некоторых — является прямым препятствием достижения целей экспертных исследований.

Для одних экспертных направлений характерно то, что при решении поставленных перед экспертом задач нет необходимости обращаться к различным источникам ДИ. Совершенно по-иному дело обстоит с объемом и разносторонностью ДИ, необходимой для производства судебной экспертизы МО ТС; помимо нормативно-правовой, нормативно-технической, научной и методической информации — это сведения, содержащиеся в базах данных заводов-производителей ТС. Объем информации, концентрирующейся в этих базах данных весьма значителен; в настоящее время на территории России размещается более двадцати сборочных заводов ТС¹. В период с 2016 по 2020 год в нашей стране было произведено около 3,5 млн только легковых автомобилей², а это — многократное увеличение данных, которые могут быть использованы при производстве экспертиз и исследований этого вида.

Технологический процесс сборки нового ТС подразумевает создание достаточного внушительного по своему объему комплекта технической документации, содержащей сведения не только о технологии сборки ТС, но и об особенностях его маркирования. Учитывая указанные выше объемы производимой продукции, можно представить и масштабы ежегодного увеличения данных, содержащихся в информационных массивах этих предприятий, а именно эти данные как раз и составляют основу ДИ, крайне необходимой для решения задач судебной экспертизы этого вида.

Произошедшие в последнее время кардинальные сдвиги в «совершенствовании» криминальных способов изменения идентификационной маркировки (далее — ИМ), потребовали пересмотра существующих подходов к производству экспертиз и исследований МО ТС. Если раньше изменение ИМ касалось преимущественно изменения ее отдельных частей, то в настоящее время в подавляющем большинстве случаев первичная маркировка уничтожается полностью, в результате чего применение традиционных методов при вос-

¹ URL: <https://www.autostat.ru/infographics/25791/> (дата обращения: 04.01.2021).

² Жаворонков В. А. Информационно-компьютерное обеспечение судебной экспертизы маркировочных обозначений транспортных средств : учебное пособие. М. : Юрлитинформ, 2020. С. 4.

становлении ее первоначального содержания становится неэффективным. Ситуация усугубляется еще и тем, что информация о технологии нанесения первичной маркировки на заводах-производителях во многом стала общедоступной благодаря современным средствам информационных коммуникаций, в результате чего преступники получили возможность нивелировать те недостатки и просчеты, которые допускались ими ранее. В результате этого на практике эксперты столкнулись с неразрешимой во многих случаях проблемой: при исследовании только маркировочных обозначений, нанесенных на несущей конструкции автомобиля (кузове или раме), задача идентификации конкретного ТС стала трудно выполнимой. Таким образом, вывод совершенно очевиден: без использования ДИ, содержащейся в различных информационных массивах, установление первичной ИМ ТС в современных условиях становится крайне затруднительным.

Понятие ДИ как источника данных, необходимых для производства судебных экспертиз, а также ее роль в решении конкретных экспертных задач в научной литературе не получили должного внимания. В общепризнанном смысле многие авторы ДИ рассматривают лишь как средство конкретизации или уточнения основной¹. Между тем информация, названная в рассматриваемом случае дополнительной, служит вовсе не для уточнения тех данных, которыми располагает эксперт на конкретном этапе производства экспертизы, а является по сути дела последней возможностью решения, поставленной перед ним задачи. Позволяя сформулировать вывод в какой-либо конкретной форме, ДИ приобретает не менее важное значение, нежели информация, извлеченная из содержания исследуемого объекта.

Поэтому, по нашему мнению, дополнительной, в данном случае, следует считать информацию, которая не нашла своего отражения в представленных в экспертное учреждение материалах и необходимость в которой возникла либо при сопоставлении содержания этих материалов с вопросами, поставленными перед экспертом, либо, без использования которой решение поставленных перед экспертом вопросов полностью или частично является невозможным.

Технология сборки ТС на предприятиях-изготовителях предусматривает крепление на его кузове достаточно большого количества табличек с различного рода маркировкой, которая может и не иметь прямого отношения к идентификационному номеру ТС, но может способствовать его установлению. Некоторые из этих табличек крепятся в трудно доступных местах (во внутренних полостях различных базовых деталей или сборочных единиц). При выпуске новых моделей или их модификаций, а также рестайлинге место расположения элементов с дублирующей или производственной маркировкой может быть изменено. Данное обстоятельство в определенном смысле играет положительную роль, так как позволяет преступникам демонтировать не все, а только известные им элементы маркировки. Поиск новых мест крепления элементов с дополнительной или производственной маркировкой связан со значительным объемом демонтажно-монтажных и других работ, а в некоторых случаях обнаружение и удаление заводских табличек становится вообще невозможным (преступникам пришлось бы прибегнуть к разборке значительной части конструкции ТС и в дальнейшем собирать ее элементы заново).

¹ Реферирование научного текста : методические рекомендации по курсу «Русский язык и культура речи» / сост. А. В. Бастриков, Е. М. Бастрикова. Казань, 2005. С. 5–6.

Указанные выше особенности технологии маркирования новых ТС требуют искать новые подходы и методы для установления заводской ИМ. Одним из таких методов сегодня можно считать метод, получивший в научной литературе название «информационный метод исследования»¹, который как раз и ориентирован на поиск различных производственных маркировок, напрямую не связанных с идентификационной. Обнаружение таких МО и правильное их прочтение (декодирование)² в дальнейшем позволяет установить индивидуализирующую объект исследования информацию и решить основную задачу, поставленную перед экспертом, используя различные информационные массивы. При этом весь процесс исследования переходит в плоскость работы с информацией (установление дополнительных и производственных маркировок, извлечение полезной информации из их содержания, установление источника информации и ее получение).

Исследуя вопросы организации процесса истребования ДИ у ее обладателей (направление ходатайства инициатору назначения экспертизы, последующее направление запроса обладателю информации, рассмотрение требований, содержащихся в запросе и т.д.) становится очевидным, насколько громоздка и неудобна процедура ее получения, основанная на требованиях существующего законодательства на фоне стремительного развития и повсеместного внедрения цифровых технологий в целях ускорения и оптимизации информационных процессов, насколько существующие правовые рамки, регламентирующие механизм обмена информацией между государственными экспертными учреждениями и различными предприятиями и организациями затрудняют использование этих технологий в работе с информационными ресурсами.

Получивший в последнее время широкое распространение процесс цифровизации всех областей человеческой деятельности обусловил новые возможности получения криминалистически значимой информации³ и во многом повлиял на формирование новых подходов к проведению экспертных исследований, предопределив появление и развитие новелл в методологии производства судебной экспертизы МО ТС. Цифровизация, как новый этап развития компьютерных и информационных технологий, используя достижения математических, технических и естественных наук, позволит приспособить возможности этих технологий для нужд судебно-экспертной деятельности⁴.

Высказываемое некоторыми авторами мнение о том, что цифровизация пришла на смену информатизации и компьютеризации⁵, не совсем точно отражает процессы совершенствования информационных технологий. Цифровизация,

¹ Жаворонков В. А. Указ. соч. С. 136.

² Колдин В. Я. Анализ информационных полей как метод декодирования криминалистической информации // Вестник криминалистики. 2012. Вып. 4 (44). С. 9–18.

³ Россинская Е. Р. Теория информационно-компьютерного обеспечения криминалистической деятельности: концепция, система, основные закономерности // Вестник восточно-сибирского института МВД России. 2019. № 2 (89). С. 195.

⁴ Камалова Г. Г. Цифровые технологии в судебной экспертизе: проблемы правового регулирования и организации применения // Вестник удмуртского университета. 2019. Т. 29. Вып. 2. С. 180.

⁵ Халин В. Г., Чернов Г. В. Цифровизация и ее влияние на российскую экономику и общество: преимущества, вызовы, угрозы и риски // Управленческое консультирование. 2018. № 10. С. 47.

пожалуй, является прямым продолжением информационных и компьютерных технологий, результатом их трансформации, представляя собой определенно отличный от ранее используемых инструмент работы с данными значительных объемов и разнообразных форматов. Компьютерные технологии сейчас, так же, как и прежде, являются необходимым средством обработки и передачи информации в том же цифровом формате с той только разницей, что в настоящее время существенно изменились средства осуществления этих процессов, увеличились потенциальные возможности использования информации и усложнились задачи, решаемые с помощью современных технических средств. Применение цифровых технологий в судебной экспертизе МО ТС при наличии минимальных исходных данных позволит информационно-поисковым системам самостоятельно и оперативно осуществлять отбор нужной информации, что в конечном итоге сократит время и неизбежно повысит эффективность производства экспертиз и исследований МО ТС.

Внедрение цифровых технологий во все сферы общественной жизни происходит достаточно быстрыми темпами, причем это очень четко прослеживается даже в обычных условиях повседневной жизни. Между тем почему-то в правоохранительной деятельности эти темпы значительно ниже, хотя деятельность правоохранительных органов находится на одном из важнейших участков обеспечения нормального функционирования государства и общества в целом, поскольку сегодня преступность представляет собой качественно новый феномен, как по своим масштабам, так и по степени негативного влияния на всю жизнедеятельность общества¹.

Учитывая важность исследуемой проблемы на сегодняшний день можно обозначить в качестве приоритетных, следующие основные направления повышения эффективности информационного обеспечения судебной экспертизы МО ТС:

1. Разработка основанного на цифровых и других передовых технологиях механизма непосредственного доступа сотрудников государственных экспертных учреждений к информационным ресурсам различных предприятий и организаций, в том числе и к базам данных заводов-производителей ТС.

2. Приведение нормативно-правовой базы, регламентирующей информационное обеспечение судебно-экспертной деятельности в соответствии с современными требованиями.

3. Решение организационных вопросов, касающихся взаимодействия соответствующих подразделений МВД России, Минтранса России, а также других отраслевых министерств и ведомств в области обмена информацией.

Безусловно, процесс реализации этих мероприятий должен быть тщательно продуман, научно обоснован и всесторонне взвешен. Особенно это касается механизма непосредственного доступа сотрудников государственных экспертных учреждений к таким информационным массивам, как базы данных заводов-производителей ТС, с тем, чтобы избежать даже возможности каких-либо злоупотреблений или утечки через пользователей этих систем, содержащихся в них сведений. Возможно сто́ит предусмотреть и другие предупредительные меры, например обязательную фиксацию фактов обращения к конкретным информационным массивам, учет параметров получаемой информации и пр.

¹ Малков В. Д. Преступность как социально-правовое явление, ее криминологические характеристики и основные тенденции в современной России // Общество и право. 2007. № 3 (17). С. 70.

Жариков Е. В.,
адвакат, замяститель прэсідатэля
Ассоцыяцыі адвакатаў
«Московская коллегія адвакатаў
«Правое таварыцтва»,
кандыдат юрыдычных навук, дацэнт

ПРОБЛЕМНЫЕ ВОПРОСЫ ВОЗМЕЩЕНИЯ ВРЕДА В СФЕРЕ УГОЛОВНОГО ПРОЦЕССА

Одной из тенденций развития российской системы права является внедрение в систему правоотношений компенсаторных и восстановительных механизмов.

Указанная тенденция наблюдается также в сфере уголовно-процессуальных отношений и связана с порядком и основаниями возмещения вреда, причиненного при осуществлении уголовного судопроизводства. Однако механизм возмещения вреда, действующий в сфере уголовного процесса далек от совершенства.

Нормы, касающиеся возмещения вреда, закреплены в главе 18 УПК РФ, предусматривающей основания и порядок реабилитации. В результате может сложиться впечатление, что любые вопросы, связанные с возмещением вреда в сфере уголовного процесса связаны с реабилитацией.

В то же время проблема возмещения вреда в сфере уголовного процесса выходит далеко за рамки реабилитации.

Прежде всего, следует обратить внимание на виды вреда, который может быть причинен в ходе уголовного судопроизводства.

Безусловно необходимо выделить вред, который причиняется лицу в связи с уголовным преследованием. Преимущественно возмещению этого вреда и посвящена гл. 18 УПК РФ.

Далее, в этой же гл. 18 УПК РФ в ч. 3 ст. 133 УПК РФ, законодатель выделяет вред, причиненный лицу незаконным применением мер процессуального принуждения в ходе производства по уголовному делу. С реабилитацией указанное основание связывает только общий порядок возмещения вреда, что и послужило, по всей видимости, основанием для включения его в гл. 18 УПК РФ.

Таким образом, законодатель относительно конкретно формулирует только указанные выше два случая причинения вреда в ходе осуществления уголовного судопроизводства, однако допускает, что указанные случаи не носят исчерпывающий характер.

Так, в ч. 5 ст. 133 УПК РФ, приводится формулировка «в иных случаях...», под которыми, по всей видимости, следует понимать любые возникающие при производстве по уголовному делу ситуации, в результате которых гражданам был причинен вред. Именно эти ситуации, вследствие их неопределенности, представляют наибольший интерес для исследования.

Частично пример таких ситуаций приводится в п. 7 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 29 ноября 2011 г. № 17 «О практике применения судами норм главы 18 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, регламентирующих реабилитацию в уголовном судопроизводстве», согласно которому это могут быть случаи причинения вреда при проведении оперативно-розыскных мероприятий до возбуждения уголовного дела; причинения вреда лицам, к которым при производстве по уголовному делу непосредственно меры процессуального принуждения не применялись.

Безусловно, ограничиваться этими двумя примерами нельзя, тем более что они сформулированы достаточно относительно. В то же время практически невозможно перечислить все ситуации, которые могут возникнуть при производстве по уголовному делу, в результате которых гражданам может быть причинен вред.

Особенностью «иных случаев», в результате которых гражданам причиняется вред, является то, что вопросы, связанные с его возмещением, разрешаются в порядке гражданского судопроизводства, в то время как вред, причиненный в связи с уголовным преследованием, и вред, причиненный незаконным применением мер процессуального принуждения в ходе производства по уголовному делу, возмещаются по правилам, установленным гл. 18 УПК РФ.

Однако не только приведенные выше случаи причинения вреда указывают на то, что проблема возмещения вреда в сфере уголовного процесса выходит далеко за рамки института реабилитации. Об этом свидетельствует также круг лиц, которые имеют право на возмещение.

Прежде всего, следует выделить лиц, имеющих право на реабилитацию в соответствии с ч. 2 ст. 133 УПК РФ. Данные лица имеют право на возмещение как вреда, причиненного в связи с уголовным преследованием, так и в случаях незаконного применения в отношении этих лиц мер процессуального принуждения в ходе производства по уголовному делу¹. При этом вопросы, связанные с его возмещением, разрешаются в порядке, предусмотренном гл. 18 УПК РФ.

Также следует выделить лиц, не имеющих право на реабилитацию, к числу которых, согласно п. 6 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 29 ноября 2011 г. № 17 относятся физические лица, не указанные в ч. 2 ст. 133 УПК РФ, незаконно подвергнутые в ходе производства по уголовному делу мерам процессуального принуждения, а также юридические лица, которым незаконными действиями (бездействием) и решениями суда, прокурора, следователя, дознавателя, органа дознания в ходе производства по уголовному делу причинен вред (например, вследствие незаконного наложения ареста на имущество юридического лица). В соответствии с положениями ч. 3 ст. 133 УПК РФ, указанной категории лиц возмещение вреда также осуществляется в порядке, предусмотренном гл. 18 УПК РФ.

Третью группу составляют лица, не имеющие права на реабилитацию и на возмещение вреда на основании ч. 3 ст. 133 УПК РФ. В случае причинения им вреда дознавателем, следователем, прокурором или судом, в соответствии с ч. 5 ст. 133 УПК РФ возмещение осуществляется в порядке гражданского судопроизводства.

Таким образом, согласно действующему уголовно-процессуальному законодательству, возмещение вреда, причиненного лицу в связи с осуществлением уголовного судопроизводства возможно как в порядке, установленном для реабилитации, так и в порядке гражданского судопроизводства.

Механизм реабилитации, в данном случае, выглядит как часть механизма возмещения вреда в целом, а не наоборот. В этой связи включение возмещения вреда в случаях, не связанных с уголовным преследованием и незаконным применением мер процессуального принуждения в ходе производства по уголовному делу в гл. 18 УПК РФ, посвященную реабилитации, представляется не совсем корректным. Возможно, что одним из вариантов исправления указанной ситуации

¹ См.: абзц 2 п. 4 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 29 ноября 2011 г. № 17 «О практике применения судами норм главы 18 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, регламентирующих реабилитацию в уголовном судопроизводстве».

является внесение изменений в гл. 18 УПК РФ, начиная с ее названия, озаглавив «Возмещение вреда». Сама же правовая конструкция гл. 18 УПК РФ должна включать общее определение вреда, случаи его причинения и механизмы возмещения. При этом реабилитацию логично рассматривать как один из механизмов возмещения вреда, причиненного в ходе производства по уголовному делу.

В то же время для повышения эффективности восстановительных и компенсаторных механизмов в уголовном процессе предполагается возможным введение дополнительных гарантий соблюдения интересов лиц, вовлеченных в сферу уголовного судопроизводства.

В качестве одного из частных примеров можно рассмотреть введение дополнительных гарантий соблюдения интересов субъектов предпринимательства, при изъятии бухгалтерской документации.

Совершенно очевидно, что тотальное изъятие бухгалтерской документации и электронных носителей информации фактически парализует деятельность таких субъектов.

Практически всегда указанная документация изымается пакетами, без анализа содержимого пакета, поскольку и лица, осуществляющего изъятие нет ни времени, ни желания разбираться в содержимом. К осмотру изъятой документации тоже не всегда удается приступить в кратчайшие сроки, вследствие чего у субъекта предпринимательства возникают элементарные проблемы со сдачей бухгалтерской отчетности, выплатой заработной платы работникам, исполнения иных обязательств.

В качестве дополнительной гарантии соблюдения интересов субъектов предпринимательства в указанном случае можно предложить процессуальный механизм, сходный с процедурой избрания меры пресечения в виде заключения под стражу. Предусмотреть возможность изъятия документов субъектов предпринимательства, связанных с его хозяйственной деятельностью, на срок не более 48 часов, в течение которых следует осмотреть изъятую документацию и вернуть, либо обратиться в суд с ходатайством об изъятии конкретной документации на более длительный срок с целью приобщения к материалам дела или назначения экспертизы.

Приведенный пример следует рассматривать как частный предлагаемый случай.

Представляется, что дополнение механизма возмещения вреда в сфере уголовного процесса подобными процессуальными гарантиями соблюдения интересов лиц, вовлеченных в уголовный процесс, позволит существенно повысить эффективность компенсаторных и восстановительных механизмов в уголовном судопроизводстве.

Жижина М. В.,
*профессор кафедры криминалистики
Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА),
доктор юридических наук, доцент*

ИНФОРМАЦИОННЫЕ ТЕХНОЛОГИИ В СУДЕБНО-ПОЧЕРКОВЕДЧЕСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЕ: КАК МЕТОД И КАК ОБЪЕКТ ИССЛЕДОВАНИЯ

Судебное почерковедение является высокоразвитой областью специальных знаний, очень чутко реагирующей на все изменения нашей жизни. Это обуслов-

лено как спецификой ее непосредственного объекта исследования — почерковой реализации, так и криминалистической сущностью, для которой свойственно активно воспринимать и брать в свой методический арсенал прогрессивные технологические и технические инновации.

Начало процесса компьютеризации жизнедеятельности общества, т.е. внедрения электронно-вычислительной техники во все ее сферы в мире пришлось на вторую половину прошлого столетия, и практически сразу же началось интенсивное проникновение в судебно-почерковедческие исследования математических методов, в том числе кибернетического моделирования. Первые идеи применения вероятностного моделирования, анализа изображений и теории распознавания образов в судебно-почерковедении принадлежат Р. М. Ланцману¹, который доказал возможность применения алгоритма распознавания образов для дифференциации сходных почерковых объектов. Это было началом эры информатизации и компьютеризации в судебно-почерковедческой экспертизе, которая была весьма бурной и продуктивной.

Позднее различные авторы предприняли целый ряд разработок, результатом которых стало формулирование основ математического моделирования и начал автоматизации в области судебно-почерковедческой экспертизы². Несомненно, компьютеризация явилась той благоприятной средой, тем стимулирующим фактором, благодаря которым советское, а затем — российской судебно-почерковедение стало технологически высокоразвитой экспертной областью, фактически не имеющей аналогов в мире.

Можно выделить два условных направления применения ЭВМ в судебно-почерковедческой экспертизе.

Первое связано с использованием инструментальных методов и технических средств в экспериментальных исследованиях при разработке новых экспертных методик, что позволило резко повысить объективность экспериментальных исследований, в том числе позволяющих изучить динамические закономерности процесса письма, в особенности при распределении нажимных усилий. Это незамедлительно сказалось на результатах: разработанные таким образом методики полностью отвечали всем требованиям допустимости методов в качестве судебно-экспертных, в том числе научности, эффективности, а также точности, воспроизводимости и надежности получаемых с их помощью результатов³.

Второе — это интегрирование математических методов и ЭВМ в единую систему методики решения сложных экспертных задач, включающую параметризацию, статистическую обработку, создание решающего правила, основанного на вероятностном моделировании, и создание автоматизированных систем. Подобные разработки были предприняты в отношении малообъемных почерковых объектов, малоинформативность которых обуславливала сложность их исследования и принятия решения экспертом на традиционном качественном уровне. Ученые-иссле-

¹ Ланцман Р. М. Кибернетика и криминалистическая экспертиза почерка. М., 1968.

² См.: Применение методов исследования, основанных на вероятностном моделировании, в судебно-почерковедческой экспертизе. М., 1976 ; Основы применения математических методов в судебно-почерковедческой экспертизе. М., 1980 ; Теория и практика математического моделирования в судебно-почерковедческой экспертизе. М., 1980.

³ Теория судебной экспертизы (Судебная экспертология) : учебник / Е. Р. Россинская, Е. И. Галяшина, А. М. Зинин ; под ред. Е. Р. Россинской. 2-е изд., перераб. и доп. М., 2016. С. 119–121.

дователи обратились к параметризации таких объектов — алгоритмизации разбиения, формализации описания и измерению. Итогом предпринятых исследований стало создание алгоритмизированных методов определения информативности и вариационности подписей¹, количественных методов исследования кратких записей², простых и кратких подписей³. Далее были разработаны количественные алгоритмизированные методики в целях исследования подлинных и сходных подписей⁴, кратких записей, выполненных намеренно измененным почерком⁵, многообъектного исследования простых и кратких подписей⁶.

Таким образом, усилиями наших предшественников — исследователей в области судебного почерковедения была разработана мощная база модельных и алгоритмизированных методов, обеспечивающая потребности судебной и следственной практики при решении почерковедческих задач.

Цифровизация жизнедеятельности общества, новый этап информатизации, наступивший с начала уже нашего столетия, представляет собой повсеместную интеграцию цифровых технологий в повседневную жизнь. Постепенно и неуклонно новые механизмы, основанные на цифровом формате предоставления информации, проникают во все процессы и используются в совершенно различных областях: коммуникациях, предоставлении различных услуг, информационной безопасности и т.д. Внедрение и распространение Интернета, мобильных и сенсорных сетей, возможностей работы в режиме онлайн, применения электронного документооборота, современных электронных каналов связи, способов учета и хранения информации позволили существенно повысить эффективность различных видов производств, технологий, предоставления услуг и пр. Конечно, такие изменения не могли не сказаться и на судебно-почерковедческой теории и практике.

Подчеркивая огромное прогрессивное значение информационных технологий для развития судебно-почерковедческой экспертизы, необходимо отметить, что, с другой стороны, они явились благодатной почвой и для фальсификаторов почерковых объектов. Широкое распространение и доступность для пользователей компьютерной техники привели к появлению новых способов технической подделки рукописей и новых объектов экспертного исследования. Речь идет об использовании при подделке подписи графопостроителя (плоттера) и получении

¹ Орлова В. Ф., Ли Л. Е., Смирнов А. В. Оценка априорной информативности подписей // Экспертная практика и новые методы исследования. М., 1983.

² Леканова Л. Г., Смирнов А. В. О возможности применения количественных методов при исследовании кратких почерковых объектов // Вопросы теории и практики судебной экспертизы. М., 1983.

³ Дифференциация подлинных подписей и подписей, выполненных с подражанием после предварительной тренировки. М., 1984 ; Комплексная методика установления подлинности (или неподлинности) кратких и простых подписей. М., 1988.

⁴ Жакова Т. М., Орлова В. Ф., Смирнов А. В. Методика судебно-почерковедческой экспертизы сходных подписей (количественная). М., 2008.

⁵ Смирнов А. В., Яковлева Е. В. Методика установления факта выполнения кратких записей намеренно измененным почерком скорописным способом // Теория и практика судебной экспертизы. 2007. № 4 (8). С. 129–142.

⁶ Смирнов А. В. Количественная методика многообъектного исследования кратких и простых подписей // Теория и практика судебной экспертизы. 2018. № 13 (4). С. 100–110.

ее изображения с использованием технических средств пишущими приборами, которые обычно используются для рукописного выполнения.

Данный способ подделки стал объектом пристального внимания экспертов в области судебно-почерковедческой, судебно-технической и компьютерно-технической экспертиз документов, которые, проведя комплексное исследование, выявили ряд информативных признаков, свидетельствующих о его применении¹. Совершенно справедливо авторами указывалось на необходимость внесения корректировки, как в почерковедческие методики, так и методики СТЭД, используемые при решении задачи о способе выполнения реквизитов в исследуемых документах. Однако далее обозначения намерений дело не пошло. На сегодняшний день выявление использования плоттеров или их усовершенствованных аналогов — «robotic arm» методически не обеспечено. Успех экспертного исследования в подобных ситуациях зависит главным образом от квалификации и компетентности экспертов, позволяющих или нет выявить соответствующие признаки.

Еще одним результатом цифровизации стало появление «цифровой рукописной подписи», представляющей собой изображение подписи, выполненное на сенсорном экране планшета или смартфона стилус-ручкой, или просто пальцем и переданное с помощью программно-аппаратных средств иному пользователю. Применение данной технологии в деловом обороте очень удобно, т.к. такой удаленный контакт позволяет оптимизировать процесс ведения бизнеса.

Данные цифровые рукописные подписи появились уже достаточно давно, более 20 лет назад во всех информационно развитых странах мира и нашли широкое применение в самых различных областях: банковской сфере, торговле, оказании услуг и пр. В нашей стране мы также встречаем ее все чаще и чаще. Таким образом, можно констатировать возникновение еще одного цифрового аналога рукописной подписи, помимо ЭЦП (электронной цифровой подписи).

Появление нового объекта, являющегося аналогом рукописной подписи и выполняющего ее функции, неминуемо влечет за собой вопрос: а насколько он надежен и отвечает своему назначению? Можно ли при исследовании такой подписи в дальнейшем доказать, что она выполнена именно данным лицом?

Анализ публикаций показал, что цифровая рукописная или биометрическая подпись достаточно изученный объект, но только с одной стороны — технологической. Подобные исследования проводили, как зарубежные, так и отечественные² специалисты в области информационных технологий. Идентификация цифровой рукописной подписи возможна при условии первоначального создания для каждого пользователя эталона рукописного пароля (подписи) с целью выявления признаков, необходимых в дальнейшем для распознавания

¹ Панова Т. О., Миловидова О. Ю., Карпухина Е. С. Комплексное исследование имитации рукописных реквизитов (случай из экспертной практики) // Теория и практика судебной экспертизы. 2008. № 3 (11). С. 118–121.

² Колядин Д. В., Савин А. А. О проблеме верификации подписи в системах контроля доступа // Обработка информации и моделирование. М., 2002. С. 81–89; Колядин Д. В. Анализ динамических кривых применительно к задаче верификации рукописной подписи // Математические методы распознавания образов. 2003. Т. 11. № 1. С. 330–332; Колядин Д. В., Петров И. Б. Алгоритм выделения экстремальных точек применительно к задаче биометрической верификации рукописной подписи Колядин Д. В., Петров И. Б. // Электронный журнал «ИССЛЕДОВАНО В РОССИИ». URL: <http://zhurnal.ape.relarn.ru/articles/2005/047.pdf> (дата обращения: 02.04.2019).

дынамічных і нажымных характэрыстык напісання (метод «on-line» распазнавання). Пры гэтым пры адсутнасці эталона ў памяці праграмы распазнавання, натуральна, немагчыма; таксама для станоўчага выніку павінна захоўвацца стабільная геаметрыя выкананай подпісы, што супярэчыць свайму есцэснаму варыяцыйнасці. У сувязі з вышэказаным існаванне адпаведных тэхналогій становіцца вельмі абмежаваным, што не дазволіць іх распаўсюдзіць на розныя бізнес-сітуацыі, пры якіх запраграміраваная подпіс-эталон адсутніцуе.

Расійскія вучоныя-пачеркаведы ў дастатковай меры яшчэ не падключаліся да даследаванняў у вобласці ідэнтыфікацыі цыфравой біямэтрычнай подпісы, хоць гэты аб'ект з'яўляецца вельмі перспектывным з улікам развіваючыхся тэхналагічных працэсаў у нашай краіне. Разам з тым імянаму ўлік пачеркаведчых характэрыстык дазволіць пераадолець негатыўныя моманты, перашкоды на сённяшні дзень больш шырокаму ўвядзенню цыфравой біямэтрычнай подпісы ў розныя сферы нашай жыцця.

Такім чынам, этапы камп'ютэрызацыі і цыфравізацыі жыццядзейнасці грамадства ўносяць на парадку дня тэорыі і практыкі судэбна-пачеркаведчэскай экспертызы новыя задачы, звязаныя з з'яўленнем новых аб'ектаў. Як нам прадастаўляецца, рашаць іх трэба аб'яднаенымі намаганнямі экспертаў-пачеркаведцаў, экспертаў у вобласці судэбна-тэхнічнаскай і камп'ютэрна-тэхнічнаскай экспертызы.

Неабходна ўсестаронняе даследаванне гэтых аб'ектаў — імітацыяў рукапісных подпісаў, выкананых з дапамогай новых тэхналогій, уключаючы эксперыментальную разрабтку, стварэнне новых складаных метадаў і метадык даследавання. У сувязі з гэтым вызначанай карэктывацы падлягаюць праграмы падрыхтоўкі і павышэння кваліфікацыі экспертаў-пачеркаведцаў і экспертаў у вобласці СТЭД, у якіх трэба ўключыць адпаведныя метадычныя дапаўненні.

Задарожны А. А.,

*аспірант кафедры крміналістыкі
Юрыдычнаскага факультэта МГУ
імяні М.В.Ламанасова*

Махтаев М. Ш.,

*прафесар кафедры крміналістыкі
Юрыдычнаскага факультэта МГУ
імяні М.В.Ламанасова,
доктар юрыдычных навукаў, прафесар*

К ВОПРОСУ О ТЕХНИКО-КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОМ ОБЕСПЕЧЕНИИ РАСКРЫТИЯ И ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ ТЕРРОРИСТИЧЕСКИХ АКТОВ, СОВЕРШАЕМЫХ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ РАДИОУПРАВЛЯЕМЫХ ВЗРЫВНЫХ УСТРОЙСТВ

Крміналістычны аналіз прэступленняў тэрарыстычнаскай напавяленнасці паказвае, што часцей за ўсё такія прэступлення совершаюцца з прымяненнем взрывных устрійстваў (ВУ) з дапамогай радыяканала.

Разработка, апробация и применение технико-криминалистических средств (ТКС) с целью раскрытия и предупреждения преступлений, совершаемых с применением радиоуправляемых взрывных устройств (РВУ) является одной из важнейших задач правоохранительных органов и спецслужбе страны.

Подобные ТКС целесообразно подразделить на три группы: ТКС общего характера, применяемые для предупреждения и раскрытия любого общеуголовного преступления; ТКС, используемые преимущественно при раскрытии и предупреждении преступлений, связанных со взрывами; ТКС, которые применяются исключительно для предотвращения использования, а также купирования негативных последствий использования в, управляемых по радиоканалу.

Вопросы использования ТКС первой и второй группы в ходе предварительного расследования преступлений достаточно подробно освещены в криминалистической литературе¹. В то же время вопросы технико-криминалистического обеспечения раскрытия и предупреждения преступлений, совершенных с применением радиоуправляемых ВУ в криминалистической и иной специальной литературе, не нашли такого освещения².

Отчасти и в связи с этим специалисты-взрывотехники при применении ТКС в процессе работы по террористическим актам, совершенным с использованием РВУ, встречаются с рядом трудностей. Это можно объяснить и тем, что субъектами применения таких ТКС зачастую выступают не только сотрудники правоохранительных органов, но и работники частных охранных предприятий, а на некоторых объектах антитеррористической защищенности даже лица, не связанные напрямую со сферой обеспечения безопасности.

Для надлежащей подготовки таких сотрудников к выполнению возложенных на них задач необходимо:

1. Проведение с ними дополнительных занятий на базе существующих учебных центров Национального антитеррористического комитета.

2. ТКС должны быть доступны для использования лицами не обладающими специальными знаниями в области их применения. Разработка таких средств должна быть подчинена именно этой цели (логике).

3. Сотрудники, привлекаемые к обеспечению антитеррористической защищенности объекта, должны быть снабжены подробными инструкциями по применению таких ТКС в различных ситуациях.

Ряд трудностей использования таких ТКС связана с недостаточной проработкой тактики их применения в различных ситуациях, складывающихся по делу. Например, в настоящее время возникают проблемы, связанные с применением газоанализаторов, которые при обследовании подозрительных предметов подносятся непосредственно к ним и удерживаются возле них определенное время. Учитывая, что в данный предмет может быть закамуфлировано ВУ, которое может инициироваться в любой момент, необходимо признать, что подобная тактика применения таких технических средств достаточно рискованна.

¹ См., например: Криминалистика : учебник / под ред. Н. П. Яблокова и И. В. Александрова. 5-е изд. М., 2017. С. 153–388 ; Моторный И. Д. Криминалистическая взрывотехника: новое учение в криминалистике : учебно-методическое и справочное пособие. М., 2000.

² Бадамшин С. К. Преступления террористической направленности, совершаемые с использованием электронных или информационно-телекоммуникационных сетей: уголовно-правовая и криминологическая характеристика : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2018.

Для устранения такой опасности нами было предложено новое техническое решение: заборник устройства для детектирования взрывчатых веществ устанавливается в отверстие в куполе, изготовленном с применением баллистических материалов¹. При обнаружении подозрительного предмета он накрывается таким куполом, через отверстие в котором вставляется заборник блока отбора проб воздуха. Отбираемые пробы воздуха попадают в блок анализа отобранных проб, в результате чего устанавливается факт наличия взрывчатых веществ в подозрительном предмете. Если по каким-либо причинам ВУ, закамуфлированное в подозрительном предмете, будет инициировано, энергия взрыва будет погашена.

Для противодействия применению или для локализации последствий применения РВУ правоохранительными органами зачастую используются блокираторы РВУ, которые перехватывая излучения радиочастот, которыми пользуются злоумышленники для управления ВУ, делают невозможным передачу команд управления на приемно-исполнительное устройство РВУ.

К сожалению, и сегодня в законодательстве нет легального определения понятия «блокиратор ВУ». Полагаем необходимым закрепить в соответствующих нормативных правовых актах определение блокираторов, используемых для противодействия РВУ, с целью подведения правовой основы для более эффективного применения таких ТКС.

Блокиратором РВУ должно признаваться техническое средство, содержащее в своем составе электромагнитный излучатель, созданный и используемый в целях противодействия управлению ВУ по радиоканалу.

Считаем, что использование правоохранительными органами в экстренных случаях блокираторов РВУ в местах массового пребывания людей должно осуществляться без дополнительных разрешений, как это предусмотрено сегодня².

Для исключения проблем с эксплуатацией других радиоэлектронных средств (РЭС) и различных злоупотреблений при использовании блокираторов РВУ, на наш взгляд, было бы целесообразно обязать эксплуатантов блокираторов РВУ использовать их только в определенных — законодательно прописанных случаях с обязательным последующим уведомлением о факте такого включения компетентных органов. При этом необходимо учитывать, что излучения блокираторов РВУ могут наносить ущерб здоровью людей, что негативно сказывается на готовности специалистов радиоэлектронной разведки на эффективное применение таких ТКС, как блокираторы РВУ.

На наш взгляд, решить данную проблему можно двумя способами:

1. Использование, так называемых «активных блокираторов» («Острие», «RS Jammine» и др.). Принцип их работы заключается в том, что они излучают мощность не постоянно во всем диапазоне (так называемая «заградительная помеха»), а только на тех частотах, на которых с помощью чувствительного элемента, входящего в состав данного изделия, выявлена работа «подозрительных устройств» (которые могут быть командно-передающими устройствами).

¹ Патент ПМ 201922 U1 (Задорожный А. А.).

² Постановление Правительства РФ от 25 марта 2015 г. № 272 «Об утверждении требований к антитеррористической защищенности мест массового пребывания людей и объектов (территорий), подлежащих обязательной охране войсками национальной гвардии Российской Федерации, и форм паспортов безопасности таких мест и объектов (территорий)» // СПС «КонсультантПлюс».

2. Использование дополнительных средств защиты от воздействия электромагнитного излучения для сотрудников, находящихся в непосредственной близости от работающего блокиратора РВУ, например специальные комбинезоны, куртки и т.д. Особенно это касается военнослужащих и сотрудников правоохранительных органов, которые непосредственно используют носимые блокираторы. Для преодоления этой проблемы разработано и запатентовано техническое средство «бронезилет с защитой от электромагнитного излучения»¹.

В качестве дополнительного элемента на него установлено устройство для блокирования радиосигналов. Кроме того, бронезилет изготовлен с применением как минимум одного слоя материала, экранирующего от электромагнитного излучения.

Трудности (проблемы) использования ТКС третьей группы связана также с помехами, которые создают блокираторы РВУ другим техническим средствам, прежде всего средствам связи сотрудников правоохранительных органов, например, во время проведения контртеррористических операций.

Очевидно, что отсутствие связи (либо существенное ее ухудшение) негативно сказывается на проведении оперативно-розыскных и следственных мероприятий. Особенно это важно при проведении таких мероприятий на территориях со сложной оперативной обстановкой.

В этих случаях, кроме изменения тактики проведения следственных действий и ОРМ, необходима доработка самих технических средств. Так, например, концерн «Созвездие» предложил интересный вариант, по которому работа блокиратора РВУ может быть синхронизирована с работой радиостанций правоохранительных органов, вследствие чего будет отсутствовать всякое негативное влияние на радиосредства.

Мы предлагаем в качестве альтернативы, особенно для использования в антитеррористических целях на объектах массового пребывания людей, технико-криминалистическое средство «Купол-1»². «Купол-1» представляет собой маломощный генератор шума в диапазоне частот от 20 МГц до 6000 МГц помещенный в корпус в виде «усеченного конуса», выполненного из нескольких слоев радионепрозрачной ткани, позволяющей за счет состава и структуры, ослаблять волны в зависимости от диапазона частот на несколько порядков, и противосколочной ткани, изготовленной из арамидных волокон (кевлар). Генератор служит для нивелирования или уменьшения ущерба при взрыве. Предполагается включать данное устройство дистанционно. На основании устройства имеются специальные приспособления для надежного прикрепления к поверхности.

Тактика применения данного устройства в случае обнаружения подозрительного предмета следующая: предмет накрывается ТКС «Купол-1», далее производится эвакуация людей, находящихся в непосредственной близости и только потом активируется блокиратор.

Учитывая особенности конструкции, излучаемый им сигнал не будет «выходить» из-под купола, поэтому, и никакие помехи средствам связи правоохранительных органов создаваться не будут.

Проблемы (трудности) использования таких ТКС связаны и с тем, что мощное электромагнитное излучение (особенно на частотах свыше 300 МГц) может вызывать появление индукционных токов в приемно-иницилирующем блоке ВУ и,

¹ Патент (ПМ 200 742 U1) (Задорожный А. А.).

² Заявка на изобретение 2019116359/03.

если сила тока превысит возможности используемых там микросхем, это может привести к нештатному срабатыванию, что вызовет последующую инициацию ВУ¹. Также нельзя исключать (хотя это крайне редкий случай), что преступник, изготовивший ВУ, не предусмотрел возможность идентификации передающего команды устройства и тогда любое излучение на заданной частоте может привести к внештатному срабатыванию ВУ. Негативные последствия в виде нештатного срабатывания РВУ, могут быть вызваны не только блокираторами РВУ, а любыми радиопередающими устройствами, например нелинейными локализаторами, которые используются при проведении оперативных и следственных действий при раскрытии террористических актов с применением РВУ.

Для исключения подобных инцидентов требуется переработать имеющиеся инструкции по использованию блокираторов РВУ и иных радиопередающих устройств, а также доработать, с учетом практики их использования, сами ТКС.

Так, проведенный среди сотрудников правоохранительных органов и ЧОПов, опрос показал, что значительная часть технических средств, используемых для предотвращения террористических угроз, имеет достаточно большую массу (локализаторы взрыва типа «Фонтан» и «Уют»). Использование утяжелителей в изделии «Уют» было обусловлено тем, что скорость взрывной волны больше скорости разлета осколков и, мешки (утяжелители) нужны для удержания ВУ под таким одеялом (в противном случае оно бы не способствовало удержанию осколков).

Таким образом, решение вопросов технико-криминалистического обеспечения раскрытия и предупреждения террористических актов, совершаемых с использованием РВУ, требует изучения особенностей механизма совершения террористических актов в современных условиях; познания закономерных связей между используемыми орудиями преступления, личностью преступника и материальной обстановкой преступления; анализа современной практики работы правоохранительных органов по выявлению, пресечению, раскрытию и расследованию преступлений террористического характера; осмысления теоретических и методологических проблем обучения научно-техническим методам и средствам криминалистической взрывотехники в рамках общего и специализированных курсов криминалистики.

Игнатъев Л. М.,

*юрист Адвокатского бюро
города Москвы «АЗИМУТ»*

ПРОТИВОДЕЙСТВИЕ РАССЛЕДОВАНИЮ МОШЕННИЧЕСТВА В СФЕРЕ СТРАХОВАНИЯ И СПОСОБЫ ЕГО ПРЕОДОЛЕНИЯ

Расследование преступлений в сфере страхования характеризуется высокой степенью оказываемого ему противодействия со стороны виновных и иных лиц, что особенно характерно при осуществлении предварительного расследо-

¹ Так, в описании к патенту на изобретении № 2 637 725 от 12.05 2016 г. сказано, что был проведен подобный эксперимент, где использовался источник электромагнитного импульса на частоте 848 МГц и мощностью до 100 Вт. В итоге на расстояниях менее 1 м тестовое ВУ внештатно срабатывало практически в 100 % случаев.

вания мошенничества в сфере страхования, а также преступлений, изначально возбуждаемых по другим статьям, но содержащих состав преступления, предусмотренный ст. 159.5 УК РФ.

В юридической литературе даны различные определения понятию «противодействие расследованию преступлений». Свои варианты дефиниций предлагали Т. В. Аверьянова, Э. У. Бабаева, Р. С. Белкин, А. Ф. Волынский, Ю. П. Гармаев, В. Н. Карагодин, И. А. Николайчук, И. В. Тишутина, В. В. Трухачев и многие другие.

Одним из наиболее точных, на наш взгляд, является определение, в соответствии с которым противодействие расследованию рассматривается, как «противоправные или иные по своему характеру действия (бездействие), комплекс действий или поведение лица (лиц), направленные или способствующие смягчению и (или) уклонению виновных от уголовной ответственности и наказания за совершенное общественно опасное деяние»¹.

Для мошенничества в сфере страхования характерны ситуации, когда виновные лица заранее готовятся к противостоянию со следствием, продумывая возможный ход будущего расследования. Связано это с тем, что преступления данной категории, как правило, совершаются путем инсценировки страхового случая с целью дальнейшего незаконного получения страховой выплаты. В качестве самого распространённого примера можно привести инсценировку ДТП, реже — угона транспортного средства, его уничтожения вследствие возгорания, инсценировку кражи предметов, застрахованных по договору страхования и т.д.

Р. С. Белкин рассматривает инсценировку преступления как один из способов сокрытия преступлений, представляющего собой действия по созданию обстановки, не соответствующей фактически произошедшему на этом месте событию, что может дополняться согласуемыми с этой обстановкой поведением и ложными сообщениями исполнителей инсценировки и связанных с ними лиц².

Инсценировка страхового случая является сложной формой осуществления противодействия расследованию мошенничества в сфере страхования.

Виновные лица, как правило, действуют в группе, часто — организованной, деятельность которой специально направлена на совершение такого рода преступлений с дальнейшим извлечением прибыли. Преступники четко распределяют роли и вырабатывают единый план взаимодействия с субъектом, осуществляющим предварительное расследование. Так, в соответствии со статистикой, приведенной Л. А. Сухомлиновой, 76 % мошенничеств в сфере ОСАГО совершается организованной преступной группой³.

Следует обратить внимание на то, что состав группы может быть разнообразным. Так, в него могут входить сотрудники страховых компаний, эксперты, дознаватели, следователи и т.д. Распределение ролей в группе, четкая организация деятельности соучастников призваны максимально усложнить установ-

¹ Москвин Е. О. Противодействие предварительному расследованию: понятие и классификация // Воронежские криминалистические чтения / под ред. О. Я. Баева. Воронеж : Изд-во Воронежского гос. ун-та, 2002. Вып. 3. С. 140.

² Белкин Р. С. Курс советской криминалистики : в 3 т. Т. 3: Криминалистические средства, приемы и рекомендации. М., 1979. С. 241.

³ Сухомлинова Л.А. Техничко-криминалистические и организационные основы выявления и расследования мошенничества в сфере обязательного страхования гражданской ответственности владельцев транспортных средств : дис. ... канд. юридических наук, 2008. С. 85.

ление подлинных фактических обстоятельств по делу, направив расследование в «нужном» преступникам направлении.

Например, в соответствии с приговором Лефортовского районного суда г. Москвы по уголовному делу № 01-0123/2016 преступная группа в составе пяти человек, в том числе двух дознавателей Управления по НиТАО ГУ МЧС России по г. Москве и заместителя начальника отдела страховых расследований Управления по противодействию страхового мошенничества ОАО «СОГАЗ», инсценировала пожар на складе застрахованных медицинских расходных материалов с целью получения страховой выплаты.

В настоящее время преступление, предусмотренное ст. 159.5 УК РФ, имеет высокий уровень латентности. Это свидетельствует об успешном противодействии виновных лиц ходу расследования уголовных дел. Неудивительно, что ущерб от мошенничества в сфере страхования достаточно велик. Только за 2019 год он превысил 6 млрд руб.¹

Таким образом, можно говорить о «привлекательности» сферы страхования для преступников ввиду возможности с минимальными рисками незаконно получать денежные средства в значительном размере в виде страховых выплат, а также об их готовности активно противодействовать расследованию совершенных ими преступлений.

Из-за высокого уровня латентности мошенничества в сфере страхования нельзя однозначно определить процентное соотношение мошенников профессиональных и «случайных». Представляется, что процент профессиональных преступников крайне велик.

Как отмечает О. В. Трубкина, профессиональные мошенники обладают коммуникативными способностями, знанием основ психологии, юриспруденции². Данный набор типичных характеристик личности вышеуказанных лиц осложняет успешное проведение расследования мошенничества в сфере страхования.

В соответствии с классификацией, приведенной Е. О. Москвиным, противодействие могут оказывать как непосредственные участники уголовного процесса и лица, связанные с расследуемым преступлением, но не являющиеся участниками процесса (знакомые, родственники), так и лица, непосредственно не связанные с расследуемым преступлением (работники СМИ, представители различных ветвей власти)³.

Однако особо активное умышленное противодействие оказывают именно лица, являющиеся участниками противоправной деятельности. Так как зачастую формой противодействия является инсценировка, то с самого начала расследования противодействие оказывают «потерпевший» (к примеру, заявивший об угоне транспортного средства, которого на самом деле не было) и свидетели, сообщающие заведомо ложные сведения. Поэтому в ходе расследования надо собирать информацию, характеризующую личность каждого участника процесса.

¹ URL: <https://rg.ru/2020/04/20/eksperty-predskazyvaiut-rost-strahovogo-moshennichestva.html> (дата обращения: 29.04.2021).

² Трубкина О. В. Особенности первоначального этапа расследования мошенничества в сфере страхования, совершенного в отношении материальных интересов страховых компаний : дис. ... канд. юридических наук, Иркутск, 2015. С. 68.

³ Москвин О. Е. Противодействие предварительному расследованию: понятие и классификация // Воронежские криминалистические чтения. Вып. 3 / под ред. О. Я. Баева. Воронеж : Изд-во Воронежского государственного университета, 2002. С. 145.

По длительности противодействие, оказываемое расследованию мошенничества в сфере страхования, можно охарактеризовать как постоянное, не ослабевающее на протяжении всего хода расследования. Это объясняется тем, что мошенники не стремятся «выиграть время», но хотят путем оказания постоянного давления на орган, осуществляющий расследование, завести следствие в тупик, фактически оставив подлинное преступление не раскрытым.

Наиболее характерными для мошенничества в сфере страхования являются следующие формы противодействия расследованию: инсценировка преступления, страхового случая; выдвижение ложного алиби; умышленная дача заведомо ложных показаний свидетелями; оказание воздействия на следователя/дознателя с целью принятия выгодного для преступников решения.

С учетом вышесказанного можно выделить причины высокого уровня противодействия расследованию мошенничества в сфере страхования: Использование преступниками такой сложной формы противодействия расследованию, как инсценировка.

1. Использование преступниками такой сложной формы противодействия расследованию, как инсценировка.

2. Совершение подавляющего числа преступлений организованной группой лиц, что обуславливает одновременно продуманные, слаженные и согласованные действия преступников по единому плану.

3. Высокая латентность, которая побуждает преступников совершать данные преступления, заранее продумывая план своих действий и возможный ход расследования.

4. Высокий процент профессиональных преступников.

В юридической литературе нет единого закрепленного понятия преодоления противодействия расследованию, однако все определения данного понятия сводятся, как правило, к тому, что преодоление противодействия — это деятельность по его распознаванию, пресечению и нейтрализации¹.

Признаки возможного противодействия расследованию по делам о преступлениях, предусмотренных ст. 159.5 УК РФ, необходимо выявлять уже на стадии возбуждения уголовного дела, а также на первоначальном этапе расследования. Важным фактором для преодоления противодействия расследованию является тщательное планирование отдельных следственных действий и расследования в целом с учетом возможного противодействия.

Для преодоления противодействия расследованию используются приемы криминалистической тактики. Например, при даче ложных показаний в ходе допроса для получения правдивых показаний могут оказаться эффективными приемы, основанные на логических рассуждениях, анализе аргументов, ввиду преобладания среди мошенников в сфере страхования лиц с высоким интеллектуальным и образовательным уровнем. Предъявление вещественных доказательств и заключений экспертов в этом случае, как правило, побуждает виновное лицо изменить тактику, отказавшись от лжи.

Наряду с методом логического убеждения применяются методы психологического и эмоционального воздействия. Чтобы их использовать, лицу, ведущему производство по делу, надлежит установить психологический контакт с допрашиваемыми лицами.

¹ Карагодин В. Н. Основы криминалистического учения о преодолении противодействия предварительному расследованию : дис. ... д-ра юрид. наук. Екатеринбург, 1992. С. 138–139.

Кроме того, полезной будет фиксация хода допроса с помощью аудио- и видеозаписи. Данный прием является профилактикой противодействия, так как в дальнейшем при судебном разбирательстве противодействующему субъекту будет сложно опровергнуть эти показания, ссылаясь на то, что они были даны им или тем лицом, которое его изобличает, под давлением со стороны следователя¹.

При проведении такого следственного действия, как осмотр места происшествия сто́ит уделять внимание наличию признаков инсценировки страхового случая, тщательно изучать обстановку, в которой было совершено преступление, выявлять информацию, характеризующую механизм образования следов.

В ходе производства обыска и выемки подлежат изъятию материалы страховых дел, материалы административных дел (при совершении ДТП), акты, заключения экспертно-оценочных организаций, касающиеся страхового случая, системные блоки, жесткие диски, любые источники, содержащие электронные базы документов, могущих играть существенную роль при проведении расследования.

Помимо прочего, для преодоления противодействия расследованию и выявления основной его формы — инсценировки, необходимо назначение соответствующих экспертиз, с точной постановкой вопросов перед экспертом.

При расследовании мошенничества в сфере страхования для обеспечения эффективности расследования и преодоления противодействия ему могут быть назначены почерковедческая, автотехническая, трасологическая, пожарно-техническая, фотоскопическая, судебно-медицинская экспертизы.

Проведение экспертизы может быть затруднено из-за того, что негативные обстоятельства, свидетельствующие об инсценировке, часто обнаруживаются спустя продолжительное время после возбуждения уголовного дела.

В настоящее время все крупные страховые компании имеют свою службу безопасности, одной из задач которой является выявление и пресечение преступлений в сфере страхования, в том числе предусмотренного ст. 159.5 УК РФ. Сотрудники страховых компаний могут проводить служебные проверки в отношении определенных страховых случаев.

В России функционирует Многоуровневая информационно-аналитическая система (МИАС) «СПЕКТР», в задачи которой входит регистрация и учет информации о ДТП, транспортных лицах, участвовавших в ДТП.

Предполагается, что субъект, осуществляющий расследование, должен взаимодействовать со службой безопасности страховой компании, использовать материалы проведенных ею служебных проверок в рамках последственной проверки по делам о страховом мошенничестве, а также материалы МИАС «СПЕКТР» (при расследовании преступлений, связанных с ДТП).

Таким образом, на основании изложенного можно сделать следующие выводы:

1. Противодействие расследованию мошенники в сфере страхования осуществляют квалифицированно, что обусловлено использованием преступниками такого способа, как инсценировка страхового случая либо преступления, совершением преступления группой лиц (организованной группой), латентностью, большим процентом профессиональных мошенников, совершающих данное преступление.

¹ Подробно см.: Основные положения следственной тактики : монография / В. Д. Зеленский, Д. А. Влезько, М. В. Головин, С. И. Грицаев ; отв. редактор В. Д. Зеленский. Краснодар : КубГАУ, 2011.

2. Субъект, осуществляющий расследование мошенничества в сфере страхования должен знать формы, способы, виды и характеристику личности тех, кто чаще всего противодействует расследованию. Это позволит наиболее эффективно применять меры по его преодолению.

3. Для преодоления противодействия следует тщательно планировать расследование в целом и следственные действия, в частности, использовать рекомендуемый криминалистикой набор тактических приемов.

4. При производстве расследования мошенничества в сфере страхования следует активно использовать возможности судебных экспертиз, так как их результаты могут свидетельствовать об инсценировке страхового случая либо преступления.

5. Субъект, осуществляющий расследование мошенничества в сфере страхования должен активно взаимодействовать со службой безопасности страховой компании, знакомиться с материалами ее служебных проверок.

Комаров И. М.,

заведующий кафедрой криминалистики

МГУ имени М.В.Ломоносова,

доктор юридических наук, профессор

КРИМИНАЛИСТИЧЕСКИ ЗНАЧИМЫЕ СВЕДЕНИЯ О ТЕХНОЛОГИИ «БЛОКЧЕЙН» И КРИПТОВАЛЮТ

В условиях широкого применения информационно-телекоммуникационных и криптографических технологий, стремительного развития электронной торговли и планового перехода на цифровую экономику, создаваемую в соответствии с распоряжением Правительства Российской Федерации от 28.07.2017 № 1632-р «Об утверждении программы «Цифровая экономика Российской Федерации»», преступные посягательства, связанные с использованием технологии «блокчейн» (от англ. «Blockchain» — «Блоковая цепь»), стали представлять угрозу национальной безопасности. Например, известно, что многие транзакции с использованием криптовалют производятся анонимно, без централизованного контроля со стороны государств и организаторов платежных систем. Это мотивирует преступников к использованию названного средства платежа для совершения преступлений, в том числе таких, как торговля наркотиками, оружием, финансирование терроризма, уклонение от уплаты налогов. Оплата незаконно поставляемых запрещенной в России террористической организацией ИГИЛ нефти и газа, а также вербовка новых членов этой террористической организации осуществлялись с помощью названных электронных платежно-расчетных инструментов¹.

Продолжая исследование выделенной проблематики, отметим, что 25 июля 2017 года по запросу американских правоохранительных органов в Греции был задержан российский программист Александр Винник. Прокуратурой города Сан-Франциско (штат Калифорния) ему заочно было предъявлено обвинение в отмывании 4 млрд долл. США, полученных преступным путем через биржу

¹ Вехов В. Б. Особенности расследования преступлений, связанных с оборотом виртуальных денег // Расследование преступлений: проблемы и пути их решения. 2016. № 3. С. 128.

криптовалют и фиатных денег BTC-e, а также в совершении кибермошенничеств, похищении персональных данных, взломе японской биржи Mt.Gox, спровоцировавший ее банкротство, и участие в торговле наркотиками. Примечателен также тот факт, что 10 августа 2017 года названному лицу в Российской Федерации было предъявлено обвинение в мошенничестве в крупном размере: он обманным путем с использованием сети Интернет под предлогом поставки оборудования похитил более 600 тыс. руб. у одной из организаций. А. Винник был объявлен в международный розыск. Останкинский суд Москвы 11 августа 2017 года заочно избрал ему меру пресечения в виде заключения под стражу. Генеральной прокуратурой Российской Федерации в Министерство юстиции, прозрачности и прав человека Греческой Республики было направлено три соответствующих запроса (18.08.2017, 25.12.2017 и 06.07.2018) о его выдаче для привлечения к уголовной ответственности¹, последнее из которых 30 июля 2018 года было удовлетворено². Следует признать, что особенности механизма совершения рассматриваемых преступных посягательств, специфичность следовых картин, отличающихся высокой динамикой развития и изменения, изучены явно недостаточно. В связи с этим считаем целесообразным подробнее остановиться на исследовании криминалистически значимых сведений о технологии «блокчейн».

Виртуальные деньги — это всего лишь один из немногих достаточно широко известных вариантов использования указанной технологии. В Федеральном законе № 419059-7 (от 22.05.2018 № 4030–7 ГД), они названы «цифровым финансовым активом» и определены как «имущество в электронной форме, созданное с использованием шифровальных (криптографических) средств». Право собственности на него удостоверяется путем внесения цифровых записей в реестр цифровых транзакций. К цифровым финансовым активам относятся криптовалюта и токен. Вместе с этим, Федеральный закон № 424632-7 «О внесении изменений в части первую, вторую и четвертую Гражданского кодекса Российской Федерации» (от 22.05.2018 № 40327 ГД) определяет их как «цифровые деньги — совокупность электронных данных (цифровой код или обозначение), созданная в информационной системе, отвечающей установленным законом признакам децентрализованной информационной системы, и используемая пользователями этой системы для осуществления платежей». Из этого следует, что как предмет и средство преступного посягательства криптовалюта, токены или цифровые деньги — это разновидность компьютерной информации, т.е. сведения (сообщения, данные), представленные в форме электрических сигналов, независимо от средств их хранения, обработки и передачи (прим. 1 к ст. 272 УК РФ). Иными словами, это электронные записи — электронные условные числовые единицы, которые используются участниками соответствующих платежных систем для взаимных расчетов. Данное обстоятельство необходимо учитывать при квалификации преступных деяний рассматриваемой категории.

В отличие от электронных денежных средств, оборот которых регулируется Федеральным законом «О национальной платежной системе» (от 27.06.2011 № 161-ФЗ), они не обеспечены ликвидными активами и какими-либо гарантиями государственного либо частного капитала, в том числе владельцев — организато-

¹ Бычков В. В., Вехов В. Б. Специальные знания, обеспечивающие расследование преступлений, связанных с оборотом криптовалюты // Российский следователь, 2018. № 2. С. 8.

² URL: <https://russian.rt.com/world/news/540928-sud-greciya-ekstradiciya-vinnik> (дата обращения: 12.04.2021).

ров криптовалютных платежных систем, которые не несут перед пользователями никаких обязательств, кроме обеспечения функционирования соответствующих информационных систем, основанных на использовании криптографической технологии распределенных реестров. В соответствии с п. 3 ст. 2 Федерального закона от 27.07.2006 № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» (далее — Закон об информации) криптовалютная платежная система — это информационная система, т.е. совокупность содержащейся в базах данных информации и обеспечивающих ее обработку информационных технологий и технических средств. Распределенный реестр есть не что иное, как распределенная база данных, т.е. представленная в объективной форме совокупность самостоятельных материалов (статей, расчетов, нормативных актов, судебных решений и иных подобных материалов), систематизированных таким образом, чтобы эти материалы могли быть найдены и обработаны с помощью ЭВМ (абз. 2 п. 2 ст. 1260 ГК РФ). Управление рассматриваемой платежной системой осуществляется ее оператором с помощью специализированного сайта в сети Интернет — совокупности программ для ЭВМ и иной информации, содержащейся в информационной системе, доступ к которой обеспечивается посредством информационно-телекоммуникационной сети Интернет по доменным именам и (или) по сетевым адресам, позволяющим идентифицировать сайты в сети Интернет (п. 13 ст. 2 Закона об информации). Фактически это систематизированная база цифровых транзакций, которые хранятся, одновременно создаются и обновляются на всех электронных носителях у всех участников информационной системы на основе заданных алгоритмов криптографического преобразования данных.

Заметим, что активное обсуждение в мире данной технологии связано с ее очевидными экономическими и политическими преимуществами. Технология «Block Chain» в настоящее время проходит практическую проверку в так называемой «технологической песочнице» — в качестве платежного инструмента в финансовой сфере. Проводятся также эксперименты по возможности ее внедрения в избирательные процессы, обслуживания земельных кадастров, медицинских, правовых, логистических и других профильных баз данных, где всегда нужна прозрачность, защищенность и безопасность. Использование технологии «Блокчейн» исключает необходимость привлечения «третьей стороны» при совершении экономических операций, так как система прозрачна для всех. Это свойство делает ее защищенной и безопасной для действий сторон в условиях риска мошеннических действий и необходимости сохранения информации. Попытаемся объяснить простые понятия. Технология «Block Chain» сходна с технологией «Bit Torrent». На основе последней в сети происходит большая часть обмена контентом.

Такая ее популярность обусловлена наличием ряда достоинств. Во-первых, отсутствует центральный сервер, то есть вся база данных распределена среди участников-пользователей, а это обстоятельство указывает на невозможность несанкционированного проникновения в систему посторонних лиц; во-вторых, у каждого пользователя имеется полная копия базы (содержащая всю цепочку транзакций) в зашифрованном виде; копии синхронизируются с целью достижения консенсуса (это алгоритм решения по конфликтующим версиям блокчейна); в-третьих, любой пользователь в состоянии отследить любую транзакцию (система полностью прозрачна); в-четвертых, информация в базе, построенной по технологии блокчейн добавляется в виде новых блоков и это добавление согласуется с другими пользователями сети (на примере «биткойна», новая единица этой

криптовалюта добывается путем ресурсоемких расчетов, перебора чисел и расчета для них хеша с целью вписаться в заранее заданный шаблон). Добытую новую единицу «биткойна» (по существу — новый блок информации) проверяют другие участники системы, на основе пересчета хеш суммы и только после этого данный новый блок вписывается во все базы всех пользователей системы. Повторимся, система устроена так, что все незаконные попытки внесения изменений в базу, которая основана на технологии блокчейн («похитить» блоки, то есть приписать их себе или добавить новые блоки) всегда пресекаются пользователями посредством сравнения с копиями хранимых у них баз. Взломать систему также практически невозможно по двум причинам: ее децентрализации и многократного копирования хранимой пользователями информации. Это можно сравнить с организацией ДНК в клетках человека. Их много, и они несут в себе всю полноту информации, а при возникновении сбоя легко справляются с ними в отдельных копиях.

Можно привести и другой ассоциативный ряд иллюстрирующий, что такое технология «Block Chain». Представим себе облачное хранилище, доступное всем в полном объеме, где находится большое количество папок с файлами. Там любой пользователь может видеть, что в данный момент «залито», где находятся определенные файлы, и кто с ними работал («заливал», «качал»). Однако обладая этой информацией любой пользователь может скачивать только то, на что он имеет право, также и «заливать» файлы в систему он может только после того как выполнит условия, оговоренные указанной системой.

Теперь пример работы рассматриваемой технологии рассмотрим в аспекте цифровых денег. В данных платежных системах нет персональных «кошельков» — «личных кабинетов», т.е. отсутствуют данные, доступные только владельцу «кошелька» — участнику системы. Имеется один «кошелек», однако вся информация о нем открыта для всех участников системы, что означает — статистика всех межличностных расчетов прозрачна. Вмешаться в расчеты двух участников системы (изменить порядок и характер расчетов, совершить хищение и т.п.) третий ее участник не может ни при каких обстоятельствах, по причине того, что так система логически устроена. Участник системы между тем всегда может получить только ему одному предназначенный расчет, он «привязан» к определенным адресам, между которыми и осуществляется транзакция. Получение расчета подтверждается (подписывается) ключом совместимым с адресом (по существу это логин и пароль), а данные о проведении расчета пересылаются по всем копиям базы. Транзакция считается завершенной по окончании сверки записи об отправке и получении расчета.

Что из себя представляет криптовалюта? По идее разработчиков — это «золото» виртуального мира. Количество этого «золота» ограничено расчетами возможного предельно допустимого числа его наличия в каждой конкретной системе. Предлагаются три пути добычи цифровых денег: 1) приобретение в виртуальном пункте обмена валюты; 2) на виртуальной бирже; 3) путем непосредственной «добычи» — «майнинга», т.е. деятельности, направленной на создание криптовалюты и/или валидацию с целью получения вознаграждения в виде криптовалюты. Эти операции доступны любому пользователю информационно-телекоммуникационной сети Интернет, при условии наличия у них соответствующего программно-технического оборудования.

Вместе с тем использование технологии исследуемого вида сталкиваются с рядом проблем. Так, для поддержания высокого уровня безопасности система постоянно нуждается в сложных вычислениях, что возможно только на основе вы-

сокой ресурсной базы. Для биткойнов разработчики эту проблему решили просто. Пользователям, которые связаны с «добычей» «биткойнов» назначают комиссию с тем, чтобы они предоставили свой ресурс, то есть подтвердили возможность майнинга (способ заработка биткойна). Кроме того, для безопасности системы важно, чтобы ресурсная база была распределена, а не находилась под управлением группы, которая может использовать ресурсы для различных манипуляций.

Как было изложено ранее, криптовалюта не обеспечена никакими экономическими факторами (золото, уровень ВВП и т.д.), поэтому ее курс может легко обваливаться до полного нуля. Этот и другие экономические недостатки вызывают к ней недоверие правительств многих государств. Так, о необходимости запрета подобного рода платежных средств указано и в рекомендациях, подготовленных по итогам экстренной встречи министров юстиции стран ЕС, прошедшей в ноябре 2015 года в Брюсселе (встреча прошла после терактов во Франции)¹. Однако в отдельных государствах имеются экономические учреждения, интернет-магазины или сервисы, которые принимают «биткойны» в качестве оплаты за товары и услуги. В современном мире виртуальную валюту можно обменять на рубли, доллары, электронные деньги с помощью онлайн-серверов, таких как, например, 60сек, VaksMap, Ychanger, 24PayBank, ProstoCash, WMGlobus, Xchange. Известны также криптобиржи EXMO, BitFlip, BitMEX, LocalBitcoins и др. Продолжая исследование выделенной проблематики, отметим, что в настоящее время в обороте находится около 600 различных криптовалют². Вместе с этим, чаще всего платежные операции совершаются в «биткойнах» (54,3 %), «эфириумах» (20,3 %), а также в «риппле» (4,5 %)³. В мировом рейтинге по числу пользователей этими расчетными средствами Россия занимает пятое место. Тройку лидеров формируют США, Китай и Германия⁴.

В качестве выводов можно отразить преимущества и недостатки криптовалюты в отношении реально существующих валют.

Привлекательным является независимость системы, ее абсолютная защищенность от различных внешних воздействий. При этом прозрачность отношений с криптовалютой доступна каждому пользователю, но влиять на эти отношения он никак не может. Видимо, поэтому в 2016 году Международная организация по стандартизации (ISO) создала специальный комитет для разработки стандарта технологии Блокчейн. В него вошли и четыре представителя от Российской Федерации — члены комитета по разработке стандартов в области криптографической защиты информации Федерального агентства по техническому регулированию и метрологии. Их задача состоит в том, чтобы в международный стандарт названной технологии вошли российские криптографические алгоритмы защиты информации. В настоящее время во всех технологиях Блокчейна используются зарубежные средства электронной подписи, что сдерживает их широкое распространение в России⁵. Наличный объем «биткойнов» всегда ограничен, тиражировать (напечатать) по чьему-то желанию эту валюту невозможно. Ее «добыча» сложна с позиции технического подхода. Известны расчеты, которые свидетельствуют, что

¹ URL: <http://rg.ru/2016/01/15/bastrykin.html> (дата обращения: 12.04.2021).

² URL: <https://news.mail.ru/economics> (дата обращения: 12.04.2021).

³ URL: <https://www.vedomosti.ru/technology/articles/2017/08/18/730045-fsbblokcheina> (дата обращения: 12.04.2021).

⁴ URL: <http://rg.ru/2016/02/29> (дата обращения: 12.04.2021).

⁵ URL: <https://www.vedomosti.ru/technology/articles/2017/08/18/> (дата обращения: 12.04.2021).

жизнеспособность криптовалюты обеспечена определенным алгоритмом и «добыть» возможно не более 21 млн «биткойнов». После этого «добыча» не возможна. Сейчас нельзя прогнозировать последствия этого факта, но можно с уверенностью сказать, что при всех благоприятных обстоятельствах криптовалюта останется в обращении с периодическим изменением курса.

Между тем недостаточная популярность криптовалюты может быть еще и существенным плюсом для нее, ибо изначально распределительная модель блокчейна несет в себе и некоторые ограничения, в том числе и по числу проводимых транзакций и объему хранимой базы данных. По этой причине в августе 2017 года от основной ветки криптовалюты был отделен «биткойн хеш», так как увеличение числа участников привело к замедлению прохождения платежей в системе.

Тема технологии «Block Chain» и криптовалют, на наш взгляд, находится еще в начале пути, ей нет еще и десяти лет, между тем криминалистика должна располагать основами соответствующих знаний для того, чтобы быть готовой в нужный момент «вмешаться» в определенные процессы, где могут усматриваться нарушения действующего законодательства и потребуются установить следы нарушений для принятия решения о возможном криминальном характере события.

Подобные проблемы уже возникают в связи с не персонифицированным характером майнинга получения криптовалюты. Этот достаточно широкий круг субъектов как физических, так и юридических лиц фактически получают средства для совершения различных финансовых операций и при определенных обстоятельствах могут быть вовлечены в противоправную деятельность различной направленности (легализация доходов, полученных преступным путем, финансирование терроризма и экстремистской деятельности и т.п.). Криптовалюты могут быть использованы в качестве расчетного средства за результаты противоправной деятельности.

Можно и далее приводить абстрактные примеры тактических криминалистических возможностей доказывания использования преступниками криптовалюты в качестве средства платежа за различные криминальные услуги. Однако это мало повлияет на уже вероятно формирующуюся криминальную ситуацию, где указанные валюты планируются как средства соответствующего платежа. Полагаем, что криминалистам необходимо обратиться к этим вопросам уже «вчера» и на основе данных криминалистической тактики с участием соответствующих профильных специалистов разрабатывать и совершенствовать необходимые рекомендации следственной деятельности.

*Комиссарова Я. В.,
доцент кафедры криминалистики
Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА),
кандидат юридических наук, доцент*

ДИАГНОСТИКА ИНФОРМАЦИОННОГО СОСТОЯНИЯ СУБЪЕКТА В СИСТЕМЕ КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОГО РАСПОЗНАВАНИЯ

В уголовном судопроизводстве доказывание охватывает деятельность по собиранию, проверке и оценке доказательств. В свою очередь, собирание доказательств является самостоятельным многоэтапным процессом поиска, по-

лучения и фиксации сведений, на основе которых суд, прокурор, следователь, дознаватель устанавливают наличие или отсутствие обстоятельств, имеющих значение для уголовного дела.

Показания участников судопроизводства — самый распространенный источник доказательств. Однако исследования, проводимые учеными-психологами в разных странах мира на протяжении последних 50 лет, свидетельствуют о ненадежности человеческой памяти. Специалисты выявили множество причин, по которым следует с осторожностью относиться к тому, что говорят люди. Возраст (Brewer, Weber and Semmler, 2005), эффект нацеленного оружия (Loftus, 1979), вербальное затемнение (Schooler and Engstler-Schooler, 1990), непреднамеренный перенос (Ross, Ceci, Dunning and Toglia, 1994), слепота перемены (Levin et al., 2002) — далеко не полный перечень факторов, в не меньшей степени, чем наводящие вопросы, способных негативно повлиять на достоверность показаний участников процесса.

Лжет человек умышленно или добросовестно заблуждается, с точки зрения уголовно-процессуального права значения не имеет. Показания участника процесса, противоречащие установленным фактам, являются недостоверными и признаются недопустимым доказательством, независимо от причин, по которым он сообщил информацию, не соответствующую действительности. Поэтому во всех странах мира следствие и суд сталкиваются с необходимостью проверки показаний. Руководствуясь ст. 87 УПК РФ, дознаватель, следователь, прокурор, суд стремятся получить новые доказательства, подтверждающие или опровергающие проверяемое доказательство, чтобы таким образом оценить достоверность сведений, сообщаемых людьми. Чаще всего с этой целью проводятся повторные допросы и очные ставки.

Известный ученый-криминалист О. Я. Баев классифицировал состояния, в одном из которых может находиться лицо, вызванное на допрос:

- 1) обладает нужной следствию и суду информацией, желает и может достаточно объективно и полно изложить ее;
- 2) обладает нужной информацией, желает ее сообщить, но в силу разных причин неумышленно искажает в общении со следователем, дознавателем, прокурором, судом;
- 3) обладает информацией, может передать ее, но не желает этого делать;
- 4) информацией не обладает, однако следствие и суд ошибочно полагают обратное, рассчитывая получить развернутые показания¹.

Таким образом, О. Я. Баев ввел в криминалистическую тактику понятие «диагностика информационного состояния допрашиваемого»².

Сегодня наибольшую трудность представляет взаимодействие с человеком, который находится в состоянии, описанном под пунктом номер два вышеприведенной классификации. Причем речь идет не просто о добросовестном заблуждении (его можно преодолеть), а об апеллировании человека к ложным воспоминаниям, которые объективно ничем не отличаются от реальных и от которых человек не может отказаться, будучи уверенным в своей правоте.

Это значит, что априори доверять показаниям даже добросовестных участников судопроизводства нельзя. Судья, присяжные заседатели, прокурор, следователь, дознаватель только лишь на основе внутреннего убеждения, руководствуясь законом и совестью, не способны отличить ложные воспоминания

¹ Баев О. Я. Тактика следственных действий : учебное пособие. Воронеж : Изд-во ВГУ, 1992. С. 93.

² Там же. С. 102–103.

участников процесса от тех, что связаны с событиями, имевшими место в действительности. С этой целью необходимо использовать специальные знания из психологии и смежных областей.

В настоящее время имеется ряд научно обоснованных технологий диагностики информационного состояния субъекта. В практику государственных судебно-экспертных учреждений официально внедрена судебная психофизиологическая экспертиза с применением полиграфа (далее — СПФЭ), которая сегодня проводится экспертными подразделениями: Федеральной службы безопасности — с 2002 г., Министерства обороны — с 2004 г., Министерства внутренних дел — с 2006 г., Следственного комитета — с 2020 г. (с 2009 г. ПФЭИ проводили полиграфологи подразделений криминалистики)¹.

Обращаясь к истории, надо сказать, что путь становления СПФЭ не был «услан розами». В отечественной юридической литературе долгие годы преобладали негативные, преимущественно, голословные суждения о принципиальной невозможности использования полиграфа в советском уголовном процессе. Но были и те, кто пытался привлечь внимание юридической общественности к научной стороне проблемы.

В 1967 году А. Р. Ратинов справедливо писал, что оценка инструментальных методов исследования скрываемой человеком информации как реакционных и ненаучных подчас носит поверхностный характер: «Машина не может быть реакционной, прибор не бывает ненаучным. Он или работает, или не работает»².

Проанализировав дискуссионные мнения криминалистов и процессуалистов по «проблеме полиграфа», в 1989 году Е. П. Ищенко пришел к выводу о целесообразности использования «приборов типа полиграф» для диагностики причастности субъекта к совершенному преступлению³.

В 1993 году во ВНИИ МВД был подготовлен первый в истории современной России сборник научных статей, посвященных нетрадиционным методам раскрытия преступлений. Встал вопрос о возможности придания проверкам на полиграфе «статуса» технико-криминалистического средства. В альманахе «Записки криминалистов» была опубликована статья, в которой авторы, рассматривая различные аспекты «внедрения полиграфа в деятельность правоохранительных органов», характеризовали «испытания на полиграфе» как «криминалистический метод»⁴.

В 1995 году В. И. Комиссаров попытался развить идею применения полиграфа в ходе допроса⁵.

В 1997 году В. А. Образцов в подготовленном под его редакцией учебнике по криминалистике в разделе «Криминалистическая техника» посвятил отдельный

¹ В 2003–2004 годах СПФЭ проводились в Саратовской лаборатории судебной экспертизы Министерства юстиции Российской Федерации. С 2010 года — в Экспертно-криминалистическом управлении ФСКН России вплоть до упразднения службы в 2016 году.

² Ратинов А. Р. Судебная психология для следователей. М. : Юрлитинформ, 2001. С. 257.

³ Ищенко Е. П. Алгоритмизация первоначального этапа расследования преступлений : дис. ... д-ра юрид. наук. Свердловск, 1989. С. 335.

⁴ Митричев В.С., Холодный Ю. И. Полиграф как средство получения ориентирующей криминалистической информации // Записки криминалистов. Вып. 1. М. : Юрикон, 1993. С. 173–180.

⁵ Комиссаров В. И. Использование полиграфа в борьбе с преступностью // Законность. 1995. № 11. С. 43–47.

параграф «криминалистической полиграфологии», фактически легализовав использование нового термина в юридической литературе¹.

Расширение практики использования полиграфа при производстве по уголовным связано с организацией в середине 90-х годов прошлого столетия в Институте криминалистики Управления научно-технического обеспечения ФСБ России подготовки специалистов по опросам с использованием полиграфа (полиграфологов) для федеральных органов исполнительной власти, их подразделений, а также органов и учреждений прокуратуры Российской Федерации и стран — участниц СНГ. Обучение завершалось выдачей свидетельства на право производства экспертиз по специальности «Специальные психофизиологические исследования с применением полиграфа (опрос с использованием полиграфа)».

В 2000–2001 годах сотрудники Института криминалистики участвовали в проведении комплексных психолого-психофизиолого-психиатрических и психолого-психофизиологических экспертиз. С 2002 года они положили начало производству СПФЭ в качестве самостоятельного вида экспертизы.

В сентябре 2000 года (впервые в практике российского судопроизводства) к материалам уголовного дела № 26/13/0015-00Д старший следователь военной прокуратуры Саратовского гарнизона приобщил в качестве документов — источников доказательств два заключения полиграфолога Саратовской ЛСЭ, составленные по результатам опросов с использованием полиграфа рядового П. и гражданина А., обвиняемых в совершении 8 сентября 1999 г. преступлений, предусмотренных пунктами «б», «в» и «д» ч. 2 ст. 131 и пунктами «в», «ж» и «к» ч. 2 ст. 105 Уголовного кодекса Российской Федерации (изнасилование и убийство несовершеннолетней Ш.). В сентябре 2000 года военный суд Приволжского военного округа вынес по делу обвинительный приговор, назначив П. наказание в виде 17 лет лишения свободы, А. в виде 9 лет лишения свободы.

В октябре 2002 года под эгидой Учебно-методического объединения образовательных учреждений профессионального образования в области судебной экспертизы, базирующегося в Саратовском юридическом институте МВД России, была организована работа по изучению возможностей новых экспертиз, связанных с внедрением методов психофизиологии не только в оперативно-розыскную, но также в следственную и судебную деятельность. Итогом стала разработка государственных требований к минимуму содержания и уровню требований к специалистам для получения дополнительной квалификации «Судебный эксперт по проведению психофизиологического исследования с использованием полиграфа», а также дополнительной профессиональной образовательной программы профессиональной переподготовки специалистов для получения указанной квалификации (объемом 1078 часов). Государственные требования были утверждены заместителем Министра образования Российской Федерации 5 марта 2004 г. и введены в действие приказом Министерства образования Российской Федерации от 8 апреля 2004 года № 1547.

Впоследствии Экспертно-криминалистический центр МВД России инициировал подготовку программы переподготовки специалистов для выполнения нового вида профессиональной деятельности — проведения психофизиологического исследования с использованием полиграфа (далее — ПФИ). Разра-

¹ Криминалистика / под ред. д-ра юрид. наук, проф. В. А. Образцова. М. : Юристъ, 1997. С. 319–329.

ботанная коллективом авторов программа в 2005 году прошла согласование с заказчиком и была рекомендована к реализации. Она послужила основой при формировании программ переподготовки полиграфологов в Московской государственной юридической академии (2006), Саратовском юридическом институте МВД России (2007) и других вузах страны (например, в Московском университете МВД России), сопровождаемых выдачей дипломов государственного (установленного) образца.

Высокая эффективность применения полиграфа не только при осуществлении оперативно-розыскных мероприятий, но и для получения доказательств — заключений специалиста и эксперта впервые официально была отмечена прокуратурой города Москвы, а затем Генеральной прокуратурой России в информационных письмах (от 16 ноября 2005 г. № 28-05/06-05 и от 14 февраля 2006 г. № 28-15-05), которые содержали обзор практики применения полиграфа при расследовании преступлений, рекомендации по проведению ПФИ и СПФЭ, а также положительные примеры использования полученных результатов в доказывании по уголовным делам.

В настоящее время в России при производстве исследований и экспертиза с применением полиграфа по уголовным делам в целях получения заключения специалиста или заключения эксперта используются два типа методик.

Методики проведения тестирования на полиграфе определяют порядок применения специальных знаний из области полиграфологии лицом, назначенным для производства исследования и дачи заключения. Эти методики, наработанные мировой практикой, общеизвестны, апробированы в России. Их освоение происходит в период прохождения субъектом подготовки (переподготовки) в качестве полиграфолога.

Методики производства СПФЭ и ПФИ представляют собой систему предписаний (категорических или альтернативных), регламентирующих выбор и порядок применения в определенной последовательности, в определенных (существующих или создаваемых) условиях способов и средств решения полиграфологом поставленных перед ним задач.

В настоящее время действуют¹:

1. *Видовая экспертная методика производства психофизиологического исследования с использованием полиграфа* (2005), в 2006–2009 гг. прошедшая в установленном в органах внутренних дел порядке апробацию в ЭКЦ МВД Республики Татарстан.

2. *Единые требования к порядку проведения психофизиологических исследований с использованием полиграфа* (2008), разработанные по заявке Бюро специальных технических мероприятий МВД России сотрудниками Академии управления МВД России с привлечением ведущих полиграфологов органов внутренних дел, Минобороны, ФСБ, СВР, ФСКН, ФСИН Минюста России.

3. *Методика производства судебных психофизиологических экспертиз с применением полиграфа* (2009), разработанная в Институте криминалистики Центра специальной техники ФСБ России для внутриведомственного применения.

¹ Комиссарова Я. В., Котова О. А., Семёнов В. В., Токарев М. Н. О методическом обеспечении производства психофизиологических экспертиз и исследований с применением полиграфа // Теория и практика судебной экспертизы в современных условиях : материалы VIII Международной научно-практической конференции. М. : РФ-Пресс, 2021. С. 132–136.

4. *Межведомственная методика производства судебных психофизиологических экспертиз с применением полиграфа* (2018), утвержденная руководителями Института криминалистики ЦСТ ФСБ России, ЭКЦ МВД России, 111 Главного государственного центра судебно-медицинских и криминалистических экспертиз Минобороны России, Главного управления криминалистики Следственного комитета Российской Федерации.

5. *Методические рекомендации по порядку назначения и производства психофизиологических экспертиз и исследований с применением полиграфа в системе МВД России* (2018), подготовленные в ЭКЦ МВД России при участии полиграфологов из экспертных подразделений МВД по Республике Татарстан, ГУ МВД России по г. Москве, ФСБ России, а также Следственного комитета Российской Федерации, Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА).

6. *Методические рекомендации по порядку назначения и проведения психофизиологических экспертиз и исследований с применением полиграфа в ФГКУ «Судебно-экспертный центр Следственного комитета Российской Федерации»* (2020), подготовленные в целях экспертно-криминалистического обеспечения раскрытия и расследования преступлений Следственным комитетом Российской Федерации.

7. В целях оказания помощи в организации служебной деятельности должностных лиц органов и воинских частей военной полиции, на которых в установленном порядке возложены обязанности по проведению психофизиологических исследований с применением полиграфа, а также в подготовке соответствующих специалистов приказом начальника Главного управления военной полиции Минобороны России от 30 апреля 2021 г. № 64 были утверждены *Методические рекомендации по порядку проведения психофизиологических исследований с применением полиграфа в органах и воинских частях военной полиции Вооруженных Сил Российской Федерации*.

Корма В. Д.,

*профессор кафедры криминалистики
Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА),
доктор юридических наук, профессор*

ВИДЫ МОДЕЛЕЙ ТЕХНОЛОГИИ КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОГО РАСПОЗНАВАНИЯ

1. Познать преступление как событие прошлого — значит мысленно реконструировать это событие, построить его мысленную модель (мысленный образ). Решение этой задачи базируется на результатах комплекса каждый раз повторяющихся операций: анализа и оценки имеющихся в распоряжении субъекта познания исходных фактических данных, собирания, анализа, проверки, накопления, оценки, использования недостающей информации о познаваемом объекте.

2. Типовая модель криминалистического распознавания указывает на то, что во всех случаях распознавательной деятельности субъектов уголовного преследования, с точки зрения ее технологии, предполагает следующие

операции: 1) изучение имеющихся на тот или иной момент познания преступления фактических данных в целях определения проблемы (проблем), для разрешения которой требуется применение той или иной, адекватной сложившейся ситуации технологии распознавания; 2) определение объекта (объектов) распознавания, круга подлежащих проверке версий о природе и характеристике признаков подлежащего установлению неизвестного объекта или о неизвестных признаках (группе признаков) установленного объекта, цели (главной задачи), начальных, промежуточных и конечных задач, последовательности их решения на пути к достижению цели соответствующей распознавательной деятельности; 3) определение характера, круга, последовательности процессуальных и непроцессуальных действий, направленных на достижение поставленной цели; 4) создание организационных, кадровых, информационных, технических, тактических и иных предпосылок, способствующих быстрому, качественному и результативному решению намеченных задач; 5) анализ и оценка полученных результатов и принятие решения о завершении или продолжении процесса распознавания.

3. Типовая модель криминалистического распознавания может быть дифференцирована и конкретизирована в зависимости, во-первых, от сферы практической деятельности, в рамках которой она реализуется (т.е. применительно к оперативно-розыскной, следственной и иному виду деятельности); во-вторых, вида распознавательного процесса (идентификационного, диагностического и т.д.); в-третьих, особенностей распознаваемого объекта. Теоретическую базу систематизации, типизации, классификации, типологии технологий криминалистического распознавания создает существующая модель системы криминалистики, структура ее разделов и подразделов.

С позиции такого подхода, выделяются общая модель (продукт общей теории распознавания) и менее общие (частные) модели криминалистического распознавания отраслевого и внутриотраслевого уровней. Систему частных моделей образуют:

- технико-криминалистические модели технологий распознавания объектов, изучаемых в криминалистической технике (баллистической, почерковедческой, трасологической и иной природы), однако при этом модели технологий распознавания предварительных криминалистических исследований материальных следов, имеющих непроцессуальный характер, несколько отличаются от соответствующих моделей распознавания экспертных (процессуальных) исследований, в частности, по особенностям технологии их осуществления (модель предварительного исследования содержит более упрощенную (облегченную) конструкцию, направленную на оперативное (быстрое) получение криминалистически значимой информации, степень достоверности которой ниже, чем в заключении эксперта);
- тактико-криминалистические модели технологии распознавания объектов, являющихся предметом отдельных следственных действий (например, когнитивная модель тактики и технологии допроса);
- методико-криминалистические модели технологии распознавания отдельных категорий (групп, видов) преступлений, а также модели технологии решения отдельных тактических задач, решаемых в ходе расследования различных видов преступлений (модели технологии распознавания кри-

минальной инсценировки, ложного алиби и т.д.), а также иные виды научных моделей, разработанных в методике расследования преступлений.

4. Важным элементом теоретических и методологических основ научной и практической разработки технологий распознавательной деятельности в досудебном уголовном производстве является криминалистическое учение о признаке.

С криминалистической позиции, в качестве признаков, указывающих на возможность совершения преступления, могут выступать самые различные явления, факты, процессы, действия и даже виды деятельности, предметы, вещества, их состояние, параметры, связи и отношения некриминальной природы, но тем не менее свидетельствующие о том, что готовится преступление, имело место определенное преступление или какое-либо из серии возможных для данной ситуации преступление. Выступая в качестве обстоятельства, указывающего на возможное совершение одного или нескольких преступлений, они также могут нести информацию об отдельных элементах преступления (о личности преступника, его половой, возрастной принадлежности, наличии или отсутствии у него преступного опыта и т.д.).

Успех в деле реализации указанных положений в криминалистическом учении о признаке возможен лишь на базе дифференцированного подхода. Этот подход предполагает необходимость проработки теоретических и прикладных аспектов проблемы признаков отдельно, во-первых, по делам об общеуголовных преступлениях, во-вторых, по делам о преступлениях, связанных с экономической и иной профессиональной деятельностью. Обеспечение сравнительного анализа полученных данных позволяет выявить то, что относится к специфике признаков различных категорий преступлений.

5. Система криминалистически значимых признаков различных распознаваемых объектов в общих и частных методиках расследования преступлений наиболее ярко выражена в понятии «криминалистическая характеристика преступления», которое охватывает объекты и признаки, не только относящиеся к числу элементов структуры преступного поведения (деятельности), но и отражает данные, которые, строго говоря, не относятся к числу обстоятельств преступления, при условии, что они так или иначе связаны с преступлением, в какой-либо степени характеризуют его или лицо, совершившее это деяние, и способствуют расследованию.

В то же время криминалистическая характеристика, как научно обоснованная типовая информационная модель, разрабатываемая в криминалистике на уровнях общей характеристики преступлений и характеристик отдельных родов, видов и разновидностей преступлений, является необходимым звеном системы средств криминалистического распознавания, важнейшим элементом распознающих объектов, с которым сравниваются исследуемые по делу события, явления, процессы, следы и их признаки. Полученная при этом уголовно-релевантная информация (знание), важна не только сама по себе. Являясь продуктом познавательной деятельности, в том числе распознавательной деятельности, следователь использует ее в процессе дальнейшего познания, развития, обогачения, уточнения, дополнения имеющегося информационного массива. Делается это по принципу от знания об установленном объекте — к знанию о другом еще неизвестном либо недостаточно изученном объекте, находившемся в закономерной связи с первым. Отсюда

такие давно известные модели следственного познания, как, например, раскрытие преступления от информации о способе его совершения; возможность выявить другие, неизвестные в тот или иной момент расследования эпизоды преступной деятельности, отталкиваясь от данных об эпизодах, установленных при раскрытии преступления, по поводу которого возбуждено уголовное дело. В этом своем качестве распознанные объекты приобретают статус средства познания, в том числе распознавания других объектов (прежде всего сказанное имеет отношение к явлениям, относящимся к категории следов преступлений и других уголовно-релевантных событий, их последствий, слеодообразующих и следовоспринимающих объектов). С этой точки зрения, распознавание может быть определено как процесс, начинающийся от распознавания следов как признаков устанавливаемого объекта и ведущий к распознаванию признаков как свойств, связей и отношений данного объекта, отражаемых в памяти познающего субъекта и в материалах дела (вторичное отображение объекта).

6. Следователь, в одних случаях, в одиночку или во взаимодействии с коллегами и партнерами из иных правоохранительных органов, значительную часть распознавательных задач решает самостоятельно, не прибегая к помощи судебных экспертов. Наряду с этим, в других случаях часть распознавательных задач реализуется следствием во взаимодействии с последними. Но для того, чтобы это взаимодействие было результативным, следователь должен, во-первых, отыскать, осмотреть, зафиксировать, процессуально оформить, осмыслить и подготовить необходимый для эксперта материал; во-вторых, осуществлять информационный контакт с экспертом по ходу его исследования (в том числе в целях предоставления эксперту необходимых для сравнения образцов, документов и других объектов); в-третьих, получить, изучить, оценить, проверить результаты экспертизы и использовать их в процессе дальнейшего расследования.

*Костюченко О. Г.,
старший следователь-криминалист
технично-криминалистического отдела
управления криминалистики
Главного следственного управления
Следственного комитета РФ по г. Москве,
майор юстиции*

ПОНЯТИЕ ОСМОТРА МЕСТА ПРОИСШЕСТВИЯ

Почти каждое преступление находит своё отражение в материальной обстановке на месте происшествия, в связи с чем указанное место подлежит тщательному изучению и исследованию. Залог успеха по установлению истины по конкретному делу, в век цифровой революции способствует применение новейших технико-криминалистических средств, методов и тактик их применения, лицами, ведущими уголовное производство. Однако, рассматривая такое многогранное следственное действие, как следственный осмотр, необходимо проследить его становление как важнейшего элемента

в расследовании преступлений, через его определение в различные этапы развития.

В профессиональной литературе «осмотр места происшествия» (далее-ОМП) определяется как неотложное следственное действие, направленное на установление, фиксацию и исследование обстановки места происшествия, следов преступления и преступника, и иных фактических данных, позволяющих в совокупности с другими доказательствами сделать вывод о механизме происшествия и других обстоятельствах расследуемого события¹. Что касается термина «место происшествия», то единого представления о его содержании не существует. Так, В. П. Колмаков полагает, что под термином «место происшествия» следует понимать не только место обнаружения трупа или предполагаемого орудия преступления, но и само место совершения преступления². Л. М. Бабкин, С. В. Булатецкий, Е. А. Суло местом происшествия называют участок местности или помещение, в пределах которого обнаружены следы совершенного преступления. При этом подразумевается, что преступление могло быть совершено как в месте его обнаружения, так и в другом месте. В отличие от места происшествия, местом преступления данные авторы считают район совершения преступления или наступления преступного результата, следы которого могли быть обнаружены и вне этого района³.

Первоначально в следственной практике понятие «осмотр места происшествия» (ОМП) отсутствовало; первые учебники криминалистики ограничивались определением цели данного следственного действия⁴. Во второй половине XX века А. И. Винберг (1908–1989) предложил научное определение ОМП, под которым он понимал следственное действие, направленное к изучению механизма происшествия, фиксации обстановки преступления для обнаружения, сохранения и последующего изучения следов преступления, а также различных объектов, предметов, документов и прочего, имеющего по делу значение доказательств в целях установления обстоятельств происшедшего события⁵.

Как справедливо отмечают современные исследователи, в этом определении отсутствует указание на важнейший элемент осмотра — непосредственное восприятие следователем или дознавателем обстановки места происшествия, тогда как именно непосредственное восприятие является важным условием производства рассматриваемого следственного действия⁶. Н. А. Власова подчеркивает, что ОМП представляет собой «следственное

¹ Криминалистика : учебник для студентов образовательной организации по направлению подготовки «Юриспруденция» / Т. В. Аверьянова [и др.]. 3-е изд., перераб. и доп. М. : Норма, 2007. С. 532.

² Колмаков В. П. Следственный осмотр. М. : Юридическая литература, 1969. С. 28.

³ Бабкин Л. М., Булатецкий Е. А., Суло Е. А. Осмотр места происшествия: цели, задачи, тактика // Центральный научный вестник. 2017. Т. 2. № 2 (19). С. 35.

⁴ Криминалистика... С. 36.

⁵ Винберг А. И. Осмотр места происшествия. Обыск и выемка: лекции по криминалистике для слушателей ВЮА. М. : РИО ВЮА, 1950. С. 3.

⁶ Овсепян Г. М., Кузьменко Д. В. Осмотр места происшествия при расследовании мошенничеств, совершенных в отношении социально незащищенных категорий граждан: тактическая модернизация // Пробелы в российском законодательстве. 2018. № 1. С. 101.

действие, состоящее в непосредственном зрительном восприятии лицом, производящим расследование, различных материальных объектов в целях обнаружения следов преступления и установления иных обстоятельств, имеющих значение для дела»¹.

Современная криминалистическая наука расширила обозначенный А. И. Винбергом круг задач, решаемых в ходе ОМП. Так, В. П. Ципковский задачами осмотра места происшествия называет: «1. «Изучение обстановки места происшествия; 2. Обнаружение, собирание и изъятие вещественных доказательств; 3. Выявление обстоятельств и фактов, помогающих установлению личности преступника»².

Фундаментальное определение ОМП сформулировал А. Н. Васильев (1902–1985): «Под осмотром места происшествия следует понимать следственное действие, состоящее в непосредственном восприятии, исследовании и фиксации следователем обстановки места происшествия, а также в обнаружении, фиксации и изъятии следов и вещественных доказательств»³.

До настоящего времени дискуссионной является проблема, связанная с определением места происшествия. Ряд авторов склоняется к мнению о том, что место происшествия — это не только территория или помещение, где произошло противоправное действие/бездействие, но и место, где обнаружены связанные с ним вредные последствия совершенного преступления.

Так, Е. М. Лившиц и Р. С. Белкин местом происшествия считают участок местности, на котором были обнаружены следы преступления, подлежащие расследованию⁴. Согласно точке зрения Т. С. Седовой и А. А. Эксархопуло, «местом происшествия может быть не только то место, где совершено преступление, но и то, где обнаружены различные следы, указывающие на его связь с преступлением. Обычно это место подготовки к преступлению, место сокрытия объектов преступного посягательства, орудий совершения преступления и других вещественных доказательств»⁵.

М. А. Чернышев объединяет понятия «место преступления» и «место происшествия» как идентичные и трактует термин «место происшествия» как «участок местности или границы помещения, в пределах которого совершено преступление или обнаружены его следы. Объектом осмотра является не только само место, где было совершено деяние, но и помещение, в котором укрыто имущество, похищенное с места происшествия, труп, орудия совершения преступления»⁶.

Д. П. Рассейкин считает, что местом происшествия следует признавать только место совершения преступления либо события, некриминальный характер которого на момент осмотра, неизвестен⁷.

¹ Власова Н. А. Досудебное производство в уголовном процессе : учебное пособие. М. : ЮРМИС, 2000. С. 92–93.

² Ципковский В. П. Осмотр места происшествия и трупа на месте его обнаружения. Киев: Госмедиздат УССР, 1960. С. 4.

³ Васильев А. Н. Осмотр места происшествия. М. : Госюриздат, 1960. С. 5.

⁴ Лившиц Е. М., Белкин Р. С. Тактика следственных действий. М. : Новый юрист, 1997. С. 52.

⁵ Криминалистика : учебник / под ред. Т. А. Седовой, А. А. Эксархопуло. СПб. : Лань, 2001. С. 267.

⁶ Чернышев М. А. Осмотр места происшествия как базовая тактическая операция : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2008. С. 12.

⁷ Рассейкин Д. П. Осмотр места происшествия и трупа при расследовании убийств. Саратов : Приволж. кн. изд-во, 1967. С. 58.

Автор считает необходимым различать понятия «место происшествия» и «место преступления». Преступление может быть совершено на одной территории (например, убийство совершено в квартире), а его следы выявлены на другой (труп вывезен в лес и захоронен). Отметим, что место происшествия может быть одновременно и местом преступления.

В ряде определений ОМП имеется указание на неотложный характер ОМП. В частности, И. Х. Максutow указывал на своевременность проведения данного следственного действия: «Осмотр места происшествия является один из первых весьма важных и ответственных следственно-оперативных действий. Независимо от характера и обстоятельств происшествия осмотр трупа и места происшествия обязателен. Как показывает практика, успешное расследование уголовных дел в значительной мере зависит от своевременного, квалифицированного и полного осмотра места происшествия»¹.

Таким образом, ОМП по большинству категорий расследуемых уголовных дел является первоначальным следственным действием, которое в наибольшей степени приближено по временным и пространственным характеристикам к факту совершённого преступления.

Ю. Г. Торбин обозначает необходимость использования научно-технических средств при ОМП, определяя его как «неотложное следственное действие, обеспечивающее непосредственное восприятие его участниками материальной обстановки расследуемого события с использованием научно-технических средств и приёмов в целях обнаружения следов, выяснения других обстоятельств, имеющих значение для уголовного дела»². Недостатком определения, на наш взгляд, является ограничение осмотра исследованием «материальной обстановки расследуемого события».

Оригинальное определение предлагает Д. В. Королева. Под ОМП она понимает неотложное следственное действие, направленное на установление, фиксацию и исследование обстановки места происшествия в полном объёме, в режиме реального времени, следов преступления и преступника и иных фактических данных, позволяющих в совокупности с другими доказательствами сделать вывод о механизме происшествия и других обстоятельствах расследуемого события, с участием на месте как реальных участников, так и аутсенсуальных (т.е. виртуальных), участие которых обеспечено новыми технологиями³.

На основании обобщения и анализа представленных в профессиональной криминалистической литературе определений, считаем возможным предложить следующее определение ОМП. Осмотр места происшествия — неотложное следственное действие, направленное на непосредственное выявление, в том числе с использованием технических средств, значимой для следствия информации — материальной или виртуальной, содержащейся на материальных носителях, которая позволяет произвести криминалистическую

¹ Максutow И. Х. Осмотр места происшествия: (пособие для студентов заочного отделения). Л. : Изд-во Ленингр. ун-та, 1965. С. 9.

² Торбин Ю. Г. Следы и особые приметы на живых лицах: обнаружение и использование. М., 2004 (Орел: ООО Полигр. фирма Картуш). С. 199.

³ Королева Д. В. Интерактивный осмотр места происшествия с аутсенсуальными участниками следственного действия как новейшая криминалистическая технология современного периода / Д. В. Королева // Законность и правопорядок в современном обществе. 2014. № 21. С. 55.

реконструкцию с целью создания максимально приближенной к реальности модели происшествия и выдвинуть версии о личности преступника и произошедших событиях.

Кручинина Н. В.,

*профессор кафедры криминалистики
Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА),
доктор юридических наук, профессор*

КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ КОНКУРЕНТОСПОСОБНОСТИ РОССИИ В ОБЛАСТИ ГЕНЕТИЧЕСКИХ ТЕХНОЛОГИЙ

**(Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ
в рамках проекта № 18-29-14084)**

Конкурентоспособность России в сфере высоких технологий, включая генетические технологии, необходимая составляющая для успешного дальнейшего развития нашей страны.

В целях комплексного решения задач ускоренного развития генетических технологий, в том числе технологий генетического редактирования, обеспечения разработки биологических препаратов, диагностических систем и иммунобиологических средств для сферы здравоохранения, биотехнологий для сельского хозяйства и промышленности принят Указ Президента Российской Федерации от 28 ноября 2018 г. № 680 «О развитии генетических технологий в Российской Федерации».

Во исполнение этого Указа утверждена Федеральная научно-техническая программа развития генетических технологий на 2019–2027 годы.

Но среди ученых, государственных и общественных, особенно религиозных, деятелей идут ожесточенные споры по вопросам о целесообразности и условиях использования достижений генетических технологий.

Так, например, после введения государственной регистрации генетически модифицированных организмов (ГМО) заметно возросла активность некоторых общественных деятелей и организаций, пытающихся воспрепятствовать внедрению инновационных генетических технологий в российское сельское хозяйство. В связи с этим большое число российских ученых подписали открытое письмо в поддержку развития генных технологий в Российской Федерации. В этом письме отмечается, что запрет ГМО в России нанесёт не только ущерб здоровой конкуренции на рынке сельскохозяйственной продукции, но и приведёт к значительному отставанию в сфере технологий производства пищевых продуктов, усилению зависимости от импорта продуктов питания и подорвет экономические позиции нашего государства.

Обострение социально-экономических проблем, необходимость надлежащего правового регулирования и обеспечения безопасности социальной и экономической сфер, обусловило проведения VIII Московского юридического

форума «Социально-экономическое развитие и качество правовой среды», проведенного в апреле 2021 г. Университетом имени О.Е. Кутафина (МГЮА) при участии Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, ИНИОН РАН и при поддержке Ассоциации юристов России.

В рамках этого форума состоялась конференция «Криминалистическое обеспечение социально-экономического развития общества», где обсуждались многие вопросы, в частности связанные с криминалистическим обеспечением безопасности генетических технологий, поскольку наряду с проблемами финансирования, научно-технического обеспечения, оценки потенциала коммерциализации существуют риски неконтролируемого распространения и криминального использования этих технологий.

Существование и появление в ближайшем будущем научных и технологических разработок в области генетических технологий, которые при попадании в руки преступников могут причинить огромный ущерб людям и обществу, требуют выработки определенных мер реагирования.

В связи с этим, по мнению некоторых специалистов, необходимо организовать на постоянной основе на национальном и международном уровнях (желательно в рамках ООН) работу по научному прогнозированию возможного использования достижений науки и техники в преступных целях, с тем, чтобы иметь возможность заранее принимать необходимые превентивные меры, в том числе связанные с криминализацией (по возможности, упреждающей) соответствующих деяний¹.

Ученые и практики различных специальностей, в том числе и юристы должны внести свой вклад в обеспечении безопасности процесса развития генетических технологий, которые широко используются в создании средств для здравоохранения, биотехнологий для сельского хозяйства и промышленности.

Особую озабоченность в обществе вызывает использование достижений генетических технологий в процессе искусственной репродукции человека, в том числе технологий генетического редактирования эмбриона человека. Современные генетические технологии открывают огромные возможности в сфере искусственной репродукции человека. В то же время — это направление сопряжено с рисками не только медицинского, но и этического и правового характера.

Среди ученых есть предложения по введению глобального моратория на редактирование эмбриона человека. Поскольку ученые отмечают, что существует риск того, что попытки исправить генетический код не родившегося ребенка может принести больше вреда, чем пользы.

Во многих странах мира существует уголовно-правовой запрет на генетические исследования на живых человеческих эмбрионах, проводимых, в том числе и с целью изменения генома.

¹ Зимин В. В. Научно-технические достижения и преступления будущего: вопросы криминологического прогнозирования и упреждающей криминализации // Технологии XXI века в юриспруденции : материалы Всероссийской научно-практической конференции (Екатеринбург, 24 мая 2019 г.) / под ред. Д. В. Бахтеева. Екатеринбург : Уральский государственный юридический университет, 2019. С. 64.

Проблема, связанная с определением границ и условий использования генетических технологий в отношении эмбриона человека, приводит нас к необходимости изучения вопроса о человеческом эмбрионе с правовых позиций, определения его статуса, о допустимости определенных технологий и процедур в отношении человеческого эмбриона. Существуют и другие проблемы, связанные с правомерностью использования человеческих эмбрионов для научно-исследовательских и терапевтических целей. В основе указанных проблем лежит отсутствие четкого правового статуса человеческого эмбриона.

Поскольку в Российской Федерации отсутствует специальный закон, регулирующий применение ВРТ (вспомогательных репродуктивных технологий) и использование эмбрионов человека, общество нуждается в определении правового статуса эмбриона и выявлении особенностей этого статуса в их системной связи с различными отраслями российского права, а также с учетом современного развития европейского и международного права¹.

Согласно ст. 55 Федерального закона от 21.11.2011 № 323-ФЗ (ред. от 03.08.2018) «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации», граждане имеют право на криоконсервацию и хранение своих половых клеток, тканей репродуктивных органов и эмбрионов за счет личных средств и иных средств, предусмотренных законодательством Российской Федерации.

Следует отметить, что с проблемами использования эмбрионов тесно связаны вопросы использования стволовых клеток, которые обладают способностью преобразоваться в функционально активные клетки различных человеческих органов. Сейчас стволовые клетки используются в медицине и фармацевтической промышленности для лечения различных заболеваний, поэтому надо крайне взвешенно принимать законодательные решения относительно статуса и использования эмбрионов.

Анализ уголовных и гражданских дел, научных разработок в этой области приводит к констатации наличия злоупотреблений, включая и преступления, в сфере искусственной репродукции человека. Наиболее распространёнными преступлениями, совершаемыми в этой сфере, являются торговля людьми, мошенничество, вымогательство, фальсификация доказательств. Особенную озабоченность вызывают преступления против здоровья, поскольку приходится констатировать, что медицинские услуги зачастую оказываются некачественно. Встречаются ситуации, когда при выполнении процедур, связанных с использованием ВРТ, медицинскими работниками причиняется вред здоровью.

Все вышеперечисленное подтверждает, что криминальные риски тормозят развитие генетических технологий, что неминуемо сказывается на понижении конкурентоспособности России в области генетических технологий. В защите процесса развития генетических технологий может и должна сыграть свою роль криминалистика. Вклад этой науки в основном заключается в выработке мер по предупреждению преступлений в этой сфере, в создании методик расследования преступлений, совершаемых в этой области, выработке эффективных технических, тактических и методических рекомендаций по проверке значимой с криминалистических позиций информации.

¹ Гландин С. В. О статусе эмбриона человека в свете права на уважение личной и семейной жизни в европейском и российском праве // Закон. 2014. № 4. С. 136.

Куркова Н. А.,
доцент кафедры уголовного процесса,
криминалистики и правовой информатики
юридического института БФУ
имени И. Канта,
кандидат юридических наук

Макарова О. А.,
доцент кафедры уголовного процесса,
криминалистики и правовой информатики
юридического института БФУ
имени И. Канта,
кандидат юридических наук

КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ СПЕЦИАЛЬНЫХ ЗНАНИЙ В ГРАЖДАНСКОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ

С учетом развития новых направлений судебных экспертиз сфера использования специальных знаний в гражданском процессе постоянно расширяется. Но сложившиеся стереотипы на порядок использования специальных знаний, на наш взгляд, ведут к тому, что сведущие лица нередко продолжают рассматриваться как факультативные участники процесса, что приводит к неэффективному применению специальных знаний в процессе доказывания. Процесс использования судом специальных знаний в ходе отправления правосудия по гражданским делам во многом зависит от правильной организации судьей взаимодействия участников процесса с экспертами и специалистами. В связи с этим необходимо дальнейшее совершенствование процессуальных и тактических вопросов применения специальных знаний в процессе установления обстоятельств гражданских дел, исследования и оценки доказательств. Здесь существенное значение имеет криминалистическое обеспечение использования специальных знаний в гражданском судопроизводстве.

А. Ф. Волынский определяет криминалистическое обеспечение как комплексную по своему содержанию деятельность, направленную на формирование условий постоянной готовности правоохранительных органов к эффективному использованию криминалистических методов, средств и рекомендаций, а также на реализацию такой готовности в повседневной практике раскрытия и расследования преступлений¹. Таким образом, выделяется два уровня криминалистического обеспечения: созидательный, то есть создание (формирование) указанных условий, и деятельностный — их практическая реализация². З. И. Кирсанов рассматривает криминалистическое обеспечение противодействия преступности, во-первых, как решение прикладных задач криминалистики, состоящих в разработке и предоставлении судебно-следственным, оперативно-розыскным и другим правоохранительным органам

¹ Криминалистика : учебник для вузов / под ред. А. Ф. Волынского, В. П. Лаврова. М. : Юнити-Дана, 2017. С. 68.

² Волынский А. Ф. Криминалистическое обеспечение раскрытия и расследования преступлений как форма реализации социальных функций криминалистики // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2015. № 3 (6). С. 64–69.

криминалистических средств и методик получения, оценки и использования информации, необходимой для выявления, предотвращения и раскрытия преступлений, и, во-вторых, как выполнение дидактической функции, заключающейся в разработке проблем обучения практических работников криминалистическим методикам, вооружении их криминалистическими знаниями¹. Е. С. Романова определяет данный термин как систему «формирования криминалистических знаний и представления их должностным лицам, принимающим участие в расследовании преступлений, в целях эффективного установления истины по уголовным делам»².

Следует отметить, что наиболее часто данный термин рассматривают применительно к уголовному судопроизводству, поскольку связывают с совершенствованием методов и приемов для выявления, раскрытия, расследования и предотвращения преступлений. Несмотря на то что криминалистическое обеспечение в настоящее время относится к уголовному судопроизводству, судьи гражданской специализации могут использовать достижения криминалистики с целью обнаружения, фиксации, изъятия, исследования материальных носителей информации — следов. Полученные результаты можно использовать в доказывании. После принятия дела к производству, на протяжении всего судебного разбирательства судья решает ряд вопросов, разрешаются ходатайства об истребовании дополнительных доказательств, о назначении судебной экспертизы по делу, о приобщении к материалам дела документов, имеющих значение для рассмотрения данного гражданского дела, о вызове лиц для допроса в судебном заседании, будь то свидетели или лица, обладающие специальными знаниями — специалисты, эксперты, переводчики и т.п. Правильное разрешение данных вопросов имеет существенное значение для рассмотрения дела.

Например, в случае заявления ходатайства о приобщении к материалам дела каких-либо документов сторона, заявившая данное ходатайство и представляющая в материалы дела копии документов должна представить суду оригинал данных документов, чтобы судья мог выявить соответствует ли данное доказательство требованиям, предъявляемым к ним. Судьям необходимо обладать минимальными знаниями в области криминалистического документоведения, чтобы выявить подлинность документа или его возможную подделку, а дальше принять решение о назначении судебной экспертизы для выявления возможного искажения текста.

Если представляется договор займа между двумя организациями (между организацией и физическим лицом), стóбит обратить внимание на местоположение печатей, поскольку нередко, когда организации сотрудничают, с целью сокращения времени для взаимодействия, они предварительно проставляют печати на пустых листах, в результате чего, если сотрудничество прекратилось, и одна из сторон не достаточно добропорядочная, составляются подобного рода договоры, текст подбирается таким образом, чтобы печать была проставлена в нужном месте, но это крайне сложно, и если знать о таких приемах заранее, можно выявить данное несоответствие. Также стóбит обращать внимание при

¹ Кирсанов З. И. Система общей теории криминалистики: научно-методическое пособие. М. : Изд-во Акад. МВД России, 1992. С. 10.

² Романова Е. С. К вопросу о понятии криминалистического обеспечения расследования преступлений // Российский юридический журнал. 2015. № 6. С. 88–94.

осмотре представленных сторонами облигаций и сертификатов на номера, серии и оттиски печатей (штампов), т.к. они наиболее часто подвергаются изменениям (подчистка, вырезание части бумаги с последующим восполнением данного участка)¹. Осмотр таких документов, как расписка, не всегда, но в редких случаях позволяет судье определить подделку подписи или же всего текста путем сопоставления данного документа с представленными в судебное заседание стороной, опровергающей факт написания данной расписки, документами, что впоследствии, в случае назначения судебной экспертизы позволяет правильно сформулировать вопросы на разрешение эксперта.

Наибольший объем информации в ходе рассмотрения дела судья получает не только из представленных сторонами доказательств, но и исходя из пояснений, которые стороны дают в ходе судебных заседаний, соответственно, качество полученной информации значительно зависит от правильности поставленных вопросов, от того, в каком порядке они будут задаваться, с учетом эмоционального состояния допрашиваемого лица, таким образом, можно сделать вывод, что судье необходимо владеть и тактикой проведения судебного допроса.

В ходе допроса судье следует учитывать особенности личности допрашиваемого, его эмоциональное состояние, создавать условия, в результате которых лицо свободно будет излагать свою позицию, четко определять последовательность задаваемых вопросов, однозначность их формулировок, полную фиксацию хода допроса и дальнейшую оценку проведенного мероприятия с точки зрения тактики допроса². В ходе допроса следует применять криминалистический прием — установление психологического контакта с допрашиваемым лицом.

Отстаивая свою точку зрения, стороны не всегда ведут себя добросовестно, прибегая ко лжи, а свидетели нередко игнорируют предупреждение об уголовной ответственности за дачу ложных показаний. В таком случае судье логично применить тактические приемы постановки детализирующих, уточняющих и избобличающих вопросов. Наряду с допросом производится осмотр вещественных доказательств с целью получения информации, необходимой для установления обстоятельств, имеющих значение для дела. Судом могут быть использованы рекомендации, разработанные в криминалистике по осмотру, например рекомендации относительно последовательности его проведения, протоколирования хода и результатов осмотра, участия специалиста в случае, если это необходимо.

Одной из наиболее часто рассматриваемых категорий в гражданском судопроизводстве являются споры о правах на жилые и нежилые помещения, земельные участки. Нередко возникают случаи, когда судьям недостаточно письменных доказательств по делу, поскольку, исходя из них, затруднительно сформировать исчерпывающее представление относительно спорного объекта и его характеристик, требуется проведение осмотра, по этой причине судья выезжает на объект. Успешность проведения данного процессуального действия зависит от того, достаточно ли знаний у судьи о тактике осмотра помещений и участков местности. Первоначально целесообразно

¹ Виноградова А. Н., Кузбагарова Е. В. Осмотр документов при расследовании преступлений на рынке ценных бумаг // Журнал правовых и экономических исследований. 2014. № 1. С. 46–53.

² Жижина М. В. Основы криминалистической тактики судебного допроса в гражданском (арбитражном) процессе : научно-практическое пособие / под ред. Е. П. Ищенко. М. : Юстицинформ, 2012. С. 96.

ознакомиться с технической и проектной документацией на объекты исследования, это поможет провести сравнительный анализ того, что закреплено документально, и что фактически представляет объект. Также необходимо ознакомиться с рекомендациями по правильному составлению протокола осмотра, схем и планов.

Довольно часто по гражданским делам требуется использование специальных знаний в форме судебной экспертизы. Стороны, реализуя свои права, заявляют соответствующие ходатайства о назначении экспертизы — это не всегда инициатива суда, но окончательное решение о выборе экспертного учреждения, а также вопросы, которые ставятся на разрешение перед экспертом, принадлежит суду. Признав необходимым производство экспертизы по делу, суд выносит мотивированное определение с указанием обстоятельств дела, фактов для подтверждения или опровержения которых назначается экспертиза, вопросов, которые ставятся на разрешение, указывает экспертное учреждение, материалы и документы, представляемые в распоряжение эксперта для проведения исследования, указывает за чей счет производится экспертиза, а также эксперт предупреждается судом или руководителем судебно-экспертного учреждения об ответственности, предусмотренной УК РФ. Чтобы экспертное исследование было проведено успешно, необходимо поставить на разрешение корректные вопросы, правильно их сформулировать, формулировки должны исключать двойственность толкования, быть конкретными и ясными. В случае затруднения формулирования вопросов судья может обратиться к специальной литературе по судебной экспертизе, в которой указаны перечни вопросов для различных родов и видов судебных экспертиз.

Известен случай, когда судом была назначена судебная экспертиза с целью определения рыночной стоимости объектов, которые изымались для муниципальных нужд. Определение о назначении экспертизы было вынесено, материалы дела направлены в экспертное учреждение, ознакомившись с материалами дела, эксперт направил в адрес суда письмо с указанием, что для производства экспертизы необходимы технические паспорта объектов, которые в материалах дела отсутствовали. Суд был вынужден отозвать дело, назначить судебное заседание и рассматривать данный вопрос, истребовав у стороны необходимые документы, и повторно направить дело на экспертизу. Данный пример свидетельствует о необходимости тщательной подготовки и проверки материалов, передаваемых в распоряжение эксперта.

Применение судом специальных знаний обусловлено необходимостью правильного производства процессуальных действий, необходимостью оценки данных действий, а также результатов произведенных экспертиз. Умелое их использование не приведет к затягиванию судебного процесса, а также сократит финансовые затраты лиц, участвующих в судебном процессе.

По мнению Е. Р. Россинской судья, следователь, лицо, производящее дознание, как правило, обладают знаниями только в определенных отраслях права и не могут в необходимой степени ориентироваться во всех тонкостях современного обширного законодательства, которое к тому же постоянно изменяется¹.

¹ Россинская Е. Р. Специальные познания и современные проблемы их использования в судопроизводстве // Журнал российского права. 2001. № 5. С. 35.

Поэтому в судебной практике имеются случаи, когда предпочтение отдается судейскому усмотрению, судья игнорирует выводы, указанные в экспертном заключении. Очевидно, что правильное применение специальных знаний существенно влияет на результат рассмотрения гражданского дела. Игнорирование выводов, указанных в заключении эксперта, приводит не только к неверному решению, но и к затягиванию судебного процесса.

Представляется, что под криминалистическим обеспечением в гражданском процессе следует понимать совокупность разработанных криминалистикой средств, приемов, рекомендаций, технологий тактического, технического, методического, управленческо-организационного характера, позволяющих эффективно, качественно, оптимально и рационально осуществлять собирание и исследование криминалистически значимой информации и ее использование для разрешения конкретных гражданских дел.

Махмаев М. Ш.,
*профессор кафедры криминалистики
юридического факультета МГУ
имени М. В. Ломоносова,
доктор юридических наук, профессор*

ЭКСПЕРТНАЯ ИНИЦИАТИВА В СФЕРЕ УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА

Назначая экспертизу, следователь, дознаватель и суд вправе поставить перед экспертом вопросы об установлении различных обстоятельств, на которые он должен дать ответ. В этом плане представляет интерес право эксперта, реализуемое им в форме, так называемой, экспертной инициативы, которая предполагает деятельность, не предусмотренную экспертным заданием, опирающуюся на профессиональный опыт, а также специальные знания в науке, технике и искусстве, ремесле и иных сферах, направленную на установление новых обстоятельств уголовного дела. Эксперт вправе давать заключение в пределах своей компетенции, в том числе по вопросам, хотя и не содержащимся в постановлении о назначении судебной экспертизы, но имеющим отношение к предмету экспертного исследования.

Так, если при производстве экспертизы по уголовному делу, эксперт установил обстоятельства, которые имеют значение для уголовного дела, по поводу которых ему не были поставлены вопросы, то он, руководствуясь законом (ч. 2 ст. 204 УПК РФ), может указать на них в своем заключении или отдельном уведомлении. Вопросы приводятся в формулировке, которая дана в постановлении о назначении экспертизы. При наличии нескольких вопросов эксперт может сгруппировать их в последовательности, обеспечивающей наиболее целесообразный порядок проведения исследований. Вопрос, поставленный по инициативе эксперта, приводится после вопросов, содержащихся в постановлении¹.

¹ См.: пункты 2.3 и 2.9 Методических рекомендаций по производству судебных экспертиз в государственных судебно-экспертных учреждениях системы Министерства юстиции Российской Федерации (утв. приказом Минюста РФ от 20.12.2002 № 346).

Между тем в юридической литературе вопрос о придании инициативе эксперта статуса обязанности, а не права, обсуждается уже в течение многих лет¹. Так, отечественные криминалисты (Р. С. Белкин, А. Р. Шляхов, И. Я. Фридман, Л. Е. Ароцкер, Ю. К. Орлов, Ю. Г. Корухов, И. А. Алиев, Т. В. Аверьянова, Е. Р. Россинская и др.) на протяжении ряда лет высказывали различные предложения, направленные на правовое регулирование предупредительной деятельности экспертов и судебно-экспертных учреждений. Наиболее дискутируемым вопросом законодательного регулирования экспертной деятельности являлся вопрос об экспертной инициативе.

Право на инициативные действия занимает важное место в перечне прав эксперта при производстве экспертизы. Но, как всякое право, оно останется чисто декларативным, если закон не предусмотрит мер реализации этого права, если ему не будут соответствовать чьи-то обязанности по реализации инициативных предложений эксперта. Между тем существующее положение вещей не влечет за собой подобных обязанностей для органа, назначившего экспертизу: он волен учитывать или не учитывать обстоятельства, инициативно установленные экспертом при производстве назначенной им экспертизы. Кроме того, закон не предусматривает обеспечения условий для проявления экспертной инициативы, удовлетворения, связанных с ней ходатайств эксперта, пределов экспертной инициативы.

Нам представляется, что имеющиеся в литературе суждения, косвенно направленные на превращение права на экспертную инициативу в обязанность эксперта, не совсем конструктивны. Вариант, при котором предложения, направленные на регулирование рассматриваемой деятельности путем дополнения статьи УПК о правах и обязанностях эксперта, не может считаться приемлемым, хотя бы потому, что в УПК РФ изложены далеко не все права эксперта.

На наш взгляд, в вопросе об экспертной инициативе правильную позицию занимает Г. М. Надгорный, который утверждает, что «проявление экспертной инициативы должно оставаться правом эксперта хотя бы потому, что знание предмета доказывания не может быть его обязанностью»².

«Наиболее часто экспертная инициатива проявляется в профилактических предложениях эксперта, и здесь возникает проблема более общего характера — законодательной регламентации профилактической деятельности судебного эксперта» — пишет Р. С. Белкин³.

Экспертная инициатива является начальным этапом деятельности эксперта по предупреждению преступлений и может быть проявлена только при наличии ряда условий. Эксперту необходимо внутреннее побуждение к новым формам деятельности; он должен обладать способностью к самостоятельным активным действиям; изучить все стороны, свойства, признаки исследуемых объектов, выявить те из них, которые связаны с другими обстоятельствами, неизвестными

¹ См., например: Винницкий Л. В., Мельник С. Л. Экспертная инициатива в уголовном судопроизводстве. М., 2009. С. 35–36.

² Надгорный Г. М. О возможности решения экспертом вопроса о причинной связи // Применение научных методов при расследовании преступлений и изучении преступности. Ч. 1. М., 1973. С. 25.

³ Белкин Р. С. Курс криминалистики : в 3 т. Т. 3. Криминалистические средства, приемы и рекомендации. М. : Юристъ, 1997. С. 120.

для органов уголовного преследования и суда; выйти за рамки поставленных перед ним вопросов, а установленные им обстоятельства должны содержать новую информацию; он должен обладать достаточным уровнем профессиональной подготовки и опытом работы по данным видам исследований, так как именно эти качества способствуют проявлению инициативы; на основании исследования вновь выявленных фактов эксперт должен спрогнозировать возможность совершения новых преступлений и выявить те признаки в исследуемых объектах, которые могут этому способствовать¹.

Эксперту в процессе исследования необходимо выявлять все обстоятельства, имеющие профилактическое значение, независимо от того, способствовали ли они совершению данного преступления либо могут способствовать совершению аналогичного преступления. Предупредительная работа эксперта-криминалиста должна быть направлена не только на устранение условий, которые имеются в данный момент, но и на ликвидацию других недостатков, которые могут быть использованы преступниками впоследствии.

Некоторыми авторами высказывалась точка зрения, в соответствии с которой эксперт, выявив обстоятельства, по поводу которых ему не были поставлены вопросы, по общему правилу обязан немедленно сообщить об этом следователю с тем, чтобы орган, назначивший экспертизу, поставил перед экспертом дополнительные вопросы².

Такое толкование не вытекало из уголовно-процессуального законодательства РСФСР (см. ст. 191 УПК РСФСР), не вытекает и из действующего законодательства. Из смысла п. 4 ч. 3 ст. 57 и ч. 2 ст. 204 УПК РФ следует, что на расширение задачи, поставленной перед экспертизой, эксперт не должен испрашивать разрешение следователя. Если бы законодатель исходил из обратного, то он должен был указать, что эксперт может сообщить следователю не об установленных фактах, а о возможности их установления. Вместо права эксперта на инициативу следовало бы тогда говорить о праве эксперта на заявление ходатайства по поводу возможности ее проявления.

При этом нельзя не учитывать, что реализация экспертной инициативы может препятствовать решению вопросов, уже предусмотренных постановлением о назначении экспертизы, особенно в случаях, связанных с истребованием дополнительных материалов. Поэтому, исходя из интересов наиболее рациональной организации производства экспертизы, следует считать допустимым реализацию экспертом своего права на инициативу как непосредственно, так и опосредованно. В последнем случае эксперт сообщает следователю об открывшихся возможностях расширения выдвинутой перед ним задачи с тем, чтобы вопрос о целесообразности реализации этих возможностей решался следова-

¹ Кульчицкий С. М. Экспертная инициатива — условия и формы ее реализации // Вопросы криминологии, криминалистики и судебной экспертизы : сборник научных трудов Белорусского НИИ проблем криминологии, криминалистики и судебной экспертизы. Вып. 9. Минск : Выш. шк., 1992. С. 139–146 ; Горошко Е. Ю., Ахраменко Т. В. Реализация непроцессуальных форм использования специальных знаний в судебно-экспертной деятельности // Вестник Полоцкого государственного университета. Серия Д. Экономические и юридические науки. Уголовное право и криминалистика. 2013. № 6.

² См., например: Петрухин И. Л. Экспертиза как средство доказывания в советском уголовном процессе. М., 1964. С. 111.

телем. При положительном ответе назначается дополнительная или новая экспертиза. В указанном плане следовало бы уточнить уголовно-процессуальное законодательство.

В специальной литературе встречаются, хотя и сходные с озвученной, но несколько иные мнения о пределах экспертной инициативы. Так, Е. А. Зайцева считает необходимым закрепить в законе положение о наделении эксперта правом, с разрешения следователя, переформулировать поставленные перед ним вопросы¹. При этом формулируемые экспертом по своей инициативе вопросы, не должны выходить за пределы его специальных знаний.

Профилактические предложения эксперта, содержащиеся в заключении, могут иметь своим источником само экспертное задание, когда вопросы об обстоятельствах, способствовавших совершению преступлений, ставятся перед экспертом органом, назначившим экспертизу. Они могут быть следствием проявленной экспертом инициативы, выходя за рамки экспертной задачи. И в том, и в другом случае они адресуются исключительно органу, назначившему экспертизу, и их реализация отдается на усмотрение этого органа, что нельзя признать правильным, учитывая социальное значение профилактических мер вообще. При этом орган, назначивший экспертизу, в реализации таких предложений фактически бесконтролен, он не обязан уведомлять эксперта о судьбе его профилактических предложений. Практически профилактические предложения эксперта могут быть отражены в представлении следователя или определения суда, что вовсе не служит гарантией их действительной реализации².

Представляется, что выход из данной ситуации может быть только один: закрепление в законе обязанности следователя и других заинтересованных субъектов предупредительной деятельности сообщать эксперту о принятых по его рекомендациям мерах.

Это, наряду с другими плюсами, способствовало бы также повышению роли и значения взаимодействия субъектов предупредительной деятельности, как при назначении экспертизы, так и в процессе ее производства. В стадии назначения экспертизы полезны обращения следователя (оперативного работника) к эксперту в целях получения консультаций и советов по вопросам, связанным с определением экспертной задачи; в процессе производства экспертизы — это направление следователю (оперативному работнику) сообщений об открывшихся возможностях расширения экспертной задачи, если реализация их связана с истребованием дополнительных материалов. Не исключается такое сообщение и при других обстоятельствах, которые, по мнению эксперта, обуславливают целесообразность согласования со следователем расширение экспертной задачи³.

Рассматриваемый вопрос имеет еще один аспект: реализация профилактических предложений эксперта в экстремальных ситуациях, когда ее промедление чревато тяжкими последствиями.

¹ Зайцева Е. А. Концепция развития института судебной экспертизы в условиях состязательного уголовного судопроизводства : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2010. С. 32.

² Белкин Р. С. Указ. соч. С. 121.

³ Махтаев М. Ш. Экспертная инициатива в сфере криминалистического обеспечения предупреждения преступлений // Вестник МГУ. Серия 11, Право. 2014.

Обычный порядок принятия предупредительных мер через орган, назначивший экспертизу, в подобных случаях может привести к непоправимым последствиям, здесь должна быть узаконена иная процедура, обеспечивающая незамедлительную реализацию таких предложений. Скорее всего, в подобных случаях эксперту должно быть предоставлено право сообщать о выявленных обстоятельствах не только органу, назначившему экспертизу, но и непосредственно по месту принятия необходимых предупредительных мер — руководителю ведомства, учреждения или предприятия — с обязательным уведомлением как органа, назначившего экспертизу, так и эксперта о принятых мерах в самые сжатые сроки¹. При этом следует приравнять предложения эксперта предупредительного характера по своему статусу к экспертному заключению.

С учетом этого следовало бы закрепить в законе обязанность следователя (суда) рассматривать предложения эксперта по устранению условий, способствующих совершению преступлений, и выносить мотивированное постановление (определение) об их принятии или непринятии. В этом случае можно рассчитывать на более ответственное отношение к экспертной профилактической деятельности и на несомненное повышение ее эффективности.

В целях дальнейшего совершенствования правового регулирования предупредительной деятельности экспертов и экспертных учреждений представляется необходимым включение в ФЗ «Об основах профилактики правонарушений в Российской Федерации» и «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации» отдельной главы «Экспертная профилактическая деятельность» или «Полномочия эксперта и экспертных учреждений в сфере предупреждения преступлений». В этой главе следует сосредоточить нормы, определяющие содержание и задачи предупредительной деятельности эксперта (экспертных учреждений), виды и формы такой деятельности, круг субъектов экспертно-криминалистического предупреждения, их права и обязанности, контроль и надзор за этой деятельностью.

В плане расширения и реализации прав и обязанностей руководителя экспертного учреждения в указанных ФЗ, а также в УПК РФ следовало бы указать, что он при получении материалов для производства экспертизы изучает их и обращает внимание эксперта на те данные, которые относятся к решению предупредительных задач. Это предложение в равной мере относится и к действиям эксперта при разработке предупредительных рекомендаций. Особо, в плане предупредительной деятельности, должно найти отражение право, а может быть — обязанность, руководителя экспертного учреждения систематически организовывать обобщение экспертной практики с целью подготовки профилактических рекомендаций.

Представляется также целесообразным дополнить ч. 2 ст. 204 УПК РФ пунктом 2.1: «В случае установления в процессе производства экспертизы обстоятельств, способствовавших совершению и сокрытию преступления, эксперт имеет право приложить к заключению рекомендации по устранению указанных обстоятельств», а ст. 57 УПК РФ пунктом: «В случае установления в процессе участия эксперта в производстве следственных и судебных действий обстоятельств, способствовавших совершению и сокрытию преступлений,

¹ Белкин Р. С. Указ. соч. С. 122.

рекомендовать следователю и суду меры профилактического характера по их устранению». С аналогичными предложениями еще в 2009 году выступала Т. В. Демидова¹. Следует также согласиться с ее предложением дополнить ФЗ «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации» статьей, раскрывающей понятие судебно-экспертной профилактики, следующего содержания: «Судебно-экспертная профилактика — это деятельность эксперта (специалиста), состоящая в выявлении причин и условий, способствующих совершению преступлений, и даче рекомендаций профилактического характера при производстве экспертиз и участии в других следственных действиях»².

В ведомственных инструкциях о порядке назначения и производства экспертиз необходимо предусмотреть раздел об экспертной профилактике.

Таковы в общих чертах предложения по совершенствованию правового регулирования предупредительной деятельности эксперта и экспертных учреждений в настоящее время.

*Милованова М. М.,
доцент кафедры криминалистики
Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА),
кандидат юридических наук, доцент*

ПРОБЛЕМНЫЕ ВОПРОСЫ УЧАСТИЯ ПЕДАГОГА И ПСИХОЛОГА ПРИ ДОПРОСЕ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ И ОСОБЕННОСТИ ПОДГОТОВКИ К НЕМУ

Особое место в системе следственных действий отводится допросу, доказательственное значение которого достаточно велико. При этом следователи практически единодушны во мнении, что наиболее сложным в тактическом отношении является допрос несовершеннолетних, а затраты на подготовку и проведение к данному следственному действию занимают у них около 40 % рабочего времени. В первую очередь следователями отмечается сложность в создании условий, обеспечивающих психологическую обстановку, располагающую несовершеннолетнего к беседе. Во вторую — сложность выбора тактических приемов допроса. В третью очередь названы проблемы, связанные с участием в допросе несовершеннолетних педагога и психолога.

Следует отметить, что проблемы тактики допроса несовершеннолетних всегда находились в центре внимания ученых-криминалистов. В ряде случаев это связано с тем, что сведения, которыми располагают несовершеннолетние, вовлеченные в «орбиту» уголовного судопроизводства, порой являются единственным источником доказательственной информации. В этом случае, любые ошибки следователя, особенно тактические, способны негативно отразиться на результатах расследования.

¹ Демидова Т. В. Взаимодействие следователя с сотрудниками экспертно-криминалистических подразделений при расследовании дорожно-транспортных преступлений : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2010.

² Там же.

Процесс подготовки к допросу должен включать комплекс мероприятий, направленных на обеспечение его качественного проведения. В связи с этим следователю требуется выполнить ряд обязательных действий, включающих, во-первых, выбор места производства допроса. В каждом конкретном случае следует исходить из характера совершенного преступления и имеющейся информации о личности допрашиваемого.

Допрос несовершеннолетних свидетелей и потерпевших желательно проводить в обстановке, которая не создаст у них психотравмирующую ситуацию. Такая обстановка может быть обеспечена принятием решения о допросе несовершеннолетнего по месту его проживания либо обучения (например, в образовательном учреждении). Вместе с тем допрос несовершеннолетних подозреваемых, обвиняемых целесообразно проводить по месту производства предварительного расследования. Особенно если несовершеннолетний характеризуется как дерзкий, грубый, конфликтный человек, имеющий антисоциальную жизненную установку. В этом случае официальная обстановка в кабинете следователя воспрепятствует реализации несовершеннолетним подозреваемым, обвиняемым привычной модели поведения, общения, которые он мог позволить себе в иных условиях.

Таким образом, выбор места допроса прежде всего зависит от процессуального положения допрашиваемого.

Следует определить дату и время допроса минимизировав временной интервал между принятием решения о вызове на допрос и производством самого допроса. Это обусловлено тем, что психика несовершеннолетнего сформирована не окончательно и образы, оставленные преступным событием, могут стираться, на них накладываться новые эмоциональные картинки, которые способны исказить реальность. Кроме того, затягивание с допросом увеличивает вероятность воздействия на психику несовершеннолетнего из «вне».

С целью установления психологического контакта с несовершеннолетним, определения места и тактических приемов допроса, выбора и постановки вопросов следует как можно тщательнее и полнее изучить личность допрашиваемого. Этому способствует изучение характеристик, полученных из образовательного учреждения, секции, кружка которые посещает несовершеннолетний. Информацию о лице можно также получить методом независимых характеристик путем беседы с его педагогами, тренерами, одноклассниками, друзьями, знакомыми, соседями и др.

Необходимо заранее определить круг лиц, которые помогут создать прочную психологическую связь с несовершеннолетним, обеспечить их явку на допрос. При проведении допроса с участием несовершеннолетних, не достигших возраста шестнадцати лет либо достигших этого возраста, но страдающих психическим расстройством или отстающих в психическом развитии, участие педагога или психолога обязательно.

При производстве допроса с участием несовершеннолетнего свидетеля или потерпевшего, достигшего возраста шестнадцати лет, педагог или психолог приглашается по усмотрению следователя.

В соответствии с ч. 4 ст. 191 УПК РФ участие психолога обязательно при проведении допроса с участием несовершеннолетнего потерпевшего или свидетеля, не достигшего возраста шестнадцати лет либо достигшего этого возраста, но страдающего психическим расстройством или отстающего в психическом

развитии, по уголовным делам о преступлениях против половой неприкосновенности несовершеннолетнего.

За исключением обязательного участия в производстве следственного действия определенных законом лиц, следователь самостоятельно определяет круг участников допроса.

Представляется оправданным привлечение для участия в допросе несовершеннолетних практикующих специалистов — детского психолога, педагога-психолога, способных оказать реальную помощь в общении с несовершеннолетним, установлении с ним психологического контакта. В отдельных случаях целесообразно обеспечить участие более узкого специалиста, например детского психиатра, невролога, педиатра, эпилептолога, сурдолога¹ (сурдопедагога), тифлопсихолога² и др.

При производстве допроса несовершеннолетних свидетелей, потерпевших вправе присутствовать их законный представитель. Законные представители несовершеннолетнего подозреваемого, обвиняемого допускаются к участию в уголовном деле на основании постановления следователя.

Необходимо подготовить средства фиксации показаний. Согласно ч. 5 ст. 191 УПК РФ применение видеозаписи в ходе допроса несовершеннолетнего потерпевшего или свидетеля, за исключением случаев, если несовершеннолетний потерпевший или свидетель либо его законный представитель против этого возражает обязательно. Видеозапись может быть востребована для просмотра во время судебного заседания, исключая участия несовершеннолетнего потерпевшего, свидетеля в нем, с целью минимизации создания психотравмирующей ситуации.

Применение видеозаписи также целесообразно при допросе несовершеннолетних подозреваемых, обвиняемых.

Использование видеозаписи позволит: а) проверить законность полученных показаний; б) исключить необходимость повторных допросов; в) диагностировать наличие внушения; г) значительно расширить возможности восприятия и фиксации получаемой от допрашиваемых информации с целью исключения различия в толковании полученных на допросе сведений. Кроме того, видеоизображение дает возможность наблюдать эмоциональное переживание несовершеннолетних допрашиваемых, оценивать их поведение, судить о достоверности, делать обоснованные выводы. В случае изменения показаний или отказа от своих показаний видеозапись первоначального допроса будет служить дополнительным источником доказательств по уголовному делу.

Результативность допроса обеспечивается тщательной проработкой вопросов, которые будут заданы несовершеннолетнему, составлением плана его производства.

Касааясь участия педагога и психолога при допросе несовершеннолетних еще раз отметим, что требования их обязательного участия закреплено ст. 191 и 425 УПК РФ. Вместе с тем на практике следователи сталкиваются с вопросами: 1) кого следует приглашать в качестве педагога и психолога; 2) должен

¹ Клиницист по работе с лицами, имеющими расстройства, связанные с нарушением слуха (глухими и слабослышащими).

² Специалист по работе с лицами с глубокими нарушениями зрения (слепыми и слабовидящими).

ли педагог (психолог) быть знаком допрашиваемому; 3) будет ли польза от участия в допросе несовершеннолетнего незнакомого ему (постороннего) педагога или психолога.

Такое положение обусловлено тем, что уголовно-процессуальное законодательство не раскрывает статус педагога и психолога, как участника уголовного судопроизводства и законодателем конкретно не определено кто имеет право участвовать в роли психолога или педагога. Исходя из этого, следователь при принятии такого решения использует дискреционный подход.

Опрос следователей показал, что в 97 % случаев они приглашают педагогов из образовательного (воспитательного) учреждения, в котором учится или пребывает несовершеннолетний. В 34 % случаев привлекался социальный педагог, который знает несовершеннолетнего.

Выбор в пользу педагога, психолога знакомого несовершеннолетнему обосновывался сокращенным временем допроса несовершеннолетних (общая продолжительность допроса не может превышать в общей сумме 4 часов в день). С учетом того, что для оказания помощи следователю в установлении психологического контакта с несовершеннолетним, привлеченному для участия в допросе специалисту, незнакомому допрашиваемому требуется дополнительное время, такой подход следует признать оправданным. Однако имеют место случаи, когда привлечение знакомого несовершеннолетнему педагога или психолога вызывает у них стеснение, неловкость, чувство стыда перед этим человеком, а иногда и агрессию. В такой ситуации, даже несмотря на дефицит времени, оправдано привлечение к участию в допросе незнакомого несовершеннолетнему педагога, психолога в окружении которых он не будет испытывать стеснения при рассказе о совершенном проступке.

Проблема отсутствия процессуального статуса такого полноценного участника уголовного судопроизводства, как педагог, дает возможность следователю привлечь в этом качестве любое лицо, имеющее соответствующий диплом. Вместе с тем диплом учителя (педагога), могут иметь лица, которые никогда не работали в этом качестве. Вместе с тем дипломированные специалисты могут преподавать в учреждениях среднего профессионального образования, но при этом не иметь диплом педагога. Кроме того, зачастую диплом педагога имеют инспекторы по делам несовершеннолетних, которые поступили на службу в правоохранительные органы, но по специальности не работали.

Представляется крайне нецелесообразным приглашать для участия в допросе несовершеннолетних таких специалистов, а присутствие при производстве данного следственного действия инспектора по делам несовершеннолетних в качестве педагога вовсе недопустимо, несмотря на наличие у его высшего педагогического образования, в силу того, что это ущемляет права несовершеннолетнего. Инспектор по делам несовершеннолетних в первую очередь является не педагогом, а сотрудником органов внутренних дел, осуществляющим надзор за детьми и подростками, которые оказались под пристальным вниманием после совершения различных проступков.

Законодателем также не определено основание участия педагога в следственных действиях и в частности в допросе. Основная цель привлечения педагога к такому участию — предоставление следователю возможности восполнить отсутствие педагогических знаний при подготовке к допросу непосредственно в ходе его производства и при фиксации показаний. Среди ученых и практи-

ков сформировалось мнение что, обладая специальными знаниями в области педагогики, а также детской и возрастной психологии, педагоги или психологи выполняют процессуальную функцию специалиста. Такой подход вполне оправдывает себя, поскольку педагоги или психологи, используя полученные при обучении знания и навыки содействуют в производстве следственных действий, помогают установить контакт с допрашиваемым одновременно защищая права несовершеннолетних, не допуская их нарушения, обеспечивают защиту несовершеннолетнего от психотравмирующей ситуации.

Резюмируя изложенное еще раз подчеркнем, что успех допроса несовершеннолетних зависит от соблюдения следователем требований уголовно-процессуального законодательства; привлечения для участия в допросе квалифицированных специалистов; качественной подготовки к проведению данного следственного действия, и безусловно, собственного мастерства следователя, его заинтересованности в установлении всех обстоятельств дела.

Опальский А. П.,
инспектор управления научно-
исследовательской деятельности
(НИИ криминалистики) Главного управления
криминалистики (Криминалистического
центра) Следственного комитета
Российской Федерации, профессор Санкт-
Петербургской академии Следственного
комитета Российской Федерации,
доктор экономических наук, профессор

Выборный А. А.,
студент Высшей школы государственного
аудита (факультет) Московского
государственного университета
имени М.В.Ломоносова

К ВОПРОСУ О КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОМ РАСПОЗНАВАНИИ ПРИЗНАКОВ МАНИПУЛИРОВАНИЯ РЫНКОМ

Мировой опыт показывает, что защита инвестора — дело не только каждой организации, профессиональной связанной с фондовым рынком, но и общее движение ему навстречу, сопряженное с множеством условий. Речь идет об упорядоченности и согласованности действий в процессе этого движения, сопровождении специальными законами, оснащенности «полномочиями и средствами для защиты инвестора от конкретного зла»¹.

Банк России ежегодно проводит проверки по выявленным биржами случаям манипулирования рынком, передавая затем материалы в правоохранительные органы. Расследование преступлений, ответственность за которые предусмотрена статьей 185.3 УК РФ, отнесено к подсудственности Следственного комитета Россий-

¹ Алехин Б. И. Рынок ценных бумаг : учеб. пособие. М. : Юнити-Дана, 2004. С. 371.

ской Федерации. Анализ практики работы следственных подразделений показывает, что из десятков материалов, поступающих из Банка России в Следственный комитет, лишь по единицам возбуждаются уголовные дела. Почему это происходит? Видимо сложная конструкция диспозиции уголовной статьи не позволяет своевременно и адекватно реагировать на новые вызовы и угрозы безопасности финансового рынка.

Объектом манипулирования рынком являются общественные отношения, связанные с торговлей финансовыми инструментами, иностранной валютой, и (или) товарами, регламентируемые законодательством о Банке России, банках и банковской деятельности, об организаторах торгов, о ценных бумагах, а также иными федеральными законами и подзаконными актами. Отношения эти носят специфический характер, поэтому лица, участвующие в расследовании подобных дел, должны обладать определенными экономическими знаниями в сфере финансовых рынков.

Определяя финансы как одну из самых зарегулированных областей рынка, а биржевую торговлю как сложный процесс с большим количеством участников, Е. М. Мальхин¹ при рассмотрении системы выполнения торговых операций по заданному алгоритму обращает внимание на важность учета окружения и всех участников процесса трейдинга.

В поиске истины отражается сущность познания как процесса, поэтому информация, непосредственно имеющая отношение к предмету доказывания, а также ее всесторонний анализ и оценка, нуждается в процессуальном закреплении. Криминалистическое распознавание служит основой исследования информации в целом на предмет соответствия/несоответствия ее действительности, ложности/правдивости получаемых следователем сведений.

При анализе тактического аспекта криминалистического распознавания получаемой информации отмечено, что «все предпринимаемые исследования в сфере распознавания сообщаемой на допросе информации сводились к решению частных задач выявления и изобличения лжесвидетельства или предупреждения, выявления и преодоления произвольных ошибок»².

Как указывает профессор В. И. Ширяев, «до недавнего времени считалось, что статистика цен на ценные бумаги приводит к выводу о «случайном характере» их динамики. Поэтому достижение адекватного описания эволюции цен возможно на пути идентификации модели и ее статистических закономерностей, «управляемых» неизвестным вероятностным распределением P . Невозможность точной идентификации меры P влечет за собой и невозможность точного вероятностного описания появления возможных событий. <...> Рыночные эксперты обычно не расходятся во мнениях о том, произойдет или нет то или иное событие A . Их мнения расходятся лишь в численном значении $P(A)$, которое для всех экспертов будет либо строго положительным, либо нулем»³.

О различных методиках технического анализа, используемых большинством российских компаний, работающих на рынке акций, пишет и В. Ф. Карбовский:

¹ Мальхин Е. М. Алгоритмический трейдинг для профессионалов. СПб. : БХВ-Петербург, 2021. С. 28.

² Полстовалов О. В. Криминалистическое распознавание получаемой информации: тактический аспект // Бизнес в законе. 2009. № 1. С. 211.

³ Ширяев В. И. Финансовые рынки: Нейронные сети, хаос и нелинейная динамика : учебное пособие. М. : ЛЕНАНД, 2019. С. 169.

«Но даже их (методик — прим. авторов) использование во многих случаях не позволяет получить высоких результатов. Это связано с тем, что практически все методики технического анализа содержат некоторую погрешность»¹.

Представители Уральского федерального университета имени первого Президента России Б. Н. Ельцина — В. Е. Заборовский, А. Е. Заборовская и К. В. Плетнев отмечают, что в настоящее время «на уровне организаторов торгов и регуляторов отслеживание манипулятивных сделок во многом ведется с помощью автоматизированных систем мониторинга, которые используют методы статистического анализа и математического моделирования. Позволяя выявлять случаи, манипулятивных сделок и анализировать косвенные связи между событиями, происходящими на фондовом рынке, а также оценивать последствия манипулирования, и степень его влияния на формирование цен на биржевые активы»².

В качестве примера можно привести электронную систему слежения за сделками в реальном масштабе времени The Stock Watch and Automated Tracking system (SWAT), применяемую Комиссией по ценным бумагам и биржам США (SEC) для наблюдения за работой крупнейшей американской биржи NASDAQ в режиме реального времени. Система SWAT фиксирует полную информацию обо всех транзакциях, заявках, объеме сделок и многом другом.

Согласно данным Нью-Йоркской фондовой биржи, системой для контроля нестандартных ценовых и объемных отклонений биржи, а также манипулятивной торговли является Integrated Computer Assisted Surveillance System (ICASS). Аналог подобных систем применяются в том числе и в России. На Московской бирже используется система «САФРАН». Так, согласно проекту проведения модернизации данной системы мониторинга и анализа финансовых рынков, система получила функциональность расчета признаков высокочастотной торговли и стратегий манипулирования в высокочастотной торговле. Также были добавлены механизмы расчета нетривиальных стратегий и анализа цепочек сделок. Таким образом, аналитики внутреннего контроля получили возможность выявления ложных заявок в автоматизированной торговле, с помощью которых и осуществляется манипулирование рынком в виде формирования предпочтений других участников биржевой торговли.

В рамках проекта совместно с аналитиками ПАО «Московская биржа» были разработаны и протестированы новые модели детектирования стратегий манипулирования в высокочастотной торговле. Разработанные методы доказали свою эффективность в реальной деятельности по расследованию подозрительных сделок. Особенностью платформы является: событийный расчет моделей детектирования мошеннических действий; реакция на подозрительные сделки в реальном времени; наличие собственного языка разработки моделей, не требующего вмешательства программиста; высокая скорость обработки данных (более 240 млн событий в день)³.

¹ Карбовский В. Ф. Краткосрочное инвестирование на рынке акций. М. : ЛЕНАНД, 2021. С. 72.

² Заборовский В. Е., Заборовская А. Е., Плетнев К. В. Необходимость и направления государственного регулирования и предотвращения манипулятивных сделок на фондовом рынке // Вестник УрФУ. Серия экономика и управление. 2018. Т. 17. № 5 С. 853.

³ URL: http://www.forecsys.ru/ru/site/projects/safran_4_freq/ (дата обращения: 09.03.2021).

Важным направлением неидентификационного распознавания является криминалистическая диагностика, решающая задачи по определению природы, состояния и свойств материальных объектов, выяснению различных обстоятельств проверяемых событий, исследованию причинной связи между расследуемыми явлениями и фактами, установлению особенностей осуществления отдельных процессов.

Представляют интерес и предупредительные меры, разрабатываемые самими участниками организованных торгов. Например, наличие системы внутреннего контроля (далее — СВК) в «Дойче Банке» способствует работе с клиентами при осуществлении профессиональной деятельности на рынке ценных бумаг. СВК направлена на предотвращение манипулирования рынком ценных бумаг. При заключении биржевых сделок СВК позволяет:

- осуществлять текущий контроль и анализ по итогам торгов всех сделок, совершенных в торговых системах организаторов торгов с целью выявления действий, направленных на манипулирование рынком, а также с целью выявления иных нарушений законодательства Российской Федерации о ценных бумагах и защите прав и законных интересов инвесторов на рынке ценных бумаг, нормативных правовых актов федерального органа исполнительной власти по рынку ценных бумаг, иных нормативных правовых актов РФ и правил организаторов торговли;
- проводить проверки нестандартных сделок с целью выявления фактов возможного манипулирования рынком;
- устанавливать предельные границы колебания цен или ценообразующих параметров, указываемых в заявках, при превышении которых сделка может быть признана совершенной с целью манипулирования рынком;
- не допускать внесения заявок Банком, как участником биржевых торгов, после закрытия торговой сессии.

В числе значимых событий (явлений), влияющих на принятие решения при расчете критериев существенного отклонения цены, спроса, предложения или объема торгов, принято рассматривать различные факты хозяйственной жизни организации, корпоративные действия и многое другое. Важным источником информации является деловая пресса и профессиональная рыночная аналитика.

Першин А. Н.,

*профессор кафедры криминалистики
Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА),
доктор юридических наук, доцент*

Новиньков А. Ю.,

*обучающийся 4-го курса Института
публичного права и управления
Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)*

КРИПТОВАЛЮТА КАК ПРЕДМЕТ КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОГО ПОЗНАНИЯ

Технический прогресс дарит нам для повседневного использования инструменты, появление и массовое распространение которых еще 15 лет назад сложно

было рассматривать даже теоретически. Так и криптовалюты, существующие, будто бездокументарные ценные бумаги, лишь в виде записи в реестрах требований («блокчейнах»), за последние 10 лет поменяли представления людей о безналичных финансовых расчетах. От мимолетных заметок на тематических интернет-форумах в 2010–2011 годах, такая технология «независимых денег» прошла проверку временем и сегодня законодательно регулируется почти всеми странами, признаваясь большинством из них полноценным финансовым активом с определенной рыночной стоимостью.

Такая система расчетов и хранения капитала, неподвластная административному контролю государства, быстро снискала применение и в преступной деятельности. Как справедливо отмечает Э. Л. Сидоренко, «одной из наиболее востребованных сфер криминального применения криптовалюты является наркоторговля»¹.

Для выявления и привлечения к ответственности лиц, использующих цифровые активы в преступных расчетах или скрывающих в них свои нелегальные доходы, следует понимать на каких принципах и программных инструкциях функционируют криптовалютные расчеты. В практической работе в первую очередь необходимо помнить, что криптовалюты с разными названиями работают на разном программном обеспечении, которое отличается друг от друга. Различные криптовалюты не взаимозаменяемы между собой и не могут быть переданы из одного блокчейна в другой. Кроме того, каждая из них в определенный момент продается на рынке по цене, отличной от другой.

При обнаружении и изъятии криптовалюты важно понимать, как создаются и как управляются криптовалютные адреса. Ключевую роль при осуществлении платежа играет приватный ключ. Криптовалютный счет (кошелек) в любой программе (например, работающей с блокчейнами Bitcoin, Ethereum, Ripple и т.п.) базируется на известной методике шифрования «публичным и приватным ключом». Для пользователя, который ранее не пользовался криптовалютой, программа создает пару из публичного и приватного ключа, которые криптографически связаны между собой. Из публичного (открытого) ключа программа по заданному алгоритму сгенерирует в этот кошелек криптовалютный адрес или сразу несколько адресов — на такие адреса другие пользователи могут зачислять деньги. Одновременно с этим программа сохраняет в своей памяти приватный (закрытый) ключ для созданных адресов. Пользователь, который хочет потратить деньги со своего адреса, готовит платежное поручение — вносит в криптовалютную программу адрес получателя, сумму перевода и сумму комиссии. Из указанных параметров программа формирует сообщение и подписывает его с использованием приватного (закрытого) ключа, после чего отправляет в систему. Такое зашифрованное сообщение нельзя изменить или подделать, ведь оно неразрывно связано с приватным и публичным ключом одновременно.

Программа, обслуживающая криптовалютную систему (майнер), установленная на ином компьютере, проверяет поступившее сообщение, и если оно действительно связано с адресом, на котором имеется достаточно средств, и подписано его приватным ключом, то добавляет такую транзакцию в новый блок транзакций.

¹ Сидоренко Э. Л. Криминологические риски оборота криптовалюты // Экономика. Налоги. Право. 2017. Т. 10. № 6. С. 150.

Таким образом, приватный ключ является инструментом управления средствами, находящимися на криптовалютных адресах. Любое лицо, способное воспроизвести его в программу, мгновенно узнаёт обо всех связанных с ним адресах и может перевести все средства с этих адресов.

Отметим, как некоторые авторы, не в полной степени владея знаниями в технической реализации технологии блокчейна, допускают критику некоторых «криптовалютных постулатов», которые уже давно объективно доказаны.

Так, например, С. Б. Вепрев, выступая в 2019 году на «Международном научно-практическом круглом столе», организованном Московской академией Следственного комитета РФ и посвященном противодействию криптовалютной преступности, сделал целый ряд небесспорных заявлений¹. Он пишет: «И еще один важный момент, связанный с самим принципом технологии блокчейна, он состоит в неизменности уже проведенных транзакций. А если транзакция реализует намеренно искажённую информацию? Тогда, с одной стороны, вся построенная на ней ветвь блокчейн становится нелегитимной с точки зрения закона, но легальной с точки зрения блокчейн-технологии»².

Ответ на такой вопрос, на наш взгляд, исключительно прост — намеренно искажённая информация никогда не включится в блокчейн, ведь она не подписана приватным ключом от адреса-отправителя. А если у кого-то приватный ключ от этого адреса есть, то какая же это искажённая информация? В этом случае и в других системах безналичных расчетов, когда банку или платежной системе приходит надлежащее платежное поручение (например, из «онлайн-банка» клиента), ответственность за это лежит на пользователе, и для возврата средств почти всегда придется заявлять гражданский иск. Те же средства защиты права вполне могут (и должны!) использоваться в отношении криптовалют.

Далее С. Б. Вепрев интересуется: «Должен же существовать четкий механизм, который позволяет собирать воедино и решать текущие логические задачи по обеспечению функционирования всех пользователей, распределенных по всему земному шару! Ведь, если ждать подтверждения работы от всех майнеров всей сети, то и не дожدهшься»³.

На самом деле мы знаем, что для подтверждения транзакции не надо «ждать всех майнеров», а достаточно одного из них, кто первый правильно «соберет» блок транзакций с решенной задачей и сообщит об этом другим участникам сети. Программы для своей безопасности принимают за правду наиболее длинную цепочку блоков, если все эти блоки отвечают их требованиям. Из непонимания этого принципа вытекает, например, и такая мысль: «Декларируется, что для успешной атаки на блокчейн нужно иметь 51 % мощностей сети. То есть если злоумышленник имеет 51 % мощностей, он всегда в состоянии сделать откат транзакций»⁴. Отметим, что «атака 51 процента» — это действительно теоретически существующая уязвимость, но она позволит лишь создать новую «параллельную

¹ Вепрев С. Б. Криптовалюта как прорыв в области финансовых технологий XXI века // Использование криптовалют в противоправных целях и методика противодействия : материалы Международного научно-практического круглого стола (Москва, 25 апреля 2019 г.) / под общ. ред. А. М. Багмета. М. : Московская академия Следственного комитета Российской Федерации, 2019. С. 33–38.

² Там же. С. 34.

³ Там же. С. 35.

⁴ Там же. С. 36.

цепочку» блоков благодаря перевесу мощности, и таким способом откатить свою транзакцию, которая была в одном, ну может максимум — в двух блоках назад.

На самом деле, обладая половиной от общемировой мощности в обработке криптовалюты, экономически целесообразнее (намного) просто получать с этого баснословный доход, нежели проворачивать какие-то схемы обмана контрагентов при расчетах. А откат транзакции, поверх которой уже рассчитали 3–4 новых блока, сегодня в крупных криптовалютах просто невозможен, даже теоретически. Именно поэтому товар, за который уплачена криптовалюта, почти никогда не передается покупателю до того, как в цепочку добавятся хотя бы 3 блока¹.

И конечно, не может существовать никаких уязвимостей, чтобы откатить чужую транзакцию (в которой атакующий не участвовал как плательщик) или воровать средства с чужих адресов, не имея их приватных ключей.

Таким образом, рассматривая технологию оборота криптовалют с позиций криминалистики, сделаем вывод — без понимания технических решений, существующих в создании и управлении криптовалютными кошельками, какая-либо практическая деятельность (а тем более — в борьбе с преступлениями) абсолютно невозможна. В условиях, когда за цифровыми адресами сегодня скрываются миллионы долларов «черной бухгалтерии», недопустимо для криминалистической науки пренебрегать приобретением полных, и главное, истинных знаний о блокчейн-технологии.

Отметим, как без понимания технической реализации рассматриваемых вопросов, и законодательное их регулирование может оказаться весьма неэффективным. Так, например, коллектив авторов под общей редакцией С. В. Иванцова, исследуя криптовалюту с позиций криминологической науки, предлагает такие направления правового регулирования: 1) введение требования об обязательной идентификации владельцев цифровых активов и иных лиц, участвующих в их обороте; 2) установление режима конвертации цифровой криптовалюты в фиатную².

Да, конечно такие нововведения могли бы серьезно помочь в доказывании связи криптовалютных адресов с личностью их конечного бенефициара. Однако, применяя рассмотренные ранее технические принципы функционирования криптовалют, следует признать, что подобные предложения абсолютно невыполнимы с точки зрения практики.

Касательно обязательной идентификации владельцев криптовалюты, представим ситуацию: лицо создает новый криптовалютный адрес, безопасным способом передает этот адрес своему сообщнику, который зачисляет на этот адрес доходы, полученные преступным путем. Спустя день владелец адреса находит частного покупателя криптовалюты и при личной встрече переводит на его адрес цифровые активы, за что получает наличные.

На каком из описанных этапов авторы видят теоретическую возможность вмешательства государства в подобные отношения, абсолютно скрытые от его

¹ В данном случае транзакции рассмотрены на примере передачи «биткоина». Надо сказать, что другие криптовалюты могут включать новые блоки гораздо быстрее по времени. Но при их использовании, соответственно, пользователи ждут большее количество блоков перед передачей товара, чтобы и там эффективно защищаться от подобных, на самом деле, сугубо теоретических атак.

² Преступления, связанные с использованием криптовалюты: основные криминологические тенденции / С. В. Иванцов, Э. Л. Сидоренко, Б. А. Спасенников, Ю. М. Берёзкин, Я. А. Суходолов // Всероссийский криминологический журнал. 2019. Т. 13. № 1. С. 91.

контроля? Учитывая неограниченность в количестве создаваемых адресов, мгновенность и независимость их создания, каким образом надо отождествлять буквенно-цифровые адреса с их текущими владельцами?

Анонимность получателя и отправителя — это и есть основная идея использования криптовалюты как платежного инструмента, и этот принцип не может быть преодолен законодательным регулированием, поскольку распределенный реестр (блокчейн) существует вне пределов конкретной страны и её законов. Иное означало бы, что такие системы расчетов для пользователей ничем не отличаются от банковского счета.

Режим конвертации цифровой криптовалюты в фиатную, как представляется, тоже должен содержать в себе эти элементы идентификации пользователей при совершаемом ими обмене валют. Владельцам цифровых валют такие требования явно придутся не по душе, и не получится отобрать у них возможность обхода таких ограничений, если они будут обменивать криптовалюту на фиат между собой. С учетом развития электронных бирж и децентрализованных площадок, сводящих стороны в обменах (например, «Localbitcoins.com»¹), пользователи даже сейчас часто покупают и продают криптовалюту именно друг другу.

В завершении отметим, что именно в связи с наличием таких технических проблем с криптовалютами и не всегда адекватном их понимании учеными и практиками, собственно и возникает потребность в поиске новых тактических приемов и методов собирания и использования новой криминалистически значимой информации в процессуальной деятельности следователя (дознателя).

*Полстовалов О. В.,
профессор кафедры криминалистики
Института права
Башкирского государственного университета,
начальник управления
по государственной охране
объектов культурного наследия
Республики Башкортостан,
доктор юридических наук, доцент*

КРИМИНАЛИСТИЧЕСКАЯ ПРОФИЛАКТИКА НА УРОВНЕ УСТАНОВЛЕНИЯ ПРОТИВОПРАВНЫХ НАМЕРЕНИЙ: НАУЧНАЯ РЕФЛЕКСИЯ ТРАГЕДИИ В КАЗАНИ

Криминалистическая профилактика в последние годы становится как никогда актуальной в свете все чаще происходящих резонансных преступных событий,

¹ Localbitcoins.com — внебиржевая P2P (peer-to-peer) интернет-площадка для покупки и продажи биткоина между ее участниками за местную валюту с использованием безналичных или наличных расчетов. Была заблокирована на территории России решением суда, когда оборот криптовалюты еще не был формально урегулирован. В связи с вступлением в силу Федерального закона от 31.07.2020 № 259 «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации», ранее принятое решение о блокировке активно обжалуется.

причины которым необходимо искать в том числе в сфере недоработки правоохранительных органов и отстающим от реальной действительности криминалистическом обеспечении их работы.

Недавние трагические события в Казани заставили задуматься о том, в чем вина криминалистов, в чем наши конкретные промахи? Не видеть их — значит закрывать глаза на очевидное. Традиционно мы посыпаем голову пеплом и в какой уже раз принимаем «все необходимые меры», чтобы подобное никогда больше не повторилось. На этом фоне хайп преступника набирает обороты, и мы не замечаем, как растет его популярность среди брошенных на откуп «воспитания Интернетом» подростков. При этом «из каждого утюга» звучит саκραментальное: «Массовое убийство в Казани можно было предотвратить, если бы...». Далее идет набор набивших оскомину прописных истин, которые блекнут по мере того, как напряженность в обществе спадает, и все возвращается на круги своя. Так себе, скажу, рефлексия.

В последние годы увлеченность теоретическими изысками и ставшие традиционными и не приносящие ничего нового мантры «присоединения к тому или иному мнению» нередко подменяют практическую суть необходимости в первую очередь внедрения криминалистических разработок в само правоприменение. Более того, междисциплинарные исследования на стыке практики правоприменения, материального и процессуального права, криминалистической науки и методов математического моделирования все никак не выйдут на авансцену безусловного приоритета. А ведь именно в моделировании, математическом расчете выбора преступника еще до того, как он совершит криминальное посягательство как раз-таки усматривается весьма эффективный инструмент криминалистической профилактики. Именно криминалистика с ее синтетической природой в целом правовой науки может стать интегрирующим началом для такого рода междисциплинарности. Нам криминалистам, как говорится, не привыкать.

Работает «искусственный интеллект» на отборе контента очень просто. Принцип контекстной рекламы: когда вы, направив поисковый запрос, кликнув понравившийся товар, становитесь центром внимания интернет-предложений от других поставщиков аналогичных или сходных товаров, работ и услуг. Мы все нередко становимся такого рода «клиентами», когда внимание к одному товару привлекает массу предложений по сходным позициям от других поставщиков. Программное обеспечение, ориентированное на мониторинг потребительского спроса, у нас очень неплохо развито, что неудивительно в эпоху гегемонии суверенитета потребителя. Но почему до сих пор отстает такого рода программное обеспечение по выявлению антисоциальных и порой просто крайне общественно опасных умонастроений? Ответ прост: в неолиберальном прочтении кавер-версии всем известной фразы «Добро побеждает зло» в ее извращенной трактовке «Бабло побеждает зло».

Криминалистическая профилактика представляет собой частное учение, в рамках которого на основе теоретических положений как самой криминалистики, так и специальных наук, а также требований современной практики борьбы с преступностью разрабатываются и совершенствуются практические рекомендации, приемы и средства, направленные на нейтрализацию и предотвращение криминального развития складывающихся или сложившихся ситуаций.

Нельзя не согласиться с Е. П. Ищенко и Д. В. Алымовым в том, что «в последние десятилетия в мире постоянно возрастает угроза терроризма, террористи-

ческие акты получили политическую, национальную, религиозную и криминальную направленность»¹. Однако пример казанского стрелка показывает, что порой сфера крайне жестокой агрессии недавнего подростка может корениться в бесчеловечных компьютерных играх, особенностях поведения лиц с органическим повреждением центральной нервной системы, смещенной системе ценностей молодого человека.

Разумеется, природа терроризма и его мотивы качественно отличаются от причин массовых убийств в Казани весной 2021 года, но намерения причинить максимально возможное страдание гражданам как средство достижения извращенно трактуемых политических, национальных, религиозных целей сродни побуждениям казанского убийцы, где в его представлении совершенное им не самоцель, а лишь часть плана, своего рода попытка реализовать свое гипертрофированное «Я». В любом случае так называемые «безмотивные» (без видимых мотивов) убийства как область интереса психиатрии именно в виду отсутствия очевидных побуждений к совершаемому заставляют заглянуть глубже в природу произошедшего.

Важно понимать, что даже умышленные преступления можно условно квалифицировать как самоцель или как средство к достижению другой цели. При этом мера рационального и степень иррационального в преступном поведении даже в действиях с прямым умыслом нередко находятся в смешанных пропорциях. При этом умышленному преступлению нельзя задавать априорный вектор рациональности. Не сложно понять, что легче просчитывается рациональный выбор человека с понятными и видимыми мотивами, чем то, что находится в скрытой, в том числе нередко в психоэмоциональной, плоскости.

И сколько бы мы не регистрировали и не ставили на учет лиц, имеющих психические отклонения, сколько бы не занимались социализацией трудных подростков, но такого рода экстраординарные всплески крайней формы жестокости становятся все более заметным явлением. Поэтому, не отрицая важности имеющихся средств, хотелось бы обратить внимание на профилактику преступного поведения на уровне намерений посредством программ и программно-целевых комплексов, которые на основе технологии искусственного интеллекта могли бы значительно рационализировать деятельность по мониторингу антисоциальных намерений в мессенджерах, социальных сетях. Логика здесь проста: если мы научились определять потребительский спрос вплоть до места размещения товара, его позиционирования в торговых залах супермаркета, загонять неосторожного потребителя в лабиринты контекстной рекламы в глобальной сети, то почему это не так эффективно работает на распознавание реальности преступных намерений по сообщениям, фотоизображениям, видеороликам, размещенным в интернет-пространстве, в мессенджерах?

Отрадно, что криминалисты предпринимая определенные усилия в направлении использования искусственного интеллекта главным образом

¹ Алымов Д. В., Ищенко Е. П. Основные направления виктимологической профилактики преступлений террористической направленности: криминологический и криминалистический аспекты // Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права. 2015. Т. 9. № 3. С. 539.

на основе традиционного подхода с позиций теории криминалистической характеристики преступлений. Это справедливо, поскольку большей фактологией с обобщающими выводами и связями между элементами криминалистической характеристики просто не существует: время, место, обстановка, способ совершения посягательства, личность виновного и жертвы (если таковая имеется в зависимости от вида криминала), мотивов преступления (умышленные деяния) и мотивов поведения (неосторожные преступления). В любом случае прежний подход на основе анализа материалов уголовных дел с попыткой волюнтаристски представлять отдельные выявленные связи как корреляционные находит новое и более продуманное решение на основе искусственного интеллекта, способного автоматизировано работать с большими объемами данных.

Представляет интерес исследование А. А. Бессонова, который искусственный интеллект безуспешно пытается применить для решения задач установления признаков серийного преступника при реализации технологии построения его криминалистического поискового портрета. На основе анализа следственной практики автор останавливает свой выбор на следующих признаках: «расстояние от места жительства преступника до места преступления, возраст совершившего деяние лица, наличие у него судимости и психического заболевания, а также факт использования автотранспорта и наличия связи с потерпевшим до реализации преступного замысла»¹. Думается, что не стоит строго судить исследователя за смешение признаков преступника и самого деяния, поскольку он одним из первых пробует твердыню криминалистической характеристики в ее традиционалистском варианте с опорой исключительно на анализ обобщенных по результатам изучения уголовных дел, вручную обчисленных данных. Однако просто использования алгоритмов искусственного интеллекта недостаточно, поскольку необходимо включение в исследовательский коллектив специалистов по программированию и искусственному интеллекту. Здесь компетенций одних криминалистов явно не хватит.

Вместе с тем убежден в том, что искусственному интеллекту под силу работать на опережение, на профилактику преступлений. Для этого обобщенные данные не только о расследованных в полном объеме преступлениях и преступниках, которые были изобличены в содеянном, но и о латентных преступлениях, о материалах дел, виновные в совершении преступлений по которым так и не были установлены, а также о криминально опасном контенте и зафиксированных цифровыми средствами фактах антисоциального поведения должны стать питательной средой для математического моделирования и искусственного интеллекта в разработке программ и программных комплексов мониторинга общественно опасных намерений и анализа реальности существующих угроз. Разумеется, автор этой работы никоим образом не ставит целью построение несвободного общества по образу и подобию социального устройства в произведении Джорджа Оуэлла «1984». Но нам не дано предугадать, как слово наше отзовется.

¹ Бессонов А. А. Использование алгоритмов искусственного интеллекта в криминалистическом изучении преступной деятельности (на примере серийных преступлений) // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2021. № 2 (78). С. 47–48.

Попов В. П.,
ведущий юристконсульт юридического
отдела Московского филиала
АО «Федеральная пассажирская компания»,
кандидат юридических наук

КРИМИНАЛИСТИЧЕСКИЕ СРЕДСТВА ЗАЩИТЫ ВСПОМОГАТЕЛЬНЫХ РЕПРОДУКТИВНЫХ ТЕХНОЛОГИЙ

(Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках проекта № 18-29-14084)

В соответствии с ч. 1 ст. 55 Федерального закона от 21 ноября 2011 г. № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» вспомогательные репродуктивные технологии (далее — ВРТ) представляют собой методы лечения бесплодия, при применении которых отдельные или все этапы зачатия и раннего развития эмбрионов осуществляются вне материнского организма (в том числе с использованием донорских и (или) криоконсервированных половых клеток, тканей репродуктивных органов и эмбрионов, а также суррогатного материнства).

Широкое использование ВРТ важная потребность современного общества, как в мире, так и в России. Безусловно, применение ВРТ решает проблему конкретной семьи, вместе с тем необходимо учитывать, что государство также заинтересовано в расширении использования ВРТ. Согласно исследованиям, проведенным учеными ФГБОУ ВО Первый МГМУ имени И. М. Сеченова Минздрава России и Финансового университета при правительстве Российской Федерации, инвестиции во ВРТ должны вызвать положительный экономический эффект за счет увеличения объема трудовых ресурсов, что способно привести к увеличению темпов экономического развития и увеличению объема ВВП¹.

Изучение следственной практики показало, что в сфере ВРТ становится все больше правовых и криминалистических проблем, главные из которых связаны с выявлением преступлений, правильной квалификацией деяний и расследованием совершенных преступлений.

Ярким примером является уголовное дело, возбужденное в январе 2020 года по ч. 3 ст. 127.1 УК (торговля людьми, повлекшая по неосторожности смерть, в составе организованной группы). В квартире в Одинцовском районе Подмосковья были обнаружены четыре младенца, в том числе один мертвый, причина смерти — синдром внезапной смерти новорожденного. Дети были рождены по программе суррогатного материнства и находились в квартире с няней. Биологические родители должны были прибыть из Филиппин. Летом 2020 года по делу были задержаны восемь человек. По данным следствия, в 2014–2020 гг. в Москве руководители и сотрудники двух коммерческих организаций с привлечением работников частных медицинских центров на

¹ Ягудина Р. И., Куликов А. Ю., Тищенко Д. Г. Фармакоэкономический анализ отдаленных последствий более широкого использования экстракорпорального оплодотворения в лечении бесплодия на региональном и федеральном уровнях с позиции общества в целом в Российской Федерации // Фармакоэкономика: теория и практика. 2017. № 1 (Т. 5). С. 34–39.

возмездной основе предоставляли услуги суррогатных матерей. При этом они, как полагают следствие, нарушили законодательство Российской Федерации в области использования ВРТ¹.

В этой связи представляется важным выступление 16 декабря 2020 г. руководителя отдела по расследованию преступлений в отношении несовершеннолетних ГСУ СК РФ С. А. Сорокина в Общественной палате России, который прокомментировал указанное уголовное дело и отдельно отметил: «Да, мы столкнулись с тем, что отсутствует какое-то уголовное законодательство, позволяющее четко и ясно регламентировать, квалифицировать действия тех или иных лиц. Мы возбудили уголовные дела по купле-продаже младенцев»². Заявления такого рода от руководства центрального аппарата Следственного комитета РФ вызывают серьезную озабоченность.

Производство по уголовному делу в настоящее время не окончено, большинству обвиняемых избрана мера пресечения в виде заключения под стражу. При этом филиппинские родители направили в Тверской районный суд г. Москвы исковое заявление к Российской Федерации с требованием о взыскании компенсации морального вреда, причиненного в результате незаконного помещения их детей в Видновский специализированный дом ребенка для детей с органическим поражением центральной нервной системы и их насильственного удержания там на протяжении полутора лет³.

Закрытые границы ввиду пандемии не позволяют биологическим родителям забирать младенцев, рожденных суррогатными матерями, что увеличивает количество уголовных дел по статье 127.1 УК РФ. В 2020 году в Москве Следственный комитет РФ возбудил уголовное дело в отношении учредителей компании, предоставляющих медицинские услуги, связанные со вспомогательными репродуктивными технологиями, решив, что их действия подпадают под состав статьи 127.1. УК РФ (торговля людьми). По данным следствия, в 2020 году в Москве в квартире жилого дома были найдены пятеро младенцев, рожденных россиянками для граждан Китая⁴.

При исследовании практики рассмотрения споров о происхождении детей выявлены случаи фальсификации договоров о суррогатном материнстве.

Потенциальная угроза злоупотреблений, как со стороны суррогатной матери, так и со стороны биологических родителей, выражается, в том числе и в возможности фальсификации договора суррогатного материнства в части оплаты,

¹ В СК России расследуется уголовное дело о незаконном предоставлении услуг суррогатного материнства // URL: <https://sledcom.ru/news/item/1482585/> (дата обращения: 05.04.2021).

² Доклад руководителя отдела по расследованию преступлений в отношении несовершеннолетних ГСУ СК РФ Сорокина Сергея Александровича в Общественной палате РФ на слушаниях на тему «Изменения в законодательстве и проблемы репродуктивного туризма» // URL: <https://pk-semya.ru/videoblog/item/8250-doklad-rukovoditelya-otdela-po-rassledovaniyu-prestuplenij-v-otnoshenii-nesovershennoletnikh-gsu-sk-rf-sorokina-sergeya-aleksan-drovicha-v-obshchestvennoj-palate-rf-na-slushaniyakh-na-temu-izmeneniya-v-zakonodatelstve-i-problemy-reproduktivnogo-turizma.html> (дата обращения: 05.04.2021).

³ Суррогатное следствие // URL: <https://novayagazeta.ru/turbopages.org/novayagazeta.ru/s/articles/2021/06/05/surrogatnoe-sledstvie> (дата обращения: 05.04.2021).

⁴ Китайцы заказывают в России суррогатных матерей для своих детей // URL: <https://versia.ru/kitajcy-zakazyvayut-v-rossii-surrogatnyx-materej-dlya-svoix-detej> (дата обращения: 05.04.2021).

ответственности за неисполнение обязательств и иных конкретных условий договора о суррогатном материнстве.

Например, в текст договора стороны включили условие о проведении генетического анализа после рождения ребенка, служащее защитой прав потенциальных родителей. Недобросовестная суррогатная мать, беременность которой прервалась по каким-либо причинам, не желая терять денежные средства за вынашивание ребенка, могла забеременеть второй раз, уже не используя генетический материал суррогатных родителей. Понимая, что генетический материал ребенка отличен от материала супругов и поэтому придется возместить предусмотренные договором расходы, суррогатная мать отказывается выполнять анализ и представляет в суд фальсифицированный договор, в котором исключено условие о проведении генетического анализа. Фальсификация доказательств по делам, связанным с ВРТ, представляет опасность для нормального функционирования общественных отношений, направленных на защиту основополагающих естественных прав. Для предупреждения фальсификации договора о суррогатном материнстве нами предложена нотариальная форма договора¹.

После нотариального удостоверения договора о суррогатном материнстве согласно п. 27 приказа Минюста России от 17.06.2014 № 129 «Об утверждении Порядка ведения реестров единой информационной системы нотариата» нотариус должен произвести регистрацию нотариального действия в реестре нотариальных действий единой информационной системе нотариата посредством внесения сведений о совершенном нотариальном действии. Фактически нотариус после удостоверения договора на бумаге сканирует его, подписывает усиленной квалифицированной электронной подписью, после чего указанные сведения шифруются сертифицированными шифровальными (криптографическими) средствами защиты информации, предназначенными для использования в ЕИС, и вносятся в ЕИС, оператором которой является Федеральная нотариальная палата.

В соответствии с п. 12 Порядка для предоставления прав на внесение сведений в реестры ЕИС и доступа к сведениям, содержащимся в реестрах ЕИС, в соответствии с пунктами 10 и 11 Порядка нотариусу необходимо сделать соответствующую запись в электронном журнале временной передачи полномочий и подписать ее своей усиленной квалифицированной электронной подписью.

Единая информационная система нотариата является надежным хранилищем для каждого нотариально удостоверенного документа, в том числе в перспективе договоров о суррогатном материнстве, и практически исключает возможность фальсификации договора.

Таким образом, необходимость нотариальной формы договора о суррогатном материнстве подтверждают приведенные примеры.

Во избежание случаев, когда беременная женщина продает своего ребенка под видом суррогатной матери, в законе необходимо установить обязательное представление в роддоме, а потом в ЗАГСе документа, подтверждающего прохождение ею специальной медицинской процедуры, в ходе которой происходит

¹ Попов В. П., Кручинина Н. В. Выявление злоупотреблений и преступлений, связанных с фальсификацией в сфере вспомогательных репродуктивных технологий // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2019. № 3 (55). С. 95–101.

сопоставление генетического материала ребенка и его биологических родителей (супругов, давших согласие на имплантацию эмбриона).

Выполнение наших рекомендаций обеспечит более эффективное производство предварительного следствия.

*Посельская Л. Н.,
доцент кафедры криминалистики
Московского университета МВД России
имени В. Я. Кикотя,
кандидат юридических наук, доцент*

ТАКТИКА ИСПОЛЬЗОВАНИЯ СПЕЦИАЛЬНЫХ ЗНАНИЙ ПРИ ОСМОТРЕ И ВЫЕМКЕ ДОКУМЕНТОВ, СФОРМИРОВАННЫХ НА ЭЛЕКТРОННЫХ НОСИТЕЛЯХ

В соответствии с законодательством Российской Федерации в стране формируется высокотехнологичная среда в рамках Национальной Программы «Цифровая экономика Российской Федерации» на период с 01.10.2018 по 31.12.2024¹. Развитие цифровых технологий² в первую очередь затрагивает области экономических и финансовых взаимоотношений, что повлекло за собой тенденцию к изменениям в правовом регулировании, в том числе и деятельности правоохранительных органов. Одной из наиболее значимых и актуальных тенденций общественного развития является повсеместное использование интернет-технологий. Понятие «Интернет» приобретает совсем другой смысл, чем просто канал коммуникации и место хранения информации, когда речь идет о формировании и развитии новой реальности в экономике — ЦР (цифровой экономике). Вместе с тем использование цифровых технологий более быстрыми темпами осваивается в криминальных целях, нежели легальной экономической деятельности. Многообразие преступных проявлений обусловлено сложностью процесса их выявления, раскрытия и расследования. Значительно количество преступных проявлений совершается с использованием интернет-технологий, используя мировое информационное пространство, одновременно воздействуя на различные электронные устройства, включая мобильную связь.

Так, количество преступлений с использованием информационно-телекоммуникационных технологий ежегодно возрастает. Если за январь — август 2019 года было зарегистрировано 140184 таких преступлений, то за аналогичный период 2020 года количество преступлений в сфере IT-технологий зарегистрировано уже 318417 преступлений, то есть возросло на 76,7 %. Из них в

¹ Паспорт Национальной программы «Цифровая экономика Российской Федерации» (утв. Президиумом Совета при Президенте Российской Федерации по стратегическому развитию и национальным проектам 24.12.2018 № 16) // СПС «КонсультантПлюс».

² Цифровые технологии — это дискретная система, которая базируется на способах кодирования и трансляции информационных данных, позволяющих решать разнообразные задачи за относительно короткие отрезки времени. URL: https://spravochnick.ru/informacionnyye_tehnologii/cifrovye_tehnologii/ (дата обращения: 09.03.2021).

сети Интернет совершено 90,2 %, с использованием мобильной связи на 100 %¹. Приведенные статистические данные свидетельствуют о необходимости совершенствования организации и тактики расследования таких преступлений и выявления и фиксации их последствий.

Предметом нашего исследования являются закономерности организации и тактики производства следственных действий, направленных на осмотр и выемку электронных документов и цифровых следов. Целью нашего исследования является изучение особенностей тактики отдельных следственных действий, направленных на обнаружение, фиксацию и изъятие информации, зафиксированной на электронных носителях, определение специфики следов, оставляемых при совершении преступлений с использованием информационно-телекоммуникационных технологий, в первую очередь связанных с хищением денежных средств посредством Интернета — мошенничеств, электронных платежей и созданием фальшивых сайтов двойников.

С переходом к цифровой экономике появились новые понятия и новые объекты, которые предстоит изучать, осматривать и описывать следователям, относительно этих объектов проводить оперативно-розыскные мероприятия и экспертизы. Наиболее чувствительными для повседневной практической деятельности является выемка и осмотр документов, сформированных на электронных носителях.

На этапе проверки заявлений и сообщений о преступлениях с использованием цифровых технологий необходимо привлекать специалиста в сфере IT-технологий. Полагаем, что при переходе на цифровую экономику, расследование преступлений в этой сфере должно осуществляться в постоянном контакте и взаимодействии со специалистом. В этой связи А. Ф. Волынский отмечает необходимость применения на постоянной основе специальных знаний для выявления и фиксации информации о преступлениях в сфере традиционной и цифровой экономики².

Реалии сегодняшнего дня таковы, что при расследовании преступлений экономической направленности основную доказательственную базу составляют не традиционные бумажные документы, а те, которые существуют в электронном виде. Однако эту информацию еще нужно обнаружить и зафиксировать и осмотреть в соответствии с процессуальным порядком. Вместе с тем названные перемены в экономических отношениях, обуславливают специфику производства проверочных мероприятий на этапе возбуждения уголовного дела, а также особенности первоначальных следственных действий, связанных с осмотром и выемкой документов и информации, сформированной с использованием электронно-цифровых технологий. При получении материалов проверки заявлений и сообщений или результатов проведенных оперативно-розыскных мероприятий, проводятся следственные осмотры, выемка. В зависимости от их значимости определяется последовательность этих следственных действий. При установлении места нахождения компьютерной техники с установленным IP-адресом, после осмотра места

¹ Сведения ГИАЦ МВД РФ. URL: <https://xn--b1aew.xn--p1ai/reports/item/21244698> (дата обращения: 09.03.2021).

² Волынский А. Ф. Криминалистическое обеспечение раскрытия и расследования преступлений : учебное пособие. М., 2016. С. 21–22.

происшествия, производится осмотр файлов со сформированными электронными документами, или отправленными с данного компьютера. Основные тактические приемы осмотра состоят в следующем.

Прежде чем перейти к осмотру файлов с электронными документами, необходимо обеспечить безопасность тактических приемов осмотра. Эти действия связаны с соблюдением определенных обязательных правил обращения с компьютерной техникой. Включение и выключение компьютера и присоединенного к нему оборудования должно происходить с участием специалиста в сфере IT-технологий, либо после получения консультации от него. Необходимо убедиться, что отсоединение от сети Интернет не повредит программное обеспечение компьютера, содержащиеся файлы, не позволит проработать программу уничтожения сохраненной информации. При возможности включения компьютера необходимо в ходе осмотра зафиксировать наличие, название и структуру файлов, наличие электронных почтовых ящиков и время их использования. Вскрытие компьютерного оборудования желательно производить с участием IT-специалистов. Если будет произведено вскрытие и демонтаж компьютерного оборудования, то тогда осмотру подлежат жесткие магнитные диски (винчестеры), оптические диски, переносные диски, оперативные запоминающие устройства (ОЗУ), постоянно запоминающие устройства (ПЗУ), виртуальные диски для определения наличия документов и иной информации, сформированной с использованием названных технических устройств. Осмотр носителей так называемой машинной информации производится с целью установления содержания самой компьютерной информации и обнаружения внешних факторов воздействия. Поиску электронно-цифровых документов или информации может способствовать осмотр бумажных носителей, изготовленных на осматриваемой компьютерной технике и подключенным к ней печатающим устройствам. Особенно если осмотр компьютерной техники осуществляется в организации или учреждении. Это могут быть бумажные копии электронных документов, журналы учета работы на компьютере (если они ведутся), листингов, технической, технологической, кредитно-финансовой и прочей документации. В отдельных случаях требуются специальные знания для осмотра технической и иной документации. Относимость определенных конкретных документов к искомой информации может согласовываться со специалистом, а в протоколе указывается наименование, количество экземпляров, число страниц, место обнаружения. Результаты осмотра фиксируются в протоколе следственного действия. В обязательном порядке должно быть зафиксировано место обнаружения каждого файла с указанием носителя информации и объема файла, содержащего электронный документ.

В осмотре объектов носителей цифровой информации об электронных платежах нам представляется приоритетным исследование информационной составляющей и выявление способностей самого устройства и его программного обеспечения в формировании и передаче электронных платежных документов, либо получении аналогичных. В настоящее время подавляющее большинство платежей осуществляется, используя сотовые телефоны, смартфоны, компьютеры и другие электронные цифровые устройства. Осмотр сотового телефона (или смартфона) как объекта носителя цифровой информации об электронных платежах с одной стороны подчиняется общим правилам осмотра как следственного действия. Но имеет и свои особенности, учитывая цель — поиск электронных платежных документов. Осмотр состоит в визуальном восприятии и фиксации в протоколе внешних признаков телефонного аппарата. Наличие опций и подключений к различным серверам

и социальным сетям устанавливает в результате осмотра дисплея, хранящихся в нем файлов, информации. Имеет значение операционная система и программное обеспечение, подключение к почтовым ящикам, банковским продуктам. На тактику осмотра влияют конструктивные особенности телефонного аппарата, как сложного электронного устройства. Однако, учитывая задачи осмотра, предполагается определенная последовательность действий в целях обеспечения сохранности информации, цифровых следов и целостности осматриваемых объектов. При расследовании же преступлений в сфере экономической деятельности, когда значительное количество платежей и банковских операций может осуществляться посредством операционной системы и программного обеспечения сотового телефона или смартфона, приоритеты осмотра направлены в сторону поиска цифровых следов о сформированных документах. В ходе осмотра фиксируется наличие файлов, содержащих информацию об электронных платежах, архивных файлов об электронных платежных документах и наличии квалифицированной электронной подписи от имени определенного юридического или физического лица, либо нескольких файлов с разными образцами электронной подписи от разных лиц. Такая информация может содержаться как в памяти самого сотового телефона, так и на осматриваемых вместе с телефоном флэш — или SIM-картах.

Следственное действие выемка, включает в себя истребование и изъятие у какого-либо лица или учреждения предметов и документов, имеющих значение для дела. При проведении выемки на первоначальном этапе расследования, как правило, интересы следствия и лиц, у которых имеются необходимые предметы и документы, совпадают, поэтому выемка производится в условиях бесконфликтной ситуации. При расследовании преступлений экономической направленности, данное следственное действие крайне необходимо, так как у следователя имеется информация о наличии и месте расположения документов, предметов, имеющих значение для расследуемого уголовного дела, и получить их иным путем невозможно.

В ходе расследования преступлений, совершаемых с использованием электронных платежных документов, чаще всего изымаются, осматриваются и приобщаются к материалам уголовного дела средства компьютерной техники, сотовые телефоны, видеозаписи с камер видеонаблюдения в банках и других учреждениях. Процедура выемки и осмотра каждого из перечисленных объектов имеет свои особенности.

Одним из наиболее важных источников получения информации о преступлении являются электронные документы. Формирование определенного вида информации и зависит от компьютерной техники, принимающих и передающих устройств, сетевых ресурсов, услуг провайдеров, подключенных сетей, от скорости цифрового сигнала, наличия подключений к сети. При этом механизм образования электронно-цифровых документов обусловлен и уязвимостью технологического оборудования, программных средств обеспечения информационной безопасности. Так, например, если из представленной информации провайдера или лог-файлов¹

¹ Лог-файлы (logs или логи) — это текстовый файл, в котором ведется запись абсолютно всех событий, которые происходили на сервере (на котором расположен ваш сайт). Запись событий ведется так: каждому событию соответствует определенная строчка, с указанием времени события и прочих сведений. Обычно все логи сортируются по датам. Одним суткам соответствует один файл.

компаний глобальной сети Интернет типа Mail.ru или других будет установлен факт входа в почтовый ящик подозреваемого лица, причем с разных IP-адресов. Это свидетельствует о том, что лицо пользуется услугами разных компаний-провайдеров, при этом они могут локально находиться на достаточно удаленном расстоянии друг от друга. Такие действия совершаются для маскировки своего IP-адреса. В отдельных случаях для сокрытия адреса используются так называемые прокси-серверы¹, позволяющие сохранить анонимность в сети Интернет. В любом случае проследить движение информации от одного электронного носителя к другому представляется возможным только с участием специалиста. Кроме участия специалистов, необходимо и совершенствование технико-криминалистических средств и методов для выявления и фиксации цифровых следов. В этом смысле мы разделяем позицию Е. П. Ищенко о возможности формирования новых подходов к выявлению и расследованию преступлений, совершаемых в виртуальном пространстве².

Рассмотренные в данной статье тактические особенности производства отдельных следственных действий по осмотру и выемке электронно-цифровых документов и следов их формирования позволят практическим работникам составить представление о первоначальных следственных действиях при расследовании преступлений экономической направленности, совершаемых в информационно-телекоммуникационной сфере.

Харина Э. Н.,

*доцент кафедры криминалистики
Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА),
кандидат юридических наук*

Сабитова С. Э.,

*обучающаяся 4-го курса
Института публичного права и управления
Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)*

ПРЕСТУПНОЕ НАРУШЕНИЕ САНИТАРНО-ЭПИДЕМИОЛОГИЧЕСКИХ НОРМ И РАСПРОСТРАНЕНИЕ ЗАВЕДОМО ЛОЖНЫХ СВЕДЕНИЙ В УСЛОВИЯХ ПАНДЕМИИ: УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ И КРИМИНАЛИСТИЧЕСКИЙ АСПЕКТЫ

Преступления против здоровья и общественной безопасности населения относятся к одним из наиболее значимых и опасных преступлений для всего человечества, поскольку негативно воздействуют на физическое и душевное

¹ Прокси-сервер (от англ. proxy — представитель, уполномоченный; часто просто прокси, сервер-посредник) — промежуточный сервер (комплекс программ) в компьютерных сетях, выполняющий роль посредника между пользователем и целевым сервером (при этом о посреднике могут, как знать, так и не знать обе стороны), позволяющий клиентам как выполнять косвенные запросы (принимая и передавая их через прокси-сервер) к другим сетевым службам, так и получать ответы.

² Ищенко Е. П. О криминалистике и не только: избранные труды. М. : Проспект, 2016. С. 14–23.

состояние населения, что неминуемо отражается на социально-экономическом состоянии общества в целом.

6 апреля 2020 г. на фоне распространения коронавирусной инфекции в Собрании Законодательства Российской Федерации № 14 в ст. 2030 был опубликован Федеральный закон от 1 апреля 2020 г. № 100-ФЗ, положениями которого:

- подверглись существенным изменениям положения статьи 236 УК РФ (в часть первую указанной статьи был включен новый состав преступлений, согласно которому уголовной ответственности подлежит лицо, нарушившее санитарно-эпидемиологические правила, если такое нарушение повлекло наступление материальных последствий в виде массового заражения или отравления людей либо создало угрозу такого заражения);
- законодателем ужесточена мера ответственности за нарушение санитарно-эпидемиологических норм в соответствии со ст. 236 УК РФ;
- в уголовный закон внесены новые составы преступлений, предусматривающие ответственность за распространение заведомо ложных сведений об обстоятельствах, представляющих угрозу для жизни и безопасности граждан — ст. 207.1 и 207.2 УК РФ.

Следовательно, законодатель уделил особое внимание некоторым составам преступлений, активность в совершении которых возросла именно в период распространения коронавирусной инфекции, а именно: нарушение санитарно-эпидемиологических правил (ст. 236 УК РФ); публичное распространение заведомо ложных сведений об обстоятельствах, представлявших угрозу жизни и безопасности граждан (ст. 207.1 УК РФ); публичное распространение заведомо ложной общественно значимой информации, повлекшее тяжкие последствия (ст. 207.2 УК РФ).

С целью всестороннего исследования вышеуказанных преступлений необходимо обратиться к их криминалистической характеристике.

Криминалистическая характеристика преступлений определяется общей совокупностью элементов, которые образуют в целом систему криминалистических признаков конкретных преступлений. Для выработки принципов расследования данных преступлений необходимо определить не только структурные элементы криминалистической характеристики, но и их взаимную связь между собой. Таким образом, необходимо обратить внимание на следующие элементы криминалистической характеристики преступлений, которые активно стали совершаться именно на фоне пандемии коронавирусной инфекции: 1) событие преступления, 2) предмет посягательства, 3) субъект, 4) способ совершения преступления.

Обратимся к первому из рассматриваемых нами составов преступления — нарушение санитарно-эпидемиологических правил (ст. 236 УК РФ).

Основным объектом выступает санитарно-эпидемиологическое благополучие населения. В качестве дополнительного объекта в рассматриваемом преступлении необходимо выделить здоровье населения.

С целью реализации прав граждан на охрану здоровья и благоприятное состояние окружающей среды, для предотвращения распространения и ликвидации массовых инфекционных и неинфекционных заболеваний, и отравлений законодателем приняты санитарно-эпидемиологические нормы. Нарушение установленных санитарно-эпидемиологических правил оказывает непопра-

вимое негативное воздействие на уровень социального здоровья населения, в том числе нашей страны. Федеральный закон от 30 марта 1999 г. № 52-ФЗ «О санитарно-эпидемиологическом благополучии населения» является основным нормативным правовым актом, регулирующим соблюдение санитарно-эпидемиологических норм в Российской Федерации закрепляющим обязанность граждан и юридических лиц по соблюдению требований санитарного законодательства, постановлений и предписаний.

Событие преступления, предусмотренного ст. 236 УК РФ, находит свое отражение в совершении действий или бездействия, направленных на нарушения санитарно-эпидемиологических норм.

Так, гражданин Ш., зараженный новой коронавирусной инфекцией, вернулся к месту своего проживания, где согласно постановлению Губернатора № 43 от 4 апреля 2020 года был обязан соблюдать меры и правила самоизоляции, в том числе в течение 14 дней не покидать место своего жительства и не вступать в контакт с иными лицами. В нарушение указанных правил, Ш. контактировал с жителями Г., В., Д., А., С., чем создал угрозу распространения коронавирусной инфекции. Граждане Г., В., Д., А., С., впоследствии тоже были заражены коронавирусной инфекцией¹.

Последствия совершения указанного преступления выражаются в массовом заражении.

Лицо, совершившее деяние, закрепленное ст. 236 УК РФ и повлекшее угрозу наступления преступных последствий, будет подвергнуто уголовной ответственности только в случае реальности этой угрозы, и если преступные последствия не наступили лишь благодаря своевременно принятым решениям органов государственной власти, местного самоуправления, медицинских работников и других лиц или в результате иных обстоятельств, не зависящих от воли лица, нарушившего указанные правила².

По конструкции объективной стороны рассматриваемое преступление имеет формальный состав и считается оконченным с момента создания реальной угрозы массового заболевания, отравления.

Предметом преступного посягательства в преступлении, выраженном в нарушении санитарно-эпидемиологических правил, признаются непосредственно санитарно-эпидемиологические правила, на которые оказывается преступное воздействие.

Под способом совершения преступления в криминалистке следует понимать систему взаимосвязанных и взаимообусловленных действий, при помощи которых достигается преступная цель³. В данном случае способом совершения преступления является совершение активных действий или бездействие лица, направленных на нарушение санитарно-эпидемиологических норм.

Субъективную сторону преступлений, выражающихся в нарушении санитарно-эпидемиологических правил, составляют вина в форме прямого умысла по

¹ Приговор Буйского районного суда Костромской области от 08.07.2020 по делу № 1-96/2020. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/MP59aO0e30VX/> (дата обращения: 30.04.2021).

² Обзор по отдельным вопросам судебной практики, связанным с применением законодательства и мер по противодействию распространению на территории Российской Федерации новой коронавирусной инфекции (COVID-19) № 2 // СПС «ГАРАНТ».

³ Возгрин И. А. Научные основы криминалистической методики расследования преступлений. Часть IV. СПб. : Санкт-Петербургский юридический институт МВД России, 1993. С. 26.

отношению к нарушению санитарно-эпидемиологических норм и неосторожностью по отношению к последствиям в виде легкомыслия или небрежности. Лицо, инфицированное коронавирусом, возможно привлечь к ответственности только в случае, если оно умышленно не исполняло предписания о санитарно-эпидемиологических правилах, зная о своем заболевании.

На фоне распространения коронавирусной инфекции в сети «Интернет» стремительно участились случаи распространения недостоверных сведений о тяжести заболевания и его последствиях, количестве заболевших, введении в стране комендантского часа, что не смогло не сказаться на психоэмоциональном состоянии граждан. Ввиду чего законодателем были введены в действие два ранее обозначенных нами состава преступления, предусмотренные ст. 207.1 и 207.2 УК РФ.

Основным объектом указанных преступлений выступает общественная безопасность, а дополнительным объектом можно выделить здоровье населения.

Рассматриваемые преступления проявляются в распространении под видом достоверных сообщений заведомо ложной информации об обстоятельствах, представляющих угрозу жизни и безопасности граждан и общественно значимой информации (в том числе чрезвычайные ситуации природного и техногенного характера, чрезвычайные экологические ситуации, которые повлекли или могут повлечь человеческие жертвы, нанесение ущерба здоровью людей и окружающей природной среде). Заведомо ложной информацией являются данные, в том числе сведения и сообщения, изначально не соответствующие действительности, о чем лицо, их распространившее, достоверно знало.

Так, гражданин Ю. путем размещения сообщения в открытом сообществе в социальной сети распространил ложную информацию о том, что болен коронавирусной инфекцией и, гуляя по городу, заражает других людей¹.

Последствия совершения деяния, предусмотренного ст. 207.2 УК РФ, выражаются в причинении вреда здоровью человека или наступлении смерти.

Статьи 207.1 и 207.2 УК РФ различаются между собой по конструкции объективной стороны. Публичное распространение под видом достоверных сообщений заведомо ложной информации об обстоятельствах, представляющих угрозу жизни и безопасности граждан, является преступлением с формальным составом.

Так, гражданин С., используя доступ к сети Интернет, выложил в группу в групповом чате WhatsApp голосовое сообщение, в котором высказал информацию о том, что вертолеты, пролетающие над территорией города, распространяют коронавирусную инфекцию, из-за которой впоследствии погибли люди².

Субъективная сторона характеризуется только прямым умыслом, поскольку лицо осознает общественную опасность совершаемого им деяния, предвидит и желает наступление общественно опасных последствий.

¹ Постановление Нефтеюганского районного суда Ханты-Мансийского автономного округа — Югры от 27.05.2020 по делу № 1-305/2020. URL: <https://sudact.ru/regular/court/resheniya-nefteiuganskii-raionnyi-sud-khanty-mansiiskii-avtonomnyi-okrug-iugra/> (дата обращения: 30.04.2021).

² Постановление Буйнакского городского суда Республики Дагестан от 02.07.2020 по делу № 1-110/2020. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/X2WNaWceee5g/> (дата обращения: 30.04.2021).

Можно выделить следующие способы совершения рассматриваемых преступлений: публичное распространение заведомо ложных сведений об обстоятельствах, которые представляют угрозу жизни и безопасности граждан и публичное распространение заведомо ложных общественно значимых сведений.

Публичным следует признавать такой способ распространения информации, согласно которому она направлена группе или неограниченному кругу лиц и выражена в любой доступной для них форме.

Так, гражданин В. осуществлял перелет в период пандемии по заранее подготовленному маршруту. Как и остальные лица, он был обеспечен средствами индивидуальной защиты, в том числе и комбинезоном и проследовал в нем на борт авиарейса. Однако, спустя несколько часов после перелета, гражданин В. разместил в мессенджере Whatsarr в группе с численностью около 60 человек, заведомо ложные сведения о том, что средства индивидуальной защиты были предоставлены ему и иным пассажирам авиарейса лишь перед выходом из самолета по прибытии в пункт назначения и негативно охарактеризовал действия сотрудников государственных органов¹.

В зависимости от совершенного преступления (ст. 236, 207.1, 207.2 УК РФ) следователем производятся различные следственные действия, а именно: допрос, выемка документации, проведение судебно-медицинской экспертизы.

Допрос заключается в получении от допрашиваемого лица сведений об обстоятельствах, которые подлежат установлению и доказыванию². В рамках преступлений, совершаемых на фоне эпидемии коронавирусной инфекции, в первую очередь необходимо провести допрос потерпевших, их родственников и знакомых, свидетелей, медицинских работников, оказывавших помощь потерпевшим, сотрудников лаборатории, установивших наличие заболевания. В ходе допроса вышеперечисленных лиц должно быть установлено место, время и обстановка совершения преступления. Сотрудники медицинских организаций смогут разъяснить период притока большого количества заболевших со сходными симптомами заболевания в медицинские учреждения и предоставить информацию о самих признаках распространившейся инфекции. Сотрудниками лабораторий может быть предоставлена информация относительно количества проведенных положительных проб на наличие инфекции в организме, периода забора проб и их локализации.

При распространении заведомо ложных сведений первоочередно необходимо допросить свидетелей их распространения, например участников чата WhatsApp или группы Вконтакте в сети Интернет. Можно получить информацию о времени, месте и непосредственном содержании распространяемых ложных сведений.

Выемка представляет собой истребование заранее установленных предметов и документов, имеющих значение для дела. Применительно к рассматриваемым преступлениям изъятию могут подлежать медицинские документы, в том числе амбулаторные карты и истории болезни, сведения о передвижении (транс-

¹ Приговор Южно-Сахалинского городского суда от 27.07.2020 по делу № 1-888/20. URL: <https://sudact.ru/regular/court/reshenya-iuzhno-sakhalinskii-gorodskoi-sud-sakhalinskaia-oblast/> (дата обращения: 30.04.2021).

² Криминалистика : учеб. пособие для сред. спец : учеб. заведений / А. В. Гусева, Т. А. Рассецкая. М. : Приор, 2005. С. 91.

портные документы), сведения о контакте заболевшего с иными лицами. При совершении преступлений, предусмотренных ст. 207.1 и 207.2 УК РФ необходимо изымать мобильные устройства, компьютерную технику, электронные документы, в том числе компьютерные файлы, информацию с сайтов сети Интернет.

Проведение судебно-медицинской экспертизы поможет установить правильность поставленного диагноза, наличие в организме распространяемой инфекции, характер и степень понесенного вреда.

В результате проведенного исследования можно сделать вывод, что распространение коронавирусной инфекции без сомнения затронуло и отразилось на многих сферах жизни общества и его приоритетах. Под влиянием коронавирусной инфекции оказалась, в том числе и правовая система нашей страны, ввиду чего необходимо полное и всестороннее изучение и расследование, совершаемых в таких условиях преступлений.

*Холопова Е. Н.,
старший научный сотрудник
Юридического института
БФУ имени И. Канта,
доктор юридических наук,
кандидат психологических наук, профессор*

ПРОТИВОДЕЙСТВИЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯМ, СВЯЗАННЫМ С ПРИМЕНЕНИЕМ БИОЛОГИЧЕСКОГО ОРУЖИЯ

**(Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ
в рамках проекта № 18-29-14015/21)**

Биологическое оружие является специфическим, неконтролируемым видом наиболее смертельного оружия для всех живых организмов. Следует отметить, что из всех видов оружия массового поражения террористы отдадут предпочтение биологическим средствам, так как: патогенные биологические агенты (далее — ПБА) для террористов являются более доступными и дешевыми (так, некоторые исследователи считают, что обычное вооружение в 2000 раз, ядерное в 800 раз, химическое в 600 раз более дорогостоящи, чем биологические агенты)¹; скрытый период распространения ПБА; отсутствуют возможности установления времени террористического акта, идентификации агента.

В классификации факторов биологических угроз, связанных с преднамеренным применением (высвобождением) ПБА, отечественные и зарубежные исследователи выделяют²:

- биотерроризм — применение ПБА в качестве средства поддержки или противостояния власти, политической, общественной или социальной

¹ Шапошников А. А. Биологический и химический терроризм: история и современность // РЭТ-инфо. 2007. № 4. С. 35–40.

² Суранова Т. Г. Состояние нормативной правовой базы по классификации биологических угроз // Медицина катастроф. 2016. № 3 (95). С. 45–50.

общности, средства достижения националистических или сепаратистских целей;

- биопреступление — использование ПБА для уничтожения конкретных лиц или группы лиц в политических, личных или криминальных целях;
- биодиверсию — применение ПБА с целью поражения или выведения из строя живой силы, уничтожения, разрушения командных пунктов (органов управления);
- биологическую войну — применение ПБА для достижения конечной цели боевых действий в локальных войнах и вооруженных конфликтах.

Мировое сообщество, ученые, сотрудники правоохранительных органов относятся к преступлению, связанному с применением биооружия, к наиболее актуальным и опасным деяниям, требующим незамедлительного изучения и дальнейшего реагирования, что подтверждается принимаемыми нормативными правовыми актами, разработкой основ противодействия таким преступлениям.

Противодействия преступлениям, связанным с применением биооружия, требует разработки многоуровневой системы профилактики и защиты Российской Федерации от угроз опасных инфекций. Сложившаяся в последний год санитарно-эпидемиологическая обстановка продемонстрировала не совершенность систем защиты от биологических угроз, зависимость государства от поставок медицинских препаратов, а также сырья для его производства.

Во-первых, необходимо создание эффективного мониторинга заболеваемости во всех субъектах Российской Федерации. Такой эпидемиологический анализ вспышек заболеваний различного вида, позволит выявлять места подозрительной активности; регионы, наиболее нехарактерных для этой местности инфекций. Такие систематизированные и обобщенные статистические и аналитические данные позволят проводить наиболее глубокий анализ распространения опасных инфекций (использование технологий Больших данных).

Во-вторых, с учетом специфики рассматриваемых преступлений — готовность к предотвращению и ликвидации актов биотерроризма определенно требует подготовки и совершенствования квалификации специалистов (эпидемиологов, молекулярных биологов, химиков, оперативных сотрудников и пр.), а также международного сотрудничества посредством Всемирной организации здравоохранения.

Выявление и раскрытие преступлений такого вида напрямую связано с междисциплинарными знаниями, в том числе и естественно-научными. Необходимо, создание на региональном уровне межведомственных групп специалистов, имеющих специализации по различным направлениям (вирусологи, эпидемиологи, врачи, биологи, криминологи, криминалисты, социологи и т.д.), а также сотрудников органов, осуществляющих профилактику преступлений. Требуется разработка положений о данных группах, определение их задач, а также осуществления мониторинга биологических рисков и оценки эффективности реализации мероприятий, направленных на поддержание допустимого уровня биологического риска¹.

Кроме того, разработка и прогноз алгоритма действий всех причастных органов и организаций в случае выявления фактов биотерроризма, а также выделение соответствующего финансирования на создание мощностей для оказания

¹ URL: <https://rg.ru/2021/01/11/bio-dok.html> (дата обращения: 26.04.2021).

помощи людям, предотвращения распространения заболеваний и научные исследования в данной сфере должны также являться одной их составляющих системы профилактики биопреступлений.

Особую актуальность представляет кадровый вопрос: так, потребуются высококвалифицированные специалисты в различных областях естественных наук. Знания таких специалистов будут являться базисом, как для профилактики рассматриваемых преступлений, так и для их раскрытия. Также важной составляющей процесса анализа и мониторинга эпидемиологической обстановки на территории страны будет являться совместная работа экспертов разных профилей для рассматривания конкретной ситуации с разных точек зрения.

Полагаем, что научные сотрудники ведущих научных центров (ФБУН Государственный научный центр вирусологии и биотехнологии «Вектор» Федеральной службы по надзору в сфере защиты прав потребителей и благополучия человека; Национальный исследовательский центр эпидемиологии и микробиологии имени почетного академика Н. Ф. Гамалеи; Санкт-Петербургский НИИ эпидемиологии и микробиологии имени Пастера), их труды и деятельность представляют высокую значимость для целей изучения и предотвращения актов биотерроризма. При этом в противодействии такому виду оружия потребуются специальные знания биотехнологов, исследователей в области генно-инженерной деятельности, которые не смогли найти применение своим знаниям в государственных научно-исследовательских центрах.

Из этого следует, что для эффективной профилактики биотерроризма необходимо: обучение специалистов, вовлеченных в эпиднадзор за патогенами, по программам, включающим ограниченную, но правильно выбранную группу биологических агентов; подготовка специалистов медслужбы, криминалистов, экспертов, следователей, оперативных сотрудников по вопросам особенностей проявления инфекций при применении «вероятным противником» биологических средств с террористическими целями; проведение тренингов медицинских и лабораторных работников, работников эпидемиологической службы и ветеринарного контроля для надлежащего контроля за особо опасными инфекциями; ведение профилактической работы среди населения, разработка соответствующих программ для обучения населения новым опасным инфекциям; разработка специальных медицинских стационаров с высоким уровнем защиты для госпитализированных инфекционных больных и медицинского персонала.

При раскрытии и расследовании преступлений обозначенной категории очевидна потребность в комплексных знаниях и привлечении специалистов из различных сфер: для оценки биологической обстановки на территории использования оружия; документировании признаков применения биологического оружия; проведения консультаций, экспертных исследований для распознавания следов биологического оружия. При раскрытии преступлений, связанных с биологическим оружием, востребованы не только экспертные исследования в целях решения групп вопросов по отдельным объектам, имеющим значение для дела. Результаты разрозненных исследований в совокупности важны для проведения ситуационной экспертизы, позволяющей оценить причинно-следственные связи между конкретными фактами. Так, способы применения биологического оружия зависят от используемых биологических агентов (насекомые, животные, зараженные продукты и др.). В зависимости от вида использованного биологического агента, а также способа требуются специальные знания из различных областей.

Необходимо так же развитие новых отраслей знаний. Представляется, что исследователи правы, когда говорят о необходимости и значимости криминалистических исследований биотерроризма и других биологических преступлений, в которых микробы используются в качестве оружия. В то же время, как считает А. С. Андреев, «выделение в отдельную научную дисциплину микробной криминалистики преждевременно и вряд ли применимо (что не исключает внедрения специального курса при обучении или переподготовки слушателей специализированных вузов), однако актуально как никогда и не исключает необходимости в соответствующих исследованиях (к примеру, ТКО расследования биотерроризма, тактические операции предотвращения агротерроризма, базовая методика расследования биологических преступлений и многое другое)»¹.

Необходимо проведение фундаментальных исследований, направленных на обеспечение раннего выявления новых и известных патогенов, а также развитие молекулярной эпидемиологии и создание геоинформационных систем для оперативного реагирования на биологические угрозы. Такие системы могли бы прогнозировать скорость и последствия распространения биологических агентов в случае катастроф или актов биотерроризма, исходя из характера биологического агента и способа его распространения. Использование такой системы позволило бы проводить более рациональные и конкретные меры профилактики в разных регионах Российской Федерации исходя из их природных, геополитических и иных особенностей.

Одним из важнейших направлений совершенствования правового обеспечения в сфере биологической безопасности и противодействия преступлениям, связанным с биологическим оружием, считаем совершенствование нормативного правового регулирования в области трансграничного перемещения генно-модифицированных организмов и различных биологических материалов. Одним из необходимых условий для такого совершенствования является присоединение Российской Федерации к Картахенскому протоколу по биобезопасности к Конвенции о биологическом разнообразии, к Нагойскому протоколу регулирования доступа к генетическим ресурсам и совместного использования на справедливой и равной основе выгод от их применения, к Конвенции о биологическом разнообразии, а также к Нагойско-Куала-Лумпурскому дополнительному протоколу об ответственности и возмещении за ущерб к Картахенскому протоколу по биобезопасности. Картахенский протокол — это международное соглашение о мерах и процедурах, необходимых для безопасного перемещения через государственные границы, переработки и применения продуктов современной биотехнологии. В настоящее время к Протоколу присоединились 173 страны, включая страны ЕС, Китай, Япония, Иран и другие, однако Россия и США до сих пор не подписали данное соглашение.

Согласно статистике Росздравнадзора, в 2017 г. выдано 442 разрешения на ввоз на территорию нашей страны органов и тканей человека, крови и ее компонентов, образцов биологических материалов человека. Разрешений на вывоз за этот же период было 301. Чаще всего через границу перемещается кровь и ее

¹ Андреев А. С. Обзор зарубежного опыта использования криминалистических средств, приемов и методов собирания, исследования, использования микробиома в раскрытии и расследовании преступлений // Вестник алтайской академии экономики и права. 2018. № 4 С. 130–134.

компоненты, количество разрешений на ввоз/вывоз этого материала превысило 600 штук¹. Биобезопасность имеет ключевое значение для предотвращения биотерроризма и борьбы с ним, равно как и нераспространение и контроль за импортом и экспортом биологических материалов. Требуется совершенствование и противодействие незаконному ввозу в страну особо опасных биологических веществ и патогенных микроорганизмов из ближнего и дальнего зарубежья.

Международная преступность способствует совершенствованию криминальной среды, распространению новых видов вирусов, опасных инфекций, биологического оружия, принципиально новому уровню оснащения террористов, нестандартности их замыслов и методов совершения преступлений. Данные факторы требуют новых форм противодействия криминальным угрозам, внедрения новых технических средств для исследования биологического оружия и следов его применения, создания новых баз данных, связанных с учетом биологического оружия, более тесного взаимодействия с криминалистическими подразделениями правоохранительных органов иностранных государств.

¹ URL: <https://pharmvestnik.ru/content/news/biomaterialy-chasche-vvozzat-v-rossiju-a-ne-vyvozzat.html> (дата обращения: 23.04.2021).

ПРАВОВОЕ И СУДЕБНО-ЭКСПЕРТНОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ МЕДИАБЕЗОПАСНОСТИ В ЦИФРОВОЙ СРЕДЕ

Аминев Ф. Г.,

*Институт права Башкирского
государственного университета,
профессор кафедры криминалистики
Уфимского государственного авиационного
технического университета,
профессор кафедры «Финансы,
денежное обращение
и экономическая безопасность»,
доктор юридических наук, профессор*

О НЕКОТОРЫХ ПРОБЛЕМАХ МЕДИАБЕЗОПАСНОСТИ В СУДЕБНО-ЭКСПЕРТНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ¹

Е. Р. Россинская вместе со своими учениками и коллегами в многочисленных трудах² разработала многие направления (о сущности судебной экспертизы, о предмете судебной экспертологии, структуре науки и т.д.) и частные теории, включая одну из последних — частную теорию цифровизации судебно-экспертной деятельности³.

Научным сообществом принята структура судебной экспертологии, состоящая из: 1) общей теории судебной экспертологии; 2) правового обеспечения судебно-экспертной деятельности; 3) организационного обеспечения судебно-экспертной деятельности; 4) судебно-экспертных технологий.

На наш взгляд в развитие структуры судебной экспертологии в разделе «организационное обеспечение судебно-экспертной деятельности» в подразделе «экспертная профилактика» можно предложить выделить еще одно направление, а именно — «медиабезопасность в судебно-экспертной деятельности», которое уже несколько лет развивает профессор кафедры судебных экспертиз МГЮУ имени О.Е. Кутафина (МГЮА) доктор юридических наук и доктор филологических наук, академик РАЕН Е. И. Галяшина.

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта-гранта РФФИ-мк № 18-29-14076 (Башкирский государственный университет).

² Россинская Е. Р., Галяшина Е. И. Настольная книга судьи: судебная экспертиза. М., 2011 ; Россинская Е. Р., Галяшина Е. И. Судебная экспертиза : сборник нормативных правовых актов. М. : Проспект, 2016 ; Россинская Е. Р. Судебная экспертиза в гражданском, арбитражном, административном и уголовном процессе. М. : Норма, 2008 ; Россинская Е. Р., Галяшина Е. И., Зинин А. М. Теория судебной экспертизы (Судебная экспертология) : учебник / под ред. Е. Р. Россинской. М. Норма: Инфра-М, 2016 ; Судебно-экспертная деятельность: правовое, теоретическое и организационное обеспечение : учебник для аспирантуры / под ред. Е. Р. Россинской, Е. И. Галяшиной. М. : Норма: Инфра-М, 2017 и т.д.

³ Россинская Е. Р. Развитие судебно-экспертных концепций в моих трудах // Развитие криминалистики и судебной экспертизы в трудах профессора Е. Р. Россинской : материалы Международной научно-практической конференции к юбилею ученого, эксперта, педагога, Москва, 27 ноября 2019 г. М. : Проспект, 2019. С. 12.

Как известно, **медиабезопасность** — это обеспечение государством информационной безопасности граждан, самого государства, защита физического, умственного и нравственного развития, а также человеческого достоинства во всех аудиовизуальных медиа-услугах и электронных средствах массовой информации. В условиях развития цифровизации общества, возрастают потоки информации, носящей общедоступный, но в то же время и конфиденциальный характер. В этой связи следует предусмотреть меры по безопасности конфиденциальных, в том числе экспертных, информационных баз данных, по защищенности как самой информации, так и населения от ложной, порой социально опасной (экстремистской или суицидальной и т.д.) информации.

По нашему мнению, в целях обеспечения медиабезопасности в судебно-экспертной деятельности, следует обратить особое внимание на работу в первую очередь со следующими средствами медиа:

- сайты судебно-экспертных организаций;
- информационно-справочные базы данных;
- защита систем передачи электронной информации (директ-медиа);
- работа с теле-, и радиовещанием.

Изучение судебно-экспертной практики свидетельствует о том, что сайты многих негосударственных судебно-экспертных организаций содержат недостоверную информацию:

- о сроках производства отдельных видов судебных экспертиз (например, в г. Челябинске на сайте одной экспертной ООО содержалась информация о проведении экспертного исследования по установлению давности исполнения документа на основе использования хроматографа за 7 дней — в то время, как известно, что с помощью хроматографа исследование давности исполнения документа проводится в сроки не менее 3 месяцев);

- о возможности установления давности выстрела из огнестрельного оружия;
- о возможности проведения оценочной экспертизы объектов недвижимости только по фотоснимкам объекта и т.д.

В то же время в некоторых ситуациях достоверная информация о результатах судебно-экспертной деятельности содержит порой не меньшую опасность для общества. Например, нашими исследованиями подтверждена пагубность распространения через средства массовой информации (в частности, через телевидение) такой казалась бы достоверной информации о возможностях дендрохронологической экспертизы, устанавливающей по доскам место незаконно срубленной древесины, вплоть до номера делянки — на следующий год после такой передачи нами отмечено полное отсутствие назначения судебных дендрохронологических экспертиз и снижение регистрации фактов незаконной рубки в Республике Башкортостан на 34 %.

Не являясь врагом процессов цифровизации и внедрения высоких технологий в экономику, полагаем необходимым предпринять меры для обеспечения безопасности процесса перевода судебно-экспертной деятельности в цифровой формат, т.к. такой перевод приводит к прозрачности этой деятельности, что несет ей угрозу. При этом возможен перехват не только технологических процессов проведения судебных экспертиз, но и установление контроля за результатами этих процессов.

Главная угроза для медиаопасности в судебно-экспертной деятельности заключается в том, что в России используется не отечественный, а иностранный обеспечительный программный сервис. Поэтому мы крайне уязвимы.

Так, например, в настоящее время молекулярно-генетическая (генотипоскопическая) экспертиза в целях идентификации и диагностики человека, оставившего биологические следы, проводится на STR-локусах¹ (с допуском определенной доли ошибочных идентификаций) с использованием комплекса оборудования и компьютерной программы системы «CODIS» (производство США). Известно, что используемые большинством стран мира (таких стран более 60) методики ДНК-типирования с помощью STR-локусов не гарантируют уникальность генотипа (имеются ошибки). Кроме того, в результате исследования генетической информации STR-локусов составляются ДНК-данные, включающие полные индивидуальные геномы гражданина — а это крайне опасно, так как возможная утечка информации из такой базы данных (а такая возможность утечки геномной информации в американской системе CODIS не исключается) позволит использовать ее в криминальных целях, вплоть до создания этнического генетического оружия.

В то же время учеными Института биохимии и генетики Уфимского Федерального исследовательского центра Российской академии наук (УФИЦ РАН) разработан оригинальный способ оцифровки в бинарном формате сразу всей четверки нуклеотидов в каждом «снипе»². Переход к цифровизации на основе снипов позволяет проводить детекцию более коротких участков ДНК в старых биологических образцах, которые не могут быть выявлены с помощью STR- и miniSTR-локусов. Метод обладает существенным преимуществом процесса идентификационного исследования. Кроме того, продолжается работа над новой технологией детекции снипов, которая будет на порядок дешевле той, что сейчас применяется для ДНК-идентификации личности на основе STR-локусов. При этом достигается максимальная цифровизация: «объем информации при ДНК-идентификации личности с помощью снипов составит для одного человека не более одного килобайта (для сравнения: с помощью ныне практикуемых STR-локусов — более 200 килобайт)»³.

Таким образом, внедрение этой системы позволит только на закупке серверов осуществить 200-кратную экономию. Но в случае внедрения этой отечественной системы, позволяющей осуществить полное импортозамещение проведения молекулярно-генетических экспертиз с высоким уровнем цифровизации, возникает комплексная организационно-финансовая проблема: каким образом осуществить беззатратный переход от одной системы ДНК-анализа к другой (с учетом неконвертируемости программного обеспечения систем, возможной смены учреждения, в котором будут проводиться эти экспертизы, с учетом переобучения экспертных кадров, закупки нового оборудования, расходных материалов и т.д.). Представляется, что при детальном финансово-экономиче-

¹ STR-локус — участок ДНК, состоящий из следующих друг за другом повторяющихся нуклеотидных звеньев с некоторой общей последовательностью длиной от 3 до 5 нуклеотидов. Индивидуальные аллели STR-локуса отличаются друг от друга числом этих одинаковых tandemно повторяющихся последовательностей (повторов).

² Слип (SNP — Single-Nucleotide Polymorphism) — участок ДНК, последовательности аллелей которого различаются одним нуклеотидом.

³ Аминов Ф. Г. О необходимости принятия федерального закона «О всеобщей геномной регистрации в Российской Федерации» в целях улучшения качества раскрытия и расследования преступлений // Правовое государство: теория и практика. Уфа, 2019. № 3 (57). С. 97.

ском обосновании внедрения новой системы, будет доказана необходимость проведения организационных, материально-технических мероприятий по внедрению в судебно-экспертную деятельность этого высокотехнологичного метода.

И эту и многие другие проблемы медиабезопасности судебно-экспертной деятельности предстоит исследовать и решить, как можно быстрее.

Бордюгов Л. Г.,

*профессор кафедры криминалистики
ГОУ ВПО «Донбасская юридическая
академия», директор Республиканского
центра судебных экспертиз при
Министерстве юстиции Донецкой
Народной Республики,
кандидат юридических наук*

Ревяков И. С.,

*главный научный сотрудник
Республиканского центра судебных
экспертиз при Министерстве юстиции
Донецкой Народной Республики*

ПРИЗНАКИ ИНФОРМАЦИИ ЭКСТРЕМИСТСКОГО ХАРАКТЕРА В СОВРЕМЕННОМ МЕДИАПРОСТРАНСТВЕ

Эволюционные изменения в обществе всегда сопровождаются как позитивными, так и негативными сдвигами. Новые знания, умения и технологии открывают многочисленные дополнительные возможности для обеспечения потребностей каждого человека. В то же время многие изменения несут явную или скрытую опасность, которую не все способны адекватно оценить, а тем более — вовремя обнаружить, предотвратить или нейтрализовать.

Неравномерность и противоречия общественного развития в планетарном масштабе, связанные с размыванием роли традиционного общества и формированием модернизированного информационного общества с ориентацией на либеральные ценности, приводит к конфликту цивилизаций и способствует формированию «экстремистского сознания». Данная тенденция проявляется в противоречиях между различными группами в сфере политической культуры, идеологии, духовно-ценностных нормативов, что получило название конфликта ценностей, культур, цивилизаций и т.д. В местах соприкосновения духовно-ценностных систем образуется ценностный вакуум, способный привести к глобальному кризису ценностей. При этом провозглашенная свобода слова дает возможность экстремистам беспрепятственно привлекать в своих интересах аппарат массмедиа для получения максимально широкого и полного освещения своих идей и своих акций.

Переход к новой модели социальных отношений ознаменовался появлением и ряда негативных явлений. Компьютерные технологии и Интернет оказали фактически неограниченные возможности и ресурсы для свободного создания, распространения и хранения информации деструктивного толка, совершенство-

вание форм и методов манипулирования информацией с целью неправомерного воздействия на сознание и поведение как отдельных граждан или их групп, так и социума в целом. Интернет стал средой, с помощью которого экстремисты, террористы, представители организованной преступности осуществляют явный или, как правило, скрытый обмен информацией, денежными средствами, оружием, наркотиками, другими запрещенными товарами и услугами.

Международно-правовое определение экстремизма закреплено в пункте 3 части 1 статьи 1 Шанхайской конвенции о борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом от 15 июня 2001, согласно которому «экстремизм — какое-либо деяние, направленное на насильственный захват власти или насильственное удержание власти, а также на насильственное изменение конституционного строя государства, а равно насильственное посягательство на общественную безопасность, в том числе организация в вышеуказанных целях незаконных вооруженных формирований или участие в них»¹. Экстремизм преследуется уголовным законодательством тех стран, которые являются сторонами Шанхайской конвенции. Сторонами этой конвенции является Российская Федерация, Республика Казахстан, Китайская Народная Республика, Кыргызская Республика, Республика Таджикистан, Республика Узбекистан.

Традиционно экстремизм рассматривают как крайности (в политике, религии, жизни и т.д.). Этот термин происходит от латинского *extremus* — «приверженность к крайним взглядам и мерам»².

Компьютерные технологии и Интернет оказывают фактически неограниченные возможности и ресурсы для свободного создания, распространения и хранения информации деструктивного толка, совершенствование форм и методов манипулирования информацией с целью неправомерного воздействия на сознание и поведение как отдельных граждан или их групп, так и социума в целом. Интернет стал средой, с помощью которого экстремисты, террористы, представители организованной преступности осуществляют явный или, как правило, скрытый обмен информацией, денежными средствами, оружием, наркотиками, другими запрещенными товарами и услугами.

Именно молодежь является резервом пополнения молодежных (неформальных) экстремистских объединений, в том числе и через медиапространство.

Медиапространство — это «открытая социальная система, которая создается взаимообусловленной целостностью отношений производителей и потребителей массовой информации», передаваемой через средства массовой коммуникации³.

Основными функциями медиапространства являются референция и репрезентация. При этом «гиперреальность, созданная средствами медиа, монополизирует трактовку происходящего, конструирует реальность, опираясь на право

¹ Шанхайская Конвенция о борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом (г. Шанхай, 15 июня 2001 г.). СЗ РФ. 2003. № 41. Ст. 3947. URL: <http://www.szrf.ru/szrf/doc.phtml?nb=100&ssid=1002003041000&docid=1> (дата обращения: 29.03.2021).

² Словарь иностранных слов. 7-е изд., перераб. М.: Русский язык, 1980. С. 591.

³ Водопьян В. Г. Медиапространство в сфере массовой коммуникации: социокультурная реальность // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 1, регионоведение, философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология. 2017. № 1 (194). С. 185.

нетранзитивного (Ж. Бодрийяр), то есть не поддающегося обмену мнениями, информационного потока»¹.

Следовательно, можно говорить о том, что именно медиапространство формирует то идеологическое пространство, в котором существует человек, навязывая ему стереотипы мировосприятия, способы отношения к миру и модели действий и поведения в мире.

Тем самым, медиапространство влияет на реципиента (то есть потребителя навязываемой медиапространством информации), по сути дела, задавая ему ту картину мира, которая по каким-либо причинам выгодна адресанту (автору-отправителю) той или иной информации.

Таким образом, современное медиапространство может как положительно влиять на человека (прививая ему нравственные ценности), так и отрицательно, деструктивно (толкая его на совершение противоправных действий из тех идеологических побуждений, которые человеку навязываются с помощью различных манипулятивных технологий).

Согласно статье 1 Закона Донецкой Народной Республики «О противодействии экстремистской деятельности» (№ 51-ІНС от 29 мая 2015 года), экстремистские материалы — это «предназначенные для обнародования документы либо информация на иных носителях, призывающие к осуществлению экстремистской деятельности либо обосновывающие или оправдывающие необходимость осуществления такой деятельности, публикации, обосновывающие или оправдывающие национальное и (или) расовое превосходство либо оправдывающие практику совершения военных или иных преступлений, направленных на полное или частичное уничтожение какой-либо этнической, социальной, расовой, национальной или религиозной группы»².

И именно медиапространство с помощью различных манипулятивных технологий является наиболее удобной площадкой для реализации данных целей и привлечения на свою сторону неофитов.

При этом, по словам Т. А. Ван Дейка, манипуляция «подразумевает использование нелегитимного влияния с помощью механизмов дискурса: манипулирующие заставляют других делать то, что соответствует интересам манипулирующего и противоречит интересам манипулируемых»³.

Манипулятивные технологии по своей сути являются введением в заблуждение реципиента. Введение в заблуждение — это «представление для реципиента в качестве истинного такого сообщения, которое или заведомо ложно (т. е. имеет место сознательный обман), или не является фактологическим и содержит лишь одну оценку (т. е. вообще не может быть ни истинным, ни ложным). Еще один возможный вариант — когда достоверное сообщение представляется как достоверное, верифицированное»⁴.

¹ Зубанова Л. Б. Современное медиапространство: подходы к исследованию и принципы интерпретации // Вестник Челябинской государственной академии культуры и искусств. 2008. № 2 (14). С. 7.

² Закон Донецкой Народной Республики «О противодействии экстремистской деятельности» № 51-ІНС от 29.05.2015. URL: <https://gisnpa-dnr.ru/npa/0002-51-ihc-20150529/> (дата обращения: 05.04.2021).

³ Ван Дейк Т. А. Дискурс и власть: Репрезентация доминирования в языке и коммуникации / пер. с англ. М. : Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2013. С. 255.

⁴ Скрытое эмоциональное содержание текстов СМИ и методы его объективной диагностики / под ред. А. А. Леонтьева, Д. А. Леонтьева. М. : Смысл, 2004. С. 69.

Современные ученые выделили следующие факторы, с помощью которых определяется эффективность введения в заблуждения:

— уровень информированности реципиента (чем он ниже, тем проще воздействовать на него);

— возможность проверки реципиентом истинности, предоставляемой ему информации (чем она ниже, тем проще воздействовать на него);

— способность реципиента к экстраполяции (чем она ниже, тем проще воздействовать на него);

— индивидуальные свойства реципиента (чем более он наивен, тем проще воздействовать на него);

— уровень доверия реципиента источнику информации (чем он выше, тем проще воздействовать на него);

— специальные приемы и средства манипулирования сознанием реципиента.

При этом к основным специальным приемам и средствам манипулирования относятся следующие:

— сверхобобщение, когда свойства отдельных лиц и событий принимаются за свойства всех членов той или иной группы, в отношении которой у реципиента нужно возбудить чувство ненависти и вражды;

— привидение примера, когда осуществляется перенос общих свойств, приписанных той или иной группе или ее «типичным» (обобщенным) представителям, на частный случай;

— расширение, когда негативное отношение к какой-либо отдельной черте или какому-либо отдельному признаку распространяется на все остальные признаки и их носителей;

— атрибуция, когда реципиенту навязывается нужная манипулятору причинно-следственная связь¹.

Таким образом, если в высказывании содержится хотя бы один из указанных признаков, то можно говорить о манипулятивном характере данного высказывания. Если же в высказывании содержится информация, направленная на разжигание расовой, этнической, национальной, языковой и иной розни, а также на призывы к осуществлению насильственных действий по отношению к отдельным группам населения, то данная информация обладает признаками экстремистского характера и должна расцениваться в качестве таковой.

Таким образом, при анализе информации, подаваемой современными средствами медиа, необходимо обращать внимание на:

— форму ее выражения или подачи (репрезентацию);

— способы представления объектов внеязыковой действительности речевыми средствами (референцию);

— цель воздействия высказывания на адресата (иллюкцию).

Именно анализ этих трех моментов (репрезентации, референции и иллюкции) и дает возможность сделать вывод о наличии или отсутствии в том или ином высказывании информации экстремистского характера.

Решение проблемы экстремизма, вместе с превентивными мерами по выявлению и предупреждению его причин, условий возникновения феномена, силовым противостоянием, требует внимательного подхода к деятельности массмедиа.

¹ Скрытое эмоциональное содержание текстов СМИ и методы его объективной диагностики / под ред. А. А. Леонтьева, Д. А. Леонтьева. М. : Смысл, 2004. С. 69–71.

Без определенных ограничений свободы массовой информации борьба с экстремизмом может оказаться недостаточно эффективной. Анализ международных документов показал, что деятельность массмедиа, как правило, регламентируется только по отдельным вопросам: по проблемам расовой дискриминации, предоставлению достоверной информации, недопущению угрозы войны, соответствию интересам национальной безопасности государства и т.п. Однако, несмотря на актуальность проблемы борьбы с экстремизмом, а также существование опасности использования массмедиа экстремистами на международном уровне до сих пор не принято универсального документа, обязательного для исполнения всеми странами — участницами ООН, в котором четко бы вырисовывались границы свободы деятельности массмедиа. Как правило, вопросы регулирования свободы массмедиа в контексте борьбы с экстремизмом решаются внутригосударственной законодательной базой. Однако в современном мире этого недостаточно.

С целью противодействия проявлениям экстремизма необходимо на уровне центральных органов власти проводить ряд мероприятий: усиливать контроль за въездом, выездом и перемещением организаций и их членов, подозреваемых в совершении экстремистских действий, а также за ввозом оружия, взрывчатых веществ и т.п.; в СМИ увеличивать количество информации, воспитывающей толерантное мышление и снижающей социальную напряженность в обществе; использовать культурно-художественные средства для влияния на формирование общественного мышления через социальную рекламу, документальное или художественное кино; усиливать контроль за поступлениями финансовой и материальной помощи от организаций и фондов, поддерживающих экстремистскую деятельность.

Богатырев К. М.,

*аспирант кафедры судебных экспертиз
Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)*

ФОРМЫ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ СПЕЦИАЛЬНЫХ РЕЧЕВЕДЧЕСКИХ ЗНАНИЙ ДЛЯ ОБЕСПЕЧЕНИЯ МЕДИАБЕЗОПАСНОСТИ В ЦИФРОВОЙ СРЕДЕ¹

Цифровизация всех сфер общественной жизни, ставшая главным трендом последнего десятилетия, привела к качественному скачку в развитии инфраструктуры передачи данных, в рамках которой осуществляется оборот информации в любой (в том числе цифровой) форме. Многообразии способов и каналов передачи информации вкупе с ростом цифровой грамотности населения привело к тому, что цифровые технологии в настоящее время играют ведущую роль в развитии всех сфер жизнедеятельности общества (некоторые ученые даже видят в такой зависимости от высоких технологий угрозу²). Научно-техническими изысканиями в данной области активно занимаются как государственные учреждения (заинтересованные в обеспечении государственной безопасности в данной сфере), так и

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-011-00190.

² См.: Чернышов А. Г. Стратегия и философия цифровизации / Власть. 2018. № 5. С. 13–21.

негосударственные коммерческие организации (заинтересованные в разработке новых информационных продуктов с последующим получением выгоды).

Такая распространенность новых технологий не могла не привести к тому, что их возможности будут использоваться в том числе и для нарушения закона (подготовки и/или совершения проступков/преступлений различной тяжести и направленности). В настоящее время в цифровой среде (понимаемой нами как совокупность информационных технологий и информационных систем, обрабатывающих информацию, имеющую цифровую форму представления, а также содержащих такую информацию информационных ресурсов) существуют условия для совершения не только преступлений в сфере компьютерной информации, но практически любых видов преступлений: против жизни и здоровья, против собственности, общественной безопасности, против мира и безопасности человека и т.д.

В современных условиях информационные (в том числе цифровые) технологии также активно используются для борьбы внутри- и внешнеполитической; идеологические диспуты и споры зачастую перетекают в конфликтное русло и могут приводить к совершению запрещенных законом действий (запрещенной законом пропаганде, клевете, оскорблениям, оправданию различных деструктивных течений и идей и т.п.). Кроме того, угрозы видятся в том, что средства массовой коммуникации (в том числе СМИ) обладают уникальной способностью по формированию мировоззрения граждан¹. Поэтому сейчас, когда государственные структуры всего мира периодически заявляют о совершенных на них кибератаках, причиняющих вред их государственным структурам и несущих угрозу для суверенитета, как никогда ранее актуальны вопросы создания единых систем информационной безопасности, охватывающих различные секторы информационного пространства и представляющих собой информационный щит государства и общества, защищающий их от внутренних и внешних информационных угроз.

Система медиабезопасности в цифровой среде является одной из таких систем и подразумевает обеспечение безопасности в особом информационном пространстве, где пересекаются множества, обозначаемые понятиями «цифровая среда» и «медиа-среда» (информация, распространяемая посредством средств массовой коммуникации (медиа) и СМИ, может быть выражена в цифровой форме). Дефиницию первого мы уже привели выше; второй же термин мы определяем, как часть информационного пространства, в которой информация вне зависимости от формы распространяется при помощи средств массовой коммуникации (в том числе средств массовой информации как их особого вида, имеющего при этом нормативное определение). Медиабезопасность следует понимать именно как составную часть информационной безопасности, определяемой законом как состояние защищенности личности, общества и государства от внутренних и внешних информационных угроз².

Кроме того, мы предлагаем следующее определение медиабезопасности: она понимается нами как состояние защищенности отдельной личности от любых существующих в медиасреде информационных угроз (находящих свое отражение в информационных продуктах, оборот которых ограничен или запрещен дей-

¹ См.: Ющенко М. А. Средства массовой коммуникации как механизм формирования властью общественного сознания граждан // Вестник Томского государственного университета. 2007. № 305. С. 67–70.

² См.: Доктрина информационной безопасности Российской Федерации, утв. Указом Президента Российской Федерации от 05.12.2016 № 646 // СЗ РФ. 2016. № 50. Ст. 7074.

ствующими нормативными правовыми актами), а также вытекающее из него состояние защищенности государства и общества. Угрозы информационной безопасности определяются в соответствии с перечнем запрещенных деяний, приведенном в различных кодифицированных нормативных правовых актах (таких как УПК РФ, КоАП РФ, ГК РФ).

Функция по обеспечению медиабезопасности, т.е. по борьбе с информационными угрозами, существующими в цифровой среде в результате противозаконной деятельности (совершенной с помощью средств массовой коммуникации), лежит (как и в случае с любыми нарушениями закона) на правоохранительных органах. Для ее реализации необходимо осуществлять деятельность по выявлению готовящихся и совершаемых правонарушений, раскрытию и расследованию уже совершенных противоправных деяний, несущих общественную опасность, а также принятие решения по соответствующему делу.

Однако зачастую они не смогут надлежащим образом выполнить данную функцию без помощи сведущих лиц, обладающих специальными знаниями в области конкретной науки либо техники, искусства или ремесла, приобретаемых путем специальной подготовки или профессионального опыта и необходимых для решения возникающих в процессе производства по делу о нарушении вопросов. Необходимость применения специальных знаний обуславливается необходимостью учета специфики собирания, документирования и оценки цифровых следов правонарушения (сбор и обработка доказательственной информации в цифровой форме), представляющего собой информационную угрозу.

Важно заметить, что подавляющее большинство информации, оборот которой осуществляется в цифровой форме с использованием средств массовой коммуникации, представляет собой продукты речевой деятельности: письменные и звучащие тексты, поликодовые тексты (смешанные, креолизованные, сочетающие в себе две и более знаковые системы); мультимедийные тексты электронной коммуникации, представляющие собой сочетание перечисленных ранее категорий текстов. Кроме того, даже объекты, не являющиеся текстовыми (например, изображения), в сочетании с текстом приобретают новые свойства, совместно с ним становятся новым креолизованным текстом. Итак, при противодействии информационным угрозам желательно привлечение лица, обладающего специальными речеведческими знаниями; это обусловлено особенностями формы и содержания распространяемой информации (гипертекстуальность, поликодовость, маскировка смыслового содержания и т.д.).

Применительно к рассматриваемой теме представляется необходимым проанализировать разнообразие форм использования таких знаний для обеспечения медиабезопасности в цифровой среде. Специальные знания могут использоваться как в процессуальных (предусмотренных процессуальным законодательством) формах, когда результаты их применения имеют доказательственное значение, так и в непроцессуальных формах. К процессуальным формам использования специальных знаний относятся:

использование специальных знаний при производстве следственных или судебных действий;

использование специальных знаний при составлении протоколов об административных правонарушениях и рассмотрении дел об административных правонарушениях членами коллегиальных органов и должностными лицами;

консультации и заключения специалиста; производство судебной экспертизы, дача показаний (ответов на вопросы) по проведенной экспертизе.

Основа разделения процессуальных форм на виды — наличие двух различных процессуальных ролей (эксперт и специалист), которые могут выполнять сведущие лица. Проанализируем различия процессуальных форм в законодательстве (какие есть формы, являются ли их результаты доказательствами или нет и т.д.). Так, результаты судебной экспертизы (заключение эксперта) отнесены к числу доказательств во всех процессуальных кодексах. Еще одна процессуальная форма использования специальных знаний — это консультации специалиста. Он применяет свои знания и навыки для содействия в обнаружении, закреплении и изъятии предметов и документов, применении технических средств, а также оказывает помощь в постановке вопросов эксперту и дает разъяснения сторонам и суду по вопросам, входящим в его профессиональную компетенцию. В УПК РФ показания/заключение специалиста — доказательства. ГПК РФ устные и письменные консультации специалиста в числе доказательств не упомянуты, однако отнесены к их числу как обязательных при рассмотрении дела, по существу. В АПК РФ доказательствами являются только устные консультации. По КАС РФ — устные и письменные консультации есть, но доказательствами не являются. В КоАП РФ консультации и заключения отсутствуют; есть не имеющие доказательственной силы пояснения специалиста.

Сведущие лица в ряде случаев (например, при проверке сообщения о преступлении до возбуждения уголовного дела) также проводят исследования. Ранее результаты этих исследований, называемых предварительными, не имели доказательственного значения. Такая форма использования специальных знаний не являлась процессуальной. Однако в настоящее время на этой стадии может назначаться судебная экспертиза (ст. 144 УПК РФ).

Справочно-консультационная деятельность сведущего лица также может осуществляться в непроцессуальной форме, в том числе до начала производства по делу. В этой форме специалист может оказывать помощь сторонам, их представителям, а также следователю, лицу, рассматривающему дело об административном правонарушении, и суду в подготовке следственных действий и материалов для экспертизы.

Для того чтобы более полно определить, когда могут иметь место те или иные формы применения специальных речеведческих знаний, обобщим и перечислим этапы совершения правонарушения и производства по нему: 0. возникновение условий для совершения правонарушения, 1. выявление подготавливаемого к совершению правонарушения, 2. выявление совершаемого правонарушения, 3. проверка сообщения о правонарушении, 4. расследование правонарушения, 5. рассмотрение дела судом / иным компетентным лицом, завершающееся принятием решения.

Как мы уже аргументированно указали выше, участие сведущего лица, обладающего специальными речеведческими знаниями, желательно на всех этапах производства по делам, связанным с угрозами медиабезопасности в цифровой среде, поскольку наличие у него таких знаний позволяет надлежащим образом учесть все особенности типичных для такой категории дел объектов (Интернет, содержащий большое количество различной информации в цифровой форме, по своей сути является модифицированной языковой средой). Это участие в зависимости от этапа и решаемых задач может осуществляться в разных (процессуальных и непроцессуальных) формах, рассмотренных выше.

Для этапов 1–3 характерно применение СЗ в непроцессуальных формах. Наиболее эффективной и желательной непроцессуальной формой использования специальных знаний представляется мониторинг цифровой среды, осуществляемый с участием лица, обладающего специальными речеведческими знаниями.

Начиная с 4-го этапа (проверки сообщения о совершении правонарушения) начинают использоваться процессуальные формы СЗ: заключение / показания / консультация эксперта, заключение / показания / консультация специалиста.

Таким образом, для выявления, готовящегося / совершаемого / совершенного преступления, надлежащего собирания и исследования доказательственной информации необходимо привлечь сведущее лицо, обладающее надлежащей компетенцией. В этой связи представляется рациональным рассмотреть разделение множества цифровых следов на активные и пассивные цифровые следы¹. МЦС в целях обеспечения медиабезопасности осуществляется применительно к активным цифровым следам (информации, которую вносит сам пользователь): переписке, личным данным профиля, поисковым запросам и т.д. При «активном» цифровом следе, представляющем собой продукт речевой деятельности (в том числе поликодовый), участие компьютерно-технического эксперта не требуется², но имеется необходимость привлечения лица, обладающего высшим образованием по специальности «Судебная экспертиза» (специализация № 5 «Речеведческие экспертизы»), в компетенцию которого в том числе входят знания, умения и навыки по исследованию объектов, представленных на исследование в цифровой форме на цифровых носителях³.

Таким образом, в статье нами было рассмотрено многообразие форм использования специальных речеведческих знаний для обеспечения медиабезопасности в цифровой среде, а также ключевые для анализа данной темы понятия.

*Галяшина Е. И.,
академик РАН, профессор кафедры
судебных экспертиз
Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА),
доктор юридических наук,
доктор филологических наук, профессор*

АУДИОФЕЙКИ КАК УГРОЗА МЕДИАБЕЗОПАСНОСТИ: ПРОБЛЕМЫ ВЫЯВЛЕНИЯ И ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ⁴

Современное медиaprостранство, включая глобальную сеть Интернет, создало не только широкие возможности для общения, но и является питательной средой для злоумышленников, которые распространяют вредоносную и криминогенную

¹ Никишин В. Д. Цифровые и речевые следы в аспекте обеспечения информационной (мировоззренческой) безопасности в интернет-среде // Судебная экспертиза. 2020. № 1 (61). С. 131–139.

² Россинская Е. Р. Учение о цифровизации судебно-экспертной деятельности и проблемы судебно-экспертной дидактики // Правовое государство: теория и практика. 2020. № 4 (62), ч. 1. С. 88–101.

³ См. Приказ Министерства образования и науки РФ от 28.10.2016 № 1342 «Об утверждении федерального государственного образовательного стандарта высшего образования по специальности 40.05.03 Судебная экспертиза (уровень специалиста)» // Официальный интернет-портале правовой информации (www.pravo.gov.ru). 08.12.2016.

⁴ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-011-00190.

информацию, представляющую опасность как для национальной безопасности российского государства, но и для личной безопасности интернет-пользователей, зачастую оставаясь при этом безнаказанными. Далекое не случайно защита информационного пространства России от современных угроз — сегодня одно из приоритетных направлений обеспечения национальной безопасности¹.

Информационное пространство включает медиасреду, в том числе средства массовой информации, а также средства обеспечения доступа к информации, которые по многим признакам могут быть отнесены к средствам массовой информации, но не являются таковыми (интернет-телевидение, новостные агрегаторы, социальные сети, сайты в сети «Интернет», мессенджеры и др.). Под медиасредой мы понимаем информационную сферу, которая через посредничество массовых коммуникаций (печать, радио, ТВ, видео, кино, компьютерные каналы, сеть Интернет и т.д.) связывает человека с окружающим миром, информирует, развлекает, пропагандирует те или иные нравственно-эстетические ценности, оказывает идеологическое или организационное воздействие на мировоззрение и социальное поведение людей.

Информационная сфера — совокупность информации, объектов информатизации, информационных систем, сайтов в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет», сетей связи, информационных технологий, субъектов, деятельность которых связана с формированием и обработкой информации, развитием и использованием названных технологий, обеспечением информационной безопасности, а также совокупность механизмов регулирования соответствующих общественных отношений².

К информационным (мировоззренческим) угрозам национальной медиасреды Российской Федерации относятся:

информационно-психологическое воздействие на население России, направленное на дестабилизацию внутривнутриполитической и социальной ситуации в стране, подрыв суверенитета и нарушение территориальной целостности Российской Федерации;

информационное воздействие на население России, в первую очередь на молодежь, в целях размывания традиционных российских духовно-нравственных ценностей;

информационное воздействие на индивидуальное, групповое и общественное сознание в целях нагнетания межнациональной и социальной напряженности, разжигания этнической и религиозной ненависти либо вражды, пропаганды экстремистской идеологии, а также привлечения к террористической деятельности новых сторонников.

Объективная потребность общества и государства в безопасном получении качественной и достоверной информации, защиты от коммуникационных рисков, социокультурных угроз, идеологического терроризма и экстремизма, обусловила социальный заказ на разработку концепции противодействия информационным угрозам в интернет-среде с использованием специальных юридико-лингвистических знаний, позволяющей соблюсти «золотой» баланс между правом на свободу слова и плюрализм мнений, с одной стороны, и защитой от злоупотребления этими правами (защитой информационно-мировоззренческой безопасности), с другой стороны.

¹ Стратегия развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы (Указ Президента РФ от 09.05.2017 № 203).

² Доктрина информационной безопасности Российской Федерации (утв. Указом Президента РФ от 5 декабря 2016 г. № 646).

С одной стороны, недопустима цензура и ограничение прав людей на высказывание своего мнения, свободный поиск и получение информации, а с другой — недопустимо злоупотребление этими правами. Для этого нужно вооружить правоохранительные органы объективной критериологией, позволяющий выявлять, пресекать и предупреждать речевые правонарушения в цифровой медиасреде. Значительная часть распространяемой злоумышленниками информации выражается вербально, поэтому для правильной юридической квалификации речевого деяния нужны специальные юридико-лингвистические знания.

С 2019 года профессорско-преподавательским составом кафедры судебных экспертиз Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА) при финансовой поддержке РФФИ проводится междисциплинарное интеграционное исследование информационных (мировоззренческих) угроз медиабезопасности личности в интернет-среде с использованием специальных юридико-лингвистических знаний¹.

Основной целью исследования являлась разработка общих положений теории использования специальных знаний для противодействия угрозам информационно-психологического воздействия на индивидуальное, групповое и общественное сознание пользователей русскоязычного сегмента Интернета².

В рамках научного проекта было установлено, что агрессогенное информационное воздействие в цифровой среде осуществляется в целях дестабилизации внутривнутриполитической и социальной ситуации в стране (в том числе посредством дезинформации — фейк-ньюз), подрыва суверенитета и нарушения территориальной целостности Российской Федерации, нагнетания межнациональной и социальной напряженности, разжигания этнической и религиозной ненависти либо вражды, пропаганды экстремистской идеологии (включая субкультуру «колумбайн»), привлечения к террористической деятельности новых сторонников, размывания традиционных российских духовно-нравственных ценностей, популяризации суицидального и иного аутодеструктивного поведения, пропаганды культа насилия и жестокости, дискредитации и публичного унижения, травли веб-пользователей (диффамация, буллинг, кибербуллинг, клевета, оскорбления, доксинг) и т.д.³

Проведенный мониторинг социальной коммуникации в интернет-среде, анализ и обобщение полученных данных позволили выявить правовые и криминалистические критерии криминогенности и/или вредоносности (деструктивности) информационных материалов на основе положений Доктрины информационной безопасности Российской Федерации и Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 гг.⁴

¹ Авторский коллектив: проф. д. ю. н., д. филол. н. Галяшина Е. И. (научный руководитель проекта), к. ю. н. Никишин В. Д., аспирант Богатырев К. М.

² Галяшина Е. И. Использование специальных знаний для противодействия угрозам информационной безопасности интернет-коммуникации // Вестник криминалистики. 2020. 2 (74). С. 24–29.

³ Никишин В. Д. Объекты судебной лингвистической экспертизы: новые вызовы криминогенной интернет-коммуникации // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2020. 6 (70). С. 79–88).

⁴ Галяшина Е. И. Концепция информационной (мировоззренческой) безопасности в интернет-медиа в аспекте речеведческих экспертиз // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2020. 6 (70). С. 33–43.

В числе агрессивных информационных материалов нами были выделены в отдельную категорию объектов аудиофейки.

Под аудиофейком мы понимаем заведомо ложное речевое сообщение (контент), генерированный с использованием машинного синтеза чужого голоса (текст-звучащая речь) при помощи технологий искусственного интеллекта.

Аудиофейки стали активно использоваться сравнительно недавно (начиная с 2017–2018 года) наряду с видео дипфейками для повышения медиатрафика, формирования общественного мнения, дискредитации оппонентов или конкурентов, компрометации политических и общественных деятелей, очернения знаменитостей, искусственного создания подложных доказательств и т.д.

Речевые действия, посягающие на мировоззренческую безопасность в интернет-среде, осуществляемые посредством искусственного синтеза чужого голоса (аудиофейк) могут образовывать различные составы правонарушений, в том числе преступлений. К ним относятся:

распространение не соответствующих действительности сведений, порочащих честь, достоинство, деловую репутацию граждан и деловую репутацию юридических лиц (ст. 152 ГК РФ);

оскорбление (ст. 5.61 КоАП РФ);

клевета (ст. 128.1 УК РФ);

клевета в отношении судьи, присяжного заседателя, прокурора, следователя, лица, производящего дознание, судебного пристава (ст. 298.1 УК РФ);

неуважение к суду (ст. 297 УК РФ);

распространение выражающих явное неуважение к обществу сведений о днях воинской славы и памятных датах России, связанных с защитой Отечества, а равно оскорбление символов воинской славы России, оскорбление памяти защитников Отечества и унижение чести и достоинства ветерана Великой Отечественной войны, совершенные публично (ч. 3 ст. 354.1 УК РФ, ч. 4 ст. 13.15 КоАП РФ);

оскорбление представителя власти (ст. 319 УК РФ);

оскорбление военнослужащего (ст. 336 УК РФ);

действия, выражающие явное неуважение к обществу и совершенные в целях оскорбления религиозных чувств верующих (ч. 1 ст. 148 УК РФ);

публичные призывы к осуществлению террористической деятельности, публичное оправдание терроризма или пропаганда терроризма (ст. 205.2 УК РФ);

публичные призывы к осуществлению экстремистской деятельности (ст. 280 УК РФ);

публичные призывы к осуществлению действий, направленных на нарушение территориальной целостности Российской Федерации (ст. 280.1 УК РФ);

возбуждение ненависти либо вражды, а равно унижение человеческого достоинства (ст. 20.3.1 КоАП РФ, ст. 282 УК РФ);

угроза совершения террористического акта (ст. 205 УК РФ);

заведомо ложное сообщение об акте терроризма (ст. 207 УК РФ);

пропаганда либо публичное демонстрирование нацистской атрибутики или символики, либо атрибутики или символики экстремистских организаций, либо иных атрибутики или символики, пропаганда либо публичное демонстрирование которых запрещены федеральными законами (ст. 20.3 КоАП РФ);

реабилитация нацизма (фальсификация истории) (ч. 1–2 ст. 354.1 УК РФ);

склонение, вербовка или иное вовлечение лица в террористическую деятельность (ст. 205.1 УК РФ);

склонение, вербовка или иное вовлечение лица в деятельность экстремистского сообщества, экстремистской организации (ст. 282.1, 282.2 УК РФ);

понуждение к действиям сексуального характера (ст. 133 УК РФ);

развратные действия (ст. 135 УК РФ);

угроза убийством или причинением тяжкого вреда здоровью (ст. 119 УК РФ);

угроза или насильственные действия в связи с осуществлением правосудия или производством предварительного расследования (ст. 296 УК РФ);

доведение до самоубийства (ст. 110 УК РФ);

склонение к совершению самоубийства или содействие совершению самоубийства (ст. 110.1 УК РФ);

организация деятельности, направленной на побуждение к совершению самоубийства (ст. 110.2 УК РФ);

пропаганда наркотических средств, психотропных веществ или их прекурсоров, растений, содержащих наркотические средства или психотропные вещества либо их прекурсоры, и их частей, содержащих наркотические средства или психотропные вещества либо их прекурсоры, новых потенциально опасных психоактивных веществ (ст. 6.13 КоАП РФ);

злоупотребление свободой массовой информации (в том числе «фейк-ньюз») (ч. 9–11 ст. 13.15 КоАП РФ);

размещение в информационной продукции для детей объявления о привлечении детей к участию в создании информационной продукции, причиняющей вред их здоровью и (или) развитию (ч. 3 ст. 6.17 КоАП РФ);

нарушение установленных требований распространения среди детей информационной продукции, содержащей информацию, причиняющую вред их здоровью и (или) развитию (ч. 1 ст. 6.17 КоАП РФ).

Аудио и видео дипфейки относятся к манипулируемому аудиовизуальному контенту, генерируемому сложным искусственным интеллектом (нейросетями последнего поколения), который создает сфабрикованные изображения и звуки, которые воспринимаются как реальные. Существенным фактором, стимулирующим использование для совершения правонарушения аудиофейков, выступает мощный эффект воздействия на массовую аудиторию медиасреды, поскольку клонированные голоса при помощи искусственного интеллекта, сопровождаемые узнаваемыми изображениями знаменитых личностей, представляются потребителю информационного продукта вполне правдоподобными. Кроме того, уязвимость заложена в человеческой природе — людям свойственно доверять вымышленным историям, если они совпадают с их мировоззрением, либо, когда желаемое выдается за действительное.

Примеры злоупотреблений при помощи технологий создания искусственных изображений и звуков с помощью нейронных сетей множатся. Известно, что первые видеодипфейки содержали лица знаменитостей, наложенные на порнографические записи, которые распространялись в Интернете с 2017 года, но отличались низким качеством подделки. За последние годы технология развилась настолько, что выглядящие правдоподобно дипфейки стали использоваться для информационных и целевых фишинговых атак.

Приведем несколько примеров.

В 2018 году в Сети появилась сделанная при помощи программ FakeApp и Adobe After Effects фейковая аудиовидеозапись с экс-президентом США Бараком Обамой, где он называл Дональда Трампа «засранец»¹.

В 2019 году на фейковом аудиовидео, размещенном в Инстаграм, Марк Цукерберг рассказывает о полном своем контроле за украденными данными миллиарда людей, включая их секреты и их будущее².

В этом же 2019 году спикер палаты представителей конгресса США Нэнси Пелоси на фейк-видео, появившемся на страницах Politics WatchDog, плохо выговаривала слова, так что интернет-пользователи воспринимали измененную с помощью искусственного интеллекта речь Пелоси так, будто Пелоси была в состоянии алкогольного опьянения³.

Голосовые дипфейки также используются киберпреступниками — в частности, для того, чтобы убедить сотрудников какой-либо компании осуществить несанкционированные действия, обмануть конкретных сотрудников определённой компании и заставить их выполнить вручную какую-нибудь операцию — оплату поддельного платёжного поручения, отправку документов, ручной сброс учётных данных пользователя для киберпреступника. Например, сотрудник компании получает электронное письмо от генерального директора с просьбой принять некоторые финансовые меры, затем ему приходит текстовое послание с мобильного номера того же топ-менеджера, а потом — и аудиосообщение, где голос генерального директора называет работника по имени и ссылается на предыдущие разговоры с ним. Скорее всего, сотрудник не задумается о том, дипфейк это или нет. В качестве примера такой атаки можно привести инцидент, который произошёл в августе 2019 года в одной компании, которая работает в сфере энергетики. Было установлено, что киберпреступник использовал технологию создания дипфейков для осуществления мошеннических действий на сумму в 220 000 евро. Злоумышленник вышел на связь с финансовым отделом как управляющий из Германии. Он смоделированным голосом попросил срочно перевести деньги на счёт в Венгрии, и у бизнес-партнеров не было ни единого повода не верить звонящему⁴. И такой случай был не единичным⁵.

Генерированные нейросетями аудио и дипфейки предназначены для восприятия широкой публикой, реализуются, как правило, в условиях маскировки шумами и помехами (в том числе посредством телефонной связи), снижения критичности восприятия адресатом сообщаемой информации из-за воздействия внешних и внутренних сбивающих факторов (лимит времени, ресурсов, состояния эмоционального напряжения и т.п.), что существенно затрудняет их распознавание. В этой связи для противодействия новым информационным (мировоззренческим) угрозам в медиасреде необходимо продолжить научное исследование феномена аудиофейка, генерируемого машинным способом при

¹ URL: <https://meduza.io/shapito/2018/04/18/obama-nazyvaet-trampa-zasrantsem-rezhisser-poddelal-rech-byvshego-prezidenta-s-pomoschyu-neyroseti> (дата обращения: 08.04.2021).

² URL: <https://kod.ru/deepfake-mark-zukerberg/> (дата обращения: 08.04.2021).

³ URL: <https://meduza.io/feature/2019/05/26/video-s-rechyu-politika-v-ssha-zamedlili-chtoby-ona-kazalas-ryanoy-facebook-priznal-zapis-feykom-no-otkazalsya-ee-udalyat> (дата обращения: 08.04.2021).

⁴ URL: <https://pravo.ru/story/215937/> (дата обращения: 08.04.2021).

⁵ URL: <https://xakep.ru/2019/09/05/voice-deepfake/> (дата обращения: 08.04.2021).

помощи нейронных сетей с фальсифицированным вербальным и/или голосовым контентом. На основе изучения его существенных свойств сконструировать типовой криминалистический комплекс диагностических признаков криминогенного речевого действия, совершаемого посредством аудиофейка, и его видовых представителей.

Дорошенко Е. И.,
МИА «Россия сегодня»,
выпускающий редактор отдела
общественно-политических проектов
дирекции государственных проектов,
кандидат филологических наук

ОСОБЕННОСТИ РЕЛЬЕФА СОВРЕМЕННОГО МЕДИЙНОГО ПРОСТРАНСТВА: УГРОЗЫ И ВЫЗОВЫ

Не вызывает сомнений, что поиск решений предполагает прежде всего тщательное исследование сути и понимание проблем; в современном медиа- и информационном пространстве в целом сложились неблагоприятные условия, которые способствуют как сохранению ранее существовавших угроз, так и возникновению, и развитию новых. В данном докладе будут обозначены и кратко рассмотрены некоторые из них.

Одно из понятий, которое сегодня широко используется для характеристики текущей ситуации, — это «эра пост-правды». По определению Оксфордского словаря¹, «пост-правда» — это такая политическая культура, где убеждения, мнения, чувства и эмоции имеют большее влияние на формирование общественного мнения, чем факты.

Впервые этот термин был упомянут в американской прессе (в издании *The Nation*) в январе 1992 года; автор статьи, Стоян Стив Тешич, проводит параллели между уотергейтским скандалом, делом Иран — контраст и войной в Персидском заливе².

Затем, в 2004 году, вышла книга Ральфа Кейеса «Эра пост-правды», где значение термина получило дальнейшее развитие³. Наконец, 2016 год был «официально» признан временем «пост-правды» в связи с победой Дональда Трампа на президентских выборах и Brexit⁴.

Понятие «эры пост-правды» как социального явления находит своё отражение в информационном пространстве как «упадок правды» (*truth decay*).

¹ Word of the Year 2016 // онлайн-ресурс Оксфордских словарей. 2016 URL: <https://languages.oup.com/word-of-the-year/2016/> (дата обращения: 28.04.2021).

² Kreitner R. Post-Truth and Its Consequences: What a 25-Year-Old Essay Tells Us About the Current Moment // *The Nation*. 2016. 30 ноя. URL: <https://www.thenation.com/article/archive/post-truth-and-its-consequences-what-a-25-year-old-essay-tells-us-about-the-current-moment/> (дата обращения: 28.04.2021).

³ Camacho M. M. The Era of Post-Truth, Post-Veracity and Charlatanism // онлайн-ресурс Наваррского университета. 2019. URL: <https://www.unav.edu/web/ciencia-razon-y-fe/the-era-of-post-truth-post-veracity-and-charlatanism> (дата обращения: 28.04.2021).

⁴ Там же.

Майкл Рич, президент и генеральный директор корпорации RAND, под руководством которого осуществляется одноимённый проект (*Truth Decay*), выделяет 4 основные тенденции, свидетельствующие об этом¹:

- 1) всё более значительные расхождения в интерпретации объективных данных и фактов;
- 2) размывание границ между фактом и мнением;
- 3) намечающееся преобладание мнений над фактами: более быстрый количественный рост информации, которую можно отнести к «мнениям» — а значит, и более значительное их влияние — по сравнению с фактами;
- 4) меньшее доверие к учреждениям, которые ранее считались признанными источниками объективных фактов и данных.

Отсюда следует вывод, что объективность стала *неинтересна* тем, кто находится в информационном пространстве.

Эти тенденции ещё резче обозначились в контексте пандемии COVID-19: в поисках определённости и привлекательной (пусть и в ущерб фактам) картины происходящего обыватели обратились именно к соцсетям, а не к официальным источникам. С одной стороны, это объясняется расхожим убеждением, что «власти всё скрывают», а с другой — желанием найти подтверждение собственному мнению, пусть и субъективному.

В таких условиях и при наличии очевидного запроса на объяснения и указания в медиа-пространстве происходит активизация как радикальных исламистских, так и крайне правых (расистских, неонацистских) группировок. И те, и другие выстраивают свою аргументацию, предлагая в первую очередь ответ на вопрос «кто виноват»: некий враг теперь несёт ответственность не за абстрактное несовершенство мира (почему «мы» — т.е., определённый группировкой круг «своих» — так плохо живём), а за конкретные проблемы — тяжёлую болезнь и безработицу. Одни обвиняют «крестоносцев», которые навлекли своим безбожием на себя и весь мир вполне материальную «кару небесную», другие — мигрантов, которые завезли инфекцию и, конечно, жителей Китая и всех азиатских стран за то, что коронавирус там появился.

Соответственно, отвечая на следующий вопрос — «что делать» — и те, и другие сходятся во мнении, что нужно изменить политический строй. Исламисты — в частности, ИГ — настаивают на воссоздании своего псевдохалифата, где всё будет выстроено в соответствии с законами Всевышнего и поэтому шансов на спасение (прежде всего духовное) больше. Крайне правые радикалы, в свою очередь, предлагают видение «чистого» мира без «иных», от которых «все проблемы».

Поскольку медиа-пространство активно наполняется подобными выкладками, а обыватель психологически стремится к оригинальным, а не к объективно-научным поискам выхода, обостряется проблема вербовки в экстремистские и террористические организации. В качестве глобальной меры для преодоления создавшейся ситуации — практически формирования коллективного иммунитета на уровне сознания — многие западные эксперты предлагают развитие критического мышления и навыков цифровой и медийной грамотности (*digital and media literacy*). Необходимо отметить, что эти понятия до сих пор не имеют чётких определений.

¹ Kavannah J., Rich., M. Truth Decay: An Initial Exploration of the Diminishing Role of Facts and Analysis in American Public Life // онлайн-ресурс корпорации RAND. 2018. 16 янв. URL: https://www.rand.org/pubs/research_reports/RR2314.html (дата обращения: 28.04.2021).

Однако если попытаться сделать обобщение доступной информации, то критическое мышление можно рассматривать как *способность распознавать и оценивать сообщения с точки зрения их истинного содержания, характера и качества*. Другими словами, критическое мышление — это система фильтров сознания, позволяющих отсеивать недостоверную и ложную информацию.

В целом медийная и цифровая грамотность имеют много пересекающихся характеристик¹. При этом, однако, «цифровая» грамотность (в отличие от «медийной») увязывается с распознаванием информации, «привязанной» к конкретным видам преступной деятельности: мошенничество, педофилия, терроризм и т.д. «Медийная» грамотность, в свою очередь, соотносится с более широким планом, куда включается и идеология (в связке с геополитикой).

В качестве примера — выдержка из статьи², опубликованной в англоязычном источнике, в которой обсуждается вопрос необходимости преподавания предмета «критического мышления» в школах: «Сегодня — в большей степени, чем когда-либо, — навык критического мышления жизненно необходим не только детям, но и общественности в целом. Достаточно одного взгляда на социальные СМИ, чтобы понять, насколько [неразборчивы] могут быть пользователи, которые бездумно распространяют некие сообщения, при этом не поинтересовавшись ни тем, откуда они взялись, ни тем, какие цели преследуют их авторы.

[Влияние] российских «фейк-ньюс» на американские выборы ясно показано, каким образом правительства [одних стран] используют психологические тактики для вмешательства во внутренние дела других государств. Есть также случаи не столь злонамеренного, но от этого не менее опасного распространения «фейк-ньюс» и дезинформации: это происходит, когда люди, имеющие самые благие намерения, делают репосты на своих страницах в соцсетях, не убедившись перед этим в правдивости информации».

Здесь, таким образом, прослеживается связь между «критическим мышлением», «фейк-ньюс» и предполагаемым «внешним вмешательством» — со стороны России — в дела Запада. Это указывает на то, что формирование *критического мышления осуществляется в рамках той идеологии и тех нарративов, которые предлагает государство*: «критически мыслящие» должны уметь узнавать «своих» и «чужих». То есть, даже если «критически мыслящий» американец придерживается объективного подхода к информации и с лёгкостью вычисляет мошенников и педофилов в соцсетях, это не означает, что он будет столь же беспристрастен и по отношению к более глобальным «врагам» — России и Китаю, образ которых ему навязывается «родными» СМИ. При этом он, скорее всего, будет «пропускать» предлагаемые ему картины и по умолчанию воспринимать их как «истинные», а не попытаться найти альтернативную информацию. Соответственно, в его глазах «Россия и Китай — плохо» будет отправной точкой для дальнейшей «критической» оценки как текущего общего положения дел в мире, так и исторических фактов, что на уровне широкой общественности будет означать устойчивость

¹ The Intersection of Digital and Media Literacy // Media Smarts. URL: <https://mediasmarts.ca/digital-media-literacy/general-information/digital-media-literacy-fundamentals/intersection-digital-media-literacy> (дата обращения: 28.04.2021).

² Grayson R. Media Literacy: A Critical Need that Should be Taught in Schools // Resilience. 2020. 31 map. URL: <https://www.resilience.org/stories/2020-03-31/media-literacy-a-critical-need-that-should-be-taught-in-schools/> (дата обращения: 28.04.2021).

необъективной интерпретации событий современности и терпимости к фальсификации истории. В свою очередь, информация, публикуемая российскими СМИ (на английском языке), будет автоматически отнесена в разряд сомнительного. В качестве доказательства — данные опроса¹, проведенного компанией Gallup в конце февраля 2021 года: 77 % американцев относятся к России отрицательно, при этом 73 % считают нашу страну главным источником угрозы для США (ранее это была Северная Корея), а 80 % негативно относятся к Китаю.

Пример мягкого, завуалированного воздействия на общественное мнение — расстановка смысловых акцентов в американских СМИ в отношении систем правления и лидеров государств. В свете последних событий в США критикуется не «ущербность» политического строя, а действия одного политика, который этот строй дискредитировал, т.е., Дональда Трампа. Другими словами, «демократия» — и в политическом, и в эмоциональном плане — безупречна, в отличие от конкретного деятеля. В отношении государств, воспринимаемых западными СМИ как «враждебные» (Северная Корея, Иран, Китай, Россия), дискурс выстраивается в обратном порядке: ущербна именно система (авторитарный, коррумпированный, диктаторский «режим» — не «правительство» — основанный на «клептократии» — в противовес «демократии»), а лидер страны — это одновременно и создатель, и типичный представитель, и гарант выживания такой системы.

Особенно ярко это проявилось в ходе СМИ-кампаний «арабской весны», сопровождавших в том числе интервенции, последовавшие за «революциями»: повышение статуса неугодного (свергаемого) лидера страны от «противника» до «врага». Несмотря на то что в 2021 году событиям «арабской весны» исполняется 10 лет, сегодня эта риторика вполне узнаваема и широко распространена в международном медийном пространстве.

Мыскина К. М.,

*аспирант кафедры судебных экспертиз
Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)*

К ВОПРОСУ О ПРИНЦИПЕ СОБЛЮДЕНИЯ КОНФИДЕНЦИАЛЬНОСТИ ИНФОРМАЦИИ ПРИ ПРОИЗВОДСТВЕ СУДЕБНЫХ ЭКСПЕРТИЗ

В настоящее время процесс всеобщей цифровизации и широкое распространение компьютерных технологий оказывают значительное влияние практически на все сферы деятельности человека². В свете этого пересмотру и совершенствованию подвергаются и некоторые аспекты судебно-экспертной этики.

Цифровые технологии с одной стороны способствуют распространению всевозможной информации, с другой — затрудняют контроль над ней. Поэтому нам представляется целесообразным рассмотреть под углом цифровизации

¹ Mastrangelo D. Views of China, Russia at record lows: Gallup // The Hill. 2021. 1 мар. URL: <https://thehill.com/homenews/news/540952-americans-views-of-china-russia-at-record-lows-gallup> (дата обращения: 28.04.2021).

² Россинская Е. Р. Особенности оценки и использования в доказывании результатов судебных экспертиз в условиях цифровизации // Законы России: опыт, анализ, практика. 2021. № 3. С. 3.

принцип соблюдения конфиденциальности информации при производстве судебных экспертиз.

Обязанность эксперта соблюдать конфиденциальность информации, полученной в процессе экспертного исследования, закреплена в большинстве процессуальных кодексов и в Федеральном законе «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации» (далее — ФЗ ГСЭД). Так, эксперт не вправе разглашать сведения, которые стали ему известны в связи с проведением экспертизы (п. 5 ч. 4 ст. 57 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, ч. 2 ст. 85 Гражданско-процессуального кодекса Российской Федерации, ч. 6 ст. 49 Кодекса административного судопроизводства, ст. 16 ФЗ ГСЭД). Кроме того, эксперту запрещено сообщать кому-либо о результатах судебной экспертизы, за исключением органа или лица, ее назначивших (ч. 2 ст. 85 ГПК РФ, ч. 6 ст. 49 КАС РФ, ст. 16 ФЗ ГСЭД).

Если обратиться к кодексам судебно-экспертной этики других стран, следует отметить, что, как правило, принцип соблюдения конфиденциальности информации формулируется аналогичным образом, однако можно отметить несколько интересных моментов.

Так, Правила профессиональной этики лиц, осуществляющих судебно-экспертную деятельность, Республики Беларусь в рамках регулирования взаимоотношений эксперта с гражданами отдельно устанавливают, что судебный эксперт не вправе без разрешения граждан разглашать сведения, полученные им в ходе проведения экспертного исследования и составляющие охраняемую законом тайну (ст. 21)¹. Кроме того, заслуживающее внимания положение содержит Кодекс этики судебного эксперта Республики Молдовы. Он разрешает использовать материалы, накопленные в ходе судебно-экспертной деятельности, для написания научных статей, но только «после окончательного урегулирования дела» и «с сохранением анонимности в соответствии с законом» (п. 5 ст. 6)².

Наиболее важная этическая проблема, сделавшаяся ещё более актуальной в эпоху цифровизации, связана с опубликованием в открытом доступе заключений эксперта.

В этой связи интересны результаты проводившегося в рамках исследования опроса среди судебных экспертов и руководителей судебно-экспертных учреждений. Большинство из трёхсот опрошенных сходятся в том, что опубликование заключения эксперта в открытом доступе возможно только в виде фрагментов без персонализирующих данных (43,8 %). Второе место заняла точка зрения, что опубликование материалов заключения эксперта не допустимо в принципе (34,5 %). 9,9 % опрошенных считают, что заключения эксперта можно публиковать только после завершения рассмотрения дела. Остальные опрошенные нашли возможным более развернуто выразить своё мнение этому вопросу. Заслуживает внимания неоднократно высказанная позиция, что заключение

¹ Правила профессиональной этики лиц, осуществляющих судебно-экспертную деятельность. Утверждены постановлением Государственного комитета судебных экспертиз Республики Беларусь от 17.04.2014 № 3 // URL: http://sudexpert.gov.by/ru/lic_npa.html (дата обращения: 25.04.2021).

² Кодекс этики судебного эксперта. Утвержден Постановлением Правительства Республики Молдова от 5 сентября 2018 года № 870 // URL: http://continent-online.com/Document/?doc_id=34848249#pos=4;-140 (дата обращения: 05.02.2020).

может публиковаться только в виде обезличенных фрагментов и только после окончания рассмотрения дела. Некоторые отмечают, что это зависит от того, обнародуются ли в принципе материалы дела.

Нам представляется разумной позиция, согласно которой допустимо опубликование заключений эксперта в виде фрагментов, не содержащих персонализирующие данные, и после завершения рассмотрения дела. Особенно это актуально для профильных и научных изданий, а также обмена опытом и информацией внутри профессионального сообщества. Обмен примерами, созданными на основе реальных экспертных задач, важен для создания и совершенствования экспертных методик, а также для развития науки в целом. Не противоречат и принципу конфиденциальности информации освещение в СМИ выводов эксперта или каких-то отдельных моментов исследования, озвучивавшихся в открытых судебных заседаниях.

В связи с этим хочется отметить, что даже в условиях конкуренции для судебно-экспертного учреждения является недопустимым использование информации о проведённых судебных экспертизах в рекламных целях¹. Разглашение подобных сведений — начиная с самого факта проведения экспертизы и заканчивая её результатами и личными данными участвующих в деле лиц, — может нанести вред как ходу следствия или судебного разбирательства, так и непосредственно лицу, сведения о котором были распространены.

Только 4,5 % опрошенных на вопрос «Допустимо ли использование экспертным учреждением сведений о проведённых экспертизах и участниках процесса для саморекламы?» дали утвердительный ответ. 47,5 % респондентов категорично ответили «Нет, не допустимо». 34,1 % считают, что использование такой информации экспертным учреждением возможно только после завершения дела. Остальные опрошенные предпочли дать развернутые ответы, и среди высказанных мнений преобладает следующее: экспертное учреждение может использовать информацию о проведённых экспертизах для саморекламы без указания на конкретные подробности исследования, а главное, убрав все сведения, касающиеся участников процесса. Были высказаны и такие интересные позиции, как «научные публикации — это единственный вид рекламы, который эксперт может использовать для продвижения своих услуг» и «реклама эксперта — это заключение, написанное в срок, такого объема и качества, которое не вызывает сомнений и вопросов у участников процесса, и органа, назначившего экспертизу».

Мы полагаем, что экспертное учреждение может вести статистику проведённых исследований и приводить её на своих информационных ресурсах, однако публикация персональных данных сторон и иных касающихся их сведений не допустима с точки зрения судебно-экспертной этики. То же самое касается внесудебных исследований. Разглашение сведений о заказчике не допустимо в любом случае и никак не зависит от того, завершилось ли рассмотрение дела, в котором использовалось заключение специалиста, или нет.

Этот тезис подводит нас к проблеме соблюдения принципа конфиденциальности информации в тех случаях, когда сотрудники судебно-экспертного учреждения привлекаются к проведению внесудебных исследований в качестве лиц, обладающих специальными знаниями, но не имеющих процессуального статуса.

¹ Рубис А. С., Кот Я. И. К вопросу о правилах профессиональной этики судебного эксперта // Веснік БДУ. Серія 3. 2011. № 1. С. 105.

При проведении различных исследований по частным заказам между экспертным учреждением и лицом, по запросу которого проводится исследование, заключаются соглашения о неразглашении информации. Однако нам представляется, что даже при отсутствии такого соглашения, сотрудниками экспертного учреждения должна обеспечиваться полная конфиденциальность как в отношении сведений, ставших известными в ходе производства исследования, так и в отношении результатов исследования. Разумеется, информация о факте проведения внесудебного исследования для частного лица также не может использоваться экспертным учреждением для саморекламы.

Проблема соблюдения принципа конфиденциальности информации имеет в эпоху цифровизации имеет и обратную сторону. Ранее мы уже затрагивали вопросы подготовки научных работ, однако хочется ещё раз подчеркнуть следующее. Развития сети Интернет и глобальная цифровизация обеспечивают высокую доступность информации в различных сферах научного знания. Область судебных экспертиз не стала исключением. Это закономерный процесс, а обмен опытом в отношении методик, особенностей и интересных проблем, возникающих при производстве исследований, положительно сказывается на развитии отдельных родов и видов судебных экспертиз. Важно только следить, чтобы сведения о проведённых исследованиях попадали в широкий доступ максимально обезличенными, не нарушали прав и свобод участников процесса и не наносили вред ходу следствия или судебного разбирательства.

*Никишин В. Д.,
директор Центра
академического развития
и образовательных инноваций, старший
преподаватель кафедры
судебных экспертиз
Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА),
кандидат юридических наук*

МЕДИАБЕЗОПАСНОСТЬ В ЦИФРОВОЙ СРЕДЕ КАК СОСТАВНАЯ ЧАСТЬ ЛИЧНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ¹

Понятие личной безопасности в цифровом информационном обществе расширяется и охватывает теперь не только физическую неприкосновенность, но и состояние защищенности от противоправных вербальных посягательств (деструктивной информации), создание условий для развития личности в цифровой среде.

Информационная безопасность может рассматриваться в нескольких аспектах: 1) как состояние защищенности информационной среды общества, обеспечивающее ее формирование, использование и развитие в интересах граждан, организаций, государства; 2) как защищенность информации и поддерживающей инфраструктуры от случайных или преднамеренных воздействий естественного или искусственного характера, чреватых нанесением ущерба владельцам или

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-011-00190.

пользователям информации и поддерживающей инфраструктуры; 3) как состояние защищенности основных *интересов личности, общества и государства* в информационном пространстве, включая информационно-телекоммуникационную инфраструктуру и собственно информацию в отношении таких ее свойств, как целостность, объективность, доступность и конфиденциальность¹.

Ранее действовавший Закон РФ «О безопасности»² предусматривал специальную статью, раскрывающую понятие безопасности и ее объектов. Так, безопасность была определена как «состояние защищенности жизненно важных интересов личности, общества и государства от внутренних и внешних угроз». Под жизненно важными интересами понималась «совокупность потребностей, удовлетворение которых надежно обеспечивает существование и возможности прогрессивного развития личности, общества и государства». В качестве основных объектов безопасности были законодательно обозначены:

- личность (ее права и свободы);
- общество (его материальные и духовные ценности);
- государство (его конституционный строй, суверенитет и территориальная целостность).

Несмотря на то что ныне действующий федеральный закон «О безопасности»³ не содержит определенных понятий безопасности и ее объектов, представляется, что вышеприведенные дефиниции и классификация сохраняют свою актуальность (как минимум с доктринальной точки зрения).

Исходя из классификации объектов безопасности, можно структурно выделить следующие уровни медиабезопасности:

1) *личностный (безопасность личности)* — защита от диффамационных (включая дискредитационных, клеветнических и пр.), дискриминационных, оскорбительных, ксенофобских и пр. информационных атак; защита от деструктивной пропаганды, воздействующей на мировоззрение личности (экстремистско-террористическая идеология, идеология безмотивного насилия, пропаганду наркотических средств, аутодеструктивного поведения и т.д.); физическое, духовное, интеллектуальное развитие личности;

2) *на уровне организации гражданского общества* — обеспечение социального согласия, преодоление конфронтации в обществе, духовное обновление и укрепление демократии, предотвращение конфликтов на почве национальной, расовой, религиозной и т.п. ненависти и вражды, обеспечение граждан и институтов гражданского общества достоверной информацией (противодействие фейкам) и т.д.;

3) *на государственном уровне* — обеспечение социально-политической стабильности страны; обеспечение суверенитета и территориальной целостности и т.п.

В Доктрине информационной безопасности Российской Федерации⁴ под информационной безопасностью Российской Федерации понимается «состояние защи-

¹ Крылов Г. О., Ларинова С. Л., Никитина В. Л. Базовые понятия информационной безопасности : учебное пособие. М. : Русайнс, 2017. С. 214.

² Закон РФ от 5 марта 1992 г. № 2446-1 «О безопасности» (с изменениями и дополнениями) (утратил силу) // СПС «Гарант».

³ Федеральный закон от 28.12.2010 № 390-ФЗ (ред. от 09.11.2020) «О безопасности» // СПС «КонсультантПлюс».

⁴ Доктрина информационной безопасности Российской Федерации, утв. Указом Президента Российской Федерации от 05.12.2016 № 646 // СЗ РФ. 2016. № 50. Ст. 7074.

ценности личности, общества и государства от внутренних и внешних информационных угроз, при котором обеспечиваются реализация *конституционных прав и свобод человека и гражданина*, достойные качество и уровень жизни граждан, суверенитет, территориальная целостность и устойчивое социально-экономическое развитие Российской Федерации, оборона и безопасность государства»¹.

В Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы (далее — Стратегия)² в п. 21 среди национальных интересов, которым должна способствовать указанная концепция, указаны в том числе развитие человеческого потенциала; обеспечение безопасности граждан; развитие свободной, устойчивой и безопасной взаимодельствия граждан и организаций, органов государственной власти и т.д. Среди приоритетов в обеспечении указанных национальных интересов первостепенное значение отдается формированию «информационного пространства с учетом *потребностей граждан и общества в получении качественных и достоверных сведений*» (п. 22). Сами цели формирования информационного пространства знаний в Стратегии определены как «обеспечение *прав граждан на объективную, достоверную, безопасную информацию* и создание условий для удовлетворения их потребностей в постоянном *развитии, получении качественных и достоверных сведений*, новых компетенций, расширении кругозора» (п. 24).

Таким образом, информационная безопасность личности является неотъемлемой частью информационной безопасности Российской Федерации и может рассматриваться в двух аспектах: как безопасность самой информации (персональных данных, личной и семейной тайны и т.д.) и как защита от (деструктивной) информации. Информационно-мировоззренческая безопасность не сводима ни к одному из этих аспектов: она охватывает прежде всего второй аспект, т.к. предполагает защиту от информации, деструктивно влияющей на аксиосферу (мировоззрение) личности, его психологическое и психическое состояние, но также частично пересекается и с первым аспектом, т.к. распространение, например сведений, составляющих личную или семейную тайну, может служить поводом для травли (буллинга) лица и даже доведения его до самоубийства. Кроме того, можно выделить и третий аспект информационной безопасности, охватывающий свободу человека в информационном пространстве — право получать и распространять информацию, не нарушая права иных лиц. Отметим, что в рамках данного исследования мы позволяем себе использовать понятия «информационно-мировоззренческая безопасности личности» и «информационно-мировоззренческая безопасность коммуникации» как синонимичные, основываясь на приеме метонимии: коммуникация выступает замещающим словом и обозначает процесс, в который вовлечена личность, чью безопасность необходимо обеспечить.

В качестве неотъемлемых компонентов личной безопасности традиционно принято выделять такие абсолютные блага, как жизнь, здоровье и физическая свобода. Еще в XVIII в. В. Блэкстон писал: «Сохранение здоровья и чести самая важная вещь для людей и они защищаются законами, потому что

¹ Доктрина информационной безопасности Российской Федерации, утв. Указом Президента Российской Федерации от 05.12.2016 № 646 // СЗ РФ. 2016. № 50. Ст. 7074, пп. «в» п. 2.

² Указ Президента РФ от 9 мая 2017 г. № 203 «О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы» // СПС «Гарант».

без них невозможно пользоваться другими благами»¹. Эти блага подлежат защите не только в мире реальном (физическом), но и в киберпространстве. Жизнь и здоровье оказываются под угрозой ввиду массированного форсинга в цифровой среде идей безмотивного насилия, сатанизма, массовых убийств и самоубийств, иного аутодеструктивного поведения (селфхарма и пр.), т.е. «прокаченные» такими идеями веб-пользователи готовы к реализации насилия в отношении себя или других в мире реальном — физическом. Кроме того, нельзя не учитывать, что массированное распространение такой деструктивной пропаганды влияет на психическое здоровье веб-пользователей. Такое социальное благо, как честь, наряду с достоинством, добрым именем, деловой репутацией, в условиях свободы и относительной анонимности веб-коммуникации повсеместно умалется: диффамация, оскорбления, клевета, буллинг, аутинг и прочие феномены стали неотъемлемыми атрибутами современной веб-коммуникации.

Троицкая Т. А.,

*Ассоциация «Национальный
общественный центр экспертиз» (НОЦЭ),
негосударственный судебный
эксперт-специалист*

НЕОЧЕВИДНЫЕ ОПАСНОСТИ ПУБЛИЧНЫХ ЦИФРОВЫХ РЕСУРСОВ И ВОЗМОЖНОСТИ ЭКСПЕРТНОЙ ПРОФИЛАКТИКИ

Публичное цифровое пространство при отсутствии должной модерации несет в себе потенциальный вред для благополучия человека (его жизни и здоровья), социальных ролей, профессиональной реализации, успешной реализации родительской функции и т.д. При этом точечное влияние на отдельного гражданина представляет угрозу для всего общества в целом, подрывая такие основы национальной безопасности, как сохранение традиционных культурных ценностей, института семьи, религии, исторической памяти и т.п.²

¹ Блэкстон У. Истолкования аглинских законов г. Блэкстона / Переведенные по высочайшему повелению великой законодательницы всероссийской ; С подлинника аглинского [Перевел С. Е. Десницкий при участии А. М. Брянцева]. М. : Унив. тип., у Н. Новикова, 1780–1782. С. 335–336.

² «Часть 3 ст. 55 Конституции РФ, указывающая на возможность ограничения прав и свобод человека и гражданина федеральным законом, в том числе в целях защиты нравственности, ставит нравственность в один ряд с такими фундаментальными ценностями, как основы конституционного строя, здоровье, права и законные интересы других лиц, обеспечение обороны страны и безопасности государства. О сближении нравственности с правом и политикой еще в 2005 г. в своем послании Федеральному Собранию упоминал Президент Российской Федерации: «В России право и мораль, политика и нравственность традиционно признавались понятиями близкими и соотносимыми... их взаимосвязь была декларируемым идеалом и целью» — цитируется по: Иванова К. А., Степанов А. А., Немчинова Е. В. Нравственность в Сети: правовая и неправовая оценка информации при реализации пользователями права на свободу выражения мнения / Российское право. Образование. Практика. Наука. Конституционное право. 2018. № 5. С. 66.

Основными предпосылками к этому являются особенности Интернета, связанные с «обратными сторонами» его уникальных возможностей удовлетворять потребности современного человека во многих сферах жизни (социальные, духовные, престижные и иные¹); способность создавать иллюзию стабилизации и разрешения объективно существующих проблем (воздействие наподобие алкоголизации²); замена привычного круга и форм общения, что приводит к уходу от действительности, утрате и трансформации прежних взаимоотношений; появление новых для человека морально-этических требований³ (через установки сообществ и групп, к которым индивидuum примыкает, общаясь на форумах, в социальных сетях, в играх и всевозможных «марафонах желаний»); потеря границ между интимным пространством и публичным; обращение к Интернету с запросом на психотерапевтическую помощь; замена телесных контактов общением в Сети; возрастание удельного веса пользователей с разными видами зависимостей и психических расстройств (в том числе прибегающих к коммуникации в Интернете по совету врачей⁴, но зачастую при этом не информирующих собеседников о своих проблемах); приоритет изображения над знаком и буквой, что само по себе влияет на изменение мышления и привычного способа работы с информацией; переход от социальной речи к речи внутренней, которая, однако, выплескивается пользователями на всеобщее обсуждение и т.д.

Общение в Интернете выработало ряд специфических механизмов, при помощи которых может осуществляться в том числе деструктивное воздействие на сознание и психику человека.

¹ Полагаем, что для характеристики отношений между человеком и Интернетом можно использовать описание, посвященное роли мобильного телефона для современного человека: «Мобильный телефон магическим образом, отменяет пространство и время. С его помощью можно решать огромный спектр психических задач..., удовлетворять разные потребности прямо здесь и сейчас. Мобильник каждый день посылает нам послание — границ не существует» — Гридаева Г. В. Атака на родительскую пару: всемогущество инцеста // Психиатрия и психоанализ: клинические диалоги : материалы научно-практической конференции. М., 2017. С. 157.

² Интересно, что сходство между интернет-зависимостью и алкоголизацией проявляется также в наличии абстинентного синдрома при невозможности иметь доступ к Интернету (Северова Е. А., Елисеева Е. Ю., Карева А. И. Особенности зависимости от Интернета и мобильных устройств у школьников разного возраста // Материалы международной научно-практической конференции и пятого российско-хорватского психиатрического симпозиума. ГБУЗ МО «Центральная клиническая психиатрическая больница» Московское областное общество психиатров и психиатров-наркологов Московский государственный медико-стоматологический университет имени Евдокимова. М., 2019. с.275).

³ С этой проблемой близко связана проблема т.н. кэтфishinga — см.: Айсина Р. М. Психологическая безопасность взрослых интернет-пользователей: анализ современных исследований // Вестник Омского университета. Серия «Психология». 2019. № 1. С. 32.

⁴ По вопросу использования коммуникации в Интернете в лечебных и диагностических целях — см., например, Бойко О. М. Соотношение коммуникативного использования социальных сетей с оценкой уровня близости имеющихся отношений мужчинами, страдающими психическими заболеваниями // Материалы международной научно-практической конференции и пятого российско-хорватского психиатрического симпозиума. ГБУЗ МО «Центральная клиническая психиатрическая больница» Московское областное общество психиатров и психиатров-наркологов Московский государственный медико-стоматологический университет имени Евдокимова. М., 2019. С. 84–85.

В первую очередь это активная работа с «образом тела». Изменение восприятия собственного тела не всегда является желательным и безопасным для сохранения психологического равновесия и здоровья. Ведь оно непосредственно связано с теми структурами самосознания, которые неразрывно влияют на самооценку и обобщают прошлый опыт жизни личности. Поэтому любая критика тела человека обычно воспринимается очень эмоционально. При этом в Интернете она зачастую сопровождается речевой агрессией и требованием безусловного принятия советов и предписаний. Если же вникнуть глубже, то для похудения, например, в блогах и дневниковых обсуждениях, на женских и популярных психологических форумах рекомендуются наряду с общеизвестными методами, связанные с похуданием на ПАВ (в частности, на сибутраmine и амфетамине); отказ от еды с призывами «поллюбить чувство голода» и усилиями воли преодолевать боль и тошноту.

Развитием темы образа тела являются также активно ведущаяся в сети пропаганда ковид- и ВИЧ-диссидентства, антипрививочная компания, одобрение наркотиков, стигматизация психиатрии и оборотная сторона — публичное, со слов, выставление диагнозов, причем психологами, т.е. лицами, без высшего медицинского образования, попытки проводить публичный же психоанализ лицам, сообщившим о наличии застарелых психиатрических проблем.

Сюда же следует отнести и пропаганду ЛГБТ среди подростков и юношества, пропаганду промискуитета, инцеста, раннего начала половой жизни, отказа от предохранения, так же проводимые на таких внешне безобидных ресурсах, как женские и психологические форумы.

Помимо этого, следует отметить использование потенциально вредных типов юмора — «черного юмора», неадекватно отражающего окружающий мир; готовность шутить по каждому поводу¹, высмеивая и обесценивая абсолютно все, в том числе вопросы, связанные с религиозным и патриотическими чувствами, с национальным достоинством и т.д. От высмеивания и обесценивания один шаг до популярной установки «будущего нет», которая активно насаждается в темах, посвященных как обсуждению текущих вопросов российской жизни, так и прошлого. От отрицания будущего и обесценивания религии один шаг до поэтизирования и скрытой пропаганды суицида (в том числе через демонстрацию подборок тематических фотоизображений петли, повешения, удушения и т.п.).

Перечисленные особенности являются одними из немногих проявлений тех опасных сторон современной коммуникации в Интернете, которые из-за отсутствия в них очевидно противозаконного контента практически не исследуются ведомственными специалистами Роскомнадзора и подобных организаций, по объективным причинам оставаясь вне поля их зрения и компетенции.

¹ О негативных видах и негативной роли смеха см., например: Вдовина А. С., Шуненков Д. А., Худяков А. В. Страх насмешки (гелотофобия) у пациентов с синдромом зависимости от алкоголя // Материалы международной научно-практической конференции и пятого российско-хорватского психиатрического симпозиума. ГБУЗ МО «Центральная клиническая психиатрическая больница» Московское областное общество психиатров и психиатров-наркологов Московский государственный медико-стоматологический университет имени Евдокимова. М., 2019. С. 92–96.

Представляется, что единственной действенной возможностью профилактики подобных явлений может служить активное использование судебными экспертами права на экспертную инициативу. Если, работая с материалом, они будут всесторонне изучать сопровождающий его «контекст» не только в русле поставленных вопросов, но проводя диагностику возможных потенциальных вредностей по разным направлениям (потенциальный вред психологическому и психическому здоровью, пропаганда деструктивных явлений и общественно опасного поведения, пропаганда суицида, введение в заблуждение, использование техник речевого манипулирования и т.д.), они смогут действительно предотвратить наступление опасных и нежелательных последствий.

ПРАВОВОЕ И СУДЕБНО-ЭКСПЕРТНОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ СОБИРАНИЯ И ИССЛЕДОВАНИЯ ЦИФРОВЫХ СЛЕДОВ В СУДОПРОИЗВОДСТВЕ

*Белякова Е. Г.,
преподаватель кафедры судебных экспертиз
Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА),
кандидат юридических наук*

О КЛАССИФИКАЦИИ ОБЪЕКТОВ СУДЕБНОЙ ФИНАНСОВО-ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ ПО ДЕЛАМ О ПРЕДНАМЕРЕННОМ БАНКРОТСТВЕ ЮРИДИЧЕСКИХ ЛИЦ

Вопрос классификации объектов судебной экспертизы вызывает особый интерес у экспертного сообщества. В настоящее время отсутствует единая позиция относительно того, что следует относить к объектам судебной экономической экспертизы, в частности к объектам судебной финансово-экономической экспертизы по делам о преднамеренном банкротстве юридических лиц.

Е. Р. Россинская, Е. И. Галяшина под объектами экспертного исследования понимают материальные объекты с информацией, необходимой для решения экспертных задач¹.

А. А. Савицкий в качестве объектов судебной экономической экспертизы рассматривает первичные и отчетные документы, отражающие произведенные хозяйственные операции и содержащие информацию о наличии и движении материальных и денежных средств².

Э. С. Сарыгина, проводя дифференциацию документации, проверяемой экспертом, отдельно рассматривает иные материалы, содержащие информацию, относящуюся к предмету экспертизы³. К иным материалам предлагается относить заключения экспертов и специалистов, акты ревизии, протоколы следственных и судебных действий и т.д.

Сформулированные рядом других ученых определения объектов судебной экспертизы также вызывают научный интерес (в частности, определения И. И. Лиханова, Ю. А. Евстратовой, С. Г. Чадаева, Ж. И. Ковгана, Э. Ф. Мусина⁴), хотя с некоторыми из них мы не совсем согласны.

¹ Россинская Е. Р., Галяшина Е. И. Настольная книга судьи: судебная экспертиза. М.: Проспект, 2015. С. 24.

² Савицкий А. А. Судебная экспертиза в цивилистических процессах: научно-практическое пособие / под ред. Е. Р. Россинской. М.: Проспект, 2018. С. 556.

³ Сарыгина Э. С. Судебная финансово-экономическая экспертиза: теоретические и организационно-методические аспекты: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.12. М., 2017. С. 51.

⁴ Лиханова И. И., Евстратова Ю. А. Значение финансово-экономической экспертизы в расследовании банкротств криминальной направленности // Вестник Санкт-Петербургской юридической академии. 2016. С. 105; Чадаев С. Г., Чадин М. В. Судебно-экономическая экспертиза // «Черные дыры» в Российском законодательстве. 2001. № 1. С. 145; Евстратова Ю. А. Судебная финансово-экономическая экспертиза: проблемы назначения, проведения и использования результатов в расследовании криминальных банкротств // Вестник Санкт-Петербургской юридической академии. 2014. № 4 (25). С. 104–108; Ковган Ж. И. Финансово-экономическая экспертиза при выявлении и расследовании экономических правонарушений // Вестник Академии МВД Республики Беларусь. 2014. № 2. С. 113–117; Мусин Э. Ф. Судебно-экономическая экспертиза в уголовном процессе: учебное пособие для вузов / под ред. Э. Ф. Мусина. М.: Юрайт, 2018. С. 189–190.

Взяв за основу определение, сформулированное Е. Р. Россинской, Е. И. Галяшиной, А. М. Зининым¹, а также определение, указанное в ст. 10 ФЗ О ГСЭД, к объектам судебной финансово-экономической экспертизы по делам о преднамеренном банкротстве юридических лиц мы относим документы (в том числе в электронном виде), а также, материалы дела, содержащие значимую для дела экономическую информацию и относящиеся к предмету данной экспертизы.

Проанализировав позицию Высшего Арбитражного Суда РФ в части объектов экспертного исследования², можно заключить, что объектами судебной финансово-экономической экспертизы по делам о преднамеренном банкротстве юридических лиц также могут быть надлежаще заверенные копии документов, содержащие необходимые для экспертного исследования сведения.

Объекты судебной финансово-экономической экспертизы по делам о преднамеренном банкротстве юридических лиц мы предлагаем классифицировать по источнику полученных сведений на основные документы и вспомогательные информационные материалы.

Под основными документами следует понимать документы, отражающие финансово-хозяйственные операции и финансово-хозяйственную деятельность юридического лица, и не являющиеся выражением мнения какого-либо субъекта. Например, первичные учетные документы, бухгалтерская отчетность, договоры и т.д. И. В. Ахматов еще в 1809 г. отмечал: «много есть честных и прямотдушных средств сделать должника банкротом. Первым орудием оных служит баланс».

К вспомогательным информационным материалам мы предлагаем относить документы со сведениями, относящимися к предмету экспертизы, исследование определенной информации, в отношении которых прямо указано в постановлении либо определении о назначении экспертизы и на условиях, установленных следователем либо судом. Информацию, на основании которой были составлены вспомогательные информационные материалы, эксперт воспринимает опосредованно, поскольку фиксацию данных и их анализ осуществляли другие субъекты (аудиторы, налоговые инспекторы, оценщики, ревизоры, следователи, должностное лицо, либо орган, осуществляющий производство по делу об административном правонарушении и т.д.).

Достоверность объектов может оценить только субъект, назначающий экспертизу. Например, свидетель либо подозреваемый на основании каких-либо мотивов при повторном допросе может дать показания, отличные от показаний, полученных при первоначальном допросе, которые, однако, уже переданы на исследование эксперту. Вспомогательные информационные материалы не могут быть положены в основу выводов эксперта (в случаях, если их исследование прямо не установлено определением либо постановлением о назначении судебной экспертизы), однако содержащаяся в них информация может иметь существенное значение для дела и, в частности, экспертного исследования. Определяющим фактором в данном случае будет указание на исследование документов и содержа-

¹ Россинская Е. Р. Теория судебной экспертизы (Судебная экспертология) : учебник / под ред. Е. Р. Россинской. М. : Норма : Инфра-М, 2017. С. 89.

² Постановление Пленума ВАС РФ от 04.04.2014 № 23 «О некоторых вопросах практики применения арбитражными судами законодательства об экспертизе» (абз. 2 п. 9) // СПС «КонсультантПлюс».

щихся в них сведений, в постановлении либо определении о назначении судебной экспертизы. В таком случае будет предотвращена возможность самостоятельного сбора материалов экспертом для исследования, что он делать не вправе.

К вспомогательным информационным материалам относятся: заключение арбитражного управляющего о наличии либо отсутствии признаков фиктивного и (или) преднамеренного банкротства, отчет арбитражного управляющего об анализе финансового состояния должника, заключения экспертов, аудиторские заключения, отчеты об оценке, отчеты ревизионной комиссии и т.д.

Указанный перечень объектов является открытым. Окончательный перечень объектов, необходимых при производстве судебной финансово-экономической экспертизы по делам о преднамеренном банкротстве юридических лиц взаимосвязан с поставленными перед экспертом вопросами, организационно-правовой формой и спецификой отраслевой деятельности юридического лица (строительная, сельскохозяйственная, финансовая и др.), а также непосредственно наличием необходимых для исследования документов. Если у контролирующих должника лиц есть умысел на преднамеренное банкротство, их стремления будут направлены на уничтожение документов, содержащих значимую для рассмотрения и расследования дела информацию. Опрошенные респонденты также среди проблем, с которыми сталкиваются, отмечали недостаточное количество бухгалтерских документов для анализа финансово-хозяйственной, а также преднамеренное уничтожение бухгалтерских, финансовых и иных (договорных) документов юридического лица.

Ввиду цифровизации экономических отношений целесообразной представляется классификация объектов в зависимости от формы представления на документы в бумажном виде и электронном виде (в виде электронных документов и электронных образов документов).

Богатырев К. М.,

*аспирант кафедры судебных экспертиз
Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)*

ПРОБЛЕМА АВТОМАТИЗАЦИИ МОНИТОРИНГА ЦИФРОВОЙ СРЕДЫ НА ПРЕДМЕТ ВЫЯВЛЕНИЯ ИНФОРМАЦИИ, ПРЕДСТАВЛЯЮЩЕЙ УГРОЗУ МЕДИАБЕЗОПАСНОСТИ (СОБИРАНИЕ, ДОКУМЕНТИРОВАНИЕ И ОЦЕНКА)¹

Тенденция по цифровизации всех сфер общественной жизни привела к качественному изменению последних: в настоящее время использование цифровых электронных устройств стало основным и в то же время необходимым условием эффективного осуществления любого рода деятельности. Развитие

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-011-00190. Научный руководитель — Галяшина Е. И., доктор юридических наук, доктор филол. наук, профессор, профессор кафедры судебных экспертиз Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), академик Российской академии естественных наук (РАЕН).

инфраструктуры, в рамках которой осуществляется оборот информации в любой (в том числе цифровой) форме, привело к многообразию способов и каналов передачи информации. Научно-техническими изысканиями в данной области активно занимаются как государственные учреждения (заинтересованные в обеспечении государственной безопасности в данной сфере), так и негосударственные коммерческие организации (заинтересованные в разработке новых информационных продуктов с последующим получением выгоды).

Все это сопряжено с ростом цифровой грамотности населения: в результате тенденций по дифференциации и интеграции научного знания в области цифровых технологий значительная его часть перешла из разряда специальных в разряд общеизвестных; однако при этом многие сложные программные и аппаратные вопросы можно решить только путем привлечения лица, сведущего в области компьютерно-технической экспертизы.

Такая распространенность новых технологий не могла не привести к тому, что их возможности будут использоваться в том числе и для нарушения закона (подготовки и/или совершения проступков/преступлений различной тяжести и направленности). В настоящее время в цифровой среде (понимаемой нами как совокупность информационных технологий и информационных систем, обрабатывающих информацию, имеющую цифровую форму представления, а также содержащих такую информацию информационных ресурсов) существуют условия для совершения не только преступлений в сфере компьютерной информации, но практически любых родов и видов преступлений: против жизни и здоровья, против собственности, общественной безопасности, против мира и безопасности человека и т.д.

В статье мы анализируем обеспечение безопасности в особом информационном пространстве, где пересекаются множества, обозначаемые понятиями «цифровая среда» и «медиасреда». Дефиницию первого мы уже привели выше; второй же термин мы определяем, как часть информационного пространства, в которой информация вне зависимости от формы распространяется при помощи средств массовой коммуникации (в том числе средств массовой информации как их особого вида, имеющего при этом нормативное определение).

Наиболее часто посредством электронных (цифровых) средств массовой коммуникации (таких как сеть Интернет), составляющих значительную часть цифровой среды, могут осуществляться запрещенная законом пропаганда (в том числе суицида); диффамационные речевые действия (распространение не соответствующих действительности сведений, порочащих честь, достоинство, деловую репутацию; оскорбление, клевета); угрозы; возбуждение ненависти либо вражды, а равно унижение человеческого достоинства; публичные призывы к осуществлению противозаконной деятельности; нарушение законодательства о защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и (или) развитию и т.п.¹ Сущность всех этих преступлений заключается в распространении информации, несущей информационную угрозу медиабезопасности.

¹ См.: Галяшина Е. И., Никишин В. Д. К вопросу о концепции юридино-лингвистического обеспечения информационной (мировоззренческой) безопасности в цифровой среде // Становление личности в современном обществе : сборник научных трудов Международной научно-практической конференции. Юргинский технологический институт. Томск : Изд-во Томского политехнического университета, 2018. С. 266–269.

Медиабезопасность понимается нами как состояние защищенности отдельной личности от любых существующих в медиасреде информационных угроз (находящих свое отражение в информационных продуктах, оборот которых ограничен или запрещен действующими нормативными правовыми актами), а также вытекающее из него состояние защищенности государства и общества. Функция по обеспечению медиабезопасности, т.е. по борьбе с информационными угрозами, существующими в цифровой среде в результате противозаконной деятельности (совершенной с помощью средств массовой коммуникации), лежит (как и в случае с любыми нарушениями закона) на правоохранительных органах. Для ее реализации необходимо осуществлять деятельность по выявлению готовящихся и совершаемых правонарушений, раскрытию и расследованию уже совершенных противоправных деяний, несущих общественную опасность. Наиболее эффективным и адекватным средством осуществления такого рода деятельности является мониторинг.

Существует следующее нормативное понятие мониторинга в сфере профилактики правонарушений: это — система наблюдений за состоянием профилактики правонарушений, анализ и прогнозирование причин и условий, способствующих совершению правонарушений, а также оценка эффективности деятельности субъектов профилактики правонарушений (которые и проводят этот мониторинг)¹. При этом к числу последних отнесены федеральные органы исполнительной власти, органы прокуратуры Российской Федерации; следственные органы Следственного комитета Российской Федерации; органы государственной власти субъектов Российской Федерации и органы местного самоуправления; все они осуществляют свою деятельность в пределах установленной федеральным законодательством компетенции. Кроме того, субъектам профилактики правонарушений может оказываться помощь (содействие) со стороны лиц, участвующих в профилактике правонарушений (граждан, общественных объединений и иных организаций) в рамках реализации их прав в сфере профилактики правонарушений.

Рассмотренные выше общие положения приведены в Федеральном законе от 23.06.2016 № 182-ФЗ «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации»; порядок же проведения мониторинга в сфере профилактики правонарушений установлен Постановлением Правительства РФ от 30.12.2016 № 1564 «О проведении субъектами профилактики правонарушений мониторинга в сфере профилактики правонарушений в Российской Федерации»². Главными целями осуществления такого рода мониторинга являются определение состояния обеспечения защиты прав, свобод и законных интересов личности, общества и государства от противоправных посягательств; выявление, оценка и прогнозирование криминогенных факторов социального характера, а также оценка эффективности деятельности субъектов профилактики правонарушений.

Важно заметить, что в контексте данного закона и постановления рассматривается только мониторинг в сфере профилактики правонарушений, подразуме-

¹ Ст. 2 Федерального закона от 23.06.2016 № 182-ФЗ «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации» // СЗ РФ. 2016. № 26 (ч. I). Ст. 385.

² Постановление Правительства РФ от 30.12.2016 № 1564 «О проведении субъектами профилактики правонарушений мониторинга в сфере профилактики правонарушений в Российской Федерации» // СЗ РФ. 2017. № 2 (ч. II). Ст. 392.

вающий лишь сбор, обработку и систематизацию информации о профилактике правонарушений, ее статистический анализ, в то время как в статье мониторинг рассматривается в контексте обеспечения медиабезопасности в цифровой среде, включающей как выявление условий, способствующих совершению преступлений, так и выявление самих преступлений, установление их фактических обстоятельств на основе сбора доказательственной информации. Таким образом, мы видим, что необходима разработка нового понятия, охватываемого термином «мониторинг цифровой среды», который бы отражал все перечисленные выше аспекты.

Мы предлагаем следующее определение: мониторинг цифровой среды (далее — МЦС) — это система наблюдений за цифровой средой, оценки и прогноза изменений ее состояния, направленная на выявление и фиксацию готовящихся / совершаемых / совершенных правонарушений, их фактических обстоятельств и условий, способствовавших их совершению, а также сокрытию их следов. Таким образом, в данном определении отражен как вопрос установления события преступления, его обстоятельств, так и профилактический аспект. Характер МЦС может различаться в зависимости от целей его проведения; в статье мы рассматриваем МЦС, осуществляемый для выявления информации, несущей угрозу медиабезопасности (понятие которой мы рассмотрели выше).

Мониторинг цифровой среды может проводиться на предмет нарушения закона и на предмет нарушения правил отдельных частных платформ (видеохостингов, соцсетей, стриминговых сервисов и т.д.); при этом нарушение закона практически всегда будет и нарушением правил отдельной платформы (последние стараются приводить их в соответствие с действующим международным и национальным законодательством), в то время как правилами самих платформ могут быть предусмотрены более жесткие и развернутые требования к поведению пользователей таких цифровых сервисов и платформ.

В первом случае мониторинг осуществляется государственными (в том числе правоохранительными, такими как МВД и ФСБ РФ) органами (являющимися также субъектами мониторинга в сфере профилактики правонарушений); например, анализ практики производства по ст. 6.13 КоАП РФ («Пропаганда наркотических средств...») показал, что более чем в половине рассмотренных случаев выявление правонарушения было произведено путем проведения сотрудниками МВД РФ ручного мониторинга социальных сетей «ВКонтакте» и «Instagram». Лица, участвующие в профилактике правонарушений, такие как Автономная некоммерческая организация «Центр изучения и сетевого мониторинга молодёжной среды» (АНО «ЦИСМ»)¹ и Национальный Центр информационного противодействия терроризму и экстремизму в образовательной среде и сети Интернет (НЦПТИ)² также осуществляют поиск противоправного контента ручным способом в поисковых системах, социальных сетях, на видеохостингах и в файлообменных ресурсах при помощи методики, основанной на подборе ключевых слов. Последняя организация также осуществляет и автоматизированный мониторинг.

¹ Об организации. Центр изучения и сетевого мониторинга молодёжной среды // URL: www.cism-ms.ru/ob-organizatsii (дата обращения: 10.03.2021).

² Мониторинг сети Интернет. Национальный центр информационного противодействия терроризму и экстремизму в образовательной среде и сети Интернет // URL: <https://ncpti.su/report/monitoring-seti/monitoring-seti-internet.php> (дата обращения: 10.03.2021).

В осуществлении МЦС на частных платформах (соцсетями, форумами, хостингами и т.д.) есть своя специфика: как мы отметили выше, помимо норм права на них также существуют внутренние правила, и администрация таких порталов осуществляет проверку в первую очередь на соблюдение этих правил (которые включают в себя требования по соблюдению законов отдельной страны). Доступ к программной части порталов позволяет их администрации, осуществляющей техническое обслуживание, встраивать средства мониторинга нарушений непосредственно в платформу; таким образом, платформа сама автоматически модерирует размещаемый на ней контент и в случае подозрительной активности принимает меры (в том числе осуществляет блокировку подозрительных материалов и учетных записей).

Однако, как это отмечено в п. 1 решения Правительственной комиссии по профилактике правонарушений от 28.12.2020, некоторые интернет-площадки (такие как Twitter) не только не удаляют противоправную информацию по своей инициативе, но и не выполняют предписания выявивших противоправный контент компетентных органов, таких как Роскомнадзор. Последний эксцесс повлек наложение на Twitter санкций Роскомнадзора¹.

Из-за того, что массив данных, размещенных в цифровой форме в сети Интернет, обладает большим и при этом экспоненциально увеличивающимся объемом, осуществление МЦС в ручном режиме (примеры которого приведены выше) представляется менее эффективным, чем автоматизированный поиск; в настоящее время в этом направлении ведутся активные разработки, а их результаты применяются на практике (как самими интернет-площадками, так и другими лицами, участвующими в МЦС). Автоматизация процесса мониторинга цифровой среды на предмет выявления несущих угрозу медиабезопасности противоправной информации позволяет существенно повысить его эффективность, однако в этом случае на первый план выходят уже проблемы удаления такой информации и привлечения правонарушителей к ответственности (т.е. доказывания их вины надлежащими средствами).

В результате мониторинга может иметь место выявление подготавливаемого и/или совершаемого/совершенного правонарушения(-ий); соответственно, возникает вопрос об особенностях собирания, документирования и оценки цифровых следов такого правонарушения (сбор и обработка доказательственной информации в цифровой форме). Для надлежащего ее собирания необходимо привлечь сведущее лицо, обладающее надлежащей компетенцией. В этой связи представляется рациональным рассмотреть разделение множества цифровых следов на активные и пассивные цифровые следы². МЦС в целях обеспечения медиабезопасности осуществляется применительно к активным цифровым следам (информации, которую вносит сам пользователь): переписке, личным данным профиля, поисковым запросам и т.д. При «активном» цифровом следе, представляющем собой

¹ Роскомнадзор принял меры по защите российских граждан от влияния противоправного контента // URL: <https://rkn.gov.ru/news/rsoc/news73464.htm> (дата обращения: 10.03.2021).

² Никишин В. Д. Цифровые и речевые следы в аспекте обеспечения информационной (мировоззренческой) безопасности в интернет-среде // Судебная экспертиза. 2020. № 1 (61). С. 131–139.

продукт речевой деятельности (в том числе поликодовый), участие компьютерно-технического эксперта не требуется¹, но имеется необходимость привлечения лица, обладающего высшим образованием по специальности «Судебная экспертиза» (специализация № 5 «Речеведческие экспертизы»), в компетенцию которого в том числе входят знания, умения и навыки по исследованию объектов, представленных на исследование в цифровой форме на цифровых носителях².

*Бодров Н. Ф.,
доцент кафедры судебных экспертиз
Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА),
кандидат юридических наук*

*Лебедева А. К.,
старший преподаватель
кафедры судебных экспертиз
Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА),
кандидат юридических наук*

СУДЕБНО-ЭКСПЕРТНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ СИНТЕЗИРОВАННОЙ ЗВУЧАЩЕЙ РЕЧИ

Активно развивающиеся цифровые технологии, безусловно, благо для современной цивилизации, однако преступники активно используют результаты цифровизации тех сфер, представление об уровне развития которых зачастую не учитывается даже профессиональными участниками судопроизводства.

Фонограммы с записями синтезированной речи, созданные с использованием современных технологий, уже сейчас могут быть использованы для совершения преступлений, связанных с противоправным введением в заблуждения посредством телекоммуникационных сетей. Например, если речь идет о делах о взяточничествах, можно инсценировать коммуникативную ситуацию, представить лицо в качестве взяткодателя или взяткополучателя, создав фонограмму с синтезированной речью человека.

Фонограммы с синтезированной речью могут появляться по делам, например, о заведомо ложном сообщении об акте терроризма, похищении человека, незаконном лишении свободы и др.

На подобные особенности процесса цифровизации обращает внимание профессор Е. Р. Россинская: «С одной стороны, внедрение в эту сферу информацион-

¹ Россинская Е. Р. Учение о цифровизации судебно-экспертной деятельности и проблемы судебно-экспертной дидактики // Правовое государство: теория и практика. 2020. № 4 (62), ч. 1. С. 88–101.

² См. Приказ Министерства образования и науки РФ от 28.10.2016 № 1342 «Об утверждении федерального государственного образовательного стандарта высшего образования по специальности 40.05.03 Судебная экспертиза (уровень специалиста)» // Официальный интернет-портале правовой информации (www.pravo.gov.ru). 08.12.2016.

ных компьютерных технологий расширяет возможности получения новой доказательственной и ориентирующей информации за счет применения цифровых методов и средств ее выявления, фиксации, сохранения, автоматизированной обработки и судебно-экспертного исследования. С другой стороны, использование цифровых технологий порождает новые виды криминалистически значимой информации, фиксируемой на компьютерных носителях, а именно специфические объекты исследования — цифровые следы»¹.

Вопросы искусственного создания синтезаторов речи интересовали ученых еще в начале двадцатого века. Например, в работе А. И. Соломенника описывается электрический синтезатор Дж. Стюарта (1922 г.), он позволяет генерировать «первые две форманты (резонансные частоты речевого тракта), т.е. устройство могло синтезировать только гласные звуки»². С того времени технологии синтеза звучащей речи существенно видоизменились, хотя и встречаются в достаточно примитивном виде, например, в мобильных устройствах с функцией голосовых помощников.

Достаточно давно программные продукты для синтеза речи используются в различных отраслях, например в образовательной — для озвучивания лекций, записи аудиокниг, системах перевода иностранных языков; в телекоммуникационной — для озвучивания голосовых напоминаний, писем, сообщений и т.п.; в бытовых электронных устройствах — в системах умного дома; в колл-центрах, в банках и иных учреждениях и т.п.

Все больше крупных корпораций на основе существующих групп методов синтеза звучащей речи разрабатывают свои системы. Например, известные банки предлагают технологии синтеза в целях использования их в телефонных роботах, голосовых ассистентах, для озвучивания разнообразного контента. Компания Яндекс предлагает свои технологии синтеза сразу на трёх языках: русском, турецком, английском. Приложение Google используется для озвучивания текста в переводчике компании, а также для чтения аудиокниг в Google Play и в различных программах Play Маркета. Он-лайн синтезатор Acapela³ позволяет преобразовывать текст в речь на 30 языках, в том числе и на русском. А программа «Synthesit — Синтез речи» позволяет не только синтезировать звучащую речь, но и добавляет бит, что позволяет создать реп-трек. В арсенале программы доступно 24 голоса на трех языках (английский, русский, украинский), а также доступен выбор различных эмоций для голосов.

В России не так давно в Роспатенте была зарегистрирована Система для синтеза речи, как указано в свидетельстве, программа не просто позволяет преобразовывать печатный текст в устную речь, но и «позволяет осуществлять потоковый синтез речи и управлять его темпом и эмоциональной окраской, с сохранением индивидуальных особенностей речи диктора. Содержит модели автоматической расстановки ударений, ёфикации и склонения чис-

¹ Россинская Е. Р. Проблемы использования специальных знаний в судебном исследовании компьютерных преступлений в условиях цифровизации. Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2019 ;(5). С.33.

² Соломенник А. И. Технология синтеза речи: история и методология исследований // Вестник Московского университета. Серия 9, Филология. 2013. № 6. С. 152.

³ Электронный ресурс <https://www.acapela-group.com/demos/> (дата обращения: 26.01.2021).

лительных»¹. Однако в открытом доступе пока нет примеров использования данной программы.

Работа современных технологий речевого синтеза основана на применении возможностей искусственного интеллекта и нейросетей.

Уже в 2017 году при разработке программ речевого синтеза в компании Microsoft использовалась нейросеть «Transformers», позволявшая синтезировать звучащую речь высокого качества, тогда это программа отличалась хорошей скоростью обработки данных, возможностью подавления шумов, а также разработанными алгоритмами для анализа контекста речевой информации.

Стоит также сказать о последних достижениях российских компаний. Например, голосовой синтезатор от Vera Voice также основан на использовании нейросетей, в его основе лежит «ансамбль из нейронных сетей»², позволяющий симитировать голоса различной тембральной окраски и вербализовать требуемое высказывание по запросу пользователя.

Для синтеза голоса нейросети должны проанализировать несколько часов аудиозаписей обладателя голоса и оцифрованный текст, который он зачитывает. Этот проект, разработанный компанией Screenlife Technologies Т. Бекмамбетова и командой проекта «Робот Вера», предлагает озвучивать тексты голосами известных людей, например голосом К. Собчак, В. Познера и других публичных персон. Как указывают разработчики: «Для синтеза голоса достаточно нескольких часов аудиоданных, озвученных обладателем голоса, и оцифрованного текста, который он зачитывает. Аудиопоток и текст выгружаются в несколько нейронных сетей одновременно, одна генерирует спектрограмму звука, а вторая — непосредственно звук»³.

Подобные технологии являются результатами цифровизации индустрии развлечений и используются для озвучивания фильмов, книг, создания музейных гидов, рекламы и т.д.

Некоторые системы включают в себя возможность выбрать эмоциональную окраску голоса. По утверждению разработчиков, для некоторых голосов «нейронная сеть обучалась на трех разных датасетах с репликами диктора, в которых фразы произносились с разной интонацией: радостной, раздраженной, нейтральной»⁴. Более того, производители ранжируют алгоритмы синтеза, предоставляя, например, возможность использования так называемых «премиум-голосов», более сходных с эталонами естественной речи.

Для осуществления корректной работы программ голосового синтеза озвучиваемый текст предварительно подготавливается. Очевидно, что при использовании образцов малого объема, степень подобия синтезируемой речи естественной или голосу и речи какого-либо лица будет характеризоваться какими-то сбоями. Экспериментальным путем следует установить зависимости качества речи (есте-

¹ Система синтеза речи. Свидетельство о регистрации программы для ЭВМ RU 2020610847, 21.01.2020. Заявка № 2019667378 от 27.12.2019.

² Электронный ресурс <https://veravoice.ai/> (дата обращения: 26.01.2021).

³ Федуненко Е. Компания Бекмамбетова будет синтезировать голоса знаменитостей // Коммерсантъ, 29.10.2019 г, 14:30, Электронный ресурс <https://www.kommersant.ru/doc/4141779> (дата обращения: 26.01.2021).

⁴ Электронный ресурс <https://cloud.yandex.ru/docs/speechkit/> (дата обращения: 22.01.2021).

ственности и/или степени подобия) от объема образцов, выявить минимально необходимый объем, гарантирующий приемлемое качество синтеза (с учетом специфики типовых трактов связи).

Кроме того, так как фонограммы синтезированной звучащей речи являются новым объектом судебно-экспертного исследования, естественно нет методических подходов по работе именно с такими фонограммами. Несмотря на то что эксперты-фоноскописты достаточно давно работают с цифровыми фонограммами, то о фонограммах синтезированной звучащей речи некоторые эксперты знают сравнительно мало. В принципе относительно работы с цифровыми следами говорят о необходимости сертификации экспертов на право осуществления конкретных действий с цифровыми следами¹.

Что касается судебно-экспертного исследования синтезированной звучащей речи, то в первую очередь необходимо решить вопрос, является ли речь, зафиксированная на фонограмме, результатом синтеза или это речь человека?

Для решения этого вопроса, возможно, провести техническое исследование фонограммы. Так, например, многие программы, как раз, чтобы избежать их возможного использования в преступных целях, добавляют так называемые «водяные знаки» (audio watermarking²), это специальные метки в структуре файла, которые показывают, что фонограмма является результатом применения программ синтеза речи. В идеале, положение об обязательной маркировке фонограмм с синтезированной речью должно быть принято на уровне международной отраслевой стандартизации.

В рамках аудитивного-лингвистического анализа синтезированной звучащей речи пристальное внимание следует уделять исследованию интонации. Пока далеко не все программы позволяют воспроизвести интонацию, похожую на «человеческую», поэтому такие признаки, как ненормативное употребление ИК, отсутствие плавности интонации.

Кроме того, необходимо обращать внимание и на анализ спектрально-формантных характеристик синтезированной звучащей речи. Интересным направлением является проведение эксперимента с целью сравнения синтезированной звучащей речи конкретного лица с его реальными образцами голоса.

Таким образом, чтобы говорить о судебно-экспертном исследовании синтезированной звучащей речи необходимо проводить крупное экспериментальное исследование для выявления закономерностей исследования подобного нового объекта и разработки методических рекомендаций судебно-экспертного исследования синтезированной звучащей речи.

¹ Саркисян А. А. Сертификация судебных экспертов в условиях цифровизации // Законы России. № 3. 2021. С. 66.

² Arnold M. Audio watermarking: Features, applications and algorithms / M. Arnold // 2000 IEEE International conference on multimedia and expo. ICME2000. Proceedings. Latest advances in the fast changing world of multimedia (cat. no 00TH8532). IEEE, 2000. T. 2. Audio watermarking. С. 1013–1016.; Audio watermarking techniques / H. J. Kim [и др.] // Intelligent watermarking techniques. 2004. Т. 7. С. 185.; Wang X.-Y. A novel synchronization invariant audio watermarking scheme based on DWT and DCT / X.-Y. Wang, H. Zhao // IEEE Transactions on signal processing. 2006. Т. 54. № 12. С. 4835–4840. Yeo I.-K. Modified patchwork algorithm: A novel audio watermarking scheme / I.-K. Yeo, H. J. Kim // IEEE Transactions on speech and audio processing. 2003. Т. 11. Modified patchwork algorithm. № 4. С. 381–386.

*Галяшина Е. И.,
профессор кафедры судебных экспертиз
Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА),
доктор юридических наук, доктор
филологических наук,
профессор*

ЦИФРОВЫЕ ФОНОГРАММЫ КАК ДОКАЗАТЕЛЬСТВА И ЭКСПЕРТИЗА ИХ АУТЕНТИЧНОСТИ¹

В последние годы вследствие резко возросшей распространенности различных технических средств звукозаписи по многим категориям дел в качестве доказательств используются фонограммы. В то же время современные, доступные как для профессионального, так и простого пользователя, компьютерные технологии обработки звуковых сигналов способны модифицировать речь человека, позволяют практически бесследно для рядового слушателя внести качественные и количественные изменения в оригинальную фонограмму или сфабриковать новую.

Проводимое с 2019 года по н.в. исследование при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта по противодействию угрозам мировоззренческой безопасности в медиасреде² показало, что речевые действия, посягающие на информационно-мировоззренческую безопасность цифровой коммуникации, реализуются преимущественно не в гомогенной (сугубо вербальной) форме, а в форме гетерогенного речевого продукта, к которому «прирастает» в качестве неотъемлемой части информация, закодированная несегментными (невербальными) кодами, в том числе на аудио и видеозаписях³, вероятность фальсификации которых весьма велика.

Экспертная практика показывает, что применение современных компьютерных, информационных и коммуникационных технологий, нейронных сетей, технологий искусственного интеллекта, позволяет фальсифицировать аудиоматериалы, которые по многим категориям дел содержат важную доказательственную информацию. При этом чаще всего материалы поступают на экспертизу в виде копий файлов со звуковыми данными, размещенными на различных сайтах и видеохостингах сети Интернет, что затрудняет установление аутентичности запечатленного контента⁴.

В связи с этим могут возникнуть обоснованные сомнения в том, что цифровая фонограмма, верно отражает фактические данные, на основе которых орган до-

¹ Исследование проведено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-011-00190.

² Авторский коллектив: проф. д. ю. н., д. филол. н. Галяшина Е. И. (научный руководитель проекта), к. ю. н. Никишин В. Д., Богатырев К. М. (аспирант кафедры судебных экспертиз).

³ Никишин В. Д., Галяшина Е. И. Юридикологический подход к исследованию поликодовых текстов криминальной коммуникации в цифровой среде в целях обеспечения информационной (мировоззренческой) безопасности // Актуальные проблемы российского права. 2020. Т. 15. № 6. С. 179–193. DOI: 10.17803/1994-1471.2020.115.6.179-193.

⁴ Галяшина Е. И. Криминальные речевые действия, посягающие на мировоззренческую безопасность в интернет-среде, в аспекте судебной лингвистической экспертизы // Судебная экспертиза. 2020. № 1 (61). С. 34–44.

знания, следователь и суд устанавливают наличие или отсутствие общественно опасного деяния, виновность лица, совершившего это деяние, и иные обстоятельства, имеющие значение для правильного разрешения дела.

Использование цифровых фонограмм в качестве доказательств в судопроизводстве невозможно без установления их аутентичности, отсутствия в них каких-либо ситуационно обусловленных изменений. Актуальность экспертных задач, связанных с выявлением фактов ситуационно необусловленной модификации цифровых фонограмм, произведения с ними злонамеренных манипуляций с целью фальсификации доказательств, неуклонно возрастает.

Если возникшие сомнения в достоверности зафиксированной на цифровой фонограмме звуковой или вербальной информации не могут быть разрешены непосредственно лицами, производящим дознание или расследование, судебное рассмотрение дела, то возникает необходимость в применении специальных знаний, основной формой использования которых в судопроизводстве является экспертиза.

Фонограмма является результатом записи на материальном носителе акустического проявления всей совокупности событий, происходивших в зоне чувствительности приемника акустических волн — микрофона. По способу отображения и фиксации на материальном носителе признаков динамического события она содержит как речевую, так и неречевую, иную звуковую информацию о природе и свойствах источника, среде распространения, способе фиксации и свойствах звукозаписывающего устройства, носителя записи и т. д.

Для оценки достоверности фонограммы как доказательства необходимо установить соответствие записанной акустической и вербальной информации действительно происходившим событиям: разговору, переговорам и т.п. Как правило, для разрешения сомнений в аутентичности записанной информации назначается экспертиза, на разрешение которой ставят вопрос: «Не подвергалась ли фонограмма монтажу и иным изменениям, привнесенным в содержание записываемой информации во время звукозаписи или после ее окончания?».

В целях проверки того, каким образом сформированы информационные поля в файлах со звуковыми данными, служащими источником криминалистически значимой информации, и установления их достоверности, необходимо соотнести свойства файла, параметры фонограммы в файле со сведениями об условиях и обстоятельствах производства звукозаписи, записывающем устройстве, носителе, на котором запечатлен результат записи, технологической цепочке записи оригинала на первичном носителе и его копировании или перезаписи.

Фонограмму, которая адекватно, точно полно, в неизменном виде отражает реально происходившее акустическое событие, принято называть аутентичной. Речевое поведение участников записываемого на фонограмме события должно адекватно соответствовать его динамической структуре в конкретной коммуникативной ситуации, свидетельствуя об адекватности, полноте, точности и непрерывности его отображения на носителе звуковой информации.

Аутентичная фонограмма коммуникативного события должна отвечать критериям непрерывности, непосредственности записи звуковых сигналов от первоисточника звука, одновременности записи речевых и иных сигналов от различных источников, соблюдения временной и линейной последовательно-

сти записи сигналов, полноты отображения речевого события¹, т.е. аутентичная фонограмма — фонограмма, выполненная при нормальном непрерывно протекающем процессе звукозаписи в заданных условиях без посторонних воздействий².

К признакам нарушения аутентичности фонограммы можно отнести следующие артефакты³:

- нарушения непосредственности, непрерывности, одновременности, полноты и последовательности звучания имеющейся на фонограмме совокупности акустических сигналов (акустическая обстановка);

- ситуационно не обусловленные изменения звучания акустической обстановки или акустического шумового фона;

- ситуационно не обусловленные изменения высоты, силы и тембра голоса участника коммуникации;

- нарушения просодико-семантической целостности, синтагматического единства, лингвистической связности звучащего текста и элементов его структуры (на логическом, синтаксическом, лексическом, просодическом, сегментно-фонетическом уровнях),

- несоответствие звучащей речи основным текстообразующим характеристикам устного текста (целостности, когерентности, связности, завершенности и др.),

- сбои, запинки и дефекты речи, не обусловленные ситуацией речевой коммуникации и индивидуальными особенностями речи ее участников, в том числе при фонации отдельных слов,

- коммуникативно обусловленные нарушения диалогического единства,

- нарушения ритмико-временной структуры диалога;

- несоответствие актуального членения высказывания его просодическому оформлению;

- нарушения лексико-семантической и семантико-синтаксической сочетаемости слов в высказывании;

- ситуационно обусловленное отсутствие слов или их частей;

- ситуационно не обусловленное отсутствие тематической исчерпанности и коммуникативной завершенности диалогического единства (или одной из его смысловых единиц);

- неадекватная коммуникативной ситуации реакция участника разговора на реплику собеседника;

- коммуникативно и ситуационно не обусловленное изменение тематики или речевого поведения одного из участников коммуникации;

¹ Галяшина Е. И. Судебная фоноскопическая экспертиза: проблемы диагностики аутентичности фонограмм // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2014. № 3. С. 15–26.

² Технично-криминалистическое исследование звукозаписей. Методика выявления признаков изменения фонограммы, оригинальности и непрерывности процесса звукозаписи «ДУЭТ» / под ред. В. М. Богданова. М. : ИК ЦСТ ФСБ России, 2009. С. 10.

³ Артефакт (от лат. artefactum — искусственно сделанное) — явление, предмет, свойство предмета или процесса, появление которого в наблюдаемых условиях по естественным причинам невозможно или маловероятно. Появление артефакта, следовательно, является признаком целенаправленного вмешательства в наблюдаемый процесс // URL: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/ruwiki/98313> (дата обращения: 09.04.2021).

отсутствие формальных средств, выражающих связность реплик на логическом, коммуникативном, синтаксическом, лексическом и фонетическом уровнях;

наличие связующих элементов, указывающих на связь одного из тематических блоков с контекстом, не представленных в данном речевом акте и др.;

наличие признаков маскировки следов модификации (изменения) ранее записанной акустической или вербальной информации (неестественно высокий уровень шума либо низкий уровень речевого сигнала; несоответствие акустической обстановки обстоятельствам производства звукозаписи и коммуникативной ситуации и др.);

несоответствие параметров сигналограммы техническим характеристикам устройства звукозаписи,

наличие в бинарной структуре файла служебной информации об использовании звуковых редакторов и программ преобразования формата записи;

наличие на фонограмме следов ситуационно необусловленной работы анти-элайзингового фильтра;

ситуационно необусловленное отсутствие следов переходных режимов работы устройства записи (включения/выключения режима записи и паузы);

ситуационно неоправданные нарушения спектрального состава речевых сигналов и пауз внутри разговоров;

ситуационно неоправданные изменения динамики энергетического уровня речевых сигналов;

наличие спектрально-аудитивных признаков резкого изменения акустической глубины звучащих реплик, а также несоответствие соотношения расстояний (ближе-дальше) между каждым из участников разговора (или иного события) и микрофоном записи известным эксперту условиям и обстоятельствам звукозаписи;

присутствие ситуационно неоправданных изменений звуковых компонентов акустической обстановки;

ситуационно неоправданные нарушения спектрально-временных характеристик фоновых шумов;

несоответствие времени реверберации или вызванных реверберацией искажений известным эксперту условиям и обстоятельствам звукозаписи;

ситуационно неоправданные нарушения значений частот наводок и низкоуровневых, паразитных сигналов источников и устройств, сопутствующие как первичной записи, так и процедурам, связанным с возможным монтажом фонограммы (в частности, анализу подвергаются, при их наличии, неслышимые и трудно обнаруживаемые стандартными анализаторами спектра узкополосные слабые гармоники, которые находятся в нижней полосе частот, а также гармоники вне границ слышимого частотного диапазона аппаратуры записи в различных областях спектра);

изменение фазы низкочастотных гармоник;

ситуационно неоправданные нарушения целостности речевых и шумовых компонентов сигнала, выявленные в результате автокорреляционного анализа;

ситуационно неоправданные изменения распределения уровней отсчетов (его центра, формы, асимметрии и состава) сигнала цифровых фонограмм;

наличие следов использования каких-либо функций специального программного обеспечения, предназначенного для обработки звуковых сигналов;

смещение постоянной составляющей сигнала и др.

Криминалистические исследования по определению фактического состояния объекта, в том числе наличия или отсутствия отклонений от некоторой нормы или зафиксированного ранее состояния объекта; по определению причин и условий изменений свойств (состояния) объекта; по определению наличия следов; по определению возможности установления обстоятельств события по его результатам; по установлению причинной связи между действиями и наступившими последствиями и т.д., называются диагностическими¹.

Таким образом, для выявления артефактов, свидетельствующих о нарушении аутентичности цифровой фонограммы, проводится диагностическое исследование, в ходе которого определяются параметры цифровой фонограммы, характеристики примененной звукозаписывающей аппаратуры, их соответствие сообщенным экспертам условиям и обстоятельствам (ситуации) звукозаписи, выявляется наличие признаков возможных ситуационных и неситуационных изменений фонограммы привнесенных в нее процессе записи или после ее окончания, устанавливается, оригиналом или копией является представленная спорная фонограмма.

В тех случаях, когда предоставить эксперту звукозаписывающую аппаратуру не представляется возможным по объективным причинам, например когда сведения о примененном в ходе оперативно-розыскного мероприятия средства негласной аудиозаписи охраняются государственной тайной, либо записывающая аппаратура установлена стационарно и не может быть перемещена, имеет большие массогабаритные размеры и т.п., для проведения сравнительного исследования со спорной фонограммой должны быть представлены образцы звукозаписей, выполненных на данной аппаратуре (тестовые записи), а также неохраняемые государственной тайной некоторые сведения о функциональных возможностях и технических характеристиках записывающего устройства. Тестовые записи отбираются по правилам получения образцов для сравнительного исследования, предусмотренных соответствующими процессуальными нормами.

В завершении надо отметить, что для оценки достоверности цифровой фонограммы как доказательства необходимо назначение и производство судебной экспертизы, в результате которой будет определена аутентичность фонограммы или выявлены ситуационно обусловленные ее изменения (артефакты), к числу которых относятся и признаки монтажа.

В случае выявления артефактов важно определить их характер и причины появления. Однако при отсутствии у эксперта сведений о том, кем, как, с помощью каких записывающих устройств, при каких обстоятельствах производилась звукозапись, определить, соответствие или несоответствие представленного эксперту цифрового объекта должному его состоянию при заданных определенных условиях и провести сравнительное исследование без записывающего устройства или выполненных на нем тестовых записей — невозможно. Поэтому предоставление эксперту таких материалов следует считать обязательным.

¹ Технично-криминалистическое исследование звукозаписей. Методика выявления признаков изменения фонограммы, оригинальности и непрерывности процесса звукозаписи «ДУЭТ» / под ред. В. М. Богданова. М. : ИК ЦСТ ФСБ России, 2009. С. 8.

Горбунова Е. Ю.,

*эксперт аддэла камп'ютэрных экспертыз
Экспертна-криміналістычнага цэнтра
УМВД Расіі па Мурманскай абласці*

СУДЕБНО-ЭКСПЕРТНОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ СОБИРАНИЯ И ИССЛЕДОВАНИЯ ЦИФРОВЫХ СЛЕДОВ ПО ПРЕСТУПЛЕНИЯМ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ

В России, так же, как и во всем мире, происходит трансформация и цифровизация общественных отношений, современное общество характеризуется как информационное. Сегодня именно в области цифровых технологий, цифровой экономики идет приоритетное развитие.

Меняется наш мир — меняется и преступность. Современные преступления экономической направленности также совершаются с использованием: мобильных устройств; СВТ; вычислительных (компьютерных) систем, сетей, специализированного программного обеспечения.

Таким образом, криминалистически значимая информация, имеющая ориентирующее и доказательственное значение, находятся не только на бумажном носителе, но и в цифровом виде (форме), в том числе в памяти мобильных устройств, которые могут выступать в качестве средства совершения преступления, либо в качестве средства подготовки или сокрытия преступления.

Цифровые следы, находящиеся в мобильных устройствах, могут быть как активные, т.е. созданные непосредственно пользователем (фотоизображения, видеозаписи, аудиозаписи, сообщения, в том числе электронной почты и в интернет-мессенджерах, социальных сетях и др.), так и пассивные (история посещения интернет-ресурсов, зафиксированные данные геолокации и координаты, и пр.). Социальные сети и мессенджеры с их функциональными возможностями являются удобным инструментом для общения, а также могут хранить информацию о преступной деятельности.

Необходимость своевременной фиксации цифровых следов преступлений экономической направленности, находящихся в мобильных устройствах, обусловлена прежде всего активным взаимодействием лиц, вовлеченных в их совершение, в том числе посредством программ для мгновенного обмена сообщениями — интернет-мессенджерами.

Крайне важно использовать цифровые следы в интересах раскрытия, расследования преступлений экономической направленности, а также для установления истины по делу.

Как справедливо отмечают современные исследователи, на сегодняшний день в целом тема обнаружения, фиксации, исследования цифровых следов не является до конца изученной как на теоретическом, так и на практическом уровне.

Поэтому, стоит согласиться с Е. Р. Россинской в том, что «требуется использование специальных методов, процедур и способов, с помощью которых можно выявить, зафиксировать и обеспечить сохранность цифровых следов»¹. Это невозможно представить без всестороннего использования

¹ Семикаленова А. И., Рядовский И. А. Использование специальных знаний при обнаружении и фиксации цифровых следов: анализ современной практики // Актуальные проблемы российского права. 2019. № 6 (103). С. 178–185.

специальных знаний. И в данном случае речь прежде всего идет о специальных знаниях (теоретических знаниях и практических навыках) в области информационных технологий, информатики, компьютерной техники, программирования и т.д.

Одним из наиболее востребованных направлений в криминалистической и судебно-экспертной деятельности является использование технических возможностей по изъятию, восстановлению, исследованию информации, находящейся в мобильных устройствах.

Отображение в памяти мобильных устройств важной доказательственной и ориентирующей информации требует от оперативных сотрудников, следователей прежде всего целенаправленных действий, направленных на поиск и изъятие мобильной техники. И здесь существует ряд особенностей.

Современные мобильные устройства функционируют под управлением операционных систем, самые распространенные из которых — «Android», «iOS», «Windows». И если смартфоны «Iphone» под управлением операционной системы «iOS» выпускает только корпорация «Apple», то мобильные устройства на «Android» — огромное число производителей (сотни различных моделей ежегодно), что, безусловно, затрудняет возможности для систематизации существующих знаний о них, в криминалистических целях.

Мобильные устройства позволяют пользователю использовать различные механизмы безопасности, ограничения доступа к файловой системе и объектам в ней находящейся (пароли, биометрическая идентификация и пр.).

Рассматриваемые ограничения могут быть реализованы следующим образом:
— шифрование на уровне файловой системы.

При включении устройства, до загрузки операционной системы, пользователю необходимо ввести пароль, либо предоставить доступ к биометрическим данным (отпечаток пальца, Face-ID).

В общем смысле шифрование — это изменение способа представления информации таким образом, что она оказывается скрытой.

Например, операционная система «Android» поддерживает шифрование на уровне файла и контейнера (полнодисковое шифрование).

— экранный пароль (графический ключ), также могут запрашиваться биометрические данные;

— пароль на установленные приложения (устанавливается пользователем, запрашивается при запуске приложения), может быть, как числовой, так и с использованием биометрических данных;

— сокрытие установленных приложений, объектов файловой системы (файлов, папок);

— использование «вторых пространств» («вторых рабочих столов»).

Так, например, мобильные устройства производителя «Xiaomi» (смартфоны) имеют встроенную функцию, позволяющую создавать так называемое «второе пространство», альтернативный «рабочий стол» для обеспечения конфиденциальности первого «рабочего стола». Настраивается это пространство через меню «настройки» — «особые возможности» — «второе пространство», доступ к которому осуществляется с использованием пароля, установленного пользователем, а также биометрических данных.

С учетом рассмотренных ограничений и особенностей хранения информации в мобильных устройствах связи, можно привести некоторые рекомендации по

іх із'ятыі, якія пастаянна паждаюцца ў актуалізацыі ў сувязі з развіццём інфармацыйных тэхналогій, ў частнасці неабходна:

— адключыць аўтаматычную блакіроўку экрану (пры наяўнасці), праз меню «настройкі»;

— перавесці тэлефон у «авіарэжым», калі магчыма (калі нет, паставіць у сумку Фарадея¹, або ў фольгу). Важныя ўлікі могуць быць унічтожаны ў выпадку удаленага доступу да абласці даных мабільнага ўстройства.

— ажыццявіць нейтралізацыю паролнай абароны карыстальніка праз меню «настройкі» ў аперацыйнай сістэме;

У даным выпадку існуе ў выглядзе сбросу ўстройства да заводскіх налад.

— да перахода ўстройства ў «спячэй рэжым» ажыццявіць агляд мабільных тэлефонаў «Хіомі» на предмет наяўнасці «другіх прастранстваў» і інфармацыі, у іх знаходзячайся, а таксама, па магчымасці, разблакіраваць «другое прастранства».

У раздзеле «другое прастранства» (меню «настройкі»-«асабыя магчымасці») неабходна актывіраваць віртуальную кнопку «Удаліць», пры яе актывацыі, даныя будуць перемешаны ў асноўнае прастранства.

— не ізвлекать устаноўленную сім-карту;

— па магчымасці не выключать (пры ўмовах, што мабільнае ўстройство пераведзена ў «авіарэжым») і ажыццявіць зарадку ад электрасеті;

— устаноўчыць інфармацыю аб карыстальніку ўстройства, існуючыя логіны і паролы, унесці гэтыя звесткі ў пратакол працэсуальнага дзеяння;

Рэкамендуецца забяспечыць добравольную выдачу пароляў і кодаў доступу.

— ажыццявіць агляд устаноўленых інтэрнет-месенджераў;

Пры неабходнасці дапоўніць сваімі паролямі, інфармацыю аб якіх унесці ў пратакол працэсуальнага дзеяння.

Адключыць у настройках месенджера функцыю аўтаматычнага ўдалення сабшчэнняў.

— прайсці агляд прыложэнняў «Заметкі», «Блокнот», у якіх можа быць захавана інфармацыя карыстальніка, у тым ліку логіны і паролы;

Следует таксама адзначыць, што ўсе маніпуляцыі, выконваемыя з мабільным ўстройствам, павінны быць адражаны ў пратаколе працэсуальнага дзеяння.

Таксама неабходна устаноўчыць і із'язьць персанальны камп'ютар, з якім маглі быць устаноўлены «даверныя адносіны» мабільнага ўстройства і на НЖМД² якога могуць захоўвацца рэзервныя копіі.

Рэзервныя копіі мабільных ўстройства ствараюцца карыстальнікамі па розным прычынам: перад пакупкай новага смартфона, перад абнаўленнем аперацыйнай сістэмы, перад сбросам да заводскіх налад і др.

С крміналістычнага пункту гледжання рэзервныя копіі таксама прадстаўляюць інтарэс.

Напрыклад, рэзервная копія смартфона кампаніі «Apple», выкананая з дапамогай праграмы «iTunes», можа змяшчаць наступную інфармацыю: фатаграфіі, відэафайлы, здымкі экрана; запіскі, заўважкі; гісторыю звадкаў і кантакты (тэлефонная кніга); падзеі ў календары; гісторыю і закладкі

¹ Сумка Фарадея — гэта замкнёнае прастранства для прадухілення праходжання электрамагнітных палей.

² НЖМД — накопитель на жэсткіх магнітных дысках.

интернет-браузера; сообщения в «iMessage», СМС, ММС вместе с вложениями; записи аудио, сделанные диктофоном и др.

Вместе с этим, в резервную копию, созданную программой «iTunes» не попадает информация, переданная и сохраненная в интернет-мессенджере «Telegram», фотоизображения, ранее отправленные в «iCloud» и другие данные.

Резервная копия смартфона под управлением операционной системы «Android» может быть: общей и выборочной. Резервная копия может быть выполнена как стандартными средствами операционной системы «Android», так и сторонним программным обеспечением. Также от выбора пользователя зависит и количество данных, которые отправляются в резервную копию.

Немаловажным будет отметить и то, что, резервные копии зашифрованы.

Изъятые мобильные устройства, персональные компьютеры могут быть осмотрены с участием специалиста, либо исследованы в судебной компьютерно-технической экспертизе (СКТЭ).

Исследование мобильных устройств проводится без судебного решения. Подразумевается осмотр и извлечение информации, которая содержится непосредственно в устройстве, в том числе удаленная. Во избежание внесения изменений, существующими методиками производства экспертиз не предусмотрено подключение исследуемого устройства к сети Интернет.

Для исследования мобильных устройств, экспертно-криминалистические центры МВД РФ оснащены техническими средствами, эффективным программным обеспечением от компаний: «Оксиджен софтвер» (Россия), «Cellebrite» (Израиль), «Белкасофт» (Россия), «MOBILedit» (Чехия), «Элкомсофт» (Россия), «MSAB» (Швеция) и др. Разработчики аппаратно-программных комплексов и специализированного программного обеспечения регулярно его обновляют, улучшая функционал и технические возможности по извлечению информации.

Например, программное обеспечение компании «Оксиджен софтвер»¹ (Россия) имеет встроенный модуль «Passware», который в ряде случаев позволяет находить пароли к зашифрованным резервным копиям мобильных устройств. Аналитические инструменты рассматриваемого программного обеспечения позволяют также и группировать, анализировать информацию, извлекаемую из мобильных устройств.

Однако, каким бы прекрасным не было используемое криминалистическое программное обеспечение, самая главная проблема — шифрование области данных, а также возможность получения физического дампа.

Именно **root-доступ**² и получение (снятие) физического дампа³ области данных мобильного устройства обеспечивает извлечение данных файловой системы в полном объеме. При таком способе извлечения информации, становятся доступны данные, сохраненные в памяти устройства (напри-

¹ Официальный сайт компании «Оксиджен софтвер» [сайт] URL: <https://www.oxygensoftware.ru/ru/> (дата обращения: 15.04.2021).

² Root-доступ предоставляет полный доступ к файловой системе и данным пользователя устройства на платформе «Android».

³ Физический дамп - дамп (от англ. dump — свалка, куча) — полная копия области данных мобильного устройства.

мер, в поддерживаемых интернет-мессенджерах), а также данные на карте памяти, в том числе ранее удаленные. Вместе с тем не со всех мобильных устройств возможно получить физический дамп области данных и причины этому различны.

Поэтому, получение наиболее полной информации из удаленных компьютерных сетей и систем (интернет-мессенджеры, социальные сети, почтовые программы и др.) может быть выполнено, например, в ходе оперативно-розыскных мероприятий.

Таким образом, процедура обнаружения, фиксации, изъятия, исследования цифровых следов из мобильных устройств требует от специалиста необходимых компетенций, навыков, а также соблюдения определенного порядка, основанного на специфике данных объектов и следов. Несоблюдение порядка и рекомендаций по работе с такими следами, доказательствами может привести прежде всего к их утрате, а также к возможному признанию изъятых цифровых данных недопустимыми доказательствами. При этом от корректного и своевременного сбора информации, представленной в цифровой форме, зависит проведение как оперативных мероприятий, так и следственных действий.

Изложенные обстоятельства обуславливают дальнейшую разработку криминалистических технологий обнаружения, фиксации, изъятия и исследования цифровых следов преступлений экономической направленности в том числе из мобильных устройств, с учетом быстро меняющихся информационных технологий. Видится актуальным дальнейшее развитие частной теории информационно-компьютерного обеспечения криминалистической деятельности¹, предложенной Е. Р. Россинской.

*Дьяконова О. Г.,
доцент кафедры судебных экспертиз
Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА),
кандидат юридических наук, доцент*

УЧЕНИЕ О СВЕДУЩИХ ЛИЦАХ В СТРУКТУРЕ СУДЕБНОЙ ЭКСПЕРТОЛОГИИ

Реализация форм и видов использования специальных знаний, наиболее распространенными из которых являются судебная экспертиза, консультационная деятельность специалиста и его участие в процессуальных действиях, осуществляется особыми субъектами, объединенными под исторически сложившимся наименованием, подчеркивающим сущность их деятельности — сведущими лицами (людьми). Несмотря на то что сведущие лица привлекаются практически в каждом виде судопроизводства, в производстве по делам об административных правонарушениях, при осуществлении таможенного и

¹ Россинская Е. Р. К вопросу о частной теории информационно-компьютерного обеспечения криминалистической деятельности // Восточно-Сибирский институт Министерства внутренних дел Российской Федерации : сборник материалов XXIII Международной научно-практической конференции : в 2 т. 2018. С. 113–118.

налогового контроля, в исполнительном производстве, при обеспечении доказательств нотариусом, нормативная регламентация порядка осуществления их деятельности и правового статуса таких субъектов остается противоречивой, характеризуется пробелами.

Представляется, что сложившаяся ситуация является следствием отсутствия единой основы, выступающей общетеоретической базой для определения терминов «сведущие лица», «эксперт», «специалист», «сведущий свидетель» и других носителей специальных знаний, привлечение которых в юрисдикционную деятельность теоретически и практически возможно. Хотя, категорично сведущих лиц признавали многие известные ученые, среди которых особо следует отметить труды В. Н. Махова, Л. М. Исаевой, Е. Р. Россинской, Е. А. Зайцевой, Л. Г. Шапиро, Л. В. Лазаревой, в которых проводился анализ указанных лиц в судопроизводстве в ретроспективе и современное положение¹. Отдельное внимание проблемам участия сведущих лиц в судопроизводстве уделила Е. П. Гришина². Неугасающий интерес к данной теме проявляется и в выводах, отрицающих необходимость использования в настоящее время термина «сведущие лица»³.

Разнообразие мнений и подходов свидетельствует о необходимости применения комплексного подхода к изучению категории «сведущие лица». Такой подход представляется обоснованным, во-первых, наличием, собственно, самого субъекта — эксперта, специалиста, сведущего свидетеля — в различных видах судопроизводства или иной юрисдикционной деятельности; во-вторых, указанные субъекты являются носителями специальных знаний и наделяются особым процессуальным статусом; в-третьих, использование специальных знаний осуществляется в определенных формах и видах, каждому из которых соответствует субъект применения специальных знаний.

Возникает вопрос, какая наука способна исследовать закономерности осуществления сведущими лицами, как участниками юрисдикционной деятельности, своих функций, а также определить основы, сформировать унифицированные положения, характеризующие правовое положение и осо-

¹ См.: Махов В. Н. Теория и практика использования знаний сведущих лиц при расследовании преступлений : дис. ... д-ра юрид. наук. М., 1993 ; Зайцева Е. А. Концепция развития института судебной экспертизы в условиях состязательного уголовного судопроизводства : дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2008 ; Зайцева Е. А. Уголовно-процессуальное законодательство о сведущих лицах: традиции и современность // Доклады и сообщения на конференции «Уголовная юстиция: связь времен» URL: <http://www.uaij.net/node/421> (дата обращения: 01.04.2021) ; Судебная экспертология: история и современность (научная школа, экспертная практика, компетентностный подход) / под ред. Е. Р. Россинской, Е. И. Галяшиной. М. : Проспект, 2017 ; Лазарева Л. В. Концептуальные основы использования специальных знаний в российском уголовном судопроизводстве : дис. ... д-ра юрид. наук Владимир, 2011.

² Гришина Е. П. Сведущие лица в российском уголовном судопроизводстве: теоретические проблемы доказывания и правоприменительная практика : монография / под ред. Н. А. Духно. М. : Изд-во Юридического института МИИТа, 2012.

³ Муженская Н. Е. К вопросу о точности уголовно-процессуальной терминологии // Рос. следователь. 2012. № 3. С. 13–18.

бенности участия эксперта, специалиста, сведущего свидетеля в указанных видах деятельности.

Все больше ученых в последнее время поддерживают необходимость разработки теоретических положений об использовании специальных знаний в различных видах юрисдикционной деятельности, включая судопроизводство, в рамках науки судебная экспертология. Не вдаваясь в дискуссию о предмете и системе судебной экспертологии, следует отметить, что наиболее актуальным и отвечающим современным тенденциям использования специальных знаний представляется отражение указанных элементов в трудах Е. Р. Россинской¹. При этом представляется возможным дополнить предложенное Е. Р. Россинской определение предмета судебной экспертологии включением теоретических, правовых и организационных закономерностей применения и использования специальных знаний не только в судопроизводстве, но и в иных видах юрисдикционной деятельности.

В структуре судебной экспертологии одним из разделов выступают концептуальные основы судебной экспертологии или общая теория судебной экспертологии. Этот раздел включает общетеоретические положения, выраженные в различных учениях и теориях, разработка которых имеет первостепенное значение для развития самой науки и является основополагающей для исследования ее объекта — судебно-экспертной деятельности и деятельности по применению и использованию специальных знаний в других формах в судопроизводстве или иных видах юрисдикционной деятельности.

В данный раздел представляется возможным включить общие положения частной теории (учения) о сведущих лицах. Предметом такого учения в общем смысле выступают закономерности становления, формирования и функционирования сведущего лица как субъекта, наделенного специальными знаниями и навыками по их применению, включая определение характерных признаков, сходства и различий, присущих сведущим лицам.

Объектом частной теории о сведущих лицах выступают носители специальных знаний во множестве проявлений: как субъекты юрисдикционной деятельности (процессуальный аспект), так и субъекты, обращение за помощью к которым происходит за пределами юрисдикционной деятельности либо не связано с нею в момент обращения (непроцессуальный аспект).

Структурно учение о сведущих лицах может быть в общем виде представлено теоретическими положениями: 1) в целом о сведущих лицах и характеризующих их признаках; 2) о компетентности сведущих лиц; 3) о направлениях обеспечения независимости и самостоятельности экспертов и специалистов, привлекаемых в юрисдикционную деятельность в качестве участников.

Так, сведущих лиц можно определить, как участников судопроизводства или иного вида юрисдикционной деятельности, обладающих специальными знаниями, и привлекаемых лицами, ведущими процесс, а также иными заинтересованными в юридическом исходе дела субъектами для оказания помощи посредством применения указанных знаний. Сведущие лица — экс-

¹ Россинская Е. Р. Современные представления о предмете и системе судебной экспертологии // *Lex russica*. 2013. № 4. С. 427 ; Россинская Е. Р. Генезис, система, функции, тенденции развития судебной экспертологии // *Судебно-медицинская экспертиза*. 2017. № 5. С. 5.

перт, специалист, сведущий свидетель, — как участники юрисдикционной деятельности, характеризуются: наличием компетентности, незаинтересованности в исходе дела, соответствием требованиям профессиональной этики (при условии привлечении в процесс лица, занимающего должность эксперта в судебно-экспертной организации), привлечением в процесс в установленной законодательством форме. Независимость и самостоятельность сведущих лиц характеризуют и подчеркивают их положение при участии в судопроизводстве или иной юрисдикционной деятельности и формируются внешними факторами, поэтому не могут выступать требованиями к эксперту или специалисту, но являются принципиальными положениями, гарантирующими надлежащее осуществление сведущим лицом своих обязанностей.

Несмотря на приведенные признаки, указанные субъекты имеют различия, которые обусловлены функционально, а также в определенной мере урегулированы процессуальными кодексами. Так, эксперт привлекается для проведения исследования и дачи заключения, специалист — в целях оказания научно-технической или консультационной помощи, а сведущий свидетель — для сообщения сведений, имеющих значение для дела, которыми он владеет, но которые им были восприняты через призму специальных знаний в определенной области, что позволило ему адекватно воспринять ситуацию и донести полученные им сведения без искажения до лиц, ведущих процесс. Кроме того, существенно отличается процессуально-правовой статус указанных сведущих лиц. Правовой статус сведущего свидетеля не урегулирован вовсе, хотя, представляется некоторые права ему следовало бы предоставить, например, право знакомиться с протоколом процессуального (в том числе следственного) действия, произведенного при его участии, а также, в соответствующей части, с протоколом судебного заседания и в связи с полной и правильностью записи его показаний делать замечания, которые подлежат внесению в протокол, а также право представлять имеющиеся у него материалы, относящиеся к делу, или отказаться от их представления в случае, если в этих материалах содержатся сведения, свидетельствующие против него, его близких родственников, родственников и некоторые другие, которые не предоставлены лицам, привлекаемым в качестве свидетеля¹.

Различия между этими субъектами, привлекаемыми к участию в процессе, прослеживаются также и в части значения и использования результата их деятельности. Заключение эксперта всеми процессуальными кодексами признается в качестве доказательства, хотя вопрос об использовании заключения эксперта, по результатам экспертизы, проведенной в рамках таможенного или налоговой контроля, при обеспечении доказательств нотариусом нормативно не определен. В отношении консультации специалиста прослеживается противоречивое нормативное регулирование. Показания сведущего свидетеля относятся к доказательствам, как и показания любого другого свидетеля, отвечающие предъявляемым общим критериям оценки доказательств.

¹ Дьяконова О. Г. Процессуально-правовой статус субъектов применения и использования специальных знаний : монография. М. : Юрлитинформ, 2019. С. 79.

Следует подчеркнуть, что такое неравенство обусловлено исторически и его констатация не имеет цели приведения к некоему процессуально-правовому равенству. Каждому из субъектов должны быть предоставлены права, установлены обязанности и ответственность в соответствии с их функциями. Но при этом правовой статус эксперта должен быть унифицирован абсолютно независимо от того, в каком процессе он привлекается для производства экспертизы. Идентичный подход должен быть реализован по отношению соответственно к специалисту и сведущему свидетелю.

Таким образом, учение (частная теория) о сведущих лицах представляет собой комплекс идей, гипотез и теоретических положений о сведущих лицах, характеризующих их признаках, сходствах и различиях сведущих лиц при осуществлении определенных функций.

Поскольку предметом исследования является комплекс закономерностей, характеризующих общие черты и признаки категории сведущие лица, общих требований к компетентности, единых направлений обеспечения этим субъектам возможности независимо и самостоятельно осуществлять своим функции, данное учение является частью концептуальных основ судебной экспертологии. При этом учение о сведущих лицах находится в тесной взаимосвязи со структурными элементами раздела «Правовое обеспечение применения и использования специальных знаний в юрисдикционной деятельности», в рамках которого исследуются основы правового и профессионального статуса судебного эксперта и эксперта, привлекаемого к производству экспертизы в иных видах юрисдикционной деятельности, как субъектов правоприменительной и правотворческой деятельности, а также основы правового и профессионального статуса специалиста как субъекта правоприменительной и правотворческой деятельности. Такая же взаимосвязь прослеживается с элементами, составляющими профессиональную деятельность, подготовку и повышение квалификации судебного эксперта, экспертную дидактику, входящими в раздел «Организационное обеспечение применения и использования специальных знаний в юрисдикционной деятельности». Особая взаимосвязь учения о сведущих лицах проявляется при изучении психологических, логических и нравственных основ профессиональной деятельности судебного эксперта, а также его профессиональной этики. Изложенное подтверждает, что учение о сведущих лицах вполне логично вписывается в структуру науки судебная экспертология.

Исследование категории «сведущие лица» в качестве объекта рассматриваемой частной теории осуществляется помимо общенаучных методов исследования, основанных на универсальном диалектическом подходе, теми же методами научного познания, которые использует судебная экспертология, что также подтверждает соотношение данной теории и науки судебная экспертология как частного к общему. При этом развитию учения о сведущих лицах могут способствовать теоретические положения и достижения теории психологии личности и педагогики (андрагогики).

Разработка в рамках рассматриваемого учения общетеоретических положений о сведущих лицах позволяет определить черты сведущих лиц, выявить общие признаки и различия, унифицировать терминологию, что способно оказать положительное влияние на развитие правовых и организационных основ судебно-экспертной деятельности.

Зинин А. М.,

*профессор кафедры судебных экспертиз
Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА),
доктор юридических наук, профессор*

ЦИФРОВЫЕ ИЗОБРАЖЕНИЯ КАК ОБЪЕКТЫ СУДЕБНОЙ ПОРТРЕТНОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ

С появлением в XIX веке возможности с помощью фотографии запечатлеть внешний облик человека его фотопортрет стал объектом судебной экспертизы. Необходимость исследования фотографического изображения лица человека была обусловлена потребностями уголовной регистрации. Сходство разных лиц, а также одного и того же человека, запечатленного со значительным разрывом во времени, требовало исследования отображенных признаков внешности с использованием методики идентификации.

До 80-х годов XX века изображения человека как объекты судебной портретной идентификации изготавливались с помощью его запечатления на фотографической пленке и печати изображения на фотобумаге.

К концу XIX века были разработаны технические решения, позволявшие получать качественные фотографические изображения¹. Они формировались на так называемых негативных материалах и затем отображались (печатались) на специальной бумаге. Качество отображения на фотопленке в оптимальном варианте позволяло получать подробное запечатление объекта — лица человека, воспроизводить все особенности его анатомического строения. Это обеспечивало сравнительное исследование даже мелких признаков элементов внешности и в итоге вывод о тождестве изображенного лица не вызывал сомнений.

Появление в 70 е годы XX века цифровых фотоаппаратов принципиально изменило технологию получения изображения, которое стало формироваться на поверхности полупроводниковой матрицы. Цифровые фотоаппараты стали оснащаться средствами воздействия на изображение, его корректировке.

Полученное электронное изображение может редактироваться с помощью встроенного в съемочную аппаратуру микропроцессора. При этом оно может осуществляться как в автоматическом режиме при выборе функции «портретная съемка», так и в ручном режиме путем использования программных фильтров для так называемого «сглаживания» изображения.

Наряду с этим, стали создавать программные продукты, которые позволяли изменять изображение не только с целью улучшения качества отображения объекта, но и изменения его в определенных направлениях, например «убирая части изображения или дополняя его». Программные средства позволяют вносить изменения в размерные признаки внешности человека, а также добавлять различные элементы «как бы их улучшая».

Полученное изображение может изменяться и уже после его компьютерного копирования. При этом изменения могут касаться не только улучшения яркостных характеристик элементов лица, но и изменения его размерных характеристик, воздействия на пропорции частей лица. В результате создавалось

¹ Г. П. Шамаев Судебная фотография и видеозапись Учебник. М. : Норма Инфра-М. 2017. С. 43.

візуальнае ўпечатленне пры сярвенні ізображэнняў, ісходнага і прабразаваанага, што ёсць разныя ізображэння.

Эксперт, выконваючы судоўную партрэтную экспертызу, вынуждэн канстатіраваць такія разліччя, но абоснававаць іх рэзультатам праграмнага «ваздзеяння» на ізображэнне он не можа. Ёсць не пазваляе яму сдзелаць яго спецыялізацыя — ідэнтыфікацыя, базіруючаяся на сярвеніельным ісследаванні анатамічэскіх прызнакаў, отабражэнне каторах он наблідае на прадстаўленнаму яму ізображэнні.

В яго спецыялізацыю не вхадзіць асвоенне спецыфікі праграмнага абеспечення фатаграфічэскага востпраізведення прызнакаў вельнага абліка чалавека. Неабходна ізмэненне пасапта экспертнай спецыяльнасці даннага рода судоўнай экспертызы (судоўная партрэтная экспертыза). В него следуе вклучыць асвоенне працэса палучення электрааных ізображэнняў чалавека, а такжа ізученне праграмнах срдств, каторае могуць прымянацца для ізмэнення ізображэнняў.

Отсутствіе таіх дапаўненняў пасапта экспертнай спецыяльнасці можа прыводзіць к таму, што заклученне эксперта будзе счотавацца недопустымым даказательствам в сілу выхода эксперта за прадель свайой кампетэнцыі.

Ізученне практычэскіх аснов палучення электрааных ізображэнняў ліца чалавека такжа неабходна для абоснавання рэшенія, казалось бы, очевідных вапросаў. Так, на экспертызу паступіла сфавравае ізображэнне мужчыны, каторый сябя сфатаграфіраваў с палучення сфавравага фатаапарата, вмоніраваанага в яго кампьютер. С учотам тэхналогіі палучення таіх ізображэнняў оно палучылось «зеркальным». Ёсць абстаўтальство выяवलось пры сопаставленні даннага ізображэння с друім, сдзелааным с палучення сфавравага апарата ліца, сопровождаваага в качэстві спецыяліста дапрос ёсцаго чалавека.

Оба ізображэння паступілі для правіздства судоўнай партрэтнай экспертызы. Сярвенія таём ізображэння, зафіксіраваанне с палучення разных спалобаў фотасьёмкі, эксперт выяवल асіметрію в отабражэнні прызнакаў вельнасці. Однако в свайом заклученні ёсць факт он мог отразыць лішь в вераітнам сужденні. Налічце у него дапаўнення в пасапце экспертнай спецыяльнасці аб асвоенні праграмна-апаратнай аценкай ізображэнняў, прадстаўленных на электрааных носітелях, дааь яму вазможнасть катэгорычэскага абоснавання сужденія.

Карепанов Н. В.,

*доцент кафедры криминологии
Уральского государственного
юридического университета,
кандидат юридических наук*

СОВРЕМЕННЫЕ ПАРАДИГМЫ ВЫЯВЛЕНИЯ ЦИФРОВЫХ СЛЕДОВ ПРИ РАССЛЕДОВАНИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

Современные парадигмы обращены в большей степени к выявлению и исследованию цифровых следов компьютерных и телекоммуникационных технологий. Что касается познавательного процесса их выявления, то он характеризуется определенными особенностями.

Выявление и исследование следов применения компьютерной, электронной, машинной или цифровой техники осуществляется с 90-х годов XX века¹. Сегодня всплеск развития информационных технологий вызвал их множественное проникновение в преступную среду. В настоящее время исследование цифровых следов проводится практически по всем категориям уголовных дел. Особенно это касается Интернета. Специфической особенностью информации, находящейся в сети Интернет, является ее одновременное размещение на различных носителях и географически в различных местах. Кроме того, многие сведения о содержимом веб-страницы могут находиться в кэшах поисковых систем, проиндексированных сайтах, в аналитических системах, таких как Google Analytics, «Яндекс. Вебмастер» и др.; тексты и медиафайлы могли быть скопированы множеством пользователей².

Для изучения особенностей таких операций необходимо прежде всего установить форму такого осуществления. Оптимальная форма — следственный осмотр, альтернативная — экспертное исследование. В любом случае обнаружение цифровых следов в сети Интернет может осуществляться как в ручном, так и в автоматическом или полуавтоматическом режимах. Ручное обнаружение информации с технической точки зрения является адресным поиском цифрового следа. В этом случае выявление искомого сведений заключается в опосредованном восприятии субъектом расследования или экспертом веб-информации посредством персонального или планшетного компьютеров, смартфона и т. п. Иногда знание точного доменного имени сайта предполагает несколько вариантов отображения содержимого сайта, поскольку одному имени могут принадлежать много IP-адресов. Собственно, такая обстановка определяется динамическим адресом ресурса, его возможностью параллельно размещаться на нескольких серверах. Вместе с тем ручное обнаружение цифровых следов в Интернете в условиях современных парадигмов несколько затруднено или вообще невозможно.

Автоматическое обнаружение цифровых следов в сети Интернет осуществляется с использованием специального программного обеспечения. С помощью такой программы (интеллектуального агента поиска) не только можно найти источник информации по запросу, но и устанавливать нужные сведения из баз данных, сопоставлять их кластеры, проверять достоверность, первоисточник и т. п. Причем ответ на поисковый запрос может быть представлен в любой форме: текстом, инфографикой (диаграммами, таблицами, карточками и др.). Сегодня все чаще для этих целей используются искусственные нейронные сети.

Полуавтоматическое выявление цифровых следов в сети Интернет осуществляется с помощью информационных поисковых систем с использованием

¹ Полевой Н. С. Криминалистическая кибернетика. М., 1982 ; Вехов В. Б. Основы криминалистического учения об исследовании и использовании компьютерной информации и средств ее обработки. Волгоград, 2008. С. 72–81 ; Крылов В. В. Расследование преступлений в сфере информации. М. 1998. С. 51–58.

² Бахтев Д. В. Обнаружение, фиксация и порядок изъятия информации, размещенной в сети Интернет, и ее доказательственное значение // Электронные носители информации в криминалистике : монография / под ред. д-ра юрид. наук О. С. Кучина. М. : Юрлитинформ, 2017. С. 177 ; Мещеряков В. А., Труханов В. В. Формирование доказательств на основе электронной цифровой информации // Вестник Воронежского ин-та МВД России. 2012. № 2. С. 108–110.

специальных программ для поиска и индексации веб-страниц. Такая система позволяет сохранять содержимое и производить обработку поисковых запросов.

Несколько иначе осуществляется обнаружение цифровых следов (сведений), размещенных в *пиринговых (файлообменных) сетях (торренты, сайты-файлообменники)*. С их помощью бесконтрольно распространяется незаконная информация. Из-за децентрализованного процесса движения файлов и их хранения установление первоисточника невозможно. При обнаружении и фиксации искомой информации речь идет только о факте нахождения ее в форме файлов на конкретном компьютере (участнике пиринговой сети).

Такой же процесс обнаружения интересующих сведений характерен и для *поточковой формы (телеконференции и т. п.)*. Вместе с тем в этом варианте не остаются легкодоступные цифровые следы, только фиксация на транслирующем сервере. Тогда возможно «снятие информации с технических каналов связи» или перехват передаваемого трафика.

Обнаружение искомых сведений (цифровых следов) во многом зависит от места их размещения и осуществляется следующим образом: в файловой системе выявляются директории входящих или исходящих сообщений, черновики, удалённые сообщения и т. д.; во вкладках, закладках, экспресс-панелях и журналах посещения браузеров выявляются серверы бесплатной электронной почты; при пользовании почтой от провайдера у него можно затребовать наличие соответствующего адреса и ящика электронной почты.

Современные технологии позволяют извлекать полную информацию (включая удаленную) из памяти мобильных устройств и электронных накопителей (карт памяти, сим-карт и др.). Используются как стандартные программы System Information (Norton Utilities, Symantec), Norton Commander, Explorer, Turbo Browser, Data Extractor UDMA и др.¹, так и специальные: EnCase, Forensic IPC, XRY, UFED, Мобильный криминалист и др.².

Вместе с тем электронные цифровые следы всегда содержатся на особых носителях: магнитных дисках, серверах, флеш-картах и др. А иногда, они хранятся на материальном носителе, находящемся на значительном удалении от места производства предварительного расследования или судебного разбирательства либо в случае иных препятствий к изъятию, например интернет-сайта или базы данных организации.

Процесс обнаружения носителей цифровой информации осуществляется в основном при производстве таких следственных действий, как осмотр места происшествия, осмотр технологического оборудования, а также обыск. В настоящее время в ходе расследования преступлений в сфере компьютерной информации, производя отелые следственные действия, следователь сталкивается с различного рода значительными проблемами и особенностями. И первая из

¹ Липень Д. В., Михейчик Д. В. Компьютерно-техническая экспертиза: проблемы создания единой концепции исследования информации (сведений) // Вопросы криминологии, криминалистики и судебной экспертизы : сб. науч. трудов. Вып. 2/24. Минск. 2008. С. 192–193; Полякова М. В., Рукавишников В. С., Шабля А. Н. К вопросу об исследовании файловых систем при проведении компьютерно-технических экспертиз. Там же. С. 188–189.

² Багмет А. М., Скобелин С. Ю. Получение информации, содержащейся в электронных мобильных устройствах, с применением универсального устройства извлечения судебной информации (UFED). Методические рекомендации. М., 2013.

проблем заключается в том, что осмотром фиксируются только о вещественные материальные носители, но не цифровые следы, которые сами по себе для таких действий неосязаемы. Из-за этой проблемы возникают немалые трудности и при проведении осмотра места происшествия, а также при назначении судебных экспертиз. Дело в том, что место происшествия при криминальном использовании компьютерных программ распознается установлением *обстановки совершения преступления*.

Но в этом контексте, в этой области деяний *обстановка уголовного правонарушения*, то есть время, пространство и условия, определяется не больше не меньше, *системой киберпространства*. Для расследования преступлений, совершенных в *киберпространстве*, требуются как технические, так и теоретические знания. И начать надо с *определения единого понятия киберпространства* с точки зрения криминалистики. А продолжить нужно с понимания *следственного осмотра киберпространства*. Именно осмотром киберпространства достигается цель обнаружения цифровых следов, возникших при криминальном использовании компьютерных программ (в том числе вредоносных). В таком контексте можно говорить о законодательном закреплении такого рода следственных действий и даже о расширении их перечня. Так, можно предусмотреть особые следственные действия в киберпространстве: обыск, эксперимент и т. п. Может быть, это будет процессуально более правомерно и менее оспоримо с точки зрения доказывания.

Можно согласиться с тем, что деятельность следователя на подготовительном и первоначальном этапах осмотра, обыска или иных следственных действий в киберпространстве, направленных на отыскание, обнаружение и изъятие цифровых следов и информации на них, помимо общих, состоит из ряда специфических действий: а) формирование информационного образа искомого объекта, получение сведений о категории информации, обрабатываемой с помощью компьютерной техники или программы; б) определение времени (доминирование неотложности из-за опасности уничтожения или изменения содержащейся в сети информации) и места проведения следственного действия (о режиме функционирования места; о количестве и качестве наличия компьютерных средств; о способах защиты информации; о средствах связи и коммуникаций на месте проведения следственного действия); в) определение круга участников следственного действия (привлечение специалиста по обнаружению цифровых следов в сети Интернет или иных объектах, способного профессионально воспринимать содержание исследуемых сведений), сотрудников МВД, в том числе специализирующихся по расследованию преступлений в области компьютерной информации; понятых, сведущих в компьютерной технике; заинтересованное лицо и представитель собственника или арендатора помещения и оборудования; г) сбор сведений о лице, участвующем в следственном действии (наличие знаний и опыта в сфере компьютерной технологии; продолжительность работы в области оборота компьютерных технологий); д) определение способа проникновения на объект производства следственного действия и создание надлежащих условий его осуществления; е) обеспечение отсутствия на это время связи любых лиц с компьютерной техникой, с магнитным носителям, с электроснабжением; с легковоспламеняющимися веществами в близи объектов следственных действий.

Ключевая проблема, которые выделяют исследователи, заключается, кроме того, в недостаточной компетентности лиц, занимающихся выявлением цифровых следов. Опросы среди следователей показывают, что 95 % респондентов получили юридическое образование. И только 5 % обладают еще и образованием по специальности «Информатика и вычислительная техника». 63 % опрошенных владеют компьютером на уровне «среднего пользователя», 37 % — на уровне «продвинутого пользователя». 79 % при этом постигают компьютер самостоятельно, курсы для сотрудников правоохранительных органов посещали только 21 %, и незначительный процент (5 %) — коммерческие курсы¹.

Немалые трудности возникают и при назначении судебных экспертиз, особенно при постановке грамотных вопросов эксперту. Назначающие экспертизу связывают возникающие трудности в основном с отсутствием специальных знаний в этой сфере. Раскрытие и расследование киберпреступлений остается довольно сложной задачей для большинства сотрудников органов предварительного расследования².

Проблемы криминалистического выявления цифровых следов, особенно при исследовании вредоносных компьютерных программ требуют неотлагательного разрешения. Уже сегодня требуется повысить уровень мониторинга данного вида преступлений; повысить технические возможности экспертов, специализирующихся в области исследования компьютерных технологий; увеличить объем и качество научно-методической литературы, посвященной прикладным аспектам расследования киберпреступлений.

Кирков А. Н.,

*руководитель Научно-исследовательской
лаборатории кибербезопасности, доктор*

ПРОБЛЕМЫ С ИЗЪЯТИЕМ, ХРАНЕНИЕМ И УПРАВЛЕНИЕМ ЦИФРОВЫМИ ЭЛЕКТРОННЫМИ ДОКАЗАТЕЛЬСТВАМИ

Введение

Количество дел, связанных с типичными компьютерными преступлениями, за последние несколько лет увеличилось во много раз. Объем изъятых данных также увеличился в разы.

¹ Лузин И. И. Технично-криминалистическое обеспечение как мегаинструментальная технология формирования единого криминалистического пространства // Эксперт-криминалист. 2010. № 1. С. 30–33. Сулопаров А. В. Компьютерные преступления как разновидность преступлений информационного характера : дис. ... канд. юрид. наук. Красноярск, 2010.

² Лысов Н. Н., Салтевский М. В. Новый подход в технологии собирания и исследования информационных следов // Эксперт-криминалист. 2008. № 1. С. 16–19. Нарижный А. В. Использование специальных познаний при выявлении и расследовании преступлений в сфере компьютерной информации и высоких технологий : дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2009. Степанов-Егиянц В. Г. Преступления в сфере безопасности обращения компьютерной информации: сравнительный анализ : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2005. Тропина Т. Л. Киберпреступность: понятие, состояние, уголовно-правовые меры борьбы : дис. ... канд. юрид. наук. Владивосток, 2005.

Требования к изъятым данным и электронным доказательствам также возросли, что они должны быть пригодными для повторного изучения или углубленного расследования.

Из-за всего этого возникло множество трудностей, например как хранить большие объемы информации, обеспечивать жизнь этой информации в установленные процессуальные сроки и в том объеме, в котором они были изъяты.

Сейчас на рынке мобильные телефоны с 256 ГБ памяти, компьютеры с 2 терабайтами жестких дисков, а самый большой внешний жесткий диск для хранения информации — 6 терабайт, или он может хранить информацию с 23 современных телефонов или 3 современных компьютера...

Здесь также возникает вопрос, как долго этот диск может хранить информацию и насколько он надежен... поскольку его гарантия составляет от 2 до 3 лет.

Также должны храниться качественной съемке места преступления, фильм и фотографии которых также имеют большой объем и также должны храниться длительное время. К доказательственному материалу можно добавить заключения экспертов, описания и протоколы, а также фильмы или фотографии с розыска преступника, связанных с ним преступлений и другие детали.

I. Преимущества электронные доказательства

Электронные доказательства имеют несколько больших преимуществ перед используемыми до сих пор аналоговыми методами и тех в бумажном варианте:

1. Цифровые носители позволяют более детально и сохранение на большее количество информации, при этом фотографии более высокого качества и с большим количеством;

2. Цифровая информация не стареет, так как ее можно перебрасывать (копировать) без потери данных на другие носители.

3. Легко и быстро информацию можно переносить в другое учреждение или к другому вовлеченному в процесс лицу, путем компьютерных сетей.

4. Электронную информацию легко адресовать, позволяет быстро найти необходимую часть.

5. Сохранение электронной информации во много раз дешевле бумажной и аналоговой сохранение, и в будущем этот показатель будет повышаться.

6. Электронные данные, можно защищать разнообразными способами. Возможно, что различные части будут различным уровнем доступа, и тем самым гибко регулируется пользование источников согласно качествам субъекта (процессуального или вне процессуального).

II. Недостатки электронные доказательства:

Мы живем в XXI веке, и почти все вокруг нас компьютеризировано. Огромные объемы информации хранятся на серверах в Интернете. В случае, если эту информацию нужно изъять и сохранить, это проблема, потому что доступные устройства на рынке ограничены 6–8 ГБ.

В прошлом году мне пришлось работать над делами против преступных группировок.

Там только в одном из случаев, было изъято более 50–60 телефонов и более 20 компьютеров, и это оказалось проблемой, так как изъятая информация, оказалась более 14 ГБ, и согласно болгарскому законодательству, должна храниться более 15 лет.

Как это сделать, ведь производители диски дают гарантию на 3 года, однако гарантия действует только на сам диск и не гарантирует жизнь хранящейся на

нем информации... Поэтому и хочу обратить внимание на это растущую практическую группу проблем в криминалистике.

Исследования по этой теме дают нам некоторые технические решения, но у них есть и недостатки:

— практика, показывает, что технологический срок сохранения информации на обычных DVD носителях, купленных в магазине, может достигать до 20 лет, но в большинстве случаев жизнь информации достигает только 3–5 лет.

Этот срок зависит от способа, которым хранятся диски. DVD диски чувствительны к температуре и механическим повреждениям. Если температура в помещении, где они хранятся поднимется больше 40–45 градусов, оптические носители теряют свои качества еще в первый год.

— Специализированных ленточных устройств, могут хранят записанной информации 30 и больше лет, но большим недостатком при этом является их несовместимость между разными моделями и производителями. Небольшой объем информации, который картридж может хранить в большинстве из них это от 3 до 16 ТБ и медленный доступ к записанная информация также являются недостатками этой платформой.

III. Практика

В процессуальной действительности можно наблюдать и гипотезы, при которых с течением времени, некоторые из доказательственных источников погибают или теряются. Невозможность их восстановления тоже отражается на процессуальном познании, затрудняя и экспертные исследования наличных фактических материалов, соответственно препятствует проверке достоверности версий сторон в процессе.

Управление цифровым следом, предлагает множество технических преимуществ, но и трудности, как одна из основных это сохранение электронных доказательств и информации о жизни их носителей.

Вот почему нам нужны «гарантии», что носители информации, которые мы будем использовать при сохранении электронных доказательств, будут сохранять достаточно долго и надежно данные, которые нам необходимы.

С технической точки зрения, есть решение всех этих проблем, и оно заключается в создании государственного цифрового облака для нужд расследования и судебный процесс.

В мире уже есть несколько ведущих стран, которые внедрили такие цифровые облака.

В Европейском Союзе, и, в частности, в Болгарии, этот процесс идет медленно и робко из-за паники хакеров и отсутствия четкого регулирования. Также существуют споры о том, кто будет хозяином этими доказательствами и как будут доступны для другие участники процесса.

Заключение

Будущее уже наступило, и перед нами стоят новые задачи. Мы не можем избежать их и должны искать профессиональные и долгосрочные решения.

Электронные доказательства имеют свои преимущества, среди которых: сокращение времени на просмотра, возможность рассмотрения доказательств большим количеством людей в одно и то же время одновременно, адресация определенных доказательств, долгий срок хранения, мобильность — более легкая передача доказательств другим институтам или участникам процесса, улучшенный способ ограничения доступа до них, повышение качества съемки

материалов или звукозаписи, и не в последнюю очередь — сокращение расходов на инспекцию и хранение. Разумеется, управление электронных доказательств имеет и свои трудности, которые следует преодолеть, как в правовом, так и в техническом аспектах.

Необходимо создать регламент объема их сбора, их хранения и доступа к ним от всех участников процесса.

Также необходимо создать государственные цифровые облака, специализирующиеся на хранении цифровых доказательств, чтобы не потерять ключевые данные и не нарушить рейтинг следственной системы.

Ковтун И. В.,

*заместитель генерального директора
ООО «ГУСЭ»,
эксперт*

ПРОБЛЕМА ЭКСПЕРТНОЙ ОЦЕНКИ ПРИ ФОРМИРОВАНИИ ВЫВОДОВ

В настоящее время необходимость развития судебно-экспертной деятельности посредством применения новейших технологий обусловлена как обстоятельствами продолжающейся Четвертой промышленной революции, так и возникновением потребности у правоприменителя в разрешении поставленных перед экспертом вопросов с учетом объективных реалий современной действительности. Эти обстоятельства для достижения целей и задач судебно-экспертной деятельности требуют от судебных экспертов совершенствования методологических подходов к производству экспертиз. Сложившаяся ситуация приводит к тому, что в практической деятельности отдельные эксперты, имеющие ошибочное понимание как правовой природы экспертизы, сущности судебно-экспертной деятельности, так и интересов правоприменителя, изобретают авторские методики производства судебных экспертиз, зачастую не задумываясь о последствиях своих действий. Конечно, такая негативная практика не остается без внимания ученых. Так, М. В. Жижиной при анализе проблем современной практики проведения судебно-почерковедческих экспертиз отмечалось, что в ходе исследования подписей «эксперт использовал изобретенный им же авторский метод — «Алгоритм определения и распознавания фальсификации (подделки) документов», прямо противоречащий научным основам судебного почерковедения, который, естественно, привел автора к «нужному» ему выводу»¹. Наличие подобных примеров приводит к спорам экспертов о том, какую методику необходимо применять при производстве того или иного класса, рода (вида) судебных экспертиз. Анализ судебно-следственной практики более чем по 500 уголовным делам и материалам проверок в 14 субъектах Российской Федерации о преступлениях, предусмотренных статьями 143, 216, 217, 238,

¹ Жижина М. В. Актуальные проблемы современной практики проведения судебно-почерковедческой экспертизы и пути их преодоления // Российская юстиция. 2019. № 12. С. 61.

293, 109, 118 Уголовного кодекса Российской Федерации, свидетельствует о том, что в ряде случаев причиной споров является приоритет применения одних экспертных методик в условиях необоснованного отказа от использования других. Причина такого отношения эксперта к выбору методики обусловлена влиянием негативных факторов, формирующих его внутреннее убеждение и сводящих разрешение проблемы экспертной оценки к личным умозаключениям, основанным на догадках и предположениях.

К одному из таких негативных факторов следует отнести намерение эксперта представить заведомо ложное заключение. Как ни парадоксально, равнозначным по влиянию является фактор так называемого добросовестного заблуждения, вызванного отсутствием у эксперта достаточных познаний в области судебно-экспертной деятельности, что приводит к неверному пониманию целей и задач судебной экспертизы. Конечно, представление заведомо ложного заключения должно повлечь за собой привлечение эксперта к юридической ответственности, однако на практике довольно сложно отграничить ошибочное заключение вследствие добросовестного заблуждения эксперта от заведомо ложного экспертного заключения. Данная проблема неоднократно отмечалась Е. Р. Россинской и другими учеными-юристами¹. В таких случаях правоприменитель вынужден непосредственно в процессе оценки заключения эксперта разрешать данную проблему, что зачастую сделать попросту невозможно, поскольку происходит потеря юридического назначения экспертизы как таковой.

Сущность судебной экспертизы состоит в анализе сведущим лицом (экспертом) предоставляемых в его распоряжение объектов в целях установления фактических данных, имеющих значение для правильного разрешения дела, а не в представлении экспертом заключения для разрешения проблемы экспертной оценки². Проблема экспертной оценки при формировании выводов должна разрешаться экспертом на стадии производства судебной экспертизы, а результаты ее решения вместе с описанием экспертных последствий должны приводиться в заключении эксперта. Такой подход позволит определить, какая проблема разрешалась экспертом и в пределах каких границ экспертных последствий, что существенно повысит объективность выводов и позволит правоприменителю дать квалифицированную юридическую оценку такому заключению. В то же время необходимо отметить, что заключения многих негосударственных экспертов выполнены в форме отчетов, которые не содержат исследовательской и синтезирующей части, а также ссылок на методики исследования³. Поэтому на практике возникают ситуации, когда эксперты одной специальности при исследовании одних и тех же объектов приходят к противоположным выводам только потому, что не владеют методами и методиками проводимых ими исследований.

¹ Судебная экспертиза: типичные ошибки / Е. И. Галяшина, В. В. Голикова, Е. Н. Дмитриев [и др.]; под ред. Е. Р. Россинской. М. : Проспект, 2012. // СПС «КонсультантПлюс».

² См.: Россинская Е. Р. Судебная экспертиза в гражданском, арбитражном, административном и уголовном процессе: монография. 4-е изд., перераб. и доп. М. : Норма, Инфра-М, 2018. // СПС «КонсультантПлюс».

³ Судебная экспертиза: типичные ошибки / Е. И. Галяшина, В. В. Голикова, Е. Н. Дмитриев [и др.]; под ред. Е. Р. Россинской. М. : Проспект, 2012. // СПС «КонсультантПлюс».

Следует также учитывать, что в судебно-следственной практике встречаются ошибки, допускаемые правоприменителями, неверно трактующими сущность судебно-экспертной деятельности. Причем в таком случае эксперт становится лицом, которое осуществляет сбор доказательств по делу, а правоприменитель преобразуется в некий процессуальный механизм, при помощи которого эксперт собирает необходимые для дела доказательства. Иными словами, заключение эксперта фактически превращается в окончательное решение по делу, а сам эксперт выступает в роли арбитра, перед которым ставится задача разрешить дело, а не осуществить производство судебной экспертизы. Наличие такой практики привело к необходимости вмешаться в этот процесс суду высшей инстанции. Так, Пленум Верховного Суда РФ в своем постановлении от 21 декабря 2010 г. № 28 «О судебной экспертизе по уголовным делам» указал, что «при оценке судом заключения эксперта следует иметь в виду, что оно не имеет заранее установленной силы, не обладает преимуществом перед другими доказательствами и, как все иные доказательства, оценивается по общим правилам в совокупности с другими доказательствами»¹.

Таким образом, Верховный Суд РФ оказался вынужден заниматься оценкой роли заключения судебной экспертизы в системе доказывания и, как следствие, разъяснением норм процессуального закона, не обладающих признаками двойственного толкования.

Другим фактором возникновения проблемы экспертной оценки при формировании выводов по результатам судебной экспертизы является наличие у некоторых экспертов убеждения в том, что их квалификация и опыт являются достаточными для производства конкретной экспертизы. В результате эксперт при производстве судебной экспертизы руководствуется внутренними убеждениями, а не научными познаниями. В отдельных случаях у эксперта появляется опасное заблуждение в том, что производство судебных экспертиз допустимо осуществлять посредством формального копирования смысловой части заключений, представленных им ранее по аналогичным делам. Такой подход, как правило, приводит к неверным экспертным выводам, поскольку расхождение в одном обстоятельстве по разным делам влечет за собой изменение границы экспертных последствий.

Безусловно, результаты судебной экспертизы не следует использовать по аналогии при производстве других судебных экспертиз по делам, не имеющим смежных границ экспертных последствий. В то же время отсутствие у эксперта адекватного представления о судебно-экспертной деятельности приводит к тому, что эксперт не реализует в полном объеме свои процессуальные права, предусмотренные соответствующими статьями процессуальных кодексов Российской Федерации, что, как следствие, существенно влияет на экспертную оценку при формировании выводов. А. П. Божченко, раскрывая состояние «неопытности опытных» указал, что оно представляет собой «незнание всех возможных (допустимых) формулировок экспертных выводов (например, условно категоричных); неискушенность в вопросах логики построения умозаключений (например, вместо отказа от дачи за-

¹ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 21.12.2010 № 28 «О судебной экспертизе по уголовным делам» // СПС «КонсультантПлюс».

ключения при недостаточности необходимых на то сведений формулировка категоричного вывода об отсутствии доказательств того или иного факта или, что того хуже, формулировка категоричного вывода об отсутствии самого устанавливаемого факта)»¹.

Таким образом, исследуя негативные факторы, влияющие на возникновение проблемы экспертной оценки при формировании выводов по результатам производства судебной экспертизы, следует сделать вывод, что в условиях современных реалий для решения данной проблемы и обеспечения принципов судебно-экспертной деятельности, закрепленных в Федеральном законе от 31.05.2001 № 73-ФЗ (ред. от 26.07.2019) «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации», необходимо разработать общую методику определения границ экспертных последствий, в пределах которых эксперт по результатам производства судебной экспертизы приходит к конкретным выводам. В то же время для правильного установления необходимых методических механизмов, позволяющих разрешить такую проблему, необходимо учитывать позицию практикующих судебных экспертов в целях установления реального текущего состояния судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации.

Коринь А. В.,

*аспирант кафедры судебных экспертиз
Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)*

НАЗНАЧЕНИЕ КОМПЛЕКСНЫХ СУДЕБНЫХ ЭКСПЕРТИЗ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ

В настоящий момент общество переживает новый период своего развития — период цифровизации, в ходе которого видоизменяются существующие и возникают новые общественные отношения. В результате в орбиту правового регулирования вовлекаются совершенно новые явления, связанные с применением цифровых технологий и переводом информации в цифровую форму. Соответственно, круг вопросов, требующих разрешения в процессе судопроизводства, расширяется. Появляется необходимость в исследовании цифровых следов: программных продуктов, видео- и фотоизображений, находящихся в компьютерных файлах, файлов и их обрывков, служебной информации об этих файлах и т.д. Усложняется и характер вопросов за счет интеграции традиционных и цифровых технологий.

Необходимость применения специальных знаний становится очевидной. Ответить на вопросы, помочь установить истину по рассматриваемому делу в гражданском, арбитражном, административном и уголовном судопроизводстве помогает важнейшее средство доказывания — судебная экспертиза. Основным классом судебных экспертиз, объектом которых выступают цифровые следы, является судебная компьютерно-техниче-

¹ Божченко А. П. Категоричные выводы и их обоснованность в заключениях судебно-медицинских экспертиз по делам о профессиональных правонарушениях медицинских работников // Медицинское право. 2020. № 3. // СПС «КонсультантПлюс».

ская экспертиза, формирование которой началось около 25 лет назад¹. Помимо судебной компьютерно-технической экспертизы с цифровыми следами сталкиваются и другие роды (виды) судебных экспертиз: их, казалось бы, традиционные объекты обретают цифровую форму. В некоторых случаях цифровая форма оказывает влияние на содержательную сторону объекта, что существенно меняет подход к его исследованию. Появляется необходимость в привлечении системы разнородных специальных знаний (обязательный элемент — специальные знания в области цифровых технологий). Однако концепция цифровых следов еще не получила достаточного закрепления в частных теориях родов (видов) судебных экспертиз. Существующие методики судебно-экспертного исследования специфику цифровых следов не учитывают, а эксперты не обладают необходимыми компетенциями в области цифровых технологий.

Выходом из ситуации является комплексирование специальных знаний в форме комплекса судебных экспертиз либо комплексной судебной экспертизы. В том случае, если в отношении объекта возможно проведение совокупности самостоятельных последовательно выполняемых экспертиз, то назначается комплекс экспертиз. Если решение экспертной задачи невозможно без одновременного совместного участия экспертов различных родов (видов) судебных экспертиз при проведении исследования, то назначается комплексная судебная экспертиза. Примером комплексной судебной экспертизы является комплексная судебная компьютерно-техническая и судебная товароведческая экспертиза компьютерной программы с целью установления её потребительских свойств и потребительской стоимости².

К сожалению, в ситуациях, когда логичнее и правильнее назначить комплекс экспертиз, назначается комплексная экспертиза. Так, по спору о взыскании долга по договору займа была назначена комплексная судебная компьютерно-техническая и почерковедческая экспертизы. В ходе её производства экспертом судебной компьютерно-технической экспертизы было установлено, что с адреса электронной почты ответчика было отправлено три электронных письма, которые содержали: договор займа, заявление на выдачу займа и сканированную копию банковской карты Visa. Затем экспертом почерковедческой экспертизы был сделан вывод о том, что изображение подписи от имени ответчика из договора займа, содержащегося во вложенном файле к электронной переписке, выполнено ответчиком. Совершенно ясно, что в данном случае не решалась общая экспертная задача, и для ответа на поставленные вопросы было целесообразно провести две самостоятельные экспертизы.

Судьи, следователи, лица, производящие дознание плохо представляют природу цифровых следов, слабо знакомы с возможностями компьютерно-технической экспертизы. Неудивительно, что они испытывают определенные сложности при назначении комплексной судебной экспертизы в отношении цифрового следа.

¹ Россинская Е. Р. Компьютерно-техническая экспертиза // Информационный бюллетень № 1. Академии МВД РФ, кафедры КОД ОВД, М., 1996.

² Семикаленова А. И. Проблемы определения потребительской стоимости программного продукта // Теория и практика судебной экспертизы Т. 13, № 4, 2018. С. 130–134.

Так, уже на этапе принятия решения о необходимости, целесообразности проведения комплексной судебной экспертизы возникает вопрос касательно определения областей научного знания, в пределах которых будет проведено комплексное исследование. К примеру, цифровая фонограмма уже давно является объектом судебной фоноскопической экспертизы. Эксперты-фоноскописты обладают необходимыми для исследования цифровых фонограмм знаниями, а использование цифровых технологий является частью существующих экспертных методик. При решении какой задачи по исследованию цифровой фонограммы компетенции эксперта-фоноскописта будет достаточно, а в каком случае его действия будут считаться выходом за пределы своей компетенции? И возникнет ли потребность в назначении комплексной судебной компьютерно-технической и фоноскопической экспертизы?

Нередко на разрешение комплексной судебной экспертизы ставятся некорректные вопросы, при формулировке которых допускаются гносеологические, процессуальные и другие ошибки. Перечни типичных вопросов, содержащиеся в специальной литературе, являются слабым помощником, так как они в основном рассчитаны на решение традиционных задач.

На этапе подбора материалов и подготовки объектов исследования для предоставления в распоряжение эксперта следует учитывать, что одним из свойств цифрового следа является возможность его быстрого уничтожения или преобразования в другую форму. Субъект, назначающий экспертизу, должен внимательно относиться к процедурам получения доступа к цифровым следам, их сохранения и изъятия.

Задачи, имеющие комплексный характер, в большинстве своем имеют эвристический характер, для их решения еще не разработаны соответствующие методики. Поэтому вдвойне ответственно необходимо относиться к выбору экспертов (проверке их компетентности) и экспертного учреждения. Компетентность эксперта определяется многими факторами: его образовательным уровнем, специальной экспертной подготовкой, стажем экспертной работы, опытом в решении аналогичных экспертных задач, индивидуальными способностями. В настоящее время судебная компьютерно-техническая экспертиза производится только некоторыми государственными судебно-экспертными учреждениями Минюста России и МВД России. Сильно хромает качество экспертиз, проводимых негосударственными судебно-экспертными учреждениями.

Существенную помощь на всех этапах назначения комплексной судебной экспертизы субъекту, назначающему экспертизу, может оказать специалист, обладающий специальными знаниями в области цифровых технологий. Однако при выборе такого специалиста возникают серьезные проблемы, так как требования к его компетенции и инструментальному компьютерно-техническому обеспечению его деятельности пока не разработаны.

Таким образом, назначение комплексной судебной экспертизы в условиях всеобщей цифровизации — сложная и кропотливая работа следователя, суда, лица (органа), производящего дознание, которая не сводится к одному лишь вынесению постановления (определения) о назначении экспертизы.

Лапина И. А.,

*ректор Института повышения
квалификации и переподготовки кадров
Государственного комитета судебных
экспертиз Республики Беларусь,
кандидат юридических наук, доцент*

Тагунова К. Д.,

*старший преподаватель кафедры
судебных криминалистических экспертиз
Института повышения квалификации
и переподготовки кадров Государственного
комитета судебных экспертиз
Республики Беларусь, соискатель*

О ПРОБЛЕМНЫХ АСПЕКТАХ В СФЕРЕ СУДЕБНО-ЭКСПЕРТНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ И РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В УСЛОВИЯХ СОВРЕМЕННОГО ЦИФРОВОГО ОБЩЕСТВА

Масштабные перемены во всех сферах жизни нашего общества, начавшиеся еще в конце прошлого века, обусловленные социально-экономическими преобразованиями и научно-техническим прогрессом, развитие информационных компьютерных технологий, переход в информационную эпоху сказались и на характере современной преступности. Преступность стала не только более общественно опасной из-за использования в криминальных целях современных технических средств, но и утратила часть своих субъектно-объектных характеристик, снизив тенденции к росту.

Человеческая деятельность, которая была раньше только материально выражена, приобрела сегодня активно виртуальный характер. Как отмечают Н. С. Крамаренко и Д. С. Сомов, современное инновационное развитие способствовало акцентированию внимания исследователей на те изменения, которые происходят с человеком в результате трансформации существующих условий его жизни, того «мира», который его окружает. Сейчас и сама категория «мир» о которой писал С. Л. Рубинштейн в своих научных трудах, в современных условиях претерпела изменения. Жизнь современного человека теперь делится на два «мира» — это мир реальный и мир виртуальный. Особенностью Интернет — мира является то, что он выступает в качестве особой площадки, где можно получить любого рода информацию, в качестве среды общения и среды жизни, миром, где происходит множество тех же процессов, что и в реальном социуме.

Благодаря существенному рывку, произошедшему в последние десятилетия в развитии информационных технологий, и продолжающемуся его росту, Интернет был открыт как новая, практически неизученная среда, породившая множество вопросов, связанных с деятельностью человека в этой сфере, тем самым открывая ученым широкое проблемное поле для исследований. Интернет, являясь специфической новой виртуальной реальностью, которой не было ранее, стал действительно «новым миром», который открывает для человека как свои

положительные, так и отрицательные стороны, предлагая тем самым различные варианты и возможные траектории личностного развития его пользователем¹.

Происходящие трансформации в общественных отношениях и процессах закономерно отразились и на их регуляторах — социально-правовых механизмах деятельности, в том числе — наложили свой отпечаток и на судебную экспертизу. Теперь объекты экспертизы, выраженные в цифровом виде (например, данные бухгалтерского учета), представленные на флеш-дисках и других электронных носителях (смартфоны, ноутбуки, планшеты), стали для экспертов привычным форматом, представляемым для судебно-экспертного исследования.

Как отмечает Н. С. Неретина, происходит постепенное замещение многих традиционных для судебных экспертиз объектов, благодаря их переводу в цифровые модели. Этот процесс является двояким, так как имеет как позитивные, так и негативные элементы: появление новых объектов будет способствовать появлению новых родов и видов судебных экспертиз, одновременно происходит улучшение и развитие качества жизни. Однако среди возможных сложностей можно назвать: обеспечение прав человека и гражданина в цифровой среде, архивного хранения цифровых данных пользователей, защиты и передачи данных, юридической значимости электронных документов, возникающих угрозы личности, обществу и государству в связи с ростом киберпреступности, в том числе на международном уровне².

Как справедливо отмечает Е. Р. Россинская, сейчас даже такие «традиционные» преступления как кражи, мошенничество, преступления в сфере экономической деятельности, совершаются с использованием компьютерных технологий. Более того, появляются новые виды преступлений: хищения денежных средств посредством проникновения в компьютерные сети и мобильные технологии, смс-мошенничество, вымогательства, организации террористических актов, разжигание религиозной и национальной розни и т.д.³, в которых также в качестве средств и орудий преступлений выступают уже цифровые технологии и высокотехнологичное оборудование. Такие «преступные симбиозы» являются на сегодняшний день достаточно сложно вскрываемыми событиями как с точки зрения криминалистической тактики и судебно-экспертных технологий, так и с позиций точного и единообразного правового регулирования.

Таким образом, в качестве современных проблемных аспектов судебно-экспертной деятельности, общих и для Республики Беларусь, и для Российской Федерации в условиях сегодняшнего цифрового общества, можно обозначить следующие:

1. Появление новых объектов экспертиз создает сложности, поскольку с ними нельзя работать прежними, «старыми» методами, т.е. требуется разработка новых методических подходов и методик судебно-экспертного исследования.

¹ Н. С. Крамаренко, Д. С. Сомов Виртуальный мир как новое пространство самоосуществления человека // URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/virtualnyy-mir-kak-novoe-prostranstvo-samoosuschestvleniya-cheloveka> (дата обращения: 30.03.2021).

² Неретина Н. С. Генезис новых родов и видов судебных экспертиз в эпоху цифровизации // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2019. № 5. С. 90–93.

³ Россинская Е. Р. Учение о цифровизации судебно-экспертной деятельности и проблемы судебно-экспертной дидактики / Правовое государство: теория и практика. № 4 (62). Часть 1. 2020. С. 88–90.

2. Это влечет за собой проблемы и материально-технического характера, поскольку для работы эксперту уже требуется более новое и совершенное оборудование (например, ПЭВМ с большим объемом памяти, скоростью, суммарной производительностью видеокарты), а также требуется разработка и/или приобретение нового, может быть — уникального, программного продукта.

3. И конечно же, непосредственный процесс кадрового обеспечения системы судебно-экспертной деятельности, объединяющей в единое целое — эксперта, объекты и знания о них, приобретение устойчивых навыков работы на оборудовании и знания методических рекомендаций, что может обеспечить только высококачественный, очень «гибкий», способный оперативно меняться, актуализироваться, процесс обучения.

Полагаем, только комплексный подход к цифровизации судебно-экспертной деятельности позволит в полной мере разрешить проблемные вопросы исследования новых объектов уже новыми, актуальными средствами и методами.

Лапина И. А.,

*ректор Института повышения
квалификации и переподготовки кадров
Государственного комитета судебных
экспертиз Республики Беларусь,
кандидат юридических наук, доцент*

Омельянюк Г. Г.,

*заместитель директора РФЦСЭ
при Минюсте России
по организационно-методической деятельности,
доктор юридических наук,
кандидат биологических наук*

Усов А. И.,

*заместитель директора
по научно-методической работе
Российского федерального центра судебных
экспертиз при Министерстве юстиции РФ,
доктор юридических наук, профессор*

О СОВЕРШЕНСТВОВАНИИ СУДЕБНО-ЭКСПЕРТНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВЫХ ТРАНСФОРМАЦИЙ

Как известно, судебно-экспертная деятельность играет важную роль в выявлении и расследовании преступлений, и эта роль продолжает неуклонно расти. При этом современный мир ставит перед судебно-экспертным сообществом все более неординарные задачи: беспрецедентные темпы технологического развития рождают новые объекты и виды преступной деятельности, что в ряде случаев обуславливает необходимость собирания и исследования цифровых следов при производстве судебных экспертиз.

В эпоху глобальной цифровизации и других трансформаций, связанных с активным внедрением высоких технологий, традиционных подходов зачастую уже недостаточно для юридически грамотного и справедливого расследования и разрешения уголовных дел, рассмотрения гражданских дел и арбитражных споров. В этих условиях сбор и исследование цифровых следов в рамках судебно-экспертной деятельности приобретает особую значимость.

Наряду с очевидными преимуществами цифровизации, выражающимися в росте производительности труда; повышении конкурентоспособности компаний; снижении издержек производства; увеличении степени удовлетворенности человеческих потребностей; преодолении бедности и социального неравенства и пр., цифровизация несет и потенциальные риски, к которым относится несанкционированный доступ к информации, ее негативная цифровая трансформация и другие угрозы кибербезопасности.

Появление современных способов совершения преступлений, информация о которых сохраняется в электронном виде, требуют развития прежде всего новых направлений судебно-экспертной деятельности.

Развитию теоретических и практических аспектов цифровизации судебно-экспертной деятельности, а также разработке теории цифровизации судебно-экспертной деятельности посвящены научные труды Е. Р. Россинской¹.

Общим направлением судебно-экспертных исследований, сопряженных с изучением электронных данных и цифровых следов, результаты которых используются для розыскных действий, выдвижения поисковых версий, сопровождения различных следственных действий, при производстве судебной экспертизы, является Digital Forensics². Особого рассмотрения заслуживают «большие данные» биометрических характеристик, в том числе полученных путем ДНК-анализа³, а также цифровизация системы криминалистической регистрации (баз данных, справочно-информационных фондов и т.д.)⁴.

Представленные на экспертизу объекты в ходе экспертного исследования нередко подвергаются позитивной цифровой трансформации (например, при обработке финансово-экономической информации или при необходимости извлечения компьютерной информации с различных носителей, например зашифрованных средствами стеганографии).

С позиций технологического аспекта цифровая трансформация (ЦТ) судебно-экспертной деятельности представляет собой деятельность по позитивному или негативному цифровому преобразованию исходных, промежуточных и окончательных данных об объекте экспертного исследования, которое влияет на решение судебно-экспертных задач и требует соответствующей фиксации при оформлении

¹ Россинская Е. Р. Учение о цифровизации судебно-экспертной деятельности // Теория и практика судебной экспертизы в современных условиях: М-лы VIII Междунар. научн-практ. конф. М. : РГ-Пресс, 2021. С. 261–267.

² Sammons J. The Basics of Digital Forensics: The Primer for Getting Started in Digital Forensics (2nd Edition). Syngress, 2015. 180 p.

³ Geradts Z. Digital, big data and computational forensics // Forensic Sciences Research. 2018. Vol. 3. № 3. P. 179–182.

⁴ Россинская Е. Р. Цифровизация справочно-информационных фондов криминалистического и судебно-экспертного назначения как часть учения о цифровизации криминалистической регистрации // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2020. № 6. С. 23–31.

заключения эксперта и (или) наблюдательного производства, а также взаимосвязанное с организацией и производством судебных экспертиз, научно-методическим, кадровым, финансовым обеспечением судебно-экспертной деятельности¹.

Под объектом цифровой трансформации (ЦТ-объект) предлагается понимать объект экспертного исследования, который подвергся цифровой трансформации до (вне судебно-экспертной деятельности), в процессе (промежуточное состояние) или в результате (выводное знание) судебно-экспертного исследования².

Материалы, которые в дальнейшем будут представлены на экспертизу, могут подвергаться цифровой трансформации. Особое внимание следует уделять видеоматериалам процессуальных действий (допроса, осмотра места происшествия и т.д.), которые часто направляются на экспертизу в качестве объектов исследования. Так, в СЭУ Минюста России проводятся комплексные психологические и лингвистические исследования видеозаписей следственных действий, которые могут быть ЦТ-объектами.

При производстве судебной экспертизы ЦТ-объект образуется при цифровой фотосъемке (видеосъемке) представленного на экспертизу объекта, которую необходимо провести для повышения качества изображения объекта в целом или его отдельных частей.

След цифровой трансформации (ЦТ-след) может рассматриваться как криминалистически значимая информация о каких-либо событиях или действиях, отраженная в материальной среде путем цифрового преобразования до (вне судебно-экспертной деятельности), в процессе (промежуточное состояние) или в результате (выводное знание) судебно-экспертного исследования³.

Понятие ЦТ-следа является более широким по сравнению с определением цифрового следа. Негативной цифровой трансформации могут подвергаться следующие ЦТ-объекты: цифровые фотографии, видеозаписи, фонограммы; рукописные

¹ Лапина И. А., Омелянюк Г. Г., Усов А. И. Новые тенденции в сфере судебно-экспертной деятельности как ответ на вызовы современности // Судебная экспертиза Беларуси. 2021. № 1 (12). С. 5–13 ; Омелянюк Г. Г., Усов А. И. Тренды развития судебной компьютерно-технической экспертизы в условиях цифровой трансформации судебно-экспертной деятельности // Сборник материалов II Международной межвузовской научно-практической конференции «Высокотехнологичное право: генезис и перспективы»: 26 февраля 2021 года. Красноярск, 2021. С. 246–253.

² Лапина И. А., Омелянюк Г. Г., Усов А. И. Новые тенденции в сфере судебно-экспертной деятельности как ответ на вызовы современности // Судебная экспертиза Беларуси. 2021. № 1 (12). С. 5–13 ; Омелянюк Г. Г., Усов А. И. Тренды развития судебной компьютерно-технической экспертизы в условиях цифровой трансформации судебно-экспертной деятельности // Сборник материалов II Международной межвузовской научно-практической конференции «Высокотехнологичное право: генезис и перспективы»: 26 февраля 2021 года. Красноярск, 2021. С. 246–253.

³ Лапина И. А., Омелянюк Г. Г., Усов А. И. Новые тенденции в сфере судебно-экспертной деятельности как ответ на вызовы современности // Судебная экспертиза Беларуси. 2021. № 1 (12). С. 5–13 ; Омелянюк Г. Г., Усов А. И. Тренды развития судебной компьютерно-технической экспертизы в условиях цифровой трансформации судебно-экспертной деятельности // Сборник материалов II Международной межвузовской научно-практической конференции «Высокотехнологичное право: генезис и перспективы»: 26 февраля 2021 года. Красноярск, 2021. С. 246–253.

учёные, как Л. Е. Ароцкер, В. Д. Арсеньев, Р. С. Белкин. Они подчёркивали, что судебная этика неоднородна, поскольку в сфере судопроизводства осуществляют свою деятельность представители различных юридических специальностей: судьи, следователи, прокуроры, адвокаты, судебные эксперты. Деятельность каждого из них имеет свои особенности, соответственно, её, помимо общих норм морали, регулируют специфические именно для данной специальности нравственные правила¹. В литературе отмечается и наличие свойственных только для судебно-экспертной деятельности взаимоотношений, приводящих к возникновению специфических этических норм. Эти нормы отличаются от общих норм морали в силу их частного, нетипичного для общества в целом характера. Тем не менее нормам общей морали они не противоречат, так как отношения, которые они регулируют, отвечают общественным интересам².

Основу судебно-экспертной этики представляют собой базовые принципы. Некоторые из них являются общими для судебной этики, например объективность, беспристрастность, принципиальность, корректности поведения и некоторые другие. Однако приложение перечисленных принципов к деятельности судебного эксперта наполняет их специфическим содержанием.

Так, объективность судебного эксперта основывается на его обязанности установить истину в рамках поставленной перед ним задачи и дать вывод, свободный от субъективных суждений. При этом недопустимо ориентироваться на версии сторон, обвинения или защиты.

Принцип беспристрастности исключает факт зависимости судебного эксперта от суда, следователя, сторон и других лиц, участвующих в деле. Независимость судебного эксперта заключается в запрете воздействия эксперта со стороны судов, следователей, прокуроров и иных лиц в целях получения заключения в пользу кого-либо из участников процесса или в интересах других лиц. Принципиальность судебного эксперта выражается в стремлении строго следовать этическим принципам и профессиональному долгу, а также в умении противостоять внешнему давлению. Самостоятельность в суждениях заключается не только в независимости от какого-либо внешнего влияния, но и свидетельствует о его компетентности, глубокой степени владения специальными знаниями и высоком профессионализме. Самокритичность эксперта означает способность объективно оценивать свои возможности и проделанную работу, а также умение признавать и исправлять свои ошибки. Честность эксперта выражается в его порядочности, правдивости, отсутствии корыстных мотивов, добросовестности и неподкупности. Научная добросовестность предполагает полное и всестороннее изучение всех материалов, представленных на исследование, а также применение научно обоснованных методик. Корректность поведения эксперта выражается в его вежливости, тактичности, умении корректно выражать свою точку зрения. Соблюдение конфиденциальности информации в первую очередь означает, что судебный эксперт не вправе разглашать конфиденциальную информацию, ставшую ему известной в результате производства экспертизы, или сообщать кому-либо о результатах экспертизы, за исключением органа или

¹ Арсеньев В. Д. Нравственные начала деятельности судебного эксперта / В. Д. Арсеньев, Р. С. Белкин // Методология судебной экспертизы : сб. науч. трудов. М. : ВНИИСЭ, 1986. С. 79–93.

² Жигалов Н. Ю. Морально-этические нормы в судебно-экспертной деятельности // Российский следователь. 2012. № 8. С. 6–7.

лица, её назначившего. Принцип компетентности обязывает эксперта браться только за те задачи, которые он может решить.

Однако повсеместная цифровизация не могла не затронуть сферу судебно-экспертной деятельности¹, и, в частности, этику судебного эксперта. Развитие информационных технологий заставляет пересмотреть некоторые принципы экспертной этики под новым углом и дополнить и уточнить их содержание.

Во-первых, наиболее очевидным примером здесь выступает принцип соблюдения конфиденциальности информации, поскольку цифровые технологии с одной стороны способствуют распространению всевозможной информации, с другой — затрудняют контроль над ней. В связи с этим наиболее важным вопросом является проблема опубликования в открытом доступе заключений эксперта. Безусловно, создание научных публикаций на основе реальных примеров и обмен опытом необходим для создания и совершенствования экспертных методик, а также для развития науки в целом. Тем не менее важно соблюсти права лиц, участвующих в деле, а также интересы суда и следствия. Мы полагаем, что опубликование заключений эксперта допустимо, но только в виде фрагментов, не содержащих персонализирующие данные, и после завершения рассмотрения дела. Не противоречит и принципу конфиденциальности информации освещение в СМИ выводов эксперта или каких-то отдельных моментов исследования, озвучивавшихся в открытых судебных заседаниях.

Что касается использования сведений о проведённых экспертизах для саморекламы экспертного учреждения, представляется, что экспертное учреждение может вести статистику проведённых исследований и приводить её на своих информационных ресурсах, однако публикация персональных данных сторон и иных касающихся их сведений не допустима с точки зрения судебно-экспертной этики.

Во-вторых, цифровизация в какой-то мере осложнила соблюдение принципов объективности и беспристрастности. Дело в том, что эксперт не может находиться вне постоянно увеличивающегося потока данных и информации. Громкие, особенно политические дела освещаются в наши дни чрезвычайно широко, что способствует формированию у эксперта симпатий и антипатий, отрешиться от которых при производстве исследования, связанного с этим делом, может быть довольно непросто. Таким образом, даже если эксперт не имеет очевидной заинтересованности или связей с лицами, участвующими в деле, соблюсти принципы объективности и беспристрастности становится гораздо сложнее. «Лишние» сведения о деле, в рамках которого проводится судебная экспертиза, также могут повлиять на объективность эксперта.

В-третьих, рассматривая принцип корректности поведения эксперта, включающий вежливость, тактичность и уважительность в общении, в том числе с коллегами, следует принять во внимание вопросы коммуникации в социальных сетях. Исследователи отмечают, что виртуальное общение стирает границы этических стандартов взаимодействия², особенно при анонимной коммуникации. Нередко даже дискуссии на профессиональные

¹ Россинская Е. Р. Цифровизация судебно-экспертной и криминалистической деятельности взаимосвязи и разграничения // Вопросы экспертной практики. 2019. № 51. С. 570.

² Фетисова Т. А. Агрессивное поведение в интернет-коммуникации. Обзор // Вестник культурологии, 2018. С. 186.

темы постепенно переходят в конфликт, притом что при общении вживую, например в рамках конференции, да и в неформальной обстановке, участниками дискуссии вряд ли была бы выражена та агрессия, которую они позволили себе в дистанционном общении посредством социальных сетей. Таким образом, высказывая своё мнение в социальных сетях, давая комментарии по чьей-то профессиональной позиции или вступая в диалог, эксперт должен оставаться тактичным и вежливым. Публичная критика компетентности другого эксперта также не кажется нам допустимой. Эта точка зрения находит поддержку представителей экспертного сообщества, принявших участие в опросе, который был проведён в рамках диссертационного исследования. Более 65 % респондентов ответили, что эксперт не может публично критиковать другого эксперта, проведённое им исследование или уровень его компетентности, из них половина отмечает, что это возможно только в рамках рецензирования заключения. Высказывается также точка зрения, что критика заключения эксперта — не самого эксперта — допустима в рамках судебного заседания, в которое вызвано лицо, обладающее специальными знаниями.

Таким образом, в эпоху цифровизации значение судебно-экспертной этики только возросло, поскольку наличие нравственных ориентиров в условиях слабо контролируемых информационных потоков как никогда актуально.

*Неретина Н. С.,
заместитель заведующего кафедрой
судебных экспертиз
Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА),
кандидат юридических наук*

ПРОФЕССИОНАЛЬНЫЙ СТАНДАРТ СУДЕБНОГО ЭКСПЕРТА В АСПЕКТЕ ЭКСПЕРТНОЙ ДИДАКТИКИ

В современных условиях квалифицированные кадры являются ключевым ресурсом для развития не только отдельно взятого предприятия или организации, но и для всего производства, государственного управления и экономики в целом. Судебно-экспертная деятельность не является исключением, поскольку от уровня квалификации эксперта зависит качество производства судебной экспертизы, способность эксперта устанавливать факты и обстоятельства, имеющие значение для дела.

Обращение за судебной защитой прав и законных интересов граждан и юридических лиц, расследование преступлений и административных правонарушений требует широкого использования в практике органов предварительного расследования и судов специальных знаний в различных областях науки, техники, искусства и ремесла, необходимых при разрешении дел во всех видах судопроизводства. В связи с этим проблема экспертной дидактики в последнее время приобрела особенную остроту.

Под дидактикой мы понимаем область педагогики, предметом изучения которой являются закономерности функционирования и развития процесса образования и обучения.

В настоящий момент подготовка судебных экспертов осуществляется в 34 вузах России¹. С целью объединения и координации деятельности учебных заведений, реализующих образовательные программы профессионального образования в области судебной экспертизы, в 2011 г. учреждена Ассоциация образовательных учреждений «Судебная экспертиза» (АСЭ)².

Законодатель серьезно подходит к всестороннему обучению студентов по специальности судебная экспертиза. Значительное внимание, которое уделяется комплексной подготовке, междисциплинарным связям со смежными областями, позволяют будущим экспертам не только с успехом решать задачи по традиционным судебным экспертизам, но и творчески подходить к новым, нестандартным задачам.

С 1 января 2021 года введен в действие новый образовательный стандарт высшего образования — специалитет по специальности 40.05.03 Судебная экспертиза³ (далее — ФГОС), в соответствии с которым у выпускника должны быть сформированы универсальные, общепрофессиональные и профессиональные компетенции. Если первые названные категории находят свое закрепление в ФГОС, то профессиональные компетенции согласно п. 3.4 должны определяться на основе профессиональных стандартов соответствующей профессиональной деятельности выпускников, если таковые есть.

ФГОС указывает, что экспертное образование можно получить по пяти специализациям: криминалистические экспертизы; инженерно-технические экспертизы; экспертизы веществ, материалов и изделий; экономические экспертизы; речеведческие экспертизы.

Таким образом, далеко не всех экспертов возможно подготовить в рамках высшего экспертного образования. Существует и другой путь. Дополнительная специальная подготовка как способ профессионального обучения экспертов заключается в том, что лицо, имеющее базовое профильное высшее образование в самых различных областях науки, техники, искусства или ремесла, осваивает методики производства отдельных видов (родов) судебных экспертиз, получа-

¹ Экспертные вузы // Официальный сайт некоммерческого партнерства Федерация судебных экспертов. URL: <http://фсэ.рф/obuchenie-expertov/> (дата обращения: 21.01.2021).

² Россинская Е. Р. Классификация судебных экспертиз и проблемы компетенции судебных экспертов // Материалы VII Международной научно-практической конференции «Судебная реформа в России: прошлое, настоящее, будущее» (Кутафинские чтения) : в 2 кн. М. : Университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА), 2015. Кн. 2. С. 158 ; Россинская Е. Р. Слово и дело. Вузы переходят на новые стандарты подготовки судебных экспертов // Российская газета. 14.06.2011. URL: <http://www.rg.ru/2011/06/14/expertiza-site.html> (дата обращения: 19.04.2021) ; Ассоциация учебных заведений «Судебная экспертиза» // Официальный сайт Некоммерческого партнерства «Палата судебных экспертов». URL: <https://www.sudex.ru/associaciya-uchebnih-zavedenii> (дата обращения: 19.04.2021) ; Теория судебной экспертизы (Судебная экспертология) : учебник / Е. Р. Россинская, Е. И. Галяшина, А. М. Зинин ; под ред. Е. Р. Россинской. 2-е изд., перераб. и доп. М. : Норма: Инфра-М, 2016. С. 153.

³ Приказ Минобрнауки России от 31.08.2020 № 1136 «Об утверждении федерального государственного образовательного стандарта высшего образования — специалитет по специальности 40.05.03 Судебная экспертиза» (зарегистрировано в Минюсте России 14.09.2020 № 59827) // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

ет знания судебной экспертологии, норм процессуального права. После этого обучающийся аттестовывается как специалист, имеющий право производства судебных экспертиз определенного рода или вида.

Именно так осуществляется подготовка специалистов по судебно-медицинским экспертизам, судебно-психиатрическим экспертизам, судебно-психологическим экспертизам, судебным экологическим экспертизам и др.

В настоящий момент принят профессиональный стандарт «Врач — судебно-медицинский эксперт»¹.

В Трудовом кодексе РФ закреплено определение профессионального стандарта как характеристики квалификации, необходимой работнику для осуществления определенного вида деятельности (ст. 195.1 ТК РФ).

По существу, профессиональный стандарт представляет собой многофункциональный нормативный документ, определяющий в рамках конкретного вида экономической деятельности (области профессиональной деятельности) требования к содержанию и условиям труда, квалификации и компетенциям работников по различным квалификационным уровням².

Разработчиками проектов профессиональных стандартов могут выступать объединения работодателей, работодатели, профессиональные сообщества, саморегулируемые организации и иные некоммерческие организации с участием образовательных организаций профессионального образования и другие заинтересованные организации³.

Под компетенцией понимается динамическая комбинация знаний и умений, способность их применения для успешной профессиональной деятельности⁴.

Универсальные компетенции представляют собой общие знания и умения, необходимые для любого вида профессиональной деятельности. Различные опросы работодателей показывают, что для успешной трудовой деятельности в кандидатах чрезвычайно высоко ценится умение работать в команде, способность к самоорганизации, лидерство, способность к мотивированию других, разрешение конфликтных ситуаций и т.д.

По совокупному результату наиболее востребованным является умение собирать и анализировать информацию (79 %). Далее по порядку следуют: техническая грамотность (72 %), умение выявлять и решать проблемы (70 %), способность анализировать большие объемы информации (64 %), способность принимать решения, умение организовать свою деятельность (62 %), умение расставлять приоритеты (60 %), способность критически оценивать свои дей-

¹ Приказ Минтруда России от 14.03.2018 № 144н «Об утверждении профессионального стандарта «Врач — судебно-медицинский эксперт» (зарегистрировано в Минюсте России 05.04.2018 № 50642) // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

² Профессиональные стандарты в России: современное состояние вопроса, возможности применения / под общ. ред. В. В. Федотовой. Екатеринбург : УрФУ, 2013. С. 8.

³ Постановление Правительства РФ от 22.01.2013 № 23 (ред. от 29.11.2018) «О Правилах разработки и утверждения профессиональных стандартов» // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

⁴ Методические рекомендации по разработке основных профессиональных образовательных программ и дополнительных профессиональных программ с учетом соответствующих профессиональных стандартов (утв. Минобрнауки России 22.01.2015 № ДЛ-1/05вн) // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

ствия (59 %), умение четко определять цели деятельности, способность генерировать идеи (55 %)¹.

Как отмечают исследователи, обладание современными универсальными компетенциями способствует мобильности и трудоустройству выпускников, продолжению обучения на последующих ступенях высшего образования, обучению в течение всей жизни².

Общепрофессиональные компетенции объединяют в себе компетенции, специфичные в рамках одной отрасли, группы специальностей или направления.

Под профессиональными компетенциями понимается способность действовать на основе имеющихся умений, знаний и практического опыта в определенной профессиональной деятельности.

В профессиональном стандарте закрепляется вид профессиональной деятельности и его основная цель, функциональная карта вида профессиональной деятельности (описание трудовых функций, входящих в профессиональный стандарт), дается характеристика обобщенных трудовых функций, указываются требования к образованию, обучению и опыту практической работы, а также особые условия допуска к работе и возможные наименования должностей. Подробно рассматриваются трудовые функции, в каждой приводится перечень трудовых действий, необходимых умений и знаний.

Профессиональные компетенции, которые формируются у выпускника учебного заведения, должны определяться с опорой на те трудовые функции, которые закреплены в профессиональном стандарте. Таким образом, знания и умения, формируемые при обучении будущего специалиста, обеспечивают его трудовые действия и помогают реализовать его трудовую функцию.

Основные трудовые функции судебных экспертов: производство судебно-экспертных исследований, в том числе участие в проведении комплексных и комиссионных экспертиз, оказание консультационной помощи как в рамках гражданского, арбитражного, административного и уголовного судопроизводства, производства об административных правонарушениях, по заданию физических и юридических лиц, проведение экспертных исследований для физических и юридических лиц, — остаются такими же, вне зависимости от того почерковедческую экспертизу проводит судебный эксперт, или судебно-бухгалтерскую, лингвистическую или товароведческую и т.д. Различие состоит только в тех специальных знаниях, методах и средствах, которые эксперт применяет при этом.

Именно поэтому профессиональный стандарт является не только ориентиром ФГОС, но и для программ дополнительной профессиональной подготовки судебных экспертов, в случае если у них нет базового образования по специальности «Судебная экспертиза». Закрепление в стандарте в качестве необходимых знаний действующего законодательства в области судебно-экспертной деятельности, основ процессуального и материального права, судебной экспертологии и криминалистики позволит повысить качество подготовки экспертных заключений.

¹ Подольский О. А., Погожина В. А. Ключевые компетенции выпускников и молодых специалистов при приеме на работу // Научное обозрение: гуманитарные исследования. 2016. № 1. С. 101.

² Измерение и оценка сформированности универсальных компетенций обучающихся при освоении образовательных программ бакалавриата, магистратуры, специалитета: коллективная монография / под науч. ред. д. п. н. И. Ю. Тархановой. Ярославль : РИО ЯГПУ, 2018. С. 17.

Разработку профессионального стандарта «Специалист в области судебной экспертизы» завершает под руководством профессора Е. Р. Россинской Палата судебных экспертов имени Ю. Г. Корухова (СУДЭК) совместно с Российским Федеральным центром судебных экспертиз при Минюсте России.

Особенность подготовки профессиональных стандартов осложнена тем, что система образования учитывает не только текущий момент времени, но также и перспективу. Образовательные организации должны не только хорошо ориентироваться в сегодняшнем дне, но и принимать во внимание направление развития экономики, техники и производства, владеть видением дня завтрашнего, чтобы обеспечивать соответствующую подготовку и выпускать специалистов нужной квалификации в будущем.

Таким образом, профессиональный стандарт становится своеобразным фильтром, который отсеивает сомнительных кандидатов, людей, не обладающих ключевыми компетенциями, а также является основой повышения умений и навыков сотрудников в области судебно-экспертной деятельности.

Нестеров А. В.,

*профессор, консультант Российского университета
дружбы народов, профессор
Российской таможенной академии,
главный научный сотрудник
Российского федерального центра
судебной экспертизы,
доктор юридических наук, профессор*

ОСОБЕННОСТИ СЛЕДОВ-ДАНЫХ В ЦИФРОВЫХ СИСТЕМАХ

Цифровизация жизни-деятельности людей невозможна без упорядочения используемых терминов в предметных областях, т.е. при отсутствии глоссария, тезауруса и информационной онтологии. Учитывая, что отраслевое законодательство имеет слабые терминологические связи, в каждом из них можно найти противоречия, метафоры и лакуны, то цифровизация начинается с упорядочения терминологии.

Учитывая, что предметная область 12.00.12 тесно связана с иными отраслями права, то придется создавать юридическую мета-онтологию, для гармонизации исходной терминологии.

Любая терминология как упорядоченная (систематизированная) номенклатура базируется на категорийном аппарате, поэтому без категоризации используемых научно-обоснованных категорий не обойтись. Слово «категория» имеет как минимум два значения. К сожалению, алгоритмисты используют его метафоричное значение, в частности словом «категория» обозначают класс, хотя для обозначения класса есть слово «класс». В философии и науке слово «категория» используется для обозначения наиболее общей характеристики предметной сущности как описания ее образа на основе составных и/или структурных свойств, а также как объяснения ее понятия на основе функциональных свойств. Этот пример, показывает, насколько важна терминология и использование общенаучных категорий для цифровизации законодательства.

Компьютеры как вычислители сначала могли выполнять только математические и логические операции с двоичными числами, поэтому до сих пор используют слово «вычисление» для электронных устройств.

Современные электронные устройства выполняют не только функции вычисления, т.е. операции с числами, но и выступают в роли фотоаппарата, видеокамеры, диктофона, проигрывателя, телефона, радиостанции и т.д., поэтому называть их ЭВМ или компьютер, означает использование отсталой терминологии.

С помощью двоичных знаков, как универсальных знаков, можно отображать любые сущности из любых предметных областей, в частности числовые, графические и/или лингвистические, а также трансформировать все формы материально-вещественных носителей в единую форму электронного носителя. Отметим, что магнитная и/или оптическая форма носителя является производной от электронной, т.к. магнитные и/или фотонные эффекты трансформируются из электронных и могут трансформироваться в электронные.

Цифровые знаки являются частным случаем, которые не всегда выступают в качестве числовых, например строка «123» может обозначать артикул товара или число. Естественно, складывать значения артикулов нет необходимости.

Поэтому словосочетание «цифровая система» должно иметь логическое обоснование, так же, как и словосочетание «цифровые следы». В качестве цифровых систем выступают блокчейн-системы, как системы на основе распределенной сети узлов (нод), функционирующих на инфраструктуре электронных устройств, могущих обладать децентрализованной, иерархической и/или ризомной структурой.

Особенностью цифровых систем является использование крипто-шифрования данных на базе хэширования, которое заканчивается фиксацией цифровой метки (подписи) и временем-датой внесения, изменения и/или использования записей (блоков) как смарт-документов. Особенностью смарт-документов является их интерактивность, которая позволяет смарт-контрактам само-исполняться при наступлении определенных условий.

Системный подход дает возможность говорить о цифровой экосистеме, как системе, в которой соблюдается баланс сил, действующих на ее основе, в частности законных интересов разработчиков, обладателей прав на цифровую систему и пользователей.

Особенностью цифровых системы является неизменяемость ее записей в реестрах, прозрачность функционирования и анонимность пользователей, для которых известны только их адреса в системе. Это определяет, как позитивные, так и негативные свойства таких систем¹. К позитивным свойствам можно отнести неизменяемость записей, т.к. это исключает подлог. Также эти системы обладают прозрачностью транзакций (законченных деловых операций), т.к. это позволяет всем субъектам цифровой системы наблюдать и отслеживать, что происходит или происходило в такой системе.

¹ Нестеров А. В. Криминалистические аспекты технологии блокчейна // Борьба с правонарушениями в сфере экономики: правовые, процессуальные и криминалистические аспекты : сборник материалов МНПК форума «Право и экономика: национальный опыт и стратегии развития». Новосибирск. НГУЭУ. 22.05.2019. С. 123–126.

Словосочетание «цифровые следы» как метафора широко используется в интернет-контенте. Кроме того, криминалистическим цифровым следам посвящено много статей, среди которых необходимо выделить публикацию 2020 года¹.

Логично предположить, что цифровые следы возникают в цифровых системах. Однако кроме цифровых систем, в частности блокчейн-систем, известно много иных систем на электронных устройствах, поэтому можно обсуждать термин «следы-данные», т.к. в конечном итоге следы инцидентов в электронной среде отображаются в виде данных. Кроме того, следы-данные могут отображаться и в иных системах, получивших метафоричное название «искусственный интеллект» (ИИ). Как известно, наиболее массовым электронным устройством является смартфон. В последнее время их стали снабжать ИИ, в частности, «умными» системами распознавания. Появляются «умные дома», «умные города». Поэтому логично такие системы называть смарт-системами. Цифровые системы входят в смарт-системы, т.к. оперируют смарт-контрактами.

Любые данные (байты, файлы и/или файл-документы) могут выступить в качестве криминалистически значимых следов-данных, если они отображают свойства несанкционированных деяний и/или случайных инцидентов.

Под следами-данными понимаются как минимум один след-данные, отображающий хотя бы одно воздействие в определенном знак-месте электронной среды в определенный момент в виде:

- действия субъекта, операции его программного инструмента и/или активного смарт-объекта,
- действия провайдера (оператора), операции его программных инструментов и/или активных смарт-объектов, а также
- случайного события.

В качестве субъекта могут выступить пользователь, виртуальная активная сущность и/или субъект, совершающий несанкционированные действия. Где под пользователем понимается субъект, получивший санкционированный доступ.

Следы-данные на электронных носителях можно разделить на электронные, цифровые и/или виртуальные следы-данные, которые можно рассматривать при соответствующем процессуальном оформлении как криминалистически значимые файл-документы, а в случае изъятия их вместе с электронным носителем, как вещественные доказательства.

Электронные файл-документы подразумевают наличие электронной подписи. В цифровых системах файл-документы еще автоматически заверяются цифровой меткой (печатью) на основе операции хеширования в соответствии с процедурой и алгоритмом вычисления хеш-функции.

Криминалистически значимые следы в электронной среде представляют собой следы в виде следов-данных, которые отображают несанкционированные действия и/или операции в электронных ресурсах.

Следы-данные как следы несанкционированного воздействия могут быть обнаружены по признакам изменения характеристик данных, их содержания и/или формата, а также по изменению алгоритма работы программы и/или устройства.

¹ Россинская Е. Р., Сааков Т. А. Проблемы собирания цифровых следов преступлений из социальных сетей и мессенджеров // Криминалистика: вчера, сегодня, завтра. 2020. № 3 (15). С. 106–123.

Как известно, к объектам познания в криминалистике относят не только следы преступления и преступника, но и всю криминальную ситуацию, которая может возникнуть в электронной среде. Поэтому кроме следов-данных, непосредственно отображающих преступление и преступника, в электронной среде могут находиться косвенные и/или условные данные, имеющие значения для расследования преступления.

Так как в электронной среде возможно создание систем, состоящих из электронных, виртуальных и/или цифровых составляющих, то и данные могут иметь соответствующие свойства. Учитывая, что следы-данные также отображают такие свойства, то и их можно характеризовать этими свойствами.

В связи с тем что изымаемые следы-данные, отображающие электронные, виртуальные и/или цифровые свойства несанкционированных действий и/или операций, оформляются как файл-документы, то логично будет использовать их обозначение как электронные, виртуальные и/или цифровые документы. Таким образом, документы на электронных носителях могут состоять из электронных, виртуальных и/или цифровых документов.

Цифровой документ можно отнести к высокотехнологичным документам, т.к. его основным свойством является использование в цифровых системах, в частности в блокчейн-системах, которые, в свою очередь, характеризуют цифровое общество.

Смарт-контракт можно рассматривать как цифровой документ, т.е. активный программно-управляемый документ. С категорией точки зрения он представляет собой логическое пересечение контентных данных и программных данных. С другой стороны, цифровой документ может логически отображать свойства электронного документа. Поэтому при определенных условиях к нему применимы правила электронной подписи.

Так как известны частные и открытые блокчейн-системы, то для открытых блокчейн-систем не применимы правила использования электронной подписи по определению. Это связано с тем, что в таких системах отсутствует третья сторона, в частности удостоверительные центры, которые предназначены для обеспечения гарантий конфиденциальности электронных документов с электронной подписью.

В цифровых системах цифровые документы представляют собой не только зашифрованные, но и хешированные данные. Хеширование данных осуществляется путем выполнения математической операции над совокупностью двоичных знаков как двоичных цифр с помощью хеш-функции, и позволяет вычислить цифровую метку, уникальную для каждой такой совокупности. Эту метку рассматривают как цифровой отпечаток (печать) для каждого цифрового документа. Цифровой отпечаток подразумевает некоторое цифровое преобразование цифрового документа, например отпечатки криптографического открытого ключа создаются путём применения криптографической хеш-функции к открытому ключу. Это позволяет сжать объем данных и продуцировать цифровую метку (отпечаток) как шифр-печать.

Особенностью цифрового документа является его оригинальность в рамках цифровой системы, которая продуцируется в электронной среде. Оригинальность цифрового документа в цифровой системе подразумевает, что первая запись цифрового документа не стирается и не модифицируется, а все изменения и/или дополнения только присоединяются в виде цифровых документов к первому цифровому документу. При этом каждое такое присоединение или любая иная операция с цифровым документом автоматически заверяется цифровой меткой, а сами операции фиксируются в соответствующем цифровом журнале.

Таким образом, цифровой документ в цифровой системе является оригиналом, в котором автоматически отображаются все временные и иные необходимые реквизиты, подтверждающие его оригинальность. Это дает возможность утверждать, что цифровой документ как цифровой след-данные может выступить в качестве вещественного доказательства, т.к. может отображать свойства продуцентов, его продуцирующих.

Для подписи действий, совершаемых пользователями в блокчейн-системах, используются пары «публичный ключ-приватный ключ». Поэтому все формируемые транзакции должны быть подписаны с использованием приватного ключа.

Классические блокчейн-системы проектировались для хранения данных и операции с ними только для важных документов, а не для больших и не структурированных данных. Эти системы обеспечивают в электронной среде доверительные схемы между сторонами без привлечения дополнительных посредников.

Выводы. Цифровые следы-данные (цифровые следы) подразумевают составляющую следов на электронных носителях, и представляют собой данные, которые возникают в цифровой системе вне зависимости от наличия электронной и/или виртуальной составляющей смарт-системы. Особенностью цифровых следов является то, что они могут представлять собой цифровые документы, которые по определению гарантируют их подлинность.

Следы-данные кроме их цифровой составляющей, могут иметь электронную и/или виртуальную составляющие. Хотя электронную составляющую следов-данных как доказательств в некоторых странах еще называют электронные доказательства, в других странах их называют цифровыми доказательствами, что не корректно. Логично следы-данные, выступающие в процессуальной роли доказательств, называть доказательствами на электронных носителях.

*Пивоваров Ф. Ю.,
аспирант кафедры судебных экспертиз
Университета имени
О.Е. Кутафина (МГЮА)*

ОСОБЕННОСТИ ПОДГОТОВКИ ОБЪЕКТОВ — ЦИФРОВЫХ СЛЕДОВ НА СУДЕБНО-БУХГАЛТЕРСКУЮ ЭКСПЕРТИЗУ ПО ДЕЛАМ О ЗАЩИТЕ ПРАВ СПОРТСМЕНОВ

Тенденция текущего развития общемировой науки, продиктованная необходимостью и требованиями совершенствования качества современной жизни, показывает, что новейшие и актуальные технологии в силу таковой потребности проникают во многие и затрагивают все сферы общественной жизни. Общественные отношения претерпевают значительные изменения под воздействием всеобъемлющей информатизации¹, вследствие интеграции различных и незаменимых в настоящее время информационных технологий в процессы,

¹ Термин в соотв. с п. 1 ч. 1 ст. 12 Федерального закона «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» : ФЗ от 27.07.2006 № 149-ФЗ (ред. от 09.03.2021) с изм. и доп., вступ. в силу с 20.03.2021) // Российская газета, № 165, 29.07.2006 // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 30.03.2021).

связанные с движением информации. При этом подобная синергия обусловила применение мощностей компьютерно-вычислительной техники, а также локальных и глобальных информационных систем в целях поддержания работы указанных процессов.

Важно отметить, что данная особенность также затронула в значительной степени документооборот экономических субъектов (в части комплекса управления документами, включающего приём, регистрацию, рассылку, контроль исполнения, хранение и др.¹), осуществляющих свою деятельность на территории Российской Федерации и обязанных, следуя требованиям законодательства, вести бухгалтерский учёт, оформлять учредительные документы и пр. Соприкосновение процесса составления экономической отчетности и современных информационных технологий побудило большинство организаций, как коммерческих, так и некоммерческих, перейти к электронному документообороту (т.е. с использованием автоматизированных информационных систем). В зарубежных научных трудах² процесс подобной модификации документооборота организации сопутствует другому направлению, именуемому «цифровой трансформацией» («digital transformation»). Данное мероприятие предполагает широкомасштабное принятие и перевод инновационных результатов цифровизации на базисы деятельности предприятия, что приводит к качественному усовершенствованию методов его работы. Причем необходимо отметить, внедрение цифровых технологий также постепенно иницируется и в государственных федеральных органах, начиная с 2018 года³, что свидетельствует, в частности, о явном превосходстве и удобстве ведения безбумажного документооборота.

В настоящий момент для целей, как ведения документооборота в целом, так и составления бухгалтерской отчетности, организациями может быть использован широкий перечень универсальных автоматизированных систем документооборота, а также различных программных обеспечений, предусмотренных в конкретном случае для автоматизированной поддержки формирования бухгалтерского учёта. К первой группе причисляются системы электронного документооборота «Дело», «Directum», «1С: Документооборот». Ко второй группе относятся программные продукты «1С: Бухгалтерия» (конфигурация ПО «1С: Предприятие»), «БЭСТ», «Парус Предприятие». Указанное ПО представляет собой комплексированные системы автоматизирования процессов электронного документооборота и в целом ведения хозяйственной деятельности предприятия с точки зрения движения информации внутри организации. Данные системы работают на основе систем управления базами данных, содержащими вводимую оператором информацию о фактах хозяйственной жизни организации. При этом функционирующая база данных в большинстве случаев располагается, либо непосредственно во внутренней или внешней

¹ ГОСТ Р 7.0.8-2013 СИБИД. Делопроизводство и архивное дело. Термины и определения : Официальное издание. М. : Стандартинформ, 2019 год // Доступ из электронного фонда правовой и норматив.-технической документации «Кодекс» (дата обращения: 30.03.2021).

² См., наприм., Lankshear, Colin; Knobel, Michele. Digital literacies: concepts, policies and practices. 2008. P. 173.

³ Правительство начнет цифровую трансформацию с себя [Статья на сайте]: Газета «Ведомости». 2020. URL: <https://www.vedomosti.ru/economics/articles/2020/02/03/822162-tsifrovuyu-transformatsiyu> (дата обращения: 30.03.2021).

памяти устройств, на которых установлена программная оболочка, либо на удаленных серверах, подключенных по локальной или внешней сети. Более того, большинство подобных автоматизированных систем также работают на основе «облачных» платформ, что позволяет содержать и эксплуатировать используемую базу данных и систему управления ей через удаленный рабочий стол, подключенный к сети «Интернет» без необходимости содержания локальных серверов хранения данных в организации¹.

В целях конкретизации исследования необходимо выделить в отдельную группу документооборот и бухгалтерский учет физкультурно-спортивных организаций и спортивных клубов, как этого требуют анализируемые в данной статье объекты. При этом необходимо отметить, что в соответствии с законодательством о физической культуре и спорте, первые, как и вторые, могут быть, как коммерческими, так и некоммерческими, в зависимости от необходимости оказывать платные услуги в области физической культуры и спорта. Физкультурно-спортивные организации выступают в формах обществ с ограниченной ответственностью, автономных некоммерческих организаций, бюджетных организаций. При этом спортивная организация оформляет трудовые правоотношения со спортсменом или тренером путем заключения трудового договора (контракта), обладающего соответствующей спецификой². Особенно необходимо выделять перечень условий, касающихся, в частности, порядка расчета оплаты труда, включая поощрительные выплаты (премиальные, за интенсивность, за качество работ, за стаж и выслугу, и др.), компенсаций и гарантийных выплат, режима времени работы и отдыха³. Что наиболее важно, весомой долей нарушения прав указанных субъектов является случаи не расчёта со спортсменами в части обязательных выплат, предназначенных им по трудовым договорам (контрактам) как это отметил Верховный Суд РФ в своем обзоре практики⁴. Причем споры, являющиеся последствием таких нарушений могут составлять группу индивидуальных трудовых споров, включающую оспаривание дисциплинарного взыскания, иски о взыскании задолженности по заработной плате, или являться спорами по выполнению условий договоров-ГПХ⁵. Тем не менее, исходя из всего вышесказанного, необходимо отметить, что любая

¹ Унщикова Р. Т., Ипполитова А. А. Облачные интернет-технологии в инновационной бухгалтерии // Вестник КемГУ. 2013. № 4 (56). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/oblachnye-internet-tehnologii-v-innovatsionnoy-buhgalterii> (дата обращения: 30.03.2021).

² Нетреба Е. И. Содержание трудового контракта с профессиональным спортсменом // Юридическая наука. 2020. № 10. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/soderzhanie-trudovogo-kontrakta-s-professionalnym-sportsmenom> (дата обращения: 30.03.2021).

³ Васькевич В. П. Современные договорные конструкции в профессиональной деятельности спортсмена // Пермский юридический альманах. 2020. № 3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sovremennye-dogovornye-konstruktsii-v-professionalnoy-deyatelnosti-sportsmena> (дата обращения: 30.03.2021).

⁴ Обзор практики рассмотрения судами дел по спорам, возникающим из трудовых правоотношений спортсменов и тренеров : (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 08.07.2015) // «Бюллетень Верховного Суда РФ», № 1, январь, 2016 // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 30.03.2021).

⁵ Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 24 ноября 2015 года № 52 «О применении судами законодательства, регулирующего труд спортсменов и тренеров». URL: <https://www.vsrfr.ru/documents/own/8462/> (дата обращения: 30.03.2021).

спортивная организация — юридическое лицо не освобождается от ведения бухгалтерского и налогового учета и, может представиться, что данный процесс может и должен быть значительно упрощен за счет применения автоматизированных систем. Более того, в дистрибутиве «1С: Предприятие» предусмотрена специализированная конфигурация ПО «1С: Бухгалтерия 8», подходящая исключительно для целей спортивных организаций¹.

Все автоматизированные системы, действующие на основе цифровых технологий и применяемые в настоящий момент организациями, в своей совокупности приводят к объективной необходимости рассмотреть проблему исследования судебным экспертом совершенно новых объектов экспертизы, таких, которые представляют собой гибридную связь носителя документированной информации и самого документа в цифровой форме, представляющих собой, в свою очередь, объект-цифровой след. Двойственная природа, характерная для данных объектов, порождает необходимость особого обращения с подобными объектами. В силу их неоднозначности, на что обращает внимание профессор Е. Р. Россинская, необходимо особое обращение с носителем цифровых следов (который также является самостоятельным объектом исследования эксперта), так как при нарушении процесса сбора, фиксации и изъятия такого носителя может пострадать сохранность цифровых следов на нем².

Необходимым для анализа подготовки объектов-цифровых следов на судебную бухгалтерскую экспертизу является понимание наиболее типичных объектов, представляемых эксперту для исследования. В теории СБЭ под объектом традиционно понимается материальный носитель (который представлен, как правило, в виде бумажного документа либо электронного документа, подписанного при помощи ЭЦП), содержащий учетную информацию о финансово-хозяйственных операциях организации. При этом объем представляемой, к примеру, первичной документации с учетными регистрами за определенный период может быть значительным, а учетную информацию из данных документов, в свою очередь, позволяет получить с наименьшими затратами времени и сил из базы данных автоматизированной системы ведения бухгалтерского учета (следует заметить, что при кажущемся удобстве применения подобного способа сбора доказательственной информации тем не менее не допускается предоставление на исследование эксперту данных, выгруженных из базы в полном объеме, так как эксперту после получения материалов придется самостоятельно отбирать необходимые ему объекты, что скорее свойственно для ревизии, но не для судебной экспертизы, требующей соблюдения процессуального регламента).

Таким образом, представляется необходимым при изъятии/получении данных бухгалтерского учета и отчетности произвести не только качественный сбор объектов-цифровых следов и их носителей для последующей судебной бухгалтерской экспертизы, но и произвести их отбор в соответствии с требованиями последующего экспертного исследования. Указанное условие составляет в настоящее время некоторую проблему вследствие отсутствия у субъектов,

¹ URL: <https://solutions.1c.ru/projects/163764/> (дата обращения: 30.03.2021).

² Россинская Е. Р. Объекты судебных экспертиз в эпоху цифровизации // Международные и национальные тенденции и перспективы развития судебной экспертизы : сборник докладов II Международной научной конференции, г. Н. Новгород, 21–22 мая 2020 г. Н. Новгород : ННГУ, 2020. С. 258.

осуществляющих собирание доказательств, необходимых специальных знаний, существенных для работы с современными компьютерными системами. Решение данной проблемы может крыться в привлечении для работы по сбору, фиксации и изъятию цифровых следов (которые будут отвечать требованиям закона) из памяти физических носителей (серверов, стационарных компьютеров) специалистов в области информационных технологий. В то же время по прошествии проведённого изъятия/получения физических носителей цифровых следов представляется возможным назначение судебной компьютерной технической экспертизы, в рамках которой данные цифровые следы могут быть собраны и отобраны для целей дальнейшего их исследования в рамках судебной бухгалтерской экспертизы. Соглашаясь с мнением профессора Е. Р. Россинской, предпочтительнее будет назначение последовательности экспертиз, включающих СКТЭ и СБЭ¹. Использование специальных знаний эксперта-техника в данном случае позволит качественно подготовить объекты-цифровые следы на судебную бухгалтерскую экспертизу (в том числе и по делам о защите прав спортсменов и тренеров). Тем не менее остается необходимым рассмотреть вопрос о компетентности эксперта-экономиста в части самостоятельного выявления и получения необходимых документов бухгалтерского учета и отчетности из представленной базы данных (при этом содержащейся на физическом носителе). Эксперт, прошедший обучение в рамках подготовки по специальности ФГОС ВО 40.05.03 в силу объективной компетенции должен обладать специальными знаниями, необходимыми для извлечения цифровой информации, требуемой для дальнейшего экономического исследования, с учетом обеспечения её сохранности и неизменности. В то же время, как уже было отмечено, эксперт не должен анализировать весь массив данных, представленных в базе, данное действие может быть расценено в качестве самостоятельного сбора материалов для экспертного исследования, что противоречит требованиям ст. 57 УПК РФ.

Посельская Л. Н.,

*доцент кафедры криминалистики
Московского университета МВД России
имени В.Я. Кикотя,
кандидат юридических наук, доцент*

ПРИКЛАДНОЕ ЗНАЧЕНИЕ КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ РАССЛЕДОВАНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ ПРИ ПЕРЕХОДЕ К ЦИФРОВОЙ ЭКОНОМИКЕ

Наиболее чувствительными к новациям в сфере цифровых технологий оказались экономическая и социальная сфера. Использование цифровых технологий в криминальных целях порождает многообразие преступных проявлений. Значительно количество преступлений совершается с использованием

¹ Россинская Е. Р. Объекты судебных экспертиз в эпоху цифровизации // Международные и национальные тенденции и перспективы развития судебной экспертизы : сборник докладов II Международной научной конференции, г. Н. Новгород, 21–22 мая 2020 г. Н. Новгород : ННГУ, 2020. С. 260.

интернет-технологий, одновременно воздействуя на различные электронные устройства, включая мобильную связь. Об этом свидетельствует увеличение числа и способов хищения денежных средств с использованием электронных платежных документов, сети Интернет, мобильной связи. Наглядно это видно из показателей, приведенных нами в таблице.

Год / рост сни- жен в %	Всего зареги- стрировано преступлений, совершаемых с использованием информацион- но-телекомму- никационных технологий за январь — сен- тябрь 2020г	С исполь- зованием расчетных пластико- вых пла- тежных карт	Путем исполь- зования сети ин- тернет	Путем фиктив- ных элек- тронных платежей	С исполь- зованием средств мобиль- ной связи
Факт/ 2019	205 116	23 259	108 540	726	78 479
% (+,-)	+69,2%	+130,%	+43,9%	+83,3%	+90,7%
Факт/ 2020	318 417	122 474	182 609	841	135 756
% (+,-)	+76,7%	+505,5%	+90,2%	+30,8%	+100,5%

В настоящее время актуальным и активно используемым является понятие «криминалистическое обеспечение раскрытия и расследования преступлений». В свое время учеными — криминалистами активно разрабатывалось учение о данном направлении в развитие криминалистической науки¹. На основе этого учения мы рассматриваем криминалистическое обеспечение, как вид деятельности, который представляет собой систему методов и средств, направленных совершенствование правового регулирования применения криминалистических

¹ Волынский А. Ф. Криминалистическое обеспечение раскрытия и расследования преступлений : учебное пособие. М. : Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, 2016. С.21-22; Жбанков, В. А. К вопросу о криминалистическом обеспечении органов дознания и таможенных расследований ГТК Российской Федерации // Криминалистическое обеспечение борьбы с преступностью : информационный бюллетень № 13 по материалам Криминалистических чтений. М., 2001 ; Коломацкий, В. Г. К истории криминалистического обеспечения расследования преступлений // Криминалистическое обеспечение борьбы с преступностью : информационный бюллетень № 13 по материалам Криминалистических чтений. М., 2001 ; Романова, Е. С. К вопросу о понятии криминалистического обеспечения расследования преступлений // Российский юридический журнал. 2010. № 6. С. 88–95.

методов и средств, рекомендаций в раскрытии и расследовании преступлений, совершенствование способов и приемов собирания следов преступления и их предварительного исследования.

Таким образом, в систему криминалистического обеспечения входит определение технико-криминалистических методов и средств, направленных на формирование рекомендаций по их применению правоохранительными органами; а также, тактико-криминалистических рекомендаций по использованию тактических приемов подготовки и проведения следственных действий; и создание методик расследования отдельных видов преступлений.

Все указанные обстоятельства обуславливают актуальность и необходимость рассмотрения вопросов криминалистического обеспечения выявления и фиксации электронно-цифровых следов при расследовании преступлений экономической направленности.

Применительно к нашему исследованию, криминалистическое обеспечение собирания и фиксации электронно-цифровых следов мы рассматриваем с позиции прикладного значения этого вида деятельности, где взаимообусловлено действуют специалисты-криминалисты, специалисты в области IT-технологий и следователь. Предметом нашего исследования являются закономерности применения криминалистических методов и средств, направленных на собирания и фиксации электронно-цифровых следов при расследовании преступлений экономической направленности.

Понятие цифровые (электронно-цифровые) следы породило значительное количество дискуссий по данному направлению. Одно из таких обсуждений в самом названии. При возникновении необходимости каким — то образом обозначить информацию, получаемую с электронных носителей типа персональных ЭВМ, фигурировало название виртуальные следы¹. Ю. В. Гаврилин в свое время называл такие объекты компьютерно-техническими следами преступления². В настоящее время он рассматривает возможности применения криминалистической техники для получения информации с электронных носителей³. В. В. Поляков проводит сравнительное исследование понятий электронно-цифровые и виртуальные следы⁴. Предпринимаются попытки определить место данного вида следов в системе криминалистической классификации следов для их лучшего понимания, изучения и фиксации. Так, В. А. Мещеряков полагает возможным определить данные следы в самостоятельную третью группу между материаль-

¹ Мещеряков В. А. «Виртуальные следы» под «скальпелем Оккама» // Информационная безопасность регионов. 2009. № 1. С. 30–32.

² Гаврилин Ю. В., Лыткин Н. Н. Понятие, свойства и криминалистическое значение компьютерно-технических следов преступления // Вестник криминалистики. 2005. Вып. 4 (16). С.50-52.

³ Гаврилин Ю. В. Уголовно-процессуальные основания и порядок применения средств криминалистической техники, используемой для исследования информационно-коммуникационных устройств /Криминалистическое и оперативно-розыскное обеспечение расследования экономических преступлений : сборник выступлений участников круглого стола 08.12.2017 / под ред. д. ю. н. Кучина О. С. М. : изд-во МГУ, 2017. С. 37–40.

⁴ Поляков В. В. К вопросу об использовании понятий «виртуальные следы» и «электронно-цифровые следы» в криминалистике // Актуальные проблемы борьбы с преступлениями и иными правонарушениями. 2013. № 11 (1). С. 124.

ными и идеальными¹. А. Ю. Семенов предложил название «виртуальные» следы, так как рассматривает их в зависимости от носителя информации, например на жёстком диске, на оперативном запоминающем устройстве компьютера и периферийных устройствах и т.п. Наиболее близкой нам представляется позиция Е. Р. Россинской, которая однозначно высказалась по данному поводу, предлагая цифровые следы считать материальными следами, справедливо полагая, что цифровой след — это криминалистически значимая компьютерная информация, которая нашла свое отражение в материальной среде в результате ее создания, передачи и хранения². Одновременно ей было отмечено, что «программные и аппаратные средства используются в качестве инструмента, и при совершении определенных действий пользователя по известным алгоритмам и закономерностям будет формироваться доказательственная информация, представленная в цифровом виде и зафиксированная путем изменения свойств и состояния элементов носителя информации»³. В настоящее время такая точка зрения преобладает вполне обоснованно. Мотивируется материальной природой следов, то есть в каком виде мы ее можем воспринимать, а это набор определенных буквенно-цифровых символов, соответственно в классическом представлении о материальных объектах окружающего мира, след получим цифровой. Другое дело существование и перемещение информации от одного электронного носителя к другому. Пространство и способ перемещения информации будут виртуальными. Если рассуждать о предметах — носителях информации, это компьютерно-технические, информационно-телекоммуникационные и иные электронные устройства связи, они могут быть следами предметами, причем одни являются средством передачи цифровой информации, другие — воспринимающие цифровую информацию. Кроме этого, такие представления об электронно-цифровых следах позволяют эффективно работать по их собиранию и фиксации, особенностях проведения следственных действий по их выявлению и собиранию. Ранее основным средством коммуникации в экономической сфере были компьютеры, то в настоящее время приоритет перешел к смартфонам, планшетам и прочим переносным цифровым устройствам. В этой связи для обнаружения и фиксации электронно-цифровых следов необходимо обратить внимание на пересечение мобильной связи и сети Интернет. Если в результате запросов получим ответ с указанием на лог-файлы `gprs`⁴, вход в сеть Интернет, скорее всего, осуществлен с мобильного телефона, так как в этом случае имеет

¹ Мещеряков В. А. «Виртуальные следы» под «скальпелем Оккама» // Информационная безопасность регионов. 2009. № 1. С. 30–32.

² Россинская Е. Р. Современное состояние и перспективы цифровизации судебно-экспертной деятельности // Теория и практика судебной экспертизы в современных условиях : материалы VII Международной научно-практической конференции. М. : РГ-Пресс, 2019. 187–188.

³ Россинская Е. Р. Система частной теории информационно-компьютерного обеспечения криминалистической деятельности // Современные проблемы цифровизации криминалистической и судебно-экспертной деятельности : материалы научно-практической конференции с международным участием (Москва, 5 апреля 2019 г.). М. : РГ-Пресс, 2019. С.184.

⁴ GPRS — надстройка над технологией мобильной связи GSM, осуществляющая пакетную передачу данных. GPRS позволяет пользователю сети сотовой связи производить обмен данными с другими устройствами в сети GSM и с внешними сетями, в том числе Интернет // ru.Wikipedia.org} GPRS.

место не предоставление персонального IP-адреса, а каждый раз нового, что существенно облегчает реализацию преступных действий, связанных с совершением хищений, используя сеть Интернет.

Вместе с тем в современных условиях растет количество преступлений экономической направленности с использованием средств мобильной связи. В текущем году, как показано в таблице № 1, их количество выросло на 100 %.

Одним из распространенных способов преступления можно выделить телефонное мошенничество. Преступные действия осуществляются под видом действий оператора мобильной связи. Потерпевшему поступает звонок либо приходит SMS-сообщение с предложением подключить новую услугу; улучшить качество связи либо для перерегистрации абонента во избежание отключения связи из-за технического сбоя. Для реализации данных предложений необходимо набрать на телефоне определенные цифры или отправить SMS-сообщение с указанным кодом, который, по сути, является комбинацией для осуществления мобильного перевода денежных средств со счета абонента на счет злоумышленников. Примером может служить мошеннические действия сотрудников салонов сотовой связи, рассылавших пользователям сети информацию об ошибочных платежах и возврате средств, используя сервисные центры салонов связи. Поступившие от граждан средства списывались со счетов салонов сотовой связи на Qiwi-кошельки данных лиц. Похищено свыше 4.5 млн руб. Эти же граждане, используя компьютерный сервис avito, разместили информацию о продаже несуществующих у них телефонов iPhone модели 5S. Откликнувшийся на объявление житель Москвы, в ходе телефонного разговора сообщил мошенникам пароль от Qiwi-кошелька, на счет которого была положена оговоренная сумма в размере 36 тыс. руб. Указанные денежные средства мошенники перевели на зарегистрированный ими электронный счет и были похищены¹.

Вместе с тем собирание и фиксация электронно-цифровых следов не дает полного представления о доказанности преступного действия. Кроме собирания, осмотра и фиксации электронно-цифровых следов, необходимо производство специальных исследований посредством назначения и производства экспертиз. Е. Р. Россинская выделяет виды компьютерно-технической экспертизы, в зависимости от решаемых этой экспертизой задач². На основании изучения судебно-следственной практики, можем сделать вывод о том, что в зависимости от задачи поиска электронно-цифровых следов, назначаются разные по задачам исследования экспертизы. Так, для установления наличия программного обеспечения, используемого для совершения преступления, с возможностью дополнительного подключения и функционирования в системе удаленного доступа назначалась судебная программно-компьютерная экспертиза. При необходимости исследования системных блоков, микросхем, дополнительного оборудования или осуществления конструктивного изменения компьютерной техники, назначается и проводится судебная аппаратно-компьютерная экспертиза.

¹ Приговор по делу № 2-2149/16 от 5 октября 2016 г. Архив Советского районного суда г. Тулы.

² Россинская Е. Р. Система частной теории информационно-компьютерного обеспечения криминалистической деятельности // Современные проблемы цифровизации криминалистической и судебно-экспертной деятельности : материалы научно-практической конференции с международным участием (Москва, 5 апреля 2019 г.). М. : РГ-Пресс, 2019. С. 184.

Но в большинстве рассматриваемые нами преступления экономической направленности связаны с распространением информации, внесением изменений в официально существующие сайты, создание фальшивых сайтов. В 38 % уголовных дел от числа изученных нами назначалась судебная информационно-компьютерная экспертиза, которая позволяет осуществить поиск, анализ информации и процессов в компьютерной системе. В 9 % случаев назначалась судебная компьютерно-сетевая экспертиза. В ходе экспертного исследования анализируется функциональное предназначение компьютерных средств, реализующих ту или иную сетевую информационную технологию; исследуются факты и обстоятельства, связанные с использованием сетевых и телекоммуникационных технологий, в том числе интернет-технологий. Анализируя различные источники информации, можно предположить пути развития цифровой экономики в следующих направлениях: правовое, информационно-технологическое, кадровое обеспечение, о чем писали в своих научных трудах ученые разных отраслей научного знания. Проблема носит межнаучный и междисциплинарный характер. Однако в рамках данной статьи не представляется возможным рассмотреть все направления.

Подводя итог сказанному, отметим, что в условиях развития цифровой экономики будет востребовано прикладное значение криминалистики для объединения современных экономических, правовых знаний, информационных и IT-технологий. Для успешного раскрытия и расследования преступлений, разрешения существующих теоретических и практических проблем прикладное значение имеет совершенствование криминалистических методов и средств, что обусловлено не только усилиями криминалистов.

Проткин А. А.,
*профессор кафедры исследования документов
Московского университета МВД России
имени В.Я. Кикотя, заслуженный юрист
Российской Федерации,
кандидат юридических наук, доцент*

Бондаренко Р. В.,
*доцент кафедры исследования документов
Московского университета МВД России
имени В.Я. Кикотя,
кандидат юридических наук, доцент*

Гулина Е. Г.,
*старший преподаватель кафедры
исследования документов
Московского университета МВД России
имени В.Я. Кикотя*

ФАКТОРЫ, ВЛИЯЮЩИЕ НА ИЗМЕНЕНИЯ ПОДПИСИ ВО ВРЕМЕНИ

Письменные материалы с выявленными признаками подделки на сегодняшний момент являются одним из наиболее часто встречающихся объектов крими-

налистического исследования документов, вследствие чего, изучению способов их изменения стало уделяться особое внимание. Остро стоящей проблемой в этом направлении проведения почерковедческих исследований является разработка методик, учитывающих особенности данных почерковых объектов.

Факторами, влияющими на упрощение процесса подделки документа и непосредственно на увеличение количества подделок документов, являются: развитие технологий, различной компьютерной техники, специализированные программы, а главное общедоступность подобных ресурсов для всех слоев населения. Сейчас, имея телефон или компьютер и изучив несколько программ редакторов, можно создать то, чего никогда не было и не должно было быть (какой-либо документ, не имеющий реальной юридической силы), что создает ряд трудностей для экспертов. Еще одним фактором является прогресс информационных наук, результатом которого явилось сложность в дифференциации оригинала и подделки.

Стоит отметить, что приемы подделки не всегда применяются в преступных целях. Широкое распространение получили документы, содержащие заранее нанесены на бумагу отдельные подлинные реквизиты, (печати, подписи должных лиц) в которые остается лишь внести текст. Существует особенность использования данных шаблонов: только по согласованию с должностным лицом, когда, например, оно находится в командировке, но необходимо подготовить срочную документацию. В тот момент, когда человек использует «заготовку» с чужой подписью без согласования с лицом, которому она принадлежит, в собственных корыстных целях, подобные действия уже приобретают криминальный характер, и документ становится объектом криминалистического исследования. В таких случаях эксперт должен установить и доказать факт несоответствия времени выполнения подписи в документе; дате, обозначенной в нём, что и будет свидетельствовать о подделке документа.

Возможностям технико-криминалистической экспертизы документов в решении указанной проблемы посвящено немало работ, в которых изложены соответствующие методики¹.

При выполнении данных видов исследований внимание экспертов-почерковедов привлекают вопросы, связанные со временем выполнения рукописи или подписи. Для этого применяются методы почерковедческой экспертизы, основанные на закономерностях формирования функционально-динамического комплекса (ФДК) навыков, особенностях его функционирования и факторах, влияющих на изменение почерка. В. Ф. Орлова выделяла изучение влияния временного фактор на выполнение рукописей в отдельную диагностическую задачу почерковедения².

¹ Батыгина Н. А. [и др.] Установление факта несоответствия возраста рукописных записей, выполненных шариковыми ручками, дате, указанной в документе // Экспертная техника. М., 1993. Вып. 122 ; Старцева Н. В., Тарасов Б. П., Анопова Н. Н. К вопросу о старении паст для шариковых ручек // Экспертная практика и новые методы исследования: Экспресс-информация. М., 1988. Вып. 14 ; Тросман Э. А., Бежанишвили Г. С. Батыгина Н. А. Определение относительного содержания фенилгликоля в штрихах паст для шариковых ручек, не содержащих фталоцианиновый краситель // Экспертная практика и новые методы исследования: Экспресс-информация. М., 1995.

² Орлова В. Ф. Судебно-почерковедческая диагностика // Закон и право. М., 2006 (С. 12–13).

Изучение временных факторов при диагностическом исследовании почерковых объектов подразумевает дачу экспертом ответов на основные вопросы: отнесение выполнения рукописи к определённому периоду или же установление факта одновременного (или разновременного) выполнения рукописи (отдельных ее фрагментов либо текста и подписи)¹. Данные факты определяют правовое значение, т.е. на их основе устанавливается подлинность документа либо фальсификация.

Для решения указанных выше задач эксперту-почерковеду необходимо четко понимать особенности письменно-двигательного навыка человека в целом, а также изучать закономерности изменений почерка (подписи) во времени путём наблюдений и сравнительных исследований почерковых объектов, выполняемых конкретным лицом в различные периоды, что представляет определенные сложности на практике².

Формирование подписи (как и почерка в целом) — это сложный и длительный процесс. Он берет свое начало в первых классах школы и продолжается в значительный период после окончания учебного процесса. В школьный период очень сложно говорить об устойчивости тех или иных признаков, ведь почерк еще маловыработанный, но уже проглядываются различия в рукописях разных учеников.

Первый официальный документ, который визируется собственноручной подписью, — это паспорт, получаемый молодыми людьми в 14 лет. К моменту смены паспорта, в 20 лет, подпись существенно меняется.

В связи с тем что в нашей стране нет четкой регламентации выполнения подписи, а навык письма школьников в большинстве случаев еще недостаточно выработан, молодые люди в начальный период работы с документами предпочитают расписываться просто своей фамилией, то есть используют буквенную транскрипцию. Первая подпись фактически воспроизводит запись фамилии, имени, а поскольку у учеников нет необходимости расписываться часто в различных документах, их подписи пока ещё не устойчивы.

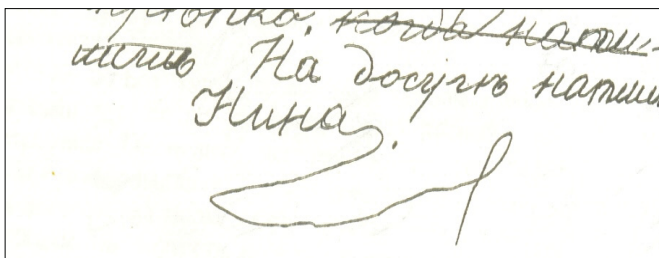

Рис. 1. Образец детской подписи

В дальнейшем, сталкиваясь с необходимостью визирования документа собственноручной подписью, молодые люди начинают уделять ей больше внимания, тем самым видоизменяя ее. В основе лежит тот же буквенный материал, но к нему добавляются некоторые атрибуты (сложные или упрощенные конструкции

¹ Там же.

² Там же, с.18.

инициалов, монограммы, дополнительные нечитаемые элементы), либо же наоборот — подпись начинает сокращаться. На формирование подписи оказывают желаниа пишущего подражать подписям родителей, друзей, учителей либо реализовать свои собственные фантазии. Ученик, начинающий формировать свою подпись, старается сделать ее более «взрослой», индивидуальной. непохожей на другие.

Практика показывает, что если некоторые исполнители в возрасте с 18 до 30 лет находятся в поисках наиболее приемлемых вариантов своей подписи, то, как правило, после 30–35 лет подпись остаётся стабильной большой промежуток времени.

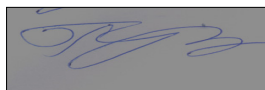

Рис. 2–4. Подписи от имени Г. в 20 лет, 25 лет, 30 лет

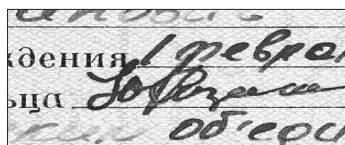
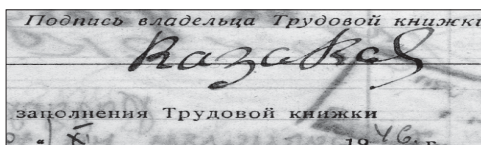

Рис. 5–6. Подписи от имени К. в 16 и 25 лет

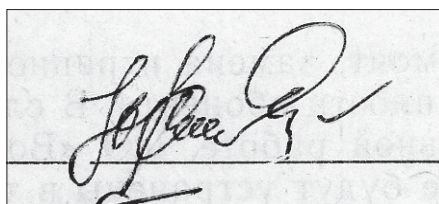

Рис. 7. Подписи К. в возрасте с 30 до 50 лет

Развитие человека представляет собой неравномерный процесс формирования характера и личности в целом, становления разных психических функций, способностей. На это оказывают влияние различные факторы: субъективные, включающие в себя генетический фактор, темперамент, физиологические и анатомические особенности человеческого тела; и объективные, связанные с условиями окружающей обстановки, обществом и культурой. Изменения социального статуса — повышение по службе, выборы на посты высших должностных лиц, повышение образования, женитьба, разводы, ухудшение состояния здоровья и т. д. — всё это вызывают изменения во взглядах, убеждениях личности человека. Автоматизация новых движений и приводит к существенным различиям между подписями, выполненным с большим разрывом во времени, что затрудняет проведение почерковедческой экспертизы с данными объектами. Различия могут проявляться в дополнительных элементах, штрихах и росчерках или их наоборот в упрощении, сокращении или же замены старых буквенных знаков новыми.

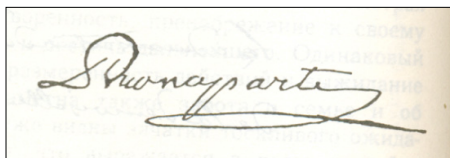
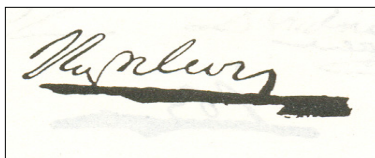

Рис.10–12. Изменения подписи Наполеона Бонапарта

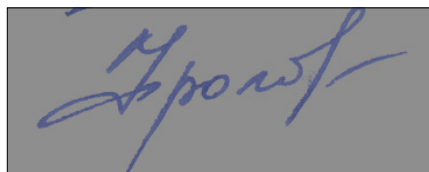
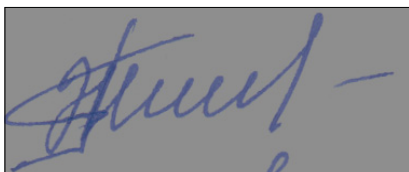

Рис. 13–14. Изображения подписей Ф. до и после замужества

Вступление в брак является одним из самых ярких примеров изменения подписи, но не только у женщин. Судебной практике известны случаи, когда изменения транскрипции подписи, связанный с фактом женитьбы гражданина К. В знак своей супружеской любви и верности жене, в начальной части своей подписи ставил первую букву имени жены в монограмме с первой буквой своей фамилии. Данная особенность сохранялась вплоть до развода супругов, после которого монограмма в подписи К. исчезла.

Наибольшее влияние на изменение подписи оказывают заболевания, влияющие на координацию движений человека. Чаще всего такие болезни поражают нервную систему. Такие изменения наиболее явны и устойчивы. К примеру, деградация подписи хронического алкоголика.

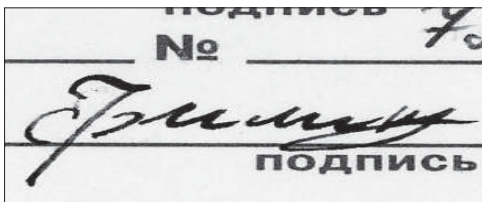

Рис. 15–16. Подписи Ф., страдающего алкогольной зависимостью

Травмы руки временами оказывают необратимые изменения в работе костно-мышечного аппарата. Человек бессознательно будет адаптировать выполнение подписи под новые условия, для наиболее удобного движения, он буквально заново учится писать, в некоторых случаях другой рукой. Даже при восстановлении выработанности почерка в целом новый вариант подписи сохраняется за счёт повторения и дальнейшей автоматизации движений.

Существенные изменения в подписи человека приходятся на переход от зрелого к пожилому и старческому возрасту.

Начало периода жизни человека после 55–60 лет обычно связано с ускоряющимся биологическим старением: ухудшается общее состояние здоровья, снижа-

ется уровень некоторых психических функций, прежде всего памяти, ухудшается функционирование органов чувств¹. Перечисленные регрессивные процессы влияют на изменение признаков подписи человека.

Изменение общих и частных признаков подписи во времени у лица старческого возраста при естественном физиологическом старении происходит в течение длительного периода, а лиц пожилого и старческого возраста при наличии заболеваний, влияющих на двигательные функции или ведущих к большой мышечной слабости, могут быть весьма значительными. Из-за изменений физиологических и анатомических данных (уменьшение подвижности костно-мышечной системы, ослабления зрения и т.д.), а также с уменьшением письменной практики у многих лиц наступает некоторая деградация почерка и подписи.

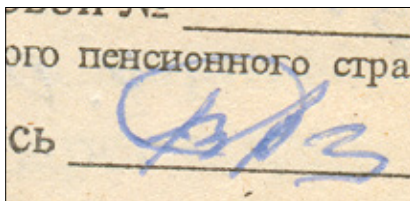

Рис. 17–18. Подписи С. в 66 лет и 71 год

В подписях лиц преклонного возраста, имеющих большую письменную практику, и не имеющих болезней, связанных с нарушением письменно-двигательного навыка, **существенных временных изменений**, как правило, не наступает.

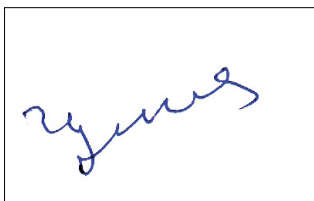

Рис. 19. Изображение подписи Г. в 88 лет, имеющей большую письменную практику

Подписи лиц, имеющих незначительную письменную практику, имеют в себе существенные изменения, в виде перехода от штриховой транскрипции к буквенной.

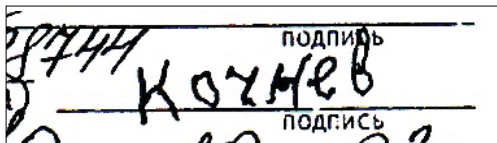
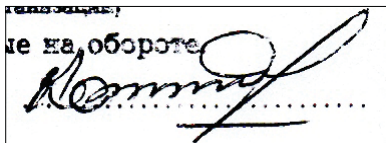

Рис. 20–21. Изображения подписей К. в 50 и 69 лет

¹ Кулагина И. Ю. Возрастная психология: полный жизненный цикл развития человека. М. : ТЦ Сфера, при участии Юрайт, 2002.

Развитие подписи сопровождается изменением её признаков, происходящих в течение всей жизни человека. Изменения письменного навыка обуславливаются объёмом и характером письменной практики, возрастными изменениями систем и органов, участвующих в процессе письма и ряда иных факторов.

Из-за наличия относительной устойчивости признаков почерка и подписи человека на определенном этапе формирования и развития имеется возможность проведения идентификационных и диагностических исследований, т.к. существенные временные изменения дают возможность предполагать период ее выполнения на документе определенным лицом.

Еще один научным основанием для проведения почерковедческих исследований является вариационность, подверженное развитию и деградации. Проявления программной и коррекционной вариационности в различные периоды формирования и функционирования ПД ФДК носят исключительно временной характер и используются для отнесения конкретной рукописи к определённого периоду развития и угасания ПД ФДК¹.

*Россинская Е. Р.,
директор Института судебных экспертиз
Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА),
заведующий кафедрой судебных экспертиз,
доктор юридических наук, профессор*

ОСОБЕННОСТИ СЛЕДСТВЕННЫХ СИТУАЦИЙ С ЦИФРОВЫМИ СЛЕДАМИ ПРИ РАССЛЕДОВАНИИ КОМПЬЮТЕРНЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ²

В систему теории информационно-компьютерного обеспечения криминалистической деятельности, предметом которой служат закономерности возникновения, движения, собирания, исследования и использования компьютерной информации при раскрытии и расследовании преступлений и судебном рассмотрении уголовных, гражданских (в том числе арбитражных), административных дел, а объектами являются сами компьютерные средства и системы как носители розыскной и доказательственной криминалистически значимой информации и система действий и отношений в механизмах преступлений с использованием компьютерных средств и систем, а также криминалистических компьютерных технологий выявления, фиксации, изъятия, сохранения, исследования и использования криминалистически значимой доказательственной и ориентирующей информации, входит учение об информационно-компьютерном криминалистическом обеспечении тактики и технологии следственных и судебных действий³.

¹ Орлова В. Ф. Судебно-почерковедческая диагностика, Закон и право, М., 2006. С. 87.

² Исследование проведено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-29-16003.

³ Россинская Е. Р. Теория информационно-компьютерного обеспечения криминалистической деятельности: концепция, система, основные закономерности // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России № 2 (99). С. 193–202.

Предметом разрабатываемого учения являются закономерности собирания, исследования и использования компьютерной информации при производстве следственных и судебных действий, в первую очередь по уголовным делам, а также судебных действий по гражданским и административным делам. Объектом учения является сама тактика и технология следственных и судебных действий с учетом следственных и судебных ситуаций, обуславливающих выбор тактического воздействия и принятия тактического решения в условиях тактического риска.

Как известно, следственная ситуация в общем виде — это условия (обстановка), в которых находится процесс расследования по уголовному делу на данный определенный момент. Учет следственной ситуации позволяет следователю принять более правильное решение, применить необходимые тактические приемы.

Анализ следственных ситуаций имеет весьма важное значение при разработке тактики и технологии как невербальных, так и вербальных следственных действий при расследовании компьютерных преступлений.

Из числа многочисленных классификаций¹ практически значимыми для компьютерных преступлений являются следующие: в зависимости от этапа расследования — исходные, последующие и заключительные; по отношению к возможности достижения цели расследования — благоприятные и неблагоприятные; по отношениям между участниками — конфликтные и бесконфликтные. Наиболее характерные, повторяющиеся следственные ситуации именуются типичными². В данной статье рассмотрим исходные следственные ситуации по делам о компьютерных преступлениях в аспекте собирания и исследования цифровых следов.

Способы компьютерных преступлений в подавляющем большинстве случаев являются полноструктурными и, кроме того, подготовка к совершению преступления сразу включает действия по сокрытию³. Поэтому, когда исходные следственные ситуации носят благоприятный характер — это скорее исключения из общего правила. В. В. Поляков справедливо отмечает эти редкие условия «когда имеются достаточные доказательства для обоснованного предположения о личности преступников, нет проблем в их задержании, получении от них признательных показаний, либо существуют не значительные сложности, например связанные с их розыском»⁴.

Мы согласны с его выделением типичных следственных ситуаций «когда известны потерпевшие, но ни им, ни следствию не известны преступники... Другая типичная неочевидная ситуация расследования, когда имеются данные о предполагаемых преступниках, но отсутствуют данные о потерпевших, на-

¹ Волчечкая Т. С. Учение о криминалистических ситуациях: генезис, современное состояние и перспективы развития // Журнал: Союз криминалистов и криминологов. 2019. № 2. С. 59–64; Белкин Р. С. Курс криминалистики. Третье издание доп. М. : Юнити-Дана, Закон и право, 2001. С. 627–637; Драпкин Л. Я. Основы теории следственных ситуаций Свердловск : Изд-во Урал ун-та, 1987. 163 с.

² Россинская Е. Р. Криминалистика : учебник для вузов. М. : Норма, 2016. С. 240–241.

³ Россинская Е. Р., Рядовский И. А. Современные способы компьютерных преступлений и закономерности их реализации // Lex russica. 2019. № 3 (148)С. 87–99.

⁴ Поляков В. В. Начальные следственные ситуации расследования высокотехнологичных преступлений // Цифровые технологии в юриспруденции: генезис и перспективы : материалы I Международной межвузовской научно-практической конференции. Красноярск, 2020. С. 123–127.

пример это бывает при выявлении оперативно-розыскным путем преступной деятельности организованной преступной группы, однако в отношении кого именно, сколько преступлений или эпизодов совершено ими совершено, когда и каким образом они осуществлялись, неизвестно»¹.

Еще одна ситуация, которая с развитием цифровизации становится достаточно типичной, хотя ранее она встречалась нечасто, когда есть сведения о противоправных деяниях, но неизвестны ни преступники, ни потерпевшие, например при обнаружении вредоносного программного обеспечения, когда нет данных о том, кто его создал, использовал или распространял, а также кто и как от него пострадал. В качестве примера можно упомянуть об одном из основных способов распространения троянских программ — массовых рассылках сообщений электронной почты, содержащих вложения, маскирующиеся под полезный для пользователя документ, так называемых фишинговых писем. При попытке открытия такого вложения в систему загружается и устанавливается троянская программ². Способ может реализовываться через интернет-ссылку, при переходе по которой из письма пользователь направляется на сайт, содержащий наборы программ-эксплоитов, которые пытаются найти уязвимые места в безопасности его компьютерной системы и через них загрузить вредоносную программу³. Далее с компьютеров потерпевших осуществляется рассылка, о которой они и не подозревают.

Благоприятная следственная ситуация в условиях очевидности, хотя и редко, но встречается. Характер и обстоятельства дела известны (например, каким способом осуществлен несанкционированный доступ в компьютерную сеть), могут быть выявлены потерпевшим собственными силами, преступник известен и задержан (явился с повинной). Эта ситуация предполагает содействие (отсутствие противодействия) расследованию со стороны преступника. В этом случае получение криминалистически значимой информации в виде цифровых следов может быть осуществлено непосредственно от него на отдельных носителях или из компьютерной системы.

При неблагоприятной исходной следственной ситуации, когда известны потерпевшие, например, налицо только преступный результат — дезорганизация компьютерной сети, а способ преступления и преступник неизвестны, цифровые следы могут выявляться при проведении осмотра места происшествия или обыска участием специалиста. Однако в настоящее время следователи явно не готовы к решению сложных задач, связанных с собиранием цифровых следов или выявлением действия вредоносных программ.

Один из вариантов решения проблемы в уголовном судопроизводстве предложен законодателем, когда в соответствии с ч. 2 ст. 164.1 УПК РФ в обязательном порядке «для копирования информации на другие электронные носители, т.е. фактически изъятие цифровых следов в процессе следственного действия» привлекается специалиста. Но, к сожалению, дефиниция «электронный носитель информации» законодателем в УПК РФ не определена, отсутствует она и в Федеральном законе «Об информации, информационных технологиях и о

¹ Поляков В. В. Указ. соч.

² Bert Rankin. How Malware Works — Malicious Strategies and Tactics // URL: <https://www.lastline.com/blog/how-malware-works-malicious-strategies-and-tactics> (дата обращения: 05.03.2021).

³ Custers B. H.M., Pool, R.L.D., Cornelisse, R. Banking malware and the laundering of its profits // *European Journal of Criminology* 2019, 16(6). С. 728–745.

защите информации»¹ К тому же сомнительно, что обозначенный как электронный носитель информации удаленный сервер, особенно если он находится за пределами России, может быть изъят.

Но, что самое важное, не урегулирован и вопрос о выборе специалиста следователем. Следователь имеет весьма приблизительное представление о задачах, которые он должен поставить перед специалистом и о профессиональной компетенции этого специалиста, зачастую привлекает в качестве специалистов случайных лиц, не имеющих необходимых компетенций и инструментального компьютерно-технического обеспечения для выявления, фиксации и изъятия цифровых следов. Его некомпетентность может привести к непоправимым изменениям криминалистически значимой компьютерной информации и утрате ею доказательственного значения.

Наилучшим выходом в этой ситуации является в настоящее время назначение судебной компьютерно-технической экспертизы, в ходе которой по цифровым следам будут установлены способы совершения преступления и определена компетенция преступников в области IT-технологий, возможное их местонахождение, число и другие важные обстоятельства дела². Эта информация дает возможность выдвинуть следственные версии, составить план расследования, принять обоснованные тактические решения³.

Что касается третьей самой неблагоприятной ситуации, когда становится известно (в том числе из источников оперативной информации) о неких противоправных проникновениях в компьютерные сети, возможно не только в России, но на территории других государств, причем очевидно, что в этом участвовали не отдельные лица, а организованные преступные сообщества, для решения вопроса о возбуждении уголовного дела могут привлекаться как специалисты в области защиты информации (предварительные исследования), так и в соответствии с ч. 1 ст. 144 и ч. 4 ст. 195 назначаться судебные компьютерно-технические экспертизы.

Трудности с выявлением цифровых следов, исследование которых позволяет перевести неблагоприятную следственную ситуацию в более благоприятное для расследования русло осложняются противодействием расследованию со стороны преступных групп и сообществ, а также пассивным противодействием выявлению и расследованию компьютерных преступлений оказываемым потерпевшей стороной.

Преступники оказывают противодействие выявлению изъятию компьютерной информации в виде цифровых следов путем шифрования компьютерных данных с помощью специализированного программного обеспечения либо создания возможностей быстрого уничтожения данных с использованием специальных программ

¹ Федеральный закон от 27.07.2006 № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» (с изм. и доп., вступ. в силу с 29.03.2019). СЗ РФ, 31.07.2006, № 31 (1 ч.). Ст. 3448.

² Россинская Е. Р. Дидактические проблемы в подготовке следователей в эпоху цифровизации // Юридическое образование и наука, № 7, 2020. С. 3–9.

³ Закатов А. А., Намняев А. А. Особенности первоначального этапа расследования хищений денежных средств, совершенных с использованием вредоносных компьютерных программ // Юридическая наука и практика: вестник Нижегородской академии МВД России, № 2 (40), 2017. С. 130–134.

или устройств. Для сокрытия следов несанкционированного доступа и вредоносной активности на компьютере пользователя применяются различные способы сокрытия вредоносной активности в системе. Перечислим некоторые способы шифрования.

Технология Bootkit применяется для сокрытия вредоносного кода от антивирусного программного обеспечения и получения максимальных привилегий в системе. Вредоносной программой модифицируется, например, главная загрузочная запись, которая считывается процессором еще до начала загрузки операционной системы, а вредоносный код в зашифрованном виде записывается в область дискового пространства, неиспользуемую операционной системой. При включении компьютера загрузчик загружает в оперативную память вредоносный код еще до старта операционной системы¹.

Набор программ Rootkit скрывают вредоносную активность в системе: сетевые подключения, процессы, файлы и т.д.

В процессе криптования исполняемый код вредоносной программы шифруется, а при обфускации приводится к виду, затрудняющему анализ и понимание алгоритмов его работы. Это осложняет выявление таких программ антивирусным программным обеспечением и их исследование специалистами и судебными экспертами.

Существенную роль в следственной ситуации отводится потерпевшей стороне. Информация о ней является безусловно криминалистически значимой, поскольку помогает полнее охарактеризовать личность преступника, его мотивы, точнее очертить круг лиц, среди которых его следует искать. Преступник обычно не случайно избирает потерпевшую сторону объектом своего посягательства. Пассивное противодействие некоторых потерпевших — собственников компьютерных системы и сетей, которые, зачастую неохотно сообщают (или вообще не сообщают) правоохранительным органам о противоправных действиях в сфере компьютерной информации, обусловлено следующими причинами:

мнением о некомпетентности сотрудников правоохранительных органов их неспособностью раскрыть преступление;

опасениями, что убытки от расследования превысят сумму причиненного ущерба, к тому же будет нанесен урон репутации фирмы;

боязни раскрытия в ходе следствия и судебного разбирательства системы безопасности организации;

боязни выявления собственных незаконных действий;

боязни должностных лиц, что одним из итогов расследования станут выводы об их профессиональной непригодности (некомпетентности);

правовой неграмотности, непонимания истинной ценности имеющейся информации.

На формирование следственной ситуации при выявлении цифровых следов влияют объективные и субъективные факторы. Основными объективными факторами являются:

собранная или отсутствующая на данный момент расследования криминалистически значимая компьютерная информация;

¹ Торичко Р. С., Клишина Н. Е. Некоторые вопросы совершенствования действующего законодательства, регламентирующего расследование киберпреступлений // Вестник экономической безопасности. 2018. № 3. С. 179–184 ; Matrosov A., Rodionov E., Bratus S. Rootkits and Bootkits: Reversing Modern Malware and Next Generation Threats. No Starch Press, 2015. P. 304.

способность компьютерных средств и систем к сохранению содержащихся в них цифровых следов;

инструментальное компьютерно-техническое обеспечение для выявления, фиксации и изъятия цифровых следов;

уровень взаимодействия следователя с IT-специалистами, обладающими необходимыми компетенциями, с экспертными организациями, где имеются эксперты судебной компьютерно-технической экспертизы.

К субъективным факторам, влияющим на следственную ситуацию относятся: психологическое состояние следователя или лица, производящего дознание, уровень их профессиональной подготовки, жизненный и профессиональный опыт, аналитические способности и т.п.;

поведение лиц (подозреваемого, обвиняемого, свидетеля, потерпевшего и др.), проходящих по уголовному делу, их содействие или противодействие расследованию.

Проблемы, связанные с последними, были рассмотрены выше.

Следует подчеркнуть, что для формирования новых инновационных профессиональных компетенций при подготовке следователя необходима интеграция юридических знаний и знаний в области IT-технологий. Для работы с новым видом следов — цифровыми следами следователю (дознавателю) необходимо изучение в рамках одной или нескольких дисциплин расширенного курса информатики, дополненного IT-технологиями и основами информационной безопасности, который даст хотя бы базовый уровень знаний для ориентации в цифровом пространстве. Иначе даже привлечение к производству следственного действия квалифицированного специалиста не сделает следственную ситуацию более благоприятной из-за непонимания следователем сути происходящих процессов. А протокол следственного действия может не отражать реальной картины и стать неинформативным.

Рядовский И. А.,

*заместитель руководителя юридического
департамента — руководитель отдела
расследования компьютерных инцидентов
АО «Лаборатория Касперского»*

ТЕХНОЛОГИЯ И ТАКТИКА СЛЕДСТВЕННОГО ОСМОТРА ПО ДЕЛАМ О КОМПЬЮТЕРНЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЯХ¹

Следственный осмотр — наиболее распространенное и значимое невербальное следственное действие для расследования преступлений любой направленности. Не являются исключением и компьютерные преступления. Отметим, что в контексте работы данный термин применяется в криминалистическом аспекте и связан со способом совершения и сокрытия преступления².

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-29-16003.

² Россинская Е. Р., Шамаев Г. П. Криминалистическое исследование компьютерных средств и систем как новый раздел криминалистической техники // Материалы международной научно-практической конференции. Байкальский государственный университет, 2014. С. 317–325.

В этом смысле к компьютерным отнесем преступления, совершенные с применением информационно-коммуникационных технологий, то есть с использованием средств, предназначенных для обработки, хранения и передачи цифровых данных.

Надо отметить все возрастающее многообразие объектов, предназначенных для поддержания процессов обработки компьютерных данных, что является следствием развития информационно-коммуникационных технологий и цифровизации всех сторон жизнедеятельности человека, общества и государства. Персональные компьютеры, ноутбуки, планшеты, умные часы, смарт-браслеты, смартфоны, серверы различных типов и видов, в том числе распределенные системы, построенные по принципу «облачных» технологий, бытовые умные устройства — так называемый интернет вещей (IoT), маршрутизаторы, устройства беспородного доступа... Список может быть очень длинным. Но объединяет все эти устройство то, что все они предназначены для работы с цифровыми данными.

Непосредственно цифровые данные, представленные в двоичной системе счисления, обрабатываемые процессорами компьютерных устройств и интерпретируемые с помощью различного программного обеспечения, недоступны для органов чувств, следовательно, в процессе их собирания следователь практически не использует чувственную форму познания. Информационная составляющая компьютерных данных становится доступной следователю только с помощью прикладного программного обеспечения, средств ее вывода и специальных криминалистических систем, предназначенных для их поиска и обработки.

При этом осмотр и предварительное исследование средств вычислительной техники, обнаруженных на места происшествия либо в ходе обыска; информации, хранящейся на удаленных вычислительных ресурсах, в том числе построенных по принципу «облачных» технологий; цифровых данных, передающихся по компьютерным сетям значительно расширяют возможности собирания информации, имеющей значение для любого уголовного дела. Еще более значимым это является по делам о преступлениях в сфере компьютерной информации, поскольку позволяет непосредственно получить данные о способах и механизме преступления, обнаружить, зафиксировать и изъять методом консервирования на электронном носителе информации цифровые следы преступления, выявить иные обстоятельства происшествия.

Однако с учетом того, что следователь не в состоянии непосредственно воспринимать цифровые объекты, обрабатываемые компьютерными системами, и связи между ними, при проведении следственных осмотров по делам о компьютерных преступлениях многократно возрастает роль специалиста и, соответственно, предъявляемые к нему требования¹.

Это тем более важно, потому что большинство преступлений в сфере компьютерной совершается в условиях неочевидности, когда потерпевший сталкивается с наступившими в результате совершенного деяния негативными последствиями, например с утечкой конфиденциальной информации либо с несанкционированным списанием денежных средств со своего банковского счета, но ни способ, ни механизм преступления, ни тем более преступник неизвестны.

В этом случае формальный подход к следственному осмотру может повлечь безвозвратную утрату информации, имеющей доказательственное значение.

¹ Рядовский И. А. Компетенции специалиста по работе с цифровыми следами при производстве следственных действий // Законы России. Опыт. Анализ. Практика, № 9, 2020. С. 94–100.

Это обусловлено в первую очередь таким свойством цифровых данных, как высокая скорость модификации в вычислительных системах, а также наличием различных средств и возможностей уничтожения данных с целью сокрытия следов преступления.

При этом приходится с сожалением констатировать, что в отсутствие у следователя хотя бы базовых знаний в области компьютерных и сетевых технологий одних специальных знаний специалиста недостаточно. Специалист для выполнения возложенных на него законом обязанностей должен обладать навыками просветительской работы и некоторыми педагогическими талантами, чтобы в условиях напряженной, зачастую стрессовой работы, когда велик риск утраты цифровых доказательств, давать развернутые пояснения следователю не только о применяемых им методах и технологиях по поиску и собиранию цифровых следов преступления, а также об общих принципах построения и функционирования вычислительных систем, что вследствие рассредоточения внимания, конечно, влияет на эффективность осмотра и повышает риск совершения необязательной ошибки.

Наиболее остро эта проблема проявляется в ходе осмотра работающей компьютерной системы, особенно локальной компьютерной сети, элементы которой могут быть размещены не только в разных помещениях, но и разнесены по различным географическим регионам, если для построения сети используется технология VPN (от англ. Virtual Private Network — виртуальная частная сеть). Оставив за рамками настоящей работы процессуальные вопросы, что в таком случае считать местом осмотра, отметим очевидный факт, — границы места осмотра виртуально раздвигаются, предоставляя больше возможностей для поиска значимой для дела информации, но одновременно значительно усложняя работу специалиста¹.

Аналогичная ситуация может возникнуть на месте происшествия, если обнаруженные при его осмотре средства вычислительной техники будут подключены к удаленным хранилищам информации, в том числе к «облачным». Либо в ходе осмотра помещения провайдера хостинговых услуг, предоставляющего в аренду вычислительные мощности, серверы которого физически размещены в центрах обработки данных (ЦОД) в различных регионах страны.

Отдельно необходимо отметить, что в ходе обысков по делам о компьютерных преступлениях (но не только) нередко возникает необходимость в осмотре средств вычислительной техники и, соответственно, в предварительном исследовании информационных объектов. Несмотря на то что основными целями обыска являются отыскание и изъятие предметов и документов, которые могут иметь значение по делу, изъятие без предварительного исследования компьютеров или мобильных устройств, с которых, например, осуществлялся неправомерный доступ к компьютерной информации потерпевшего, либо электронных носителей информации, на которых сохранены вредоносные программы, с применением которых был совершен такой доступ, или любые иные значимые данные, может повлечь утрату доказательств. Дело в том, что современные средства вычислительной техники (ноутбуки, планшеты, мобильные смартфоны и др.) снабжены средствами защиты пользовательской информации,

¹ Eoghan Casey. Digital Evidence and Computer Crime: Forensic Science, Computers, and the Internet. Academic Press, 2011. С. 227.

интегрированными производителями в свои продукты на программном или аппаратном уровнях. Кроме того, преступники дополнительно предпринимают меры к сокрытию следов преступления, устанавливая на используемое ими компьютерное оборудование программы для шифрования и уничтожения данных. Одним из эффективных способов избежать утраты значимых для расследования сведений является осмотр работающих средств вычислительной техники, когда доступ к сохраненной на них информации не ограничен. В этом случае специалисту необходимо либо скопировать данные, относящиеся к делу, на отдельный накопитель информации либо обеспечить возможность повторного включения компьютерной техники без утраты хранящейся информации.

Основной криминалистический принцип, который должен соблюдаться при исследовании в ходе следственных осмотров компьютерной техники и электронных носителей информации, — сохранение в неизменном виде хранящихся на них цифровых данных. При невозможности следования этому правилу, например при необходимости осмотреть работающую систему, действия по манипуляции с данными должны быть строго выверены и отображены в протоколе. В иных случаях исследование информационных объектов производится посредством осмотра их копий, созданных с использованием специального криминалистических средств — копировщиков и блокираторов, исключающих возможность внесения изменений в компьютерную информацию, хранящуюся на изъятых компьютерах и носителях¹.

Еще один криминалистический принцип при работе с цифровыми следами, о котором вскользь упомянуто выше, четкое и полное отражение в протоколе манипуляций, производимых как с осматриваемыми физическими объектами (средствами вычислительной техники, электронными носителями информации), так и непосредственно с объектами информационными. Так, при случайном включении мобильного телефона данный факт регистрируется в журнале событий операционной системы устройства. Для обычного пользователя эта информация недоступна, однако при углубленном исследовании устройства с использованием специальных криминалистических средств данное событие будет выявлено и, в случае если оно не было отражено в протоколе, может рассматриваться как несанкционированный доступ к компьютерной информации, что, свою очередь, может повлечь признание результатов последующих осмотров данной техники и проведенных судебных экспертиз недопустимыми доказательствами.

К основным криминалистическим принципам, которые следует соблюдать в ходе следственных осмотров средств вычислительной техники, относится также обязательное участие специалиста. Необходимо отметить, что реализация данного правила в уголовном процессуальном законе носит половинчатый характер. Часть 2 статьи 164-1 УПК РФ предусмотрено обязательное участие специалиста в следственных действиях, в ходе которых производится изъятие электронных носителей информации. С одной стороны, надо признать, что обнаруживаемые в ходе следственных осмотров цифровые данные, которые содержат значимые для расследования сведения, изымаются либо непосредственно на компьютерных устройствах и электронных носителях, на которых

¹ Чекунов И. Г., Голованов С. Ю. [и др.] Методические рекомендации по расследованию преступлений в сфере компьютерной информации : учеб. пособие, 2-е изд. / под ред. И. Г. Чекунова. М. : Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, 2019. С. 94.

они и были обнаружены, либо путем их копирования на электронный носитель, специально подготовленный для этих целей. В протоколе будет зафиксировано изъятие электронного носителя информации, что подразумевает участие в следственном осмотре специалиста, а значит, будет обеспечена профессиональная работа с цифровыми следами.

С другой стороны, в ходе следственного осмотра работающих вычислительных систем, в том числе компьютерных сетей, могут быть установлены негативные обстоятельства, например в виде отсутствия определенных файлов либо событий операционной системы, что не потребует копирования данных и, соответственно, не приведет к изъятию электронного носителя информации. При этом очевидно, что качественно осмотреть работающую компьютерную систему без участия специалиста невозможно. В чем же тогда смысл обязательного участия специалиста при изъятии электронных носителей информации? Чем такая ситуация принципиально отличается от аналогичных ситуаций, не связанных с поиском цифровых следов и осмотром компьютерных систем, но требующих использования специальных знаний из других областей науки? Представляется, что в текущей редакции положения части 2 статьи 164-1 УПК РФ наделяют специалиста несвойственной ему функцией — не только оказать содействие следователю в обнаружении, закреплении и изъятии предметов и документов, применении технических средств в исследовании материалов уголовного дела, а еще при наличии ходатайства владельца информации безопасно произвести копирование данных с изымаемых у него электронных носителей.

Вместе с тем, несмотря на то, что следы компьютерного преступления вследствие способа его совершения представлены в своей основе в виде цифровых данных, в ходе осмотра места происшествия нельзя сосредотачиваться исключительно на средствах вычислительной техники, игнорируя иные предметы и документы, которые могут нести в себе информацию о преступлении. Так, исходный код вредоносной программы может быть обнаружен в распечатанном либо даже рукописном виде, как и записи, подтверждающие неправомерный доступ к компьютерным системам, пароли к заблокированным компьютерным устройствам, реквизиты доступа к «облачным» сервисам, схемы сетевой инфраструктуры, используемой при совершении преступлений и т.п.¹

Расследуя неправомерный доступ к корпоративной компьютерной системе, как одну из версий следует рассматривать возможную причастность к преступлению сотрудника потерпевшей организации, а значит, может потребоваться осмотр и изъятие записей с видеокамер наблюдения, исследование помещения, где размещены автоматизированные рабочие места, на предмет выявления признаков несанкционированного проникновения, поиск следов рук, оставленных сотрудниками, которым запрещен проход в осматриваемое помещение. Помимо этого, для исследования механизма совершения преступления и установления иных обстоятельств необходимо исследовать и изъять документы, регламентирующие в компании процессы в сферах информационной безопасности и информационных технологий: правила разграничения доступа, политики информационной безопасности, инструкции по организации парольной защиты и т.д.

¹ Аверьянова Т. В., Белкин Р. С., Корухов Ю. Г., Россинская Е. Р. Криминалистика : учебник для вузов. Изд. 3 переработанное и доп./ Т. В. Аверьянова, Р. С. Белкин, Ю. Г. Корухов, Е. Р. Россинская. М., 2012. С. 909.

Очевидно, что следственные осмотры по делам о компьютерных преступлениях требуют существенной предварительной подготовки, выражающейся в тактическом плане — в проведении обязательных подготовительных мероприятий, планировании следственного действия, прогнозировании различных проблемных следственных ситуаций и путей их разрешения, а в стратегическом — в должной подготовке следователей и специалистов к работе с компьютерными системами и цифровыми следами, в изучении и владении методиками раскрытия и расследования компьютерных преступлений и в постоянном профессиональном совершенствовании.

Саркисян А. А.,

*аспирант кафедры судебных экспертиз
Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)*

ПРОТОКОЛ РАБОТЫ С ЦИФРОВЫМИ СЛЕДАМИ

Достаточно очевидно, что процесс протоколирования значительно распространен в юридической сфере. Протоколы следственных действий, протоколы судебных заседаний и т.д. — это стандартная и самая удобная форма фиксации происходящего в действительности. Однако в рамках судебных экспертиз протоколирование не является чем-то постоянным, поскольку формой отображения процесса экспертного исследования по сути является заключение эксперта.

Протоколы в рамках судебно-экспертной деятельности можно рассмотреть с двух позиций. В первую очередь протоколом можно назвать стандартную форму, которая заполняется при производстве исследования. Подобные протоколы при производстве исследования предусмотрены для различных видов экспертиз. Например, в рамках судебно-медицинской экспертизы эта форма фиксации выражена посредством учетных форм № 106/у-08 «Медицинское свидетельство о смерти» и № 106-2/у-08 «Медицинское свидетельство о перинатальной смерти»¹. Заполнение этих форм обязательно при производстве соответствующих исследований с последующим включением их в заключение эксперта. Стоит также отметить этограммы — протоколы поведения животных при производстве ольфакторных экспертиз с целью регистрации действий животных. По своей сути подобные протоколы являются видом протоколов научных исследований и переходят в судебные экспертизы из материнских наук.

Протокол можно воспринимать так же как систематически разработанный план исследования, лечения или поведения. Протоколы значительно упрощают производство исследований, поскольку в них дается конкретный разработанный план действий, упрощающий дилемму выбора методов и средств. Протоколы критикуются с позиции того, что мышление исследователя сужается, выключается творческий компонент, а также протоколы как правило создаются исключительно для самых распространенных ситуаций.

¹ Приказ Министерства здравоохранения и социального развития РФ от 26 декабря 2008 г. № 782н «Об утверждении и порядке ведения медицинской документации, удостоверяющей случаи рождения и смерти» (с изменениями и дополнениями) // Доступ из инф.-правового портала «Гарант.Ру». URL: <http://base.garant.ru/12164697/> (дата обращения: 30.03.2021).

Если рассматривать протокол с этой позиции исключительно в рамках судебно-экспертных исследований, возникает вопрос, в чем же состоит разница между протоколом и методикой. По своей сути можно допустить, что это одно и то же, поскольку в основе протоколов всегда лежат методические рекомендации поведения в конкретных ситуациях. Однако можно рассматривать протокол как сжатую форму методики. Поскольку не для всех видов и родов судебных экспертиз существуют апробированные и утвержденные методики, можно в качестве временной меры разработать протоколы для отдельных действий, совершаемых экспертом при производстве судебной экспертизы.

При этом основным отличием протокола от полноценной методики будет являться отсутствие творческого компонента, поскольку протоколы содержат строгое последовательное описание действий. Методики же, в свою очередь, возможно модифицировать, изменять в рамках допустимого, для решения задач экспертизы.

Стоит подумать, требуется ли при производстве судебных экспертиз введение протокола работы с цифровыми следами. Неоднократно обсуждалось, что цифровые следы начали появляться не только в рамках компьютерно-технических экспертиз¹². Эксперты разных специальностей активно сталкиваются с цифровыми следами, для работы с которыми нужны определенные специальные знания. Привлекать экспертов и специалистов компьютерно-технического профиля приходится все чаще. Некоторые эксперты считают, что у них хватает специальных знаний для работы с цифровыми следами, по сути, они считают, что часть этих специальных знаний уже переходит в разряд общеизвестных. Определенные действия с цифровыми следами действительно достаточно просты для изучения. Иногда эксперту необходимо совершить именно такие операции при производстве экспертизы.

Возможно, что для экспертов, обладающих соответствующими специальными знаниями, но не обладающих образованием в области компьютерно-технических экспертиз, вопрос компетентности можно было бы в качестве крайней меры компенсировать наличием протокола работы с цифровыми следами. Во-первых, достаточно сложно ошибиться, если следовать конкретным рекомендациям. Во-вторых, протокол будет предусмотрен только для конкретных и весьма простых действий с цифровыми следами, например работы с флеш-накопителями.

Разработка отдельных протоколов на основе существующих методических рекомендаций значительно быстрее и проще получения образования в области компьютерно-технических экспертиз. Естественно, что речь не идет о том, чтобы заменить экспертов компьютерно-технического профиля или позволить экспертам всех специальностей вольно обращаться с цифровыми следами, что в целом не позволительно с точки зрения методологии и этики³. Предложение

¹ Россинская Е.Р. Проблемы использования специальных знаний в судебном исследовании компьютерных преступлений в условиях цифровизации // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2019. № 5 (57). С. 35. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/problemy-ispolzovaniya-spetsialnyh-znaniy-v-sudebnom-issledovanii-kompyuternyh-prestupleniy-v-usloviyah-tsifrovizatsii> (дата обращения: 29.05.2021).

² Семикаленова А. И. Цифровые следы: назначение и производство экспертиз // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2019. № 5 (57). С. 117–120. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tsifrovyye-sledy-naznachenie-i-proizvodstvo-ekspertiz> (дата обращения: 29.05.2021).

³ Мыскина К. М. Проблемы правовой регламентации судебно-экспертной этики // «Законы России: опыт, анализ, практика», № 3, 2021. С. 38–41.

рассчитано исключительно как временная мера для компенсации нехватки экспертов компьютерно-технического профиля, а также как возможность для экспертов различных профилей, обладающих специальными знаниями для простых операций с цифровыми следами, но не имеющими образование в области компьютерно-технических экспертиз, проводить исследование самостоятельно. Например, эксперты-фоноскописты при исследовании синтеза речи¹.

Если взять в качестве примера для рассмотрения разработанный Интерполом *Global guidelines for digital forensics laboratories*², то можно обнаружить, что он включает в себя последовательные инструкции, блок-схемы по проведению различных операций с цифровыми следами, завершая это перечислением требований к оформлению заключения эксперта. Подобные инструкции, регламенты и протоколы в разнообразных формах создаются различными ведомствами именно с целью предупреждения возможных ошибок со стороны исследователя.

В целом сложно не согласиться с позицией, что эксперты не должны самостоятельно работать с цифровыми следами, поскольку это может вызвать повреждение информации, хранящейся в них. Однако отсутствие необходимого количества сведущих лиц при одновременном увеличении спроса может привести нас к череде различных проблем³. Одним из возможных средств временной компенсации нехватки кадров можно считать протоколы, которые должны разрабатываться и приниматься экспертным сообществом совместно, в противном случае это может лишь усугубить проблему.

Признание существования процесса цифровизации судебно-экспертной деятельности подразумевает готовность экспертного сообщества действовать в новых и экспериментальных направлениях с целью разрешения актуальных проблем.

Семикаленова А. И.,

*доцент кафедры судебных экспертиз
Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА),
кандидат юридических наук*

ТАКТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ СБОРА ДОКАЗАТЕЛЬСТВЕННОГО МАТЕРИАЛА ПО ГРАЖДАНСКИМ И АРБИТРАЖНЫМ ДЕЛАМ, СВЯЗАННЫМ С ЦИФРОВЫМИ ТЕХНОЛОГИЯМИ⁴

Современное развитие информационно компьютерных технологий и их стремительное внедрение во все сферы человеческой жизни повлекло за собой разработку специализированного программного обеспечения, предназначенного для решения конкретных задач конкретных заказчиков. В свою очередь,

¹ Бодров Н. Ф., Лебедева А. К. Перспективы судебно-экспертного исследования синтезированной звучащей речи // «Законы России: опыт, анализ, практика», № 3, 2021. С. 9–13.

² *Global guidelines for digital forensics laboratories* // INTERPOL Global Complex for Innovation, 2019. P. 79.

³ Саркисян А. А. Сертификация судебных экспертов в условиях цифровизации // «Законы России: опыт, анализ, практика», № 3, 2021. С. 66.

⁴ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-29-16003.

такая разработка требует заключения соответствующих договоров и подписания дополнительных соглашений. Сегодня уже не редкостью становятся обращения в суды о недобросовестном исполнении таких договоров сторонами. Такими сторонам могут являться как заказчики программного обеспечения, так и исполнители. Важным вопросом в решении подобных споров является правильный сбор доказательственного материала. Попробуем осветить несколько тактических приемов при сборе материалов для предоставления в суд.

Первый вопрос и, на наш взгляд, очень важный это работа непосредственно перед заключением договора. К сожалению, по нашему опыту и опыту коллег, которые проводят экспертизы на соответствие выпитленных работ техническому заданию, мало кто уделяет должное внимание подготовки начальной документации еще до заключения контракта. Это является серьезным упущением в случае дальнейшей подготовки к судебному разбирательству. Наиболее частой ошибкой становится предоставление написания технического задания (ТЗ) непосредственно стороне исполнителя. В этом случае теряется инициатива выставления требований по функциональному наполнению программного продукта и требований к совместимости с другими информационно-программными системами заказчика. Чаще всего это в дальнейшем приводит к невозможности подписания акта приёмосдаточных работ поскольку заказчик опирается на свое видение функционала, а разработчик обрабатывает строго по ТЗ. Наилучшим решением такой проблемы со стороны заказчика является привлечение для работы над техническим заданием своего специалиста, который в дальнейшем будет администрировать информационный продукт. Важно, чтобы данный специалист не только разбирался в компьютерных технологиях, но и уже к моменту начала разработки был знаком с особенностями компьютеризируемой области и работой всей организации в целом. При таком подходе в дальнейшем не придется спорить с разработчиком о особенностях работы каждой позиции ТЗ и о понимании того, что эта позиция должна выполнять и как. Документация, разработанная таким образом, в дальнейшем будет являться неоспоримым доказательством в споре. И каждая из сторон сможет требовать исполнения понятного и принятого ей техзадания ожидая от другой стороны его неукоснительного исполнения или невнесения дополнительных правил.

Однако разработка информационно-программного продукта практически всегда является достаточно длительным процессом, на протяжении которого часто вносятся коррективы в изначально подписанное техническое задание. В таких случаях максимально продуктивным, с точки зрения дальнейшего сбора доказательств, будет ведение электронной переписки с корпоративной почтой и ее обязательное сохранение в архивных копиях. Это касается не только вложений, вносимых в электронные письма, но и самих писем, и хронологии всей переписки в целом. Подобный подход в дальнейшем позволит убрать вопросы, связанные с увеличением функционала программы, убрать споры по виду экранных и печатных форм, отчетным материалам. Считаем необходимым сконцентрировать внимание на том, что создание архивных копий должно сохранять время получения письма и электронный адрес и IP-адрес отправителя. В случае невозможности создания отдельных архивных копий, желательно не удалять данную переписку из ящика, а для дальнейшего удобства работы с ней создать в электронном почтовом ящике отдельную папку.

В процессе своего создания программный продукт проходит несколько стадий первой из которых является обследование предметной области, иными словами — выяснение разработчиком особенностей функционирования той области производ-

ственного процесса организации, которую ему предстоит автоматизировать. На данном этапе определяются задачи, которые лягут в основу технического задания. Для того чтобы в дальнейшем избежать недопонимания и подстраховаться на случай судебного разбирательства оптимально, на наш взгляд, идя в соответствии с теорией автоматизации производственных процессов, создание отчета об следовании. Данный документ позволит на ранней стадии проектирования обсудить все особенности работы организации разработчику понять, что от него ожидает заказчик, а заказчик на основе данного отчета сможет убедиться, что учтены все требования, предъявляемые к каждой операции. Важным моментом на наш взгляд является обязательное представление на рассматриваемой стадии всех имеющихся у заказчика отчетных и печатных форм, выполненных в соответствии с требованиями, предъявляемыми в организации автоматизации; предоставление всех собираемых статистических данных, всех алгоритмов расчетов и последовательностей выполнения операций. Подготовка и подписание такого документа позволит в случае разбирательства в суде сторонам однозначно доказать отсутствие недопонимания на стадии подготовки проекта и доказывания однозначного взаимного понимания процессов, подлежащих автоматизации.

Еще одним немаловажным этапом при обследовании предметной области является выяснение разработчиком имеющихся на предприятии автоматизации компьютерных средств и систем с которыми будущему программному продукту придётся взаимодействовать или на которых — функционировать. В таком случае для избегания последующих возможных конфликтах ситуаций в суде, на наш взгляд, в состав итогового отчета обследования необходимо внести схемы и таблицы, отражающие работу уже имеющихся мощностей, передающих информацию будущей системе и зафиксировать требования, возлагаемые на нее имеющимся компьютерным оборудованием, на котором она будет работать. Помимо этого, мы считаем, что в данном документе должны быть зафиксированы все нормативные акты, которые должна учитывать автоматизированная система в процессе своей работы, что решит проблему соблюдения законодательства при разработке, использовании и модернизации программного продукта. При этом данная часть создаст возможность требовать их выполнения.

Следующим этапом разработки программного продукта является создание эскизного проекта. Мы считаем, что на данной стадии осуществляется закладка очень доказательственнзначимых материалов. Это на наш взгляд связано с тем, что именно на этой стадии закладываются основы того, как будет выглядеть и функционировать разрабатываемая система. Однако приходится отмечать, что несмотря на то, что основы создания информационно-программных продуктов были заложены еще в конце 70-х годов прошлого века целой группой ГОСТ 19.xxx «Единой системой программной документации», сегодня данный этап практически не выполняется на должном уровне и это напрасно. Сегодня его результаты практически не фиксируются, хотя в соответствии с ГОСТ 19.102-77 итогом является пояснительная записка, в состав которой должны входить описание общего алгоритма работы системы, представление внешнего вида экранных форм, формат входных и выходных данных. Согласование и подписание данного документа могло бы снять много вопросов при рассмотрении гражданского или арбитражного дела, связанного с созданием программных продуктов в суде, которые в большинстве случаев бывают связаны с именно с этими вопросами и не соблюдением договоренностей сторонами. Как не прискорбно это утверждать, но сегодня его заменили длительные электронные

переписки между сторонами. О необходимости и способе фиксации подобного процесса мы уже упоминали в данной статье. Еще одним способом утверждения функциональной работы программы является сегодня частое интервьюирование сотрудников организации, выполняющих различные функции в процессе которых происходит согласование на разных уровнях работы программы. Однако подобное согласование чаще всего не оставляет после себя никаких документальных свидетельств и единственно верным решением, доказывающим этот процесс, будет является фиксация взаимодействия представителей заказчика и исполнителя путем регистрация такого взаимодействия на пропускном пункте. По нашему мнению, при подобном способе общения сторон при разработке, представлении в суд регистрационных книг и распечаток с пунктов автоматической проверки посещений в совокупности со свидетельскими показаниями сотрудников организаций не является оптимальным способом доказывания, хотя и может привести к желаемому результату при оспаривании функционала программы.

В данной статье мы постарались рассмотреть некоторые из тактических рекомендаций при сборе доказательственной информации по гражданским и арбитражным делам, связанным с цифровыми технологиями. В завершении хотелось бы отметить, что соблюдение серии ГОСТ 19.ххх 70–90 х. годов «Единая система программной документации...» и серии ГОСТ Р ИСО/МЭК «Информационные технологии...» значительно упростило бы доказывание по данной группе дел. К сожалению, их использование сегодня в соответствии с Федеральным законом от 27.12.2002 № 184-ФЗ (ред. от 28.11.2018) «О техническом регулировании» носит только рекомендательный характер. По нашему мнению, их необходимо вернуть в состояние обязательное для исполнения, что заметно бы сократило число дел в судах. В этих случаях вопросы решались бы на досудебной стадии или же в судах занимали бы значительно меньше времени, поскольку спорные вопросы можно было бы решать без назначения длительных судебных экспертиз, путем только анализа документации.

Чернявская М. С.,

*ассистент кафедры судебных экспертиз
Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)*

УЧАСТИЕ НЕГОСУДАРСТВЕННЫХ СУДЕБНО-ЭКСПЕРТНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ В ИССЛЕДОВАНИИ ЦИФРОВЫХ СЛЕДОВ

Развитие цифровизации всего общества привело к тому, что на данный момент цифровые технологии в судебно-экспертной деятельности рассматриваются не только в качестве инструмента для проведения исследований, но и сами являются объектами такого исследования. Особое значение приобретают цифровые следы — криминалистически значимая компьютерная информация о событиях или действиях, отраженная в материальной среде, в процессе ее возникновения, обработки, хранения и передачи¹. Главная проблема в их исследовании

¹ Россинская Е. Р. Проблемы использования специальных знаний в судебном исследовании компьютерных преступлений в условиях цифровизации // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2019. № 5. С. 35.

заключается в том, что компьютерная информация характеризуется высокой скоростью трансформации, по своей природе электронные цифровые данные легко уничтожить и модифицировать¹.

В связи с этим становится особенно важна подготовка специалиста, осуществляющего выявление, изъятие и фиксацию цифровых следов. Это касается и справочно-консультационной деятельности специалиста, и непосредственно оказания им технической помощи. Необходимость использования специальных знаний в случае работы с цифровыми технологиями следует из того, что в соответствии с ч. 2 ст. 164.1 УПК РФ изъятие электронных носителей информации производится с участием специалиста. Однако, как отмечает не всегда легко определить нужную квалификацию специалиста. В связи с этим Е. Р. Россинской предложена дорожная карта, предусматривающая меры, направленные на совершенствование работы специалиста в рамках действий, связанных с цифровыми следами, а именно:

разработку квалификационных требований к специалистам, программ их переподготовки и повышения квалификации;

создание и утверждение перечня необходимых, сертифицированных аппаратных и программных средств информационно-компьютерного обеспечения производства следственных действий;

создание доступных для следователей и дознавателей реестров специалистов, обладающих необходимыми компетенциями².

Здесь сто́ит дополнительно отметить последний пункт, т.к. УПК указывает на привлечение специалиста, которым в соответствии со ст. 58 УПК специалист — это любое лицо, обладающее специальными знаниями, привлекаемое к участию в процессуальных действиях. Следовательно, это может быть и лицо, не являющееся работником ГСЭУ, т.е. могут приглашаться и сотрудники негосударственных СЭО. Однако на данный момент частные эксперты или сотрудники негосударственных СЭО демонстрируют отсутствие у них необходимой подготовки в части понимания специфики судопроизводства³.

Отсутствие необходимой подготовки у сотрудников негосударственных СЭО осложняет вопрос создания цифровых баз данных. Электронные базы данных могли бы свободно распространяться между всеми СЭО, что облегчало бы и их ведение, и развитие, а также укрепляло бы сотрудничество в области судебно-экспертной деятельности⁴. Но на данный момент они в принципе являются разобщенными даже в рамках системы ГСЭУ, и у негосударственных СЭО также нет к ним доступа, поэтому они создают свои собственные и используют при проведении порученных им исследований, притом что допустимость подобного вызывает сомнения, поскольку достоверность и надежность таких баз ничем не подтверждена ввиду

¹ Россинская Е. Р., Рядовский И. А. Концепция цифровых следов в криминалистике // Аубакировские чтения : материалы Международной научно-практической конференции (19 февраля 2019 г.). Алматы, 2019. С. 8.

² Россинская Е. Р. Проблемы использования специальных знаний в судебном исследовании компьютерных преступлений в условиях цифровизации // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2019. № 5. С. 36.

³ Там же. С. 39.

⁴ Россинская Е. Р. Учение о цифровизации судебно-экспертной деятельности и проблемы судебно-экспертной дидактики // Правовое государство: теория и практика. 2020. № 4-1 (62). С. 96.

отсутствия правил их создания, ведения и использования¹. Кроме того, предоставить доступ негосударственным СЭО к общим базам данных в настоящий момент было бы преждевременно ввиду их, указанной выше, неподготовленности к участию в судопроизводстве. Поэтому данным вопрос требует предварительной выработки требований к негосударственным судебным экспертам.

Работа с базами данных, в которых могут содержаться личные сведения, и деятельность в правовой сфере ставит вопрос о нравственности эксперта. На данный момент вопрос о создании специального этического кодекса для судебных экспертов достаточно активно обсуждается². В литературе встречается позиция, где подчеркивается связь этики эксперта с правовой регламентацией его работы. Проблема заключается в рассмотрении таких неотделимых этических категорий в осуществлении деятельности эксперта, работающего в негосударственном учреждении или организации, как свобода, долг, совесть, влияющих на объективность эксперта и независимость от внешних влияний, обстоятельств, в том числе материалов дела³.

Разрешение данных вопросов требует принятия ряда мер. Во-первых, необходимо ужесточение требований к компетенции судебных экспертов. Здесь следует говорить о сертификации судебных экспертов. В рамках действующего законодательства, а также, исходя из положений проекта федерального закона «О судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации» сертификация судебных экспертов предполагается добровольной⁴. Представляется, что в таком случае необходимо использовать критерий приоритетного поручения проведения судебной экспертизы лицам, прошедшим сертификацию, по аналогии с порядком, предусмотренным в республике Казахстан⁵. Это позволит стимулировать прохождение сертификации лицами, обладающими специальными знаниями. Во-вторых, необходимо определить каким образом должна проходить такая сертификация. В настоящее время субъекты ее проведения в целом не ограничены, а также нет единых требований для ее прохождения. Представляется, что необходимо создание утвержденного порядка прохождения сертификации, в том числе определения органа, который может ее проводить. Это сделает сертификацию действенным способом подтверждения и проверки компетентности экспертов, а также сделает сопоставимым уровень подготовки государственных и

¹ Россинская Е. Р. Цифровизация справочно-информационных фондов криминалистического и судебно-экспертного назначения как часть учения о цифровизации криминалистической регистрации // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2020. № 6. С. 28.

² См.: Аминев Ф. Г. О профессиональной этике судебного эксперта в Российской Федерации // *Vaikal research journal*. 2016. № 6. С. 19 ; Колесникова Н. С. Основные начала профессиональной этики в судебно-экспертной деятельности // *Актуальные проблемы российского права*. 2018. № 5 (90). С. 41.

³ Профессиональная этика юриста : учебник для академического бакалавриата / И. Н. Сороко-тягин, А. Г. Маслеев. 2-е изд., перераб. и доп. М. : Юрайт, 2015. С. 240.

⁴ Федеральный закон «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации» от 31.05.2001 № 73-ФЗ (принят ГД ФС РФ 05.04.2001) (действующая редакция). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс»; Проект федерального закона «О судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации» (подготовлен Минюстом России) (текст законопроекта, принятый в первом чтении). URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/306504-6> (дата обращения: 18.03.2021).

⁵ Закон Республики Казахстан от 10 февраля 2017 года № 44-VI ЗРК «О судебно-экспертной деятельности». URL: <http://adilet.zan.kz/rus/docs/Z1700000044> (дата обращения: 10.03.2021).

негосударственных судебных экспертов. Идеи создания такого органа в различных вариантах выдвигаются достаточно давно и многими авторами¹, однако на данный момент можно увидеть определенный потенциал реализации этой идеи при помощи Правительственной комиссии координации судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации², на основе которой может быть создана централизованная система органов по проведению сертификации судебных экспертов. В-третьих, необходимо выдвинуть требования и к негосударственным судебно-экспертным организациям. В числе этих требований, на наш взгляд, должны быть численность штатных сертифицированных экспертов (не менее двух), наличие оборудованных мест хранения объектов, поступивших на исследование, а также материально-технического обеспечения исследований, на которых специализируются штатные эксперты. В-четвертых, необходимо разработать пакет документов, в том числе в виде инструкций, которые регулировали бы внутренний порядок работы судебно-экспертных организаций. Эти инструкции должны касаться порядка работы с объектами, организации комиссий экспертов, а также обеспечения информационной безопасности. Последнее касается и работы с базами данных в части получения к ним доступа и лишения такого доступа, распространения данных, которые в них содержатся, возможность выноса объектов из помещения организации, копирования информации и т.д. Отдельная инструкция должна касаться ведения этих баз данных: какие объекты в них вносятся, какие признаки и сведения необходимо учитывать, в течение какого срока необходимо осуществить такие действия.

Осуществление всех вышеуказанных мер требует значительной предварительной работы и обсуждения в рамках судебно-экспертного сообщества. Как показывает история обсуждения проекта ФЗ СЭД данный процесс может быть длительным, в том числе из-за неизбежно возникающих дискуссий. В связи с этим необходимо принимать решения поступательно. Наименее дискуссионным вопросом является введение процедуры сертификации и необходимость проведения ее независимым органом. В настоящее время наиболее авторитетными системами сертификации можно назвать Союзом «Палата судебных экспертов имени Ю. Г. Корухова (СУДЭКС)» и РФЦСЭ при Министерстве Юстиции Российской Федерации³. Объединение представителей этих двух организаций может стать основой для создания комиссий по сертификации судебных экспертов. При этом

¹ См.: Зайцева Е. А. Об Оптимизации регулирования судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации // Известия Иркутской государственной экономической академии (Байкальский государственный университет экономики и права). 2014. № 6. С. 90 ; Аминев Ф. Г. Судебно-экспертная деятельность в Российской Федерации: современные проблемы и пути их решения : дис. ... д-ра юрид. наук. Ростов н/Д, 2016. С. 224 ; Смирнова А. С. Кокин А. В. Концепция межведомственного центра дополнительного профессионального образования судебных экспертов // Теория и практика судебной экспертизы Т. 15, № 2 (2020). С. 12.

² Постановление Правительства РФ от 08.12.2018 № 1502 (ред. от 17.07.2019) «О Правительственной комиссии по координации судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации». Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

³ См.: Россинская Е. Р. Проблемы использования специальных знаний в судебном исследовании компьютерных преступлений в условиях цифровизации // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2019. № 5. С. 39 ; Жижина М. В. Унификация методического обеспечения как обязательная составляющая института судебной экспертизы в Российской Федерации // Теория и практика судебной экспертизы Т. 13, № 2 (2018). С. 84.

следует рассмотреть возможность уже на начальном этапе включения в состав данной комиссии представителей ЭКЦ МВД, который также является одним из основных ГСЭУ. С учетом того, что существуют противоречия в судебно-экспертных методиках, возможно на первоначальном этапе проводить сертификацию на основе любой из методик, которые используются в головных ГСЭУ. Параллельно с этим можно начинать ведение Государственного Реестра судебных экспертов. С развитием региональных отделений Комиссии по сертификации, можно вводить приоритетный порядок назначения судебных экспертиз лицам, зарегистрированным в реестре. После повышения количества сертифицированных экспертов, следует выдвинуть требования к СЭО о наличии таких экспертов в штате. С учетом повышения квалификации судебных экспертов станет возможным введение дополнительных мер по регулированию осуществления судебно-экспертной деятельности, касающихся информационной безопасности и менеджмента качества.

Черняев С. В.

*доцент кафедры общегуманитарных,
социально-экономических, математических
и естественно-научных дисциплин
Оренбургского института
Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА),
кандидат технических наук,*

Черняев В. С.

*студент Национального исследовательского
университета «МИЭТ»,*

ИССЛЕДОВАНИЕ РАДИОЭЛЕКТРОННЫХ УСТРОЙСТВ В КОМПЬЮТЕРНО-ТЕХНИЧЕСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЕ

В судебной компьютерно-технической экспертизе принято выделять четыре направления, согласно тому, к каким компонентам функционирования технико-программного комплекса относятся исследуемые объекты:

- 1) аппаратно-компьютерная экспертиза;
- 2) программно-компьютерная экспертиза;
- 3) информационно-компьютерная экспертиза (данных);
- 4) компьютерно-сетевая экспертиза¹.

На современном этапе развития данного рода экспертиз под термином «компьютерная» в качестве наиболее общего объекта исследования понимаются не только «классические» электронно-вычислительные машины (ЭВМ), но и широкий спектр устройств, выполненных на базе микропроцессорной техники. Фактически каждое современное устройство построено на базе того или иного класса микропроцессоров и все многообразие объектов можно разделить на несколько подклассов, исходя из назначения устройства, по аналогии с классификацией ЭВМ:

¹ Россинская Е. Р. Судебная экспертиза в гражданском, арбитражном, административном и уголовном процессе : монография. 4-е изд., перераб. и доп. М. : Норма : Инфра-М, 2020. 576 с. ISBN 978-5-91768-955-5. URL: <https://znanium.com/catalog/product/1058231> (дата обращения: 19.01.2021).

Универсальные цифровые устройства к данному подклассу относится весь спектр универсальных ЭВМ: персональные компьютеры, серверы, ноутбуки, субноутбуки, планшетные компьютеры. На таких устройствах можно запускать практически любые вычислительные задачи, и их функциональное назначение определяется используемым в данный момент программным обеспечением.

Широко специализированные цифровые устройства выполняют группу функций с явно преобладающей основной. Примерами подобных устройств можно считать смартфоны, которые ориентированы на коммуникационные потребности пользователя, но позволяют использовать его и для других целей, например как игровую приставку, медиаплеер, измерительный инструмент или электронный кошелек. Аналогично телевизионные медиаприставки и телевизоры «СмартТВ» используются не только как медиаплееры, но и как игровые консоли или терминалы для доступа в сеть Интернет.

Узкоспециализированные цифровые радиоэлектронные устройства предназначены для выполнения какой-либо единичной функции. Как правило, в их аппаратной основе лежат сравнительно малопроизводительные микропроцессоры с небольшим объемом адресуемой постоянной памяти. К таковым устройствам можно отнести элементы системы контроля доступа, смарт-карты различных видов, SIM-карты, элементы управления умного дома и т.д.

В наше время активно развивается рынок интеллектуальных узкоспециализированных радиоэлектронных устройств, интегрированных в глобальные компьютерные сети передачи информации, поддерживающих автоматизацию технологических процессов, а также удалённое снятие информации и управление в производственных помещениях, жилье и в городской среде. Спектр такого рода технологий в общем случае принято назвать «Интернет вещей» (Internet of Things, IoT).

Официальное определение Интернета вещей приведено в Рекомендации МСЭ-T Y.2060¹ Международного союза электросвязи, согласно которому IoT — глобальная инфраструктура информационного общества, обеспечивающая передовые услуги за счёт организации связи между вещами (физическими или виртуальными), на основе существующих и развивающихся совместимых информационных и коммуникационных технологий. Под «вещами» (things) здесь понимается физический объект (физическая вещь) или объект виртуального (информационного) мира (виртуальная вещь, например, мультимедийный контент или прикладная программа), которые могут быть идентифицированы и объединены через коммуникационные сети. Кроме понятия «вещь», МСЭ-T использует понятие «устройство» (device), под которым понимается часть оборудования с обязательными возможностями по коммуникации и необязательными возможностями по сенсорингу / зондированию, приведению в действие вещи, сбору, обработке и хранению данных. Отсюда следует, что МСЭ-T в большей степени уделяет внимание аспектам коммуникаций и межсетевых соединений, нежели приложениям IoT. Очевидно, что с течением времени подобного рода радиоэлектронные устройства будут становиться непосредственными объектами компьютерно-технической экспертизы.

Второй группой узкоспециализированных программных цифровых радиоэлектронных устройств, которые уже активно исследуются в рамках компьютерно-технической судебной экспертизы являются программаторы.

¹ Портал МСЭ URL: https://www.itu.int/rec/ dologin _pub.asp? lang=e&id=T-REC-Q.763-199912-1!!PDF-E&type=items (дата обращения: 31.03.2021).

Программатор представляет собой аппаратно-программное устройство, предназначенное для записи/считывания информации в постоянное запоминающее устройство. Программаторы подразделяют на параллельные программаторы — в таких устройствах запись программы в flash-память происходит в колодке программатора, и внутрисхемные программаторы, где используется сервисный режим JTAG-отладки и производится внутрисхемная запись информации по стандартному интерфейсу. Первый вид программаторов используется, в частности, для перепрошивки SIM-карт операторов сотовой связи, их клонирования, а также для создания «мультисим» карт, когда в прошивку SIM-карты специальной архитектуры с увеличенным объёмом памяти вносятся данные нескольких абонентских номеров.

Второй вид программаторов в практике исследования в рамках судебной экспертизы используется для перепрошивки сотовых телефонов и смартфонов с целью восстановления работоспособности неисправных на программном уровне устройств, либо для изменения функциональных свойств операционных систем, связанных с ограничениями на права пользователей.

В любом случае данный вид исследований является комплексной задачей, поскольку помимо функциональных возможностей программаторов как аппаратных устройств необходим анализ совместимого с тем или иным адаптером программного обеспечения. Программаторы SIM-карт чаще работают со следующим программным обеспечением:

«Sim-Emu» — программа для редактирования смарт-карт (в основном используется для редактирования SIM-карт) с системой плагинов, поддерживающая большинство кард-ридеров, «CARDinal Sim Editor», «CHIP-CAT», «SIM SCAN», «SimCardExplorer», «Dekart SIM Explorer» и многих других приложений. Функциональные возможности данных программ варьируются от простого считывания информации, как в приложении «SimCardExplorer», до полноценного криминалистического анализа SIM-карт, реализованного в пакете «Dekart SIM Explorer».

Таким образом, при выполнении компьютерно-технической экспертизы программаторов нужно разрешить следующие вопросы:

- исправности представленного на исследование аппаратного устройства;
- описание аппаратной конфигурации представленного устройства;
- определение интерфейсов подключения программируемых устройств (микроконтроллеров) и интерфейсов подключения к компьютеру;
- назначение устройства и его потенциальных аппаратных возможностей;
- вопросы прямой и обратной совместимости с определённым классом микропроцессорных устройств.

При комплексном аппаратно-программном исследовании помимо этого разрешаются следующие вопросы:

- семейство операционных систем, в котором возможно функционирование программного обеспечения управления программатором;
- возможности и программные интерфейсы (драйверы) сопряжения программного обеспечения с микропроцессорным устройством;
- основные и специальные режимы работы программы в сопряжении (без сопряжения) с микропроцессорным устройством;
- набор опций и режимов работы программного обеспечения.

В процессе своего функционирования программно-аппаратные комплексы программаторов порождают следующую информацию, являющуюся специфическими цифровыми следами как «криминалистически значимую компьютерную информа-

цию о событиях или действиях»¹²: порождаемые программами файлы-версии прошивок, лог-файлы работы приложения в которых отражаются операции считывания и записи данных в flash-память микропроцессорной системы, конфигурации настроек, и, возможно, написанные пользователем сценарии (скрипты) использования. Данная информация позволяет эксперту сделать вывод об относительном времени использования программаторов и выполняемых при помощи них действиях.

В случае взаимодействия программного обеспечения с мобильным телефоном из данных цифровых следов можно извлечь информацию о конкретных моделях устройств и его уникальном идентификаторе — коде IMEI.

В принятом в 2017 году ГОСТ 57429–2017³ «Судебная компьютерно-техническая экспертиза. Термины и определения» имеется несколько определений, косвенно связанных с микропроцессорной радиоэлектронной техникой:

- аппаратное средство (техническое средство): совокупность технических устройств средств вычислительной техники либо их частей.
- прошивка — программа, записанная на микросхеме постоянного запоминающего устройства и управляющая работой аппаратного средства.

Однако данных определений явно недостаточно для полноценного исследования узкоспециализированных устройств.

Если обратиться к соответствующим приказам МВД⁴ и Минюста⁵, устанавливающим перечни родов (видов) судебных экспертиз, выполняемых в ЭКЦ МВД и федеральных бюджетных судебно-экспертных учреждениях Минюста России, то такой класс устройств в перечень объектов, в отношении которого может быть выполнена такого рода экспертиза, не входит.

Понятие «компьютерной» экспертизы в номенклатуре МВД вообще формально исключает возможности исследования всего, кроме как объектов, относящихся к средствам вычислительной техники различных видов, ставя под вопрос возможность рассмотрения в рамках данной экспертизы узкоспециализированных радиоэлектронных устройств, поскольку необходимо каждый раз

¹ Россинская Е. Р. К вопросу об инновационном развитии криминалистической науки в эпоху цифровизации / Е. Р. Россинская // Юридический вестник Самарского университета. 2019. Т. 5. № 4. С. 144–151. DOI 10.18287/2542-047X-2019-5-4-144-151.

² Семикаленова А. И. Цифровые следы: назначение и производство экспертиз / А. И. Семикаленова // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2019. № 5 (57). С. 115–120. DOI 10.17803/2311-5998.2019.57.5.115-120.

³ ГОСТ 57429–2017 «Судебная компьютерно-техническая экспертиза. Термины и определения» // Федеральное агентство по техническому регулированию и метрологии [URL: http://protect.gost.ru/document1.aspx?control=31&baseC=6&page=3&month=4&year=2017&search=&id=206872](http://protect.gost.ru/document1.aspx?control=31&baseC=6&page=3&month=4&year=2017&search=&id=206872) (дата обращения: 31.03.2021).

⁴ Приказ МВД России от 29.06.2005 № 511(ред. от 27.06.2019) «Вопросы организации производства судебных экспертиз в экспертно-криминалистических подразделениях органов внутренних дел Российской Федерации» // Российская газета, № 191, 30.08.2005.

⁵ Приказ Минюста России от 27.12.2012 № 237 (ред. от 13.09.2018) «Об утверждении Перечня родов (видов) судебных экспертиз, выполняемых в федеральных бюджетных судебно-экспертных учреждениях Минюста России, и Перечня экспертных специальностей, по которым представляется право самостоятельного производства судебных экспертиз в федеральных бюджетных судебно-экспертных учреждениях Минюста России» // Российская газета, № 24, 06.02.2013.

проводить процедуру идентификации отвечая на вопрос, относится ли то или иное устройство к компьютерной технике.

Компьютерно-техническая экспертиза — изначально более широкое и удачное понятие, по крайней мере не замыкающая классы объектов исключительно на ЭВМ, но все равно такого рода определение не позволяет отнести узкоспециализированные радиоэлектронные устройства, такие, например, как датчики и исполнительные механизмы умного дома, типа реле, электронных замков к компьютерным устройствам.

Попытка разрешения данных вопросов в рамках рода «Экспертизы электробытовой техники», где решается видовая задача «Исследование радиоэлектронных устройств бытового назначения», представляется бесперспективной, поскольку, как уже неоднократно отмечалось, компьютерно-технические экспертизы практически всегда являются комплексными, т.е. необходимо исследование как аппаратных, так и программных свойств цифрового объекта.

В этой связи представляется необходимым дополнить ГОСТ 57429–017 определениями, связанными с микропроцессорными устройствами и интеллектуальными узкоспециализированными устройствами «Интернета вещей», что будет востребовано при дальнейшем развитии перечня объектов компьютерно-технической экспертизы.

АДВОКАТУРА КАК ИНДИКАТОР СОСТОЯНИЯ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА, ПРАВА И ЭКОНОМИКИ

Багрян А. А.,

*аспирант кафедры адвокатуры
Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)*

ДЕЙСТВИЯ ЗАЩИТНИКА ПО ВЫЯВЛЕНИЮ И ИСКЛЮЧЕНИЮ НЕОТНОСИМОЙ ИНФОРМАЦИИ НА ПРЕДВАРИТЕЛЬНОМ СЛЕДСТВИИ

В процессе выступления на международной конференции¹, Л. А. Воскобитова указала на распространенную проблему наличия неотнормированной информации в процессуальных документах, а также на недостаточно активные действия адвокатов-защитников, направленные на исключение такой информации. По мнению Л. А. Воскобитовой, особенно большое количество информации, не относящейся к делу, зачастую, содержится в процессуальных документах по экономическим преступлениям. Однако в практической деятельности не встречаются случаи, когда адвокаты оспаривают неотнормированную информацию².

Таким образом, Л. А. Воскобитова обозначила актуальную проблематику неоспаривания адвокатами-защитниками неотнормированной информации в процессуальных документах. В следствие изучения литературы, автором было выявлено перспективное направление для исследования, результаты которого в дальнейшем могут быть применены в деятельности адвокатов-защитников.

Конструкция правоприменительной деятельности прежде всего основывается на фактах и только потом следует «право», которое должно соответствовать этим фактам. Таким образом, если фактов нет, то право применить не к чему. Вопреки сказанному, в процессуальных документах на стадии предварительного расследования повсеместно нарушается указанное требование.

Практическое значение изложенного выражается в законодательно закрепленном принципе относимости доказательственной информации. Целью чего является, с одной стороны, обеспечение полного и всестороннего установления обстоятельств и фактов, имеющих существенное значение по делу, а с другой — не загромождение материалов дела данными, не имеющими отношения к предмету доказывания и тем самым недопущение излишнего осложнения защиты по уголовному делу.

Проблемой сегодняшнего дня явилась, со стороны лица ведущего расследование, подмена фактов юридической терминологией, что влечет за собой комплекс нежелательных последствий. В первую очередь — это затрудняет деятельности защитников, так как оспаривать, опровергать можно лишь доказательства, со-

¹ Конференция «Адвокатура как индикатор состояния гражданского общества, права и экономики: традиционные и цифровые подходы». Конференция проходила в рамках VIII Московского юридического форума и XIX Международной научно-практической конференции «Кутафинские чтения» «Социально-экономическое развитие и качество правовой среды» в Московском государственном юридическом университете имени О.Е. Кутафина (МГЮА).

² Адвокатура — неотъемлемая часть новой эпохи : URL: <https://fparf.ru/news/fpa/advokatura-neotemlemaya-chast-novoy-epokhi/> (дата обращения: 25.04.2021).

держащие фактивную информацию. Также, что не менее важно, нарушается право обвиняемого знать, в чем он обвиняется, так как неотнормированная информация затрудняет возможность понять суть обвинения.

На практике встречаются случаи, когда, например, в постановлении о привлечении лица в качестве обвиняемого по должностному преступлению, следовательно, с целью вменить преступные действия, почти на двух страницах приводит текст инструкции о должностных обязанностях. Однако из всего приведенного, только одна строка связана с тем обвинением, которое предъявляется. Обращаясь к теории уголовного процесса, мы находим, что такие доказательства именуются неотнормированными.

Если же подвергнуть процессуальные документы детальному анализу, становится заметен масштаб проблемы, ведь почти треть из них избыточны неотнормированной информацией. По мнению автора, если информация не относится к фактам, то она подлежит исключению. Иначе, вместо фактических обстоятельств мы будем иметь набор юридических клише и штампов, что оспаривать будет невозможно.

Следует отметить, что имеется обширная практика по оспариванию недопустимых доказательств, имеются труды ученых по выявлению таких доказательств, подробно описаны действия, направленные на их исключение, однако отсутствует практика оспаривания по признаку неотнормированности. Презюмируется, что, если следователь, приводя какую-либо информацию связывает ее с обстоятельствами преступления, значит такая информация относима.

Вышесказанное побудило автора к углубленному изучению института доказательств.

Обращаясь к теории уголовного процесса, мы находим, что институт доказательств занимает особенное место и имеет не только теоретическое, но и практическое значение. Например, Н. И. Чистова отмечает, что в силу особенностей процессуального доказывания в целях установления события преступления, виновности обвиняемого и других обстоятельств, которые произошли в прошлом и не могут быть воспроизведены во всех деталях повторно, доказательства являются единственно допустимой возможностью ретроспективного познания того, что произошло в объективной реальности¹.

В соответствии с ч. 1 ст. 74 УПК РФ² доказательствами по уголовному делу являются любые сведения, на основе которых суд, прокурор, следователь, дознаватель в порядке, определенном настоящим Кодексом, устанавливает наличие или отсутствие обстоятельств, подлежащих доказыванию при производстве по уголовному делу, а также иных обстоятельств, имеющих значение для уголовного дела.

В силу ч. 1 ст. 88 УПК РФ **каждое доказательство подлежит оценке с точки зрения относимости, допустимости, достоверности**, а все собранные доказательства в совокупности — достаточности для разрешения уголовного дела. Поскольку свойства допустимости и относимости тесно взаимосвязаны между собой, Р. С. Белкин отмечает, что вопрос о допустимости возникает только при рассмотрении относимых доказательств, а относимыми могут быть признаны

¹ Чистова Н. И. Признание недопустимыми доказательств, полученных на предварительном следствии : дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2006. С. 14.

² «Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» от 18.12.2001 № 174-ФЗ : (ред. от 24.02.2021) (с изм. и доп., вступ. в силу с 07.03.2021). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

только допустимые доказательства»¹. Таким образом, автор делает вывод, что при отсутствии у доказательства такого признака, как относимость, не целесообразно изучение его других признаков, таких как допустимость и достоверность.

Автор полагает, что проблема связана с отсутствием в науке единого подхода установления относимости доказательств, в связи с чем и возникают у адвокатов-защитников различные затруднения. Сказанное подтверждается мнением А. Александрова и С. Фролова, отмечающих, что свойство относимости доказательств в отличие от свойства их допустимости продолжает оставаться обделенным вниманием законодателя, ученых и Верховного Суда Российской Федерации². Изучив позиции различных ученых, автор выделяет мнение Ф. В. Чиркова считающего, что сведения об обстоятельствах и фактах, которые имеют отношение (связь) к обстоятельствам, подлежащим установлению в целях правильного разрешения уголовного дела, являются относимыми³.

Важность действий по исключению неотносимой информации (доказательств) из процессуальных документов на досудебной стадии подтверждается и тем, что в дальнейшем все указанные материалы будут переданы для рассмотрения в суд. Несмотря даже на высокий опыт судьи, из немой бумажной массы ему будет намного сложнее вычленить добытые с нарушением закона доказательства, нежели адвокату, принимавшему участие в досудебной стадии судопроизводства. Поскольку ст. 120 УПК РФ позволяет заявлять ходатайства в любой момент производства по уголовному делу, что, в свою очередь, в полной мере соответствует принципу состязательности сторон, автор делает вывод, что защитникам, по факту выявления лишней и безразличной для дела информации, стоит уделять внимание незамедлительному исключению ее из обвинения как неотносимой.

Автор вынужден констатировать, что в рамках данной статьи невозможно исчерпать вышеуказанную тему, однако познание будет продолжено в дальнейших изысканиях, направленных на разработку критериев оценки относимости информации в процессуальных документах.

*Баренбойм П. Д.,
первый вице-президент
Международного Союза (Содружества) адвокатов,
кандидат юридических наук*

ПРЕСТИЖ ПРОФЕССИИ И ПРЕСТИЖ ОТДЕЛЬНОГО АДВОКАТА НЕРАЗРЫВНЫ

Получив приглашение принять участие в работе секции адвокатуры на очередных «Кутафинских чтениях» «Адвокатура как индикатор состояния гражданского

¹ Белкин Р. С. Собрание, исследование и оценка доказательств. Сущность и методы. М. : Наука, 1966. С. 73.

² Александров А., Фролов С. Значение свойства относимости доказательств в уголовном процессе : статья // Уголовное право. 2007. № 3. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

³ Чирков Ф. В. Оценка доказательств в ходе окончания предварительного следствия : дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2011. С. 77.

общества, права и экономики: традиционные и цифровые подходы», я на всякий случай (будет ли работать ЗУМ) решил заранее подготовить свое выступление. Прежде всего следует поздравить ФПА РФ и кафедру адвокатуры Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), проще сказать Светлану Володину, с удачно подобранной темой заседания. Почти 40 лет назад я выступил с тезисом: «Степень свободы и независимости адвокатуры является мерой демократии государства», который и сейчас не потерял своей актуальности.

Долгое время на основе ст. 3 «Закона об адвокатуре» одна адвокатура обозначала правовой статус института гражданского общества и его конституционное содержание. Не без участия адвокатов¹ принятая поправка к Конституции РФ о роли и значении институтов гражданского общества и обязанности государства способствовать их деятельности дают нам новые возможности и налагают дополнительную ответственность. Отдельные адвокаты не должны рассматривать свою практику как сугубо частную, оторванную от жизни страны и её гражданского общества.

Потому что конституционный принцип об адвокатуре как институте гражданского общества конкретизируется в жизни через деятельность каждого отдельного члена корпорации, а не только через органы адвокатуры. Если адвокат не чувствует «гражданско-общественной» составляющей своей деятельности, он не является полноценным профессионалом. Взаимосвязь престижа адвоката и профессии очевидна.

Если адвокат оступился, то грязь его поступка попадает на манишку всей адвокатуры и не может быть прикрыта галстуками или тем более галстуками-бабочками. Полезность деятельности и гражданско-правовой позиции адвокатских объединений поднимает престиж и отдельного адвоката. Адвокатская фирма или коллегия также являются институтами гражданского общества, как и адвокатские палаты, а каждый адвокат представителем института гражданского общества.

Каким же образом отдельный адвокат может поднять уровень своей гражданско-общественной активности? Самое простое предложение связано с конституционализацией деятельности адвоката. То есть вспоминать Конституцию не только по конституционно-правовым спорам при обращении в КС, но постоянно, увязывать с ней всегда и так увязанные с Основным Законом вопросы. Ведь конституционализм заключается в триединой формуле: жизнь в Конституции, Конституция в жизни, жизнь с Конституцией. Ссылка на Основной Закон сама по себе поднимает общественное значение любой адвокатской бумаги и выступления. Умение использовать конституционные принципы во всех аспектах нашей работы одновременно и усиливает предлагаемые правовые позиции.

Во-вторых, нужно бесплатные дела проводить с неменьшим энтузиазмом, понимая, что это не благотворительность, а служение, обязательная часть профессиональной деятельности. Свои самые бессмертные речи Плевако сказал именно по бесплатным делам.

В-третьих, нужно понимать, что единичные дела отдельных адвокатов могут вливаться в общую копилку программ, вроде, например, «Россия без пытки», предложенной Александром Аснисос и Светланой Володиной². Для этого желательно, чтобы палаты и большие коллегии, типа столичной Московской го-

¹ Баренбойм П., Мишина Е. Уроки конституционного кризиса 2020. М. : ЛУМ. 2020. 156 с.

² Нагорная С., Хазиев Ш. Долг адвоката и этика психолога. М. : ЛУМ, 2020. 172 с.

родской коллегии адвокатов, возобновили обобщения адвокатской практики, в том числе по отдельным категориям дел, и по итогу вносили представления в региональные и федеральные правоприменительные и законодательные органы.

Кроме того, и адвокатские объединения, и отдельные адвокаты должны искать союзников в лице муниципальных органов и даже (!) прокуратуры. Потому что, если адвокатура является Адвокатом гражданского общества, то прокуратура — Адвокат как государства, так и гражданского общества и поэтому здесь их конституционные обязанности во многом совпадают. Нужно помогать прокуратуре из подпевалы следственных органов становиться дирижёром правоохранительной и правоприменительной деятельности.

В-четвёртых, надо уделять подчёркнутое внимание возможным делам по судебной и иной защите интересов граждан в областях экологии, здравоохранения, материнства и детства, к которым адвокат и адвокатура имеют прямое отношение, с учётом постоянного нарушения конституционных прав граждан в этих сферах нашей жизни. Чаще всего это связано с недостаточным выделением бюджетных средств. Институты гражданского общества, борющиеся за такие средства, в основном на региональном уровне, в рамках программы «Открытый бюджет», барахтаются в своём правовом неумении, не решаясь обратиться к адвокатам из-за отсутствия средств и заведомого возможного отсутствия интереса. Адвокатуре и адвокатам нужно инициативно идти им навстречу, демонстрируя своё желание реально быть институтом гражданского общества и его Адвокатом. Полученный в результате престиж себя потом многократно оправдает.

В 50 % детских поликлиник по данным Счётной палаты Российской Федерации нет горячей воды. Этим нарушены все конституционные принципы защиты материнства и детства, а значит, существует прямая судебная защита, начиная с районного суда, поскольку речь идет всего лишь о бойлере, а не о километрах труб. Почему бы не осуществить такую программу в масштабах страны? Ведь мы не только представители гражданского общества, но и родители, тёти и дяди, знакомые, наконец.

Без осознания служения интересам общества, адвокатура и адвокат не получат того уровня престижа, который им необходим.

Васяев А. А.,

*докторант кафедры адвокатуры
Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА),
адвокат коллегии адвокатов
«Московская городская коллегия адвокатов»,
кандидат юридических наук*

МЕЖДУНАРОДНЫЙ АДВОКАТСКИЙ ЗАПРОС

Статья 6.1 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» наделяет адвоката правом запрашивать необходимые для оказания квалифицированной юридической помощи сведения в виде справок, характеристик и иных документов. Под действие данной нормы подпадают также форма и содержание адвокатского запроса, определяется порядок его исполнения, обуславливается круг адресатов, назначается ориентировочный

перечень документов, истребуемых посредством него. Кроме того, данная статья содержит отсылочную норму, определяющую ответственность за неправомерный отказ в предоставлении сведений, запрашиваемых путем направления адвокатского запроса.

В развитие данной нормы приказом Министерства юстиции РФ «Об утверждении требований к форме, порядку оформления и направления адвокатского запроса» от 14 декабря 2016 г. № 288 утверждены соответствующие требования к содержанию и форме адвокатского запроса.

Кодекс РФ об административных правонарушениях предусматривает в ст. 5.39 ответственность за неправомерный отказ в предоставлении информации, а также несвоевременное ее предоставление либо предоставление заведомо недостоверной информации.

Адвокатский запрос потенциально является одной из самых действенных мер адвокатского реагирования при оказании квалифицированной юридической помощи. Тем не менее следует признать, что данная мера адвокатского реагирования, во-первых, недостаточно (хотя и подробно) регламентирована законодательством, во-вторых, мало изучена на теоретическом уровне¹.

Одним из актуальных вопросов, связанных с развитием адвокатского запроса в России, является фактическая тождественность института «адвокатского запроса» институту «обращения граждан». Согласно ч. 1 ст. 2 Федерального закона «О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации» от 02.05.2006 № 59-ФЗ все граждане (а не только адвокаты) имеют право обращаться лично, а равно направлять индивидуальные и коллективные обращения в органы государственной власти (местного самоуправления) и любые организации, уполномоченные на осуществление публично значимых функций, и к их должностным лицам.

Упомянутая выше статья 5.39 КоАП РФ распространяется в равной мере и на адвокатские запросы, и на обращения граждан.

Сроки направления ответа адвокату на адвокатский запрос и гражданину на его обращение также идентичны.

При сопоставлении ст. 6.1 ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в РФ» с положениями норм ФЗ «О порядке рассмотрения обращений граждан РФ» выявляется, что перечень документов, предоставляемых по адвокатскому запросу, ограничен законом, по сравнению с перечнем документов, предоставляемых гражданину на основании его обращения.

В соответствии с отсылочной нормой ч. 6 ст. 6.1 ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в РФ», если предмет адвокатского запроса составляет сведения, в отношении которых соответствующим законодательством установлен особый порядок их предоставления, то в отношении адвокатского запроса будут применяться не положения закона об адвокатуре, а положения законодательства, регулирующего предоставление соответствующей категории сведений. На практике это означает, что статус адвокатского запроса не дает возможности получения каких-либо привилегий в отношении получения информации, которая не является общедоступной, что, безусловно, ограничивает действие

¹ Васяев А. А. Теория исследования доказательств в российском уголовном процессе : монография / А. А. Васяев. М. : Юрлитинформ, 2016. 472 с.

конституционной гарантии гражданам страны на получение квалифицированной юридической помощи.

Более того, гражданин, обращающийся за предоставлением информации в предусмотренном Федеральным законом № 59-ФЗ порядке, не связан в отличие от адвоката, направляющего запрос, установленными Министерством юстиции РФ требованиями к его форме, процедуре оформления и направления, нарушение которых согласно пп. 2 п. 4 статьи 6.1. ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в РФ» является основанием для отказа в предоставлении сведений по адвокатскому запросу.

Требования ст. 7 Федерального закона № 59-ФЗ к обращению гражданина менее строги, что делает институт обращения граждан более предсказуемым в реализации, нежели институт адвокатского запроса. С одной стороны, максимальная приближенность разработчиков ведомственных нормативных правовых актов к предмету правового регулирования обеспечивает его максимальную индивидуализацию и конкретность правовых предписаний, с другой стороны — излишняя детализация актов ведомственного правотворчества часто, выражаясь словами английского философа Уильяма Оккама, «умножает сущности без необходимости»¹.

Следует признать позицию законодателя, чрезмерно регламентирующего форму и содержание адвокатского запроса не допустимой. Запросы следователя, дознавателя, прокурора, суда, нотариуса и других участников процессуальной деятельности не подвергаются чрезмерной регламентации. Однако только в отношении запроса адвоката создаются искусственные препятствия для его реализации. По нашему мнению, это делается из-за того, что государство в лице органов государственной власти преднамеренно ограничивает профессиональные права адвокатов².

Адвокатская тайна при направлении адвокатского запроса подвергается существенной «эрозии» — приказ Минюста России от 14.12.2016 № 288 требует указывать в тексте адвокатского запроса фамилию, имя, отчество доверителя или его наименование, если доверителем является юридическое лицо, а также реквизиты заключенного соглашения об оказании юридической помощи и др.

Но среди выше выявленных проблем действия института адвокатского запроса в России следует выделить ключевую, а именно — отсутствие как теоретических и прикладных разработок, так и законодательной регламентации действия международного адвокатского запроса, что не только ограничивает адвокатов в оказании ими квалифицированной юридической помощи, но и по отдельной категории дел, имеющих межгосударственный характер, делает адвокатский запрос не рабочей мерой адвокатского реагирования.

Национальные правовые порядки иностранных государств, согласно проведенному исследованию, не выделяют международный адвокатский запрос как отдельный институт адвокатуры и также не регламентируют его действие.

Анализ рабочих двухсторонних и многосторонних международных соглашений о взаимной правовой помощи, заключенных Российской Федерацией с

¹ Уильям Оккам. Избранное / Уильям Оккам ; пер. с лат. А. В. Апполонова и М. А. Гарнцева ; под общ. ред. А. В. Апполонова. Изд. 3-е, испр. М. : URSS : ЛЕНАНД, 2015. 223 с.

² Васяев А. А., Калинин Л. Д. Является ли профанацией участие адвоката в уголовном процессе? // Актуальные проблемы российского права. 2009. № 2 (11). С. 299–305.

иностранными государствами, не выявил сколько-нибудь регламентированного порядка действия международного адвокатского запроса.

Так, Европейская Конвенция о взаимной правовой помощи по уголовным делам от 20 апреля 1959 г., ратифицированная Россией 25 октября 1999 г., в своем тексте не упоминает адвокатуру в качестве субъекта договорных отношений о взаимной правовой помощи, выделяя от России следующие органы, которые имеют право вступать во взаимоотношения с иностранными организациями: «Верховный Суд Российской Федерации — по вопросам судебной деятельности Верховного Суда Российской Федерации; Министерство юстиции Российской Федерации — по вопросам, связанным с работой других судов; Министерство внутренних дел Российской Федерации — в отношении поручений, не требующих санкции судьи или прокурора, связанных с проведением дознания и предварительного следствия по делам о преступлениях, отнесенных к компетенции органов внутренних дел Российской Федерации; Федеральная служба безопасности Российской Федерации — в отношении поручений, не требующих санкции судьи или прокурора, связанных с проведением дознания и предварительного следствия по делам о преступлениях, отнесенных к компетенции органов федеральной службы безопасности; Генеральная прокуратура Российской Федерации — во всех остальных случаях проведения дознания и предварительного следствия».

Гаагская конвенция о вручении за границей судебных и внесудебных документов по гражданским или торговым делам от 15 ноября 1965 г., ратифицированная Россией 1 мая 2001 г., выделяет адвокатуру в качестве органов, компетентных, согласно законодательству Российской Федерации, обращаться с запросом о правовой помощи. Следует отметить при этом, что, во-первых, действие данной Конвенции распространяется только на гражданские и торговые дела, что исключает ее использование в уголовном процессе, а также при рассмотрении административных, трудовых и других споров, не относящихся к категории гражданских и торговых дел. Во-вторых, ст. 2 Конвенции предполагает принятие и рассмотрение запросов о вручении документов через назначенный государством центральный орган. В России таковым является Министерство юстиции РФ. Таким образом, в случае реализации адвокатом своего права, предоставленного Конвенцией, о вручении за границей судебных и внесудебных документов по гражданским или торговым делам последнему следует обращаться непосредственно в Министерство юстиции России¹ для организации исполнения адвокатского запроса. В-третьих, в анализируемой Конвенции не только не прописаны технические стандарты реализации адвокатского запроса, но и не учтен срок исполнения запроса, ответственность компетентных органов в случае неисполнения запроса и многое другое. В-четвертых, анализируемая конструкция реализации права адвоката на запрос осуществима только через государственный орган власти, что порождает профанацию подобной адвокатской помощи, поскольку адвокат во многих случаях оказания юридической помощи противостоит органам государственной власти. Конечно

¹ Официальное обращение автора статьи в Министерство юстиции России, с просьбой сообщить количество поданных адвокатами международных запросов, для организации их исполнения, осталось не рассмотренным.

же, при подобной реализации адвокатом своих прав создается риск раскрытия адвокатской тайны перед неопределенным кругом лиц, участвующих в процедуре исполнения адвокатского запроса.

На уровне Содружества Независимых Государств (СНГ) вопрос включения адвокатов в систему межгосударственного обмена информацией также не разрешен. Конвенция о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам от 22 января 1993 г., ратифицированная Россией 10 декабря 1994 г., в сферу своего действия адвокатов также не вводит, выделяя со стороны России следующие органы, которые имеют право вести взаимоотношения с иностранными организациями: «Сношения по вопросам выдачи и уголовного преследования осуществляются генеральными прокурорами (прокурорами) Договаривающихся Сторон. Сношения по вопросам исполнения процессуальных и иных действий, требующих санкции прокурора (суда), осуществляются органами прокуратуры в порядке, установленном генеральными прокурорами (прокурорами) Договаривающихся Сторон» (ст. 80 Конвенции)».

Таким образом, изучение рабочих международных двухсторонних и многосторонних соглашений о взаимной правовой помощи, заключенных Российской Федерацией с иностранными государствами, свидетельствует о том, что адвокатура не включена ни в одни межгосударственные отношения по оказанию взаимной правовой помощи в качестве полноправного и самостоятельного субъекта этих взаимоотношений.

На основании вышеизложенного, во-первых, следует отметить острую теоретическую и прикладную необходимость создания надежной системы получения адвокатом юридически значимой информации от органов государственной власти (местного самоуправления) и иных субъектов права иностранных государств, в том числе и у физических лиц, на основе правовых норм с целью использования их для защиты прав, свобод и законных интересов физических и юридических лиц. В связи с этим представляется необходимой не только корректировка положений российского законодательства об адвокатском запросе, но и разработка международного договора о международном адвокатском запросе, который предусматривал бы прямое взаимодействие адвокатов и органов государственной власти различных государств, негосударственных организаций, иностранных физических лиц.

Во-вторых, при бездействии и незаинтересованности компетентных органов власти России по урегулированию действия международного адвокатского запроса, а также не признанию адвокатуры в качестве самостоятельного субъекта межгосударственных отношений в области взаимной правовой помощи следует рекомендовать Федеральной палате адвокатов РФ начать разработку двухсторонних и многосторонних соглашений с иностранными государствами об организации законной процедуры помощи в исполнении международных адвокатских запросов. Эта тенденция развития межгосударственных отношений, когда один национальный орган договаривается с другим иностранным органом на основе соглашений о сотрудничестве, в настоящее время возобладала. Представляется, что данный вопрос следует начать с разработки соглашений между федеральными палатами адвокатов (их аналогами) в странах СНГ, после чего продолжить данный процесс со странами Европейского Союза, БРИКС и др. Для

этого предлагается начать процедуру согласования модельного закона в рамках стран СНГ, завершив ее унификацией норм права, регулирующих взаимодействие адвокатов с иностранными государственными, негосударственными организациями и физическими лицами в области получения запрашиваемой информации посредством международного адвокатского запроса. Предлагается установить сокращенные сроки ответов на обращения по каналам образуемой системы взаимоотношений, унифицированную форму запроса и др.

Оговоримся, что срок исполнения не только адвокатского, но и любого другого международного запроса — это самая существенная часть межгосударственных отношений по взаимодействию. На сегодняшний день срок исполнения запроса не прописан ни в одном международном соглашении, а на практике это срок может варьироваться от 2 месяцев до 1,5 лет (по нашим наблюдениям), что делает институт международного запроса малоэффективной правовой процедурой.

Безусловно, подобные межгосударственные соглашения не только будут способствовать функционированию института международного адвокатского запроса, но и объединит тем самым мировое адвокатское сообщество между собой, создаст институт оказания правозащитного взаимодействия на основе соглашений о сотрудничестве адвокатов, повысит авторитет адвокатуры России, показавшей свою дееспособность в реализации гарантий профессиональных прав адвокатов.

В-третьих, следует внести изменения в ч. 1 ст. 453 УПК следующим образом: «При необходимости производства на территории иностранного государства допроса, осмотра, выемки, обыска, судебной экспертизы или иных процессуальных действий, предусмотренных настоящим Кодексом, а также при истребовании доказательств суд, прокурор, следователь, руководитель следственного органа, дознаватель, адвокат-защитник, адвокат-представитель потерпевшего (гражданского истца, частного обвинителя) вносит запрос об их производстве компетентным органом или должностным лицом иностранного государства или иным субъектом права иностранного государства в соответствии с международным договором Российской Федерации, имеющим обязательную юридическую силу актом международной организации, членом которой является Российская Федерация, или на основе принципа взаимности».

Статью 454 УПК РФ изложить в следующей редакции: «Запрос о производстве процессуальных действий, или об истребовании доказательств составляется в письменном виде, подписывается лицом, его направляющим, удостоверяется печатью соответствующего органа и должен содержать:

- 1) наименование лица, от которого исходит запрос;
- 2) наименование органа, в адрес которого направляется запрос;
- 3) наименование уголовного дела и характер запроса;
- 4) данные о лицах, в отношении которых направляется запрос, включая данные о дате и месте их рождения, гражданстве, роде занятий, месте жительства или месте пребывания, а для юридических лиц — их наименование и местонахождение;
- 5) изложение подлежащих выяснению обстоятельств, а также перечень запрашиваемых документов, вещественных и других доказательств;

б) сведения о фактических обстоятельствах предполагаемого преступления, его квалификация, текст соответствующей статьи Уголовного кодекса Российской Федерации, а при необходимости также сведения о размере вреда, причиненного данным преступлением».

В-четвертых, следует признать недопустимым положение ч. 1 ст. 6.1 ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в РФ», согласно которому посредством адвокатского запроса истребуются только справки, характеристики и иные документы, при этом необходимая информация запрашивается только у юридических лиц. Физические лица не указаны в качестве адресатов запроса в норме анализируемой статьи. Данное положение ограничивает права адвокатов на получение необходимого объема информации для реализации конституционной гарантии гражданам страны на квалифицированную юридическую помощь. Следует отметить, что на практике адвокат получает посредством своего запроса сведения в объеме большем, чем справки, характеристики и иные документы, при этом получает ее и у физических, и у юридических лиц. Ввиду этого следует изменить положения ч. 1 ст. 6.1 ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в РФ» следующим образом: «Адвокат вправе направлять в органы государственной власти, органы местного самоуправления, общественные объединения и иные организации, а также физическим лицам в порядке, установленном настоящим Федеральным законом, официальное обращение о предоставлении любых сведений, необходимых для оказания квалифицированной юридической помощи (далее — адвокатский запрос)».

В-пятых, ввиду отсутствия на сегодняшний день какой-либо правовой регламентации действия международного адвокатского запроса и отсутствия формально-юридических препятствий для обращения за информацией в иностранные государственные, негосударственные организации и физическим лицам следует рекомендовать адвокатам при возникновении необходимости направлять международные адвокатские запросы с соблюдением требований к их оформлению и содержанию, непосредственно адресату запроса, минуя промежуточные компетентные национальные государственные органы.

Оказывая юридическую помощь в качестве адвоката, автор статьи направлял международные адвокатские запросы иностранным правительственным и неправительственным организациям об истребовании необходимой для осуществления защиты информации. Во всех случаях автору статьи приходили (в течение 3 месяцев) ответы о рассмотрении направленного международного адвокатского запроса. При этом в одних случаях запрос удовлетворялся в полном объеме, и запрашиваемая информация представлялась, в других случаях в удовлетворении запрашиваемой информации отказывалось по причине содержания в ней коммерческой и банковской тайны. В иных случаях запрашиваемая информация не предоставлялась по причине отсутствия у адресата таковой.

Практика реализации международного адвокатского запроса, таким образом, показала свою эффективность при оказании квалифицированной юридической помощи, при этом все полученные посредством такого запроса сведения использовались в защите прав, свобод и законных интересов физических и юридических лиц.

Казакевич К. М.,
адвокат, член Адвокатской палаты
города Москвы,
руководитель адвокатского кабинета
№ 77/3-310

УСИЛЕННАЯ КВАЛИФИЦИРОВАННАЯ ЭЛЕКТРОННАЯ ПОДПИСЬ ДЛЯ АДВОКАТА КАК ОСНОВНОЙ ИНСТРУМЕНТ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ДОСТУПА К ПРАВОСУДИЮ В УСЛОВИЯХ ПАНДЕМИИ

В соответствии с п. 1 ст. 1 действующей редакции Федерального закона об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации от 31 мая 2002 года № 63-ФЗ¹, целью адвокатской деятельностью является защита прав, свобод и интересов доверителей, а также обеспечение доступа к правосудию.

Доступ к правосудию является ключевой целью адвокатской деятельности, поскольку защита прав, свобод и интересов наиболее эффективно может быть осуществлена только в формате правосудия, поскольку нет доступа к правосудию, нет и эффективной защиты прав, свобод и интересов.

Общеизвестно, что в связи с угрозой распространения новой коронавирусной инфекции и с целью обеспечения санитарно-эпидемиологического благополучия населения практически на всей территории РФ были изменены режимы работы как судов общей юрисдикции, так и арбитражных судов. Эти изменения свелись к тому, что для того, чтобы получить доступ к правосудию, необходимо было действовать исключительно дистанционно. Личного приема граждан и представляющих их интересы адвокатов в судах не велось, подать какие-либо процессуальные документы в суд непосредственно через экспедиции или канцелярии стало невозможным.

Граждане и адвокаты пропускались в суд по заранее составленным спискам, и только для участия в рассмотрении уже возникших гражданских, административных и уголовных дел, а обращаться в суд с исковыми заявлениями, жалобами рекомендовалось через Почту России, либо посредством подачи документов в электронном виде через действующие электронные системы «Мой арбитр», «КИС СОЮ» и «ГАС Правосудие».

Попытки обращения в суды путем направления документов через Почту России сразу же показали свою несостоятельность: направляемые в суды документы в течение недели доходили до отделения связи, которые обслуживали соответствующие суды, затем эти почтовые отправления еще дней 10–15 лежали на почте, пока их оттуда не забирали сотрудники суда, а потом эти же отправления еще дней 20 находились в экспедиции судов неразобранными. Таким образом, с момента отправки документов в суд через почту до того момента, как эти документы юридически поступят в суд и будут зарегистрированы на сайтах суда, проходило от одного до полутора месяцев, что снижало эффективность обращения за судебной защитой в части своевременности этой защиты.

Обращение в суды через электронные системы «Мой арбитр», «КИС СОЮ» и «ГАС Правосудие» оказалось более эффективным: направляемые процессуальные и иные документы попадали в суд в день их отправки, незамедлительно и

¹ Федеральный закон от 31.05.2002 № 63-ФЗ (ред. от 31.07.2020) «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» // СЗ РФ, 10.06.2002. № 23 ст. 2102.

должным образом регистрировались на соответствующих сайтах судов, но и здесь практика выявила большое количество трудностей и препятствий в осуществлении доступа к правосудию.

Во-первых, граждане оказались не готовы самостоятельно работать с приведенными выше электронными системами вследствие компьютерной неосведомленности, отсутствия у них необходимого для работы с этими системами оборудования, а также нежелания в кратчайшее время приобрести знания и навыки, которые дали бы возможность дистанционно взаимодействовать с судами.

Во-вторых, многие адвокаты также оказались не готовы дистанционно обращаться в суды в интересах своих доверителей, а перед этим правильно готовить электронные документы в нужных форматах с тем, чтобы эти документы не были возвращены судами без исполнения вследствие технической ошибки.

В-третьих, и самое главное, и граждане, и адвокаты оказались неспособны работать с усиленными квалифицированными электронными подписями вследствие того, что попросту их не имели, не говоря уже о том, чтобы обладать знаниями и навыками по работе с этими электронными продуктами.

Все эти трудности и препятствия возникли именно в период коронавирусной пандемии, в связи с чем предусмотренная законом усиленная квалифицированная цифровая подпись (УКЭП)¹ и умение работать с ней из экзотики и модерна превратилась для граждан в первую жизненную необходимость, а для адвокатов — в необходимую компетенцию, без которой любой адвокат, как не имеющий возможность обеспечить своему доверителю доступ к правосудию, оказывался просто несостоятельным.

Как известно, существуют присоединенные, отсоединенные усиленные квалифицированные электронные подписи, а также подпись внутри документа — интегрированная.

При создании присоединенной подписи создается новый файл, в который помещается подписываемый документ и подпись к нему. Этот процесс можно сравнить с запечатанным конвертом с документами внутри. Этот файл можно копировать, пересылать по почте и так далее, что обеспечивает конфиденциальность переписки, исходящей от адвоката, так как без специальных криптографических программ невозможно прочитать содержание подписанного файла. Точно также нельзя извлечь содержимое конверта, не вскрыв его.

Отсоединенная подпись формируется в отдельном от подписываемого документа файла. Файл называется также, как подписанный документ и имеет расширение. sig или. sgn. Хранится и пересылать нужно оба этих файла, переименовывать и изменять их нельзя.

При этом сам подписываемый файл остается доступным для чтения без криптографических программ. Файлы с расширением. sig или. sgn нужны только для того, чтобы проверить действительность подписи. Чтобы проверить подпись, нужно загрузить в соответствующую программу и подписанный файл, и файл с электронной подписью.

Электронную подпись внутри документа (интегрированную) можно создать только в определенном приложении, например Microsoft Word или Acrobat

¹ Федеральный закон от 06.04.2011 № 63-ФЗ (ред. от 24.02.2021) «Об электронной подписи» // СЗ РФ, 11.04.2011, № 15. Ст. 2036.

Reader. В этом случае подпись генерируется как метаданные и только по желанию владельца можно создать на документе поле с подписью (интегрировать). Этот вид подписи очень удобно использовать при обращении в государственные органы с использованием простых электронных адресов на соответствующих сайтах. Соответствующий штамп на документе в формате .pdf, открытый в программе Acrobat Reader наглядно показывает, что поступивший документ подписан усиленной квалифицированной электронной подписью лица, направившего этот документ, в том числе и адвоката.

Однако для того, чтобы обратиться и направить соответствующие документы в органы Росреестра, арбитражные суды или суды общей юрисдикции, использовать исключительно отсоединенная подпись в формате .sig, именно этот способ является основной формой дистанционного взаимодействия адвоката с судами.

Сейчас мы более подробно остановимся на взаимодействии адвоката с федеральными судами общей юрисдикции, что представляет для адвоката наибольшую сложность.

Порядок подачи в федеральные суды общей юрисдикции документов в электронном виде, в том числе в форме электронного документа регламентируется приказом Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации от 27 декабря 2016 г. № 251 (ред. от 05.11.2019) «Об утверждении Порядка подачи в федеральные суды общей юрисдикции документов в электронном виде, в том числе в форме электронного документа»¹.

В этом документе даны соответствующие понятия осуществления электронного взаимодействия с федеральными судами общей юрисдикции, определены условия подачи документов в электронном виде через личные кабинеты в системах «КИС СОЮ» и «ГАС Правосудие», определены требования к электронным образам документов и электронным документам, указан порядок заполнения форм на официальных сайтах судов и подачи документов применительно к различным видам судопроизводства.

Детальное изучение указанного документа свидетельствует о том, что электронное взаимодействие с судами довольно сложный процесс, осуществление которого требует значительной специальной подготовки, без которой адвокат окажется неспособным обеспечить своему доверителю доступ к правосудию.

В этом процессе адвокат должен уметь изготавливать необходимые процессуальные документы в нужных электронных форматах, подписывать их отсоединенной усиленной квалифицированной электронной подписью, направлять эти документы через систему «КИС СОЮ» и «ГАС Правосудие» в соответствующие суды, а также отслеживать через интернет прохождение данных документов с тем, чтобы своевременно узнать содержание вынесенного судебного акта или протокола судебного заседания, при необходимости подать на него соответственно жалобу или замечания.

Непременным условием для реализации всего вышеперечисленного является наличие усиленной квалифицированной электронной подписи, которая должна быть у каждого адвоката и которой он должен уметь пользоваться.

К сожалению, опыт показывает, что адвокаты всеми указанными выше навыками не владеют, а у многих из них электронной подписи и вовсе не имеется.

¹ Бюллетень актов по судебной системе. 2017. № 2.

В сувязі з гэтым прапанавацца:

1) усе юрыдычныя ўчебныя заведзены, а асабліва тэ, дзе готуюць будучых адвакатаў, павінны ўвесці абавязальны курс па вывучэнню электроннага ўзаемадзейства з судамі розных юрысдыкцый прымятна да розным відам судопроизводства. Пры гэтым на кожнага студэнта павінна быць возложена абавязаннасць мець электронную подпіс і ноутбук, каб прамы на семінары па данай дысцыпліне прадэманстравалі прэпадарателю свае ўменне згатаваць неабходны дакумент у адпаведным электронным фармаце, подпісаць яго адпаведнай подпісью і напавіць прэпадарателю на праверку, які такі павінен мець ноутбук і актывна пал'зовацца ім на семінары;

2) праверка ведаў, ўмення і наяўнасці навакоў працы з электроннай подпісью пры ажыццяўленні электроннага ўзаемадзейства з судамі павінна ажыццяўляцца ў фарме экзамена, наряду з прафіліруючымі юрыдычнымі дысцыплінамі;

3) пры арганізацыі працы па павышэнню кваліфікацыі адвакатаў рэгіянальныя адвакатскія палаты павінны ўчытваць, што аучэнне адвакатаў эфектыўнаму электроннаму ўзаемадзейству з судамі мае пераважнае значэнне, асабліва ў ўмовах пандэміі, калі ўводзіцца абмежаваны рэжым пашынення судов і іншых дзяржаўных установаў;

4) пры гэтым кожны адвакат павінен ісходзіць з таго, што калі ён не ў стане эфектыўна ажыццяўляць электроннае ўзаемадзейства з судамі і іншымі дзяржаўнымі арганамі, у тым ліку і з існаваннем сабственай электроннай подпісы, ён не зможа забяспечыць свому даверіцеле доступ да правосуддзя, што з'яўляецца дэклараванай законам мэля адвакатуры.

*Макаров С. Ю.,
дацент кафедры натарыята
Універсітэта імя О.Е. Кутафіна (МГЮА),
адвакат, член Адвакатскай палаты
Московскай абласці, медыятар,
кандыдат юрыдычных навук, дацент*

ПРЕОДОЛЕНИЕ ПРОБЛЕМ ЭЛЕКТРОНИЗАЦИИ АДВОКАТСКОГО ЗАПРОСА В КОНТЕКСТЕ АДВОКАТУРЫ КАК ЧАСТИ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА¹

Новое время ставит новые задачи. Сейчас и глобально — в общегосударственном плане, и более часто — в плане адвокатуры — одной из важнейших, наиболее актуальных современных задач является присоединение к процессам цифровизации, курс на которую провозглашен государством, и участие в них. Причем важно не просто формальное присоединение и участие, но участие в этих процессах ради достижения целей, на выполнение которых направлена деятельность соответствующих организаций.

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-29-16170мк.

Однако при этом не утрачивают своей актуальности и прежние задачи — так как некоторые из них ещё не выполнены, а некоторые выполнены, но они настолько важны, что сохраняют актуальность в плане их дальнейшего продвижения и сопровождения.

Одной из таких задач является развитие гражданского общества. И вот здесь значение адвокатуры чрезвычайно важно, и даже в определенной степени уникально, потому что адвокатура является единственным институтом, в отношении которого сказано, что она является институтом гражданского общества. И это совершенно естественно для адвокатуры, с учётом выполняемых ею задач по защите прав и охраняемых законом свобод как отдельных лиц, так и всего общества.

И именно здесь, в этом пункте, сходятся прежняя задача — развитие гражданского общества — и новая задача — участие в цифровизации.

Цифровизация позволяет задействовать современные технические возможности для повышения эффективности осуществляемой деятельности. Однако для того, чтобы эти возможности были задействованы, необходима помощь государства.

Наглядным, очень показательным примером является институт адвокатского запроса и процесс его электронизации как одно из проявлений цифровизации адвокатуры.

Возможность собирать необходимые сведения и документы с помощью адвокатских запросов является одним из статусных прав адвокатов, предусмотренных в п. 3 ст. 6 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации». согласно п. 1 ст. 6.1 этого Федерального закона адвокатский запрос — это направляемое в органы государственной власти, органы местного самоуправления, общественные объединения и иные организации в порядке, установленном настоящим Федеральным законом, официальное обращение по входящим в компетенцию указанных органов и организаций вопросам о предоставлении справок, характеристик и иных документов, необходимых для оказания квалифицированной юридической помощи.

Нормативная база для электронизации адвокатского запроса уже существует, он может подаваться как в обычной — бумажной — так и в электронной форме. Однако для того, чтобы это статусное право могло быть эффективно реализовано адвокатами в цифровом (электронном) формате, необходимо содействие государства в том, чтобы адвокатура была подсоединена к СМЭВ — Системе Межведомственного Электронного Взаимодействия — что позволило бы адвокатам получать необходимые сведения и документы в полном запрошенном объеме в кратчайшие сроки. И важно отметить, что подобное присоединение отвечает интересам не только адвокатуры и граждан, и организаций, являющихся доверителями адвокатов, но и самого государства. Это обусловлено тем, что в соответствии со ст. 48 Конституции России адвокатура выполняет конституционную задачу по оказанию квалифицированной юридической помощи каждому — то есть неопределенно широкому кругу лиц, и выполнение этой конституционной задачи исключительно важно для государства.

В настоящее время адвокатура не подключена к СМЭВ, что существенно снижает эффективность применения, указанного выше статусного права (что особенно ощутимо в свете того, что во многих сферах цифровизация уже внедрена и применяется). Поэтому преодоление проблем электронизации адво-

катского запроса в контексте адвокатуры как части гражданского общества важно осуществить именно сейчас, пока еще нет серьезного (и уж тем более катастрофического) отставания адвокатуры в плане цифровизации осуществляемых ею процессов.

*Романова В. Е.,
адвокат,
член Адвокатской палаты города Москвы,
преподаватель Департамента
правового регулирования бизнеса
Факультета права НИУ ВШЭ,
преподаватель Департамента
«Высшая школа правоведения» РАНХиГС,
кандидат юридических наук*

ПРЕДСТАВЛЕНИЕ ИНТЕРЕСОВ ИНОСТРАННЫХ ИНВЕСТОРОВ В АРБИТРАЖНЫХ СУДАХ В ТЕКУЩЕЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ СИТУАЦИИ И В ПЕРИОД ПАНДЕМИИ

В рамках XVIII Международной научно-практической конференции «Кутафинские чтения» Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА) на тему «Новеллы Конституции Российской Федерации и задачи юридической науки» был рассмотрен вопрос «Адвокатская деятельность и судопроизводство в период удаленной работы: опыт России и Англии».

В рамках выступления на VIII Московском юридическом форуме «Социально-экономическое развитие и качество правовой среды» хотелось бы логически продолжить этот анализ и прежде всего обратить внимание на то, что спустя пять месяцев после предыдущей конференции, когда только обсуждался вопрос возможности внесения изменений в действующее процессуальное законодательство в части усиления цифровизации судебного процесса, 06.04.2021 в Государственную Думу Российской Федерации был внесен законопроект № 1144921-7 «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части регулирования дистанционного участия в судебном процессе»¹ (далее «Законопроект № 1144921-7»), который предусматривает возможность подачи документов в суд в электронном виде, предполагает возможность рассмотрения дел с использованием систем веб-конференций, ознакомления с материалами дела в электронном виде, осуществления допроса свидетелей удаленно, направления судебных извещений в электронном виде, направления судебных актов в электронном виде и т.д.

Указанное свидетельствует о том, что пандемия спровоцировала и ускорила быстрое техническое развитие и цифровизацию судопроизводства в Российской Федерации, и в ближайшее время можно ожидать значительных изменений в порядке ведения дел в российских судах, в том числе когда представление ин-

¹ URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/1144921-7>.

тересов иностранных инвесторов будет возможным путем участия в судебных заседаниях из любой точки мира посредством использования систем веб-связи.

В то же время параллельно с техническими вопросами, связанными с порядком проведения судебных заседаний, у адвокатов, представляющих интересы иностранных инвесторов, возникает ряд практических вопросов, непосредственно связанных с особенностями работы судебных и иных компетентных органов в период пандемии.

Так, следует обратить внимание на три основных вопроса, которые возникают при производстве по делам с участием иностранных лиц и которые могут особенно остро стоять в период пандемии в связи с обозначенными выше ограничениями в порядке работы судебных и иных компетентных органов.

К таким вопросам следует отнести прежде всего особенности (1) оформления полномочий адвокатов, (2) уведомления иностранных лиц, а также (3) особенности порядка установления содержания норм иностранного права.

(1) Порядок оформления полномочий представителя

Опыт представления интересов иностранных лиц в период пандемии свидетельствует о том, что в связи с ограничениями в работе компетентных органов стороны могут сталкиваться со сложностями при получении доверенностей от своих доверителей, в рамках которых подпись уполномоченного лица будет заверена нотариусом, и доверенность будет легализована в установленном порядке или к ней будет приложен апостиль.

В связи с указанными сложностями представляется полезным обратить внимание на положения п. 41 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27.06.2017 № 23 «О рассмотрении арбитражными судами дел по экономическим спорам, возникающим из отношений, осложненных иностранным элементом» (далее «**Постановление Пленума ВС РФ № 23**»), где ВС РФ прямо указывает, что доверенность от имени иностранного лица, выданная на территории иностранного государства, не является официальным документом и по общему правилу не требует обязательного удостоверения в виде консульской легализации или проставления апостиля, если не содержит отметок официальных органов иностранного государства.

Соответственно, доверитель может предоставить своему адвокату доверенность в простой письменной форме, и указанная доверенность должна быть принята судом. Актуальная судебная практика свидетельствует о том, что предоставление доверенностей без нотариальных отметок/апостиля может быть принято судом, если не вызывает сомнений в отношении подлинности подписи и полномочий лица, выдавшего доверенность¹.

Если же у суда имеются сомнения относительно подлинности подписи/полномочий выдавшего доверенность лица, то в соответствии с теми же разъяснениями п. 41 Постановления Пленума ВС РФ № 23 он может предложить стороне представить дополнительные доказательства. Судебная практика исходит и того, что такими доказательствами могут быть, например, выписка из торгового реестра, подтверждающая нахождение лица под юрисдикцией иностранного государства, его организационно-правовую форму, правоспособ-

¹ Постановление Арбитражного суда Северо-Западного округа от 04.03.2020 № Ф07-15388/2019 по делу № А21-8415/2018.

ность, и содержащая сведения о том, кто от имени юридического лица обладает полномочиями на приобретение гражданских прав и принятие гражданских обязанностей¹.

Также при проверке полномочий представителя может стоять вопрос о действительности доверенности исходя из ее формы. В соответствии с положениями действующего российского законодательства форма доверенности на участие представителя иностранного лица в арбитражном суде Российской Федерации подчиняется праву страны, применимому к самой доверенности (п. 1 ст. 120.9 ГК РФ), то есть праву Российской Федерации (п. 4 ст. 1217.1 ГК РФ). При этом на практике могут возникать ситуации, когда форма доверенности для представления интересов в судебном процессе в иностранном государстве может отличаться от формы доверенности, которая должна быть представлена в соответствии с действующим российским законодательством.

В такой ситуации следует иметь в виду, что исходя из разъяснений в п. 20 Постановления Пленума ВС РФ № 23, доверенность не может быть признана недействительной вследствие несоблюдения формы, если не нарушены требования права страны выдачи доверенности (п. 1 ст. 1209 ГК РФ) и требования ст. 61 АПК РФ.

Соответственно, если доверенность позволяет установить полномочия представителя в соответствии с требованиями российского процессуального законодательства и соответствует требованиям страны выдачи, она не может быть признана недействительной и может быть использована для представления интересов доверителя.

(2) Уведомление иностранных лиц о российском судебном процессе

Множество практических вопросов может возникать в связи с необходимостью надлежащего уведомления иностранных лиц о российском судебном процессе.

Так, положения ч. 3 ст. 253 АПК РФ предусматривают, что уведомление должно осуществляться путем направления поручения в учреждение юстиции или другой компетентный орган иностранного государства. При этом следует иметь в виду, что направление уведомления возможно в соответствии с порядком, установленным в двустороннем договоре о правовой помощи или многостороннем договоре (например, в рамках Конвенции о вручении за границей судебных или внесудебных документов по гражданским или торговым делам от 15 ноября 1965 г.).

При этом адвокатам следует иметь в виду, что при применении положений многосторонних договоров необходимо учитывать оговорки, которые могли сделать государства в отношении возможности или невозможности уведомления сторон тем или иным способом в их государстве (например, Российская Федерация не разрешает уведомления в упрощенном порядке в соответствии со ст. 10 Конвенции о вручении за границей судебных или внесудебных документов по гражданским или торговым делам от 15 ноября 1965 г., в то время как Великобритания допускает такие уведомления).

¹ Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 21.10.2019 № 09АП-34417/2018, 09АП-45282/2018 по делу № А40-93410/2016, Постановление Тринадцатого арбитражного апелляционного суда от 25.09.2019 № 13АП-22011/2019 по делу № А21-8415/2018.

Более того, адвокатам, представляющим интересы иностранных инвесторов, следует иметь в виду, что исходя из п. 30 Постановления Пленума ВС РФ № 23, при уведомлении иностранных лиц через органы юстиции арбитражные суды направляют поручения в эти государства не позднее чем за шесть месяцев до дня рассмотрения дела, если иное не предусмотрено международным договором.

Если же между Российской Федерацией и страной, куда необходимо осуществить уведомление, нет двустороннего или многостороннего договора (как, например, с Сингапуром), уведомление будет осуществляться через органы Министерства иностранных дел Российской Федерации. В таком случае адвокатам следует иметь в виду, что, исходя из указанного выше п. 30 Постановления Пленума ВС РФ № 23, арбитражные суды направляют поручения (в том числе и о вручении документа о вызове в суд) в эти государства не позднее чем за девять месяцев до дня рассмотрения дела.

Соответственно, адвокатам, представляющим интересы иностранных инвесторов, необходимо обращать внимание на надлежащее уведомление в рамках порядков, предусмотренных международными договорами, или в рамках дипломатического порядка, в том числе с точки зрения расчета сроков, когда может быть назначено первое судебное заседание по делу, а также иметь в виду, что направление документов в нарушение сроков, указанных в п. 30 Постановления Пленума ВС РФ № 23, будет вести к их возврату из компетентных органов в суд, что в период пандемии и в связи с ограничением порядка работы компетентных органов может вести к значительному затягиванию судебного процесса.

В то же время интересно отметить, что в текущей редакции Законопроекта № 1144921-7 отсутствуют какие-либо указания относительно возможности использования цифровых технологий для уведомления иностранных лиц. Будет интересно обратить внимание в дальнейшем на возможность использования цифровизации судебного процесса (в том числе в рамках порядка направления уведомлений) в целях сокращения сроков и повышения эффективности судопроизводства при рассмотрении дел с участием иностранных лиц.

(3) Установление содержания норм иностранного права

При рассмотрении споров с участием иностранных лиц часто возникает необходимость рассмотрения дел на основании норм выбранного сторонами международного контракта иностранного права.

В силу ст. 1191 ГК РФ и ст. 14 АПК РФ обязанность по установлению содержания норм иностранного права лежит на суде. Для этого он может обратиться за содействием в Министерство юстиции Российской Федерации и иные компетентные органы. И только если суд не может установить содержание иностранного права, предприняв необходимые действия, он может рассмотреть спор на основании норм российского права.

На практике стороны могут столкнуться с тем, что суд может предложить им представить содержание норм иностранного права, а если последние не представят указанные данные, то примет решение рассматривать спор на основании норм российского права.

Последняя практика ВС РФ подчеркивает, что обязанность по установлению содержания норм иностранного права лежит именно на суде, даже если последний обязывает доказывать содержание норм иностранного права участников судебного процесса (ч. 2 ст. 14 АПК РФ).

Как подчеркивает ВС РФ в определении № 308-ЭС20-18927 по делу № А25-755/2019 от 11.03.2021, «предмет судебного исследования о содержании норм иностранного законодательства касается исключительно вопросов права. Следуя принципу «Jura novit curia» («Суд знает законы») и п. 1 ст. 168 АПК РФ (обязанность суда по определению законов и иных нормативных правовых актов, подлежащих применению при принятии судебного решения), процессуальная активность суда по исследованию вопросов права должна быть существенно выше, чем при решении вопросов по фактическим обстоятельствам дела».

В указанном деле ВС РФ также обращает внимание нижестоящих судов, что «ссылка на длительность процесса (более пяти месяцев в первой инстанции) как оправдание невозможности разрешения вопроса о применимом праве несостоятельна, поскольку данный вопрос носил первоочередной характер и правовой механизм его разрешения должен был быть запущен самим судом еще в самом начале разрешения судебного спора».

Соответственно, в силу указанной позиции ВС РФ, в рамках споров с участием иностранных инвесторов адвокатам следует отстаивать возможность рассмотрения споров на основании норм выбранного сторонами применимого права, а также обращать внимание суда, что в силу закона обязанность по установлению содержания норм иностранного права лежит именно на суде.

В то же время адвокатам следует иметь в виду, что в период пандемии в связи с возможными ограничениями в порядке работы компетентных органов установление содержания норм иностранного права может занимать длительное время, в связи с чем адвокатам сторон рекомендуется проявлять активную позицию по доказыванию содержания норм иностранного права.

Таким образом, указанные вопросы свидетельствуют о том, что многие аспекты рассмотрения дел с участием иностранных инвесторов могут требовать участия компетентных органов. В то же время возможные ограничения в их работе в период пандемии могут создавать практические сложности и затягивать рассмотрение дела. В связи с изложенным адвокатам рекомендуется принять во внимание указанные выше позиции, основанные на разъяснениях ВС РФ, которые могут обеспечить эффективную защиту интересов доверителей в максимально возможные сжатые сроки.

Скабелина Л. А.,

доцент кафедры адвокатуры

Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

кандидат психологических наук, доцент

ГИБРИДНЫЕ ФОРМЫ ЭЛЕКТРОННОГО ОБУЧЕНИЯ В СИСТЕМЕ ПОВЫШЕНИЯ КВАЛИФИКАЦИИ АДВОКАТОВ

В последнее время в системе повышения квалификации адвокатов стали активнее развиваться различные формы электронного обучения. Это обусловлено ситуацией, связанной с пандемией COVID-19, экономичностью и удобством применения электронного обучения.

Электронное обучение (англ. Electronic Learning или сокр. e-learning) — это обучение при помощи электронных и информационных технологий. В Федеральном

законе от 28 февраля 2012 г. № 11-ФЗ введено определение понятия «электронное обучение». Согласно нему, под электронным обучением понимается «организация образовательного процесса с применением содержащейся в базах данных и используемой при реализации образовательных программ информации и обеспечивающих ее обработку информационных технологий, технических средств, а также информационно-телекоммуникационных сетей, обеспечивающих передачу по линиям связи указанной информации, взаимодействие участников образовательного процесса»¹. Под дистанционными образовательными технологиями предлагается понимать «образовательные технологии, реализуемые в основном с применением информационно-телекоммуникационных сетей при опосредованном (на расстоянии) взаимодействии обучающихся и педагогических работников»².

К электронному обучению можно отнести использование электронных учебников, учебных материалов, дистанционных курсов, участие в вебинарах, использование специальных интерактивных программ и пр. Практически электронное обучение началось с использованием компьютеров. Но особое развитие оно получило именно в последние годы.

Система повышения квалификации адвокатов испытывает на себе влияние мировых трендов развития образования. 18 апреля 2019 г. IX Всероссийским съездом адвокатов утвержден «Стандарт профессионального обучения и повышения профессионального уровня адвокатов и стажеров адвокатов». В нем указаны следующие формы организации повышения профессионального уровня адвокатов: очные аудиторные мероприятия (лекции, тренинги, игровые судебные процессы и иные игровые (имитационные) обучающие мероприятия); заочные (дистанционные) мероприятия (вебинары, дистанционные онлайн-курсы); подписка на издание «Адвокатская газета»; научные, научно-практические и иные мероприятия, проводимые Федеральной палатой адвокатов Российской Федерации (конференции, конгрессы, круглые столы, симпозиумы); обучающие мероприятия, организуемые и проводимые для членов квалификационных комиссий адвокатских палат субъектов Российской Федерации; иные формы, предусмотренные решением Совета Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации»³.

В Федеральной палате адвокатов ведется планомерная работа по внедрению в систему повышения квалификации всех компонентов электронного обучения и дистанционных технологий, позволяющая каждому адвокату совершенствовать свой профессиональный уровень по индивидуальной траектории, целенаправленно формировать соответствующие времени профессиональные навыки. Одной из составляющих виртуальной информационно-образовательной среды является онлайн-обучающая платформа дистанционных курсов ФПА <https://edu.fparf.ru/>.

На платформе размещен 21 дистанционный курс, каждый из которых может использоваться при формировании программ повышения квалификации на модульной основе. В их числе:

¹ Федеральный закон РФ от 28 февраля 2012 г. № 11-ФЗ «О внесении изменений в Закон РФ «Об образовании» в части применения электронного обучения, дистанционных образовательных технологий» // СПС «КонсультантПлюс».

² Там же.

³ Стандарт профессионального обучения и повышения профессионального уровня адвокатов и стажеров адвокатов. Утвержден 18 апреля 2019 г. IX Всероссийским съездом адвокатов.

— курсы для молодых адвокатов («Профессиональная деятельность адвоката в уголовном процессе», «Адвокат в суде присяжных», «Соглашение об оказании юридической помощи», «Статусные права адвокатов», «Юридическое консультирование как деятельность адвоката», «Судебный допрос», «Анализ дела. Позиция по делу», «Психология профессиональной деятельности адвоката»);

— курсы по обжалованию и заявлению ходатайств («Гражданский процесс: основания обжалования», «Ходатайства об исключении доказательств в уголовном процессе», «Апелляционное и кассационное обжалование итоговых решений в уголовном процессе», «Апелляционные и кассационные жалобы в арбитражном процессе»);

— курсы по работе со специальными знаниями и экспертными заключениями («Вводный курс по судебной экспертизе», «Судебно-психологическая экспертиза», «Экспертизы по экономическим спорам», «Гуманитарная экспертиза»);

— курсы по консультированию малого бизнеса («Консультирование по вопросам создания коммерческих организаций», «Базовый курс по составлению коммерческих контрактов»);

— курсы по дополнительным навыкам («Переговоры в деятельности адвоката», «Медиация в деятельности адвоката»);

— тематические курсы («Ведение стратегических дел»).

Кроме указанных курсов на платформе размещены уникальные видеозаписи лекций выдающихся адвокатов (С. Л. Ария, А. И. Краснокутской, Г. М. Резника, Е. В. Семеняко и др.), которые могут целиком или частично использоваться при проведении занятий с адвокатами.

Недавно открылся онлайн-портал Центра юридических клиник <https://online.codolc.com/>. На нем курсы объединены в группы: курсы по профессиональным навыкам юриста; курсы для юристов, которые хотят знать больше; курсы для неюристов о праве и правах; курсы для преподавателей. Портал постоянно обновляется, количество курсов, размещенных на нем, увеличивается.

Несколько лет успешно функционирует сайт Школы адвоката Адвокатской палаты Ставропольского края <https://lawyerschool.palatask.ru>. На нем размещены курируемые и некурируемые дистанционные курсы для практикующих адвокатов и для тех, кто только собирается стать адвокатом. Команда из опытных тренеров этой школы успешно использует гибридные формы электронного обучения.

Безусловно массовые открытые онлайн-курсы — это современная и перспективная форма электронного обучения, и творческое использование их материалов позволяет создавать гибридные формы, сочетающие в себе электронное обучение и работу с преподавателем.

Гибридное обучение называют ещё смешанным или комбинированным обучением. М. С. Медведева даёт следующее определение гибриднему обучению: это система преподавания, объединяющая в единое целое самообразование, очное и дистанционное обучение, организующая взаимодействие между преподавателями, обучающимися и интерактивными источниками информации, содержащая все элементы учебно-воспитательного процесса (цели, формы и методы, содержание, средства и т.д.)¹.

¹ Медведева М. С. Формирование готовности будущих учителей к работе в условиях смешанного обучения : автореф. дис. ... канд. пед. наук. Н. Новгород, 2005.

Гибридное обучение может выглядеть следующим образом: слушатель получает нечто вроде дорожной карты, точнее маршрутного листа, с указанием на то, что и в какой последовательности ему предстоит сделать. Сидя за компьютером (используя мобильный телефон или планшет), следуя по «маршруту», он изучает предлагаемые материалы, выполняет упражнения, осваивает тренажёры, моделирующие профессиональные ситуации. Могут использоваться ролевые и имитационные игры, кейсы, фрагменты кинофильмов, квесты. Каждый слушатель получает доступ к справочным материалам: электронные учебники, энциклопедии, навигаторы полезных сайтов и пр.

В случае затруднения слушатель обращается к преподавателю (тьютеру) по Skype, Zoom или электронной почте. Могут быть организованы очные консультации. При этом каждый учится в своем темпе, переходя к более высокому уровню только при условии освоения предыдущего.

Гибридное обучение позволяет собирать «маршрут» из разных частей других курсов, поэтому выстраивание персональной траектории совершенствования каждого слушателя становится безусловным преимуществом такого обучения. Становится реальным переход от единой для всех программы повышения квалификации адвокатов к системе профессионального совершенствования по индивидуальной программе и траектории обучения с учетом потребностей каждого слушателя.

Гибридная форма электронного обучения в системе повышения квалификации адвокатов может включать:

- самостоятельное обучение адвокатов на дистанционных курсах открытых образовательных ресурсов;
- дистанционную форму запланированного взаимодействия адвокатов с лектором (вебинары, мастер-классы, онлайн-тренинги и пр.);
- смешанный формат (чередование самостоятельного обучения и онлайн-встреч с авторами/тьютерами курсов);
- обсуждение профессиональных проблем (на форумах, в чатах, в блогах) и пр.

Новые информационные технологии предоставляют качественно новые возможности для развития системы повышения квалификации адвокатов. Учитывая установку на непрерывность образования в течение всей профессиональной жизни, совершенствование системы повышения квалификации особенно актуально. Поиск путей совершенствования качества этой системы возможен через творческое осмысление преимуществ и недостатков электронного обучения, сочетание разных его форм, создания новых электронных ресурсов, открывая возможности конструирования индивидуальных образовательных маршрутов адвокатов при повышении ими своей квалификации.

Темир-Булатова А. А.,

аспирант кафедры адвокатуры

Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

ФОРМИРОВАНИЕ АДВОКАТОМ ПРАВОВОЙ ПОЗИЦИИ ПО ДЕЛАМ В СФЕРЕ ОБОРОТА ГРАЖДАНСКОГО ОРУЖИЯ

В науке нет однозначного определения понятия «правовая позиция», также оно не закреплено в законодательстве. Исследователи предлагают свои вари-

анты, соединяя общую теорию права, философские подходы и эмпирический опыт. Будучи широко употребляемым, оно не могло не получить должного научного обоснования, однако диапазон его распространения весьма велик. Сначала теоретики права связывали термин «правовая позиция» исключительно с аргументацией правоприменительных решений (и Конституционного суда в частности). Так, Н. А. Власенко дает такое определение: «Правовые идеи, основанные на правовых мотивах юридического решения фактической ситуации. Важнейшим признаком правовых позиций, их стряжем является структурированность содержания на основе объединяющей правовой идеи. В основе такого тезиса следующая логика: определенные фактические данные, обнаруживающие необходимость правового регулирования, предлагается отрегулировать в соответствии с каким-либо принципом. Это своего рода логико-юридическая конструкция, выражающая отношение к праву, правовому регулированию и его нормам¹.

Таким образом, изучив актуальные мнения исследователей по вопросу определения термина «правовая позиция», можно выделить те общие черты, которые для нее характерны: это структурированность, логичность, профессионализм, индивидуальность, реализуемость.

Применительно к адвокатской деятельности, предлагалось следующее: «правовая позиция адвоката по делу — это сформированное мнение адвоката о желательном конечном результате его деятельности по оказанию квалифицированной юридической помощи доверителю на основании сочетания воли доверителя, обусловленной его процессуальным положением в деле, норм права, правоприменительной практики, фактических обстоятельств и имеющихся доказательств по делу»². И тогда как по расследованию отдельных категорий правонарушений написано достаточно много методических указаний и исследований, учитывающих все факторы, возникающие в ходе работы правоохранительных органов, в целях повышения их эффективности, то аналогичных материалов и разработок, анализирующих и структурирующих позицию защиты в настоящее время не хватает.

Оборот гражданского оружия всегда был остросоциальной темой для правовых дискуссий. Несмотря на небольшой удельный вес преступлений, связанных с незаконным оборотом оружия в структуре преступности — 1,4 % от общего числа, законодательное регулирование данной темы постоянно дополняется и видоизменяется под влиянием общественности. Исходя из отчета «Состояние преступности в России» Главного управления правовой статистики и информационно-технологий Генеральной Прокуратуры РФ за январь — июнь 2020 г., общее число преступлений, связанных с незаконным оборотом оружия составляет 13,7 тыс. На факты сбыта оружия приходится одно из пяти регистрируемых преступлений в обозначенной сфере (23,6 %, 2,6 тыс.). Наибольшее распространение преступность в сфере незаконного оборота оружия получила в Центральном и Приволжском федеральных округах. Вместе с этим, по данным 2019 г., в России более 250,9 тыс. человек были привлечены к административной

¹ Власенко Н. А., Гринева А. В. Судебные правовые позиции (основы теории). М. : Юриспруденция, 2009. 168 с.

² Ходилина М. В. Правовая позиция адвоката-защитника: проблемы формирования и реализации : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2013. 21 с.

ответственности за нарушения правил оборота оружия, сотрудниками подразделений лицензионно-разрешительной работы Росгвардии проведено 3,7 млн проверок обеспечения сохранности оружия гражданами, было аннулировано 49,9 тыс. лицензий и разрешений на гражданское оружие. В настоящее время Росгвардией контролирует почти 3,9 млн владельцев и лиц, получивших разрешение на хранение и ношение оружия. У них на руках в общей сложности находится более 6,6 млн единиц оружия.

Исходя из анализа приведенных данных и существующего законодательного регулирования, мы видим, что за нарушения в сфере оборота гражданского оружия предусмотрена как уголовно-правовая, так и административная ответственность, что может стать одним из острых вопросов формирования правовой позиции по делу с самого начала. Глубокое знание и понимание норм материального права в обозначенной сфере является необходимой основой для формирования возможной позиции по делу.

На этапе формирования первичной позиции по делу, сто́ит уделить внимание определению формы вины доверителя, так как все составы правонарушений в сфере оборота гражданского оружия предполагают прямой умысел, а также наступившие негативные последствия, так как некоторые составы возможны только при наступлении тяжких последствий. В связи с этим примечательным является Постановление Конституционного Суда РФ от 17.06.2014 № 18-П, по обращению гражданки Н. В. Урюпиной, в отношении которой было возбуждено уголовное дело по признакам преступления, предусмотренного частью третьей статьи 30 и частью четвертой статьи 222 УК Российской Федерации, которое выразилось в том, что она пыталась реализовать в пунктах оценки антиквариата два имевшихся у нее кортика. Приговором Пресненского районного суда города Москвы от 2 февраля 2007 г. данное деяние было квалифицировано как покушение на незаконный сбыт холодного оружия, все вышестоящие суды данный приговор утвердили. Гражданка обратилась в Конституционный суд. В обоснование своей позиции она указала, что оспариваемые законоположения позволяют привлечь граждан к уголовной ответственности за продажу антикварного холодного оружия, оборот которого — особенно в целях коллекционирования или продажи в качестве предмета, имеющего культурную ценность, — не представляет общественной опасности; при этом до настоящего времени в законодательстве отсутствуют положения, регулирующие правоотношения с участием физических лиц, возникающие при обороте антикварного холодного оружия (его копий и реплик), не отнесенного Федеральным законом «Об оружии» к гражданскому или боевому оружию, а также к запрещенному к обороту на территории Российской Федерации оружию, а следовательно, оборот такого оружия как объекта гражданских прав в силу пунктов 1 и 2 статьи 129 ГК Российской Федерации является свободным. Конституционный суд признал положение части статьи 222 УК РФ, не соответствующим Конституции в той мере, в какой в системе сохраняющего неопределенность правового регулирования оборота холодного оружия, имеющего культурную ценность, приводящую к его произвольному истолкованию и применению, данное законоположение не предполагает учета специфики использования такого оружия и не позволяет лицу осознавать общественно опасный и противоправный характер своих действий.

При первом обращении доверителя необходимо получить всю исчерпывающую информацию об инкриминируемом ему деянии, установить психологиче-

ский контакт и разъяснить права, предоставленные ему законодательством, подробно остановившись на роли адвоката и его полномочиях по защите, строгом соблюдении конфиденциальности и адвокатской тайны, обязанности адвоката действовать только в интересах доверителя и согласовывая с ним позицию по делу, а также обозначить границы «допустимого», то есть возможность использования только законных средств и методов защиты. «Строгое следование требованиям закона — обязательное условие деятельности адвоката и адвокатуры. Это означает, что адвокат призван защищать подлинные (а не мнимые) права лица, не любые его интересы, а только законные. Средства и методы защиты должны быть основаны на законе»¹.

Применительно к указанной категории преступлений, необходимо, помимо вышеперечисленных, выяснить следующие сведения: какой предмет изъяли у доверителя и принадлежит ли он ему, при каких обстоятельствах его изъяли (обыск, досмотр машины, в общественном месте), является ли этот предмет оружием и пригоден ли он для стрельбы, оружием какой категории он является и распространяется ли на него действие ФЗ «Об оружии», то есть не является ли оно самодельным, откуда данный предмет у доверителя (купил официально/неофициально, подарили, изготовил, получил в наследство, нашел) и с какой целью он его приобрел, имеются ли боеприпасы, есть ли у доверителя разрешение на оружие (возможно, было в прошлом). Также полагаем полезным уточнить, имеются ли у доверителя иные предметы, которые могут быть квалифицированы как незаконное оружие (например, хранящееся в другом месте) и разъяснить положения о добровольной сдаче оружия, исключающие привлечение к уголовной ответственности. Потому как, даже если что-то уже было изъято, например, в ходе обыска в квартире, но при этом есть незаконное оружие на даче/в машине, но они еще не были обнаружены правоохранительными органами, такая сдача будет считаться добровольной, что подтверждается судебной практикой. Это вопросы, касающиеся инкриминируемого деяния.

Также обязательно выяснить всю информацию, характеризующую доверителя, которая может быть полезной, хотя на первый взгляд незначима. Это вопросы о составе семьи и наличии иждивенцев, об образовании и месте работы (для истребования характеристик в том числе), об имеющихся заболеваниях у доверителя и членов его семьи, о наличии судимости или привлечения к уголовной/административной ответственности в прошлом, о наличии иного положительного характеризующего материала (грамоты, благодарности, общественная деятельность и т.д.).

Исходя из полученной при первом общении с доверителем информации, защитник может определить следующие обстоятельства:

- нет ли оснований для отказа в возбуждении уголовного дела или прекращения его;
- если имеет место неоконченный состав преступления, то нет ли добровольного отказа от преступления (ст. 31 УК РФ);
- если преступление совершено в группе, нет ли эксцесса исполнителя преступления (ст. 36 УК РФ);
- нет ли невиновного причинения вреда (ст. 28 УК РФ);

¹ Купцова Э. Ф. Гарантии прав личности в советском уголовном процессе. М. : Юрид. лит., 1973. С. 53.

— не совершено ли деяние в состоянии невменяемости (ст. 21 УК РФ)¹.

А также начать формировать позицию по делу, исходя из того, признает ли доверитель свою вину или нет (возможно, признает частично), имеются ли основания для переквалификации (например, если имеются те же признаки состава, что и в административном правонарушении), и определить круг обстоятельств, подлежащих выяснению для дальнейшего уточнения позиции и список скорейших действий (опрос свидетелей, затребование характеристик, постановка вопросов специалисту/эксперту и т.д.).

Стоит отметить, что чаще всего по делам в сфере оборота оружия первым процессуальным действием, которое совершает дознаватель/следователь после обнаружения оружия или предмета, похожего на оружие — это направление его на баллистическое исследование для ответа на вопрос о том, пригодно ли оно для стрельбы (обычно это происходит для решения вопроса о возбуждении уголовного дела). В случае, когда исследованием установлена пригодность для стрельбы и разрешен вопрос о возбуждении уголовного дела, уже незамедлительно назначается баллистическая экспертиза, где в том числе решаются вопросы о способе изготовления оружия, его давности, возможной переделке и конкретному виду, и категории оружия. Именно здесь требуется тщательная работа адвоката в части постановки корректных вопросов. Полагаем, что до получения результатов баллистической экспертизы правовая позиция по делу не может быть окончательно сформулирована, даже в отношении виновности.

Исходя из всех собранных данных и обстоятельств дела, следует формулировать желаемый для стороны защиты результат работы по делу. Первоначально, стоит оценить, достаточно ли имеющихся доказательств, в совокупности с волей доверителя, для отстаивания позиции полной невиновности лица в инкриминируемом деянии. В случае, когда очевидно, что такая правовая позиция является «слабой», следует рассмотреть позицию частичного признания вины (например, когда помимо хранения незаконного оружия, дополнительно обвиняют ст. 223 УК, можно отстаивать позицию признания вины в хранении оружия, но полного отсутствия доказательств изготовления). Также в случае вывода о неэффективности отстаивания позиции невиновности, необходимо рассмотреть возможность переквалификации, с учетом обстоятельств. В крайнем случае, тщательно проверив все иные пути построения правовой позиции, и обсудив с доверителем имеющиеся преимущества, учитывая его волю и знание адвокатом судебной практики по данной категории дел, можно заявить о признании вины, которое будет являться смягчающим обстоятельством. Изучение судебной практики показало, что в случае признания вины, при отсутствии других вменяемых составов и квалифицирующих признаков, а также положительного характеризующего материала, больше чем в 80 % случаев наказание по ч. 1 ст. 222 УК РФ назначается условно.

Таким образом, мы рассмотрели вопрос формирования первоначальной позиции по делам, связанным с оборотом гражданского оружия, исходя из которой определяются дальнейшие конкретные действия адвоката по доказыванию невиновности своего доверителя или смягчения его вины или переквалификации деяния.

¹ Львова Е. Ю. Защита по уголовному делу : пособие для адвокатов / под ред. Е. Ю. Львова. М. : Юристъ, 2002. С. 14–15.

Указанным законом запрещено отказывать участникам уголовного процесса (подозреваемым, обвиняемым и адвокатам, участвующим в уголовном деле) в удовлетворении ходатайств не только о производстве следственных действий, но и в приобщении к материалам уголовного дела доказательств, если обстоятельства, об установлении которых ходатайствуют указанные лица, имеют значение для данного уголовного дела и подтверждаются этими доказательствами.

Однако, как показывает практика Уполномоченного, следственными органами не всегда выполняются указанные требования закона.

Также необходимо отметить принятие Федерального закона от 2 декабря 2019 г. № 400-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», вступившим в силу 1 марта 2020 г. Отдельные его положения вступили в силу с 1 марта 2021 г. и вступят с 1 марта 2022 г.

Данные изменения не затрагивают концепцию действующего законодательства об адвокатской деятельности и направлены на повышение гарантий реализации предусмотренной статьей 48 Конституции Российской Федерации права граждан на получение квалифицированной юридической помощи, а также на урегулирование организационных вопросов адвокатской деятельности.

Вопросы, актуальные для адвокатского сообщества, актуальны и для государственного правозащитника — Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации.

Деятельность Уполномоченного дополняет существующие средства защиты прав и свобод граждан. При этом не отменяет и не влечет пересмотра компетенции других государственных органов.

Важнейшей функцией Уполномоченного является рассмотрение жалоб на нарушение их прав государственными органами, органами местного самоуправления и их должностными лицами, а также защита прав и свобод человека и гражданина в случаях их нарушения.

Рассматривая жалобу, Уполномоченный обязан предоставить органу или должностному лицу, решения или действия (бездействия) которых обжалуются, возможность дать объяснения и мотивировать свою позицию.

При установлении факта нарушения прав и свобод человека Уполномоченный вправе:

— обратиться в суд с административным иском в защиту прав и свобод граждан (в том числе неограниченного круга лиц), нарушенных решениями или действиями (бездействием) органов или должностных лиц публичной власти, а также участвовать в процессе;

— обратиться в компетентные государственные органы с ходатайством о возбуждении дисциплинарного или административного производства либо уголовного дела в отношении должностного лица, в решениях или действиях (бездействии) которого усматриваются нарушения прав и свобод человека и гражданина;

— обратиться в суд или прокуратуру с ходатайством о проверке вступившего в законную силу решения суда или постановления судьи;

— изложить свои доводы должностному лицу, уполномоченному вносить протест, а также присутствовать при рассмотрении дела в суде в порядке надзора;

— обратиться в Конституционный Суд РФ с жалобой на нарушение конституционных прав и свобод граждан законом, примененным или подлежащим применению в конкретном деле.

За последние пять лет к Уполномоченному поступило свыше 200 тыс. обращений, более 20 тыс. граждан пришли на личный прием. Оказано содействие в восстановлении прав более чем миллиону граждан.

Наряду с защитой нарушенных прав конкретного человека деятельность по рассмотрению жалоб представляет собой средство выявления «слабых мест» в системе взаимоотношений личности, общества и государства. Правозащитная практика Уполномоченного дает необходимый эмпирический материал для аналитической работы по оценке ситуации в сфере прав человека. Результаты этой аналитической работы ложатся в основу рекомендаций Уполномоченного органам исполнительной и законодательной власти.

Участие в работе по совершенствованию законодательства осуществляется Уполномоченным непрерывно. Особо можно отметить установление права осужденных на перевод в исправительное учреждение вблизи места жительства или места жительства их родственников; введение зачета времени содержания под стражей до вступления в силу приговора суда при определении срока отбывания наказания в виде лишения свободы; установление гарантий защиты прав добросовестных приобретателей недвижимости; определение порядка учета лиц, относящихся к коренным малочисленным народам, — вот лишь некоторые результаты законопроектной работы, в которой институт Уполномоченного принял непосредственное участие. Нередко такая деятельность требовала многолетних совместных усилий с органами государственной власти, научным и правозащитным сообществами.

Удалось решить одну из главных задач — подвести деятельность региональных уполномоченных под прочную, единую законодательную основу.

Принят пакет нормативных актов, направленных на укрепление правового статуса уполномоченных по правам человека в субъектах Российской Федерации, над которым вместе с палатами Федерального Собрания Российской Федерации мы работали с 2016 г. Его основой стал Федеральный закон от 18 марта 2020 г. № 48-ФЗ «Об уполномоченных по правам человека в субъектах Российской Федерации», в котором впервые в отечественной истории правозащиты определено функциональное назначение региональных уполномоченных, закреплены единые стандарты их организации и деятельности, что крайне важно для создания равных возможностей каждому человеку в доступе к механизмам защиты прав и свобод.

Еще одним из важных достижений за последние пять лет стало укрепление международных связей. Налажено взаимодействие Уполномоченного со структурами в рамках ООН и Совета Европы, осуществлялось тесное сотрудничество с омбудсменами зарубежных государств. С 2017 г. дан старт работе Евразийского Альянса Омбудсменов, насчитывающего 8 участников.

Многосторонняя и двусторонняя правозащитная дипломатия стала действенным инструментом для отстаивания нарушенных за рубежом прав россиян и соотечественников. Ярким примером может служить участие Уполномоченного в российско-украинском обмене заключенными.

Работа уполномоченных по правам человека сегодня как никогда востребована и получила признание среди граждан, о чем свидетельствуют и опросы общественного мнения. При широком взгляде на функции Уполномоченного по правам человека становится очевидно, что главная из них заключается в том, чтобы быть посредником между властью и гражданским обществом.

Посредническая миссия Уполномоченного позволяет смягчить противоречия между государственной и социальной средой.

Многие проблемы правоприменения выявляются Уполномоченным во взаимодействии с адвокатским сообществом. Отмечаются случаи не только воспрепятствования деятельности адвоката, но и применения насилия в отношении них при исполнении обязанностей по защите доверителя.

Так, 31 марта 2021 г. к Уполномоченному поступило обращение от вице-президента Федеральной палаты адвокатов РФ. В нем указано, что в ночь на 21 мая 2020 г. в Урванском районе Кабардино-Балкарии произошел инцидент с участием адвокатов, всколыхнувший все адвокатское сообщество.

Прибывших в отдел полиции трех адвокатов женщин несколько часов не допускали к подзащитному и впоследствии с применением физической силы десять сотрудников полиции вытолкали их на улицу, используя при этом оскорбительные, унижающие достоинство женщины действия. Одновременно двум адвокатам нанесены побои, одному — повреждения, повлекшие причинение вреда здоровью средней тяжести.

Попытки женщин обороняться привели к тому, что их действия были расценены как насилие в отношении представителя власти и в отношении них возбуждено уголовное дело, которое в настоящее время расследуется.

Хотелось бы заверить, что аппарат Уполномоченного использует все предоставленные законом полномочия для защиты прав указанных адвокатов.

В последние годы совместными усилиями адвокатурой и аппаратом Уполномоченного многое сделано на пути совершенствования уровня правозащиты. Количество обращений к Уполномоченному, в том числе от адвокатов в интересах своих подзащитных, растет из года в год.

Вместе с тем для того, чтобы добиваться успехов в обеспечении реальной и действенной защиты прав и свобод граждан необходим постоянный поиск новых путей повышения эффективности существующих институтов гражданского общества, к которым в том числе относится адвокатура.

Между Уполномоченным по правам человека в Российской Федерации и Федеральной палатой адвокатов Российской Федерации 10 января 2010 г. заключено соглашение о сотрудничестве. С учетом значительного периода его действия представляется целесообразным актуализировать действующее соглашение, адаптировав его к реалиям настоящего времени.

Шаповал А. Б.,

аспирант кафедры адвокатуры

Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

ЭТИЧЕСКИЕ ПРЕДЕЛЫ КОММЕНТАРИЕВ АДВОКАТА ДЛЯ СМИ

Развитие цифровизации общества, системы органов государственной власти и институтов гражданского общества происходит с высоким темпом. На современном этапе развития информационно-коммуникационных технологий информация стала ценностью, передача и распространение которой среди неограниченного числа лиц не просто возможна, а стала привычной обыденностью. И если с одной стороны такие возможности передачи информации создают

большие проблемы, связанные с ее защитой (например, в вопросе персональных данных), то с другой (например, для СМИ) — это явление положительное, способствующее максимально простому и быстрому распространению видео-/аудио-/печатных материалов, содержащих в себе последние актуальные новости и волнующие общественность факты и события. Чем быстрее и проще можно распространить эти данные, тем быстрее и проще общественности станет известно о в том числе деятельности адвокатов, их высказываниях и поведении, в особенности по «громким» делам.

На состоявшемся 15 марта 2021 года в социальной сети «Clubhouse» обсуждении¹, которое было посвящено возможному поправкам в КПЭА, Член Совета ФПА, советник ФПА РФ Е. Г. Авакян совершенно точно привела цитату времен XIX в. французского адвоката Франсуа Этьена Моллю, который писал: «Достоинство частного человека есть его личное достояние; достоинство адвоката есть достояние всего сословия». Вице-президент ФПА РФ, член Совета ФПА РФ, первый вице-президент АП Московской области М. Н. Толчеев обратил внимание на то, что адвокатская этика — это «система ценностей, система видения того, как члены сообщества должны общаться между собой, контактировать с внешними миром и с сообществом в целом».

Действительно, говоря о адвокатской этике, необходимо помнить, что адвокат — это представитель древнего адвокатского сословия, в котором в приоритет ставятся традиции, честь, сдержанность, уважение себя и окружающих, единство с адвокатской корпорацией. Потому выступления адвоката для СМИ показывают не только его как отдельно взятого человека, но и всю корпорацию, и, если данный адвокат позволяет себе лишнее — вред будет нанесен не только ему, но и всем его коллегам-адвокатам.

Для исключения недостойных адвокатского звания высказываний и действий в адвокатском сообществе действует Кодекс профессиональной этики адвоката² — этически минимально достаточный стандарт поведения адвоката. КПЭА предусматривает в том числе, что:

— адвокаты при всех обстоятельствах должны сохранять честь и достоинство, присущие их профессии (п. 1 ст. 4);

— адвокат обязан уважать права, честь и достоинство лиц, обратившихся к нему за оказанием юридической помощи, доверителей, коллег и других лиц, придерживаться манеры поведения и стиля одежды, соответствующих деловому общению (п. 2 ст. 8);

— адвокат строит свои отношения с другими адвокатами на основе взаимного уважения и соблюдения их профессиональных прав (п. 1 ст. 15);

— адвокат не должен употреблять выражения, умаляющие честь, достоинство или деловую репутацию другого адвоката либо авторитет адвокатуры (подп. 1 п. 2 ст. 15).

¹ Право самостоятельно определять свои этические нормы — важное достижение корпорации. Новость от 17.03.2021 на сайте АГ // URL: <https://fparf.ru/news/fpa/Pravo%20samostoyatelno%20opredeliat/> (дата обращения: 20.04.2021), также информация взята из онлайн-обсуждения в социальной сети «Clubhouse» от 15.03.2021.

² Кодекс профессиональной этики адвоката. (Принят I Всероссийским съездом адвокатов от 31.01.2003) // URL: <https://fparf.ru/documents/fpa-rf/documents-of-the-congress/the-code-of-professional-ethics-of-lawyer/> (дата обращения: 22.04.2021).

С развитием технологий и интереса у современных российских СМИ к адвокатуре назрела необходимость в принятии рекомендаций и правил поведения адвокатов при взаимодействии со СМИ, в том числе посредством сети Интернет. Так, в 2010 г. были утверждены Рекомендации адвокатам по взаимодействию со средствами массовой информации¹, а в 2016 г. — Правила поведения адвокатов в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет»².

Согласно указанным Рекомендациям и Правилам, адвокатам следует строго придерживаться норм этики, уважая право общества на получение информации на благо последнего, в особенности, составляющей публичный интерес (кроме информации, разглашение которой не допускается согласно законодательству), предоставляя СМИ точную, конкретную, понятную и достоверную информацию с позиции права и не в противовес позиции по ведомому делу и интересам доверителя. При этом отмечается, что адвокатам следует готовиться к таким комментариям в СМИ, воздерживаться от радикальных политических заявлений и выступлений (кроме защиты интересов различных социальных групп), при этом обязательно отмечая, чье мнение адвокат освещает в СМИ (собственное, или же сообщества, или иной группы).

Представляется важным, что адвокат вправе давать свои комментарии по поводу состояния элементов правовой системы, системы правосудия и эффективности правовых инструментов на текущем этапе их развития, в том числе исходя из его практики, поскольку такая оценка согласуется с призванием адвоката как независимого советника по правовым вопросам. При этом важно, что адвокат обязан давать такую оценку исходя из примата прав и свобод человека и презумпции невиновности.

Исходя из принципа корпоративности и этических принципов деятельности адвокатуры, адвокатам необходимо воздерживаться от негативных характеристик при оценке действий коллег, равно как и выносить на всеобщее обозрение внутренние проблемы сообщества. Отдельно выделяется запрет на выступления с комментариями по существу «громких» дел, в которых адвокат не участвует, публичная оценка существа этих дел, высказывание о виновности или невиновности обвиняемых.

В КПЭА, Рекомендациях и Правилах также отдельное место посвящено вопросу саморекламы адвокатов. Такие действия расцениваются сообществом как недопустимые в той части, когда размещение адвокатом информации о себе производится на платной основе, анонимно, с использованием сравнения (или сравнительной и превосходной степени прилагательных). Разрешено размещать адвокатом полную информацию о себе в информационных целях, в том числе и просветительских, в справочных и информационных изданиях, на официальных интернет-сайтах, при этом обязательно учитывая иные прописанные в актах адвокатского сообщества требования.

¹ Рекомендации адвокатам по взаимодействию со средствами массовой информации. Утверждены Советом ФПА РФ от 21.06.2010, Протокол № 5 // URL: <https://fparf.ru/documents/fpa-rf/the-documents-of-the-council/recommendations-for-interaction-with-the-media/> (дата обращения: 01.05.2021).

² Правила поведения адвокатов в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет». Утверждены Советом ФПА РФ от 28.09.2016, Протокол № 7 // URL: <https://fparf.ru/documents/fpa-rf/the-documents-of-the-council/rules-of-conduct-for-lawyers-in-the-information-telecommunication-network-internet/> (дата обращения: 01.05.2021).

Созданное данными Рекомендациями и Правилами «пособие» доступно каждому читающему, оно должно быть понято каждым претендентом, намеревающимся связать свою судьбу с адвокатурой и сдающим квалификационный экзамен на статус адвоката. Однако 2020 год показал, что проблема кроется не только в том, что не все адвокаты понимают этические ограничения. В большей степени она состоит в том, что часть адвокатского сообщества либо просто не осмысливает указанные правила поведения, либо же попросту игнорирует их в своих целях.

В свете событий, происходивших вокруг ДТП с участием М. О. Ефремова, 23 июня 2020 г. Совету ФПА РФ даже пришлось принять Заявление относительно поведения адвокатов, которые активно выступают в СМИ¹. В связи с этим М. Н. Толчеев заметил, что «высказывания некоторых адвокатов в связи с резонансными расследованиями зачастую в гораздо большей степени подчиняются требованиям пиара, нежели правилам адвокатской этики». Член Совета ФПА РФ, вице-президент ФПА РФ Г. К. Шаров также указал на то, что «некоторые коллеги позволяют себе поведение, несовместимое с правилами профессии»².

Упомянутое Заявление в тезисной форме излагает существующие нормы КПЭА, Рекомендаций и Правил. Важность его состоит в том, что Совет ФПА РФ фактически напоминает адвокатам об их долге следовать этическим правилам, реагируя на происходящее, и выражает обеспокоенность не характерным для членов профессионального сообщества поведением. Совет отмечает, что многочисленные интервью, комментарии и рекомендации по осуществлению защиты, данные адвокатами для СМИ, причем как участвующими, так и не участвующими в деле о ДТП с М. О. Ефремовым, а также участие в телевизионных шоу и на радио не может признаваться адвокатским сообществом допустимым поведением адвоката. Такое поведение может способствовать формированию у общественности неправильного представления об институте адвокатуры, который между тем является независимым институтом гражданского общества и составной частью отправления правосудия.

Здесь важно отметить, что требования и правила об этической составляющей деятельности адвоката являются универсальными и императивными. Ввиду этого адвокат не имеет права отступать от них ни по собственной инициативе, ни отвечая на подобные действия других лиц, равно как и по любым иным причинам.

Последним на сегодняшний день этапом развития регулирования этической стороны адвокатской деятельности стало внесение поправок в КПЭА. Явившиеся результатом трудов рабочей группы, поправки стали предметом рассмотрения

¹ Заявление Совета Федеральной палаты адвокатов РФ относительно поведения адвокатов, которые активно выступают в средствах массовой информации в связи с ДТП со смертельным исходом с участием автомобиля под управлением Михаила Ефремова от 23.07.2020 // Эл. репрс. URL: <https://fparf.ru/documents/fpa-rf/the-documents-of-the-council/statement-of-the-board-of-the-federal-chamber-of-lawyers-of-the-russian-federation/> (дата обращения: 26.04.2021).

² См. Неэтичное поведение, нарушение адвокатской тайны и самореклама недопустимы. Новость на сайте ФПА РФ от 23.07.2020 // Эл. репрс. URL: <https://fparf.ru/news/fpa/oskorbittelnoe-povedenie-narusenie-advokatskoy-tayny-i-samoreklama-nedopustimy/> (дата обращения: 26.04.2021).

на X Всероссийском съезде адвокатов, который состоялся 15 апреля 2021 года. По результатам голосования все предлагаемые изменения в КПЭА были утверждены большинством голосов делегатов¹.

Так, поправками предусмотрено, что действие КПЭА распространяется в том числе и на тех адвокатов, чей статус приостановлен. Таким образом, правила предоставления комментариев в СМИ теперь распространяются на всех адвокатов вне зависимости от приостановки статуса. Это сделано постольку, поскольку, приостанавливая действие статуса адвокат адвокатом быть не перестает, а соответственно, «(для него) сохраняется эта (по КПЭА — прим. авт.) ответственность», — пояснила в комментарии для Адвокатской газеты вице-президент ФПА РФ и вице-президент АП Московской области С. И. Володина².

Также изменения затронули ст. 9 КПЭА, в которой в п. 6 поправками внесено нововведение — полномочие для руководства палат по направлению адвокатам предостережения о недопустимости действий в свете нарушения требований КПЭА. Данное право введено для предупреждения неэтичной деятельности адвокатов и предотвращения нанесения ущерба сообществу, что, представляется, позволит существенно снизить долю нарушений требований этики во взаимоотношениях адвокатов со СМИ. Мы считаем, что подобный инструмент является гуманным и в полной мере олицетворяет корпоративность адвокатского сообщества.

Дополнительно новыми поправками закрепляется в ст. 15 КПЭА запрет для адвокатов давать публичные комментарии по уголовным делам, в которых они не участвуют, равно как и запрет давать оценку действиям участвующих в этих делах адвокатов или действиям самих подозреваемых или обвиняемых по таким делам лиц. Как справедливо отметила С. И. Володина, такого рода комментарии неприемлемы, ввиду неосведомленности комментирующего адвоката о настоящих целях и намерениях защитников и их доверителей по делу, а также поскольку такое поведение «претит традициям адвокатуры». Тем более, по словам С. И. Володиной, адвокатам не следует говорить о виновности или о необходимости привлечения к ответственности подозреваемых или обвиняемых, так как это «не свойственно природе адвоката» и «каждый имеет право на защиту».

В заключение мы хотели бы выразить надежду на то, что количество нарушений профессиональной адвокатской этики адвокатами будет снижаться ввиду постоянного развития внутреннего регулирования и расширения обучающих курсов для адвокатов и стажеров. Представляется, что благодаря комплексному воздействию этих двух упомянутых элементов, а также дисциплинарной практики палат, удастся донести до адвокатов, которые прежде не считались с КПЭА, всю важность этического регулирования для адвокатуры и, как следствие, для общества России.

¹ См. Поправки приняты. Новость на сайте ФПА РФ от 15.04.2021 // Эл. реурс. URL: <https://fparf.ru/news/fpa/popravki-prinyaty/> (дата обращения: 26.04.2021), Решения X Съезда. Новость на сайте ФПА РФ от 15.04.2021 // Эл. реурс. URL: <https://fparf.ru/news/fpa/resheniya-kh-sezda/> (дата обращения: 26.04.2021).

² Совет ФПА одобрил проект поправок в Кодекс профессиональной этики адвоката. Новость от 30.03.2021 // URL: <https://www.advgazeta.ru/novosti/sovets-fpa-odobril-proekt-popravok-v-kodeks-professionalnoy-etiki-advokata/> (дата обращения: 26.04.2021).

НОВЫЕ ЗАДАЧИ ЮРИДИЧЕСКОЙ НАУКИ О НОТАРИАТЕ В СВЕТЕ РЕФОРМЫ РОССИЙСКОГО ПРАВА

Арзумян Д. А.,

консультант нотариуса города Москвы

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ АДВОКАТА И НОТАРИУСА В РАМКАХ ПРАВОЗАЩИТНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ: ОРГАНИЗАЦИОННЫЕ И ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ

Важным вопросом взаимодействия адвоката и нотариуса являются оказание квалифицированной юридической помощи лицам, находящимся под стражей (а также лиц, отбывающих наказание в следственном изоляторе).

6 августа 2018 года было заключено Соглашение о взаимодействии между Управлением Федеральной службы исполнения наказаний по г. Москве и Московской городской нотариальной палатой (далее — Соглашение). Основное место в Соглашении занял вопрос совершения нотариусами нотариальных действий в следственных изоляторах города Москвы. В 2019 — заключено аналогичное с Магаданской областной нотариальной палатой; Ивановская областная нотариальная палата; Приморская краевая нотариальная палата.

Законом предусмотрено право нотариуса совершать нотариальные действия в любом из следственных изоляторов Москвы. Нотариус вправе совершить нотариальное действие по заявлению лица, находящегося под стражей, либо его представителя (адвоката).

Организация свидания нотариуса с заявителем требует соблюдения определенной процедуры. Оно возможно лишь с санкции уполномоченного органа (суда, в производстве которого находится дело либо дознавателя/следователя).

Соглашение устанавливает график посещения нотариусами следственных изоляторов — еженедельно по вторникам (за исключением праздничных дней).

При поступлении заявления с просьбой о совершении нотариального действия от заявителя, нотариус направляет ответственному должностному лицу отдела специального учета следственного изолятора сообщение об организации свидания. Также в сообщении указывается обязанность проверки наличия волеизъявления лица на свидание с нотариусом, в случае подтверждения которого уполномоченный орган назначает предполагаемую дату и время для совершения нотариального действия.

Документ регулирует случаи отказа в совершении нотариусом нотариального действия:

- при отсутствии у лица, содержащегося под стражей, документа, удостоверяющего личность;
- непредставление официального разрешения уполномоченного органа на организацию свидания (в случаях, если ее необходимость предусмотрена законом);
- непредставление нотариусу документов и сведений, необходимых для совершения нотариального действия;
- при наличии у лица, содержащегося под стражей заболевания, опасного для жизни или здоровья нотариуса.

Нотариус обязан иметь при себе документ, подтверждающий его полномочия (нотариально заверенная копия) и документ, удостоверяющий личность. Времен-

но исполняющий обязанности нотариуса предъявляет также приказ территориального органа Министерства юстиции о наделении такого лица полномочиями.

Ответственное должностное лицо следственного изолятора сопровождает нотариуса, содействует в получении документа, удостоверяющего личность лица, содержащегося под стражей, а также обеспечивает личную безопасность нотариуса.

Особые требования предъявляются к помещению, в котором будет совершено нотариальное действие. Оно должно находиться вне пределов слышимости третьих лиц, а также не может содержать технические средства, которые позволят установить содержание нотариального действия и нарушения тайны его совершения.

Функция адвоката на стадии обращения за нотариальным действием должна быть обусловлена желанием дополнительной защитой своего доверителя в случае возникновения дела в суде.

Адвокат, выступая лицом, представляющим интересы своего доверителя, вправе обратиться самостоятельно либо совместно с ним к нотариусу.

В соответствии с последней редакцией статьи 163 Гражданского кодекса Российской Федерации нотариус проверяет законность и юридическую чистоту сделок и дает свои профессиональные гарантии. Если нотариус уже удостоверил сделку, то презюмируется, что она является законной.

Также нотариус обеспечивает достоверность государственных реестров. В случае, если мы говорим о Едином государственном реестре юридических лиц (далее — ЕГРЮЛ), либо о Едином государственном реестре недвижимости (далее — ЕГРН), то их условно можно назвать достоверными, поскольку зачастую возникают споры в отношении содержания сведений в указанных реестрах. Те данные, которые основаны на внесенных нотариусами сведениях, являются априори достоверными, нежели те, которые внесены на основании документов в простой письменной форме.

В последнее время законодателем было проведено значительное количество изменений, касающихся деятельности нотариата и тех сфер, где он функционирует.

С 1 января 2018 года осуществлен полный переход на регистрацию всех нотариальных действий в электронном виде. Это позволяет обеспечить проверку необходимых сведений и предотвратить какие-либо попытки мошенничества, связанными с нотариальными документами. Соответствующие изменения были внесены в нотариальное делопроизводство. Приказ Министерства юстиции от 17 июня 2014 года № 129 ввел практику «электронного нотариата», под которым понимается регистрация всех действий, совершенных нотариусом в Единой информационной системе нотариата (далее — ЕИС).

После совершения нотариального действия, нотариус незамедлительно регистрирует его в данной системе.

Сведения должны быть подписаны усиленной квалифицированной подписью нотариуса.

В случае, если по техническим причинам не представляется возможным произвести регистрацию, нотариус вносит сведения после устранения причин, препятствующих выполнению обязанности. Если регистрация нотариального действия невозможна по объективным причинам в течение 3 дней, нотариус обязан известить нотариальную палату субъекта о возникшей проблеме.

Несвоевременная регистрация нотариального действия в ЕИС может повлечь за собой нарушение прав и законных интересов лиц. Так, например, не внесение сведений об отмене доверенности может привести к необратимым последствиям для доверителя.

Нотариусы подключены к системе межведомственного электронного взаимодействия, они могут истребовать сведения из всех государственных электронных реестров, находящихся в ведомстве Федеральной государственной службы регистрации, кадастра и картографии Российской Федерации (Росреестр), Федеральной налоговой службы Российской Федерации, Министерства внутренних дел Российской Федерации, кредитных организаций. Данное право предоставило нотариусам доступ к данным реестрам и бесперебойный канал связи с указанными ведомствами, обеспечивая возможность создания и передачи электронных документов.

Особое место занимает вопрос нотариально заверенной доверенности для представления адвокатом интересов своего доверителя в суде. Сведения о доверенностях, удостоверенных нотариусом, заносятся в ЕИС и в силу статьи 34.2 Основ законодательства о нотариате являются ее составной частью. В соответствии с упомянутым приказом Министерства юстиции № 129, после совершения нотариального действия, нотариус незамедлительно регистрирует его в реестре.

1 января 2017 года приобрел публичный статус реестр доверенностей. Теперь с момента публикации в нем сведений об отмене доверенности, все заинтересованные лица считаются уведомленными о том, что документ отменен доверителем и не имеет юридической силы.

Основополагающими принципами деятельности нотариуса являются независимость и беспристрастность. Под независимостью следует понимать недопустимость какого-либо вмешательства со стороны органов и лиц в нотариальную деятельность. Беспристрастность в юридической литературе сводится к тому, что нотариус, совершая нотариальное действие, не должен давать предпочтение, либо наоборот — умалять, права и законные интересы обратившихся к нему заявителей.

Одним из условий реализации защиты прав и законных интересов граждан и юридических лиц является обеспечение сохранности сведений, которые стали известны нотариусу в рамках совершения нотариального действия. Указом Президента РФ от 6 марта 1997 года № 188 нотариальная тайна, как и адвокатская, включены в список сведений, доступ к которым ограничен.

Следует отметить, что Основы законодательства о нотариате содержат несколько правовых норм, регулирующих соблюдение режима нотариальной тайны. Согласно статье 14 Основ законодательства о нотариате, нотариус при назначении обязан принести присягу, содержащую обязанность сохранять профессиональную тайну в рамках совершения нотариальной деятельности. Данная обязанность относится не только к нотариусу, но и к лицу его замещающему, а также к сотрудникам нотариальной конторы.

Законодателем не закреплен перечень сведений, которые нотариус обязан не разглашать. Данный пробел пытаются восполнить представители юридической науки.

На мой взгляд, в содержание **нотариальной тайны** следует относить как любые сведения, которые были сообщены нотариусу или лицу, работающему в нотариальной конторе, в рамках совершения нотариального действия, так и факт обращения лица.

Одна из актуальных проблем сохранения нотариальной тайны и предоставления сведений уполномоченным лицам, является электронный документооборот. С развитием информационных технологий, особое место занимает обеспечение безопасности межведомственного взаимодействия нотариуса с иными органами, в том числе с адвокатурой. Следует отметить, что на законодательном уровне отсутствуют нормы по охране и защите конфиденциальной информации, являющейся предметом нотариальной тайны.